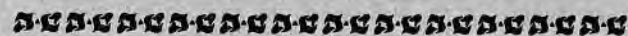

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ЭПОХА
АНГЛИЙСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

МОСКВА МИНСК
АСТ ХАРВЕСТ
2001

УДК 940.2(03)
ББК 63.3(0)51
В 84

Авторы:

*А. Н. Бадах, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек, О. А. Воротникова,
А. Глобус, А. С. Кишкин, Е. Ф. Конев, П. В. Кочеткова,
В. Е. Кудряшов, Д. М. Незай, А. А. Островцов,
Т. И. Ревяко, Г. И. Рябцев, Н. В. Трус, А. И. Трушко,
С. А. Харевский, М. Шайбах*

Редакционная коллегия:

*И. А. Алябьева, Т. Р. Джум, С. М. Зайцев,
В. Н. Цветков, Е. В. Шияш*

*Охраняется законом об авторском праве. Воспроиз-
ведение всей книги или любой ее части запрещается без
письменного разрешения издателя. Любые попытки
нарушения закона будут преследоваться в судебном
порядке.*

В 84 Всемирная история: Эпоха английской револю-
ции / А. Н. Бадах, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек
и др. — М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2001. — 560 с.,
[8] л. ил.: ил.

ISBN 5-17-010690-4.

Период становления буржуазных отношений, появление пер-
вых буржуазных государств, столкновение нового и старого спо-
собов производства рассматриваются в этом томе Всемирной
истории.

УДК 940.2(03)
ББК 63.3(0)51

ISBN 5-17-010690-4 (АСТ)
ISBN 985-13-0540-5 (т. 13) (Харвест)
ISBN 985-13-0296-1

© Оформление.
Харвест, 2000

ЧАСТЬ I

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1640 - 1660 г.г.

ГЛАВА 1

АНГЛИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ

Английская революция XVII в. возвестила о зарождении нового общественного строя, который нанес огромный удар по старым порядкам в стране. Кроме того, она явилась первой буржуазной революцией, которая имела общеевропейское значение. Принципы, которые она провозгласила, отвечали не только потребностям Англии, но и потребностям всей тогдашней Европы, историческое развитие которой вело к утверждению буржуазных порядков.

Другими словами, победа Английской революции явилась победой буржуазной собственности над феодальной, она ознаменовала собой изменения во всех областях человеческой деятельности, вела к развитию просвещения и устранения средневековых пережитков.

Имея много общих черт с другими буржуазными революциями, Английская революция XVII в. вместе с тем отличалась своими специфическими особенностями. В первую очередь они касались расстановки сил различных слоев населения, принимавших в ней участие. Эта расстановка в свою очередь определила конечные социально-экономические и политические результаты революции.

Лондон.
Гравюры второй половины XVII в.

Капиталистическое производство большими темпами развивалось в Англии уже с XVI в. Расположенная на острове в Атлантическом океане, она оказалась в центре мировых торговых путей.

И все же главную роль в экономическом развитии страны сыграли обстоятельства ее внутренней жизни.

Новые технические изобретения и усовершенствования, а главное — новые формы организации промышленного труда, которые были рассчитаны на массовое производство товаров, свидетельствовали о том, что английская промышленность постепенно перестраивалась на капиталистический лад.

Большое значение для развития горнодобывающей промышленности имело применение воздушных насосов для откачки воды из шахт. Необходимо отметить, что за столетие, то есть с 1551 по 1651 г., добыча угля в Англии увеличилась в 14 раз и достигла 3 млн. тонн в год.

Уже к середине XVII в. в стране производилось $\frac{4}{5}$ всего добывавшегося в то время в Европе каменного угля. Уголь использовался не только в бытовых нуждах, как, например, отопление домов и прочее, но также начал применяться уже и для промышленных целей. Примерно за те же 100 лет количество добываемой железной руды возросло в три раза, а добыча меди, олова, свинца и соли увеличилась в 6—8 раз.

В это время были усовершенствованы меха для дутья, которые теперь во многих местах в движение приводились силой воды. Это способствовало дальнейшему развитию железоплавильного дела. Необходимо отметить, что уже в начале XVII в. в стране плавилы железо 800 печей, которые в среднем производили по 3—4 тонны металла в неделю. Особенно много таких печей было построено в Кенте, Сессексе, Серри, Стаффордшире, Ноттингемшире, а также в некоторых других графствах.

Больших успехов добилась Англия в производстве гончарных и металлических изделий, а также в кораблестроении.

Быстрыми темпами развивалось сукноделие. Эта отрасль промышленности была широко распространена в Англии и раньше — на протяжении многих веков. Однако в начале XVII в. обработка шерсти

имела особенно большое значение и охватила всю Англию.

Так, например, венецианский посол сообщал: «Выделкой сукна занимаются здесь по всему королевству, в небольших городах и в крохотных деревнях и хуторах».

Главными центрами сукноделия являлись: на Западе — графства Сомерсетшир, Уилтшир, Глостершир, на Востоке — графство Норфолк с городом Норич, на Севере — Лидс и другие йоркширские «суконные города». Для этих центров была характерна специализация в производстве определенных сор-

Выжигание угля.
Рисунок середины XVII в.

тов сукон. Так, восточные графства специализировались главным образом на производстве тонких камвольных сукон, западные выделывали тонкие некрашенные сукна, северные — грубошерстные сорта и т. д.

Номенклатура одних только главных видов шерстяных изделий в первой половине XVII в. насчитывала около двух десятков названий.

Необходимо отметить, что уже в середине XVI в. вывоз сукна составлял 80 % всего английского экспорта. В 1614 г. вывоз необработанной шерсти был окончательно запрещен. Благодаря этому, Англия

из страны, которая вывозила шерсть (а именно такой она была в средние века) превратилась в страну, которая поставляла на внешний рынок готовые шерстяные изделия.

Наряду с развитием старых отраслей промышленности в Англии было основано много мануфактур в новых отраслях производства — шелковой, хлопчатобумажной, стекольной, писчебумажной, мыловаренной и др.

Немалых успехов в XVII в. достигла и торговля. Уже в XVI в. в стране начал складываться национальный рынок. Все больше теряло значение иностранное купечество, которое раньше держало в своих руках почти всю внешнюю торговлю страны. В 1598 г. был закрыт ганзейский «Стальной двор» в Лондоне.

Английские купцы все чаще начали проникать на иностранные рынки, при этом с успехом оттесняя своих конкурентов. Так, например, на северо-западном побережье Европы широкой известностью пользовалась старая, основанная еще в XIV в., компания «купцов-авантюристов».

Следом одна за другой возникали новые компании — Московская (1555 г.), Марокканская (1585 г.), Восточная (на Балтийском море, 1579 г.), Левантская (1581 г.), Африканская (1588 г.), Ост-Индская (1600 г.) и др. Они быстро распространили свое влияние от Балтики до Вост-Индии на Западе и до Китая — на Востоке.

Являясь конкурентами голландцев, английские купцы в первой трети XVII в. основали фактории в Индии — в Сурате, Бенгалии, Мадрасе. В то же время английские поселения стали появляться и в Америке на о. Барбадос, в Виргинии и в Гвиане.

Внешняя торговля, конечно же, приносила огромные прибыли и привлекала значительную долю наличных капиталов. В начале XVII в. компания «купцов-авантюристов» насчитывала в своих рядах более 3500 человек. В Ост-Индской компании в 1617 г. было занято 9514 пайщиков с капиталом в 1629 тыс. ф. ст. Ко времени революции оборот английской внешней торговли по сравнению с началом XVII в. увеличился в два раза. Сумма пошлин поднялась более чем втрое и в 1637 г. достигла 623 964 ф. ст.

Быстрое развитие внешней торговли способство-

вало ускорению процесса капиталистического переустройства промышленности. На место прежней феодальной, или цеховой организации промышленности, пришла капиталистическая мануфактура (от латинских «манус» — рука и «факерс» — делать, производить).

В дореволюционной Англии насчитывалось большое количество различных предприятий, в которых под одной крышей работали сотни наемных рабочих. В качестве примера таких централизованных мануфактур можно привести медеплавильни города Кесвика. В общей сложности на них было занято около 4 тыс. рабочих.

Довольно крупные мануфактурные предприятия имели суконная, оружейная, кораблестроительная, горнодобывающая, а также другие отрасли промышленности.

Одной из самых хорошо известных централизованных мануфактур того времени была мануфактура Джека из Ньюбери, о которой рассказал в своей балладе Томас Делон. Вот как поэт описывал ее:

В одном просторном и длинном сарае
200 ткацких станков в ряд стоят,
И 200 ткачей, о боже, прости,
Трудятся здесь от зари до зари.
Возле каждого из них мальчик сидит,
Челноки готовит молча — мастер сердит...
В соседнем сарае вслед за ним
100 чесальщиц шерсти в душевой пыли расчесывают шерсть.

В другом помещении — идемте туда —
200 работниц — деги труда,
Не зная устали, шерсть прядут
И грустную песню поют.
И рядом с ними на грязном полу
100 бедных детей
За пенни в день шерсть шипают,
Грубую от тонкой отделяют.

В этой же балладе еще упоминаются 20 валяльчиков, 40 красильщиков, 50 стригалей, 80 декатировщиков.

И все же самой распространенной формой капиталистической промышленности в первой половине XVII в. в Англии была не централизованная, а рассеянная мануфактура. В этом случае капиталист-хозяин не строил производственные помещения, не

приобретал для них необходимое оборудование. Он ограничивался только покупкой сырья.

В качестве примера можно привести суконщика Томаса Рейнольдса из Колчестера. Он снабжал на дому 400 прядильщиц, 52 ткача и 33 ремесленников других специальностей.

Встречая сопротивление своей предпринимательской деятельности в старинных городах, в которых еще господствовала цеховая система, богатые суконщики устремлялись в прилегающую деревенскую округу, где беднейшее крестьянство в изобилии предоставляло наемных домашних рабочих.

Так, например, сохранились сведения об одном суконщике в Гемпшире, на которого работали рабочие на дому в 80 приходах.

Другой источник сообщает нам о том, что в Сеффолке 5 тыс. ремесленников и рабочих работали на 80 суконщиков.

Большую роль в распространении мануфактуры сыграли огораживания и захват крестьянских земель лендлордами. Многие английские дворяне превращали свои поместья в пастбища. Они захватывали обширные пастбища, стогнали крестьян с наделов, при этом иногда сносились крестьянские дома и даже целые деревни. Захваченные земли дворяне огораживали частоколом, окапывали канавами или обсаживали частоколом. Затем эти земли за высокую плату сдавались в аренду крупным фермерам-овцеводам. Впрочем, нередко были случаи, когда дворяне сами разводили на них большие стада овец.

Один из современников так писал об этом: «...где в прежние времена кормилось много христиан, теперь вы не найдете ничего, кроме диких зверей; и там, где было много домов и церквей, теперь вы не найдете ничего, кроме загонов для овец и овчарни на погибель людям».

Обезземеленные крестьяне в промышленных графствах как правило становились рабочими рассеянной мануфактуры.

Кроме того, и в городах, в которых еще существовали средневековые цеховые корпорации, происходил процесс подчинения труда капиталу. Свидетельством этому было социальное расслоение как внутри цеха, так и между отдельными цехами. Из среды

членов ремесленных корпораций начали выделяться богатые, так называемые ливрейные мастера. Сами производством они не занимались, а брали на себя роль капиталистических посредников между цехом и рынком, при этом низводя рядовых членов цеха до положения домашних рабочих.

Такие капиталистические посредники, например, существовали в лондонских корпорациях суконщиков и кожевников.

Вместе с тем, с другой стороны, отдельные цехи, которые обычно занимались конечными операциями, подчиняли себе ряд других цехов, работавших в смежных отраслях ремесла. При этом из ремесленных корпораций они превращались в купеческие гильдии. Одновременно все больше увеличивается расстояние между мастерами и подмастерьями. Последние со временем окончательно превратились в «вечных подмастерьев».

Несмотря на довольно ощутимые успехи промышленности и торговли, они не могли развиваться в полную меру, так как их развитие тормозилось господствующим феодальным строем. Ведь еще и к середине XVII в. Англия в основном оставалась аграрной страной, в которой преобладание деревни над городом, земледелия над промышленностью было огромным. Мало того, даже в конце XVII в. из 5,5 млн. населения страны 4,1 млн. жило в деревнях.

Самым крупным городом, который резко выделялся среди других городов концентрацией населения, был Лондон. В это время он превратился в международный центр торговли и кредита. Быстро росло население города. Накануне революции в нем проживало около 200 тыс. человек. Другие города в этом смысле не шли с ним ни в какое сравнение. Так, например, население Бристоля составляло всего 29 тыс., в Нориче проживало 24 тыс., в Йорке — 10 тыс., Экзетере — также 10 тыс.

По берегам реки Темзы был построен порт с большим количеством пристаней. Еще в 1571 г. в Лондоне открылась торговая биржа. С этого времени начало расти значение лондонского Сити — центральной части города, в которой были расположены крупные торговые предприятия и банковские конторы.

Однако хотя экономическое развитие Англии про-

ходило быстрыми темпами, в первой половине XVII в. страна все же еще значительно уступала в отношении промышленности, судоходства и торговли Голландии. Многие отрасли английской промышленности — как, например, производство шелка, хлопчатобумажных тканей, кружев и т. д. — еще были малоразвиты. Другие же — кожевенная, металлообрабатывающая промышленность — продолжали оставаться в рамках средневекового ремесла. Его производство главным образом было рассчитано на местный рынок.

Это же в полной мере касается и транспорта, который внутри страны носил средневековый характер. В некоторых местах — особенно на Севере — из-за плохих дорог товары можно было перевозить только на вьючных животных. Это приводило к тому, что нередко провоз товара обходился дороже его стоимости. Тоннаж английского торгового флота был ничтожен, особенно если сравнить его с голландским. Отметим, что еще в 1600 г. одна треть товаров в английской внешней торговле доставлялась к месту назначения на иностранных кораблях.

АНГЛИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Характерной особенностью социально-экономического развития Англии в конце средних веков и в начале нового времени было то, что буржуазное развитие этой страны не ограничивалось только развитием промышленности и торговли.

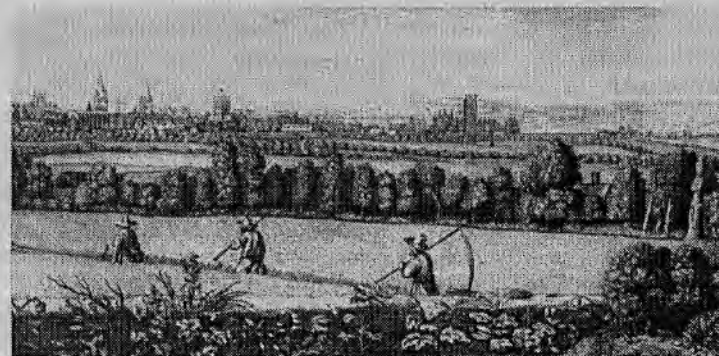
Необходимо отметить, что в это время сельское хозяйство не только не отставало от промышленности, но по многим параметрам даже опережало ее.

Ломка старых феодальных производственных отношений в земледелии была одним из самых ярких проявлений революционизирующей роли капиталистического способа производства. Самым тесным образом связанная с рынком, английская деревня являлась рассадником не только нового капиталистического земледелия, но и новой капиталистической промышленности. Капиталистическое земледелие намного раньше, чем промышленность, стало выгодным объектом приложения капитала. Именно в

английской деревне особенно быстрыми темпами происходило первоначальное накопление.

Процесс отделения работника от средств производства, который предшествовал капитализму, в Англии начался раньше, чем в других странах. Мало того, именно здесь он приобрел свою классическую форму.

В XVI — начале XVII в. глубокие перемены коснулись самих основ экономического быта английской деревни. Производительные силы в земледелии, как и в промышленности, к началу XVII в. заметно выросли. Об этом красноречиво говорили осушение болот и мелиорация, внедрение травопольной системы, посев корнеплодов, удобрение почвы мергелем

Поля в окрестностях Оксфорда.
Гравюра XVII в.

и морским илом, а также применение усовершенствованных сельскохозяйственных орудий — сеялок, плугов и т. п. Об этом же свидетельствует и тот факт, что в предреволюционной Англии получила очень широкое распространение агрономическая литература.

Так, например, в течение первой половины XVII в. в стране было издано около 40 агрономических трактатов, которые пропагандировали новые, рациональные методы земледелия.

Сельское хозяйство приносило высокие доходы, и это привлекало в деревню много богатых людей, которые стремились стать владельцами поместий и ферм.

Для лендлорда экономически выгоднее было иметь дело с арендатором, лишенным каких-либо прав на землю, чем с традиционными держателями-крестьянами, платившими сравнительно низкие ренты, которые нельзя было повысить до передачи держания наследнику, не нарушив при этом старинный обычай.

Рента краткосрочных арендаторов (лизгольдеров), которая была подвижной и зависящей от условий рынка, во многих поместьях начала превращаться в основную статью манориальных доходов.

Так, например, в трех манорах Глостершира к началу XVII в. вся земля уже находилась в пользовании лизгольдеров. В 17 других манорах того же графства лизгольдеры лендлордам уплачивали почти половину всех феодальных налогов.

В графствах, которые прилегали к Лондону, удельный вес капиталистической аренды был еще более высоким.

Средневековая форма крестьянского земледелия — копигольд — все более вытеснялась лизгольдом. Мелкие и средние дворяне в своих манорах все чаще переходили к капиталистическим методам ведения хозяйства. Таким образом, мелкое крестьянское хозяйство освобождало место крупному, капиталистическому.

Тем не менее, хотя в сельское хозяйство и широко внедрялись капиталистические отношения, в английской предреволюционной деревне основными классами продолжали оставаться — с одной стороны — традиционные держатели-крестьяне и — с другой стороны — феодальные землевладельцы — лендлорды.

И те, и другие вели между собой ожесточенную, то скрытую, то открытую, но никогда не прекращающуюся борьбу за землю. Уже с конца XV в. лорды, пытаясь использовать выгодную конъюнктуру для повышения доходности своих поместий, начали поход против крестьян-держателей и их общинной, наделной системы хозяйства. Для манориальных лордов традиционные держатели стали главной преградой на пути к новым формам хозяйственного использования земли. Для предприимчивых английских дворян первостепенной задачей стало согнать крестьян с земли.

Для достижения этой цели использовались два

пути. Первый путь заключался в огораживании и захвате крестьянских земель и общинных угодий — лесов, болот, пастбищ. Второй — во всемерном повышении земельной ренты.

Накануне революции огораживания полностью или частично были произведены в Эссексе, Норфолке, Кенте, Сеффолке, Нортгемптоншире, Лестершире, Вустершире, Гертфордшире, а также в некоторых других центральных, восточных и юго-восточных графствах.

Наибольшими темпами и в большом количестве огораживания производились в Восточной Англии. Причиной этого явилось осушение там десятков тысяч акров болот. На дренажные работы, которые производились специально организованной для этой цели компанией, были затрачены очень крупные средства.

На Западе в связи с превращением заповедных королевских лесов в частновладельческие парки огораживание сопровождалось уничтожением общинных сервитутов крестьян (прав пользования угодьями). Как свидетельствовали расследования правительства, 40 % всей площади, огороженной за период с 1557 по 1607 г., приходилось на последние десять лет этого периода.

В первой половине XVII в. огораживания проводились большими темпами. Кроме того, эти десятилетия стали также периодом невиданного роста земельной ренты. Так, акр земли, который в конце XVI в. сдавался меньше чем за 1 шилл., теперь стал сдаваться за 5—6 шилл. В Норфолке и Сеффолке плата за аренду пахотной земли с конца XVI до середины XVII в. возросла в несколько раз.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА

Разные группы крестьянства выражали разные интересы. Еще в средние века английское крестьянство в правовом отношении распалось на две основные категории: фригольдеров и копигольдеров.

В XVII в. земельные владения фригольдеров по своему характеру уже приближались к буржуазной собственности. В то же самое время копигольдеры

являлись держателями земли на феодальном обычном праве, которое открывало много лазеек для вымогательства и произвола манориальных лордов.

Писатель-публицист второй половины XVI в. Гаррисон считал копигольдеров «наибольшей частью (населения), на которой зиждется благополучие всей Англии». В начале XVII в. в Средней Англии приблизительно 60 % держателей являлись копигольдерами. Мало того, даже в Восточной Англии, которая отличалась очень большим количеством фригольдерского населения, копигольдеры составляли от одной трети до половины держателей. Если же говорить о северных и западных графствах, то там копигольдеры имели очень большой процент населения.

Копигольдеры, которые являлись основной массой английского крестьянства — йоменри, были бессильны перед волей лорда. Прежде всего владельческие права копигольдеров были недостаточно обеспечены. Наследственными держателями являлась лишь небольшая часть копигольдеров. Большинство же из них держало землю 21 год. От лорда зависело, получит сын отцовский надел или по истечении срока держания будет лишен права на землю.

Мало того, хотя ренты копигольдеров считались «неизменными», в действительности их размер лордами постоянно повышался при каждой новой сдаче надела. При этом самым опасным оружием в руках лордов были допускные платежи — файны, которые взимались при переходе держания по наследству или в другие руки. Поскольку их размер чаще всего зависел от воли лорда, то, решив выжить какого-нибудь держателя, лорд начинал требовать от него непосильного платежа за допуск. В результате этого держатель фактически оказывался согнанным со своего участка.

С середины XVI до середины XVII в. нередки были случаи, когда файны увеличивались в десятки раз. Вынужденные отказываться от своих держаний, копигольдеры становились лизгольдерами, краткосрочными арендаторами клочков земли «на воле лорда», или издольщиками, которые обрабатывали чужую землю за часть урожая.

Кроме ренты, существовали и другие денежные платежи, которые лорды взимали с копигольдеров.

Так, например, был посмертный побор — гериот, мельничные и рыночные пошлины, плата за пользование лесом, за пастбище. В некоторых местах сохранились повинности и натуральные оброки.

Право распоряжения своим наделом у копигольдеров было ограниченным. Так, например, они не могли его ни сдать в аренду, ни заложить, ни продать без ведома лорда. Мало того, без согласия лорда им запрещалось даже спилить дерево на своей усадьбе. Кстати, чтобы получить такое согласие, нужно было опять-таки заплатить определенную сумму.

За свои проступки копигольдеры отвечали перед манориальным судом.

Таким образом, копигольд являлся наиболее бесправной и ограниченной формой крестьянского держания.

Что касается имущественного отношения среди копигольдеров, необходимо отметить: рядом с прослойкой более или менее зажиточных копигольдеров была большая масса средних, а также мелких крестьян, которые с трудом содержали свое хозяйство и едва сводили концы с концами.

Дифференциация среди фригольдеров имела еще более резкий характер. Если крупные фригольдеры во многом были близки с сельским джентльменам-дворянам, то мелкие фригольдеры, наоборот, имели много общего с копигольдерами, они боролись за сохранение крестьянской наделной системы, за ограничение или уничтожение прав лордов на крестьянскую землю, за пользование общинными угодьями и т. д.

Необходимо также заметить, что, помимо фригольдеров и копигольдеров, в английской деревне было немало количество безземельного населения, коттеров, которые использовались в качестве батраков и поденщиков, мануфактурных рабочих.

По мнению современников, в конце XVII в. коттеры составляли 400 тыс. человек. Эти сельские жители испытывали на себе как феодальный, так и капиталистический гнет. Не зря во время восстаний в их среде популярными были самые крайние лозунги типа «Как было бы хорошо перебить всех джентльменов и вообще уничтожить всех богатых людей...» или «Дела наши не поправятся до тех пор, пока не будут перебиты все джентльмены».

Как всегда в подобных случаях, весь этот обездоленный люд — частью попросту нищие, бездомные бродяги, — затравленные нуждой и темнотой, в первую очередь отзывались на всякого рода мятежи и восстания, главную свою задачу видя в завладении богатствами более предприимчивых граждан.

НОВОЕ ДВОРЯНСТВО

Из этих характерных особенностей экономического развития предреволюционной Англии вытекало и своеобразие социальной структуры английского общества, которое определило расстановку борющихся сил в революции.

Необходимо отметить, что английское общество, как и современное ему французское, делилось на несколько сословий. В своем «Описании Англии» (1577 г.) Уильям Гаррисон социальную структуру современного ему общества разделил следующим образом. «Мы в Англии, — писал он, — обычно подразделяем людей на четыре сорта».

Первый сорт — это джентльмены: титулованная знать, рыцари, эсквайры, а также те, кого именуют просто джентльменами. Второй — это бюргеры: члены городских корпораций, домовладельцы, плательщики налогов. Третий — йомены: зажиточная верхушка крестьян, владельцы земли на праве фригольда с годовым доходом в 40 шилл., а также зажиточные арендаторы. И, наконец, четвертый сорт — это поденщики, коттеры, копигольдеры, ремесленники. О них Гаррисон писал, что это люди, которые не имеют «ни голоса, ни власти в государстве, ими управляют, и не им управлять другими».

Однако, в отличие от той же Франции, эти сословия в Англии не были обособленными и замкнутыми и переход от одного сословия в другое проходил довольно легко и менее болезненно.

Томас Уилсон разделял английское дворянство на два разряда: высшее и низшее. Представителями первого были титулованные роды, которые обладали наследственным правом заседать в палате лордов (пэры).

Однако, как замечал известный русский исследователь М. Барг, «родовитая знать Англии XVII века не могла похвалиться древностью своих родов. В преобладающей своей части она была новосозданной: в лучшем случае — Тюдорами, в худшем — Стюартами. В самом деле, в первом парламенте Генриха VII заседало 29 светских лордов. Чего не сделала война Роз, доделали первые два Тюдора, завершившие разгром старой мятежной знати. В парламенте 1519 г. в стране оказалось лишь 19 светских лордов. Позднее, при Елизавете I, их число было доведено до 61, а при Якове I — до 91. Более половины состава палаты лордов 1642 г. получили свои титулы после 1603 г. Представить имущественный облик пэров позволяют следующие данные: годовая стоимость владений 61 пэра-роялиста составляла 1 841 906 ф. ст., т. е. в среднем 30 тыс. ф. ст. на одного. Только 16 пэров получали доход, превышающий эту среднюю сумму, зато доход многих был намного ниже ее. Оскудение значительной части знати было результатом сохранения феодального образа жизни, включая и формы утилизации земельной собственности. В случае отсутствия королевского фавора (должностей, пенсий, дарений) это приводило к неоплатным долгам и к неминуемой распродаже значительной части земельных владений».

Круг аристократического дворянства в стране был довольно узок. Младшие сыновья пэра — титулованного лорда, — получавшие лишь звание рыцаря, не только формально переходили в состав низшего дворянства (джентри), но и по образу жизни очень часто становились дворянами-предпринимателями, близкими к буржуа.

С другой стороны, городские буржуа, которые приобретали дворянские титулы и гербы, оставались носителями нового, капиталистического способа производства.

В результате английское дворянство, оставаясь единым как сословие, было расколото на два социальных слоя, которые во время революции оказались по обе стороны баррикад.

Большое количество дворянства — в первую очередь это касалось его мелкой и средней части — к началу революции свою роль видело в помощи

ускорению капиталистического развития страны. Продолжая оставаться классом земледельческим, это дворянство в сущности было уже новым дворянством, поскольку свою земельную собственность оно нередко использовало не столько для получения феодальной ренты, сколько для извлечения капиталистической прибыли.

Перестав быть рыцарями шпаги, дворяне превратились в рыцарей наживы. Джентльмены (ими в XVII в. преимущественно назывались представители нового дворянства — джентри; более богатые джентльмены назывались сквайрами; часть их получила от короля титул рыцаря) становились удачливыми коммерсантами, которые не уступали представителям среды городского купечества.

«Благородное» звание не становилось преградой, когда, например, предприимчивый джентльмен хотел торговать шерстью или сыром, плавить металлы или варить пиво, добывать каменный уголь или селитру. Другими словами, любое дело считалось вполне оправданным и не зазорным, если оно приносило высокую прибыль.

С другой стороны, зажиточные финансисты и купцы, приобретая земли, вступали в ряды джентри.

Любопытно отметить, что уже в 1600 г. доходы английского джентри значительно превышали доходы пэров, епископов и зажиточных йоменов, вместе взятых. Именно джентри с наибольшей активностью выступало на рынке в качестве покупателей коронных земель и владений обедневшей знати.

Так, например, из общего количества земли, которая была продана в 1625—1634 гг. на сумму в 234 437 ф. ст., джентльмены и рыцари скупили больше половины. С 1561 по 1640 г. джентри увеличило свое землевладение почти на 20 %, в то время как землевладение короны за тот же период уменьшилось на 75 %, а землевладение пэров — более чем на половину.

Таким образом, экономические успехи нового дворянства явились прямым следствием его приобщения к капиталистическому развитию страны. В целом составляя часть дворянского сословия, в социальном отношении оно выделилось в особый класс, который был теснейшим образом связан с буржуазией.

Одной из главных задач новое дворянство считало задачу превращения своих все возрастающих земельных владений в свободную от феодальной зависимости собственность буржуазного типа. Однако абсолютистский режим противопоставлял чаяниям нового дворянства все более жесткую систему феодального контроля за его землевладением.

Палата по делам опеки и отчуждений, которая была учреждена при Генрихе VIII, при первых Стюартах превратилась в орудие феодального гнета. Рыцарское держание, на праве которого дворяне могли владеть землей, стало основой феодальных притязаний короны и явилось одним из источников ее налоговых доходов.

Таким образом, становится совершенно очевидным тот факт, что незадолго до революции крестьянской аграрной программе, которая заключалась в стремлении уничтожить все права лендлордов на крестьянские наделы — превратить копигольд во фригольд, противостояла аграрная программа нового дворянства, стремящегося уничтожить феодальные права короны на свои земли. Одновременно с этим джентри пыталось ликвидировать также и традиционные крестьянские права на свои земли (наследственный копигольд).

Наличие этих аграрных программ — крестьянско-плебейской и буржуазно-дворянской — явилось одной из самых важных особенностей Английской революции XVII в.

Другая часть дворянства — преимущественно знать и дворяне западных и северных графств — по своему социальному характеру и устремлению являлась как бы полной противоположностью новых дворян. По образу жизни и по источнику доходов они продолжали оставаться феодалами, получая со своих земель традиционную феодальную ренту. Их землевладение сохраняло средневековый характер.

Так, например, в начале XVII в. в маноре лорда Беркли еще собирались файны, герiotы с держателей (копигольдеров), судебные штрафы и т. д. Эти вельможи, которые испытывали немалые трудности в своем экономическом положении, так как их традиционные доходы очень отставали от их потребностей, тем не менее свысока смотрели на дворян-дельцов

и не собирались делить с ними ни свои привилегии, ни свою власть.

Для представителей этого дворянства были характерны пристрастие к столичной жизни и увлечение придворными интригами, погоня за внешним блеском. Часто их окружало огромное количество слуг и прихлебателей. И если бы они систематически не получали от короны поддержки в форме различных пенсий и sinecur, щедрых денежных подарков и земельных пожалований, то их полное разорение неминуемо наступило бы.

Об экономическом упадке феодального дворянства красноречиво говорит большая задолженность аристократии: к 1642 г., т. е. к началу гражданской войны, долги дворян, поддерживавших короля, составляли около 2 млн. ф. ст.

Старое дворянство связывало свое благополучие с абсолютной монархией, которая охраняла феодальные порядки.

Таким образом, английская буржуазия, которая поднялась против феодально-абсолютистского режима, имела против себя не все дворянское сословие в целом, а только часть дворянства. В то же время другая его часть, причем наиболее многочисленная, оказалась ее союзницей.

Это явилось еще одной важной особенностью Английской революции.

БУРЖУАЗИЯ И НИЗШИЕ СЛОИ НАСЕЛЕНИЯ

В начале XVII в. английская буржуазия по своему составу была очень неоднородна. Так, например, ее верхний слой состоял из нескольких сот наиболее денежных представителей лондонского Сити и провинции. Это были люди, которые пожинали плоды тудоровской политики покровительства отечественной промышленности и торговле. В качестве откупщиков и финансистов, обладателей королевских монополий и патентов они были тесно связаны с короной. С феодальной аристократией они были связаны как кредиторы и нередко участники привилегированных торговых компаний.

Основную массу английской буржуазии представляли торговцы средней руки и высшего слоя цеховых мастеров. Последние выступали против фискального гнета, против злоупотреблений абсолютизма и засилья придворной аристократии, хотя в то же время не могли не видеть в короне опору и стража своих средневековых корпоративных привилегий, которые давали им возможность монопольно эксплуатировать подмастерьев и учеников. Неудивительно, что представители этой части английской буржуазии вели себя как правило очень осторожно и не всегда были до конца последовательны в своих действиях.

Наиболее опасным королю слою буржуазии являлись предприниматели нецехового типа, организаторы рассеянных или централизованных мануфактур, инициаторы колониальных предприятий. Их деятельность как предпринимателей не могла развернуться на полную мощь, так как связывалась цеховым строем ремесла и политикой королевских монополий. В то же время как торговцы они были в большой степени отеснены владельцами королевских патентов от морской и внутренней торговли.

Именно эта прослойка буржуазии являлась наиболее яростным врагом феодальной регламентации ремесла и торговли.

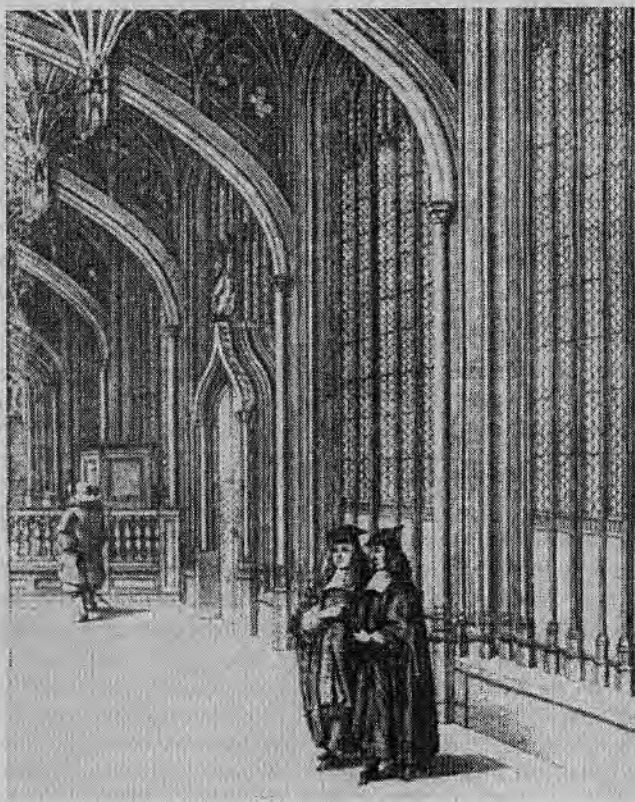
Низшие слои трудящихся — мелкие ремесленники в городе и мелкие земледельцы-крестьяне в деревне, а также довольно многочисленный слой городских и сельских наемных рабочих — представляли собой преобладающую часть населения страны. К сожалению, их интересы в то время в достаточной мере не были представлены ни в парламенте, ни в местном управлении, что и позволило им стать той решающей силой, которая ускорила созревание революционного кризиса в Англии. Опираясь на них, буржуазия и новое дворянство смогли свергнуть феодализм и абсолютизм и прийти к власти.

ПУРИТАНСТВО

Вместе с зарождением нового, капиталистического способа производства, появилась и буржуазная идеология, которая сразу же вступила в непримиримую борьбу со средневековой идеологией.

Вместе с тем, являясь одной из первых буржуазных революций, Английская революция эту новую идеологию наполнила религиозным смыслом, что явилось следствием массовых социальных движений средневековья.

Влияние религии на сознание масс в средне-

Оксфордские ученые.
Гравюра XVII в.

ковье было огромным, и новые идеологи не могли это не использовать в своих целях. Так, действительно, идеологи английской буржуазии провозглашали свои лозунги в русле «истинной» религии, по существу освящающей и санкционирующей новый, буржуазный, порядок.

Английская королевская реформация церкви, которую Елизавета окончательно закрепила в «39 статьях» англиканского вероисповедания, была реформацией половинчатой и незавершенной. Реформированная англиканская церковь избавилась от верховенства папы, но вместе с тем подчинилась королю. Вследствие этого стали закрываться монастыри и производиться секуляризация монастырского имущества, однако землевладение епископов и церковных учреждений сохранилось в неприкосновенности. Оставалась и средневековая, очень обременительная для крестьян церковная десятина. Кроме того, сохранялся епископат, дворянский по своему социальному составу и общественному положению.

Английская церковь стала во всем зависеть от короны, превратилась в ее послушную служанку. Духовные лица, которых назначал король или же которые назначались с его одобрения, фактически становились его чиновниками. С церковной кафедры зачитывались королевские указы, в том числе и те, которые касались ослушников королевской воли.

Приходские священники осуществляли строгий надзор за каждым шагом верующего. По малейшему подозрению в уклонении от официальной морали и неисполнении общепринятых законов епископские суды и прежде всего верховное церковное судилище — Высокая комиссия — беспощадно расправлялись с непослушниками. Епископы, которые сохранили за собой власть в англиканской церкви, стали оплотом абсолютизма.

В результате такого тесного слияния государства и церкви ненависть многих граждан к абсолютизму распространилась и на англиканскую церковь. Политическая оппозиция проявлялась в виде церковного раскола — диссентерства (от английского dissent — раскол, разногласие).

Еще в последние годы царствования Елизаветы буржуазная оппозиция абсолютизму внешне прояви-

лась в религиозном течении, которое ставило своей задачей завершение реформации английской церкви, другими словами очищение ее от всего, что хотя бы внешне напоминало католический культ. Отсюда появилось и название этого течения — пуританизм (от латинского *purus*, английского — *pure* — чистый).

На первый взгляд казалось, что пуритане ставили перед собой задачи, которые были далеки от политики и непосредственно ничем не угрожали власти короля.

Однако — и это явилось одной из главных особенностей буржуазной революции в Англии XVII в. — идеологическая подготовка революции, «просвещение» масс — армии для будущих сражений — велось не в форме рационально изложенных политических и морально-философских учений, а в форме противопоставления одной религиозной доктрины другой, одних церковных обрядов другим, новых организационных принципов церкви старым. Характер этих доктрин, принципов и обрядов полностью отвечал требованиям рождающегося общества. Нельзя было победить абсолютизм, при этом не разрушив его идеологическую опору — англиканскую церковь, не опорочив в глазах народа старую веру, которая освящала старый порядок. В то же время нельзя было поднять людей на борьбу за восстановление буржуазных отношений, при этом не обосновав их необходимость именем «истинной» веры.

Революционная идеология для того, чтобы найти живой отклик в сердцах народа, должна была быть выражена в традиционных образах и представлениях. Для выработки такой идеологии английская буржуазия прибегла к помощи религиозных учений женеvского реформатора Жана Кальвина. Это учение проникло в Шотландию и Англию в середине XVI в. Английские пуритане по существу являлись кальвинистами.

Среди первых требований пуритан было удаление из церкви всяких украшений, образов, алтаря, покровов и цветных стекол. Пуритане также выступали против органной музыки, а вместо молитв по богослужебным книгам требовали введения свободной устной проповеди и молитв-импровизаций. В пении гимнов, по требованию пуритан, должны были участвовать все присутствующие на богослужении. Мало

того, они настаивали на отмене обрядов, которые сохранялись еще в англиканской церкви от католицизма (осенение крестом при молитве, коленопреклонение и т. д.).

Идеолог пуританизма Томас Хелвис писал: «Наше церковнослужение состоит только из пасторов, и мы не одобряем никаких других церковнослужителей... Мы всегда, как во время, так и в пророчествах поем псалмы без перевода. Мы также считаем правильным, что все священные книги, даже оригинальные сами по себе, не должны использоваться во время духовного богослужения. Однако чтение и интерпретация «Писания» еще остаются в церкви для подготовки богослужения, толкования доктрины, решения споров по основам веры и исповедания. Следовательно, мы не отказываемся использовать перевод (Библии), считая тем не менее, что его ценность намного ниже оригинала».

Отказываясь участвовать в официальном «идолопоклонстве» — культе государственной, англиканской церкви, многие пуритане стали отправлять богослужение в частных домах и в форме, которая, как они считали, «наименее затемняла бы свет их совести».

Как и другие протестанты в Европе, английские пуритане прежде всего требовали «упрощения» и, таким образом, удешевления церкви. Что же касается быта самих носителей новой идеологии, то он вполне соответствовал условиям эпохи первоначального накопления. Стяжательство и скупость являлись их основными «добродетелями». А девизом их стало накопление ради накопления. Торгово-промышленная деятельность пуританами-кальвинистами рассматривалась как божественное «призвание», а самое обогащение — как признак особой «избранности» и своеобразное проявление милости бога.

Воззрения пуритан в немалой степени отражает анонимный документ, относящийся к правлению Якова I и названный «Совет, имеющий целью реформацию».

«Необходимо информировать его вел. с помощью нескольких петиций о том, — говорится в документе, — что джентльмены и церковнослужители жалуются на непорядки в церкви Англии и желают ее дальнейшей

реформации. Эти петиции должны быть подписаны и представлены многими людьми, занимающими различное положение и живущими в разных местностях Англии. Чтобы избежать подозрения в заговоре, должно быть немного петиций, написанных в различных выражениях, но согласных в желании реформации и вообще всякого изменения в англиканской церкви. Не следует также специально выражать желание об удалении епископов. В петициях надо жаловаться на «подписание» (имеется в виду «подписание» «39 статей», которые являлись основным изложением вероучения англиканской церкви. Акт Елизаветы от 1572 г., дававший санкцию на эти статьи, повелевал, чтобы священники обязательно подписывали те из них, которые относились к верованиям и таинствам. Запрещалось требовать от церковнослужителей подписания тех статей, которые имели отношение к вопросам дисциплины и церковного управления. Однако с 1583 г. архиепископ Кентерберийский Уитгифт начал требовать от священников кроме всего прочего также подписания и тех из «39 статей», которые устанавливали церемониал англиканской церкви, по сути дела, в то время являвшийся католическим), церемонии и особенно на вмешательство канцлеров и комиссаров в такие вопросы, как отлучение священников от церкви за мелкие проступки, на взимание денег в церковных судах и т. п.

...Для подтверждения этих петиций священники Англии должны обсудить и выставить на всеобщее обозрение искажения в существующей иерархии и литургии английской церкви... Юристы ко времени сессии парламента должны приготовить уже написанные статуты и несколько ученых трактатов... Поскольку самим архиепископом было сообщено, что из 8000 бенефициев (земельных держаний, которые в средние века давались светским и духовным феодалам) существует только 500 таких, в которых священники имеют достаточное образование и могут проповедовать, необходимо выяснить: число бенефициев в каждом приходе, их общую стоимость, число необразованных и, следовательно, не проповедующих церковнослужителей...».

Борясь за преобразование церкви, на самом деле пуритане стремились к установлению новых общест-

венных порядков. Их радикализм в церковных делах был всего лишь отражением их радикализма в делах политики.

Вместе с тем необходимо отметить, что еще в конце XVI в. среди пуритан существовали разные течения, которые в немалой степени отличались друг от друга.

Так, например, наиболее умеренные из пуритан, так называемые пресвитериане, выдвигали требование очищения англиканской церкви от пережитков католицизма. Тем не менее, организационно они с ней не порывали. Пресвитериане добивались уничтожения епископата и замены епископов синодами (собраниями) пресвитеров (от греческого — старейшина; в раннехристианской церкви так назывались руководители местных христианских общин), которые были бы избраны самими верующими. Борясь за демократизацию церкви, пресвитериане ограничивали рамки внутрицерковной демократии только состоятельной верхушкой верующих.

Другую часть пуритан представляли сепаратисты, которые категорически выступали против англиканской церкви. В скором времени представители этого левого крыла пуритан стали называться индипендентами. Название это происходит от требования полной независимости (independence) и самоуправления для каждой, в том числе и самой маленькой, общины верующих.

Индипенденты являлись противниками не только епископов, но также выступали против власти пресвитерианских синодов. Самих же пресвитеров они считали «новыми тиранами».

О себе индипенденты говорили не иначе как о «святых», «орудии неба», «стреле в колчане бога» и т. п. Над собой индипенденты не признавали никакой власти в делах совести, кроме «власти бога», и считали себя освобожденными от каких-либо людских предписаний, если те противоречили «откровениям истины».

Свою церковь представители левого крыла пуритан строили в виде конфедерации независимых друг от друга автономных общин верующих. Каждая из общин управлялась волей большинства.

Благодаря пуританству стали появляться полити-

ческие и конституционные теории, которые вскоре получили широкое распространение в оппозиционных кругах английской буржуазии и дворянства.

Одним из самых главных элементов этих теорий являлось учение об «общественном договоре». Его сторонники придерживались мнения, что королевская власть установлена не богом, а людьми. Ради своего блага народ учреждает в стране высшую власть, которую и вручает королю. Но при этом права короны не должны становиться безусловными. Наоборот, по мнению этих теоретиков, корона с самого начала должна быть ограничена договором, заключенным между народом и королем как носителем верховной власти. Основное содержание этого договора должно заключаться в управлении страной и согласии с требованиями народного блага. Пока король придерживается этого договора, его власть нерушима. Но как только король начинает забывать, для каких целей учреждена его власть, и, нарушая договор, начинает править так, что приносит этим вред интересам народа, то его подданные имеют полное право расторгнуть договор и лишить короля полномочий, которые были ему переданы.

Многие из числа наиболее радикальных последователей этого учения из этой теории делали вывод, что подданные не только могут, но даже обязаны выйти из повиновения королю, если только тот превратится в тирана.

Кроме того, они утверждали, что подданные не должны сидеть сложа руки, а обязаны восстать против тирана и убить его ради восстановления своих поправных прав.

Одними из самых известных представителей этих тираноборческих теорий в Англии в XVI в. были Джон Понет и Эдмунд Спенсер, в Шотландии — Джордж Бьюкенен.

О том, что идеи тираноборцев пользовались огромной популярностью, свидетельствует хотя бы тот факт, что «Краткий трактат о политической власти» Понета, который был впервые издан в 1556 г., переиздавался накануне революции — в 1639 г. и в самый разгар ее — в 1642 г.

С рядом публицистических работ пуританского характера по вопросам конституции в 30—40 годах

XVII в. выступил Генри Паркер. Впоследствии его учение о происхождении власти путем общественного договора и вытекающих отсюда основных правах английского народа имело большую популярность и оказало огромное влияние на литературу революционного времени.

В частности, в своей работе, посвященной королевской власти, Паркер писал:

«В споре между королевской и парламентской властью с целью систематизации необходимо рассмотреть сначала королевскую, а затем парламентскую власть, а в обеих рассмотреть действительные и конечные мотивы и средства, при помощи которых они поддерживались».

Король приписывает происхождение королевской власти богу и закону, не упоминая о поддержке, согласии и доверии людей. Но истина такова, что бог не более автор королевской власти, чем аристократической, власти верховной и власти подчиненной. Более того, та власть, которая узурпирована и несправедлива, пока она остается властью и пока она по закону не отозвана, относится столь же к Богу, как и к нам, к создателю и дарителю в той же степени, как и та власть, которая является наследственной.

И тот закон, который король имеет в виду, не следует понимать как какой-то специальный указ, ниспосланный с неба ангелами и пророками. Власть не может быть ничем иным среди христиан, как договорами и соглашениями каких-то политических корпораций.

Власть изначально принадлежит народу, и она не что иное, как могущество и сила, которые то или иное общество людей содержат в себе и которые тем или иным законом с общего согласия или соглашения передаются в те или иные руки. Бог подтверждает этот закон. Итак, человек — свободный и добровольный творец, закон — орудие (его воли), а Бог — создатель обоих».

О значительной роли пуританской публицистики в предреволюционные и революционные годы впоследствии писал известный индипендентский писатель и политический деятель Джон Мильтон: «Книги — это вовсе не мертвая вещь, ибо они содержат в себе потенции жизни, столь же активные, как и те люди,

которые их создали... Они содержат в себе могучую притягательную силу и, подобно зубам дракона греческой мифологии, будучи посеяны, дают всходы в виде поднявшейся из земли толпы вооруженных людей».

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЯКОВА I СТЮАРТА

В первой половине XVII в. производительные силы в Англии настолько выросли, что в рамках феодальных производственных отношений им уже было нестерпимо тесно. Чтобы экономика страны могла развиваться дальше, необходима была скорейшая ликвидация феодальных порядков и замена их капиталистическими общественными отношениями.

Однако у феодального строя еще оставалось много ярых приверженцев. Огромную роль в защите старого феодального строя и противодействии новому, буржуазному, строю играл английский абсолютизм.

В марте 1603 г. скончалась королева Елизавета. На престол вступил ее единственный родственник, сын казненной Марии Стюарт — король Шотландии Яков VI, который в Англии именовался Яковом I.

О своем предназначении король заявил сразу же и недвусмысленно, как только вступил на престол:

«...Итак, монархия есть подобие божественной власти. Во-первых, ее основания заключены в священном писании, во-вторых, она проистекает из древнего права нашего королевства, и, в-третьих, она коренится в законе природы... Титул короля божественного происхождения, поскольку короли только богом посажены и только перед ним отчитываются за свои дела...

Итак, коронованный король по закону природы — отец своих подданных; взаимная обязанность подданных — хранить верность королю... Зачем же смутьяны и мятежники в христианских государствах требуют для себя свободы, которую Господь народу не даровал?

Итак, как явствует из священного писания, подданные должны повиноваться королю по долгу, как заместителю Бога на земле...

Из наших архивов, в которых хранится древнее и новое право королевства, достаточно ясно, что король является господином всех имуществ, которые подчинены его непосредственной власти. Все подданные являются его вассалами, получают от него свои владения взамен службы и верности. Король может менять владельческие титулы своих подданных, превратив (к примеру) простой двор в феодал, создавать новых баронов, и все это без совета с кем-либо. И если кто умрет без наследников, его владения и имущество принадлежат королю... Итак, король для подданных есть то же, что отец для детей, что голова для тела, состоящего из многих членов».

Уже во времена правления первого Стюарта со всей очевидностью было обнаружено, что интересы феодального дворянства, выразившиеся короной, не соответствовали интересам буржуазии и нового дворянства. Мало того, между этими двумя силами шла непримиримая борьба. Определенную роль в ней сыграл и тот фактор, что Яков был для Англии чужеземцем, который плохо знал английские условия и имел совершенно ложное представление как о «неизреченной мудрости» своей собственной персоны, так и о безграничном могуществе королевской власти.

Если буржуазия стремилась к свободному предпринимательству, неумолимо искала новые пути обогащения, то Яков I наоборот насаждал систему монополий — систему исключительных прав, которые предоставлялись отдельным лицам или компаниям на производство и торговлю каким-либо товаром.

Постепенно система монополий распространилась на множество отраслей производства, почти всю внешнюю и значительную часть внутренней торговли. От продажи патентов королевской казне доставались большие суммы, поступавшие в карманы немногочисленной клики придворных аристократов.

Монополии были выгодны и отдельным капиталистам, связанным с двором, так как от этого они имели тоже достаточно большие деньги.

Однако в целом буржуазия от этой политики монополий несомненно проигрывала. Она лишалась свободы конкуренции и свободы распоряжения буржуазной собственности. И то и другое были необходимы условиями капиталистического развития.

Не в восторге были представители буржуазии и от правительственной регламентации промышленности и торговли, которая не отвечала их интересам. Требование семилетнего ученичества как предварительного условия для занятия каким-либо ремеслом, придирчивый надзор агентов правительства не только за качеством изделий, но и за количеством и характером орудий труда, за количеством учеников и подмастерьев, занятых в одной мастерской, за технологией производства чрезвычайно затрудняли возможность каких-либо технических нововведений, укрупнение производства, его перестройку на капиталистических началах.

Мировые судьи очень часто заводили дела на лиц, против которых возбуждались судебные преследования за нарушение королевских статутів, регулировавших торговлю и ремесло в средневековом духе.

Так, например, в Сомерсете к суду были привлечены четыре суконщика «за горячую утюжку сукна в нарушение статута». Еще пять суконщиков подверглись штрафу «за растягивание и натягивание сукна и за примешивание к сукну очесов и волос и за наличие незатканых коротких нитей». Кожевник поплатился за то, что продавал кожу без клейма.

В 1606 г. широкую огласку получило дело крупного торговца Бейтса. В этом же, 1606 г., Яковом I была увеличена ввозная пошлина на корицу с 2 ш. 6 п. до 7 ш. 6 п. за центнер. Но добавочную пошлину Бейтс отказался платить и против него в суде казначества был возбужден процесс.

Аргументы судей сводились к следующему. «Все порты королевства, — сказал в своем выступлении барон Кларк, — принадлежат королю... По желанию короля любому его подданному может быть направлен приказ, запрещающий уезжать за границу; следовательно, король может наложить такой запрет на всех купцов. Если же он может наложить запрет на товары всякого лица, т. е. король регулирует экспорт и импорт по своему усмотрению. Если же король может вообще воспретить импорт каких-либо товаров, то на тех же основаниях он может разрешить импорт товаров на тех или иных условиях, например, налагая на них известную пошлину...».

Кларк поддержал барон Флеминг, который заметил: «Все пошлины, старые и новые, являются только последствиями и результатами торговли с иностранными государствами, но всякого рода торговля и дела с иностранцами, все вопросы войны и мира, всякого рода принятие и допущение к обращению иностранных денег, всякого рода договоры определяются абсолютной властью короля... Таким образом, необходимо признать, что, если король может облагать пошлинами, он может облагать ими в том размере, в каком ему будет угодно...».

Решение суда было единогласно вынесено в пользу короны.

Не вызывает сомнения, что так называемая правительственная опека над промышленностью и торговлей, которая на первый взгляд проводилась в интересах потребителя, в реальности была направлена на обирание казной торговцев и ремесленников с помощью различных штрафов и вымогательств.

Несмотря на очень жестокою эксплуатацию мануфактурных рабочих, феодальные преграды на пути развития промышленности делали мануфактуру не очень прибыльной сферой приложения капитала. Деньги в промышленные предприятия вкладывались с большой осторожностью. В результате этого развитие мануфактуры шло очень медленно, масса технических изобретений оставалась неиспользованной. Многочисленные мастера из Франции, Германии, Фландрии, которые появились было в Англии при Тюдорах и вводили различные технические новшества в производстве, теперь стали покидать страну и переселяться в Голландию.

Внешняя торговля незаметно превратилась в монополию узкого круга крупных, преимущественно лондонских, купцов. На Лондон приходилась основная часть внешнеторгового оборота. Еще в начале XVII в. торговые пошлины Лондона составляли 160 тыс. ф. ст.

В 1608 г. Яков I принял решение на сбор дополнительных пошлин на предметы внешней торговли, в связи с чем издал соответствующее распоряжение, которое гласило:

«Яков, Божьей милостью король..., — графу Сольсбери, государственному казначею Англии... Обязанность, возложения на королей, обеспечивать безопас-

ность и благосостояние своих подданных, сопряжена с такими большими и тяжелыми расходами, что, как всеми разумными людьми во все времена, так и законами всех народов, за королями признается власть и прерогатива (в числе многих других), согласно которым они могут собирать средства путем наложения таможенных пошлин и налогов на предметы, вывозимые из королевства или ввозимые в него их подданными или иностранцами в том размере, в каком это по их мудрому и осторожному суждению может быть целесообразным (без ущерба для торговли) и достаточным для покрытия и удовлетворения больших расходов, лежащих на них, для поддержания их короны и достоинства.

На основании этого мы в настоящее время, руководствуясь многими разумными и вескими соображениями как для снятия с короны тяжести различных лежащих на ней долгов, так равно и для удовлетворения многих других настоятельных и важных нужд наших, известных нам и нашему совету, были вынуждены обратиться к некоторым из таких способов извлечения доходов с товаров, экспортируемых из страны и импортируемых в нее, какие в прежние времена обычно применялись королями — нашими предками, а также часто применяются у других народов...».

Вместе с тем, опережая возможную критику в свой адрес со стороны парламента, Яков I сделал следующее замечание в своем распоряжении:

«...И хотя мы решили наложить некоторые пошлины как на иностранные товары, ввозимые в нашу страну, так и на различные местные предметы потребления и товары, тем не менее, для избежания малейших неудобств и отягощения нашего народа, мы приказали изъять из обложения такие товары, которые служат для питания и поддержания жизни нашего народа или которые требуются для обороны страны или для поддержания и расширения торговли и навигации...».

Развитие внутренней торговли повсюду встречало сопротивление городских корпораций, имевших средневековые привилегии и всячески преграждавших доступ на городские рынки «чужакам». Рост и внутренней, и внешней торговли проходил медленными темпами. Особенно пострадал английский экспорт.

Баланс внешней торговли Англии стал пассивным: в 1622 г. ввоз в Англию превысил вывоз почти на 300 тыс. ф. ст.

СТЮАРТЫ И ПУРИТАНИЗМ

В церковной политике Якова I также отчетливо проявилось наступление феодально-абсолютистской реакции. И буржуазия, и новое дворянство, поживившиеся за счет земель закрытых при Генрихе VIII монастырей, больше всего боялись реставрации католицизма. Однако борьба с ним при Стюартах стала на задний план. На передний план у правительства выступила борьба с пуританизмом.

Яков I, возненавидев пресвитерианские порядки еще в Шотландии, придя к власти в Англии, сразу же занял враждебную позицию в отношении английских пуритан.

Так, например, на церковной конференции в Гемптон-Корте в 1604 г. он сказал английским священником: «Вы хотите собрания пресвитеров на шотландский манер, но оно так же мало согласуется с монархией, как черт с Богом. Тогда начнут собираться Джек с Томом, Уил с Диком и будут осуждать меня, мой Совет, всю нашу политику...». «Нет епископа — нет и короля», — заключил он.

Сознавая, что пуритане начинают с церкви лишь для того, чтобы развязать себе руки и перейти к монархии, Яков пригрозил «вышвырнуть из страны» непримиримых пуритан или «сделать с ними что-нибудь еще похуже».

Действительно, в скором времени преследование пуритан приняло очень большие масштабы, благодаря чему из Англии хлынул поток эмигрантов, которые искали спасения от тюрем, кнута и огромных штрафов в Голландии, а позднее и за океаном — в Северной Америке.

Эмиграция пуритан фактически явилась началом основания североамериканских колоний Англии.

Яков I не очень руководствовался интересами буржуазии в своей внешней политике, а точнее, он вообще ими пренебрегал. Развитие английской заморской и в первую очередь наиболее прибыльной колониальной торговли повсюду сталкивалось с колониальным преобладанием Испании. Во времена своего царствования Елизавета все силы прилагала к ожесточенной борьбе с этим «национальным врагом» протестантской Англии. Эта политика в немалой степени обеспечила популярность Елизаветы в лондонском Сити.

С приходом к власти Якова I эта политика однако претерпела коренные изменения, если не сказать больше. Так, вместо продолжения традиционной политики дружбы и союза с протестантской Голландией, политики, которая была направлена против общего врага — католической Испании, Яков I стал искать мира и союза с Испанией.

В результате этого в 1604 г. с испанским правительством был заключен мирный договор. Этот договор совершенно не коснулся вопроса об английских торговых интересах в индийских и вест-индских владениях Испании.

В 1605 г. в подвале дворца, где собирался парламент и на заседании которого должен был присутствовать король, обнаружили приготовленные для взрыва бочки с порохом. В заговоре были замешаны католики. Но эта история, похоже, не очень смутила Якова I, и в угоду Испании он даровал помилование некоторым участникам «порохового заговора», а также сквозь пальцы смотрел на усиление в Англии деятельности католиков и иезуитов.

Вскоре Яков I совершенно отстранился от борьбы английского капитала за колонии, бросил в тюрьму, а затем и послал на плаху наиболее известного из «королевских пиратов» Елизаветы — Уолтера Рэли.

Испанский посол граф Гондомар, который прибыл в Лондон в 1613 г., стал ближайшим советником Якова I. Посол Венеции с иронией писал: «Без испанского посла король и шагу не делает».

Неуверенная и пассивная политика Якова во время Тридцатилетней войны немало поспособствовала раз-

грому протестантизма в Чехии. В результате этого зять его, пфальцский курфюрст Фридрих V, не только лишился чешской короны, но также потерял и свои наследственные земли — Пфальц.

Когда Фридрих V обратился к Якову с просьбой о помощи, тот обрушился на него с обвинениями в подстрекательстве чехов к «мятежу». Послу курфюрста он гневно закричал: «Значит, вы того мнения, что подданные могут свергать своих королей. Вы очень кстати прибыли в Англию, чтобы распространить эти принципы среди моих подданных».

Когда потребовалось вооруженное выступление против Габсбургов, вместо этого Яков I занялся планами бракосочетания своего сына — наследника престола Карла с испанской инфантой. В этом браке король видел залог дальнейшего укрепления англо-испанского союза и средство пополнить стремительно пустеющую казну с помощью богатого приданого.

Был заключен специальный «Договор о браке принца Карла с испанской инфантой», содержащий 23 статьи, в соблюдении которых была принесена присяга королем, его сыном, а также королевскими тайными советниками.

Вот, например, что гласили первые 6 статей этого «Договора»:

«1. Брак будет заключен с разрешения папы, но это разрешение должно быть обеспечено стараниями испанского короля.

2. Брак будет праздноваться только один раз в Испании, а затем ратифицирован в Англии, причем не будет никакой церемонии и ничего такого, что противоречило бы римско-католической религии.

3. Высокочтимая инфанта возьмет с собой таких членов семьи и слуг, которые нужны будут ей для услужения... и будут назначены католическим королем.

4. Как высокочтимая инфанта, так и члены ее семьи и слуги будут свободно и публично выполнять обряды своей римско-католической религии по способам и формам, указанным ниже.

5. Во всем дворце... инфанта будет иметь хорошую часовню и молельню, где по ее желанию могут служаться мессы, а равно в Лондоне или в другом месте своего постоянного пребывания общественную мес-

тельную церковь, где могут торжественно отправляться все службы..., произноситься проповеди..., совершаться таинства по римско-католическим обрядам..., похороны мертвых и крещение детей... Указанные молельни, часовня и церкви могут украшаться так, как это будет угодно инфанте.

6. Приближенные инфанты мужского и женского пола, а также их слуги, дети и родственники и их семьи... могут быть свободно и открыто католиками».

Так в одно целое сомкнулись внутрианглийская и международная феодальная реакция. В феодально-католической Испании английская феодальная аристократия усмотрела своего естественного союзника.

КОНСОЛИДАЦИЯ БУРЖУАЗНОЙ ОППОЗИЦИИ В ПАРЛАМЕНТЕ

В меньшей мере, чем абсолютизм перестал отвечать интересам буржуазного развития, буржуазия перестала считаться с финансовыми нуждами абсолютизма.

Финансовая зависимость короны от парламента была самым большим местом английского абсолютизма. Неудивительно, что один из самых острых политических конфликтов между феодалами, с одной стороны, и буржуазией, с другой стороны, разгорелся во время отказа парламента вотировать короне новые налоги.

Позднее подобные конфликты возникали все чаще, что в конце концов и привело, по мнению многих, к Английской революции, а Карла I — на эшафот.

В противовес желанию Якова утвердить в Англии принципы абсолютистской, неограниченной и бесконтрольной королевской власти, ссылаясь на ее «божественное» происхождение, уже первый парламент, который был собран в его правление, заявил: «Ваше величество было бы введено в заблуждение, если бы кто-либо уверил вас, что король Англии имеет какую-либо абсолютную власть сам по себе или что привилегии палаты общин основаны на доброй воле короля, а не на истинных ее правах...».

Ни первый (1604—1611), ни второй (1614) парла-

менты не дали Якову достаточных средств, чтобы он хотя бы на время почувствовал себя независимым от парламента.

Между тем вследствие казнокрадства, расточительности двора и небывалой щедрости короля к фаворитам, среди которых первым являлся герцог Бекингем, острая финансовая нужда короны усиливалась все больше и больше. Во времена правления Елизаветы обычные доходы королевской казны составляли 220 тыс. ф. ст. в год, а доходы ее преемника в среднем достигали 500 тыс. ф. ст. Но уже в 1617 г. долги короны достигли цифры в 735 тыс. ф. ст.

Трения с парламентом все больше усиливались. В одном из своих писем к королю герцог Бекингем писал:

«...Повинуясь вашему приказу, я скажу парламенту, что, будучи сегодня утром в поле, вы подхватили такой жестокий ревматизм и кашель, что, не знаю, как вы будете чувствовать себя этой ночью, вы не можете назначить им дня для приема...

Я, однако, воздержусь сказать им, что, несмотря на вашу простуду, вы могли говорить с клеветами короля испанского, хотя и не могли говорить со своими подданными...».

Не найдя другого выхода, король решил попробовать пополнить казну в обход парламента.

Так, например, не дожидаясь одобрения парламента, Яков I ввел новые повышенные пошлины, начал торговать дворянскими титулами и патентами на различные торговые и промышленные монополии. Вскоре было разрешено пускать с молотка коронные земельные владения. Яков воспользовался уже забытыми феодальными правами и стал взывать феодальные платежи и так называемые «субсидии» с держателей на рыцарском праве, штрафуя их за отчуждение земли без разрешения.

Пользуясь своей властью, Яков в немалой степени начал злоупотреблять правом преимущественной закупки продуктов для двора по низкой цене, а также прибегать к принудительным займам и подаркам.

Но, конечно, все эти меры не смогли устранить финансовые проблемы короля. Они лишь на некоторое время немного смягчили их.

1621 г. ознаменовался тем, что король был вынуж-

ден созвать свой третий парламент. Он надеялся найти в нем взаимопонимание и хотя бы некоторую поддержку своей деятельности, но уже на первых заседаниях парламента как внутренняя, так и внешняя политика короля подверглись ожесточенной критике, и Якову пришлось расстаться со своими крохотными надеждами.

Особое возмущение у парламента вызвал проект «испанского брака» — брака наследника английского престола с испанской инфантой.

В результате всего этого во время второй сессии парламента был распущен, причем сделано это было не без настоятельных советов испанского посла.

Тем не менее Якову не удалось реализовать свой план англо-испанского союза. Англо-испанские противоречия оказались слишком серьезными, несмотря на все старания Якова их как-то сгладить. Сватовство наследного принца Карла при испанском дворе потерпело фиаско, а вместе с этим провалились и планы вернуть земли Фридриху Пфальцскому мирным путем. Та же участь постигла и расчеты пополнить казну за счет испанского приданого. Принудительный заем на сумму в 200 тыс. ф. ст. принес всего лишь 70 тыс.

Вследствие бездумной раздачи королем торговых и промышленных монополий торговля и промышленность страны оказались в очень тяжелом положении.

ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ. НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ

Борьба против феодально-абсолютистского режима Стюартов велась не только в парламенте, вскоре она развернулась на улицах и площадях городов и деревень. Крестьяне, ремесленники, мануфактурные рабочие и поденщики не могли согласиться с непомерно растущими налогами, с возрастающей эксплуатацией их рабочей силы, как, впрочем, и со всей политикой Стюартов. Нередко это недовольство переходило в массовые волнения, которые происходили в разных концах страны.

Одно из самых крупных крестьянских волнений при правлении Якова I произошло в 1607 г. в цент-

ральных графствах Англии — Нортгемптоншире, Лестершире и др. Именно в этих графствах в течение XVI — начала XVII в. огораживания приняла очень широкие размеры.

В волнении приняло участие около 8 тыс. крестьян. Вооружившись вилами, косами и кольями, они заявили мировым судьям, что собрались «для уничтожения изгородей, которые превратили их в бедняков, погибающих от нужды». В одной из своих прокламаций крестьяне так отзывались о дворянах: «Из-за них обезлюдели деревни, они уничтожили целые селения... Лучше мужественно умереть, чем медленно погибать от нужды».

В это время впервые прозвучали названия левелеры (уравнители) и диггеры (копатели). В скором времени они стали наименованиями двух партий народного крыла революции.

Восставшие не смогли долго продержаться, так как против них была направлена военная сила.

В 20-х годах XVII в. несколько восстаний произошло в западных и южных графствах. Их причиной послужило превращение общинных лесов в частновладельческие парки лордов.

В Центральной Англии волнения прокатились в 30-х годах. На этот раз они были вызваны возобновившимся здесь огораживанием общинных земель. Восстания 30—40-х годов в Восточной и Северо-Восточной Англии произошли в результате осушения «великой равнины болот» и превращения осушенных земель в частную собственность, так как это лишало крестьян их общинных прав на заболоченные земли.

В качестве примера одного из таких крестьянских волнений можно привести события, которые в 1620 г. произошли во владениях лорда Беркли. Когда Беркли предпринял попытку в одном из маноров огородить общинные земли, вооружившись лопатами, крестьяне засыпали ров, прогнали рабочих, а прибывших для судебного расследования мировых судей избили.

Нечто похожее отмечалось и в других манорах.

В то время нередко происходили волнения и в городах. Причину их необходимо искать в затяжном торгово-промышленном кризисе, который резко ухудшил положение ремесленников, ремесленных учеников и подмастерьев, которые были заняты в произ-

водстве сукна. Рабочий день ремесленного и мануфактурного рабочего длился 15—16 часов, а реальная заработная плата по причине постоянного роста цен на хлеб и другие продукты питания все больше снижалась.

Так, например, сельский ремесленник в начале XVI в. зарабатывал 3 шилл. в неделю, а в 1610 г. — 6 шилл. в неделю. Но необходимо иметь в виду, что цена пшеницы за это время выросла в десять раз.

Несомненно, в глазах правительства потерявшие работу ремесленники, подмастерья и мануфактурные рабочие представляли довольно большую угрозу. Эта угроза нередко выливалась в конкретные действия, когда, например, громились хлебные склады, производились нападения на сборщиков податей и мировых судей, поджигались дома богатей.

В 1617 г. в Лондоне восстали ремесленные ученики. В 1620 г. серьезные волнения коснулись городов западных графств. Угроза восстания была настолько велика, что специальным указом правительство обязало суконщиков давать работу занятым у них рабочим независимо от рыночной конъюнктуры.

Все эти волнения низших слоев населения свидетельствовали о назревании революционного кризиса. Парламентская оппозиция Стюартам могла сложиться и выступить только в атмосфере все обостряющегося недовольства масс против феодализма.

В феврале 1624 г. собрался последний парламент Якова. Правительство вынуждено было пойти на ряд уступок. Так, например, было отменено большинство монополий и началась война с Испанией. Яков, добившись половины просимой субсидии, отправил на Рейн спешно собранный экспедиционный корпус. Как и следовало ожидать, корпус потерпел от испанцев поражение. Правда, Яков не дожид до этого момента.

В 1625 г. престол в Англии и Шотландии занял его сын Карл I.

Несмотря на смену правителя, политический курс страны остался прежним. Карл I упорно продолжал цепляться за абсолютистскую доктрину своего отца, так как сам был слишком ограниченным, чтобы разобратся в сложной политической обстановке в Англии. Это привело к тому, что разрыв между королем и парламентом стал окончательным. При этом потребовалось на это всего несколько лет.

Созванный в июне 1625 г. первый парламент Карла I, прежде чем утвердить новые налоги, стал требовать смещения всеильного временщика герцога Бекингема. Внешняя политика Англии, которой он руководил, терпела одну неудачу за другой.

Так, морские экспедиции против Испании закончились полным провалом. Английским кораблям не удалось захватить испанский «серебряный флот», который вез драгоценный груз из Америки. Атака на Кадис была отбита с большими потерями для английского флота.

В 1624 г., находясь еще в состоянии войны с Испанией, Англия начала войну с Францией. Но экспедиция, возглавляемая лично Бекингом и ставившая ближайшей целью оказание помощи осажденной гугенотской крепости Ла-Рошель, потерпела сокрушительное поражение. Против Бекингема в Англии поднялась буря возмущения.

Тем не менее, Карл I оставался глухим к всеобщему мнению. Он всячески старался защитить своего фаворита. Им был распущен как первый, так и второй (1626 г.) парламенты, которые требовали суда над Бекингом. Карл I открыто угрожал: или палата общин покорится воле монарха, или в Англии вовсе не будет парламента. Оставшись без парламентских субсидий, король прибегнул к принудительному займу. Однако на этот раз даже пэры отказали правительству в деньгах.

Крупные неудачи в проведении внешней политики, а также глубокий финансовый кризис заставили Карла I опять обратиться к парламенту.

Третий парламент был собран 17 марта 1628 г. На этот раз в палате общин оппозиция буржуазии и нового дворянства выступала более или менее организо-

ванно. Ее признанными вождями являлись выходцы из рядов сквайров Элиот, Гемпден и Пим. Свои речи они строили на резкой критике правительства за его бездарную внешнюю политику.

Парламент заявил протест против сбора королем неутвержденных палатой налогов и против практики принудительных займов.

Вот как выразился Элиот о требованиях оппозиции: «...Речь идет не только о нашем имуществе и владениях, на карту поставлено все, что мы называем своим, те права и привилегии, благодаря которым наши предки являлись свободными».

Чтобы хоть как-то ограничить абсолютистские притязания Карла I, палата выработала «Петицию о праве». Ее главное требование сводилось к обеспечению неприкосновенности личности, свободы и имущества подданных.

«Духовные и светские лорды и общины, — говорилось в ней, — собравшиеся в парламенте смиренно обращают внимание нашего верховного владыки короля на нижеследующее:

Изданным в правление короля Эдуарда I статутом... (в 1295 г.) объявлено и узаконено, что никакие подати или сборы не будут налагаться или взиматься в этом королевстве ни королем, ни его наследниками без доброй воли и согласия архиепископов, епископов, графов, баронов, рыцарей, горожан и других свободных людей этого королевства; и властью парламента, созданного на 25-м году правления короля Эдуарда III, объявлено и узаконено, что на будущее время никто не должен быть принуждаем против своей воли участвовать в займах для короля, ибо такие займы противоречили принципам и вольностям страны; и другими законами этого королевства постановлено, что никто не должен быть облагаем какими-либо сборами или налогами, именуемыми добровольными пожертвованиями, или сборами, им подобными...

Но тем не менее в недавнее время были выпущены различные предписания, направленные комиссарам во многие графства, с инструкциями, на основании которых в различных местах ваши подданные собирали и побуждали к займу на некоторые денежные суммы для вашего величества. Многие после отказа делать это были приводимы к присяге, вопреки зако-

нам и статутам этого королевства, и были вынуждены давать обязательства являться и присутствовать при разборе дела в вашем Тайном совете, а другие в других местах по той же причине заключались в тюрьму, штрафовались и подвергались разным другим преследованиям и стеснениям...

В силу всего сказанного духовные и светские лорды и общины покорно просят ваше пресветлое величество, чтобы впредь никто не был принуждаем давать или уплачивать какие-либо дары, займы, пожертвования, налоги и т. п. сборы без общего согласия, выраженного актом парламента; и чтобы никто не был призываем к ответу, приводим к присяге, принуждаем к службе, не был подвергаем аресту и другим преследованиям и стеснениям в связи с этими сборами или отказом платить их...

Обо всем этом они покорнейше просят ваше пресветлое величество, как о своих правах и вольностях, согласно законам и статутам этого королевства...

Тяжелейшее финансовое положение вынудило Карла I 7 июня утвердить «Петицию». Король дал на нее следующий ответ:

«Король желает, чтобы правосудие отправлялось согласно законам и обычаям королевства; чтобы статуты исполнялись надлежащим образом, дабы подданные его величества не имели причин жаловаться на какую-либо обиду или притеснение, противоречащие их справедливым правам и вольностям. К соблюдению сказанного он считает себя обязанным в той же мере, как и сохранению своей программы».

Однако сессия парламента вскоре была прервана до 20 октября.

За время неработоспособности парламента произошли два важных события: офицером Фелтоном был убит Бекингем и на сторону короля перешел один из самых активных лидеров парламентской оппозиции — Уэнтворт (будущий граф Страффорд).

На открывшейся осенью второй сессии парламента резкой критике подверглась церковная политика короля. Чтобы получить гарантии того, что политика Карла I будет изменена, палата общин отказалась утвердить таможенные пошлины. Когда же король приказал прервать сессию, палата впервые проявила открытое неповиновение воле Карла I. Случилось это 2 марта 1629 г.

Насильно удерживая спикера в кресле, поскольку без него палата не могла заседать и ее решения считались недействительными, члены палаты приняли 3 следующие постановления:

1) всякий, кто стремится привносить папистские новшества в англиканскую церковь, должен рассматриваться как главный враг королевства;

2) всякий, кто советует королю взимать пошлины без согласия парламента, должен рассматриваться как враг этой страны;

3) всякий, кто добровольно платит неутвержденные парламентом налоги, является предателем свобод Англии.

УПРАВЛЕНИЕ БЕЗ ПАРЛАМЕНТА

Палата общин вскоре была распущена. Карл I впредь решил править без парламента. После смерти Бекингема своими главными советниками король сделал архиепископа Лода и графа Страффорда. На протяжении целых 11 лет они являлись вдохновителями феодально-абсолютистской реакции.

Желая набрать несколько очков в проведении своей внутренней политики, король поторопился заключить мир с Францией и Испанией.

В стране воцарился режим террора. В королевской тюрьме Тауэр оказались сразу девять лидеров парламентской оппозиции. Строжайшая цензура на печатное и даже устное слово призвана была принудить к молчанию пуританскую оппозицию, которая «сеяла мятеж». На полную катушку заработали чрезвычайные суды по политическим и церковным делам — Высокая комиссия и Звездная палата. Чтение запретных (пуританских) книг и непосещение приходской церкви, недоброжелательный отзыв о епископе и намек на легкомыслие королевы, отказ платить неутвержденные парламентом налоги, а также выступления против принудительного королевского займа являлись достаточным поводом для немедленного привлечения к безжалостному суду.

Широкий резонанс в стране получил приговор,

который в 1637 г. Звездная палата вынесла по делу адвоката Принна, священника Бертона и доктора Баствика. Причина его заключалась в написании и издании обвиняемыми пуританских памфлетов. Принна, Бертона и Баствика выставили у позорного столба, публично секли, клеймили каленым железом. Затем, обрезав уши, бросили в тюрьму на пожизненное заключение.

В 1638 г. за распространение пуританской литературы к публичному бичеванию и бессрочному заключению был приговорен лондонский купеческий ученик Джон Лильберн.

Нелегкая участь постигла и купца Чеймберса, который был приговорен к заточению в Тауэр на 12 лет за отказ платить пошлины.

Пуританская оппозиция была вынуждена уйти в подполье. Много тысяч пуритан, опасаясь преследований, оказались за океаном. Начался «великий исход» из Англии. Между 1630 и 1640 гг. в эмиграцию выехали 65 тыс. человек. Из них 20 тыс. попали в Америку, в колонии Новой Англии.

Одновременно с усилением террора против пуритан происходило все большее сближение англиканской церкви с католицизмом. Архиепископ Кентерберийский Лод благосклонно выслушивал предложения папского легата принять от папы кардинальскую шапку. Жена Карла I — Генриетта-Мария — по происхождению французская принцесса, и по приезде в Англию оставалась католичкой, и в капелле королевы открыто служили католическую мессу. Это вызывало протест в среде буржуазии и нового дворянства, которое своими земельными богатствами в значительной степени было обязано секуляризации земель католических монастырей.

В связи с вызванным войной на континенте Европы повышенным спросом на английские товары в начале 30-х годов во внешней торговле и в промышленности наступило некоторое оживление. Благоприятная рыночная конъюнктура несколько охладила горячность буржуазной оппозиции.

В эти годы абсолютизм торжествовал. Оставалось только найти постоянные источники пополнения казны, чтобы корона навсегда могла избавиться от парламента. Страффорд и министр финансов Уэстон

лихорадочно искали такие источники. В ход пускались все средства. Таможенные пошлины взыскивались вопреки упомянутым постановлениям парламента 1628—1629 гг. Большими темпами шла торговля патентами на промышленные монополии. В 1630 г. был опять введен старый закон, который обязывал всех лиц, имевших не менее 40 ф. ст. земельного дохода, являться ко двору для получения рыцарского звания. Тех, кто пытался уклониться от этой дорогостоящей для него чести, подвергали штрафу.

В 1634 г. правительством были проверены границы королевских заповедных лесов, поскольку многие из них в действительности уже давно перешли в частные руки. Нарушителям, среди которых, кстати, было немало представителей знати, приходилось уплачивать большие штрафы.

В итоге проведенных мероприятий, во время которых интенсивно эксплуатировались феодальные права короны, финансовое положение палаты по делам опеки и отчуждений значительно улучшилось.

Так, например, если в 1603 г. ее поступления составляли 12 тыс. ф. ст., то к 1637 г. они достигли 87 тыс. ф. ст.

Конечно, проведение подобных мероприятий давалось нелегко. Наибольшее возмущение в средних и низших слоях населения вызвало взимание с 1634 г. «корабельных денег» — давно забытой повинности прибрежных графств. Когда-то она была введена для борьбы с пиратами, нападавшими на побережье королевства. В 1635 и 1637 гг. эта повинность уже легла на все графства Англии. Даже некоторые королевские юристы указывали на незаконность этого налога. Отказ платить корабельные деньги принял массовый характер. Скоро во всех концах страны стало известно имя сквайра Джона Гемпдена, который потребовал, чтобы суд доказал ему законность этого налога.

Впрочем, дело Гемпдену выиграть не удалось. В угоду королю судьи большинством своих голосов признали за королем право взимать «корабельные деньги» так часто, как он это посчитает нужным. Гемпден был осужден.

Таким образом, хотя бы на время, но внепарламентский источник доходов, казалось, был найден.

Вот как оценил значение судебного решения по делу Гемпдена лорд Страффорд: «Король отныне и навсегда свободен от вмешательства парламента в его дела». «Все наши свободы одним ударом разрушены впрах» — так восприняла этот приговор пуританская Англия.

Впрочем, для того, чтобы обнаружилась слабость абсолютизма, достаточно было одного внешнего толчка. Таким толчком и послужила война с Шотландией.

ВОЙНА С ШОТЛАНДИЕЙ. ПОРАЖЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА

В 1637 архиепископом Лодом была предпринята попытка ввести англиканскую церковную службу в Шотландии. Необходимо напомнить, что до этого Шотландия имела династическую унию с Англией (с 1603 г.) и полную автономию как в гражданских, так и в церковных делах.

Попытка ввести англиканскую церковную службу встретила в Шотландии всеобщее возмущение и привела к широкому восстанию. Вначале оно вылилось в заключение так называемого ковенанта (общественного договора), в котором все подписавшие его шотландцы поклялись защищать кальвинистскую «истинную веру» «до конца своей жизни всеми силами и средствами». Однако лорд-канцлер убедил Карла I, что покорить шотландцев можно с помощью 40 тыс. солдат. Тем не менее, дело обстоит куда серьезнее. Борьба против «папистских новшеств» Лода в действительности была борьбой шотландского дворянства и буржуазии за сохранение политической независимости своей страны, а также против угрозы введения в Шотландии абсолютистских порядков, носителем которых являлась английская церковь.

В 1639 г. Карл I препринял против шотландцев карательную экспедицию. Однако его планам не было суждено осуществиться. Набранная им ценой неимоверных усилий 20-тысячная армия начала разбегаться, даже не вступая в сражение. Король вынужден был заключить перемирие.

Победа шотландцев над английским королем явилась праздником для всех противников абсолютизма, и по этому случаю буржуазия Лондона устроила иллюминацию.

Но Карл даже не думал сдаваться. Ему просто необходимо было выиграть время. Из Ирландии срочно был вызван лорд Страффорд, которому было поручено «проучить мятежников». Однако для этого были необходимы значительные силы, а на организацию и содержание крупной армии не хватало средств. И тогда по совету Страффорда король решил созвать в апреле 1640 г. парламент. Сделав это, Карл тут же потребовал у парламента субсидий, решив сыграть на национальных чувствах англичан. Но в ответ на запугивание парламента «шотландской опасностью» один из членов палаты общин сказал: «Опасность шотландского вторжения менее грозна, чем опасность правления, основанного на произволе. Опасность, которая была обрисована палате, находится далеко... Опасность, о которой я буду говорить, находится здесь, дома...».

Оппозиционно настроенная палата общин относилась сочувственно к делу ковенантеров. Поражения короля ее не только не огорчали — наоборот, радовали, поскольку она хорошо сознавала, что, «чем хуже дела короля в Шотландии, тем лучше дела парламента в Англии».

Уже через три недели после созыва, 5 мая, парламент был распущен. В историю страны он вошел под названием Короткого парламента.

Опять возобновилась война с Шотландией, но Карл I не в силах был продолжать ее по причине отсутствия денег. Назначенный главнокомандующим английской армией Страффорд не в состоянии был поправить положение. Вскоре шотландцы перешли в наступление, вторглись в Англию и заняли северные графства Нортумберленд и Дарем (Дергем).

НАЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

Созреванию в Англии революционной ситуации в большой степени поспособствовало поражение английского абсолютизма в войне с Шотландией. Стоящая у власти феодальная аристократия во главе с королем запуталась в своей внешней и внутренней политике. Она оказалась в сетях финансового кризиса и все больше ощущала враждебное отношение к себе со стороны буржуазии и широких народных масс страны.

С 1637 г. начало катастрофически ухудшаться состояние промышленности и торговли. Массовую безработицу и сокращение производства вызвала политика правительственных монополий и налогов, утечка из страны капиталов, а также эмиграция многих промышленников-пуритан и торговцев.

В конце 30-х и в начале 40-х годов возмущение народных масс возрастало с особой силой. Нередко оно проявлялось в виде крестьянских движений, массовых выступлений, волнений в городах.

Так, например, в 1639 и 1640 гг. в Лондоне происходили демонстрации ремесленного и рабочего люда, которые выступали против безработицы и требовали увеличения заработной платы.

Из разных графств, особенно это касалось Центральной и Восточной Англии, в Лондон нескончаемым потоком шли сведения о росте враждебности крестьян к крупным землевладельцам и к лордам в частности.

Один из свидетелей проявления таких недовольств сообщал: «Такие сходки и сговоры происходят среди народа, каких вы не можете себе представить».

Другой свидетель и невольный участник этих событий, землевладелец-огораживатель, жаловался: «Сельский люд вредит нам как только может. Соседние селения соединились вместе и составили союз, чтобы защищать друг друга в этих действиях».

Вскоре почти полностью прекратилась уплата населением королевских налогов. «Корабельные деньги», к огромному сожалению правительства, не принесли ему и одной десятой части ожидаемой суммы.

Со всех уголков Англии шли петиции, в которых содержались требования к правительству заключить мир с Шотландией и немедленно созвать парламент.

По стране «гуляли» многочисленные антироялистские листовки и памфлеты. Ссылаясь на различные библейские тексты, пуританские проповедники призывали к неповиновению королю.

Политическая атмосфера в Англии накалилась до предела. О неминуемом взрыве все чаще говорили даже приверженцы короны.

24 сентября за созыв парламента высказалось совещание пэров, которое собралось в Йорке. У Карла I не было другого выхода, как снова обратиться к парламентау.

ГЛАВА 2

ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОЛГОГО ПАРЛАМЕНТА

Выборы и открытие нового парламента имели для политической ситуации, которая сложилась в Англии к осени 1640 г., огромное значение. В условиях крайне обострившегося кризиса абсолютизма, в момент участвовавших волнений представителей низших слоев населения в городах и деревнях парламента, в котором и раньше была буржуазная оппозиция абсолютизму, теперь и вовсе превратился в организационный центр борьбы с феодально-абсолютистским режимом.

Одной из отличительных черт Английской буржуазной революции XVII в. было то, что на первом этапе органом революции здесь стал парламента, в котором подавляющее большинство представляло интересы буржуазии и нового дворянства.

Этот парламента, оказавшись на определенное время в центре общенародного антифеодального движения, вошел в историю под названием Долгого парламента. И действительно, он собрался в Вестминстере 3 ноября 1640 г., и работа его продолжалась в течение 13 лет — до весны 1654 г.

Самыми представительными среди депутатов в Долгом парламенте оказались дворяне. Из 511 членов палаты общин 91 депутат был представителем

графств, 4 были посланы университетами, остальные депутаты представляли города. Впрочем, в своем преобладающем большинстве и депутатами от городов были сельские джентльмены и сквайры, тесно связанные с буржуазией своей каждодневной деятельностью в графствах или в качестве мировых судей, или в качестве королевских комиссаров, выступавших как своего рода доверенные лица буржуазии. Представляющее интересы капиталистического развития Англии новое дворянство уже было готово к тому, чтобы стать во главе борьбы против абсолютизма и взять в свои руки бразды управления.

В момент открытия парламента перед ним стояли три основные задачи:

- 1) наказать главных советников короля, которые являлись вдохновителями политики произвола и насилия;

- 2) сделать все возможное, чтобы подобная политика не смогла повториться в будущем;

- 3) довести до конца реформацию, как это требовали пуритане.

Во время обсуждения путей достижения первых двух целей в парламенте царило полное единодушие. Благодаря этому ликвидация ряда учреждений феодально-абсолютистского режима была проведена очень быстро и решительно.

Уже в самом начале своей работы палата общин возбудила судебное преследование против лорда Страффорда, являвшегося главным вдохновителем королевского деспотизма. Страффорд был заключен в Тауэр, а через месяц там оказался и архиепископ Лод. Судебная Звездная палата и административные советы по делам Севера и Уэльса были ликвидированы. Кроме них, перестала функционировать и церковная Высокая комиссия.

Парламент пересмотрел дела политических заключенных, которые вскоре, а в их числе и Джон Лильберн, вышли из тюрем. Были отменены патенты на монополии, а их обладатели исключены из парламента. Противозаконным был объявлен приговор по делу Гемпдена. Было принято постановление, запрещающее взимание какого бы то ни было налога без разрешения парламента.

Наконец, одно из самых ощутимых достижений

парламента заключалось в том, что король вынужден был подписать закон, согласно которому парламента мог быть распущен только по своему собственному желанию. Этот закон был подписан 10 мая 1641 г.

Таким образом, основы абсолютизма оказались значительно подорванными.

Несомненно, что на принятие таких радикальных мер в значительной мере повлияла поддержка действий парламентариев низшими слоями населения и в первую очередь плебейскими массами Лондона. Лондонские подмастерья и ученики, мелкие ремесленники, портовые рабочие и матросы своими решительными выступлениями на улицах столицы придавали речам парламентариев больше красноречия и смелости.

Народные волнения в поддержку действий парламента не один раз вынуждали короля идти ему на уступки.

Так, например, случилось с биллем об опале Страффорда, обвиненного в государственной измене, а также в ряде других преступлений. Только угроза штурма королевского дворца народом вынудила Карла дать согласие на этот билль.

Таким образом 12 мая 1641 г. при огромном стечении народа Страффорд был казнен.

Этим событием завершился первый этап Английской буржуазной революции.

Однако казнь Страффорда как бы расколола парламент на несколько частей. Часть парламентариев насторожилась, другие резко заняли правые позиции и начали решительно сопротивляться дальнейшим преобразованиям в стране.

В качестве характерного примера теперешнего состояния парламента можно привести рассмотрение им билля о епископате, составленного на основе петиции 15 тыс. лондонцев об уничтожении «древа прелатства с его корнями и ветвями». На рассмотрение парламента этот билль был внесен в январе 1641 г. Одним из его авторов являлся член парламента от графства Кембридж сквайр Оливер Кромвель (1599—1658). Как и все владельцы бывших церковных земель, он был непосредственно заинтересован в доведении реформации до конца.

Но биллю резко воспротивилась группа умеренных

членов палаты общин. Сквайр Стрейнджуэйс при этом заявил: «Если мы введем равенство в делах церкви, нам придется ввести равенство в делах государства». Другой член палаты — Эдмунд Уоллер дополнил его: «Церковь и государство смешаны как вода и вино. Если путем поднятия рук и подачи в парламент петиции они добьются равенства в церковных делах, то ближайшим их требованием будет аграрный закон». Другими словами, это грозило разделом земли и вообще собственности, что многим было не по нраву. Таким образом, билль был отклонен.

ИРЛАНДСКОЕ ВОССТАНИЕ И «ВЕЛИКАЯ РЕМОНСТРАЦИЯ»

В результате колонизаторской политики, которая проводилась в Ирландии английскими лендлордами в течение столетий, в октябре 1641 г. в этой стране вспыхнуло восстание.

Особенно жестокие формы захват земель ирландских кланов, национальное, политическое и религиозное угнетение ирландского народа приняли в 30-х годах XVII в., во время наместничества Страффорда. Что говорить, если даже убийство ирландца англичанином каралось всего лишь незначительным штрафом.

Английские революционные события 1640—1641 гг. оказали огромное влияние на самосознание ирландцев. Организовав под руководством клановой знати и католического духовенства конфедерацию, они начали добиваться полного изгнания чужеземцев и превращения Ирландии в независимую страну.

Однако заседавшие в Долгом парламенте купцы и сквайры, среди которых немало было владельцев земель в Ирландии, боялись ирландского восстания, так как видели в нем угрозу своему материальному благосостоянию. Борясь за свободу в Англии, они считали вполне естественным и допустимым колониальное угнетение Ирландии. Мало того, свобода Англии для них была неразрывно связана с колониальной политикой по отношению к Ирландии.

Пуритане парламента тут же поспешили испол-

зовать ирландское движение в своих интересах. Парламентом был выпущен заем под залог 2¹/₂ млн. акров ирландской земли, которую решено было конфисковать у восставших. В Лондоне нашлось большое количество желающих купить новый заем.

Вместе с тем ирландское восстание на повестку дня выносило и другой вопрос — о вооруженных силах и о том, кто будет ими управлять: парламент или же король. Несомненно, король стремился использовать события в Ирландии в своих интересах. Но парламенту тоже не хотелось выпускать из своих рук контроль над вооруженными силами.

Широкомасштабное наступление на короля началось в ноябре 1641 г., когда парламентом была выработана так называемая Великая ремонстрация. Это был длинный перечень злоупотреблений короля, которые он допустил за время своего единоличного правления. Перечень состоял из 204 параграфов. Их анализ показывает, что «злоупотреблением» парламентарии решили считать все, что ограничивало свободу буржуазного предпринимательства или угрожало неприкосновенности буржуазной собственности. В перечень вошли жалобы на вмешательство короны в дела промышленности и торговли, неудачные войны Карла I с Испанией и Францией, произвольное обложение налогами, безнаказанность католиков и иезуитов и преследования пуритан. Вместе с тем, в этом перечне не нашлось места для упоминания огораживаний или нужд сельских и городских рабочих и т. д.

«Палата общин, собравшаяся в настоящем парламенте, — говорилось в Великой ремонстрации, — с великим усердием и верностью радея и заботясь об общественном благе этого королевства и о славе и пользе его величества, в течение 12 месяцев вела борьбу с огромными опасностями и страхами, с вопиющими бедствиями и несчастиями, с различными смутами и беспорядками, которые не только стесняли, но удушали свободу, мир и благосостояние этого королевства, спокойствие и надежды добрых подданных его величества и в сильнейшей мере ослабляли и подрывали основы и прочность королевского трона... Для предупреждения печальных последствий, к которым могут повести указанные злонамеренные попытки, мы нашли полезным сообщить об источниках и о росте

этих злокозненных намерений (католической партии).

Мы считаем, что корнем всех зол является злокозненное и пагубное намерение ниспровергнуть основные законы и принципы нашего правления, на которых прочно покоятся религия и правосудие нашего королевства».

Перечень зачинщиков этих намерений открывался следующим образом:

«1. Иезуитские паписты, которые ненавидят законы, как препятствия для ниспровержения нашей религии и тех изменений в ней, которых они жаждут.

2. Епископы и разложившаяся часть духовенства, покровительствующие формализму и суеверию, как естественным результатам и устоям их собственной церковной тирании и узурпации.

3. Те советники и придворные, которые во имя своих частных целей приняли на себя обязательство содействовать интересам некоторых иностранных государств в ущерб его величеству и своей стране».

Ремонстрация пестрела злоупотреблениями короля, оставляя потомкам живую картину своего сложного времени. Среди обвинений были и «обременение королевства постоями солдат и связанное с этим намерение германской конницы побудить население страхом, либо заставить силой оплачивать произвольные контрибуции...», и «монополия на мыло, соль, вино, кожу, каменный уголь и на все предметы, наиболее ходовые и необходимые», и то, что «почетные звания, судейские места и должности продавались за большие суммы, из-за чего обычное правосудие королевства подверглось большой опасности не только потому, что открылись пути для занятия мест, связанных с большим доверием и властью, для людей недостойных, но и потому, что создались возможности подкупа, вымогательства и кумовства, ибо редко случается, чтобы места, добытые плохими средствами, хорошо использовались...» и т. д.

Последние пункты Великой ремонстрации содержали важное политическое требование. Парламент требовал права контроля над деятельностью министров короля. Этим самым он выражал основной принцип буржуазного парламентаризма, который окончательно укрепился в Англии только в XVIII в.

Вместе с тем, работа над ремонстрацией опять обнаружила серьезные расхождения в политических взглядах членов парламента. Многие члены палаты общин (коммонеры) боялись непредсказуемых последствий ремонстрации вплоть до начала гражданской войны.

Выражая мнение наиболее решительных противников абсолютизма, Кромвель заявил, что, если ремонстрация будет отвергнута, для него самого и для «всех честных людей» не останется ничего другого, как покинуть Англию.

Ремонстрация была принята 22 ноября 1641 г., причем незначительным большинством голосов.

К ней была приложена петиция палаты общин о состоянии королевства, состоящая из трех «смирненных» пожеланий королю.

Первое пожелание было составлено «в целях охраны мира и безопасности королевства от преступных посягательств папистской партии». Парламентарии «со всей верностью и смирением» умоляли короля «лишить епископов их права голоса в парламенте и уменьшить узурпированную или непомерную власть над духовенством», а также «устранить все те стеснения в религии, в церковном управлении и организации, которые были ими введены и взлелеяны, устранить притеснения и ненужные обряды, которые ввели в смущение многие слабые умы».

Второе пожелание касалось королевского совета, из которого предлагалось удалить всех лиц, «которые упорно содействуют тем стеснениям и разложению, от которых страдает... народ».

Третье пожелание касалось Ирландии. Парламентарии предлагали немедленно прекратить раздачу конфискованных ирландских земель, «которые перейдут к... короне в результате настоящего восстания, чтобы корона могла получить с этих земель большие доходы».

БОРЬБА ПРОТИВ ПОПЫТОК КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕВОРОТА

В то время, когда готовилась ремонстрация, король предпринял поездку в Шотландию. Он надеялся превратить своих еще недавних врагов в союзников и в оплот против мятежной столицы. Впрочем, его устраивала бы даже возможность обеспечить свой тыл с севера, если вдруг в стране возникнет гражданская война. По этой причине Карл I признал неизбежность пресвитерианского церковного устройства Шотландии.

Однако этот маневр очень встревожил парламентскую оппозицию. Тут же в Шотландию направились уполномоченные парламента, которые должны были повсюду «сопровождать» короля и тут же докладывать парламенту о всех его политических шагах.

Вернувшись из зарубежной поездки, Карл I дал ответ на петицию, сопровождающую Великую ремонстрацию.

Ответ был внешне доброжелателен и призван показать, что король с пониманием относится к поднятым парламентом вопросам.

«Вскоре после нашего возвращения из Шотландии мы получили от вас длинную петицию, — говорилось в нем, — состоящую из многих пожеланий большой важности, с присоединенной к ней декларацией весьма необычного характера. Мы оставили себе некоторое время для ее рассмотрения, как надлежало в отношении к делу такой важности...

По первому разделу вашей петиции относительно религии, состоящему из нескольких пунктов, мы можем сказать, что для предохранения мира и безопасности нашего королевства от намерений папистской партии мы действуем и готовы действовать парламентским путем в согласии со всеми справедливыми желаниями нашего народа. Что касается лишения епископов их права голоса в парламенте, мы обращаем ваше внимание, что это право основано на законах королевства и конституции парламента...»

В таком же духе были выдержаны и ответы на остальные разделы петиции.

Но Карл I вовсе не искал примирения с парламентом. Наоборот, он тут же потребовал суда над пятью

лидерами палаты общин и одним пэром. В Тауэр был назначен преданный королю комендант, который получил приказ навести орудия на Лондон. Жерла крепостных орудий были направлены прямо на Сити. Была снята охрана парламента под предлогом, что сам король позаботится об этом.

По существу это была подготовка короля к разгону парламента и расправе над его лидерами. И парламенту не оставалось ничего другого, как апеллировать к массам.

Улицы Лондона заполнили толпы людей. В палату лордов 11 декабря была подана петиция с требованием исключить епископов из состава палаты. И когда 27 декабря те явились на заседание, вооруженная толпа встретила их криками: «Долой епископов!» Из страха перед ней епископы и некоторые светские лорды, наиболее ярые сторонники абсолютизма, перестали посещать заседания палаты лордов. 28 декабря на заседание осмелились явиться только два епископа.

Лорды потребовали принять самые жесткие меры против «смутьянов», но общины не поддержали их.

3 января 1642 г. королевский прокурор потребовал ареста пяти членов палаты общин, среди которых были Пим, Гемпден, Гольз и др., по обвинению в государственной измене. Однако палата отказалась их выдать.

На следующий день, в нарушение древних обычаев, король в сопровождении 400 вооруженных солдат лично явился в палату общин с намерением арестовать депутатов. Но члены парламента, которым угрожал арест, были вовремя предупреждены об этом, и скрылись в Сити.

Раздосадованный король покинул палату. Проходя сквозь вооруженную толпу, лагерем расположившуюся вокруг парламента, он слышал громкие крики: «Привилегия, привилегия!» Это означало, что король нарушил традицию, в силу которой он не вправе был присутствовать на заседаниях палаты общин. Эта традиция рассматривалась как привилегия парламента.

Лондон в эти дни походил на вооруженный лагерь. Палата общин прервала свои заседания в Вестминстере и переехала в Сити.

Возбуждение в Лондоне все увеличивалось. Так,

7 января по ложной тревоге на улицах города собралось более 100 000 человек. Около 5 000 фригольдеров Бакингемшира прибыло в столицу для того, чтобы поддержать своего земляка Джона Гемпдена. Кроме того, из других, соседних с Лондоном, графств прибыли также многочисленные сквайры, фригольдеры и копигольдеры. Охрана парламента была поручена лондонскому ополчению (милиции).

Таким образом, заговор двора против парламента был сорван. 10 января король оставил столицу и отправился на север, чтобы собрать силы для вооруженной борьбы. Вооруженная борьба между королем и парламентом с этого времени стала неизбежной.

11 января палата общин снова вернулась в Вестминстер. Ее сопровождали несколько тысяч лондонцев.

Необходимо также отметить, что 1 июня 1642 г. парламентом была предпринята последняя попытка избежать гражданской войны. В этот день палата лордов и палата общин направили Карлу I, который находился в Йорке, «19 предложений».

«Необходимо удалить из вашего Тайного совета и с других должностей, — говорилось в них, — всех лордов и других членов Тайного совета, а также высших чиновников и государственных министров, кроме тех, которые будут одобрены обеими палатами парламента... Важные дела королевства не должны решаться или выполняться по совету частных людей или каких-либо неизвестных и не принявших присяги советников... Необходимо, чтобы ваше величество соизволили согласиться на проведение таких изменений в церковном управлении и формах богослужения, которые будут рекомендованы обеими палатами парламента...».

Одним из самых сложных вопросов являлся ордо-нанс парламента о сборе милиции, во главе которой решением парламента был поставлен граф Эссек. Последнее являлось нарушением прерогативы короля — призывать «под ружье» милицию и назначать лорд-лейтенанта.

Конечно же, король с ходу отверг предложения парламента, увидев в них «покушение на конституцию и основные законы королевства».

22 августа в Ноттингеме было поднято огромное

королевское знамя (штандарт) с изображением королевских гербов по четырем углам с короной в центре и указующим перстом: «Воздайте кесарю должное ему».

Это свидетельствовало о том, что король объявил войну «феодалу» графу Эссексу, а фактически — парламенту.

НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Англия открыто разделилась на два лагеря: сторонников короля — кавалеров и сторонников парламента — круглоголовых, которые в отличие от кавалеров не носили длинных волос, ниспадавших на плечи.

Северные и западные графства в основном оказались на стороне короля, а южные и восточные — на стороне парламента. Хотя, конечно, и в пределах «роялистской» зоны находились некоторые опорные пункты парламента, и, наоборот, на территории, контролируемой парламентом, были опорные пункты приверженцев короля.

Территории, поддержавшие короля, являлись экономически отсталыми и редко населенными. На стороне парламента выступили богатые и экономически наиболее развитые графства Англии.

Представители крупной знати и значительная часть среднего дворянства, государственная англиканская церковь, придворные чиновники и связанные с двором финансисты-монополисты в основном выступили на стороне короля с девизом «За бога и короля!». Напротив, большая часть торгово-предпринимательских элементов стала опорой парламента, точно так же как и народные низы.

Таким образом, «конституционный» по видимости конфликт к осени 1642 г. перерос в конфликт вооруженный. Люди, принадлежавшие к двум враждебным лагерям, воевали друг против друга не только по отдельным графствам, но иногда даже в отдельных селениях. Везде собирались отряды милиции, завязывалась борьба за овладение оружейными складами. Кстати, только за один день в лондонскую милицию

вступило около 5 тыс. добровольцев. В пользу парламента было собрано немалое количество оружия, а также денег и драгоценностей. С тех, кто открыто сочувствовал королю, взимались контрибуции.

В то же время сторонники короля — роялисты — также энергично организовывали свои силы. Многие лорды за свой счет снаряжали и приводили под королевское знамя целые полки. Особенно прославился в этом смысле граф Гламорген, который на эти цели израсходовал колоссальную сумму в 918 тыс. ф. ст.

Несмотря на то, что роялистам удалось привлечь на свою сторону немало зависимых от них ремесленников, слуг, земледельцев, не вызывает сомнения дворянский характер их ополчений. Особенно это касается кавалерии. Необходимо также отметить большой удельный вес в их рядах дворян-католиков. Например, в северных графствах католики составляли одну треть офицеров королевского ополчения.

Преимущественно народный характер ополчений парламента также не могли не отметить современники. Известно, что в 1642—1643 гг. 20 тыс. добровольцев, как мужчины, так и женщины и дети, возводили вокруг столицы укрепленную полосу 9 футов в ширину, 18 футов в высоту и 18 миль в длину.

А вот как описывали начало гражданской войны современники (J. Rushworts. The Historical Collections (1618—1648). London, 1659, v. IV, p. 783):

«В понедельник, 22 августа, утром его вел. оставили свои силы перед Ковентри и в сопровождении нескольких лордов и другой свиты поехали верхом в Лестер, где они обедали в этот день в доме графини Девонширской. Тотчас же после обеда король опять сел на лошадь и в сопровождении свиты поехал в Ноттингем, где происходили большие приготовления для поднятия в этот день штандарта, как это было назначено ранее. Немного времени спустя после прибытия короля в город, штандарт был взят из замка и вынесен в поле... с большой торжественностью: его величество, наследный принц и принц Руперт (которого его величество недавно сделал рыцарем подвязки) принимали участие в процессии с различными другими лордами и джентльменами свиты его величества, помимо большого числа кавалеристов и пехоты, в общем числе около 2000 человек.

Как только штандарт был воздвигнут и его величество и другие лорды расположились около него, королевский герольд приготовился огласить прокламацию о подавлении мятежа графа Эссекса, поднявшего против него вооруженные силы. Для этой цели король нуждался в помощи и содействии всех своих возлюбленных подданных... После прочтения прокламации вся толпа начала кидать вверх свои шляпы и кричать «Боже, храни короля» и т. п.

Вскоре после этого король послал палатам свое послание (следующего содержания):

«С невыразимой скорбью в сердце созерцаем мы смуту в нашем королевстве. Наша душа до глубины полна боли, пока мы не нашли средства предотвратить те беды, которые в виде гражданской войны готовы обрушиться на весь наш народ. И хотя все наши попытки, имевшие целью устранить несчастные разногласия между нами и двумя нашими палатами парламента, предпринимавшиеся нами со всем усердием и искренностью, до сих пор оставались без того успеха, на который мы надеялись, тем не менее, наша постоянная и серьезная забота о сохранении общественного мира такова, что мы не теряем мужества для применения всех мер, которые с благословения милосердного Господа могут положить твердое основание миру и счастью всех наших добрых подданных. Замечая, что многие недоразумения возникли вследствие посланий петиций и ответов между нами и двумя палатами парламента и что эти недоразумения могли бы быть счастливо предотвращены каким-либо иным путем соглашения, при котором предмет разногласий мог бы быть лучше уяснен и свободнее обсужден, мы полагаем бы целесообразным для этой цели предложить вам, чтобы несколько подходящих лиц были уполномочены вами вступить в переговоры с таким же числом лиц, назначенных нами, таким способом и с такой свободой обсуждения, которые могут наилучшим образом привести к тому счастливому концу, которого хотят все добрые люди, — к миру в королевстве. В течение этого времени, как мы обещаем королевским словом, все те лица, которые будут посланы к нам, если вы выберете для переговоров то место, где мы находимся, будут в полной безопасности и в благоприятных условиях...».

Парламент получил королевское послание 25 августа. Предложение о переговорах принято не было. Точнее, члены парламента выдвинули свои условия: прежде королю необходимо взять обратно прокламации и декларации, «которыми граф Эссекс и обе палаты парламента, а также их сторонники и помощники и все люди, которые им повиновались и исполняли их распоряжения и указания согласно своему долгу, объявляются изменниками», а также опустить штандарт, поднятый в осуществление указанных прокламаций.

Напряжение у воюющих сторон возрастало.

ПРЕСВИТЕРИАНЕ И ИНДЕПЕНДЕНТЫ

Парламент уже с самого начала гражданской войны имел важные преимущества. В его руках находились все сколько-нибудь значительные порты и флот, а значит, и контроль над морскими коммуникациями. Благодаря тому, что парламента владел Лондоном, его людские и материальные ресурсы превосходили значительно королевские.

Но для победы этих преимуществ, конечно же, было недостаточно. Очень многое зависело от способности парламента возглавить революционные массы, которые могли бы вести борьбу до конца. Однако именно этого не хотела и боялась значительная часть парламента.

Уже ранее обозначившийся при обсуждении билля об уничтожении епископата раскол в парламенте к концу первого года гражданской войны привел к образованию в его составе двух партий — партии большинства, которая главным образом опиралась на лондонскую консервативную верхушку буржуазии и оппозиционно настроенную часть аристократов, и партии меньшинства. Последняя состояла из мелких и средних сельских дворян, которые представляли интересы средней буржуазии.

Представители первой партии видели в войне только средство достичь соглашения с королем и добиться некоторых уступок.

Вторая партия была готова довести войну до по-

бедного конца и до полного разгрома короля и кавалеров, опираясь при этом на революционно настроенные массы.

Эти две политические группировки получили названия двух основных течений в пуританстве. Партия большинства была названа пресвитерианской (пресвитерианство имело большое распространение среди лондонских купцов и банкиров). Партия меньшинства стала называться индепендентской. Это радикальное течение пуританства было очень распространено в среде мелкого джентри, ремесленников и фригольдеров Средней и Восточной Англии.

ДВА ЭТАПА ПЕРВОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Как правило, ученые-историки первую гражданскую войну (1642—1646) делят на два этапа:

1) с 1642 до лета 1644 г., когда парламента преимущественно занимал оборонительную позицию, а военная инициатива находилась в основном в руках короля;

2) с лета 1644 по 1646 г., когда инициатива в военных действиях была полностью на стороне парламента.

Первое крупное сражение парламента сил «круглоголовых» с «кавалерами» произошло 23 октября 1642 г. при Эджилле. Парламентское ополчение было близко к тому, чтобы нанести поражение королевским вооруженным силам, однако главнокомандующий парламента армией граф Эссекс намеренно давал возможность роялистам выходить из боя без значительных потерь. Он проявил явное нежелание нанести королю решительный удар, хотя для этого имелись все возможности. В результате король укрепился в Оксфорде — всего в 50 милях от Лондона.

В этом же сражении было обнаружено превосходство роялистов в решающем тогда роде войск — кавалерии.

А вот как описывали сражение при Эджилле его очевидцы, приверженцы короля (J. Rushworth. The Historical Collections..., v. V, pp. 33—35):

«В субботу, 23 октября 1642 г., его величество дал

приказ потребовать сдачи Бенбери и в случае отказа осадить этот город с 4000 пехотинцев и 4 пушками. Но в этот вечер было принесено известие, что мятежники решили оставить город; однако это не было настолько достоверно, чтобы вызвать какое-либо изменение прежних приказов. Но в воскресенье в 3 часа утра поступило определенное сообщение, что туда направляется со всей поспешностью вся армия мятежников, которая расположилась в Кейнтоне в трех милях от Эджилла. Вследствие этого король дал немедленный приказ всей своей армии со всей поспешностью двинуться к Эджиллу, находившемуся в 4 милях от ближайшего расположения (королевского войска)... Как только мы вступили на вершину Эджилла, с которой открывается вид на Кейнтон, мы увидели армию мятежников, которая строилась в ряды и приводила себя в боевой порядок. Вслед за этим королевская конница спустилась с горы и привела себя в боевой порядок; так же сделала и пехота, получив приказание сойти к подножию горы; но прежде чем это было сделано и прибыла королевская артиллерия, было уже больше двух часов пополудни...

Артиллерия обеих сторон работала очень энергично; первыми открыли огонь мятежники. Стычка началась между двумя крыльями конницы; конница мятежников не выдержала нашего нападения и четверти часа и обратилась в бегство; наши люди преследовали и истребляли противника на расстоянии трех миль... В то время, как это происходило, пехота противника в центре встретилась с полками королевской гвардии и предприняла на них атаку. У нас был при этом захвачен королевский штандарт (его знаменосец был убит) и были взяты в плен лорд Уиллогби и его отец... После того, как левая сторона нашей пехоты была приведена в расстройство, поколебалась и остальная часть армии. К этому времени правое крыло нашей конницы возвратилось с преследования мятежников, будучи в некотором беспорядке после этого преследования... Наша конница остановилась, быстро привела себя в порядок и двинулась вперед... К этому времени стало так темно, что наше главное командование не решилось предпринять атаку из боязни принять друзей за врагов. Мы отступили на вершину холма, откуда пришли, вследствие преимущества это-

го места: мятежники — в деревню, где они стояли в предшествующую ночь...

Мятежники потеряли в сражении свыше 70 человек офицерского состава — корнетов и офицеров; мы потеряли 16 офицеров, но ни одного корнета. Наша конница вернула обратно не только штандарт, но и несколько наших офицеров. Число убитых с обеих сторон точно неизвестно, но несомненно, что мы убили пять на одного...

На следующий день после сражения граф Эссекс, найдя свою армию крайне ослабленной и потерявшей мужество вследствие сильного удара, который она получила от армии его величества, уехал в замок

Зверства кавалеров.
Гравюра из памфлета 1644 г.

Уорвик. В ту же ночь остальная часть его сил также частным порядком направилась туда же в сильно расстроенном виде. Получив об этом известие, принц Руперт на следующее утро предпринял их преследование, но они все вошли в Уорвик или рассеялись, прежде чем он их настиг. Однако его высочество взял 25 подвод и экипажей мятежников, нагруженных амуницией, медикаментами и прочей поклажей, часть из которых он увез, а остальное сжег...».

Главной причиной слабости парламентской армии было то, что она состояла преимущественно из наем-

ников, которые за деньги были готовы служить кому угодно.

Это понял Оливер Кромвель, сражавшийся под Эджиллем во главе им самим набранного отряда в несколько десятков крестьян-кавалеристов.

Кромвель говорил в те дни полковнику парламентской армии Гемпдену: «Ваши отряды состоят большей частью из старых, дряхлых военных служак и пьяниц, а их (т. е. королевские) отряды — из сыновей джентльменов... Неужели вы думаете, что эти низкие и подлые люди когда-либо будут в состоянии померяться силами с джентльменами?»

Кромвель утверждал, что без революционного воодушевления войск парламент не сможет одержать решающей победы, и в этом с ним нельзя было не согласиться.

Если же говорить об отношении к этой гражданской войне пресвитериан, то его достаточно красноречиво характеризует письмо парламентского генерала Уоллера к роялисту Хоптону, которое было написано накануне предстоящего между ними сражения.

«Мое расположение к вам, — говорилось в письме пресвитерианского военачальника, — остается столь неизменным, что даже линия фронта не может разрушить мои дружественные чувства к вам. Великий бог ведает, с каким отвращением я шел на эту службу и с какой ненавистью я смотрю на эту войну без врага».

Конечно, настроения подобные этому, не могли не отражаться пагубно на состоянии парламентских войск. В конечном итоге они могли привести к гибели дело революции.

Действительно, уже к лету 1643 г. положение парламента приблизилось к критической черте. Парламентская армия Эссекса, с трудом продвигаясь к Оксфорду, резиденции короля, таяла на глазах от дезертирства и эпидемий.

В то же время король Карл I продолжал наращивать свои силы. Уехавшая в 1642 г. во Францию, королева возвратилась обратно с людьми, снаряжением и значительными денежными суммами. Парламентская армия Уоллера, которая блокировала роялистов на Западе, оказалась почти полностью уничтоженной.

26 июля 1643 г. роялисты заняли второй по величине порт Англии — Бристоль.

На Севере армии короля удалось нанести крупное поражение парламентским силам, находившимся под командованием Фердинанда и Томаса Ферфаксов. В руках «кавалеров» оказался весь Йоркшир.

К осени 1643 г. у короля созрел план концентрической атаки Лондона с трех направлений. Так, с севера должна была наступать армия герцога Ньюкасла, в центре — войска, которыми командовал племянник короля принц Руперт, а с запада — корнуолльские отряды.

В это время во многом решалась судьба революции. И тут в который раз на помощь пришли народные массы. Лондонская милиция, которая состояла в основном из столичного плебса, с невероятной быстротой проделала марш через все королевство на запад, придя на помощь осажденному роялистами Глостеру. Город был спасен.

25 октября, на обратном пути в битве при Ньюбери стойкие ополченцы смогли выстоять перед роялистской кавалерией под началом принца Руперта, в то время как парламентская кавалерия была сметена ее сокрушительным ударом.

«Около этого времени, — писал современник, — судьба парламента казалась столь печальной вследствие огромных потерь как на западе, так и на севере и вследствие большой убыли армии его превосходительства от болезней, что ничто, кроме благословения божьего, не могло выправить ее... Глостер подвергался осаде большой и храброй армии. Его превосходительство находился в это время в 80 милях отсюда с истощенной и почти ничтожной армией; каждый день приходили ложные известия, что город взят, чтобы лишить его мужества идти к нему на помощь... Мы пошли в Ньюбери, и когда приблизились на расстояние двух миль от города, то могли рассмотреть на холме силы противника; вся их армия, предупредив нас, вошла в Ньюбери и завладела городом. Но на следующий день с рассветом был дан приказ, чтобы мы шли на холм вблизи Ньюбери, называемый Бигмхилл. Когда его превосходительство увидал, что эта вершина занята уже войсками неприятеля, он предпринял яростную атаку на него во главе своего полка, выбил

противника с холма и удержал его весь день, скорее расширяя, чем утрачивая свои позиции. Около этого времени подошли два лондонских полка городского ополчения, которые с бесстрашной решимостью противостояли атакам конницы и пехоты».

В этой битве было захвачено три знамени королевской армии. Одно из них представляло из себя арфу с королевской короной, на другом был изображен ангел с пылающим мечом, поражающий дракона, и надпись: «Никто, кроме Бога». На третьем было французское изречение: «Мужество во имя дела».

С наступлением ночи конница и пехота короля выстроились, готовые в любой момент начать атаку. Готовилась к бою и артиллерия. Однако под утро король отступил.

В то же время в так называемой Восточной ассоциации (объединение пяти восточных графств — Норфолка, Сеффолка, Эссекса, Кембриджа, Гертфорда, возникшее в конце 1642 г.) в схватках с «кавалерами» отличились йомены-кавалеристы, которых возглавлял Кромвель. 11 октября 1643 г. они одержали значительную победу в сражении под Уинсби, сначала отразив угрозу вторжения «кавалеров» в пределы ассоциации, а затем перейдя в наступление, в результате чего от роялистов вскоре был освобожден весь Линкольншир.

В конце концов, на стороне парламента выступила Шотландия, которая послала ему на помощь армию количеством в 20000 человек. Со своей стороны английский парламент обязался ввести по примеру Шотландии государственную пресвитерианскую церковь, а также взял шотландскую армию на свое содержание.

«Шотландская армия», вступившая в Англию, — писали современники, — состоит приблизительно из 18 000 пехотинцев, 3000 кавалеристов и от 500 до 600 драгун.

Генерал Левен, находясь на пути к Бервику, запросил, готов ли идти с ним комитет, назначенный для того, чтобы направиться в Англию с армией, говоря, что он не перейдет пограничного моста до тех пор, пока не придет комитет. 13 января 1644 г. названный комитет прибыл в Бервик, и тогда генерал со своей экспедицией приготовился отправиться в поход».

Война поставила перед парламентом главный вопрос: к чему сводится конечная цель его военной политики? И тут оказалось, что пресвитерианское большинство палаты общин больше всего боится военной победы над королевской армией, поскольку это может вызвать революционную инициативу народных низов как города, так и деревни, которые и без того «сверх меры осмелевшие». В нескольких городах произошли перевороты, в результате чего вместо роялистски настроенной правящей олигархии к власти пришли выходцы из менее состоятельных, но более демократических кругов.

О мотивах желания пресвитериан ограничить вооруженный конфликт с королем оборонительной тактикой в 1644 г. довольно недвусмысленно сказал граф Эссекс:

«Является ли это той свободой, которую мы взяли защищать, проливая нашу кровь?.. Потомки скажут, что для освобождения их от гнета короля мы подчинили их гнету простого народа».

Поэтому тактика парламента в это время сводилась к тому, чтобы добиться минимально приемлемых для себя уступок с помощью мирных переговоров, которые, кстати, не прекращались на протяжении всей гражданской войны — в 1643, 1644, 1645 и 1646 гг., а не пытаться победить его с помощью низов.

Обсуждался в парламенте и еще один вариант: достичь своей цели с помощью шотландцев.

В одном из самых крупных в гражданской войне сражений — при Марстон-Муре, около Йорка, которое произошло 2 июля 1644 г., благодаря военному таланту Кромвеля и мужеству его отрядов парламента армия одержала блестящую победу. В плен было захвачено множество пленных, а также военные трофеи.

Вместе с тем порочная тактика затягивания войны, осуществлявшаяся пресвитерианскими военачальниками на Юге и Западе, практически свела на нет результаты этой победы. Заново укомплектованная армия Уоллера потерпела вторичное поражение; армия Эссекса была разгромлена, а сам Эссекс чуть не попал в плен. При этом его ближайший помощник граф Манчестер, который под своими знаменами имел около 20 тыс. человек, даже не двинулся с места.

«Названный граф,— заявил в парламенте Кромвель,— всегда отрицательно относился к сражениям, был против окончания войны силой оружия...».

Да и сам Манчестер не раз открыто говорил: «Если мы разобьем короля 99 раз, он все-таки останется королем, как и его потомство после него. Если же король разобьет нас хотя бы один раз, нас всех повесят, а потомков наших сделают рабами».

Такая военная тактика пресвитериан только затягивала войну, а революции угрожала гибелью.

Однако, возвращаясь к сражению при Марстон-Муре, нельзя не отметить, что оно со всей очевидностью продемонстрировало боевой дух и мужество парламентской армии.

Ярким подтверждением этому может служить воспоминание одного из участников этой крупнейшей во время гражданской войны в Англии битве (Thomson Tracts, British Museum, E. 2/1):

«К вечеру в субботу, 30 июня, мы получили надежные сведения, что принц Руперт со своей армией находится в Бароубридже, в 12 милях от Йорка, и что он намеревается на следующий день дать нам сражение. Вследствие этого мы решили в эту ночь и на следующее утро снять осаду (Йорка), чтобы быть в состоянии встретить крушные силы, готовые напасть на нас, надеясь возобновить осаду после отражения сильного противника. Вы легко поверите, что в городе была большая радость и многочисленные манифестации после удаления войск, которые так долго окружали город со всех сторон. Сердца многих из нас поистине были подавлены тяжестью, усматривая в этом акт провидения, как бы указывающий на божественное недовольство нами. Однако Господь милостиво дал нам понять неосновательность наших сомнений и упадка духа...»

В понедельник, 1 июля, со всеми нашими силами мы выступили в Хессаммур (на южной стороне реки Узы) с надеждой встретиться там с принцем Рупертом на пути его в Йорк. После полудня наша армия была приведена в боевой порядок и наши солдаты были полны радости, ожидая сражения с врагами, ибо наши разведчики заверили нас, что принц со своей армией будет проходить по этому пути. Однако принц Руперт, понимая наши приготовления к встрече

с ним, прошел по другой стороне реки и пошел на Йорк для облегчения пострадавшего населения этого города. Вследствие столь печального разочарования наши сердца были полны печали...

Во вторник утром наша пехота с артиллерией получили распоряжение идти по направлению к Тедкастеру... Когда шотландцы, маршировавшие в этот день в авангарде, почти достигли Тедкастера, и пехота графа Манчестера находилась в двух или трех милях от Марстона..., неприятель со всеми своими силами возвратился в Мур. Прежде чем наша пехота могла вернуться назад, противники заняли Мур (весьма благоприятную позицию)... Наш доблестный командир Лесли проявил свои военные способности с неустанной энергией..., наша армия была приведена в боевой порядок к 6 или 7 часам...

Нашим отличительным знаком была белая бумага или носовой платок на наших шляпах; нашим лозунгом был «С нами Бог». Знак неприятеля заключался в том, что они были без лент и шарфов, их лозунгом был «Бог и король»...

Наша армия, двигавшаяся вниз по холму несколькими частями, была похожа на множество густых облаков. Она была разделена на бригады по 800, 1000, 1200 и 1500 человек. Неприятель, как сообщали некоторые пленники, был утрачен нашим приближением, не ожидая никакой атаки до следующего утра. При приближении пехоты графа Манчестера после небольшой перестрелки с обеих сторон мы заставили противника оставить в беспорядке живую изгородь, где они потеряли 4 пушки. Лорд Ферфакс со своей бригадой на правом фланге также выбил противника из живой изгороди, отбив у них их артиллерию.

До этого времени генерал-лейтенант Кромвель с большой храбростью производил одну атаку за другой и привел в расстройство две из самых храбрых бригад конницы на правом крыле противника... Наша конница и пехота с неустрашимым мужеством обратила правое крыло неприятеля в бегство, захватив как их артиллерию, так и амуницию. Наше левое крыло продолжало с возобновляющейся энергией проявлять свою храбрость: оно атаковало каждую часть, остающуюся на поле битвы, пока все они не были совершенно расстроены и не обратились в бегство; наши люди

преследовали неприятеля около трех миль почти до самого Йорка».

Трудное положение народа, которое в связи с гражданской войной еще больше ухудшилось, а также рост его недовольства на некоторое время ослабили позиции пресвитериан в парламенте. Используя этот факт, индепенденты во главе с Кромвелем добились принятия парламентом плана коренной реорганизации армии. Так, например, вместо территориальных отрядов милиции и отрядов наемников было решено создать единую регулярную армию «нового образца», которая бы вербовалась из добровольцев в подчиненных парламенту графствах, с единым, централизованным командованием, а также содержанием войск за счет государственного бюджета.

Согласно этому плану, все находившиеся в армии члены парламента должны были отказаться от своих командных постов на основании так называемого билля о самоограничении от 19 декабря 1644 г.

«Постановлено и т. д., что в течение этой войны, — говорилось в билле, — ни один член обеих палат не должен занимать или выполнять каких-либо командных должностей, военных или гражданских, установленных или одобренных одной или обеими палатами парламента, или какими-либо властями, получившими полномочия от одной или обеих палат. В соответствии с этим должно быть издано надлежащее узаконение».

К весне 1645 г. план парламента о коренной реорганизации армии был проведен в жизнь. Армия «нового образца» численностью в 22 тыс. человек, в том числе 6-тысячный отряд кавалерии, в который влились и «железнобокие» Кромвеля, стала ударной силой парламента. Для армии были характерны пуританский энтузиазм и революционный порыв. Во главе ее стояли офицеры, среди которых было немало представителей низших слоев населения. Так, например, полковник Прайд — бывший извозчик, полковник Хьюсон — в прошлом сапожник, полковник Фокс когда-то был мастером-котельщиком и т. д.

Новая армия была полна решимости вступить в борьбу с королевскими силами. Ее командующим был назначен 33-летний Томас Ферфакс, который до этого возглавлял парламентские силы на Севере.

На основании закона о самоограничении все вое-

начальники-пресвитериане были удалены из армии. Единственное исключение было сделано для члена парламента Оливера Кромвеля. К этому времени слава о нем шла по всей стране. В армии Кромвель остался в качестве командующего кавалерией, а также помощника Ферфакса.

Таким образом, командование армией оказалось в руках индепендентов.

Опираясь на самоотвеженность и массовый героизм крестьян и городских ремесленников, одетых в солдатские мундиры, армия «нового образца», централизованная и дисциплинированная, решила исход гражданской войны в пользу парламента.

Сокрушительный удар по «кавалерам» она нанесла 14 июня 1645 г. в сражении при Нэзби в Нортгемптоншире. Огромная роль в этом сражении принадлежала кромвелевской коннице «железнобоких», которая обрушилась на фланг и тыл роялистской пехоты.

Неизвестный автор так писал о битве при Нэзби (Thomasian Tracts, E. 288/28):

«Утром в пятницу к нашей армии, которая строилась для преследования короля, направлявшегося к Лейстеру, прибыл генерал-лейтенант Кромвель. Конница при его приближении подняла громкие крики радости по поводу его прибытия. Отряд нашей конницы был послан в Дэвентри на разведку: когда и каким путем отправилась армия короля; он взял несколько пленных и ночью отправился в Гилсборо в 6 милях от Харборо — главной квартиры короля. Авангард нашей конницы и арьергард королевских войск находились в трех милях друг от друга до наступления рассвета, когда разведчики обеих сторон сделали салют друг другу, и наша армия приготовилась идти вслед за королем для встречи с его войсками. Люди короля, осознавши наше скорое приближение и то, что они не могут уходить от нас с такою же быстротою, с какою мы их преследуем, ибо у них было около 300 повозок, решили воспользоваться преимуществами местности на большом холме на поле в Нэзби, около 9 миль от Норсемптона... Около 9 часов утра в субботу, 14 июня, мы сошлись с ними в битве при большой решительности с обеих сторон. Правое крыло короля предприняло первую атаку на наше левое крыло и

вытеснило его в некотором беспорядке с его позиции. Наше правое крыло сделало то же самое по отношению к их левому крылу. В центре в это время обе армии вели упорную борьбу друг с другом: наша пехота при первой атаке захватила позицию неприятелей и при некоторых потерях с его стороны, однако она была оттеснена их конницей, которая при второй атаке привела наших в некоторое расстройство. Благодаря усилиям наших боевых офицеров, наш центр был скоро выстроен опять и в то же время вновь было приведено в порядок наше левое крыло, и вся наша армия во всех частях путем энергичных атак в течение почти часа привела армию неприятеля в такое замешательство, что все люди короля были оттеснены от их артиллерии, а наше правое крыло, используя свое преимущество, которое они получили вначале, обратило королевскую армию в общее бегство...».

В этой битве роялисты потеряли 5 тыс. пленными, почти 300 повозок, из которых 12 были с артиллерией.

Как сообщает тот же неизвестный автор, «неприятели увезли с поля битвы за мост в Харборо лишь 6 двуколок и повозок, одна из которых была взята в городе нашей (кромвелевской) конницей, а другие взяты за милю от города. Много повозок было нагружено богатой добычей, другие — оружием и амуницией; было около 50 возов мушкетов, пик, пороха, зажигалок и снарядов, много чемоданов, которые наши солдаты скоро опустошили, что они также сделали и с повозками, везшими разного рода амуницию».

Сам король в этом сражении едва спасся бегством. Он бежал на Север и 5 мая 1646 г. сдался в плен шотландцам, рассчитывая таким образом сыграть на англо-шотландских противоречиях.

Однако шотландская сторона посчитала более выгодным выдать Карла английскому парламенту. За это парламент обязался выплатить ей 400 тыс. ф. ст. (официально в качестве возмещения за военные расходы).

Так закончилась первая гражданская война.

Оливер Кромвель родился 25 апреля 1599 г. Его родиной был Гентингдон — центр одноименного графства, провинциальный город с населением не более 1000—1200 человек.

Род Кромвелей являлся представителем местной элиты еще со времен Реформации.

Прадед Оливера, Ричард Уильямс, родовому имени предпочел фамилию своего дяди Оливера Кромвеля (в его честь, кстати, и был назван будущий герой Англии), который при короле Генрихе VIII являлся могущественным временщиком. В 1540 г. Ричард неплохо отличился на рыцарском турнире, посвященном четвертому по счету бракосочетанию короля Генриха VIII, чем немало потешил стареющего сластолюбца. В награду он был пожалован королем в рыцари. Кроме того, как свидетельствуют старинные хроники, Генрих VIII подарил Ричарду перстень с бриллиантом.

Впоследствии Ричард Кромвель не забыл отплатить королю за эту ласку. Так, он вовремя сообщил правительству о готовящемся заговоре католиков и, мало того, сам принял активное участие в его подавлении; он послужил королю своей шпагой в войне с Францией.

Под властью Ричарда находились три аббатства, два приорства, а также владения женского монастыря в Хинчинбруке. Годовой доход его недвижимости равнялся 2500 ф. ст.

Видимо, это сыграло не последнюю роль в том, что он смог добиться руки и сердца дочери лорда-мэра Лондона.

Сын Ричарда, Генри, которого прозвали Золотым рыцарем, на развалинах монастыря Хинчинбрука построил великолепный дворец, украсил его заморскими гобеленами, картинами и вазами.

Он был человеком гостеприимным, являлся другом англиканской церкви и преклонялся перед королевой Елизаветой, за что и был пожалован ею рыцарским званием и, кроме того, она навестила Генри в Хинчинбруке.

Женился Генри опять-таки на дочери лондонского мэра.

Детям, а их у Генри было одиннадцать — шесть сыновей и пять дочерей — от него осталось неплохое состояние. Хинчинбрук достался старшему сыну Оливеру, тому самому дяде и крестному отцу родившегося в 1599 г. младенца.

Необходимо отметить, что Оливер был не из тех, кто неустанно заботится о фамильном состоянии, и как результат — вскоре оно было пущено по ветру. В этом нет ничего удивительного, если учесть, например, что только на один прием короля Якова I, кото-

Оливер Кромвель.
Миниатюра С. Купера.

рый проездом из Шотландии в Лондон заглянул к нему на несколько дней, сэр Оливер, дабы не упасть лицом в грязь, а еще больше хвастануть своей щедростью и удовлетворить свое тщеславие, потратил не одну сотню фунтов стерлингов.

Короля здесь действительно встречали по-королевски. На торжество были приглашены все именитые люди Хантингдона и Кембриджа. Был устроен пир с дорогими испанскими винами, с музыкой и представлениями, а на лугу перед замком можно было лицезреть рыцарский турнир. Не забыли и про охоту на благородного оленя. Перед самым отъездом король получил великолепные дары: большую золотую чашу, чистокровных арабских скакунов, а также свору лучших борзых и стаю ловчих соколов.

Достались подарки и придворным.

А вскоре Хинчинбрук пришлось продать.

Роберт, будущий отец Оливера, являлся младшим сыном в семье Генри, и согласно тогдашним порядкам, в наследство получил только небольшую долю отцовских владений. Его годовой доход составлял около 300 ф. ст., и если учесть, что в разное время он занимал должности мирового судьи и бейлифа города Гентингдона, то эту сумму никак нельзя назвать большой.

Вполне возможно, что именно этим объясняется его убеждение в своей «бедности», а также приверженность Реформации, благодаря которой его род не испытывал финансовых затруднений. Отсюда, вероятно, и ненависть к католикам-папистам, поскольку с восстановлением в Англии католицизма пришло бы и восстановление монастырей, а кроме того возвращение им конфискованных земель.

Роберт Кромвель вел скромную, деловую жизнь. Он разводил скот на бывших церковных, которые теперь принадлежали ему, пастбищах, сеял хлеб и варил пиво.

Самым влиятельным человеком в семье Оливера была мать — Элизабет Стюард, которая воспитывала детей в атмосфере пуританского благочестия, то и дело повторяя, что «каждый поступок на виду у Господа». Элизабет родилась в семье преуспевающего норфолкского джентльмена, который разбогател на роскупке монастырей. В качестве приданого ей доста-

лись годовая рента в 60 фунтов стерлингов и пивоварня.

По мнению современников, она не была красавицей, но считалась женщиной волевой и умной. Оливер родился, когда его матери было 34 года. После него в семье появились еще пятеро детей, но двое, Генри и Роберт, вскоре умерли. Воспитывался Оливер в окружении шести сестер.

Пуританские правила придерживался и школьный учитель Оливера Томас Бирд, в школу к которому Оливер был отдан, когда ему исполнилось семь или восемь лет. «Добрые государи были очень редки во все времена»; «Даже величайшие и наиболее могущественные из них не избавлены от карающей десницы Всевышнего — они, как и простые смертные, подчинены гражданскому закону» — учил Бирд, который получил в Англии определенную известность благодаря своей книге «Театр божьих кар, переведенный с французского и снабженный более чем 300 примерами» (1597 г.). В этой книге доказывалось, что за все свои грехи люди несут достойное наказание уже в своей земной жизни, а вся человеческая жизнь изображалась как непрерывная борьба между Богом и силами тьмы.

Учение и взгляды Томаса Бирда оказали большое влияние на молодого Кромвеля, и многими наставлениями своего учителя он позже нередко руководствовался как в жизни, так и в политике.

Ну и, конечно же, Бирд учил Оливера и его сверстников читать букварь и первые английские книги: стихотворное переложение псалмов, Евангелие, Катехизис, молитвенник. Позже к этому перечню добавились Цицерон, Овидий, Вергилий, Плавт, Гораций, Ювенал. В школе изучались арифметика и геометрия, начатки логики и риторики.

В 1616 г. Кромвель поступил в наиболее пуританский среди колледжей Кембриджа — Сидней-Сассекс-колледж. Было это 23 апреля, в тот самый день, когда в Стратфорде-на-Эйвоне умер великий Шекспир.

Все преподаватели колледжа ненавидели папистов. Согласно внутренним правилам, студенты не имели права носить длинные или завитые волосы, пышные воротники, бархатные панталоны и прочие

украшения. Кроме того, студентам нельзя было посещать городские таверны и увеселительные заведения, играть в карты или кости.

Учил Оливера профессор богословия доктор Сэмюэль Уорд, человек, уже известный хотя бы тем, что участвовал в переводе на английский язык Библии, избирался делегатом кальвинистского собора в Дордрехте. Кроме того, он был автором нескольких антикатолических трактатов.

С ним студентам было нелегко, поскольку Уорд требовал от них строжайшей дисциплины, а при малейших проступках их публично секли в зале.

Впрочем, проучился Оливер здесь только год. Как свидетельствуют современники, куда больше книг его интересовали охота, плавание, верховая езда, стрельба из лука и фехтование. Правда, были у него и любимые предметы — история и математика. Особенно нравились ему «Всемирная история» Рэли.

Однако нежелание учиться вынудило его оставить колледж. Причина была в другом. Дело в том, что летом 1617 г. умер его отец (а через несколько недель и его дед — отец матери), и Кромвель вернулся домой, чтобы помочь матери вести хозяйство. Да и другого выбора у него не было, поскольку в семье из восьми человек он остался один мужчина.

Оливеру до совершеннолетия оставалось три года, и семье грозила опасность попасть под так называемую «королевскую опеку». А это грозило бесконечными платежами, штрафами и повинностями. Но оказалось, что Роберт, человек умный и рассудительный, свое состояние завещал не сыну, как это можно было ожидать, а жене. И Элизабет с помощью влиятельных родственников удалось доказать на суде, что выкуп за имение уже был произведен — еще тогда, когда умер «золотой рыцарь» сэр Генри. Таким образом, дело было выиграно.

В 1619 г. Кромвель оказался в Лондоне, где начал изучать право. К сожалению, где именно и с каким успехом учился Оливер, сказать трудно, поскольку источники не сохранили для нас никакой информации. Зато известно, что в августе 1620 г. он женился на старшей дочери богатого лондонского торговца мехами Элизабет Бурше, которая была почти на два года старше Кромвеля.

Венчание состоялось 22 августа 1620 г. в церкви святого Джайлса, которая находилась недалеко от дома Буршье.

Вскоре Кромвель с молодой женой вернулся в Хантингдон. Последующие двадцать лет Кромвель был полностью поглощен заботами сельского сквайра, а также отца большого семейства. Достаточно сказать, что в течение одиннадцати лет его жена Элизабет подарила своему супругу семерых детей. Один ребенок, правда, умер, а шестеро — 4 сына и 2 дочери — выжили.

Впрочем, сказать, что в эти годы Кромвель был далек от политической и общественной деятельности было бы неверно. В его доме часто собирались друзья, здесь находили пристанище преследуемые пуритане. Разговоры, нередко перерастая в споры, конечно же, велись о политике.

Особенно тесная дружба связала Кромвелся с доктором Генри Даунхоллом, с которым они когда-то вместе учились в университете и который согласился стать крестным отцом одного из детей Кромвеля. О последнем свидетельствует и сохранившееся письмо Кромвеля, адресованное Даунхоллу:

«Моему достохвальному доброму другу, господину Генри Даунхоллу.

Хантингдон, 14 октября 1626 г.

Милый сэръ!

Вы меня очень обяжете, если согласитесь быть крестным отцом моего ребенка. Я должен бы сам приехать к вам, чтобы пригласить вас по всем правилам, но обстоятельства мне не позволяют, извините меня.

Днем ваших хлопот будет следующий четверг. Позвольте просить вас прибыть в среду.

Получается, что я опять покушаюсь на вашу благосклонность, тогда как следовало скорее выразить вам мою благодарность за ту любовь, которую я уже нашел в вас. Но я знаю, что ваше терпение и вашу доброту не сможет исчерпать

ваш друг и слуга
Оливер Кромвель».

Вскоре Кромвель тесно сблизился и со своим бывшим учителем и наставником доктором Бирдом.

В 1628 г. он был избран членом парламента от Хантингдона, а этой чести удостоиться было не так-то просто. Кстати, Кромвель был избран именно в тот парламент, который принял известную «Петицию о праве» и который вскоре был распущен королем.

Любопытно отметить, что первая фиксированная речь Кромвеля в парламенте была посвящена защите пуританских воззрений его учителя Томаса Бирда, который немало потерпел гонений со стороны прелатов англиканской церкви за обличение нашедшего теплое место при дворе паписта. «Доктор Алабастер в церкви святого Павла проповедовал открытый папизм, — говорил Кромвель. — Достопочтенный доктор Бирд хотел его урезонить, тогда епископ Винчестерский вызвал его к себе, выразил недовольство и приказал не перечить «Алабастеру».

Речь Кромвеля возымела свое действие. Парламентом был выпущен протест против «чрезвычайного роста папизма», в Англии, а также Шотландии и Ирландии.

Можно также отметить и тот факт, что Кромвель был одним из тех слушников, которые отказались подчиниться королю прервать заседания парламента 2 марта 1629 г.

Однако вскоре пришлось возвращаться домой. Но и здесь о спокойной жизни думать не приходилось. Дали о себе знать финансовые трудности. Мало того, определенные проблемы создал отказ Кромвеля приобрести рыцарское звание, за что пришлось уплатить штраф в 10 ф. ст. Но Кромвель прекрасно понимал, что раздача рыцарских званий — всего лишь способ пополнить казну в обход парламента.

В это время некоторые важные изменения произошли в политической жизни Хантингдона. Если раньше городом управляли два бейлифа (представители короля, которые осуществляли административную и судебную власть) и общинный совет в составе 24 человек, избиравшийся ежегодно, то с 15 июля 1630 г., согласно королевской хартии, этот совет распустился и заменялся мэром и 12 олдерменами, которых избирали пожизненно. Естественно, это не могло не вызвать недовольство горожан. На одном из городских собраний выступил и Кромвель, который, будучи вообще человеком несдержанным и грубым, часто под-

вергающимся внезапному гневу, доходящему до иступления, наговорил много резкостей мэру.

Это привело к плачевным результатам. В Тайный совет была написана жалоба, и 2 ноября Кромвеля арестовали и отправили в Лондон. Занимавшийся этим делом граф Манчестер осудил Кромвеля за грубость, но иск прекратил после того, как последний пообещал извиниться и кончить все миром.

Конечно, после этого случая попасть в новый парламент Кромвелю можно было даже не мечтать.

В мае 1631 г. Кромвель продал все свои владения и из родного города переехал с семьей в Сен-Айвес. Однако вместо прежнего статуса фригольдера он получил должность арендатора чужой земли.

В 1636 г. умер дядя Кромвеля Томас Стюард, оставив ему в наследство значительное состояние. Кромвель, у которого врачи отмечали «крайнюю меланхолию», как бы воспрянул духом и вскоре переехал в Или, где сразу стал одним из самых видных сквайров округа. Еще бы, теперь в его распоряжении было девяносто акров церковной земли, восемь акров пастбищ, доходы от церковной десятины, хорошая усадьба с большим домом, конюшней, амбарами и огородами!

В это время Кромвель все чаще заявляет о себе как о принципиальном и умном политике. Поэтому вполне закономерно, что в 1640 г., когда Карлом I был созван парламент, прозванный «Коротким», поскольку заседал всего лишь три недели, Оливер Кромвель был одним из двух представителей Кембриджа, являющихся членами палаты общин.

Некоторые его современники, чьи политические взгляды были полной противоположностью взглядам Кромвеля, отзывались о нем не очень лестно.

Вот, например, как писал о нем роялист и придворный Карла I Филипп Уорик:

«Однажды утром я вошел в палату... и увидел говорившего джентльмена, которого не знал. Он был очень скромно одет, в простой суконный костюм, сшитый, по всей видимости, плохим деревенским портным, его белье было из простого полотна и не очень чистым... лицо его было одутловатое и красное, голос — резкий и неприятный, но его речь была полна пыла...».

Однако было немало людей, которые придержи-

вались несколько иного мнения относительно этого «неряшливого сэра».

Вот, например, что говорил один из лидеров оппозиции Джон Гемпден:

«Этот неряшливый человек, которого видите перед нами, лишенный красноречия... если мы, не дай Бог, дойдем до разрыва с королем... в этом случае будет одним из величайших людей в Англии».

Необходимо отметить, что этого парламентского оратора, который действительно не очень искусно владел словом, назначали членом многочисленных парламентских комитетов. Мало того, его выступления по самым острым вопросам политической борьбы всегда имели широкой резонанс.

Когда готовился исторически важный документ, известный сегодня под названием «Великая ремонстрация», дебаты продолжались 15 часов без перерыва. Наконец большинством всего лишь в 11 голосов она была принята. В этот момент Кромвель произнес свою знаменитую фразу: «Если бы «Ремонстрация» была отвергнута, я на следующее же утро продал бы все, чем владею, и больше никогда не увидел бы Англии», имея в виду, что навсегда бы оставил ее.

Англия оказалась на пороге гражданской войны. Король оставил столицу, которая перестала ему повинаться, и отправился на север страны. В это время политическая активность Кромвеля возросла еще больше. Являясь членом многочисленных парламентских комитетов, он рассматривал бесконечное множество различных дел. Вскоре к политическим заботам он принял на свои плечи и заботы военные.

29 августа 1642 г., после того как Карл I поднял свой штандарт в Ноттингеме, этим самым объявляя парламенту войну, Кромвель начал формировать отряд кавалерии на рыночной площади Гентингдона.

Необходимо отметить, что до этого армии у парламента не было, как вообще не было регулярной армии в Англии. Да, собственно, она и не нужна была стране, в которой вот уже второе столетие царили мир и спокойствие. В случае опасности созывалась милиция — местное ополчение, для войны явно не годившееся.

В сентября у капитана Кромвеля уже собралось 60 добровольцев. Набор в армию проходил повсемест-

но, и вскоре главнокомандующий парламентскими войсками граф Эссекс смог поставить под свои знамена 20 тысяч человек.

Наконец военные успехи Кромвеля заставили говорить о нем с уважением даже его врагов. Это тем более интересно, поскольку Кромвель не имел никакого военного опыта не только в качестве командующего, но даже обыкновенного рядового солдата. Впрочем, речь ведь идет не об обыкновенной войне, а о революционной, и здесь Кромвель предварительно прошел неплохую школу.

Как уже отмечалось выше, во время гражданской войны Кромвель пришел к убеждению, что парламентской армии необходимы не солдаты-наемники, а люди, которые боролись бы на его стороне «по убеждению», «божьи люди».

Кромвель говорил Гемпдену: «Ваши (парламентские) силы по большей части состоят из старых, дряхлых военных служак и пьяниц... а их (королевские) — из сыновей джентльменов, младших сыновей и почтенных людей... Вы должны набрать людей такого духа, который бы заставил их вести себя поджентльменски».

Таких людей Кромвель искал в Восточной Англии, в графствах, которые являлись одним из оплотов Долгого парламента.

Проповедник Ричард Бакстер так писал о Кромвеле: «Он особенно заботился о наборе в свой отряд религиозных людей. Эти люди обладали большим пониманием, чем обычные солдаты, и поэтому больше представляли важность и последствия войны. Они воевали не ради денег, а во имя того, что считали своей целью, — общественного блага».

В июне 1643 г. сэр Джон Хотэм, который вначале воевал на стороне парламента, а затем оказался в рядах роялистов, жаловался на то, что «полковник Кромвель предпочел ему анабаптиста и что некий капитан Уайт... был в недавнем прошлом йоменом».

Через два года граф Манчестер повторил обвинение Хотэма, заявляя, что Кромвель предпочитает «не тех, кто являлись профессиональными солдатами, и людей с положением, а тех, кто принадлежит к простым людям, бедным и низкого рода, величая их только божьими и драгоценными людьми».

Таким образом, можно сделать вывод, что Кромвель вел в армии подлинно революционную политику.

Можно также отметить, с какой заботой относился Кромвель к своим подчиненным. В одном из писем, адресованных члену парламента Оливеру Сент-Джону, он писал:

«Из всех людей я меньше всего желал бы беспокоить Вас по денежным делам, если бы тяжелое положение моих отрядов не побуждало меня к этому. Я теперь готов выступить против врага, который... осадил город (Гулль). Многие отряды лорда Манчестера прибывают ко мне в очень плохом и мятежном состоянии... Наличных средств совершенно недостаточно для их содержания. Мои отряды растут... Из 3 тыс. ф. ст., выделенных мне, я не могу получить часть, причитающуюся с графств Норфолк и Гертфорд... Я прошу не для самого себя. Мои личные средства крайне незначительны, чтобы помочь моим солдатам. Мое имущество незначительно. Я надеюсь на Господа. Я готов пожертвовать своей шкурой, так же, как и мои солдаты. Положитесь на их терпение, но не злоупотребляйте им».

К марту полк, которым командовал Кромвель, вырос до двух тысяч всадников. Одна из лондонских газет писала о нем:

«Что до Кромвеля, то он имеет 2000 храбрых и хорошо дисциплинированных воинов. Если кто из них побожится — платит штраф в 12 пенсов; если напьется, его сажают в колодки или еще того хуже; если один назовет другого «круглоголовым», его увольняют со службы; так что в тех местах, куда они приходят, все от них в восторге и присоединяются к ним. Какое было бы счастье, если бы все наши силы были так же дисциплинированы».

Тем временем уже был очевиден раскол в парламенте. К концу 1644 г. Кромвель имел в своем распоряжении много фактов, которые свидетельствовали о том, что занимавшие командные посты в армии пресвитериане не горят желанием довести войну до победного конца, считая для себя невозможным «чрезмерно унижить короля».

Это позволило Кромвелю 9 декабря 1644 г. выступить в парламенте с пламенной речью, в которой были и такие слова: «Настало время говорить или

навсегда сомкнуть уста. Речь идет о спасении нации от кровопролития и — более того — от гибельных условий. Что говорят о нас враги? Что говорят о нас даже те, кто являлись при открытии данного парламента нашими друзьями? Они говорят, что члены обеих палат заняли видные посты и благодаря своим связям в парламенте и влиянию в армии стремятся до бесконечности продлить свое высокое положение и не дают быстро закончиться войне из опасения, как бы вместе с нею не пришел конец и их собственной власти... Если армия не будет устроена иным образом и война не будет вестись более энергично, народ не сможет долгие нести ее бремя и принудит вас к позорному миру...».

Вскоре была создана армия «нового образца», а 10 июня Кромвель стал ее генерал-лейтенантом и через три дня прибыл в ее распоряжение. При непосредственном участии Кромвеля были проведены рекрутские наборы в городах и селениях, в ротах шло обучение, пехотинцам выдали одинаковые красного цвета мундиры. Командирами в армии становились нередко выходцы из низов. В каждый полк были направлены пуританские лекторы, которые, кстати, при необходимости могли владеть оружием.

24 июня 1646 г. сдачей Оксфорда закончилась первая гражданская война. Кромвель с семьей переехал в Лондон. Он поселился в Друри-Лейн, между Сити и Вестминстером, недалеко от таверны «Красный лев».

Необходимо отметить, что его сын Оливер погиб на службе в армии парламента, а две дочери — Элизабет и Бриджет — к этому времени успели выйти замуж: Бриджет — за генерал-комиссара армии «нового образца» Генри Айртона, а Элизабет — за норсемптонширского сквайра Джона Клейпола.

К этому времени доходы Кромвеля значительно выросли, так как год назад парламент пожаловал ему две с половиной тысячи фунтов в год за «неутомимую и верную службу».

А в начале 1647 г. Кромвель заболел. Врачи обнаружили у него опухоль на голове, большой абсцесс, который был опасен для жизни. Кромвеля начали посещать мысли о скорой смерти. Однако страхи оказались напрасными, хотя выздоровление шло очень медленно.

В одном из писем, адресованных другу Фэрфаксу, Кромвель писал: «И я с полной уверенностью признаю, что Господь в своем посещении явил мне силу отца своего. Я осознал в себе смертный приговор, чтобы научиться верить в Того, кто воскрешает от смерти, чтобы не полагаться на плоть свою...».

А в мае Кромвель вместе с генералами Айртоном, Скиппоном, Флитвудом опять направился в армию...

ПОЛИТИКА ПРЕСВИТЕРИАНСКОГО ПАРЛАМЕНТА ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Одержав победу при Нэзби, пресвитериане, которых в парламенте было большинство и которые выражали интересы крупной буржуазии и верхушки дворянства, решили, что революция закончена. С феодальной монархией, которая препятствовала буржуазному развитию страны, было покончено. Новые господствующие классы не только отстояли свою собственность от притязаний феодальной аристократии, но и получили возможность пожить за счет собственности короны и феодалов.

В 1643 г. началась конфискация владений сторонников короля, так называемых делинквентов (преступников). Затем та же участь постигла земли англиканской церкви и самой короны, которые распродавались по дешевой цене. Это послужило поводом дальнейшего перемещения значительной части земельной собственности Англии в руки буржуазии и джентри.

Вскоре после сражения под Нэзби специальным актом парламент объявил рыцарские держания, т. е. все земли, находившиеся в вассальной зависимости от короны, свободной частной собственностью лендлордов. Платежи королю, как феодальному сюзерену этих владений, были отменены, а денежные капиталы надежно ограждены от посягательств казны. Случилось это 24 февраля 1646 г.

Что же оставалось в этом случае делать земельным собственникам и крупной буржуазии, поддерживавшей Долгий парламент во время гражданской войны? Несомненно, только одно: поскорее договориться с пленным королем, на каких условиях он согласится

придать ареол «законности» захваченной ими власти. Не только пресвитериане, но и дворяне-инdependенты к 1647 г. в значительной степени потеряли свой революционный пыл. Как и пресвитериане, индипенденты во главе с Кромвелем также пришли к выводу, что революция по существу закончена. Их расхождения с пресвитерианами касались только второстепенных вопросов — объема и характера уступок, которые должен был им представить король.

Что же касается интересов низших слоев населения, то они во многом отличались от интересов буржуазии и нового дворянства. С окончанием гражданской войны беднейшие слои населения не почувствовали облегчения своей участи, во всяком случае, в той степени, в какой они этого желали. Буржуазия и новое дворянство освободились от феодальных пут, но они и не подумали раскрепостить поземельную собственность крестьянства, освободить от феодальных платежей копигольд и превратить его в свободное держание (фригольд).

Основная масса крестьянства — копигольдеры — и дальше продолжали оставаться «на воле лорда». По-прежнему сохранялась церковная десятина.

Во многом ухудшилось положение городского плебейства. Налогами стали облагаться многие предметы первой необходимости. Так, например, в мае 1643 г. акцизным сбором были обложены соль, пиво, топливо, ткани и т. д. Акцизы в дальнейшем увеличивались, что, конечно же, вызывало резкое вздорожание жизни.

Была и еще одна причина, которая вызывала резкое недовольство низших слоев общества. Задерживая на долгие месяцы выплату солдатского жалования, этим самым парламент вынуждал армию жить за счет населения. В результате военных постоев и реквизиций многие крестьяне и горожане были доведены до полного разорения. Кроме того, многочисленные семьи лишились кормильцев, погибших на полях сражений или получивших увечья.

В одной из петиций, посланной в 1643 г. жителями западных графств парламенту, говорилось: «Разве вам не известно, что наши дома ограблены, что плоды наших долгих трудов отняты у нас... что поля наши лежат необработанными?»

В петиции от жителей города Brentford, направленной в ноябре 1642 г. в палату общин, читаем: «Этим сообщается всему свету, как ваши просители 12 и 13 числа настоящего месяца были ограблены войсками его величества и лишены ряда своих личных вещей: денег, посуды, домашнего имущества и всякого рода других необходимых предметов. Горе наше от этих действий более глубоко, чем просители в состоянии выразить. Рассмотрение вопроса о потерях, достигающих почти 4000 ф., как видно из прилагаемого перечня, наряду с жалким и печальным положением, в которое они ввергнуты, петиционеры смиренно предоставляют суждению и мудрости почтенного собрания».

Население северных английских графств должно было содержать многочисленные союзные шотландские войска. Ежедневно только два северных графства — Дарем и Нортумберленд должны были поставлять шотландцам 30 тыс. фунтов хлеба, 6 тыс. фунтов сыра, а также пиво и мясо. Военные отряды, оказавшись разбросанными по всей стране, облагали города контрибуциями, разоряли деревни.

Немаловажен и тот факт, что нарушение хозяйственных связей и внутри страны, и с внешним миром, вызванное гражданской войной, привело к затяжному кризису в английской промышленности и торговле. Особенно бедственное положение переживало сукноделие.

В результате этого многие тысячи ремесленников и мануфактурных рабочих были лишены средств к существованию. Уже в 1642 г. 15 тыс. портовых рабочих Лондона, «доведенных до отчаяния» безработицей, направили в парламент петицию, в которой угрожали прибегнуть «к крайностям, которых даже нельзя назвать». В Эссексе и Сеффолке ткачи и прядильщики требовали обеспечить их хлебом, поскольку они голодали. В Лондоне общинный совет официально доложил парламенту, что несчетное множество бедняков-ремесленников находится на грани голодной смерти.

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В АРМИИ

«Стоны бедняков достигают неба, их заставляют кричать нужда и голод, перед которыми бессильны каменные стены...», — заявил в конце января 1642 г. член палаты общин Голис, передавая очередную петицию лондонцев. И добавил: «Не будьте дремлющего льва».

Но, похоже, обе палаты парламента не очень верили в силу и опасность этого «льва», и делали это совершенно напрасно.

Необходимо отметить, что еще в ходе гражданской войны низы английского общества время от времени поднимались с оружием в руках. Народные волнения, направленные против огораживаний, в 1642—1643 гг. были отмечены в графствах Гертфорд, Ланкашир, Гентингдон, Кембридж, Дорсет и Сомерсет.

В западных графствах были организованы отряды крестьянской самообороны — клобменов (люди с дубинками). Как они сами выражались, их целью было «помочь друг другу во взаимной защите прав и собственности против всех грабителей и всех беззаконий и насилий, от кого бы они ни исходили». Эти отряды были настолько опасны и непредсказуемы, что на их усмирение пришлось бросить войска Кромвеля и Ферфакса.

Если в начале революции низы еще верили в Долгий парламент, то теперь, после нескольких лет гражданской войны, они сильно разочаровались в своих надеждах.

Так, например, в одной из петиций 1647 г., которая называлась «Всеобщие жалобы наиболее угнетенных и страдающих общин Англии» находим следующие слова, адресованные парламенту: «Мы, веря в вашу искренность, избрали вас в качестве своих поверенных и защитников. Мы предоставили в ваше распоряжение свое состояние, а вы ограбили и разорили нас; мы доверили вам свою свободу, а вы нас поработили и закрепостили; мы доверили вам свою жизнь, а вы нас ежедневно убиваете и истязаете».

Интересы низов разделяли тысячи солдат армии «нового образца» — в недалеком прошлом те же крестьяне и ремесленники. Поэтому конфликт между

буржуазно-дворянским блоком и низами вскоре вылился в конфликт между армией и парламентом.

Армия «нового образца» уже давно была для пресвитериан «гнездом мятежников и анабаптистов». Как отмечал пресвитерианский проповедник Бакстер, «ее солдаты стоят против короля и против всякой власти, кроме народной... Они считают короля тираном и врагом. Солдаты убеждены, что если они могут бороться против него, то они вправе и убить его».

Таким образом, становится понятным, почему парламент, как только была одержана победа над королем и «кавалерами», решил расформировать ее. В феврале 1647 г. было принято постановление о роспуске армии. Только некоторую ее часть было решено переправить в Ирландию для подавления разгоревшегося там восстания.

Однако на деле распустить армию оказалось куда сложнее. Солдаты единодушно отказались сдать оружие. Вначале они выдвинули в качестве условий подчинения приказу парламента несколько требований: выплату невыданного жалованья, обеспечение солдатских вдов и т. д.

Но по мере того как обнаруживалась солидарность офицерского состава с парламентом, из солдатских рядов выдвинулись так называемые агитаторы, которые направили конфликт в политическое русло.

В апреле 1647 г. неизвестный автор писал в своем письме из Сеффока в парламент:

«Большинство семейств, у которых квартируют солдаты, может засвидетельствовать их сильно недовольные речи против парламента и их решение продолжать дело с петицией. Я не сомневаюсь, что вы слышали о том, как вел себя полк Айртонна на солдатском митинге в Ипсвиче в прошлый четверг; некоторые из солдат выступили с речами и кричали: «Распускайте всех, или никого! Всех в Ирландию или никого!» Солдаты решили, что если им так плохо платили в Англии, то о них совсем перестанут заботиться, если их отправят в Ирландию... Что касается петиции, то они теперь открыто говорят, что пошлют ее с уполномоченными по два от каждого полка, и ожидают, что тех, кто с ней явится, парламет посадит, и тогда они немедленно начнут морить город голодом и не сомневаются, что найдут в нем столько сторон-

ников, что парламент будет рад выпустить арестованных. Я слышал, они похваляются именами многих подмастерьев и мясников (как своими сторонниками), и если к этому прибавить злонамеренных и недовольных священников и всех тех, кто присоединится к армии, то мы можем очень бояться, что они найдут даже чересчур много сторонников. Имеется опасение, что парламент не встретит сколько-нибудь значительной поддержки со стороны общин, ибо население здесь становится сильно недовольным, и один только слух о продлении налогов вызывает в деревне такое раздражение, что делает народ весьма восприимчивым к выслушиванию недовольных речей солдат. Опасаются, что если армия пробудет здесь еще долго, то число друзей парламента уменьшится до весьма малого, тогда как если парламент настоит на том, чтобы армия была удалена из общин, то его друзья, которые останутся, будут иметь достаточно смелости, чтобы в случае нужды выступить на его защиту, а также смогут не допустить усиления мятежников, которые безусловно подняли бы восстание, если бы армия готова была их поддержать... Солдаты как в Сеффолке, так и в Норфолке твердят одно и то же, а именно, что они боролись все это время за то, чтобы вернуть короля в Лондон, и что они короля в Лондон вернут... Некоторые из солдат не стесняются называть членов парламента тиранами...».

ЛЕВЕЛЛЕРЫ

Необходимо иметь в виду, что в основном расхождения индипендентов с пресвитерианским большинством в парламенте не были принципиальными и непреодолимыми. Как правило, борьба на этом этапе революции происходила между пресвитерианами и грандами, с одной стороны, и более радикально настроенными индипендентами в армии, а также левеллерами, выразившими устремления городских, по преимуществу мелких, самостоятельных тружеников — с другой стороны.

Целью левеллеров было уравнивание людей в политических правах, отсюда, кстати, и их название (ле-

веллеры — уравниатели). Левеллеры явились одними из главных выразителей недовольства низов социально-политическими результатами революции. Один из представителей этой партии Л. Кларксон писал в 1647 г.: «Ибо кто же являются угнетателями, если не знать и джентри, и кто являются угнетенными, если

Джон Лильберн перед судом присяжных.
Гравюра XVII в.

не йомен, арендатор, ремесленник и наемный работник?»

Во главе левеллеров стоял уже упоминавшийся выше Джон Лильберн (1618—1657), «великий страдалец за правое дело», которого в народе называли «честным Джоном». В мае 1641 г. Долгим парламентом он был освобожден от тюрьмы.

Принимая участие в гражданской войне и находясь в рядах парламентской армии, Лильберн очень быстро увидел все противоречия между политикой парламента и интересами низших слоев населения, которыми парламент обязывался руководствоваться. В 1645 г. Лильберн оставил армию. «Лучше копать репу и морковь, чем воевать за укрепление власти, которая сдает его (народ) рабом», — заявил он. В июне того же года уже благодаря стараниям Долгого парламента Лильберн оказался в тюрьме. И именно там, в тюрьме, им было написано немало страстных памфлетов, которые в большой степени содействовали обособлению левеллеров в качестве самостоятельной политической партии.

«Все люди, — писал Лильберн, — по природе равны по силе, достоинству, авторитету и величию. Никто из них не имеет по природе какого-либо превосходства и власти над другими. Они имеют права и могут пользоваться властью лишь тогда, когда эта власть учреждена и дана по общему соглашению или согласию, и она должна быть направлена на пользу и для блага каждого, а не во вред, зло и ущерб для кого бы то ни было... Противоестественно, неразумно, преступно, безнравственно, несправедливо, тиранично и по-дьявольски было бы со стороны любого человека..., духовного или светского, захватить и присвоить себе силу, власть и юрисдикцию для того, чтобы управлять, властвовать или царствовать над людьми без их свободного согласия».

Левеллерская доктрина естественного права и народоправства была несовместима ни с властью абсолютного монарха, ни с властью олигархического парламента.

К лету 1646 г. были определены основные требования партии. В документе, который был назван «Ремонстрация многих тысяч граждан», уже появилась развернутая программа демократического этапа революции:

- 1) уничтожение власти короля и палаты лордов;
- 2) верховенство власти общин;
- 3) ответственность палаты лордов перед народом Англии — ее избранныками;
- 4) ежегодные выборы в парламент;
- 5) неограниченная свобода совести;
- 6) конституционные гарантии против злоупотребления государственной властью путем фиксирования «прирожденных» прав граждан, которые являются абсолютными и неотчуждаемыми.

Один из руководителей левеллеров, Р. Овертон заявил членам палаты общин:

«Мы полностью уверены и не можем забыть, что мы вас избрали членами парламента для освобождения народа от всякого рабства и для сохранения государства в мире и счастье. Для этого мы наделили вас своей властью. Мы могли бы это сделать сами, если бы считали это удобным, но вас избрали (как людей, которым мы доверяем) для того, чтобы избежать некоторых неудобств... Мы, ваши хозяева, а вы наши доверенные лица. Эту правду вы должны знать, ибо если вы или кто-либо другой присвоит власть, которая не вручена нашим доверием и выбором, эта власть будет не более, как узурпаторской, от которой мы любими средствами стремились бы освободиться, ибо подобная власть не согласуется с действительной свободой».

ПЕРЕХОД РЕВОЛЮЦИОННОЙ ИНИЦИАТИВЫ К НАРОДНЫМ НИЗАМ

Как легко понять из вышесказанного, левеллеры стремились достичь гораздо больших преобразований в обществе, чем какие-либо другие политические силы. Это становилось все более очевидным по мере углубления конфликта между парламентом и армией.

По решению парламента 1 июня 1647 г. должен был начаться роспуск армии. Но революционная армейская организация «агитаторов» воспротивилась этому и сорвала замыслы парламента. Полк прикнуженного к «агитаторам» полковника Рейнсборо захватил в свои руки всю армейскую артиллерию. Тем

временем корнет Джойс, бывший портняжеский подмастерье, с 500 драгунами овладел замком Холмби, в котором находился король, и доставил короля в распоряжение армии.

Джойс тут же написал письмо:

«Генералу Оливеру Кромвелю.

В случае его отсутствия — сэру Артуру Гезльригу или генералу Флитвуду.

Сэр, мы захватили короля, Грейвз бежал... Поспешите ответить нам, дайте знать, что нам теперь делать. Мы решили не подчиняться ничьим приказам, кроме генерала Фэрфакса. Пока мы здесь, мы будем следовать указаниям парламентских комиссаров, если найдем их разумными... Умоляю вас, как можно скорее рассмотрите это дело и решите, как нам дальше поступить; ни днем, ни ночью мы не будем иметь покоя, пока не получим от вас вестей...»

«Гранды» оказались в невыгодном для себя положении — между все более выходявшей из-под их власти революционной армией и ненавидевшими их пресвитерианскими законами парламента. Это вынудило армейское индипендентское командование прикннуть к солдатам.

3 июня в распоряжение армии прибыл Оливер Кромвель. Надо отдать ему должное, он сделал очень многое, чтобы удержать армию в руках партии индипендентов. Для вида Кромвель санкционировал создание общеармейского Совета, но вместе с «агитаторами» ввел в него по 2 офицера от каждого полка, а кроме того, — всех полковников и генералов. Совет должен был стать внушительным противовесом парламенту.

Но пресвитерианское большинство в парламенте ответило контрударом: был создан Комитет безопасности, который стал переформировывать лондонскую милицию и готовить вооруженные силы для борьбы с армией. В распоряжение армии поступили сведения, что палата общин связалась с северной армией генерала Пойнтза, пытаясь направить его против главных сил армии.

И тогда солдаты потребовали похода на Лондон. 23 июня «агитаторы» выпустили «Новую ремонстрацию» — настоящий ультиматум парламенту. В ней сохранились требования прекратить сбор вооруженных

сил, уплатить жалованье солдатам и т. д. В случае нерешения этих вопросов, говорилось в ультиматуме, армия будет вынуждена пойти на чрезвычайные меры.

16 июля в Ридинге состоялось заседание военного совета.

Сексби и другие «агитаторы» призывали к походу на Лондон, потому что в противном случае пресвитериане возьмут власть в свои руки.

«Агитаторам» возражали Кромвель и Айртон. Они боялись слепой ярости и хотели все делать законно и разумно.

В результате долгих споров было решено составить манифест, что-то вроде конституции, в котором изложить основные принципы нового государственного устройства.

В составлении манифеста участвовали Кромвель, Ламберт и Айртон. Озаглавлен он был «Главы предложений, выдвинутые армией». Наиболее важные из глав были следующие:

1) Вето короля должно иметь временный (отлагательный), а не абсолютный характер. Билль, принятый двумя следующими один за другим парламентами, становится законом и без согласия короля.

2) Роялисты, сражавшиеся против парламента, на 5 лет отстраняются от занятия государственных должностей. Контроль над вооруженными силами на время переходит к парламенту.

3) Епископат уничтожается, земли епископов подлежат распродаже.

23 июля «Главы предложений» неофициально были представлены королю. Он обещал их тут же рассмотреть, но неожиданно новые и важные события вмешались в ход дела. В столице пресвитериане призывали на помощь толпу, которая, ворвавшись в Вестминстер, потребовала изгнания индипендентов из парламента. Спикер Ленталл, граф Манчестер вместе с 60 депутатами-индипендентами бежали в распоряжение армии.

Эти события окрылили Карла, и 28 июля он вернул «Главы предложений» Айртону со словами: «Вы не сможете этого сделать без меня!»

Тогда армия двинулась на Лондон и 6 августа вошла в него без единого выстрела, поскольку воин-

ственно настроенная клика пресвитериан не имела ни вооруженной поддержки, ни поддержки народа.

Кромвель въезжал в город во главе кавалерии. У Гайд-парка их ждали мэр и олдермены. Увидев Фэрфакса, они приблизились к нему, принесли извинения за недавние беспорядки и от имени города поднесли ему большую золотую чашу. Но генерал чашу взять отказался и проехал дальше.

Попытка «грандов» вступить в сделку с королем, чтобы договориться об «окончательной» форме государственного устройства и положить конец дальнейшей демократизации армии, в рядах самой армии вызвала бурю негодования.

«Почему высшие офицеры так любезны с Эшбернемом и другими главными советниками короля,— говорилось в те дни в одном левеллеровском памфлете.— Почему они становятся перед ним на колени, целуют ему руки и выслуживаются перед ним? О, позор людям! О, какое преступление перед Богом! Неужели можно обращаться так с человеком, который с головы до ног забрызган кровью ваших самых дорогих друзей и солдат!»

18 октября генералу Ферфаксу от имени «агитаторов» пяти армейских полков был вручен документ, озаглавленный «Дело армии в его доподлинном изложении». Вероятно, его автором был Джон Уайльдман, известный в среде левеллеров оратор и публицист.

«В декларации от 14 июня подчеркивается, что армия взялась за оружие с сознанием того, что она борется за справедливые права и свободы народа,— говорилось в документе.— Она не является армией из наемных солдат, обязанной служить деспотической власти. Однако теперь все стараются убедить ее солдат и агитаторов в том, что они призваны только служить государству, но не смеют, как свободные люди, требовать принадлежащие им права и свободы... Несмотря на все обещания, народ не получил до сих пор освобождения ни от тиранической власти, ни от монополий, ни от несправедливостей закона, ни от десятины, ни от акциза и т. п. Нет никакой надежды, что он это получит в будущем. До сих пор не заложены основы свободы. Для изменения существующего положения необходимо:

1. Чтобы существующий парламент был распущен

через 9—10 месяцев. Новый парламент должен быть избран на основе постоянного закона, который не мог бы быть изменен парламентом...

2. Следует помнить, что всякая власть по происхождению и по существу исходит от народа в целом, и его свободный выбор представителей является основой всякого справедливого правительства; поэтому должно быть установлено, что вся деятельность парламента должна преследовать одну цель — обеспечить благосостояние народа...».

Далее в «Деле армии» отмечалось, что в стране должна быть введена письменная конституция — закон, который обязателен для всех правителей и для всех граждан без исключения.

«Число законов,— говорилось в документе,— должно быть уменьшено для того, чтобы все законы вместились в один том. Законы должны быть изложены на английском языке, дабы каждый англичанин мог их понимать».

Кроме политических требований в «Деле армии» выдвигались и экономические требования, которые касались интересов средней руки купцов, ремесленников и крестьян.

«Всякие патенты, грамоты и привилегии, мешающие осуществлению народных прав,— читаем в документе,— должны быть отменены...

Должны быть уничтожены все монополии...

Следует отменить акциз на пиво и другие товары...

Справедливо распределить налоги между народом и богачами, обложив значительными налогами банкиров Сити...».

На основе этих требований армии вскоре был разработан политический манифест левеллеров под названием «Народное соглашение», который представлял собой детальный проект нового государственного устройства Англии.

Самым важным требованием левеллеров было введение всеобщего избирательного права (для мужчин). О короле и палате лордов в этом историческом документе даже не упоминалось. Высшей властью в стране признавался однопалатный парламент в составе 400 депутатов. Левеллеры требовали содержания за счет государства бедняков, инвалидов и престарелых, уничтожение постоянной армии.

Левеллеры выступали за неприкосновенность частной собственности. Они не отважились открыто произнести слово «республика», но вместе с тем говорили, что решение палаты общин не нуждается в чьей-либо санкции.

Согласно «Народному соглашению», за народом остается право самому себе избирать способ богослужения и богопочитания, народ нельзя принудить к несянию военной службы. Кроме того, его нельзя привлечь к ответственности за что-либо, совершенное и сказанное во время минувшей гражданской войны.

Проект новой конституции королевства — «Народное соглашение», — вскоре стал знаменем революционных сил армии в борьбе с «грандами». Солдаты требовали немедленного осуществления левеллерской программы.

«Народное соглашение» сыграло большую роль в развитии и углублении революции, несмотря на его мелкобуржуазные иллюзии и ограниченность социальной программы. В тех условиях, когда буржуазия и новое дворянство, одержав победу, стремились остановить революцию на полпути, сохранить возможно больше остатков средневековья, политическая программа левеллеров являлась революционной и прогрессивной. Воплощение ее в жизнь означало бы радикальную чистку страны от пережитков феодализма (монархия, сословный строй, государственная церковь и т. д.) и создание в Англии демократической республики.

КОНФЕРЕНЦИЯ В ПЭТНИ

Трезво оценив обстановку и взвесив все «за» и «против», Кромвель согласился созвать в предместье Лондона — Пэтни общеармейский Совет, которому предложено было обсудить «Народное соглашение».

Заседание Совета армии началось рано утром 28 октября 1647 г. в церкви святой девы Марии на берегу Темзы. На алтарном возвышении стоял длинный стол, за которым сидели офицеры — генерал Айртон, полковник Рейнсборо, рядовые солдаты — члены Совера армии, «агитаторы» Сексби, Аллен,

Локиер, гражданские левеллеры Петти, Уайльдман, проповедники. Фэрфакс отсутствовал — накануне он заболел.

Дошедшие до нас протоколы развернувшихся на заседании дебатов ярко отразили острый конфликт между представителями демократического крыла — левеллерами и их противниками — индипендентами, которые стремились не допустить дальнейшего углубления революции.

Прения открыл «агитатор» Сексби.

«Причиной нашего несчастья, — резко говорил он, — служат два обстоятельства: 1) Мы стремились удовлетворить всех людей, и это было хорошо; но когда мы попытались это сделать, то у всех мы вызвали только недовольство. 2) Мы старались угодить королю, но я думаю, что мы ему не угодим никак, за исключением разве того, что всем перережем глотки; и мы стремились поддерживать дом, который оказался из гнилых досок; я разумею парламент, который состоит из компании разложившихся членов. А лейтенант-генералу Кромвелю и генерал-комиссару Айртону я скажу только одно: доверие к вам и ваша репутация в армии сильно подорваны. И это из-за вашего отношения к королю и парламентской власти...».

Следом выступил Айртон, который был против политики «агитаторов». «Я вижу, что «агитаторы», — сказал он, — пришли к твердому решению считать себя партией или особым советом, отличным от всеобщего Совета армии... Они, по-видимому, ждут главным образом согласия со стороны других, сами имея мало склонности идти на соглашение путем каких-либо уступок... Я никогда не пойду с теми, кто ищет погибели парламента и короля...».

Кромвель, хотя и высказывался очень осторожно, но не скрывал своего недовольства «Народным соглашением». «Ваши предложения новы для меня, — сказал он «агитаторам». — Они заключают в себе важные изменения в образе правления, а подумали ли вы о последствиях, какие они могут иметь? Не породит ли все это полную смуту?.. Готовы ли умы и чувства людей воспринять эти предложения и провести их в жизнь? Преодолеть все препятствия, которые встанут на нашем пути? А наши обязательства? Ведь армия издавала декларации, где брала на себя опре-

деленные обязательства — и по отношению к королю, и по отношению к парламенту. Должны мы их исползовать или нет?»

То, на что осторожно намекал Кромвель, открыто выразил Айртон. Ему, как и всем остальным «грандам», принцип всеобщего избирательного права казался гибельным для буржуазной собственности.

«Мне думается, — уверенно сказал он, — что не существует общего для всех права... что никто не имеет права принимать участия в решении дел королевства, кроме тех, кто имеет настоящую заинтересованность в нем (т. е. тех, кто обладает собственностью)... Вы хотите держаться одного естественного закона, но на основании этого закона вы не имеете большего права на этот кусок земли или какой-нибудь другой, чем я; я в такой же мере, как и вы, волен захватить все необходимое для моего пропитания или для моего личного довольства... Я прихожу в ужас от тех последствий, какие может иметь подобное предложение».

Опасения джентльменов и буржуа за судьбу своей собственности так или иначе присутствовали во всех речах «грандов». Заседание заходило в тупик, из которого не было видно выхода.

«Неужели, — спрашивал сторонник левеллеров Рейнсборо, — то обстоятельство, что я беден, дает право меня притеснять?.. Но я хотел бы знать, для чего же тогда сражались солдаты? Очевидно, для того, чтобы поработить себя, чтобы отдать власть богатым людям, земельным собственникам и сделать себя вечными рабами».

После Рейнсборо опять выступил Айртон. Вопрос был слишком серьезен, чтобы просто так сдавать свои позиции.

«Я считаю, — сказал зять Кромвеля, — что никто не имеет права на участие в управлении королевством и в избрании законодателей, если он не имеет постоянного прочного интереса, не имеет собственности. Чтобы человек в силу одного факта своего рождения в Англии получал право распоряжаться землями или движимым имуществом других людей... Как хотите, я не вижу к тому оснований. Лица, избирающие представителей для издания законов страны, должны знать ее местные интересы, то есть должны обладать

собственностью. Это самая основа любой конституции, и если вы отвергнете ее, вы пойдете по пути упразднения всякой собственности...».

Под конец заседания встал Кромвель. «Все согласны, — сказал он, — что избирательный закон должен быть изменен и улучшен. Но как это сделать? Если мы будем здесь все вместе спорить, это продлится до бесконечности и мы ни к чему не придем. Лучше передать это дело в согласительную комиссию, и она выработает проект».

Согласительная комиссия собралась на следующий день. Согласно проекту постановления, который она выработала, парламент должен быть распущен в сентябре будущего года, а впредь он собирается на срок не более двух лет и не может быть распущен без собственного согласия. В перерывах между сессиями правление страной принадлежит Государственному совету. Без его согласия король не может созвать чрезвычайный парламент.

ПРЕКРАЩЕНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВЕТА АРМИИ И БЕГСТВО КОРОЛЯ

1 ноября заседания Совета армии возобновились. Но уже с первых минут заседания стало ясно, что надежд на примирение очень мало.

«Кромвеля и левеллеров, — писал в то время один из журналов, имея в виду переговоры в Пэтни, — можно столь же легко примирить друг с другом, как огонь и воду. Цель одних — народовластие, цель другого — олигархия».

В это время по армии поползли упорные слухи о переговорах короля с шотландцами и даже о возможном его бегстве. В полках начали проводиться сходки. Было решено усилить охрану короля, а многих приближенных короля попросить оставить дворец.

На одном из заседаний капитан Бишоп сказал: «Мы все тут стараемся оберечь того самого Человека Кровавого и те основы тирании, против которых Господь с небес дал столь явные знамения. Я уверен, что это приведет нас к гибели».

Ему вторил Уайльдман: «Разве это разумно и спра-

ведливо — наказывать смертью тех, кто, повинувшись приказаниям, вел войну, а потом говорить о милосердии к тому, кто был главным актером в этой игре, кто был великим зачинщиком всего? Не я один думаю, что сохранение короля или лордов несовместимо с безопасностью народа».

Кромвель понял, что ситуация вот-вот выйдет из-под контроля. Необходимо было срочно принимать какое-то решение. И решение было принято. 8 ноября Кромвель приказал «агитаторам» и офицерам вернуться в свои полки и приступить к исполнению своих непосредственных обязанностей.

Заседания Совета были прерваны. Совет армии прекратил свое существование, а «Народное соглашение» передало комитету, который состоял из одних офицеров.

Тем временем король действительно не сидел сложа руки. И хотя в том, что вскоре произошло, и по сей день осталось немало белых пятен, весь смысл происходящего сводился к следующему.

Еще в августе дальний родственник Кромвеля, который был женат на дочери его кузена Гемпдена, полковник Роберт Хэммонд подал в отставку из армии, так как считал, что «армия, по всей видимости, решила нарушить свои обещания по отношению к королю, и он не хочет участвовать в этом вероломстве». Необходимо также отметить, что, кроме всего прочего, Хэммонд был племянником королевского капеллана.

31 августа он был назначен комендантом острова Уайт, находящегося у южного побережья Англии. Причем, назначение это было произведено по его личной просьбе.

В начале сентября на острове побывал Кромвель. Он имел долгую беседу с Хэммондом, а затем вел с ним постоянную переписку.

11 ноября в Совете офицеров сектант и мистик майор Гаррисон, как некогда Бишоп, назвал короля Человеком Кровавым и призвал к привлечению его к суду.

В тот же день Кромвель отправил коменданту Гемптон-Корта записку:

«Дорогой кузен Уолли! Здесь ходят слухи о готовящемся покушении на особу его величества. Умоляю

вас поэтому позаботиться об усилении охраны, чтобы не дать свершиться такому чудовищному деянию».

Комендант Гемптон-Корта показал записку королю, и 11 ноября ночью король бежал. Он прибыл на остров Уайт и попросил Хэммонда укрыть его в Кэрисбрукском замке на острове или переправить на континент. Однако Хэммонд заявил, что вынужден взять короля под стражу, о чем тут же было сообщено Кромвелю.

Вскоре о случившемся Кромвель сообщил палате общин, хотя и промолчал о том, что на острове Уайт король был в безопасности и от левеллеров, которые жаждали его смерти, и от шотландцев, которые замыслили его похитить. Он находился в руках родственников Кромвеля, что, несомненно, для Оливера имело большое значение.

15 ноября около местечка Уэр, в Герфордшире, должен был проходить общий смотр семи полков. Но, прибыв к месту смотра, Кромвель увидел совершенно другую армию, не ту — послушную, верную ему, которой он когда-то командовал. Брожения в армии со дня на день готовы были вылиться в мятеж. По рукам солдат ходили левеллерские памфлеты, в которых писалось, что Кромвель и Айртон предали дело народа и стали на защиту интересов его врагов.

Мало того, два полка явились на смотр с текстом «Народного соглашения», приколотым к головным уборам. Это уже было слишком.

Тут же был устроен военно-полевой суд. Арестовано было 14 «бунтовщиков». Четырех из них приговорили к смертной казни. Но просьбы некоторых офицеров смягчили Кромвеля. Вместо четырех он приказал расстрелять одного — на кого выпадет жребий. Жребий выпал на рядового Ричарда Арнольда, у которого оказалась самая короткая, роковая соломинка.

Смотры в остальных полках прошли без происшествий, и парламент, выслушав отчет Кромвеля, даже объявил ему благодарность.

А вскоре в армии была произведена чистка. Одни из солдат были изгнаны, другие заключены в тюрьму, третьих удалось подкупить или заставить молчать.

На некоторое время армия опять превратилась в послушное орудие в руках «грандов».

ВТОРАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И КАЗНЬ КОРОЛЯ

В связи с угрозой нового мятежа «кавалеров» опять установился временный союз индепендентов и левеллеров. Парламент постановил прекратить всякие сношения с королем. Принятый им билль назывался «Никаких обращений». Правда, прошло совсем немного времени, и парламент отменил этот билль и даже принял решение о возобновлении переговоров с королем.

Членов парламента можно было понять. Обстановка в стране была очень напряженной. Роялисты, собрав вооруженную толпу, пытались силой освободить Карла из заточения на острове Уайт. 27 марта, в годовщину воцарения короля, они открыто пили в Лондоне за его здоровье, а 9 апреля вооруженная мушкетерами, дубинками, пиками толпа заполнила улицы вокруг Уайтхолла и кричала: «Да здравствует король Карл!»

Против вооруженной толпы была брошена боевая кавалерия, но этим проблема не была решена, поскольку бунты начали происходить по всей стране.

Тревожное положение сложилось в армии. В апреле в Южном Уэльсе взбунтовались отряды полковника Логарна, которые под королевским знаменем направились к Пемброкскому замку.

2 мая к самой границе с Англией подвели свои войска шотландцы. Слухи, что король поддерживает связь с шотландцами, оказались не беспочвенными. Еще в декабре между ними и королем Карлом был заключен договор, согласно которому король обязывался установить в Англии на три года пресвитерианское церковное устройство, а также делал множество уступок шотландцам. Взамен шотландские лорды обещали Карлу возвратить ему с помощью своего оружия трон. Текст договора, завернутый в свинец, был закопан в саду.

Кромвель понимал, что завоевания революции да и судьба Англии висят на волоске, и в конце апреля он покинул Лондон и отправился в ставку армии — в Виндзор. Там, на совещании руководителей армии, в апреле 1648 г. с участием «агитаторов» было принято историческое решение: «Карл Стюарт, человек, запятнанный кровью, должен быть призван к ответу

за пролитую им кровь и за тяжчайшие преступления против дела божьего и этой бедной нации».

Таким образом, судьба короля была решена. Он был официально признан преступником, как этого давно уже требовали левеллеры.

5 мая Совет армии постановил, что «ни этот король и никто из его потомков не будут королями в Англии».

Весной 1648 г. началась вторая гражданская война. Военные действия развернулись в трех изолированных районах: на Юго-Востоке, на Западе (включая Уэльс) и на Севере. Парламентская армия, возглавляемая Кромвелем, подавила мятеж пресвитериан на Юго-Востоке и мятеж реакционного джентри на Западе.

Победы доставались нелегко. Так, например, осада одного только замка Пемброк, заложенного еще во времена норманнского завоевания, продолжалась два месяца. Замок был построен на узком мысу, глубоко выступающем в море. От суши его отделял глубокий ров. Ширина стен ровнялась 20 футам. Защищали его около трехсот бывших солдат парламента во главе с Пойером и Логарном, которые знали, что в случае падения замка на милость со стороны армии или же, если до этого дойдет дело, парламента, им рассчитывать не приходится.

Осада затягивалась. Больше всего осаждающим мешало то, что замок снабжался пресной водой, которая шла из города по трубе. К тому же где-то далеко отстал обоз с тяжелыми пушками.

Поговаривали, что там, в замке, уже едят коней, но положение отрядов Кромвеля было не намного лучшим. Жители из окрестных селений приносили один лишь хлеб, да и то по очень высокой цене.

Тяжелая артиллерия пришла 4 июля. А тут еще появился неизвестный, который назвал себя Эдмундсом, и сообщил, что он знает, где проходит труба с пресной водой для крепости. В указанном месте она действительно оказалась, и ее тут же перекрыли.

10 июля Кромвель отправил командиру гарнизона ультиматум: «Без лишних угроз я должен сказать вам, что, если мое предложение будет отклонено и тем самым несчастье и гибель обрушется на бедных солдат и ваших людей, я буду знать, с кого взыскать за кровь, которая при этом прольется...».

На следующий день над замком поднялся белый флаг.

А вскоре армия Кромвеля направилась на Север против шотландцев.

В то время как 20-тысячная шотландская армия Гамильтона продвигалась через Ланкашир на юг, Кромвель повернул на запад и неожиданно оказался на ее фланге. Несмотря на то, что у него под ружьем было только 8,6 тыс. человек, 17 августа 1648 г. он под прикрытием густого тумана атаковал колонну шотландцев, которая растянулась на марше от Уигана до Престона. Поражение шотландцев было ката-

Кромвель подрубает королевский дуб.
Роялистская карикатура 1649 г.

строфическим. Десять тысяч оказались в плену, а остальные бежали на Север.

Побежденный Гамильтон, отступая, еще надеялся пересечь Мерсей у Уоррингтона и соединиться с роялистами в Северном Уэльсе. Однако Кромвель преследовал его буквально по пятам. 19 августа в трех милях от Уоррингтона он настиг врага.

Кромвель сообщал в парламент: «Мы смогли навязать им бой, когда подошла вся наша армия. Они укрепились в ущелье и удерживали его с большим упорством несколько часов. Атаки следовали одна за другой, много раз доходило до рукопашной. В ка-

кой-то момент наши войска было дрогнули, но потом, благодарение Богу, восстановили порядок и выбили врага с занятой позиции. Около 1000 их убито и 2000 взято в плен. Мы преследовали их до города, где была построена мощная баррикада. Когда мы подошли к ней, мне вручили письмо от лейтенант-генерала Бэйли с предложением капитуляции, на что я согласился. Мы получили все их снаряжение, около 4 тысяч полных комплектов оружия и столько же пленных. Так что пехоты у них более не осталось».

Гамильтон вместе с трехтысячным отрядом кавалерии бежал в Чешир. Кромвель отказался от погони. «Если бы у меня было 500 свежих лошадей и 500 проворных пехотинцев, я уничтожил бы их; но мы так устали, что едва ли сможем идти за ними шагом», — говорил он.

Действительно, за девять дней его армией было пройдено 140 миль.

К концу августа вторая гражданская война закончилась. Роялисты бесславно проиграли ее.

Тем не менее, парламентские пресвитериане весть о победе армии приняли далеко не с восторгом. Парламент вдруг возобновил переговоры с королем. Он требовал от него лишь незначительных уступок: передачи милиции под контроль парламента на три года и установления пресвитерианского строя церкви впредь до созыва общенационального церковного Синода.

Но сделке пресвитериан с королем помешало возобновившееся сотрудничество левеллеров и индпендентов.

2 декабря армия вошла в Лондон. Фэрфакс с командованием разместился в королевском дворце Уайтхолл, солдаты под проливным дождем разбили лагерь в Гайд-парке.

Одновременно армейские посланцы захватили короля и перевезли его с острова Уайт в уединенный замок на скале Херст. Парламентские пресвитериане, узнав об этом, приняли резолюцию, в которой говорилось, что король «переведен без ведома и согласия парламента». После этого решено было обсудить условия договора с королем. 140 голосами против 104 члены парламента постановили, что есть все основания заключить с королем мир.

Однако их намерениям не суждено было сбыться. 6 декабря 1648 г., после того как отряд драгун под командованием полковника Прайда занял вход в парламент, была произведена чистка палаты общин от пресвитериан. Из парламента было изгнано около 150 депутатов. Часть их заключили в тюрьму.

Теперь в Долгом парламенте осталось по списку около восьмидесяти членов. Все они были индипенденты. Теперь препятствий к суду над королем практически не осталось.

15 декабря было решено перевести короля в Виндзорский замок, где его поместили под двойной охраной. Стража несла службу днем и ночью, число личных слуг его было сокращено до предела. Один из офицеров круглые сутки обязан был находиться рядом с королем. Прогулки можно было производить только по террасе замка.

Однако и этих предосторожностей индипендентам показалось недостаточно. Из города были удалены все «злонамеренные», все, кто подозревался не только в связях, но даже просто в симпатиях к роялистам, а заодно и все бродяги и бездельники, которые могли устроить смуту и таким образом способствовать побегу короля.

В Уайтхолле, королевском замке, теперь заседал Совет армии. Замок, некогда пышный и богатый, теперь больше напоминал казарму. На роскошных королевских постелях под балдахинами спали офицеры.

По свидетельству многих современников, когда речь заходила о суде над королем, Кромвель начинал колебаться и требовал вначале судить главных преступников — лордов Норича, Кэпелла и некоторых других, которые развязали вторую гражданскую войну.

Один из «кавалеров» 21 декабря писал: «Разная мелкота из левеллеров более всего жаждут смерти короля, но теперь — странно сказать — меня уверили, что Кромвель отступился от них, его и их планы несовместимы, как огонь и вода. Они замышляют чистую демократию, а он — олигархию; оказывается, их дикую ремонстрацию и планы лишить короля жизни он поддерживает только для того, чтобы заставить левеллеров обнаружить все свои зловредные принципы и намерения; что, раскрывшись, они станут еще

более отталкивающими и отвратительными, и так будет легче подавить их...».

25 декабря Кромвель еще предлагал сохранить королю жизнь, если тот пойдет на определенные условия. Но, по всей вероятности, на него постоянно оказывалось большое давление (офицерами? некоторыми парламентскими республиканцами? — многое в этом вопросе неясно по сей день), поскольку уже на следующую день Кромвель говорил членам палаты общин: «Если бы кто-нибудь раньше предложил свергнуть короля и его потомков, я счел бы его величайшим предателем и бунтовщиком. Но Провидение возложило это на нас, и мне не остается ничего, кроме как подчиниться воле божьей, хотя я и не готов еще высказать вам свое мнение на этот счет».

Тем не менее, 23 декабря палата общин приняла постановление привлечь короля к судебной ответственности. Правда, для того, чтобы постановление палаты общин приобрело силу закона, требовалось согласие лордов. Но лорды категорически отказались дать его. Граф Манчестер в своем выступлении заявил, что абсурдно обвинять короля в измене парламенту, поскольку только король имеет право созывать или распускать его. Граф Нортумберленд сказал, что еще можно поспорить, кто первым развязал гражданскую войну — король или парламент.

Таким образом, палата лордов в составе двенадцати человек единогласно отказалась подписывать постановление о привлечении короля к судебной ответственности и, мало того, отложила заседания на целую неделю.

И тогда, чтобы найти хоть какой-нибудь выход из создавшегося положения, 4 января палата общин приняла три резолюции:

«1. Народ, находящийся под водительством божьим, является источником всякой справедливой власти.

2. Общины Англии, собранные в парламенте, будучи избраны народом и предоставляя его, имеют высшую власть в государстве.

3. То, что общины объявят законом в парламенте, должно иметь силу закона, хотя бы ни король, ни лорды не согласились на это».

Число членов Верховного суда было решено сократить до 135 человек. Для кворума же было доста-

точно всего 20 человек. Устроители суда чувствовали, что охотников заниматься подобной работой будет немного. Составили список судей. Первым в нем стоял Фэрфакс, вторым — Кромвель, а третьим — Айртон.

В субботу 20 января суд над королем начался. На него явилось 67 судей. Фэрфакс посчитал нужным не присутствовать на этом мероприятии. Председательствовал на суде Брэдшоу. Обвинительный акт зачитал Генеральный прокурор Джон Кук.

«Названный Карл Стюарт,— говорилось в документе,— сделавшись королем Англии, взял на себя таким образом ответственную обязанность управлять страной с сграниченной властью в согласии с ее законами, а не каким-либо иным путем; и в силу этого отечественного долга, присяги и занимаемого им положения был обязан применять власть, врученную ему, для блага и пользы своего народа и для охраны его прав и вольностей. Однако, вследствие преступных намерений установить и держать в своих руках неограниченную тираническую власть для управления страной по своему произволу, уничтожить права и вольности народа, разрушить и сделать бесполезными все основания этих прав и всех мер к устранению и исправлению зол, происходящих от плохого управления, для осуществления таких своих намерений и для защиты себя и своих приверженцев при применении своих собственных и их злонамеренных действий названный Карл Стюарт объявил изменническую и преступную войну против настоящего парламента и народа, в нем представленного... Названный Карл Стюарт был вдохновителем и причиной того, что были убиты тысячи свободных людей нашего во многих местах нашей страны путем вторжений из иностранных государств... Названный Карл Стюарт... возобновил или побудил к возобновлению... войны против парламента и... народа... в графствах Кент, Эссекс, Сессекс и многих других графствах Англии и Уэльса, а также на море.

Все... преступные планы и действия названного Карла Стюарта велись и ведутся для осуществления его личных интересов...

Из всего сказанного следует, что названный Карл Стюарт был и является вдохновителем, автором и

продолжателем... протiwоестественных, жестоких и кровавых войн; и потому он является виновником во всех изменах, убийствах, грабежах, пожарах, убытках и бедствиях нашего народа, которые были произведены и совершены во время названных войн и были вызваны ими».

Заслушав обвинения в свой адрес, король тут же стал отвергать их.

«Не может быть судебных дел против любого человека иначе, как на основании божьих или общественных законов той страны, в которой он живет,— сказал он.— Я убежден, что теперешний процесс не может быть обоснован божескими законами, или наоборот, повинование королю совершенно ясно обосновывается и настоятельно предписывается старым и новым заветом... что касается законов нашей страны, то я не в меньшей мере уверен, что ни один ученый юрист не будет утверждать, что может быть предъявлено обвинение королю, ибо все такие обвинения идут от его имени; и один из принципов права говорит, что король не может быть неправ... И даже допуская, хотя и не соглашаясь с тем, что народ Англии мог уполномочить вас на ту власть, на которую вы претендуете, я не вижу ничего, что вы могли бы предъявить для обоснования этого; так как несомненно, что вы никогда не задавали такого вопроса даже десятой части населения этого королевства, вы явно творите несправедливость по отношению даже к беднейшему пахарю, если вы не спрашиваете на то его свободного согласия...».

Заседания суда продолжались несколько дней. Король отказывался признать законность суда и отвечать на обвинения.

23 января палата общин вынесла решение, согласно которому она будет действовать «властью парламента Англии». Этим самым власть короля окончательно отвергалась.

Следующие два дня суд допрашивал свидетелей, в результате чего король был признан «тираном, предателем и убийцей, открытым врагом английского государства».

Утром 26 января шестьдесят два члена суда приняли решение о том, что король Карл I Стюарт приговаривается к смерти «путем отсечения головы от

тела». Под приговором первыми поставили свои подписи полковники Уолли, Оки, Хетчинсон, Гоффе, Прайд, Гаррисон, Ивер, Хортон. Один за другим расписывались и парламентские республиканцы. Впрочем, многих приходилось уговаривать и даже заставлять. В конце концов было собрано 59 подписей.

29 января 1649 г. был составлен приказ о казни короля Карла I:

«Дан в верховном суде по ведению разбирательства и вынесению приговора о Карле Стюарте, короле Англии, 29 января 1649 г.

Так как Карл Стюарт, король Англии, обвинен, уличен и осужден в государственной измене и в других тяжких преступлениях, и против него в прошлую субботу вынесен настоящим судом приговор..., то поэтому настоящим предписывается вам привести указанный приговор в исполнение на открытой улице перед Уайтхоллом завтра, 30 января, между 10 часами утра и 5 часами пополудни того же дня».

В два часа пополудни король вышел на помост. В последней короткой речи он опять говорил о своей невинности, утверждал, что стоит за «народную свободу», но «не дело подданных участвовать в управлении государством».

По словам современников, после того, как приговор был приведен в исполнение, подручный палач схватил голову короля и высоко поднял ее со словами:

— Вот голова изменника!

ИНДЕПЕНДЕНТСКАЯ РЕСПУБЛИКА 1649 Г.

Феодальная монархия была низвергнута. Революция торжествовала победу. Актом парламента от 17 марта 1649 г. королевская власть была объявлена уничтоженной, как «ненужная, обременительная и опасная для блага народа». Через два дня была упразднена палата лордов.

Наступило время законодательного строительства. 19 мая в торжественной обстановке Англия была объявлена республикой и свободным государством. В «Акте об объявлении Англии Республикой» гово-

рилось: «Настоящим парламентом на основании принадлежащей ему власти объявляется и узаконяется, что народы Англии и всех территорий и владений, к ней принадлежащих, являются, будут и данным актом учреждают, образуют и основывают свободную Республику, и отныне они будут управляться в качестве свободной Республики без какого бы то ни было короля и без палаты лордов органом верховной власти страны — представителями народа в парламенте, и теми лицами, которых парламент назначит и уполномочит быть во имя блага народа должностными лицами и министрами под своим началом».

«В первый год свободы, божьим благословением восстановленной», — значилось на новой государственной печати, скрепившей этот исторический акт. У власти оказались индипенденты, представители интересов средней городской буржуазии и части дворянства — джентри.

Вся существующая в Англии законодательная власть принадлежала теперь однопалатному парламенту в лице палаты общин. Хотя на самом деле это была всего лишь горстка людей, остаток парламента, «охвостье», как называли современники парламента после «прайдовой чистки», так как из сотни оставшихся в нем членов заседания посещало не более 50—60 человек. Формально исполнительная власть теперь принадлежала избранному парламентом сроком на один год Государственному совету, однако из 41 его члена только 11 не являлись одновременно членами парламента. В Государственном совете всю власть прибрала к своим рукам офицерская верхушка армии во главе с Кромвелем.

Таким образом, столь торжественно провозглашенная республика на деле оказалась диктатурой индипендентских генералов, лишь прикрытой парламентским фасадом.

Со временем иссякало «свободолюбие» одной прослойки буржуазии за другой. Если пресвитериане еще были в состоянии начать гражданскую войну против короля, то закрепить одержанную победу они оказались абсолютно неспособными.

Пришедшие им на смену индипенденты отважились на казнь короля и провозглашение республики, но это был предел их революционных возможностей.

Далее последовала индипендентская буржуазная реакция.

Между тем на политическом горизонте опять становилось беспокойно. Казнь английского короля вызвала возмущение во всей Европе. Дипломатические отношения с новой республикой были порваны. Свой официальный протест Англии направили Франция, Испания, Австрия. Регулярно поступали сведения о готовящейся интервенции французских или испанских войск.

Да и в самой Англии было тревожно. В северных и западных графствах время от времени вспыхивали роялистские беспорядки. В печати появился памфлет «Царственный лик», который изображал многочисленные достоинства Карла I и который, кстати, выдержал сорок семь изданий.

Росло недовольство низших слоев населения, чье экономическое положение с каждым годом становилось все более тяжелым. Продолжавшийся застой в торговле и промышленности означал массовую безработицу в Лондоне и других промышленных районах. Из-за недородов 1647 и 1648 гг. хлеб для многих превратился в недоступную роскошь. В течение двадцатилетия 1620—1640 гг. цена пшеницы редко превышала 45 шилл. за квартал, а в 1645—1647 гг. квартал стоил уже 52 шилл., в 1647—1648 гг. — 62,5 шилл., в 1648—1649 гг. — почти 68 шилл.

То и дело появлялись многочисленные петиции, обращенные к Государственному совету. В них говорилось о низком уровне заработной платы, о дороговизне продовольствия и топлива. Большое количество крестьян и ремесленников армейскими реквизициями и солдатским грабежом было превращено в пауперов. А солдатские грабежи действительно приняли большой размах. Кромвелю даже пришлось отправить по всем армейским подразделениям специальную прокламацию:

«Если какой-нибудь офицер или солдат под моим командованием будет отбирать или требовать у населения деньги, или захватит лошадей, имущество или продовольствие, или будет плохо обращаться с людьми, он будет судим военным судом; виновный будет наказан смертью».

Голод стал уделом бедных людей в английских

городах и деревнях. «О, члены парламента и солдаты! — гласила одна петиция. — Нужда не признает законов... Матери скорее уничтожат вас, чем дадут погибнуть плоду их чрева, а голоду нипочем сабли и пушки... Прислушайтесь у наших дверей, как наши дети кричат: «Хлеба, хлеба!»...»

Непомерными оставались налоги. Гражданская война закончилась, но правительство не торопилось отменять ни акцизных сборов, ни других военных налогов. Церковная десятина продолжала взиматься, несмотря на то, что была провозглашена свобода совести. С начала войны сильно подскочили цены на мясо, соль, ткани, уголь.

30 апреля Уайтлок пометил в своем дневнике: «Сообщают из Ланкашира о большом недостатке хлеба, вследствие чего многие семейства умерли от голода... Сообщают из Ньюкасла о том, что в Камберленде и Уэстморленде многие умирают на больших дорогах вследствие недостатка хлеба; некоторые покидают свои жилища и переходят со своими женами и детьми в другие местности, чтобы получить помощь, но нигде не могут ее получить...».

Если не считать провозглашения республики, не было выполнено ни одно из требований «Народного соглашения». Массовая распродажа коронных и церковных владений явилась лишь средством обогащения денежных покупателей и земельных спекулянтов.

Реформа права и суда так и не была осуществлена — из-за дороговизны и волокиты правосудие осталось недоступным для низших слоев населения.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ ИНДЕПЕНДЕНТОВ С ЛЕВЕЛЛЕРАМИ

Левеллеры не собирались складывать оружие. Вскоре они заговорили в полный голос. Левеллерское движение, которое с наибольшей силой развернулось весной 1649 г., обнаружило пропасть, образовавшуюся между торжествующим буржуазно-дворянским блоком и обманутыми в своих надеждах низшими слоями населения. Левеллерское «Народное соглашение», поданное в парламент еще в январе, было

положено под сукно и, похоже, его никто не собирался рассматривать.

2 февраля, сразу же после казни короля, офицеры предложили палате общин издать закон, грозящий расправой каждому, кто вносит в армию смуту. Были запрещены солдатские митинги.

26 февраля в парламент поступила ремонстрация горожан Лондона и Саутворка под названием «Разоблачение новых цепей Англии». Автором ее был выпущенный в августе 1648 г. Лильберн. «Новыми цепями Англии» он называл власть индипендентов.

«Ваши просители очень обеспокоены тем, — говорились в ремонстрации, — что должны быть промежуток между окончанием работ настоящего парламента и началом сессии будущего. Они желают, чтобы настоящий парламент, который недавно, в такое короткое время, совершил столь великие дела в целях освобождения народа, не расходился до тех пор, пока он не сможет с полной безопасностью передать эти свободы в руки другого народного представительства...

Если мы посмотрим на то, что сделала ваша палата с того времени, как она провозгласила себя верховной властью и освободилась от власти лордов, то мы найдем прежде всего установление высшей судебной палаты. Вследствие этого величайший оплот нашей безопасности — суд 12 присяжных — обесценен; всякая свобода отвода судей заменена судом случайных лиц, выбранных необычным путем... Это — первый случай нарушения свободы.

Новым нарушением свободы было преследование печати. Тщательно выполняются самые суровые и неразумные указы парламента, запрещающие нам говорить правду и разоблачать тиранию...».

«Вы ждете облегчения и свободы от тех, кто угнетает вас, — говорилось в одном из памфлетов левеллеров, — но кто ваши угнетатели, как не лорды и джентри, и кто угнетен, как не йомен, арендатор, ремесленник и поденщик?»

1 марта восемь солдат подали петицию в совет офицеров с требованием разрешить проведение солдатских митингов, санкционировать свободную пода-

чу петиций, а также распустить Государственный совет и судебный трибунал.

Однако все восемь «мятежников» через несколько дней были преданы военно-полевому суду. Пятеро из них, которые не пожелали отречься от своих требований, были объявлены виновными в клевете на армию и на Государственный совет. 6 марта их провезли на лошадях лицом к хвосту перед выстроенными полками, затем сломали над головой каждого из них саблю и изгнали из армии.

Но желаемого результата не получилось. Наоборот, в Лондоне этих солдат встретили толпы народа как победителей. А через две недели появился памфлет «Охота на лисиц от Ньюмаркета и Трипло-Хита до Уайтхолла, проведенная пятью маленькими гончими (бывшими ранее в армии), или с обманчиков-грандов сорваны маски (так что вы можете их узнать)». Лисиц — Кромвеля, Айртона и Фэрфакса — узнать было довольно легко.

«Было ли когда-нибудь, — читаем в памфлете, — поколение людей столь же лживое, предательское и клятвопреступное, как эти люди?... Их молитвы, посты, проповеди, их вечные цитаты из Священного писания, имя Бога и Христа, не сходящие с их уст!.. Едва вы начнете говорить о чем-нибудь с Кромвелем, он приложит руки к груди, возведет очи к небесам и призовет Бога в свидетели. Он будет проливать слезы, стенать и сокрушаться, даже посылая вас под удар ножа... Теперь ясно всему миру, что интересы офицеров прямо противоположны интересам солдат; между ними не больше различий, чем между Христом и Белиалом, светом и тьмой... До этого нами правили король, лорды и общины, теперь — генерал, полевой суд и палата общин. Мы спрашиваем вас, что изменилось?..»

Боясь новой революционной вспышки, Государственный совет решил действовать незамедлительно и беспощадно. Опубликование второй части «Новых цепей Англии», подписанной вождями левеллеров — Лильберном, Уолвином, Принсом и Овертоном, послужило поводом для немедленного их ареста и заключения в Тауэр. Памфлет был назван книгой «скандальной, лживой, клеветнической, призывающей к бунту и новой войне».

Для того, чтобы восстановить против левеллеров собственников, фанатичных пуритан, их противники в своих памфлетах обвинили левеллеров в том, что они безбожники, что они будто бы добиваются уравнивания состояния людей и хотят ввести общность имущества.

«Они хотят, чтобы никто не мог назвать какую бы то ни было вещь своей; по их словам, любая власть человека на земле — тирания, по их мнению, частная собственность — дело рук дьявола... Они восстанавливают работника против хозяина, арендатора против землевладельца, покупателя против продавца, должника против займодавца, бедного против богатого», — писалось в одном из памфлетов, направленных против левеллеров.

Чтобы не остаться в долгу, лидеры левеллеров ответили из тюрьмы на обвинения в их адрес манифестом. «О нас распускают самые невероятные слухи, — писали они. — Будто мы хотим уравнивать состояния всех людей, будто мы не хотим никаких сословий и званий между людьми, будто мы не признаем никакого правления, а стремимся лишь ко всеобщей анархии...». Отметая от себя все обвинения, левеллеры заявляли: «У нас никогда не было в мыслях уравнивать состояния людей, и наивысшим нашим стремлением является такое положение республики, когда каждый с наибольшей обеспеченностью пользуется своею собственностью... Цель наша — усовершенствовать правительство, а не разрушить его, и хотя тирания исключительно плоха, однако из двух крайностей анархия — самая худшая...».

1 мая 1649 г. из Тауэра был выпущен новый вариант «Народного соглашения». В него был внесен специальный пункт, согласно которому парламенту запрещалось «уравнивать состояния людей, разрушать собственность или делать все вещи общими». Левеллеры решили пойти на компромисс.

Как и в 1647 г., борьбу за проведение в жизнь «Народного соглашения» особенно интенсивно вели левеллерские элементы в армии. Брожение прежде всего охватило части, которые должны были отправляться в Ирландию.

23 апреля вышел подписанный генералом Фэрфаксом приказ о выводе одного из полков, расположен-

ного на Бишопгейт-стрит, из Лондона. Но солдаты отказались исполнять его. На следующий день появился вторичный приказ — те же результаты. Мало того, тридцать вооруженных солдат ворвались в гостиницу «Булл», расположенную на той же улице, и, угрожая оружием, захватили все свои эскадронные знамена. В казармах было шумно. Солдаты отказывались выполнять приказы офицеров.

Однако 25 апреля были произведены аресты, а на следующий день пятнадцать солдат из полка Уолли предстали перед военным судом. Шестерых из них приговорили к смертной казни. Однако по настоянию Кромвелля пятеро из них вскоре были помилованы.

Казнить как главного зачинщика мятежа было решено двадцатитрехлетнего Роберта Локиера, всеобщего любимца.

Узники Тауэра тут же написали Фэрфаксу письмо, в котором доказывали, что смертная казнь в мирное время незаконна.

Тем не менее, решение о наказании Роберта Локиера осталось без изменений, а 27 апреля в Лондоне, на Людгейт-хилл, перед церковью святого Павла, состоялась публичная экзекуция.

За гробом Локиера шла не одна тысяча людей. Шествие растянулось на несколько кварталов.

Уайтлок записал в своем дневнике: «Многие рассматривали эти похороны как пощечину парламенту и армии».

Один за другим восставали армейские гарнизоны. В Бэнбери (около Оксфорда) восстало 200 драгун во главе с капитаном Томпсоном, в Уилтшире и Бакингемшире поднялись полки Айртона, Скиппона, Скрупа и Гаррисона.

Однако разрозненность сил восставших, а также отсутствие единого руководства дали возможность Кромвелю без особого труда подавить восстание. Во главе отряда в 2 тыс. кавалеристов он спешно выступил против восставших и настиг их под Берфордом. За считанные часы он проскакал 45 миль и оказался у Берфорда к полночи.

В это время смутьяны, разместившись в домах городка, на чердаках, в конюшнях, спокойно спали, не подозревая об опасности.

Неожиданность нападения решила исход битвы.

К утру бой утих. В плен было взято около 400 человек, остальные, в том числе и капитан Томпсон, побросав оружие, бежали. Трофеи составили почти девятьсот лошадей, а также было захвачено двенадцать знамен.

Утром состоялся военно-полевой суд. Четырех человек приговорили к расстрелу, но один из них, капитан Дани, начал раскаиваться, просить пощады, тут же принялся писать памфлет, направленный против мятежа, и был помилован. Остальных пленников расформировали по разным полкам.

А вскоре капитан Томпсон с двумя эскадронами появился в графстве Нортгемптон, собирая остатки мятежников. Но отряды парламентской кавалерии вскоре разбили их. В бою был убит и сам капитан Томпсон.

Через некоторое время парламент специальным постановлением вынес благодарность Кромвелю, Фэрфаксу и их офицерам «за спасение парламента и нации от грозящей им серьезной опасности». В церквях в честь победы над смутьянами несколько дней шли благодарственные молебны.

ДВИЖЕНИЕ ДИГГЕРОВ

Движение диггеров (копателей) заявило о себе в Англии весной 1649 г. Требование Лильберна уравнять людей в гражданских правах независимо от размера собственности не могло принести облегчения тем сотням тысяч батраков и рабочих, которые не имели никакой собственности.

Поэтому в отличие от сторонников Лильберна представители этих наиболее угнетенных и эксплуатируемых людей называли себя настоящими или «истинными» левеллерами.

Идеологом этого движения являлся Джерард Уинстэнли (1609 г. — умер после 1657 г.), разорившийся мелкий лондонский торговец, который на некоторое время превратился в батрака в соседнем с Лондоном графстве Серри.

По словам Уинстэнли, однажды к нему пришло мистическое откровение: «Работайте вместе, вместе ешьте хлеб, объявите об этом всему миру». Эти сло-

ва он вскоре воплотил в свою программу демократического разрешения аграрного вопроса.

В те дни Уинстэнли был едва ли не единственным политическим писателем, который до конца осознал, какие последствия для крестьян будет иметь односторонняя отмена феодальных держаний только в пользу лордов.

THE
Law of Freedom
IN A
PLATFORM:
Or, True
Magistracy Restored.

Humbly presented to *Oliver Cromwell*,
General of the Commonwealths Army in England And to all English-men my brethren whether in Church-fellowship, or not in Church fellowship, both forth walking as they conceive according to the Order of the Gospel: and from them to all the Nations in the World.

Wherein is Declared, What is Kingly Government, and what is Commonwealths Government.

By *Jerrard Winstanley*.

*In thee, O England, is the Law arising up to shine.
If thou receive and practise it, the crown it will be thine
If thou reject, and still remain a froward Son to be,
Another Land will it receive, and take the crown from thee
Revel. 11. 15. — Dan. 7. 17*

LONDON.
Printed by *J. M.* for the Author, and are to be sold by *Giles*
Calverts at the Black Spred Eagle at the West end of Pauls. 1652.

Титульный лист памфлета Д. Уинстэнли
«Закон свободы» 1652 г.

5 ноября 1651 г. Уинстэнли писал Кромвелло:

«Сэр, Бог облек вас величайшей для человека почестью со времен Моисея, поставив главою народа, изгнавшего угнетателя фараона. Ибо нормандское владычество, покорив наших предков, отняло у них свободное распоряжение английской землей и превратило их в слуг. Но Бог избрал вас своим победоносным орудием, дабы изгнать завоевателя и вашими победами вновь вырвать нашу землю и наши свободы из рук этой нормандской власти.

От вас хотят еще, чтобы вы сделали следующее: обеспечили искоренение власти угнетателя вместе с ним самим и озаботились тем, чтобы свободное владение землею и пользование свободами было закреплено за простым угнетенным людом Англии. Ибо ни венец чести не сможет принадлежать вам, ни победы ваши не смогут быть названы победами, пока завоеванная земля и свобода не перейдут в руки тех, кто ради них подвергал опасности свою жизнь и свое благосостояние. Ибо вам известно, сэр, что король-завоеватель потерпел поражение не только от вас, ибо вы — один человек, и не от офицеров армии, присоединившихся к вам, но от руки и помощи простых людей, из коих одни явились лично и подвергали опасности свою жизнь вместе с вами, другие оставались дома и обрабатывали землю, платили налоги и предоставляли свои дома для постоя, чтобы поддерживать вас, когда вы вели войну».

Даже из этого письма видно, что его автор был мечтателем, чьи мечты разбивались, как только соприкасались с жестокой действительностью.

Тем не менее, взгляды Уинстэнли нашли отклик в сердцах многих людей. Движение диггеров получило широкую известность в стране. Ими была сформулирована крестьянско-плебейская аграрная программа революции.

Революция не закончена, говорили диггеры. Она только уничтожила королевскую власть, но при этом оставила в неприкосновенности власть манориальных лордов. Это ветви одного дерева. Не может быть подлинной свободы, пока земля крестьян остается собственностью лордов.

«Я утверждаю, — писал Уинстэнли, — что земля была сотворена для того, чтобы быть общим достоя-

A
DECLARATION
FROM THE
Poor oppressed People
OF
ENGLAND,

DIRECTED
To all that call themselves, or are called
Lords of Manors,
through this NATION,
That have begun to cut, or that through
fear and covetousness, do intend to cut down
the Woods and Trees that grow upon the
Commons and Waste Land.

Printed in the Year, 1649

Титульный лист памфлета диггеров
«Декларация бедного угнетенного народа Англии»
1649 г.

нием всех живущих на ней, но если это так, то никто не должен быть господином над другим, земля создана для того, чтобы все сыны и дочери рода человеческого свободно жили на ней».

В другом памфлете, названном «Свет, засиявший в Бекингемшире, или Раскрытие главного основания и первоначальной причины всякого рабства во всем мире», утверждалось, что все люди раньше сообща

пользовались всеми благами природы, но алчность и властолюбие привели к захвату земли, и она оказалась в немногих корыстолюбивых руках; остальные же люди стали их рабами.

В 1652 г. Уинстэнли создал «Закон свободы», утопию, в которой нарисовал такое устройство общества, в котором частная собственность будет уничтожена и где не будет эксплуатации человека человеком.

Каким же путем решили идти диггеры к этому устройству?

В «Декларации бедного угнетенного народа Англии» диггеры писали:

«Мы объявляем вам, называющим себя лордами и господами страны, что царь справедливости просветил настолько наши сердца, чтобы понять, что земля не была создана специально для вас, чтобы вы были господами ее, а мы вашими рабами, слугами и нищими, но что земля создана для того, чтобы быть общим жизненным достоянием для всех... Наши сердца начинают освобождаться от рабского страха перед людьми, подобными вам... Мы обрели в себе решимость вскапывать и возделывать общинные земли и пустоши по всей Англии...».

Но, увы, эти громкие слова по сути являлись всего лишь пустыми звуками. Диггеры решили идти к намеченной цели без борьбы, а воздействуя на людей убеждением. «Мы победим любовью и терпением», — говорил Уинстэнли.

Диггерам казалось, что достаточно будет хорошего примера, чтобы за ними последовали другие. Они даже сделали попытку практического осуществления своих планов.

В апреле в Государственный совет поступило сообщение, что группа в количестве 30—40 человек во главе с Уинстэнли и бывшим солдатом Эверардом в графстве Серри, недалеко от Виндзора, в приходе Кобхэм на холме святого Георгия, вооруженная лопатами, начала взрыхлять пустошь, ничейную землю, и сеять на ней турнепс, бобы и морковь. Они называли себя диггерами (копателями). Всем желающим они предлагали присоединиться к ним, обещали бесплатную пищу, питье, одежду и обещали, что скоро их будет 5 тыс. человек.

Получив это сообщение, Государственный совет

отправил в Кобхэм отряд кавалерии, чтобы разогнать смутьянов. В приказе говорилось: «Примите меры к тому, чтобы в Кобхэм было послано несколько конных отрядов, которые бы разогнали людей, устраивающих подобные сборища, и препятствовали подобным действиям в будущем, чтобы недовольная партия не могла собраться под прикрытием подобных людей, собраться в назначенном месте и причинить еще больший вред государству».

В Государственном совете словно почувствовали, что диггеры представляют для них очень серьезную опасность.

12 апреля два кавалерийских эскадрона появились на холме святого Георгия. Перед их глазами предстала мирная картина. Тридцать — сорок человек спокойно копались в земле. Командир эскадрона поговорил с Уинстэнли и Эверардом, и велел им явиться в Лондон к генералу Фэрфаксу. Они явились, но, к немалому удивлению генерала, не сняли перед ним шляпы, так как он «такое же божье создание», как и они.

В конце концов Уинстэнли и Эверарду было разрешено вернуться домой, более того, на время о них словно забыли, и вскоре движение диггеров перебралось в соседние графства — Нортгемптон, Кент и др.

Наконец диггеров «заметили». Против них ополчилась вся индипендентская республика с Государственным советом в Лондоне, местными шерифами, мировыми судьями, милицией, пуританскими проповедниками. От диггеров отмежевался даже Лильберн. Их разгоняли, арестовывали, уничтожали их посевы.

Позже Кромвель, вспоминая тревожный 1649 г., говорил: «Уж если государство обречено на страдания, лучше для него страдать от руки богатых нежели бедных...».

В связи с поражением левеллерского движения резко сузилась социальная база индипендентской республики, лишив ее поддержки тех слоев, которые в немалой степени помогли ее воздвигнуть. Тем самым республика 1649 г. подготовила условия для собственного крушения.

Этому немало способствовала также индипендентская политика в Ирландии и Шотландии.

ВОЙНА С ИРЛАНДИЕЙ

После того, как угроза миру внутри Англии была уничтожена, Кромвель в августе 1649 г. отправился в поход в Ирландию. Еще в марте его назначили главнокомандующим ирландской армии и одновременно лейтенант-генералом Ирландии. Благодаря этим должностям, Кромвель получал жалование около тринадцати тысяч фунтов в год.

Армия Кромвеля насчитывала 12 тысяч человек. Солдат задобрили и обнадежили. Им выплатили все жалование — задолженности за несколько месяцев. В Ирландии им обещали земли и неслыханные сокровища. Если грабежи и мародерство в Англии запрещались, то в Ирландии это даже поощрялось.

11 июля состоялась прощальная церемония. В Уайтхолле собрались офицеры, члены парламента. В пять часов вечера армия тронулась в путь. В Бристолье Кромвель простился со своими родными — Элизабет и старшим сыном Ричардом. Пожалел, что с Ричардом не было его жены — Дороти, которую он безумно любил и называл «дочерью». Кромвель был спокоен, словно отправлялся в мирное путешествие. Отцу Дороти, Ричарду Мэру, он писал в эти дни:

«Я очень рад слышать, что все у вас хорошо и что наши дети собираются поехать отдохнуть и поесть вишен; для дочери моей это вполне извинительно, я надеюсь, она имеет для этого добрые основания. Уверяю вас, сэр, я желаю ей добра и полагаю, что она это знает. Прошу вас, передайте ей, что я ожидаю от нее частых писем, из которых я надеюсь узнать, как поживает вся ваша семья... Вручаю вам моего сына и надеюсь, вы будете ему добрым руководителем... Я хочу, чтобы он стал серьезнее, время этого требует...».

Однако вскоре о семейных делах пришлось забыть. Впереди была Ирландия.

Война в Ирландии явилась первой колониальной войной Английской республики. По своей жестокости она превзошла все, что Ирландия испытала за всю свою многострадальную историю. Напомним, что завоевание Ирландии английскими феодалами началось еще в XII в. и растянулось на несколько столетий, вплоть до самой революции.

Пользуясь разногласиями в лагере восставших, и прежде всего между католиками и протестантами, а также материальным перевесом сил, Кромвель в Ирландии повел войну «на истребление». Иногда расстреливались целые гарнизоны сдавшихся крепостей.

3 сентября армия Кромвеля подошла к крепости Дрогеда, которая считалась самой сильной из ирландских крепостей. Она состояла из двух частей, разделенных рекой, — южной и северной. Южная часть была укреплена древними толстыми стенами, которые достигали 12 футов в высоту. В главную, северную, часть крепости нельзя было попасть, не овладев при этом цитаделью Милл Маунт, расположенной на высоком холме и укрепленной изгородями и насыпями.

Командовал гарнизоном крепости Артур Эстон, старый вояка, который в одном из боев потерял ногу, но и после этого военную службу не оставил.

У Кромвеля было более 10 тысяч человек, в крепости — около 3 тысяч. Кромвель готовился к осаде целых шесть дней — Дрогеда была ключом к Северной Ирландии, и ее необходимо было взять любой ценой.

10 сентября Кромвель отправил Эстону небольшое письмо:

«Сэр, чтобы предотвратить кровопролитие, я полагаю правильным потребовать передачи крепости в мои руки. В случае отказа вы не будете иметь оснований винить меня. Я ожидаю вашего ответа и остаюсь вашим слугой. О. Кромвель».

Эстон ответил отказом. Впрочем, Кромвель, очевидно, на другое и не рассчитывал. Штурм крепости начался.

Первые две атаки захлебнулись. Был убит полковник Касл, вместе с двумя другими офицерами возглавлявший атаку. И только третья атака принесла успех.

17 сентября 1649 г. Кромвель писал Ленталлу:

«По правде говоря, в горячке действия я воспретил солдатам щадить кого бы то ни было, захваченного в городе с оружием в руках, и я думаю, что за эту ночь они зарубили около 2000 человек. Некоторые из них перебежали через мост в другую часть города, где около сотни из них завладели колоколь-

ней св. Петра. Когда им было предложено сдаться на милость, они отказались, после чего я приказал поджечь колокольню, и было слышно, как там среди пламени один из них кричал: «Бог меня проклял, Бог меня наказал».

На следующий день были окружены две другие колокольни, на одной из которых были человек 120—140; однако они отказались сдаться, и мы, зная, что голод принудит их к этому, поставили кругом лишь охраны, чтобы они не могли убежать, пока желудки не заставят их сойти вниз... Когда они сдались, их офицеров перебили, каждый десятый из солдат был подвергнут смерти, а остальные были направлены на кораблях на Барбадос.

Я убежден, что есть справедливый божий суд над этими варварами и мерзавцами, запятнавшими свои руки таким огромным количеством невинной крови; и что это поведет к предотвращению кровопролития на будущее время, что является достаточным оправданием для тех действий, которые в противном случае не могли бы вызвать ничего, кроме упреков совести и сожаления. Офицеры и солдаты этого гарнизона составляли цвет армии и они сильно надеялись на то, что наша атака на эту крепость поведет к нашей гибели... Теперь разрешите мне сказать, как было осуществлено это дело. В сердцах некоторых из нас сложилось убеждение, что великие дела свершаются не вследствие силы и мощи, а вследствие духа Господня. То, что заставляло наших людей с такой отвагой идти на штурм, был дух Божий, который вселял мужество в наших людей и лишал его наших врагов. Точно так же он давал мужество врагам и брал его обратно; и снова вселял мужество в наших людей, вследствие чего мы достигли этого счастливого успеха, слава которого принадлежит Богу».

А вскоре после этого одна за другой сдались крепости Дендалк, Трим и др. Через некоторое время был покорен весь север Ирландии.

1 октября Кромвель подошел к крепости Уэксфорд, ближайшему к берегам Англии порту и древнему центру пиратства.

Переговоры тянулись несколько дней. Комендант гарнизона вначале согласился сдать крепость, но на определенных условиях. Затем, получив подкрепле-

ние, начал изворачиваться, тянуть время. Неоценимую услугу англичанам оказал ирландский предатель, который показал им дорогу в крепость.

11 октября семь тысяч пехотинцев и две тысячи кавалеристов ворвались в Уэксфорд. Гарнизон зашищался, но силы были слишком неравными.

«Наши войска,— писал Кромвель в своем донесении спикеру,— разбили их, а затем предали мечу всех, кто стоял на их пути. Две лодки, наполненные врагами до отказа, попытались уплыть, но потонули, тем самым погибло около трех сотен. Я полагаю, всего неприятель потерял при этом не менее двух тысяч человек; и полагаю, что не более двадцати из наших были убиты с начала и до конца операции».

Солдаты английской армии не щадили никого. Они грабили, поджигали дома, убивали даже женщин, стариков и детей. Беспощадно расправлялись с монахами и священниками, которые пытались их образумить.

Кромвель, видя, что город превращается в руины, не останавливал солдат, хотя собирался использовать Уэксфорд для зимовки.

Через два дня после битвы он писал Ленталлу:

«Да, право же, это очень прискорбно, мы желали добра этому городу, надеясь использовать его для ваших нужд и нужд вашей армии, а не разорять его так сильно, но Бог судил иначе. В нежданной милости провидения, в справедливом гневе своем он направил на него меч своей мести и сделал его добычей солдат, которые многих заставили кровью искупить жестокости, учиненные над бедными протестантами».

Встретить зиму в Уэксфорде Кромвелю не довелось, он двинулся дальше — сначала на запад, затем на юг. Некоторые крепости сразу же сдавались, другие вели упорное сопротивление.

С особым упорством сопротивлялся портовый город Уотерфорд. 14 ноября Кромвель писал: «Едва ли один из сорока моих офицеров сейчас не болен, и столь многих достойных потеряли мы, что переполняются скорбью наши сердца».

Заболел и сам Кромвель, о чем сообщал в письме Ричарду Мэру, не забыв посетовать, что Дороти пишет ему очень редко. Эта болезнь давала о себе знать Кромвелю до самой его смерти.

В результате завоеваний 1649—1652 гг. Ирландия была вконец опустошена. Из полутора миллионов населения в ней осталось немногим более половины. Не одна тысяча ирландцев была принудительно вывезена в американские колонии Англии и превращена там в «белых рабов». Последовавшие массовые конфискации земель восставших передали в руки английских собственников $\frac{2}{3}$ ирландской территории. Этот большой земельный фонд был предназначен для удовлетворения претензий государственных кредиторов, главным образом денежных тузов Сити, а также для погашения задолженности армии.

Таким образом, в Англии 40 — начала 50-х годов, с одной стороны, произошло перерождение некогда революционной армии в армию колонизаторов, с другой стороны, создавался новый слой дворян — ленд-лордов Ирландии, которые стали опорой реакции в самой Англии и стремились к скорейшему восстановлению в ней традиционной системы дворянского господства.

ВОЙНА С ШОТЛАНДИЕЙ

После войны в Ирландии Кромвеля на родине встречали как национального героя.

Известный английский поэт Эндрю Марвелл сочинил в его честь оду:

Как добр он, как он справедлив,
И к высшей истине ревнив!
Не сам команду он дает:
Республика его ведет.
Лишь тот способен управлять,
Кому дано себя смирять,—

говорилось в ней.

Правительственная газета «Политический меркурий» писала, что успехи Кромвеля в Ирландии «в добавление к гирлянде его английских побед увенчали его во мнении всего мира как одного из мудрейших и совершеннейших вождей среди всех ныне живущих и прошлых поколений».

Рассказывают, что в эти дни кто-то восхищенно сказал Кромвелю: «Какая толпа собралась смотреть

на триумф вашего превосходительства!» Кромвель, не потерявший на войне чувство юмора, ответил: «Когда меня будут вешать, народу соберется еще больше».

Но в Англии Кромвелю не удалось долго пробыть. Шотландские пресвитериане не могли примириться со смертью Карла I. Установление в Англии индependентской республики оттолкнуло от нее не только шотландскую аристократию, но и вообще имущие классы Шотландии. Желая оградить себя от грозившей из Англии опасности, шотландские пуритане превратились в пламенных приверженцев той самой монархии Стюартов, которой сами же недавно нанесли первый удар.

5 февраля 1649 г. бежавший в Голландию принц Карл, сын казненного короля, был провозглашен в Эдинбурге королем — причем, не только Шотландии, но и Англии и Ирландии. Желание вернуть себе «отеческий престол» вынудило нового короля обещать сохранение в Шотландии пресвитерианской церкви и распространение пресвитерианства как государственной религии на Англию и Ирландию, подобно тому как за год до этого он согласился на всевозможные уступки ирландским католикам.

10 июня Карл отплыл в Шотландию. Англии начала грозить опасность с севера. Мало того, война Английской республики с Шотландией теперь уже стала неизбежной.

Во главе шотландского похода было предложено стать генералу Фэрфаксу, но он неожиданно отказался, и главнокомандующим всех вооруженных сил Англии был назначен Кромвель.

22 июля 1650 г. английские войска подошли к шотландской границе. Но покорить Шотландию оказалось значительно труднее, чем это многим представлялось вначале.

2 сентября Кромвель писал:

«Достопочтенному сэру Артуру Гезльригу.

Срочно, срочно.

Дорогой сэр, мы в очень трудном положении. Неприятель загородил нам путь к Кошперспатскому перевалу, через который мы сможем пробиться только чудом. Он обложил все окрестные холмы, так что мы не знаем, как нам выйти отсюда; это возможно лишь

с превеликим трудом; а пребывание здесь ежедневно косит наших людей, которые болеют невообразимо.

Я понимаю, что вы сейчас не можете помочь нам; но все же, что бы с нами ни случилось,берите все силы, какие только удастся, и помогите, чем можете, с юга. Это такое дело, которое касается всех добрых людей. Если бы ваши войска смогли ударить из-за Копперспата, это было бы нам большой поддержкой. Все должны работать на дело добра. Духом мы не падаем (хвала Господу), несмотря на такое положение. И право, мы всего больше надеемся на Господа, от которого уже получили так много милостей.

Право же, соберите все силы, какие только можете. Пошлите на юг к друзьям, попросите помочь. Дайте знать Генри Вэну, что я пишу. Я не хотел бы, чтобы это стало известно всем, ибо опасность только увеличивается. Вы сами знаете, как лучше действовать. Дайте мне знать о себе.

*Остаюсь слугой вашим.
2 сентября 1650 года.*

О. Кромвель».

Это был не единственный случай в шотландской кампании, когда Кромвелю пришлось тяжело.

В конце июля он подошел к Эдинбургу. Город оказался надежно укреплен как с суши, так и с моря. Надеюсь, что противник выведет своих солдат для битвы в открытом поле, Кромвель со своей тридцатитысячной армией два дня простоял лагерем под дождем. Но шотландцы напали на него только тогда, когда он наконец решил отойти. Удар на себя принял полк Ламберта, затем ему на помощь Кромвель послал свой полк.

В таких мелких сражениях прошел весь август.

Шотландские проповедники в своих проповедях говорили, что англичане убивают всех подряд мужчин, мальчишкам от шести до шестнадцати лет отрубают правую руку, а женщинам выжигают груди. Как только в деревнях появлялись английские солдаты, местные жители разбегались кто куда, несмотря на бесконечные декларации, издаваемые Кромвелем, в которых он обещал жителям мир, сохранение их прав и имущества.

К этому следует добавить, что Шотландия была нищей страной. Продукты питания для армии найти

было очень сложно. Солдаты ели сырые овощи, все, что попадалось под руку. Вскоре началась повальная дизентерия. От шестнадцати тысяч кромвелевских солдат к сентябрю осталось только чуть больше одиннадцати.

Тем временем Кромвель подошел к Денбару. 3 сентября 1650 г. началось сражение, которое продолжалось менее трех часов. В нем шотландцы потеряли три тысячи убитыми, а около десяти тысяч было взято в плен. По словам Кромвеля, с английской стороны было убито всего лишь двадцать человек.

На следующий день, вдохновленный победой он писал жене:

«Моя драгоценная! У меня нет времени писать тебе подробно. Во многих своих письмах ты пишешь, что я должен быть внимательнее к тебе и к твоим чадам, и я могу попенять тебе за это. Если я не люблю тебя сейчас еще больше, чем прежде, то думаю, что, с другой стороны, грешен в том немного; и это поистине так. Ты мне дороже всех на свете; и этого довольно.

Господь явил нам безмерную милость: кто может оценить ее величие? Моя слабая вера получила подкрепление. Мой дух чудесным образом воспрянул; хотя я уверяю тебя, что старею и чувствую, как старческие немощи украдкой овладевают мною. Вот бы так и грехи мои убывали! Молись обо мне в этом смысле. Подробности нашего последнего успеха тебе сообщает Гарри Вэн или Дж. Пикеринг. С любовью ко всем дорогим друзьям, я остаюсь

Твой Оливер Кромвель».

А 7 сентября кромвелевская армия уже была в Эдинбурге, который сдался ей почти без боя.

18 сентября англичане стояли у Стерлинга, который защищала армия Лесли. В город было послано предложение сдаваться. Лесли был настроен воинственно, сдать отказался и предложил Кромвелю освободить нескольких пленных шотландских офицеров за определенный выкуп. В ответ было сказано:

«Мы пришли сюда не для того, чтобы торговать людьми или получить для себя какую-то выгоду, а для защиты интересов английской республики».

Однако штурм города так и не состоялся. Стерлинг был сильно укреплен, и, по решению военного

совета, пока не наступила зима, необходимо было срочно заняться очисткой от неприятеля южных земель Шотландии.

В это время Кромвель опять заболел, чем вызвал беспокойность в Лондоне. Палата тут же постановила: «По случаю болезни лорд-генерала и по суровости климата страны, где он находится, ему предлагается для сохранения здоровья переехать в какую-нибудь часть Англии, где при помощи божьей и употреблении усиленных врачебных пособий он мог бы восстановить свое здоровье и силы, чтобы иметь возможность возвратиться к армии; в ней ему предоставляется право назначить пока временного командира по своему усмотрению».

К Кромвелю были отправлены два врача, но пока они прибыли, он стал чувствовать себя лучше, а вскоре уже готовился к новой военной операции.

В конце августа Карл обосновался в Вустере, и тут же к городу двинулись англичане — армия Кромвеля, войска Ламберта, Гаррисона и Флитвуда. Здесь было решено нанести шотландцам последний и решительный удар. По словам одного из биографов Кромвеля, точность в проведении этой операции является «замечательной даже во времена телеграфа, а успех свидетельствует о необыкновенных военных талантах как самого Кромвеля, так и ближайшего его помощника Ламберта... Три отдельных корпуса, двинувшиеся из трех разных мест, идя на далеком расстоянии друг от друга, сошлись как раз там, где следовало».

3 сентября 1651 г. полки Флитвуда, перейдя по только что сооруженному мосту через Тим, двинулись на шотландцев с юга. Кромвель, переправившись со своей армией через Северн, тут же поспешил им на помощь. Вскоре противник был оттеснен к окраинам Вустера. Завязался рукопашный бой. Но и здесь королевские отряды не устояли. Парламентские войска ворвались в город. Карлу с горсткой людей пришлось бежать. Вскоре он переоделся в крестьянское платье, а через несколько месяцев достиг берегов Франции.

В битве при Вустере армия роялистов прекратила свое существование. Сопротивление шотландцев было окончательно сломлено. День 3 сентября стал на-

циональным праздником английской республики. Это было и последнее сражение Кромвеля.

Шотландская политика республики во многом отличалась от ее ирландской политики. Хотя в Шотландии не было массовых убийств и конфискаций земель, все же и здесь был установлен режим национального гнета.

КРУШЕНИЕ ИНДЕПЕНДЕНТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

На Карла уже никто особых надежд не возлагал. Одна за другой Английскую республику признали соседи. Первой это сделала католическая Испания. Затем — Германия, Венеция, Генуя, Дания, Португалия, Швеция, а через два года и сама Франция.

И только русский царь Алексей Михайлович не хотел иметь никаких дел с республикой «цареубийц» и даже изгнал из России всех английских купцов.

Наряду с внешними успехами Англии завершилось и ее внутреннее перерождение.

К 1651 г. даже умеренный Оливер Кромвель стал казаться «радикалом» по сравнению с индепендентами парламентского «охвостья». Вся политика индепендентской республики именно к тому и сводилась, чтобы найти наиболее легкие пути обогащения представителей буржуазии и нового дворянства. Ферфаксу были подарены земли, которые приносили 5 тыс. ф. ст. годового дохода. Кромвель в два приема получил имения, которые приносили доходов в 7 тыс. ф. ст.

В Англии шла невиданная спекуляция на землю. Люди при деньгах и «гранды» скупали за бесценок имения делинквентов, а также «долговые обязательства», полученные солдатами в счет жалованья и дававшие право на получение земельного надела из фонда конфискованных земель. Например, бывший левеллер майор Уайльдман за несколько лет скупил 50 владений, расположенных в 20 графствах Англии.

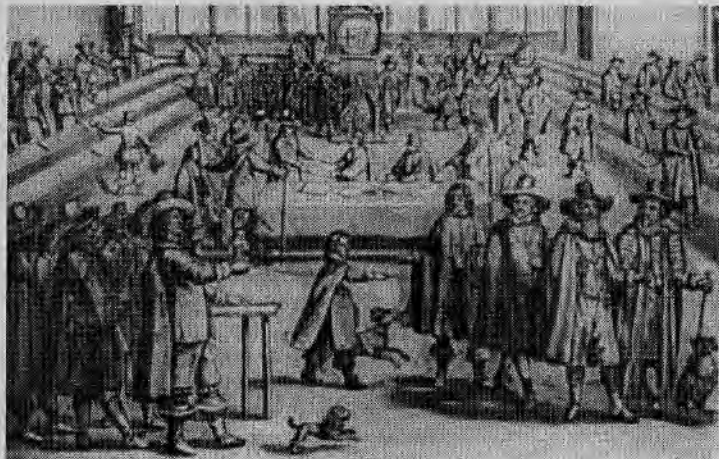
Тюрьмы были переполнены несостоятельными должниками. Законы очень часто не соблюдались, а юристы сколачивали состояния на несчастях разоренных людей.

В первую очередь заботясь об интересах крупной

буржуазии, и не только внутри страны, но и за ее пределами, индependентская республика вступила в ожесточенную борьбу со своим основным торговым конкурентом — протестантской Голландией.

Торговый флот Голландии был богаче и многочисленнее английского. Голландия на своих кораблях доставляла в Англию товары со всего мира, имея при этом для себя большую выгоду.

Вначале Англия предложила голландцам своеобразный оборонительно-наступательный союз якобы для объединения протестантских сил против папистской угрозы. Хотя действительной целью англи-

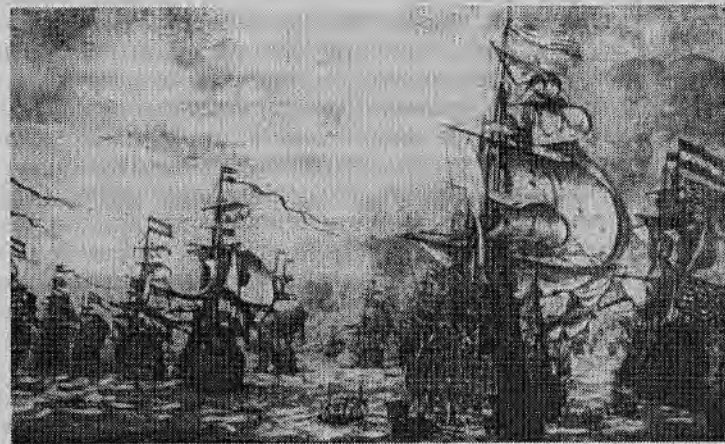
Кромвель разгоняет Долгий парламент.
Гравюра XVII в.

чан было поглотить торговлю соседней страны. Однако Голландия отвергла союз, понимая, что он грозит ей превратиться в английскую провинцию.

Тогда в 1651 г. английский парламент издал «Навигационный акт», который запрещал ввоз в страну иноземных товаров иначе, как на английских судах или судах той страны, где эти товары производились. В результате это привело к войне с Голландией. Длительная морская война еще больше обострила недовольство в стране.

Летом 1652 г. опять начались недовольства в ар-

мии. 13 августа парламенту была подана петиция, написанная армейскими офицерами. В ней требовалось отменить десятину, упорядочить законодательство, удалить с государственных постов «негодных, скомпрометировавших себя и распущенных лиц». Были в петиции и другие пункты: «6. Должны быть предоставлены отчеты в израсходовании государственных средств и выплачены недоимки солдатам... 8. Государственные доходы должны поступать в одно казначейство; управляющие казначейством должны назначаться парламентом, а поступления и расходы

Морской бой англичан с голландцами
близ устья Темзы.
В. ван де Вельде. 1653 г.

публиковаться каждые полгода. 9. Необходимо назначение комитета из среды членов палаты для рассмотрения вопроса о ненужных должностях и окладах».

Недовольство народных низов и опасность мятежей побудили Кромвеля к решительным действиям.

19 апреля он собрал у себя офицеров, а также нескольких лидеров парламента — Уайтлока, Сент-Джона, Вэна, Гезльрига. Вначале он пытался договориться мирным путем. С одной стороны, нельзя допустить, чтобы «охвостье» Долгого парламента

превратилось в несменяемую олигархию. Но, с другой стороны, не самый лучший вариант разрешения конфликта будет, если офицеры силой разгонят парламент.

Собравшимся Кромвель предложил следующее: пускай члены палаты отложат обсуждение избирательного закона и передадут свою власть временному правительству, в состав которого войдут известные и уважаемые в стране люди.

Однако лидеры парламента не согласились с предложениями Кромвеля. Начались жаркие споры, которые продолжались и на следующий день.

В конце концов удалось прийти к одному решению: парламент назначает сорок человек для управления республикой; половину из них составят его члены, а другую половину — офицеры.

В это время в Вестминстере началось заседание парламента, и его лидеры поспешили туда. Но уже через полчаса Кромвель стало известно, что парламент, нарушив договоренность, начал свое заседание как раз с обсуждения избирательного закона. Гезльриг предложил принять его как можно скорее и разойтись на каникулы до ноября, чтобы никто не потребовал отмены нового закона. Мало того, было решено, вместо Кромвеля, главнокомандующим назначить Фэрфакса.

Кромвель тут же направился в парламент. А через некоторое время там появились тридцать мушкетеров. С парламентом было покончено.

Роспуск знаменитого когда-то собрания, уже полностью изжившего себя к этому времени и превратившегося в ненавистную для всех олигархию, не вызвал каких-либо протестов в стране. «Даже ни одна собака не тявкнула, не то чтобы раздался хоть какой-то заметный ропот», — вспоминал позднее Кромвель. Люди сочувствовали этому акту и надеялись на созыв нового, более демократического представительного органа.

Что же касается нового парламента, собравшегося в июле того же 1653 г. и прозванного Малым или Бербонским (последнее название было дано ему по имени одного из активных членов парламента — владельца кожевенной мастерской Бербона), то он не был избран обычным порядком по графствам и горо-

дам. Его члены фактически были назначены Государственным советом из числа рекомендованных местными индипендентскими властями членов индипендентских конгрегаций.

6 июня 1653 г. сто двадцать восемь человек в Англии, шесть в Ирландии и пять в Шотландии получили приглашения явиться в Вестминстер. В приглашении говорилось:

«Поскольку после роспуска последнего парламента необходимо позаботиться о мерах к обеспечению мира, безопасности и хорошего управления республикой, для этого мною с ведома моего совета офицеров назначены различные лица, известные страхом божьим, верностью и честностью, на которых возлагаются великие задачи и высокое доверие... Будучи уверен в вашей любви к Господу, мужестве во имя его и преданности делу его и своего доброго народа нашей республики, я, Оливер Кромвель, главнокомандующий всех армий и вооруженных сил этой республики, настоящим призываю и обязываю вас явиться лично и присутствовать в зале совета, именуемом Уайтхолл в Сити Вестминстера, 4-го числа ближайшего месяца июля... И от этого вы не должны уклоняться.

Дано за моей личной подписью и печатью 6 июня 1653 г.

Оливер Кромвель».

По сути дела, после разгона «охвостья» Кромвель стал единолично править страной. Но он не хотел тянуть на себе бремя диктатора. Да и опыт Карла I о многом ему говорил. Поэтому Кромвель стремился как можно скорее передать свои полномочия новому представительному органу.

Перед открытием Малого парламента он говорил, как бы оправдываясь:

«Я скажу, что они (члены Долгого парламента) выказали полную неспособность произвести реформы — действительно (я могу заявить об этом) реформа права, столь сильно взволновавшая умы, и ныне стоит на очереди. По этому поводу было произнесено много хороших слов, но мы знаем, что оказалось недостаточным нескольких месяцев для того, чтобы преодолеть одно слово, носящее название «бремени».

Дальше Кромвель призвал членов нового законодательного собрания быть «мудрыми, чистыми, мирными, добрыми, отзывчивыми, плодоносными, беспристрастными».

«Мы должны быть сострадательными,— говорил он,— терпимыми ко всем. Любить всех, прощать, заботиться и поддерживать всех... И если самый беднейший, самый грешный христианин захочет мирно и спокойно жить под властью вашей,— я говорю, если кто-либо захочет вести жизнь благочестивую и мирную,— пусть ему будет оказано покровительство».

Срок полномочия парламента был определен до ноября 1654 г. За три месяца до своего роспуска он должен избрать своих последователей.

Впрочем, и этот «парламент святых», как иронично называли его современники, в полной мере не удовлетворил индипендентскую верхушку армии. Вследствие усилившегося недовольства в стране в Малый парламент вошло много радикальных сектантов, которые провели через него некоторые демократические реформы — установили гражданскую регистрацию браков, создали комитет для кодификации английского права, пытались уничтожить прославившийся волокитой и взяточничеством канцлерский суд, уменьшить налоговое бремя, отменить церковную десятину, сократить численность армии.

Однако «грандам» все это казалось настолько губительным для судеб буржуазной собственности, что новый парламент был распущен не через год, как было условлено, а уже через пять месяцев после его созыва.

11 декабря Ламберт собрал совещание умеренных членов парламента и офицеров. Если парламент продолжит свои заседания еще хотя бы день, говорил он, то собственность «всех честных людей» окажется под угрозой. Его доводы убедили присутствующих.

На следующий день умеренная половина парламента спешно приняла решение:

«Дальнейшие заседания настоящего парламента в данном его составе не послужат для блага республики, и потому необходимо передать в руки лорд-генерала Кромвеля те полномочия, которые члены парламента от него получили».

Сам Кромвель позднее с ужасом вспоминал о деятельности бербонского парламента: это собрание зашло, по его мнению, в своих нападках на собственность так далеко, что было готово отнять у того, кто владеет двумя коровами, одну, чтобы передать ее не имеющему ничего.

ПРОТЕКТОРАТ КРОМВЕЛЯ

По сути дела республика с роспуском Малого парламента была ликвидирована. Побуждаемая страхом за судьбу своей собственности, буржуазия прибегла к открытой военной диктатуре генерала Оливера Кромвеля.

16 декабря 1653 г. к Вестминстеру подошла торжественная процессия. В большом зале канцелярского суда генерал Ламберт от имени присутствующих просил Кромвеля принять на себя титул и обязанности лорда-протектора Англии, Шотландии и Ирландии.

Затем была прочитана новая письменная конституция «Орудие управления».

Согласно этой конституции Кромвель получал пожизненный пост лорда-протектора. В его руки передавалась законодательная власть совместно с парламентом в количестве 400 человек. Парламент должен был избираться раз в три года. Избирать парламент имели право только те, у кого было не менее 200 фунтов стерлингов — в недвижимости или в земле. Исполнительная власть передавалась Кромвелю вместе с пожизненным Государственным советом из пятнадцати человек.

«Всякого рода указы,— говорилось в конституции,— вызовы в суд, полномочия, патенты, пожалованья и другие распоряжения, которые до сих пор издавались... властью парламента, должны издаваться от имени и титула лорда-протектора, которым на будущее время будут производиться назначения всех должностных лиц и пожалования почетных званий в названных выше трех нациях... Он имеет право помилования и получения всех конфискаций, сделанных для публичных целей... Он должен располагать

и руководить милицией и войсками как на море, так и на суше... Он должен руководить всеми делами, относящимися к поддержанию и укреплению добрососедских отношений с иностранными королями, правителями и государствами, а также с согласия большинства членов совета имеет право вести войну и заключать мир... Законы не могут быть изменены, налоги не могут вводиться без его согласия...».

Новая конституция, которая формально больше всего заботилась о «разделении властей», на деле привела к полному сосредоточению власти в руках протектора. Кромвель являлся главнокомандующим армии и флота, он контролировал финансы и суд, руководил внешней политикой, а в перерывах между сессиями парламента издавал имевшие силу закона ордонансы.

23 декабря 1653 г. клерк по иностранным делам Джон Терло писал Уайтлоку, который в это время являлся английским послом в Швеции: «Происшедшая перемена встретила всеобщее признание, особенно среди юристов, пуританских священнослужителей и купцов, для которых, как они сами сознавали, настроенность последнего парламента несла наибольшую опасность».

ПЕРВЫЙ ПАРЛАМЕНТ ПРОТЕКТОРАТА

Казалось, все было сделано для того, чтобы новый парламент не стал в оппозицию Кромвелю, и все же лорд-протектор в нем не был полностью уверен. Несомненно, в нем было немало достойных людей — крупных и средних сквайров, купцов, финансистов, лендлордов, но вместе с тем туда попали и пресвитериане-консерваторы, его тайные враги, а также некоторые республиканцы «охвостья» — Скотт, Брэдшоу, Гезльриг, Скипшон, Ленталл.

Открытию первого парламента протектората предшествовали два важных события: издание ордонанса о полном государственном слиянии Шотландии и Ирландии с Англией и заключение выгодного мира с Голландией.

Парламент открылся 3 сентября 1654 г. На откры-

тии Кромвель произнес длинную речь, которая продолжалась больше трех часов. Один из его современников писал: «Когда Кромвель произносил речь в парламенте, она дышала сильным и мужественным красноречием... Его выражения были резки, мнения решительны, утверждения вески и категоричны; и всегда перемежались цитатами из Лисания, чтобы придать им большой вес и лучше довести до сознания слушателей. Он говорил со страстью; но в то же время с таким самообладанием, так мудро и умело, что по своему желанию мог полностью владеть и управлять палатой...».

Кромвель говорил о мире и процветании страны, о выгодной дружбе с соседними державами, о господстве на морях.

Однако после его речи парламент начал свою деятельность с того, что подверг сомнению конституционные полномочия протектора. Не сделав его более податливым ни повторные увещания Кромвеля, ни насильственное удаление из его состава более сотни депутатов, отказавшихся подписать заявление о признании существующего политического порядка.

22 января 1655 г. парламент был распущен.

Однако вслед за этим Кромвель оказался перед острейшей проблемой — изыскания средств для пополнения казны.

При том, что в 1654 г. доходная часть бюджета достигала огромной цифры в 1,5 млн. ф. ст., дефицит в казначействе составлял более 500 тыс. ф. ст. в год. Для того, чтобы как-то стабилизировать бюджет, необходимо было резко сократить расходы на содержание армии и флота, но Кромвель и его офицерское окружение полностью отдавали себе отчет в том, что армия является основной опорой протектората. Поэтому, несмотря на наступление долгожданного мира, в стране целиком сохранялось обременительное налоговое обложение военного времени — акцизы, так называемое помесячное обложение и т. п. Все это делалось для того, чтобы сохранить постоянную армию, численность которой в 50-е годы дошла уже до 60 тыс. человек.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КРОМВЕЛЯ

«Если бы я был на десять лет моложе, — говорил Кромвель, — не было бы короля в Европе, которого я бы не заставил дрожать». Он мечтал о крестовом походе протестантов против всех католических сил, о мировом господстве своей страны.

Но Кромвель был не только мечтателем, а в то же время и трезвым реалистом и умным политиком.

Главнейшей своей внешнеполитической задачей он считал установление союза протестантских стран — Англии, Голландии, Швеции и Дании. Главная роль в этом союзе, конечно же, отводилась Англии. Мир с Голландией, договоры с Данией и Швецией способствовали свободному доступу английским купцам в Балтийское море.

Голландии, которая являлась одним из самых главных соперников Английской республики, Кромвель предложил поделить сферы влияния в мире: Восток — сфера влияния голландских торговцев, в Вест-Индии и Америке господствует Англия, а в Европе и Африке они будут пользоваться равными правами.

«Интересы обеих стран, — говорил Кромвель, — заключаются в расцвете торговли и навигации. Мир достаточно просторен для обеих. Если бы оба народа смогли только как следует понять интересы друг друга, их страны стали бы сокровищницами мира».

Но для полноценного союза протестантских государств не хватало главного — экономической основы. Голландцы никак не могли найти общего языка с англичанами, когда речь заходила о разделении сфер влияния, а вражда между Швецией и Данией через некоторое время переросла в войну.

Большое значение Кромвель придавал и установлению отношений между Англией и Францией, а также между Англией и Испанией. Эти государства находились в состоянии войны между собой, и каждое из них стремилось взять в союзники англичан.

Кромвель выбрал Францию. Сотрудничество с ней, по его мнению, давало большие выгоды, к тому же, Испанию он считал своим «естественным врагом».

В ноябре 1655 г. договор с Францией, который

провозглашал мир, дружбу и сотрудничество, вступил в силу. Англия и Франция обещали не помогать врагам и «мятежникам» другой стороны, установили беспрепятственный ввоз в Англию французских тканей и вин, а во Францию английских шерстяных и шелковых тканей.

Согласно секретному пункту договора, Франция брала на себя обязательство без согласия Англии не заключать мира с Испанией.

Вскоре началась война между англичанами и испанцами на море. Адмирал Блэйк охотился за серебряным испанским флотом, а адмирал Пенн захватил Ямайку.

Испания тут же наложила арест на английские корабли и товары, находящиеся в ее портах и отозвала своего посла из Лондона.

В сентябре 1656 г. капитан Ричард Стейнер потопил несколько испанских кораблей, стоимость которых составляла два миллиона фунтов, а также захватил галион, который вез 600 фунтов серебра.

Наконец Блэйку у острова Тенериф удалось потопить испанский флот — шестнадцать галионов, а также пять других кораблей. Кроме того, был разгромлен порт Санта-Крус.

Одновременно война велась и на суше. На помощь Франции во Фландрию Кромвель регулярно посылал войска и оружие.

В это время престиж Англии на мировой арене необычайно вырос. Даже враг Кромвеля Кларендон писал о нем:

«Его величие у себя дома — всего лишь тень той славы, которую он имел за рубежом. Трудно установить, кто боялся его больше — Франция, Испания или Нидерланды... И поскольку все они в угоду ему жертвовали своей честью и своими интересами, что бы он от них не требовал, они ни в чем ему не отказывали».

ПОЛОЖЕНИЕ ВНУТРИ СТРАНЫ

Тем временем росло недовольство внутри страны. Затяжные войны истощили казну. Купцы были недовольны прекращением торговли с Испанией, армия —

неполучением жалованья и вся страна — чрезмерными налогами.

Это попытались использовать в своих целях «кавалеры». В марте 1655 г. в нескольких городах были раскрыты роялистские заговоры, а в городе Солсбери вспыхнул открытый мятеж.

Вместе с тем, в республике начали активизироваться демократические элементы. Об этом свидетельствует хотя бы распространение новых религиозных сект. Пожалуй, самыми известными были квакеры (т. е. «трясущиеся»), как иронично называли их враги, имея в виду экстаз, овладевавший ими во время молитвы), или, как они сами себя называли, «Общество друзей внутреннего света».

Широкое распространение в низах получила религиозная доктрина, которая видела средство общественного переустройства не в активной общественной борьбе, а во «внутреннем просветлении» отдельно взятого человека. Правда, квакеров тех лет нельзя называть аполитичными. Как проповедями, так и своим поведением и бытом они бросали вызов своекорыстному и жестокому режиму «грандов».

Кроме того, не прекратили своей активной деятельности ливеллеры и некоторые радикальные секты. Особенно их выступления участились в середине 50-х годов.

Вместе с тем, необходимо отметить, что ливеллеры 50-х годов во многом изменились. Они переродились в беспринципных заговорщиков-террористов, которые ради свержения Кромвеля готовы были идти на все, даже на соглашения с роялистами и агентами испанского короля.

Неизвестно, к чему бы могла привести их деятельность, если бы не широко разветвленная шпионская сеть, которую возглавлял друг Кромвеля и начальник его разведки Джон Тердло. Одним из самых известных террористов был Эдуард Сексби (умер в 1658 г.), издавший памфлет против Кромвеля с характерным названием «Умерщвление (тирана) не есть убийство».

Появились опасные симптомы, которые напоминали канун революции. Кромвель прекрасно понимал, чем все это может кончиться, и вскоре ввел неприкрытую военную диктатуру.

Кромвель решил разделить Англию и Уэльс на

одиннадцать округов, а во главе каждого округа поставить майор-генерала — протектора в миниатюре, на которого возлагались большие обязанности. Как говорилось в инструкции протектора, такой майор-генерал был обязан:

«— подавлять мятежи и восстания;

— принимать меры к обеспечению безопасности на больших дорогах от лиц, занимающихся грабежами и кражами;

— строго наблюдать за поведением лиц, недовольных правительством, и препятствовать их собраниям, не допуская ни конных состязаний, ни петушинных боев, травли медведей или незаконных собраний, так как мятеж обычно возникает, пользуясь такими случаями;

— выяснить празднующихся, чтобы их можно было принудительно помещать на работу или высылать, принимая меры к лучшему обеспечению бедных и приводя в исполнение соответствующие законы;

— бороться с нечестием, принимая меры совместно с мировыми судьями и духовными лицами против пьянства, богохульства и т. п. и предупреждая нерадивых мировых судей, что они могут быть уволены».

Майор-генералами Кромвель назначил людей, которых хорошо знал, своих верных соратников по гражданской войне — Десборо, Уолли, Гоффе, Флитвуда, Ламберта. Впрочем, на таких должностях оказались и случайные люди, готовые выслужиться любой ценой. В результате во многих графствах чрезмерно распространилось шпионство, наушничество. Закрывались гостиницы, игорные дома, таверны. Отменялись скачки, состязания гончих. Тюрьмы были переполнены.

Страна погружалась во мрак. Она становилась второй Женовой времен Кальвина — угрюмой и подозрительной. В республике воцарился военно-полицейский порядок. Не случайно протектор в одной из своих парламентских речей сравнил самого себя с «хорошим констеблем (полицейским), который призван охранять порядок в приходе».

Подтверждая акт Долгого парламента от 24 февраля 1646 г., который был издан еще при господстве

пресвитериан, Кромвель не сделал в нем существенных изменений, которые были бы в пользу низших слоев населения. Все права на землю были признаны исключительно за лендлордами.

ВТОРОЙ ПАРЛАМЕНТ И ПАДЕНИЕ ПРОТЕКТОРАТА

17 сентября 1656 г. открылся второй парламент протектората. Несмотря на контроль генерал-майоров за выборами, в него попало немало радикальных элементов, и Государственному совету с самого начала пришлось отвести почти 100 депутатов-республиканцев, неугодных протектору.

Первым актом этого парламента было уничтожение режима генерал-майоров. Затем палата поставила вопрос о реорганизации самой верховной власти. 25 Марта 1657 г. парламент специальным голосованием (143 против 63) принял так называемую Смирненную петицию. В ней предлагалось «просить Кромвеля принять титул короля». «Титул протектора, — говорилось в петиции, — совершенно неизвестен английскому праву, в то время как сан короля существовал в течение многих столетий».

Так появилось заветное желание буржуазии и дворянства восстановить в Англии монархию.

Однако против монархии выступила офицерская верхушка, которая не хотела расставаться со своим влиянием в государстве. Под ее давлением Кромвель был вынужден отказаться от королевского титула. Однако это не помешало парламенту придать его власти характер фактически королевский. Титул протектора был объявлен наследственным в семье Кромвеля. Решено было восстановить верхнюю палату в составе не более 70 и не менее 40 пожизненно назначенных протектором членов.

Новая конституция была введена в действие 26 июня 1657 г.

Вместе с тем и второй парламент протектората не изъявил большого желанья стать послушным орудием в руках Кромвеля. Вместо того чтобы вотировать новые налоги, депутаты парламента затеяли бесконечный спор о правомочиях верхней палаты.

Весной 1658 г. и этот парламент был распущен.

К этому времени Англия еще находилась в состоянии войны с Испанией. Как известно, еще в декабре 1654 г. в Вест-Индию была послана английская военная экспедиция. Но надежды Кромвеля на легкую и прибыльную войну в Америке не сбылись. Вместо намеченного захвата Эспаньолы (Гаити) англичанам пришлось довольствоваться захватом другого, менее важного испанского острова — Ямайки.

Финансовое положение протектора еще больше ухудшилось. Государственный долг незадолго до смерти Кромвеля составлял 2 млн. ф. ст. В результате участия в войне, которая закрыла для английских торговцев внешние рынки, республика снова переживала тяжелый торгово-промышленный кризис.

Один из современников писал: «Вся торговля западного берега Англии подорвана. Бристоль потерял 250 кораблей, захваченных врагом. Вывоз сукна в Гамбург с 100 тыс. кусков в год упал до 20 тыс.; в Эссексе и Сеффолке разорены тысячи семей».

Не веря в устойчивость нового режима, Сити отказало Кромвелю в кредите. И хотя доблесть кромвелевских солдат была еще раз продемонстрирована в англо-испанской войне и принесла республике важный опорный пункт на континенте — город Дюнкерк (на побережье Ла-Манша), но никакие военные успехи уже не в состоянии были предотвратить политического кризиса в стране.

Вся система протектората с неизбежностью приближалась к реставрации монархии.

Тем временем состояние Кромвеля резко ухудшилось. Он ослаб, его бил озноб. 24 августа по настоянию врачей Кромвеля перевезли в Уайтхолл, а 2 сентября стало ясно, что он умирает. По словам современников, когда ему предложили выпить лекарства и заснуть, Кромвель ответил:

— Моя забота не пить или спать, моя забота — поспешить скорее уйти.

К утру он потерял дар речи, а 3 сентября 1658 г. пополудни Кромвель скончался.

30 января 1661 г. прах Кромвеля, Айртона и Брэдшоу был извлечен из могил и предан надруганию. Вот уж поистине — нет пророка в своем Отечестве.

Смерть Кромвеля ускорила крушение режима про-

тектората. Новым протектором был провозглашен сын Кромвеля — Ричард, однако он не смог долго удержаться на этом посту. Ричард Кромвель не обладал ни политическими, ни военными дарованиями и с самого начала превратился в марионетку в руках армейской верхушки. Но как только он вступил с ней в конфликт, его тут же принудили отказаться от звания протектора. Произошло это весной 1659 г.

Дальше последовала смена нескольких правительств. На некоторое время к власти вернулось «охвостье» Долгого парламента. Оживились народные движения частью левеллерского, частью анабаптистского типа.

«Самая неотложная задача человечества заключается в том, чтобы обеспечить бедных, — писал видный английский медик, автор ряда открытий в области медицины Питер Чемберлен (1601—1683), который в период революции был индипендентом, а затем примкнул к анабаптистам. — Эта работа в настоящее время необходима:

По отношению к бедным:

1. Резкое увеличение числа бедняков, так что многие ежедневно умирают от голода.

2. Ввиду необходимости вознаграждать и занять работой солдат, увольняемых из армии.

По отношению к государству:

Потому, что правительство является новым; оно неустойчиво; оно не имеет много врагов; оно нуждается в друзьях...

Задача парламента и заключается в том, чтобы сократить число бедных, вернуть в их обладание то, что дано им законом, или то, что милосердие даровало или может даровать им».

И по сей день не утратили своей ценности его требования к английской академии:

«1. Чтобы препятствовать молодежи уезжать за границу в расцвете своих сил, быть испорченными в религии и манерах, променять доброту и безвредную простоту на лесть и удовольствия.

2. То же самое привлечет молодежь сюда из других государств так же, как мы отправлялись в другие государства для получения образования, особенно, если она будет управляться более гуманно и правильно, чем другие академии».

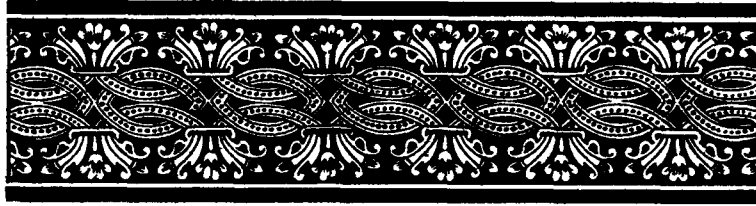
Политическая жизнь Англии этого времени возбудила у многих власть имущих страх перед «новой смутой». Все чаще слышались разговоры в пользу «законной династии Стюартов».

Вскоре разговоры начали перерастать в заговор. Орудием этого заговора стал реакционный генералитет. Выполняя волю крупной буржуазии, а также разбогатевших за время революции кругов нового дворянства, генерал Монк, командовавший английскими войсками в Шотландии, в конце 1659 г. предпринял поход на Лондон с целью поддержать монархически настроенную лондонскую буржуазию.

Через некоторое время Монк вступил в переговоры с королем-эмигрантом Карлом II и его двором в городе Бреде (Голландия). Тема этих переговоров касалась условий реставрации монархии.

25 апреля 1660 г. собрался новый учредительный парламент — конвент, в котором большинство составляли пресвитериане и «кавалеры». Конвент дал санкцию на возвращение Стюартов в Англию.

Через месяц Карл II торжественно вступил в Лондон.

ГЛАВА 3

РЕСТАВРАЦИЯ СТЮАРТОВ И ПЕРЕВОРОТ 1688 Г. АНГЛИЯ В ГОДЫ РЕСТАВРАЦИИ

Феодалы-«кавалеры» оказались сильнее буржуазии и сумели оружием взять свою власть. Это и привело к восстановлению королевской власти в Англии.

Реставрацию 1660 г. можно объяснить усилением консервативных настроений в рядах самой английской буржуазии, а также в среде английского нового дворянства, удовлетворенного превращением своей феодальной земельной собственности в неограниченную буржуазную собственность и расширением своего землевладения в Англии и особенно в Ирландии. Для буржуазии и джентри были крайне опасны новые массовые движения, которые угрожали их собственности.

Немаловажное значение для них имел и тот факт, что Карл II в Англию возвращался не в качестве абсолютного монарха, а на договорных условиях. Бредской декларацией от 4 апреля 1660 г. Карл II обещал политическую амнистию, свободу религии, сохранение права собственности на имущество, приобретенные во время революции. Новый король по возвращении в Англию подтвердил ряд важнейших

конституционных актов, таких, как «Великая хартия вольностей», «Петиция о праве», статуты об исключительном праве парламента утверждать налоги. Карл II обещал, что страной будет править вместе с парламентом. У него не было постоянного войска, разве только дворцовая охрана и сравнительно немногочисленные отряды, которые в качестве гарнизонов были размещены в различных пунктах Ирландии и Шотландии.

Лишенные коронных земель, которые во время революции были конфискованы и распроданы, король целиком зависел от парламента, назначившего на его содержание, а также содержание его двора определенную сумму по так называемому цивильному листу.

Можно было подумать, условия благоприятствовали тому, чтобы Стюарты и вернувшиеся с ними «кавалеры» лояльно придерживались конституции, учтя уроки недавней революции, и навсегда отказались от планов реставрации абсолютизма.

На самом деле все оказалось по-другому. Король, его брат и наследник престола герцог Йоркский Яков, их главный советник — канцлер граф Кларендон и другие «кавалеры» скоро обнаружили явное стремление к восстановлению дореволюционного политического порядка.

Удостоверившись, что избранный в 1661 г. на смену парламенту-конвенту 1660 г. новый парламент в подавляющем большинстве состоит из «кавалеров», правительство Карла II стало игнорировать Бредскую декларацию. В стране была полностью восстановлена государственная англиканская церковь в ущерб пресвитерианству и индепендентским сектам. Проведя амнистию, из нее предварительно исключили всех «цареубийц», к числу которых отнесли не только участников трибунала, судившего в 1649 г. Карла I, но и всех республиканцев, принципиальных противников монархии.

Все это привело к тому, что в январе 1661 г. группа английских анабаптистов под руководством Томаса Веннера подняла восстание. Быстро расправившись с восставшими, правительство прибегло к систематическим преследованиям демократических сект, среди которых еще хранилась память о «добром старом деле» Англии, т. е. о революции 40-х годов.

Кроме того, правительство реставрации не сдержало свои обещания относительно сохранения собственности новых землевладельцев. Определенная часть конфискованных земель была возвращена их прежним владельцам — лордам и англиканской церкви. Правда, сделать другой и более значительный шаг — восстановить всю прежнюю феодальную собственность — правительство оказалось не в силах. Громадное количество земель было распродано феодальной знатью, принуждавшейся во время революции к уплате денежных штрафов (так называемых композиций). Производилась эта распродажа за наличный расчет с соблюдением всех юридических формальностей. Такие земли вернуть было совершенно невозможно, тем более что большинство их за время республики и протектората успело по несколько раз переменить своих владельцев.

Не менее трудно было вернуть и конфискованные земли короны, англиканской церкви и «кавалеров»-делинквентов. Здесь новые собственники тоже значительно переменились; происходила перепродажа и перекупка поместий; наследники новых владельцев успели устроиться на королевской службе, и отобрать у них имущество было делом почти безнадежным. Попытки вернуть эти земли приводили к бесконечной судебной волоките, в то же время вызывая раздражение значительных кругов дворянства.

После этой долгой невидимой войны за собственность аристократия в конце концов решила пойти на компромисс. Некоторые земли были ей возвращены (в том числе, кстати, и поместья Кромвеля), другие же оставались у новых собственников, но при условии, что последние частично возместят убытки прежним владельцам.

Интересно, что сам король не получил обратно своих поместий — цивильный лист годового содержания двора парламент рассматривал как компенсацию за коронные земли.

Еще в 1660 г. «кавалеры» одобрили акты революции, касающиеся отмены рыцарского держания (законы 1646 и 1656 гг.). Аграрное законодательство Долгого парламента и протектората, которое практически лишало крестьян земли и признавало дворян единственными земельными собственниками, незави-

симыми от короны и свободными от всяких вассальных повинностей, устраивало и «кавалеров».

Позднее положение крестьян-держателей как краткосрочных арендаторов, которые могут быть в любое время лишены лордом земли, если его не будет устраивать их работа, было специально оформлено парламентом реставрации в новом акте 1677 г.

Это открывало возможности дальнейшей массовой экспроприации земель крестьянства. Процесс огораживаний во время реставрации начал набирать силу. Новые массы крестьян превращались в безземельных пауперов, в батраков, в мануфактурных рабочих или же в эмигрантов, отправляющихся за счастьем за океан.

Возглавляемое графом Кларендоном правительство реставрации не могло не считаться с капиталистическим развитием Англии, с усилением экономической мощи буржуазии. Проводимая в 50-е годы меркантилистская политика Оливера Кромвеля продолжалась и в первые годы реставрации. Целый ряд парламентских актов, относящихся к 60—70-м годам, категорически запрещал вывоз сырья — шерсти, льна, кожи, различных руд и т. д. Одновременно запрещался и ввоз в Англию иностранных промышленных изделий — полотен, сукон и кружев. Более решительно стал применяться «Навигационный акт» 1651 г.

Необходимо также отметить, что в годы реставрации продолжали расширяться колониальные владения Англии в Америке и Индии. С Голландией велись две торговые войны — в 1665—1667 и 1672—1674 гг., которые являлись как бы продолжением первой англо-голландской войны 1652—1654 гг.

Характерной чертой английской экономики 60—80-х годов было то, что в это время происходило интенсивное накопление капиталов.

Известный английский экономист и статистик конца XVII в. Чарлз Девенант подсчитал как-то, что за время 1660—1688 гг. английская промышленность и торговля, а также тоннаж английского морского флота выросли больше чем в два раза. О таком быстром экономическом росте Англии раньше могли только мечтать. Он стал возможным благодаря устранению в ходе революции основных препятствий

для развития капитализма (ликвидация феодального характера земельной собственности, отмена торгово-промышленных монополий и цехов), а также увеличению колониальных владений и расширению внутреннего рынка страны.

Несмотря на то, что Стюарты и их аристократическое окружение делали немалые попытки приспособиться к капиталистическому развитию страны и считаться с интересами буржуазии, они все же не до конца учитывали особенности послереволюционной Англии. Проводимая Стюартами политика в полной мере не обеспечивала защиты экономических интересов английской буржуазии и нового дворянства. Желание Стюартов помимо парламента править, опираясь на поддержку внешних сил — французского абсолютистского правительства Людовика XIV и католической церкви, с которой Стюарты тесно сблизились еще во время эмиграции, в конце концов привело к новому конфликту правительства реставрации с буржуазией и джентри.

ОБОСТРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Граф Кларендон был вынужден уйти в отставку в 1667 г. В вину ему было поставлено и господство рутины и всякого рода злоупотреблений в адмиралтействе, неудачи в войне против Голландии, где обнаружилась полная неподготовленность Англии и вскрылись вопиющие факты казнокрадства.

Карл II и его правительство проводили внешнюю политику, при этом игнорируя парламент, ничего не сообщая ему о содержании тайно заключаемых соглашений с иностранными государствами. Формально оно придерживалось протестантской ориентации. В 1668 г. в результате долгих переговоров был заключен союз трех протестантских стран — Англии, Швеции и Голландии.

Но прошел всего год, и правительство приступило к переговорам с Людовиком XIV. В результате этих переговоров в 1670 г. был заключен тайный Дуврский договор, который резко противоречил английским национальным интересам. Согласно это-

му договору, английское правительство отказывалось от политики покровительства отечественной промышленности, полностью удовлетворяло требования Франции по вопросам англо-французской торговли, а также обязывалось содействовать захватнической политике Людовика XIV в Европе.

Людовик XIV со своей стороны гарантировал Карлу II выплату регулярной пенсии, а, кроме того, в случае «смуты» в Англии обещал прислать экспедиционный корпус для подавления восстания.

Английской буржуазии теперь приходилось «глотать» как повышение французских тарифов на английские товары, так и проникновение французских купцов в Англию и ее колонии.

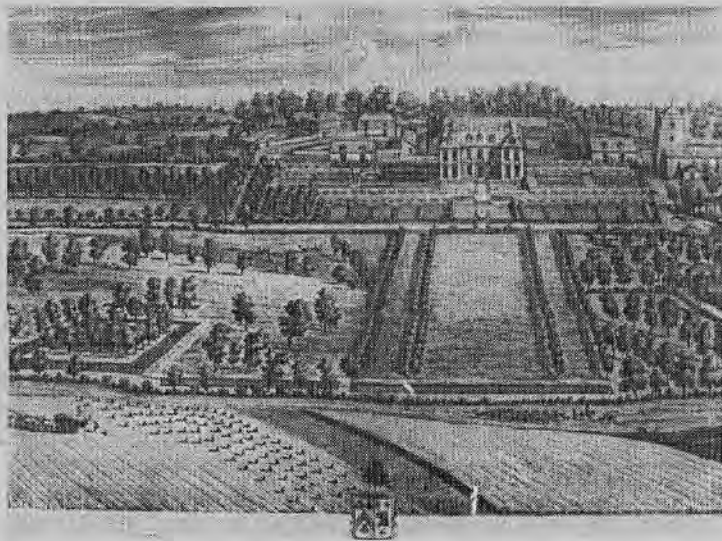
Тайный Дуврский договор привел к тому, что в 1672 г. английское правительство неожиданно объявило войну своему союзнику — Голландии. Сделано это было не без помощи Людовика XIV, который в это время сам воевал с Голландией и угрожал ей полным разгромом.

В этом же 1672 г. Карлом II была издана «Декларация веротерпимости». Она провозгласила право короля освобождать отдельных лиц от действия законов против инаковерующих. В первую очередь это касалось антикатолических законов. «Декларация веротерпимости» явилась значительным шагом на пути к уравниванию католиков в политических правах с лицами, принадлежащими к англиканской церкви. Вместе с тем она нарушила конституцию, поскольку король становился выше закона, принятого парламентом, и получал возможность применять либо не применять по своему произволу любые законы.

Реакционная политика правительства вызывала постоянное недовольство со стороны парламентской оппозиции, а в 1673 г. произошло довольно резкое ее выступление. Несмотря на то, что в целом парламент 1661 г. был консервативен, в нем все же нашлись оппозиционные буржуазно-дворянские элементы, оформившиеся с течением времени в особое политическое течение — Земскую партию, которая противостояла Придворной партии и опиралась прежде всего на лондонскую буржуазию и на джентри наиболее близких к Лондону графств.

В 1673 г. оппозиция добилась того, что был издан

«Акт о присяге» (Test act), согласно которому присяга по англиканскому обряду была обязательна для каждого поступающего на государственную службу. А это означало, что католики и протестанты-диссентеры не могли попасть на службу в государственное управление. Даже герцог Йоркский Яков, который являлся католиком, на основании «Акта о присяге» вынужден был оставить свой высокий пост лорда адмиралтейства и, мало того, на время уехать из Англии.

Поместье в Йоркшире.
Гравюра Дж. Кита 1715 г.

В 1675 г. усилились нападки парламентской оппозиции на правительство. В прениях она затронула принципиальные вопросы, которые касались существа монархии. В то время как Придворная партия добивалась безусловного повиновения королю «при любых обстоятельствах», оппозиция высказывалась за ограничение власти короля законом. Самое происхождение королевской власти оппозиционные депутаты выводили из учения о естественном праве, из договора «первого короля» с избравшим его «народом».

Пришло время оппозиции снова заговорить языком политических памфлетов конца 30—начала 40-х годов XVII в.

К этому времени в Лондоне образовался Клуб зеленой ленты, который сыграл большую роль в организации оппозиционной политической партии. Во главе Клуба зеленой ленты встал граф Шефтсбери, ранее бывший одним из министров Карла II, но впоследствии перешедший в оппозицию и занявший в ней руководящее положение.

Кофейня — излюбленное место политических собраний.
Неизвестный художник второй половины XVII в.

Вместе с тем следует отметить, что в клуб входили не только оппозиционные аристократы. Его участниками были лондонские купцы, представители лондонского и пригородного джентри, некоторые поэты, писатели, журналисты. Левое крыло клуба составляли республиканцы во главе с Олджерноном Сиднеем и среди них несколько бывших левеллеров.

Наибольшего обострения политическая борьба достигла в 1679 г. Одним из главных требований оппозиционеров было требование лишения наследных прав герцога Йоркского, который возглавлял реак-

ционную придворную камарилью. Кроме того, члены оппозиции требовали перемены курса внешней политики и разрыва союза с Францией.

Карлу II не оставалось ничего другого, как распустить парламент «кавалеров», который просуществовал целых 18 лет (1661—1679), и назначить новые парламентские выборы.

Происходившие в очень сложной и напряженной политической обстановке выборы 1679 г. принесли победу оппозиции, которая к этому времени оформилась в партию виггов. Название «виги» — видоизмененная бранная кличка «вигаморы», от шотландского «виггом» — «возчики», применявшаяся в Шотландии по отношению к непримиримым пресвитерианам в 40-х годах XVII в.

Сторонники правительства организовались в партию тори. Название «тори» (ирландское слово, означающее «воры») происходит от прозвища ирландских партизан-католиков, боровшихся в 50-х годах XVII в. против английского завоевания и превращения Ирландии в английскую колонию.

Несмотря на то, что тори широко использовали в своих интересах как старую парламентскую избирательную систему с ее чудовищно непропорциональным представительством населения, так и прямой административный нажим на избирателей во многих графствах, они оказались в новом парламенте в меньшинстве.

В мае 1679 г. новый парламент провел важный закон — Habeas Corpus Act (от начальных слов приказа о доставке арестованного в суд, вручаемого судебному приставу, буквально: «Ты (т. е. пристав) должен доставить (в суд) тело (обвиняемого)'). Закон был принят с целью гарантировать прежде всего лидеров оппозиции от произвольных арестов. Акт 1679 г. уточнял процедуру ареста и, в частности, требовал, чтобы приказ был подписан судьей. Он также обязывал судью (по жалобе лица, считающего арест незаконным) требовать представления задержанного в суд для проверки законности лишения свободы. Акт требовал ускорения суда и предусматривал отпуск арестованного на поруки при условии взноса за него большого денежного залога.

Понятно, что новый акт в первую очередь был

рассчитан на богатых людей. Положение бедняков, в частности, тех из них, что были посажены в тюрьмы за долги (согласно статье 8, действие акта на должников не распространялось) он не спасал.

Спустя некоторое время вигский парламент 1679 г. Карлом II был распущен. Та же судьба ожидала и два последующих парламента 1680 и 1681 гг. Кроме всего прочего, король действовал так решительно еще и потому, что регулярно получал значительные суммы в виде пенсий и субсидий от Людовика XIV. Однако главной причиной было то, что правительство учитывало нерешительность действий лидеров вигской оппозиции, несогласие и в конце концов разрыв между вигами-монархистами и вигами-республиканцами, а также явное нежелание широких кругов буржуазии и джентри начинать новую революцию.

Последние четыре года царствования Карла II были отмечены острой реакцией. Парламент король не созывал. Виги были разбиты и дезорганизованы. Некоторые из них, и в том числе граф Шефтсбери, вынуждены были бежать из Англии. Другие, как, например, Олджернон Сидней, поплатились своими головами. Один за другим в стране проводились политические судебные процессы.

По мнению многих современников, положение Англии в это время напоминало положение в Нидерландах во второй половине XVI в., в правление кровавого герцога Альбы.

УСИЛЕНИЕ РЕАКЦИИ ПРИ ЯКОВЕ II

В 1685 г., в феврале, Карл II скончался. На престол вступил его брат герцог Йоркский под именем Якова II.

Необходимо отметить, что вступление нового короля на престол вначале не встретило какого-либо противодействия, хотя его в обществе хорошо знали как яркого реакционера.

Парламент, созданный Яковом II, оказался весьма умеренным. Большинство депутатов состояло из тори. Они были готовы в любую минуту оказать королю полную поддержку в борьбе с вигами. Виги теперь

представляли собой плохо организованную и мало-активную оппозицию. Было их 30—40 человек.

Но, несмотря на то, что враждебное отношение к новому королю не нашло отражения в парламенте, в обществе оно было довольно ощутимо. Спустя всего несколько месяцев в различных уголках страны началось движение оппозиционных элементов, направленное против короля-паписта. К этому движению частью подключались и демократические элементы — ремесленники и крестьяне.

Первым выступлением против Якова II было движение шотландских пресвитериан (вигаморов), во главе с графом Аргайлем. Началось оно в мае 1685 г. Предполагалось поднять всю Южную (долинную) и Северную (горную) Шотландию. Однако восстание оказалось неудачным. К этому привели узость лозунгов, провозглашенных Аргайлем и направленных только против английских чиновников и короля-католика, враждебное отношение горожан и дворян Южной Шотландии к горцам Северной Шотландии, вражда между отдельными кланами, недостаточная организационная подготовка движения. Заговорщики, в том числе и Аргайль, были схвачены и казнены. Шотландию заповили королевские солдаты.

В июне того же 1685 г. на противоположном конце Англии, в юго-западных графствах — Девоншире, Сомерсетшире и Дорсетшире произошло другое восстание, которое также оказалось неудачным. Возглавили его герцог Монмаут — внебрачный сын Карла II. В свое время он был близок к Шефтсбери и даже входил в Клуб зеленой ленты. Любопытно, что еще при Карле II многие виги прочили Монмаута в английские короли. На его сторону, кроме вигов, в большом количестве перешли местные крестьяне и ремесленники этого довольно развитого в то время в промышленном отношении края Англии.

Вполне возможно, что при более четкой организации и провозглашении конкретных социальных требований движение на Юго-Западе могло бы принять большие масштабы и создать серьезную угрозу для Якова II. Однако ни виги, ни сам Монмаут не очень рассчитывали на низы. Они не раз признавались, что для них было полной неожиданностью присоединение такого большого количества «простонародья».

В качестве своей опоры виги хотели видеть зажиточную верхушку горожан и местных джентри. Монмаут проявил крайнюю нерешительность, упустил время похода на Лондон и дал возможность Якову II собрать большие военные силы. Это привело к тому, что 6 июля близ города Бриджуотера в графстве Сомерсет Монмаут потерпел поражение, попал в плен и вскоре был казнен.

После этого Яков II приступил к террору. Несколько сот участников восстания было повешено, свыше 800 человек сослано на остров Барбадос, где они были обращены в рабство.

Подавление обоих восстаний прибавило немало новых сил королю. Опираясь на верхи, которые были немало напуганы мятежниками, Яков II открыто начал проводить абсолютистскую политику. Под предлогом борьбы с мятежниками он создал постоянную армию сначала в 30 тыс., а впоследствии и в 40 тыс. человек. Служили в ней не только англичане, но также и ирландские, шотландские, французские, немецкие и итальянские наемники.

В ноябре 1685 г. был распущен парламент, и Яков II принялся править без представительного органа.

Король больше не доверял англиканским епископам, часть которых оказалась связанной с вигами. Он тут же решил использовать благоприятную ситуацию для официального восстановления в стране католической церкви. Первым шагом к восстановлению католицизма была новая «Декларация веротерпимости» от 2 апреля 1687 г. С формальной точки зрения она лишь отменяла репрессивные законы, которые ранее были изданы в Англии как против диссентеров-протестантов, так и против католиков. Однако на деле «Декларация веротерпимости» открывала путь к превращению католицизма в государственную религию.

Вместе с тем необходимо отметить, что восстановление католицизма противоречило интересам английской буржуазии и дворянства. Возвращение католицизма угрожало дворянскому землевладению, одним из источников которого была секуляризация земель католических монастырей, произведенная еще в XVI в. при Генрихе VIII. В католицизме видела

своего врага многочисленная пуританская буржуазия, которая в течение десятков лет боролась с его пережитками в англиканской церкви. Кроме того, католицизм для английской буржуазии был чужеземной, «антинациональной религией» — религией французов и испанцев, с которыми по разным мотивам в течение столетий англичане находились в ожесточенной вражде.

Католическая опасность на некоторое время привела к сплочению в стране самых различных религиозных течений, начиная от епископов государственной англиканской церкви и кончая диссентерами-протестантами, пресвитерианами, индепендентами, даже некоторыми квакерами.

Вместе с тем общий язык нашли виги и тори. Последние, будучи связаны с провинциальными сквайрами, особенно ревниво стояли за дворянскую умеренно протестантскую англиканскую церковь и также желали как можно быстрее избавиться от короля-паписта.

Вскоре главари обеих партий — вигов и тори — сговорились, и 30 июня 1688 г. зятю Якова II принцу Вильгельму III Оранскому, штатгальтеру Голландской республики, было послано приглашение прибыть в Англию с войском и вместе с женой Марией — дочерью Якова II, чтобы занять королевский престол.

Это было не что иное как план государственного переворота, который предполагалось произвести путем чисто «семейной перестановки» царствующих лиц, а также, по возможности, с соблюдением легитимных форм, хотя и с применением вооруженной силы.

Вильгельм Оранский не устоял перед соблазном принять сделанное ему предложение. Кроме того, принца поддерживала голландская буржуазия, которая была заинтересована в том, чтобы отвлечь Англию от союза с Людовиком XIV, являвшегося угрозой самому существованию Голландии.

В течение лета 1688 г. Вильгельм набрал 12-тысячное войско, которое состояло из наемников различных национальностей — голландцев, итальянцев, немцев, французов-гугенотов. Согласились принять участие в походе и виги-эмигранты.

В начале ноября принц со своим войском выса-

дился в Торбее — одной из гаваней Юго-Западной Англии. 8 ноября он вступил в город Экзетер и оттуда направился на Лондон.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1688 Г.

Военные силы Якова II значительно превышали силы Вильгельма Оранского, но, несмотря на это, последнему удалось сравнительно легко произвести государственный переворот. Не было никаких сражений с королевскими войсками. На сторону Вильгельма перешли городская буржуазия и джентри — вначале в Юго-Западной, а затем в Центральной, Северной и Восточной Англии.

Верхушка горожан Лондона, представленная в городском общинном совете, с нетерпением ожидала прихода принца Оранского, который объявил себя защитником собственности, порядка и протестантской религии. Им, конечно же, было на руку, что принц всячески изолировал свои войска от соприкосновения с низшими слоями населения страны, а в своих прокламациях постоянно подчеркивал, что его движение на Лондон не носит революционного характера, а является чисто военной мерой и имеет целью не допустить в столице развития анархии.

На стороне Вильгельма оказались министры, члены королевской семьи, сам главнокомандующий королевской армией Джон Черчилль (впоследствии герцог Мальборо). Брошенному почти всеми своими бывшими приверженцами, Якову II не оставалось ничего другого, кроме как бежать из Англии. Кстати, против этого ничего не имели и организаторы переворота.

Вскоре, никем не задерживаемый, король прибыл в один из пунктов графства Кент, находящегося на юго-восточном побережье страны, а оттуда на корабле отправился во Францию под крыло Людовика XIV.

Старый король еще не успел взойти на корабль, а в Лондон уже вступил Вильгельм Оранский. Случилось это 18 декабря 1688 г.

Первое время принц Оранский был объявлен регентом королевства. И только в конце января

1689 г. был специально созван парламент-конвент, который наконец избрал Вильгельма III (1689—1702) вместе с его женой Марией II на опустевший королевский престол.

13 февраля 1689 г. учредительным парламентом-конвентом была принята особая «Декларация прав»,

Вильгельм III.
Гравюра П. Л. Гулста.

осенью того же года превращенная в «Билль о правах». В «Билле о правах» 1689 г. содержались важнейшие конституционные гарантии, которые были призваны предохранить Англию от каких-либо новых попыток реставрации абсолютизма.

Так, например, у короля не было права приостанавливать или отменять действие законов (так называемое суспенсивное и абсолютное вето), назначать и собирать налоги без согласия парламента, а также иметь постоянное войско без специального на то разрешения парламента. Некоторые параграфы этого закона касались условий парламентской деятельности (свобода парламентских выборов, свобода слова для депутатов, регулярный созыв парламента).

«Билль о правах» в значительной степени расширял права суда присяжных, а также устанавливал гарантии против произвольной смены присяжных заседателей правительством.

3 июня 1689 г. был введен в действие отдельный акт о религиозной терпимости, который предоставлял фактический доступ к государственным должностям протестантам-диссентерам. Правда, с определенными ограничениями для наиболее радикальных сект.

Так произошла в Англии «Славная революция», которую многие историки противопоставляют «кровавому мятежу» 40-х годов XVII в. как «мирную» и «бескровную революцию».

Вместе с тем, многие исследователи склоняются к тому, что события 1688—1689 гг. по форме были дворцовым переворотом, а по существу — компромиссом между земельной и денежной аристократией, т. е. верхами дворянства и верхами буржуазии, которые делили между собой власть.

Однако нельзя не отметить, что эти события имели важное значение для дальнейшего развития капитализма в Англии. Установление конституционной монархии означало реальный доступ крупной буржуазии и обуржуазившегося дворянства к власти. Теперь они через парламент с успехом могли использовать государственную надстройку в интересах капиталистической экономики. Последовательно применяемая государством система протекционизма, система государственного долга, прямое расхище-

ние землевладельцами государственных имуществ, экспроприация при помощи государства лордами и джентльменами земель английского и ирландского крестьянства (так называемые парламентские огораживания), захватническая, колониальная политика в Азии, Африке и Америке — вот наиболее яркие черты, которые характеризуют экономическое развитие Англии первой половины XVIII в. незадолго до начала промышленного переворота.

Английскому конституционному устройству в этот период принадлежит большая и последовательная роль в экономическом развитии страны.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

АНГЛИЙСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVII В.

Во всемирной истории Английская буржуазная революция XVII в. занимает особое место. Она относится к числу классических буржуазных революций, следствием которых было утверждение буржуазного строя во всей Европе. Крупнейшей из них является Французская революция конца XVIII в.

Английская революция XVII в. явилась ее прообразом, она первая со всей отчетливостью выявила как характерные черты буржуазной революции, так и своеобразие буржуазного строя.

Необходимо также отметить, что она была революцией, в которой против господствовавшего феодального меньшинства поднялась подавляющая по численности масса английской нации.

Буржуазия не только принимала участие в революции, но и стала ее гегемоном, она выдвинула буржуазно-демократические задачи революции, направленные против феодалов и короля как их главы.

Яркой особенностью Английской революции было то, что в ней приняла участие обуржуазившаяся прослойка нового дворянства, которая из своей среды выделила энергичных руководителей революции (Кромвель и др.).

Немалая роль в свершении революции принадлежит и низшим слоям населения, которые выступали против феодалов и феодального правительства в мно-

гочисленных восстаниях, происходивших накануне и во время революции во многих уголках страны, в том числе и в Лондоне.

Многие экономические требования низов, выдвинутые ими во время революции, не остались не услышанными.

Так, например, требование наделения крестьян землей нашло отражение в ходе революции как в многочисленных документах революционной армии, так и в публицистической литературе левеллеров и особенно дигтеров.

Но, конечно же, народные низы и буржуазия во время революции имели цели, которые не только во многом совпадали, но также и во многом отличались, поскольку каждый в первую очередь заботился о себе и своем благополучии.

То же касается и нового дворянства, которое особенное своекорыстие проявило в аграрном вопросе. Новое дворянство стремилось заполучить в свои руки всю землю и свободно хозяйничать на ней без каких-либо феодальных стеснений.

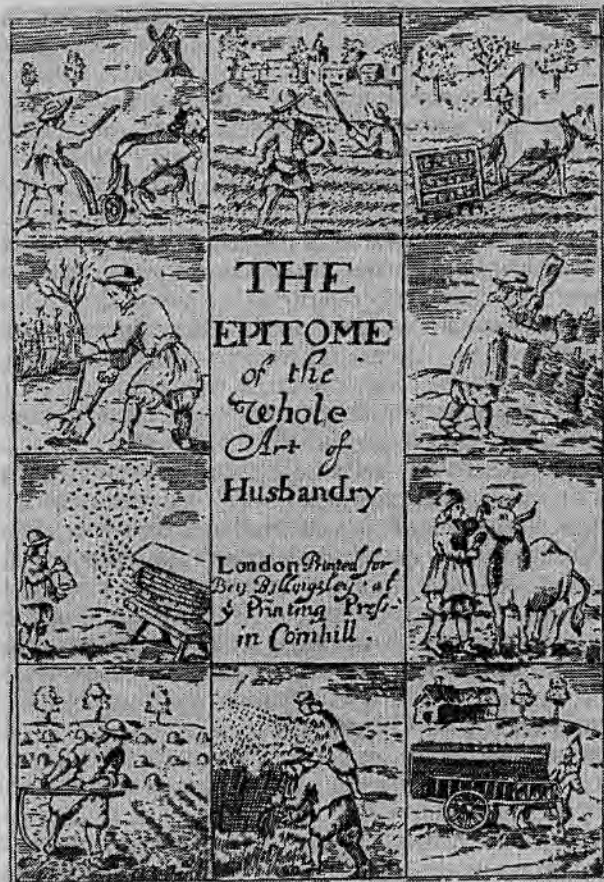
Некоторые расхождения в конечных целях революции у буржуазии, нового дворянства и низших слоев населения имели своим следствием вначале переход буржуазной республики к протекторату, а затем реставрацию Стюартов.

В последующей борьбе со Стюартами буржуазия и связанные с ней землевладельцы стремились обходиться уже без низов.

Необходимо также отметить и большое международное значение Английской революции. Не вызывает сомнения, что она оказала влияние на последующую историю континентов.

Английская революция в немалой степени повлияла на судьбы соседних стран — Ирландии, Шотландии, в это время окончательно включенных в систему Английского государства и английского капитализма.

Кроме того, она также распространила буржуазные отношения, победившие в Англии, на ее североамериканские колонии, хотя последним впоследствии и пришлось совершить новую буржуазную революцию против своей метрополии — буржуазно-аристократической Англии.

Титульный лист книги Джозефа Блэгрейва
«Краткое описание всех отраслей сельского
хозяйства» 1685 г.

Сильные отклики Английская революция вызвала и в других странах — в годы «парламентской Фронды» во Франции, восстания в Каталонии, временной победы республиканцев в Голландии и т. д.

Вместе с тем, Английская революция XVII в. не привела к таким же событиям в других странах на континенте Европы.

Так, в Голландии буржуазная революция прошла

гораздо раньше, и возникновение буржуазного строя в Англии породило лишь весьма сложные англо-голландские отношения, в которых отразились со всей силой как соперничество двух буржуазных наций, так и политическое сотрудничество английских и голландских республиканцев — с одной стороны, английских и голландских монархистов — с другой.

В то же время, в XVII в. ни Франция, ни Швеция не были готовы к буржуазной революции. Что же касается других стран Западной Европы — Германии, Италии, Испании, то здесь происходил экономический упадок или замедленное экономическое развитие.

Ввиду общей неподготовленности даже Западной Европы (о Восточной Европе вообще говорить не приходится) к буржуазной революции, Английская революция не могла непосредственно вызвать широкое революционное движение.

Впрочем, главная ее роль была в другом. Англия как бы вырвалась далеко вперед по сравнению с другими странами — за исключением Голландии. И только позднее, когда начали складываться предпосылки буржуазной революции в странах континента, английский опыт пришелся как нельзя кстати.

Английский конституционный режим, философия и политические идеи времени Английской революции и послереволюционной буржуазной Англии стали тем отправным пунктом, с которого начала развиваться предреволюционная идеология в странах континентальной Европы. В первую очередь это относится к Франции XVIII в. Французское Просвещение XVIII в., выработавшее фактически программу для последующей революции во Франции, убедительно демонстрирует идейную преемственность и близость с английской революционной мыслью XVII в.

Первая победа буржуазного строя в широком масштабе, роль Английской революции, в частности, как прямой предшественницы Французской революции 1789 г., с которой тесно связано установление буржуазного строя на европейском континенте, — все это дает повод рассматривать Английскую революцию середины XVII в. как очень важную страницу не только европейской, но и всемирной истории.

ГЛАВА 4

АНГЛИЙСКАЯ КУЛЬТУРА И НАУКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ

Революционные события в Англии оказали большое воздействие на английскую культуру второй половины XVII в.

Под их влиянием оказалось и творчество крупнейшего английского философа середины XVII в. Томаса Гоббса (1588—1679).

В борьбе короля и парламента, которая развернулась в Англии накануне английской буржуазной революции XVII в., Гоббс сразу стал на сторону короля. В 1640 г., через несколько дней после роспуска Короткого парламента и накануне созыва Долгого, Гоббс опубликовал небольшой трактат «Защита власти и прав короля, необходимых для сохранения мира в государстве».

Создавшаяся в результате этого выступления угроза безопасности Гоббса заставила его бежать из Англии. На протяжении долгого времени он оставался во Франции в политической эмиграции.

В Париже Гоббс написал сочинение «О гражданине» («De cive»), опубликованное в 1642 г.

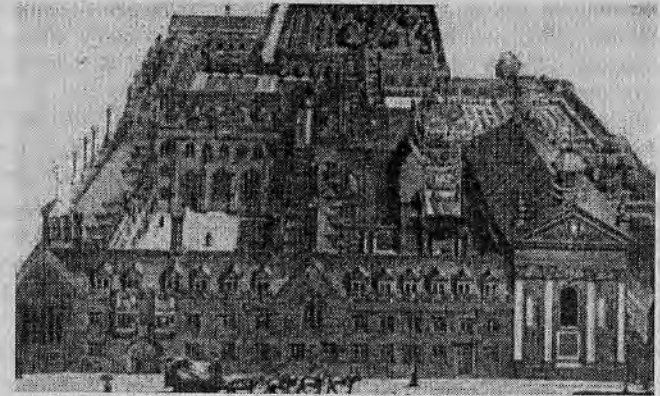
Кроме того, в Париже Гоббсом были написаны сочинения «О теле» (1655) и «О человеке» (1658).

Здесь же Гоббс написал и другое свое сочинение на политические темы, которое он озаглавил «Левиафан».

Несмотря на свои реакционные политические взгляды, Гоббс не встречал сочувствия и поддержки со стороны монархистов, неодобрительно относившихся к его передовым философским воззрениям и к его способу защиты монархии.

В январе 1652 г. Гоббс возвратился в Англию, где в этот момент у власти стоял Оливер Кромвель. Последний предложил Гоббсу высокий пост секретаря английской республики, но Гоббс от него отказался.

В период реставрации Гоббс подвергся травле, а после его смерти книги, написанные им, были публично сожжены.

Пемброкский колледж в Кембридже.
Гравюра XVII в.

По своим философским взглядам Гоббс был представителем механистического материализма. Он считал, что основное в мире — материя, тела. При этом тела существуют независимо от нашего сознания. Материя не создается и не исчезает. Она существует вечно и познается при помощи наших органов чувств, а также при посредстве разума. Ощущения, считал Гоббс, дают только низшее знание. Необходимы еще и понятия, которые привносит разум.

Математический, геометрический метод, с точки

зрения Гоббса, есть универсальный научный метод. Он должен найти применение в области не только естественных наук, но и наук общественных, не только там, где речь идет об естественных телах, но и там, где дело об искусственных телах, о «моральном» пространстве, об общественной жизни, не только в физике, но и в политике.

Несомненно, такой подход к вопросам общественной науки явился шагом вперед по сравнению с богословской, религиозной трактовкой общественно-политических вопросов.

Заслугой Гоббса, как и Гуго Гроция и Спинозы, является то, что он рассматривал государство и иные явления общественной жизни, пытаясь применить естественнонаучный метод познания.

Механические воззрения Гоббса обнаруживаются полностью и в его учении о государстве. Государство он представлял себе как большой механизм, образовавшийся в результате движения и столкновения человеческих стремлений и страстей.

Подобно Гуго Гроцию, Гоббс пытается исследовать прежде всего абстрактно взятую природу человека и из нее вывести то, что представляет собой государство.

Первоначальным элементом государства, из которого необходимо исходить при его изучении, с точки зрения философа, является отдельный, изолированный человек, находящийся в естественном состоянии.

Вопрос о том, что представляет собой человек как таковой, какова его природа, Гоббс исследует абстрактно. Он не соглашается с Гуго Гроцием, который утверждал, что человеку по природе свойственно стремление к общению с другими людьми. Гоббс утверждает, что страх, а не «общежительный» инстинкт порождает общество, что человек по природе и по своей сущности эгоистичен.

Наблюдая за жизнью современного ему общества и обобщая свои наблюдения, Гоббс приходит к выводу, что человек ищет не общения, а господства, и что к другим людям его влечет не любовь, а жажда славы и удобства. Повсюду человек добивается только своей выгоды и стремится избегать страданий, но так как у всех людей, по мнению Гоббса, силы одинаковы, то отсюда он делает вывод, что по природе все люди

равны: каждый имеет в естественном состоянии право на все.

Природа дала всем все. Из этого Гоббс делает вывод, что люди в естественном состоянии пребывают в постоянной вражде друг с другом. Они проникнуты жаждой приносить вред друг другу. Один человек боится другого человека как своего врага. Он ненавидит его и старается ему навредить. Эгоистические стремления и страх характеризуют человека в естественном состоянии.

«Человек человеку — волк» — вот одно из главных убеждений Гоббса. По его словам, естественное состояние есть состояние всеобщей войны — войны всех против всех.

В этом изображении естественного состояния нашло свое отражение стремление представить все отношения как отношения полезности и эксплуатации, что характерно для складывающегося капиталистического общества. В характеристике, выданной Гоббсом естественному состоянию, также нельзя не видеть отголоска тех враждебных революции настроений, которые он разделял.

По мнению Гоббса, естественное состояние есть самый жалкий удел человечества. Жизнь человека в естественном состоянии бедна, одинока, груба и кратковременна. Нельзя желать сохранения этого состояния, не становясь в противоречие с самим собой и здравым рассудком. Наоборот, следуя разуму, каждый должен стремиться выйти из естественного состояния, искать мира во что бы то ни стало.

Требования разума философ именует естественными законами.

Первый естественный закон твердит, что необходимо искать мира, необходимо положить конец этому состоянию всеобщей вражды человека к человеку. А для этого надо заключить общественный договор который позволит выйти из естественного состояния и послужит основанием для новой формы взаимного общения людей — государства.

Но, утверждает Гоббс, этот договор может стать средством устранения всеобщей войны только в том случае, если он будет выполняться.

Из этого следует второй естественный закон: необходимо соблюдать договоры. Это соответствует

естественному праву. Из этого основного закона природы Гоббс выводит ряд других законов, устанавливающих обязанности человека, соблюдение которых необходимо для достижения мира.

Среди этих законов философ называет обязанность проявлять благодарность, прощать прошлые обиды, проявлять уважение к другим, признавать равенство людей по природе и т. д.

В понимании Гоббса естественные законы — это законы морали. Стремясь объявить вечной и применимой повсеместно буржуазную мораль, философ заявляет что естественные законы неизменны и вечны. То, что ими запрещается, никогда не может быть дозволено, и то, что ими предписывается, никогда не может быть запрещено.

Таким образом, Гоббс исходит из идеалистического представления о вечных и неизменных правилах игры морали, которые имеют силу во все времена, для всех обществ и в равной мере применимы ко всем членам любого общества.

Но в естественном состоянии, согласно учению Гоббса, естественные законы бессильны, поскольку их соблюдение необязательно, пока нет уверенности в том, что и другие будут поступать согласно предписаниям естественных законов. В естественном состоянии не существует никаких запретов, и права человека не обеспечены.

Для того, чтобы избавиться от невыносимого состояния всеобщей войны, люди, считает философ, должны заключить договор и полностью отказаться от всех своих естественных прав в пользу одного лица или одного собрания и безоговорочно подчиниться создаваемой ими государственной власти.

Общественный договор, по мнению философа, представляет собой объединение каждого с каждым, это своего рода договор объединения, посредством которого масса, толпа превращается в организованное общество и образует единое лицо.

Это приводит к рождению государства — нового лица, «воля которого в силу соглашения многих людей считается за волю их всех, с тем, чтобы государство могло распорядиться силами и способностями отдельных членов в интересах общего мира и защиты».

Затем уже заключается договор с князем, королем или народным собранием, которому общество вручает государственную власть.

Ссылаясь на общественный договор, Гоббс изображает веления государства как выражение воли всех граждан.

Став на защиту абсолютизма, философ утверждает, что люди установили государственную власть на условиях полного и безоговорочного подчинения.

Следовательно, они должны отказаться от всех своих «естественных» прав и во всем должны целиком подчиниться государственной власти. В противном случае они будут вынуждены вновь вернуться в то естественное состояние, в котором пребывали до этого.

Или неограниченная, абсолютная государственная власть, или же то состояние анархии, которое, как считает Гоббс, характеризует жизнь людей до возникновения государства, — третьего не дано.

По мнению философа, государственная власть едина и ничем не ограничена. Она действует бесконтрольно и безответственно. Она стоит над законами гражданскими, которые от нее только и могут получить свою силу. Она подобна душе в человеческом теле.

Что хорошо и что плохо вправе решать одна только верховная власть. Все, что в этом направлении устанавливает государственная власть, обязательно для граждан.

Собственность также устанавливается государством. Это то, что предоставляет гражданину государственная власть. Согласно учению Гоббса, подданные — те же рабы, с той лишь разницей, что подданный служит государству, а раб еще и гражданину.

Организация государственной власти, учил Гоббс, может быть различной. Верховная власть может принадлежать одному лицу, может принадлежать немногим лучшим, может быть организована и демократически, но во всех случаях полнота власти целиком должна находиться в руках того лица или того органа, которому она передана.

«Различие между формами государства, — писал философ в своем труде «О гражданине», — зависит от различия между числом лиц, которым вверяется

верховная власть. Верховная власть вверяется либо одному собранию, либо одному человеку, либо совету многих людей. И опять-таки собрание многих людей состоит либо из всех граждан (так что любой из них имеет право голоса и может, если пожелает, участвовать в обсуждении дел), либо лишь из части их. Отсюда проистекают три вида государства. К первому виду относятся государства, в которых верховная власть принадлежит собранию, где любой из граждан имеет право голоса; они называются демократиями. Ко второму — государства, в которых верховная власть принадлежит собранию, где имеют право голоса не все граждане, а лишь известная часть их; они называются аристократиями. К третьему — государства, в которых верховная власть принадлежит одному человеку; они называются монархиями...

Наилучшим из названных выше видов государства — демократии, аристократии и монархии — является монархия...

Наиболее очевидным признаком того, что абсолютная монархия есть наилучший вид государства, является то, что не только короли, но даже государства, подчиненные народу или оптиматам, во время войны передают власть одному человеку, при этом власть в высшей степени абсолютную... Но что же такое многие государства, как не военные лагеря, защищающиеся друг от друга с помощью солдат и оружия?»

Никаких «смешанных» правлений, при которых король делил бы свою власть с властью какого-либо собрания, Гоббс не допускает. Никаких «извращенных» форм правления он также не признает, так как этим понятием, по его мнению, дается оценка, а не определяется характер или объем власти.

Также Гоббс считает невозможным какое-либо разделение власти между различными органами государства. Власть должна быть всегда целиком сосредоточена в руках одного какого-нибудь органа.

Представления Гоббса о происхождении и роли религии являются чисто материалистическими. Религию он считает продуктом невежества и страха перед будущим. Но поддержание религиозного чувства у народа необходимо для сохранения гражданского мира. Материализм и атеизм, по мнению философа, доступны пониманию только для образованных людей.

Гоббс не являлся сторонником революции. Он был убежден, что буржуазия сможет хорошо вести свои дела только при наличии твердой, сильной власти, при устранении всяких разногласий, распрей, всякой политической борьбы. Все, что способствует совместной жизни людей в рамках государства, — хорошо. Все, благодаря чему государственная организация может лучше сохраниться, с его точки зрения, заслуживает одобрения.

«Вне государства, — писал философ, — владычество страстей, война, страх, бедность, мерзость, одиночество, дикость, невежество, зверство, в государстве — владычество разума, мира, безопасность, блаженство, благолепие, общество, изысканность, знания, благосклонность».

Однако все это может осуществляться только ценой полного отказа людей от всех прав, претензий, полного, безоговорочного подчинения их единой государственной власти.

В то время, когда в Англии развернулась борьба буржуазии и нового дворянства с королевским абсолютизмом, когда основная масса буржуазии уже не могла больше мириться с неограниченной властью короля и претендовала на то, чтобы разделить власть с дворянством или даже полностью взять ее в свои руки, Гоббс продолжал усматривать в абсолютизме лучшую форму государственной власти.

Тем не менее, английских монархистов не удовлетворяло учение Гоббса. Роялисты не одобряли материализм философа, сами они пытались в обосновании абсолютизма опираться на религию.

К тому же, как уже было сказано выше, с точки зрения Гоббса оправдана была абсолютная власть не только короля, но и любого другого носителя верховной государственной власти. В принципе, его теория не исключала правомерности республики. Это, конечно же, не могло понравиться королю и его приверженцам.

Поднятые Гоббсом вопросы получили широкую разработку у публицистов эпохи революции. Одни соглашались с философом, другие, наоборот, возражали ему.

Осуждением взглядов Гоббса явилась книга Джемса Гаррингтона (1611—1677) «Республика Океания»

(1656 г.). Близкий по своим политическим взглядам к индепендентам, Гаррингтон доказывает, что не власть создает собственность, как говорил Гоббс, а, напротив, собственность создает власть. Различные формы государственного устройства (монархия, олигархия и республика), по мнению Гаррингтона, зависят от баланса собственности, т. е. распределения собственности между монархом, знатью и народом.

«Каков баланс собственности в стране,— утверждал Гаррингтон,— такова и власть в ней».

Исследуя распределение собственности в современной ему Англии, Гаррингтон сделал вывод, что в XVII в. произошло перемещение земельной собственности из рук короны, знати и церкви в руки народа. Другими словами, «готический (средневековый баланс) собственности сменился «народным балансом». По твердому убеждению Гаррингтона, это и послужило причиной революции: на смену монархии должна прийти республика — форма власти, которая отвечает новому, «народному балансу» собственности.

Для обеспечения устойчивости этого нового, «народного баланса», а следовательно, и республиканской формы правления, и предотвращения возможности перерождения республики в олигархию, Гаррингтон предлагал провести аграрный закон, который бы ограничивал размеры земельной собственности годовым доходом в 2 тыс. ф. ст.

Из всех форм государственной власти Гаррингтон выбирал буржуазную республику. Но в то же время он боялся самостоятельного продвижения низов и был убежден, что «без примеси аристократии невозможно никакое народное государство». В его идеальной республике «Океании» люди, лишённые собственности, не пользуются избирательным правом, и только те, чей доход превышает 100 ф. ст. в год, имеют право участвовать в законодательных органах.

Идеи Гаррингтона в эпоху реставрации в немалой степени развил Генри Невиль (1620—1694), его друг и единомышленник. Показывая всю непрочность политического режима Карла II, как не соответствующего установившемуся в Англии «балансу собственности», Невиль выдвинул идею ограниченной парламентом буржуазной монархии.

Видным представителем индепендентов был Олджернон Сидней (1622—1683). Несмотря на то, что он происходил из знатного рода, во время гражданской войны он не только не поддержал короля, но стал на сторону парламента и сражался в рядах его войск. После реставрации Сидней уехал за границу, а на родину вернулся только в 1677 г. Здесь он был избран в палату общин. В 1683 г. Сидней был обвинен в заговоре против короля, привлечен к ответственности и приговорен к смертной казни. Казнь состоялась в 1683 г.

В работе, озаглавленной «Рассуждение о правительстве», Сидней выступает против Фильмера и его попыток обосновать королевский абсолютизм. Исходя из естественно-правового учения, он отстаивает принцип народного суверенитета и заявляет, что единственным правомерным основанием власти является свободное соглашение людей ради самосохранения.

Из договорной теории происхождения государства Сидней делает выводы в пользу демократических принципов. Он заявляет, что люди, устанавливая государственную власть, ограничивают свою свободу лишь постольку, поскольку это нужно для общей пользы, и что они сохраняют за собой право устанавливать и свергать правительство. Сидней на стороне революции — он оправдывает всеобщее восстание против монарха.

Впрочем, нельзя сказать, что Сидней был последовательным в своих выводах из принципа верховенства народа и учения о договорном происхождении государственной власти. Для него наилучший государственный строй не демократия, а аристократия или правление «смешанное», под которым он, скорее всего, понимал конституционную монархию.

Таким образом, Сиднея нельзя назвать последовательным сторонником демократической формы государства. Отражая настроения крупной и средней буржуазии и примкнувшего к революции дворянства, он был склонен идти на компромисс с дворянством и на установление конституционной монархии.

Как и многие другие публицисты революции, Сидней видел источник абсолютистской власти в норманнском завоевании. Проект Невилля и Сиднея предвосхищали классовый компромисс 1688 г.

Наиболее радикальный характер носило учение левеллеров и диггеров, которые выступали в защиту демократических принципов, стремясь дать им возможно более последовательное развитие и применение, к чему неспособны были склонные к компромиссам индипенденты.

Вождь левеллеров Лильберн, его ближайшие друзья и соратники Ричард Овертон и Уильям Уолвин отстаивали идею народного суверенитета и демократической республики с ежегодно переизбираемым однопалатным парламентом и широким избирательным правом. Представители этого лагеря провозглашали равенство всех граждан перед законом, принцип разделения властей, отмену феодальных повинностей, свободу совести и печати, отделение церкви от государства, уничтожение сословных привилегий, промышленных и торговых монополий, запрещения огораживания общинных земель.

Особое место в этой среде занимает Джон Лильберн (1613—1657), происходивший из мелкопоместных дворян. Еще в молодости за свое выступление против господствующей церкви он был заключен на три года в тюрьму. Когда началась гражданская война, он уже был на свободе и принял участие в борьбе на стороне парламентских войск.

Второй раз Лильберн оказался в тюрьме по требованию Кромвеля за критику Долгого парламента. Позднее, разочаровавшись в деятельности Кромвеля, он начал решительно выступать против его правительства, открыто указывая на опасность военной диктатуры. Лильберн требовал упразднения созданного Кромвелем Государственного совета. Это привело к новому суду над ним и новым репрессиям.

Лильберн отстаивает принципы буржуазной государственности. Он исходит из того, что в основе власти лежит договор свободного народа Англии, который путем соглашения устанавливает правительство. Свободный английский народ соглашается уничтожить всякую произвольную власть и ввести ограничение как высшей власти, так и всех подчиненных властей.

Отсюда Лильберн приходит к выводу о подотчетности парламенту всех должностных лиц. Он уверен, что верхняя палата не имеет под собой никакой почвы,

равно как и монархическая власть. Верхняя палата — это тормоз в развитии общества, считает Лильберн.

Нижняя палата, по мнению Лильберна, должна избираться на основе всеобщего избирательного права. Избирательный возраст Лильберн предлагал установить в двадцать один год.

Высказываясь против предоставления избирательных прав тем, кто служил королю во время гражданской войны оружием или добровольными взносами, он вместе с тем считал необходимым лишить избирательного права лиц, которые находятся в домашнем услужении, и лиц, живущих милостыней, пособиями и т. д.

Лильберн являлся решительным сторонником религиозной свободы. Он утверждал, что государство не должно иметь законов, в силу которых люди подвергались бы наказанию за дела веры, религии, или таких законов, по которым не дозволялось бы им исповедовать веру или соблюдать религию соответственно их совести. По мнению Лильберна, церковь должна быть реорганизована на началах самоуправления, и все прихожане сами должны выбирать своего священника.

В вопросах уголовного права Лильберн выдвигал принцип, что нет преступления и не должно быть наказания без соответствующего закона. Он выступил на защиту формального равенства всех перед законом. Уголовное правосудие, согласно его программе, должны осуществлять двенадцать присяжных, избранных народом.

Несмотря на то, что левеллеры выступали против всяких попыток устранить имущественное неравенство, видя в этом посягательство на свободу и естественные права человека, их теория казалась опасной буржуазии и новому дворянству.

Один из вождей индипендентов говорил: «Если вы будете основываться на нем (т. е. на естественном праве), то вы должны упразднить всякую собственность, потому что по этой доктрине всякий человек имеет равное право на всякое имущество, которое он видит».

Несколько более радикальное, но вместе с тем и утопическое по своим взглядам течение диггеров нашло своего идеолога в лице Джерарда Уинстэнли,

который выступал с критикой не только феодальных, но и буржуазных общественных отношений.

В памфлете «Закон свободы» Уинстэнли предлагает отменить частную собственность, торговлю, денежную систему. Должно быть уничтожено имущественное неравенство, которое, как он указывает, имеет своим источником присвоение чужого труда. В новом обществе все будут обязаны трудиться, все будут получать из общественных складов поровну все необходимые для них предметы потребления.

Самым счастливым периодом человеческой истории Уинстэнли считает «естественное состояние», когда люди не знали еще разницы между «моим» и «твоим». В частной собственности он видит источник зла и последующих страданий народа. Критикуя индипендентскую республику за то, что она дала свободу только богатым, в своем главном труде «Закон свободы» он рисует картину республиканского строя будущего в духе утопического крестьянского социализма.

Таким образом, Уинстэнли придерживался идеала грубой уравнительности.

В духе эпохи Уинстэнли облачает свои взгляды в религиозные мифы и часто говорит языком библейских пророков. История человечества представляется ему вечной борьбой Бога и дьявола, добра и зла.

В памфлетах Уинстэнли нашли свое отражение настроения пауперизованных низов английской деревни XVII в.

Переворот 1688 г. и блок буржуазии с новым дворянством нашел своего идеолога и защитника в лице Джона Локка (1632—1704).

Являясь выразителем интересов буржуазии и будучи лично связан с Вильгельмом Оранским, Локк выступает в роли сторонника тех общественных и политических порядков, которые укрепились в Англии после 1688 г. Его «Два трактата о правительстве» появились как раз в 1689 г., когда «Билль о правах» оформил конституционную монархию в Англии.

Локк происходил из старинного купеческого рода. Его отец был юристом. Он воспитал своего сына в духе строгого пуританства.

В своей философии Локк был непоследовательным материалистом. Признавая основополагающее

значение материи и опытного происхождения человеческого знания, он вместе с тем допускал идею Бога как первопричины мира.

Рассуждая об обществе и государстве, Локк проявил себя типичным буржуазным идеологом.

В работе «Два трактата о правительстве», излагая свои взгляды на общественный строй и политическую организацию, Локк, подобно целому ряду писателей и публицистов своего времени, исходит из понятия «естественного состояния». Критикуя феодальный строй как противоречащий естественному праву, Локк изображает естественное состояние как царство свободы и равенства. В естественном состоянии люди свободно располагали своей личностью, имуществом и все имели равные права на свободу. Свобода и равенство — основное, что характеризует естественное состояние.

С точки зрения Локка, естественное состояние вовсе не было состоянием войны, как это, например, пытался показать Гоббс. Война могла кончиться поражением одного человека другим, а в естественном состоянии нет никакого основания для порабощения одних другими.

Кроме свободы и равенства, Локк к числу естественных прав относит и частную собственность. Локк учит, что она возникает до государства и существует независимо от него как некоторое естественное право индивида.

Подобно другим представителям естественно-правовой школы, Локк пользуется учением о естественном праве при попытках ответить на вопрос о происхождении и сущности государства.

По мнению Локка, свобода людей и их собственность не обеспечены в естественном состоянии, и люди неизбежно приходят к необходимости частично отказаться от своей природной свободы.

Несмотря на то, что человек в естественном состоянии и владеет собственной личностью и имуществом без каких-либо ограничений, говорит Локк, но все это подвергается риску ежечасного посягательства.

Ввиду общего равенства все имеют право в одинаковой степени считать себя «королями». Но поскольку большинство не всегда прислушивается к голосу справедливости, то понятно, какие трудности

для каждого встречает пользование своей собственностью. Этим Локк делает попытку объяснить, почему люди стремятся к общению, устанавливают власть, создают государство.

По мнению Локка, высшая цель людей при установлении государства и власти состоит в охране собственности, которая не может быть обеспечена в естественном состоянии.

Люди отказываются от своей естественной свободы и права самим защищать себя и свое достояние и передают это право обществу в целом.

Но, в отличие, например, от Гоббса, Локк настаивает на том, что полного отказа от естественных прав и естественной свободы быть не может. Каждый конкретный человек лишь настолько ограничивает свою естественную свободу и свои естественные права, насколько это нужно для установления и сохранения власти. Господство на началах абсолютизма нельзя даже признать за государство. Абсолютная монархия хуже, чем естественное состояние, поскольку над абсолютным монархом нет суда и он как бы находится в естественном состоянии по отношению к своим подданным.

Променять естественное состояние на абсолютную монархию, считает Локк, это то же, что во избежание вреда, наносимого лисицей, отдать себя в когти льва.

Заключая договор об образовании государства, люди тем самым обязуются подчиняться решениям большинства и отказываются при этом от своих естественных прав лишь настолько, насколько это нужно для охраны их личности и имущества. Так учение о естественном праве и общественном договоре у Локка становится средством защиты ограниченной, конституционной монархии.

В своем обосновании конституционной монархии к рассуждениям о естественном праве Локк присоединяет учение о разделении властей. Это учение он выдвинул одним из первых в буржуазной политической литературе. Французский писатель XVIII в. Монтескье, с именем которого чаще всего связывают теорию разделения властей, дал лишь дальнейшее развитие идей, которые до него уже сформулировал Локк.

Объясняя принцип разделения властей, Локк ука-

зывает, что необходимо различать три власти — законодательную, исполнительную и союзную (федеративную). Законодательная власть осуществляет право издавать законы в жизнь, а союзная занимается вопросами внешней политики — представительство страны во взаимоотношениях с другими государствами, вопросы войны и мира и т. д. По мнению Локка, судебная власть должна поглощаться исполнительной.

Все эти три названные власти должны быть разделены. Это значит, что каждая из них должна находиться в руках особого органа. Законодательный орган — парламент. Исполнительная власть должна быть представлена правительству. Для осуществления союзной власти также должны быть созданы особые органы.

Впрочем, по мнению Локка, в монархии исполнительная и союзная власти могут быть вручены одному лицу — монарху.

Власти, считает Локк, неравноправны. Законодательная власть, на которую в первую очередь претендует буржуазия, — верховная, она должна повелевать другими властями, она стоит во главе всего государства. Вместе с тем она не беспредельна и не имеет неограниченных ничем прав на жизнь и имущество граждан. Собственность — естественное право гражданина, и даже парламент не может отнять это право.

Таким образом, делает вывод Локк, правительство не может взимать налога без согласия всего народа или же без согласия его представителей — парламента.

Исполнительная власть должна быть отделена от законодательной, и она не может находиться в руках парламента. Но разделение не исключает единства властей, которое достигается, по мнению Локка, тем, что все власти исходят из законодательной и подчиняются ей.

В странах, где правит монархия, сам монарх действует единству государственной власти, поскольку он участвует и в законодательной, и в исполнительной, и в федеративной власти. Кроме того, монарху, считает Локк, принадлежит прерогатива, под которой Локк понимает некоторые существенные права исполнительной власти, относящиеся к осуществле-

нию законодательства, а именно права созыва и роспуска парламента, право законодательной инициативы, право утверждать законопроекты, наконец, право действовать помимо закона, смягчая силу закона, который монарх признает вредным для народа.

Локк считает необходимым сохранение прерогативы, правда, делает оговорку, общую и потому неопределенную, что монарх не должен злоупотреблять своей прерогативой. В защиту прерогативы Локк ссылается на «общее благо», «благо народа», которое якобы требует в некоторых случаях отступления исполнительной власти от закона.

Теория разделения властей свидетельствует о стремлении буржуазии к компромиссу с новым дворянством. Согласно этой теории дворянство должно получить исполнительную власть в свои руки. Буржуазия же претендует на то, чтобы разделить с дворянством законодательную власть. Кроме того, она объявляет, что это высшая, верховная власть в государстве.

Локк не раз поднимает вопрос о допустимости сопротивления монарху, когда тот злоупотребляет своей прерогативой. Он отвечает на этот вопрос утвердительно, в некоторых случаях признавая правомерность восстания.

Это можно объяснить тем, что Локк был идеологом «Славной революции» 1688 г., и, защищая право на восстание, он как бы оправдывал появление на престоле голландского принца Вильгельма Оранского.

Следует также отметить, что принципы буржуазной государственности, выдвинутые в XVII в. в Англии, получили дальнейшее развитие в XVIII в. во Франции.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

В XVII в. в Англии одновременно с политическими учениями развивалась и экономическая наука.

В этот период большую роль сыграла деятельность Вильяма Петти (1623—1687), который, опираясь на достижения английской материалистической

философии, в своих исследованиях по политической экономии применял методы индукции, разработанные Бэконом и Гоббсом.

В отличие от меркантилистов, Петти не ограничивается наблюдением над чисто внешней, эмпирической стороной экономических явлений. Он стремится исследовать их внутренние закономерности.

Так, например, Петти опровергает представление меркантилистов, что национальное богатство определяется количеством находящегося в обращении денег, и устанавливает прямую зависимость между количеством обращающихся денежных знаков и величиной товарной массы.

Именно Петти была заложена основа теории трудовой стоимости. «Труд,— говорил он,— отец богатства, а земля — его мать».

У Петти намечается также понимание сущности прибавочной стоимости. Рассматривая заработную плату как минимум средств, необходимый для существования рабочего, т. е. по существу как стоимость рабочей силы, Петти близко подходит к мысли о делении рабочего дня на необходимое и прибавочное время. Рента в виде земельной и денежной ренты (процента) для него является всеобщей формой прибавочной стоимости.

Вместе с тем, прибыль как самостоятельная категория ему еще не известна.

Исторические условия XVII в. наложили свою печать на его экономические взгляды. Петти еще чуждо требование буржуазных экономистов XVIII в. освободить торговую и промышленную деятельность от различных ограничений. Как и меркантилисты, он признает необходимым вмешательство государственной власти в экономическую жизнь.

МИЛЬТОН — ПОЭТ И ПУБЛИЦИСТ

Пуританская идеология, господствовавшая после победы революции, не способствовала расцвету литературы и искусства.

Так, например, в это время приходит в упадок драма — один из ведущих жанров английского Ренес-

санса. Придя к власти, пуритане запретили театральные представления. Суровые иконоборцы выбрасывали из церквей произведения искусства, покрывали толстым слоем гипса прекрасные мраморные статуи, чтобы скрыть наготу человеческого тела. Были запрещены старинные народные празднества, игры и танцы.

«Старая веселая Англия», питавшая литературу Возрождения, на время ушла в прошлое.

Джон Мильтон.
Гравюра XVII в.

Вместе с тем революция имела свой величественный пафос и свою суровую поэзию. Ими проникнуто творчество самого большого поэта XVII в. Джона Мильтона (1608—1674).

Мильтон происходил из пуританской семьи. Его отец был состоятельным нотариусом, человеком разносторонних интересов и больших знаний, тонкий музыкант. Он сделал очень многое для духовного развития своего сына. Мало того, Мильтону было уже за тридцать, когда он только начал самостоятельно зарабатывать себе на жизнь.

«С самой юности, — писал впоследствии поэт, — я посвящал себя занятиям литературой, и мой дух всегда был сильнее тела; я не предавался воинским занятиям, в которых любой рядовой человек принесет больше пользы, чем я, но отдался таким делам, где мои старания могли быть более плодотворными».

Он получил превосходное образование, прилежно учась дома и в школе. За домашними занятиями следовало посещение лондонской школы при соборе святого Павла. В 16 лет Мильтон становится студентом Кембриджского университета, а через четыре года он уже бакалавр, ну, а еще через три — магистр искусств.

В то время молодому человеку, вероятно, даже не приходило в голову, что очень скоро ему придется заниматься не только литературой, но и политикой, что во время революции он будет государственным секретарем, редактором официального органа правительства.

Первые годы своего литературного творчества Мильтон называл «годами учения и странствований». В 20-х годах он обращается к различным жанрам: пишет стихи на английском и латинском языках (в основном на религиозные темы — «На утро рождения Христа», «К высокой музыке» и др.), обращается к античности и сочетает античную мифологию с христианской символикой (элегия «Люсидас»).

В это время появляется его поэма-дигтих «Веселый» и «Задумчивый». В ней Мильтон описывает природу и городскую и деревенскую жизнь Англии. В этой поэме автор противопоставляет два типа людей — веселый, никогда не знающий грусти и задумчивый, размышляющий над смыслом бытия.

По мнению многих исследователей творчества Мильтона, в 1630 г. появился его великолепный цикл, названный автором «Итальянские стихи». В нем нашли отражение самые потаенные чувства поэта, его любовь:

Глаза у вас — два солнца, от огня
Которых меркнет взор мой ослепленный.
Ведь в Ливии, жарою истомленной,—
И то не так палит светило дня

Во мне клокочет, грудь мою тесня,
Какой-то пах, сухой и раскаленный —
Хоть вздохом бы назвал его влюбленный,
Слов, чтоб его назвать, нет у меня.

Днем, госпожа, он заперт, как в темнице,
А если ночью вырвется порой,
То сразу остывает и ресницы
Мне жжет соленой ледяной росой,

И вас, моя заря, от мук рыдая,
Без сна я до рассвета ожидаю

В 1637 г. появляется пьеса-маска Мильтона «Комус». Главная тема ее — борьба добра и зла. Это произведение аллегорично, оно имеет дидактическую направленность.

К тому времени, когда в стране сложилась революционная ситуация, Милтон был в Италии. Через Париж и Ниццу он достиг прославленной земли гуманистов, посетив Геную, Легорн, Пизу, Флоренцию, Сиену, Рим, Неаполь, Лукку, Болонью, Венецию, Милан, Верону, Феррару. Затем он побывал в Женеве, после чего вернулся домой в Англию.

В Италии Милтон пробыл долго, обласканный вниманием, когда его, незаурядного гуманиста, члены итальянских «академий» принимали с большим почетом. Ему здесь было легко и свободно, итальянский язык он выучил еще в юности. Он познакомился и подружился со многими образованными итальянцами, встречался с самим Галилеем.

В Италии у Мильтона родилась идея написать большой национальный эпос. Героем его Милтон хотел сделать короля Артура.

Кроме того, там, в Италии, у поэта возник замысел поэмы об Адаме и Еве, а также замысел трагической трилогии о библейском герое Самсоне.

Тревожные политические события на родине заставили Мильтона оставить Италию.

Во время революции Милтон прерывает свою поэтическую деятельность, чтобы целиком отдать себя служению делу свободы. Один за другим появляются его памфлеты, которые сыграли важную роль в развитии английского революционного движения.

Первый из его памфлетов появился в 1641 г. И почти одновременно с ним появился второй, затем третий. Это были небольшие произведения, посвященные очередным, наиболее острым вопросам политической жизни.

В мае 1643 г. Милтон женится на дочери мелкого помещика Мери Поуэл, с которой до этого он был знаком всего лишь месяц. Впрочем, уже через несколько недель молодая жена бросила его, вернувшись к своим родителям. Поуэлы являлись сторонниками короля, и когда во время революции им пришлось несладко, когда они в полную меру испытали притеснения властей, Милтон, став к тому времени деятелем революционного лагеря, выручил их. После двухлетнего разрыва Мери вернулась к мужу. Она родила ему четырех детей, но в 1652 г., во время родов последнего ребенка умерла.

Вскоре после того как молодая жена бросила Мильтона, он написал трактат о разводе, благодаря чему поссорился не только с англиканским духовенством, но и с пуританскими идеологами. Да и на что он еще мог рассчитывать, если в своем трактате выдвинул неслыханное для того времени положение о праве на развод, если между супругами нет согласия и они не любят друг друга.

«Брак не может существовать и сохраняться без взаимности в любви,— писал Милтон,— а там, где нет любви, от супружества остается только внешняя оболочка, столь же безрадостная и неудобная Богу, как и всякое другое лицемерие».

Большой интерес представляет его трактат «Ареопagitика», написанный как речь для произнесения в парламенте. В нем Милтон выступает в защиту свободы печати, которая нарушалась не только королевскими чиновниками, но также и пресвитерианами.

Вместе с тем, требуя свободы для проповеди и передовой мысли, Милтон отказывается в этой свободе

католицизму и его адептам, поскольку они, по мнению поэта, защищают глубоко безнравственное учение.

Мильтон выступает и как сторонник естественно-правовой теории, из основных положений которой он делает выводы, направленные на оправдание революции.

Все люди, говорит Мильтон в памфлете «О державе королей и сановников», по природе рождаются свободными. Все они созданы для того, чтобы властвовать, а не повиноваться. Однако вследствие грехопадения (здесь Мильтон аргументирует религиозными доводами) между людьми завелись раздоры, начались взаимные насилия, и тогда люди решили общими силами охранять мир и совместно защищаться от нападений. Так появились города и государство. Власть вверили одному или нескольким людям для наказания нарушителей мира и осуществления правосудия. В результате возникла власть королей и сановников в государстве. Люди установили королевскую власть только потому, что им было необходимо совместными усилиями защищаться против нарушителей мира.

Соблазняясь своей властью, сановники и короли начали творить неправду. Поэтому необходимо было поставить над ними законы, и с королей стали брать присягу о соблюдении законов.

Противопоставляя договорную теорию возникновения государственной власти феодальным представлениям о ее божественном происхождении, Мильтон делает вывод, что власть королей и сановников производна, что она дана народом в порядке поручения, в интересах общего блага. Источник всякой власти — народ. Поэтому титулы короля изобретены гордостью и лестью. У короля нет наследственного права на престол, иначе подданные превратились бы в рабов короля, как если бы они были созданы для короля, а не, наоборот, король для них.

Мильтон выступает против убеждения, что король отчитывается только перед Богом. Если такое допустить, то придется признать, что все законы и гарантии — пустые слова. Король обязан отчетом перед своим народом, который может в любое время низложить его с трона.

Оправдывая суд над Карлом I и его казнь, Мильтон настаивает на праве народа низлагать правителя.

Он заявляет, что это — основное право народа, без которого он попадает под власть тирана.

«...Отсюда мы можем с большей легкостью и силой доказательств определить, что есть тиран и что может сделать народ против него, — размышляет Мильтон в памфлете «О должности королей и магистратов». — Тиран, независимо от того, по праву или не по праву он возложил на себя корону, — это тот, кто, не считаясь ни с законом, ни с общим благом, правит только для блага своего и своей клики. И поскольку его власть велика, его воля безгранична и непомерна, выполнение ее по большей части сопровождается бесчисленными несправедливостями и притеснениями по отношению к народу, убийствами, резней, насилиями, прелюбодеяниями, разорением и гибелью городов и целых провинций; как справедливый король являет собой великое благо и счастье, так тиран — это великое зло; как первый — отец для своей страны, так второй — общий враг. И каким образом народ может законно поступить против него как против общей язвы и разрушителя человечества, — я полагаю, ни одному человеку, умеющему здраво судить, не надо объяснять: пусть он руководствуется в этом одними принципами собственной природы. Но поскольку обычно для людской глупости пренебрегать собственным разумом и закрывать глаза, думая, что они видят лучше глазами других, я покажу на таких примерах, которые будут иметь наибольший вес среди нас, что делалось в подобных случаях до сих пор. Греки и римляне, как свидетельствуют их главные авторы, почитали не только законным, но и славным и героическим деянием, всенародно вознаграждавшимся законодательным актом и венком, убийство бесчестного тирана без суда в любое время; и это только разумно, чтобы тот, кто попрал всякий закон, не был вообще удостоен защиты закона».

Таким образом, Мильтон выступает как один из ранних буржуазных сторонников принципа народного суверенитета.

Подобно Кромвелю, с которым он как секретарь английской республики состоял в отношениях тесного сотрудничества, Мильтон, по всей вероятности, готов был согласиться на конституционную монархию, призывая сосредоточить власть в руках «лучших и мудрейших».

Несколько подробнее хочется остановиться на широко известном трактате Мильтона «Иконоборец», в котором он оправдывает приговор, вынесенный Карлу I, и казнь короля.

У этого произведения сложная история, но для того, чтобы рассказать о ней, вначале необходимо вспомнить об еще одном произведении, но уже другого автора — доктора Дж. Годена. Оно называлось «Образ короля» и якобы воспроизводило записки самого узника Карла I. В этом произведении черты позднего рыцарского романа тесно переплетаются с традицией христианской житийной литературы, в нем выражались испуг и негодование абсолютистских правительств Европы.

Индепендентское правительство, ознакомившись с этой книгой, не могло никак не отреагировать на нее. А отреагировало оно, прибегнув к помощи Мильтона, который в это время становился как бы начальником канцелярии по внешним сношениям при парламенте.

Так появилась книга «Иконоборец», в которой Милтон, опираясь на исторические документы, обвинил Карла I в измене, в покушении на свободу английского народа. В книге немало исторических фактов, которые помогают нарисовать реальную картину политических событий того времени в стране.

По сути дела, она явилась первым очерком развития Английской революции.

Книга имела шумный успех, но английская роялистская эмиграция и деятели международной абсолютистской реакции на континенте увидели в ней большую опасность для себя. Ведь книга пропагандировала идею гражданской войны против тирании абсолютизма.

Тут же против Мильтона выступил один из самых известных европейских юристов, лейденский профессор Сомэз, который почему-то именовал себя на латинский манер Сальмазий. Он написал книгу «Защита короля Карла I», которая была призвана разгромить и обесславить Мильтона.

В ответ Милтон публикует трактат «Защита английского народа»: И снова терпит нападки на себя. На этот раз со стороны целой группы памфлетистов — Мора, Бромголла, Роуланда и др. Тогда Милтон

пишет «Вторую защиту английского народа», а вскоре и «Защиту самого себя».

Необходимо отметить, что эти книги принесли их автору международную известность.

Тем временем несчастья одно за другим преследуют Мильтона. После того, как умерла первая жена его, он вскоре женился на другой. Но и этот брак оказался недолгим — жена умерла вместе с ребенком.

Еще с детства у Мильтона было плохое зрение. С середины 1640-х годов зрение стало значительно слабнуть. Врачи советовали меньше работать, но Милтон ответил на это: «Подобно тому, как я пожертвовал поэзией, так теперь я готов принести на алтарь свободы свои глаза». Частая его работа в архивах была настолько кропотливой и непосильной, что вскоре зрение уже ничем нельзя было спасти, и в 1652 г. писатель ослеп полностью.

Пост латинского секретаря, который в это время занимал Милтон, пришлось оставить, но с творчеством он не расстался, диктуя свои сочинения.

Последние его публицистические выступления — «Письмо к другу» и «Истинный и легкий путь к устройению свободной республики», написанные в 1660 г. В них проявилось стремление автора накануне победы Реставрации спасти гибнущую республику. Но общественность, потерявшая веру в республику и Кромвеля, не услышала голос писателя.

Кстати, глубоко ошибается тот, кто видит в выше-названных работах Мильтона лишь голую публицистику, памятник политической мысли XVII в. Его работы — это одновременно и высокохудожественная проза, в которой переплетаются несколько жанров. В них мы находим диалоги, пространные лирические и философские отступления, точные и выверенные портреты, эпические сцены битв и событий. В них также заметна школа античной прозы, прозы ораторской и исторической.

Важно отметить, что в стиле Мильтона обнаруживается одна преобладающая тенденция. Она ориентирована главным образом на ораторскую прозу и римских историков — т. е. на классическую литературу. В своих работах он не раз сравнивает английскую действительность с античностью, Кромвеля — с Цицероном и Периклом, республиканских полков-

ников — с героями Спарты и Афин, а лондонское ополчение — с римскими legionами.

Мало того, являясь оратором индипендентской республики, Мильтон в то же время оставался удивительным поэтом, издав в 1647 г. книгу своих стихов. Он пишет псалмы, сонеты, в которых отражается сложное развитие внутреннего мира Мильтона, его переживания и сомнения. Его внутренний мир богат и разнообразен, в нем находится место самым различным чувствам.

Многие английские писатели, современники революции, пытались в своих произведениях осмыслить ее, сделать соответствующие выводы.

Не вызывает сомнения, что самым известным и значительным произведением, в котором в наиболее полном и осмысленном виде нашли свое отражение события, происходящие в Англии в XVII в., была поэма Мильтона «Потерянный рай», созданная автором в 1667 г., а также ее продолжение, появившееся через четыре года, — «Возвращенный рай».

Прежде чем несколько подробнее остановиться на них, необходимо отметить следующее. В годы Реставрации судьба Мильтона следовала не самым лучшим образом. Ему грозила тюрьма, произведения его были сожжены. Немалых трудов стоило друзьям Мильтона, чтобы спасти его самого, а также его небольшое состояние от расправы, которой жаждали «кавалеры» и их сторонники.

Возможно, в этом смысле ему повезло. О нем неожиданно как бы забыли. Расправа ждала других, более видных деятелей революции и сторонников Кромвеля. А Мильтон стал вести уединенное существование в окружении семьи и немногих друзей.

С публицистикой пришлось расстаться навсегда, но, видимо, писатель об этом и не жалел. Он был всецело поглощен другим. Он разрабатывал замысел, возникший в его мыслях еще в 30-е годы. Вскоре этот замысел вылился в большое эпическое произведение, грандиозную эпопею «Потерянный рай». Произошло это в 1667 г.

Место ее действия — вся вселенная, а время действия — бесконечность. В основу своего творения автор положил религиозную легенду о величии и благодати Бога и гордыне, низости Сатаны.

Необходимо заметить, что сюжет об Адаме и Еве, которых соблазнил Сатана, в литературе и искусстве XVI—XVII вв. был распространен довольно широко. Об этом свидетельствует большое количество гравюров и полотен. Много общего с «Потерянным раем» мы находим в трагедии о Люцифере гениального голландца Вондела, как и в драме другого голландского писателя XVII в., а также известного законоведа и историка Гуго Гроция.

Вместе с тем, произведение Мильтона несет в себе много нового, не увиденного до него другими писателями и художниками. Используя хорошо известные образы, Мильтон внес в их трактовку совершенно новое содержание.

Поэма состоит из двенадцати книг. В ней две сюжетные линии, которые очень тесно связаны между собой.

Повествуя об извечной борьбе между Богом и Сатаной, автор подробно останавливается на истории мятежа Сатаны против Бога. Мильтон рисует рай как хорошо организованное, централизованное государство. Правит им творец, которого окружают ангелы, расположенные строго по иерархической лестнице.

Один из любимых ангелов Бога — Сатана. Он очень горд и честолюбив. Вместе с другими непокорными ангелами он восстает против Бога. Война Сатаны и Бога заканчивается поражением Сатаны и превращением его из ангела в гнусного беса. Сатана и его сподвижники навсегда утрачивают рай, они низвергнуты Богом в ад.

Вот как описывает Мильтон ад глазами Сатаны:

Он оглядел пустынную страну,
Тюрьму, где, как в печи, пылал огонь,
Но не светил, и видимою тьмой
Вернее был, мерцавшей лишь затем,
Дабы явить глазам крошечный мрак,
Юдоль печали, царство горя, край,
Где мира и покоя нет, куда
Надежде, близкой всем, заказан путь,
Где муки без конца и лютый жар
Клокочущих, неистощимых струй
Текучей серы.

Однако и в аду Сатана не раскаивается и даже пытается убедить падших ангелов в преимуществе их теперешнего состояния. Сатана и его ангелы ста-

новятся владыками ада, здесь они наконец-то обретают свободу, независимость, им не нужно преклоняться перед Богом, который «тиран мира безраздельный», «царящий, как деспот, в небесах».

Дальше Мильтон в своем произведении показывает успешную попытку Сатаны погубить самое лучшее творение Бога — человека, покоряя его своей властью.

Как известно, первые люди, согласно Библии, были бессмертны и безгрешны. Они не знали, что такое боль, страдания, бремя труда, зависть. Они жили в земном рае — Эдеме. Жили счастливо и беззаботно.

Однако Бог запретил им прикасаться к дереву познания. Это использует Сатана.

У него свое мнение о познании Добра и Зла:

Познание им запрещено?
Нелешый, подозрительный запрет!
Зачем ревниво запретил Господь
Познание людям? Разве может быть
Познание преступленьем?..

...Ужель
Неведение — единственный закон
Покорности и веры и на нем
Блаженство их основано?

Сатана искушает Еву знанием. Не зная смерти, люди не могут до конца оценить, что такое жизнь, убеждает Сатана Еву. Не зная зла, нельзя судить о добре. С большой художественной силой показывает Мильтон переживания Евы, которая поддается уговорам Сатаны, переживания Адама, который из безграничной любви к ней решает на смертельный грех — вкусить запретный плод с дерева познания. Ева подбадривает его:

Что запретил он? Знание! Запретил
Благое! Запретил нам обрести
Премудрость...

...В чем же смысл
Свободы нашей?

Таким образом свой замысел Сатане удается реализовать сполна. Гнев Бога беспощаден. Бог изгоняет первых людей из Эдема. Пылают цветущие сады, зажженные божьим гневом, у врат рая стоят архангелы, которым поручено проследить за тем, чтобы Адам и Ева оставили рай. Взвзвись за руки, растерянные

и ошеломленные происходящим, те медленно идут на встречу тяжелой земной жизни.

Одна за другой сменяются сцены поэмы — то светлые и страстные, то мрачные и тревожные. Вот описываются гигантские битвы между ангелами и воинством сатаны. А вот перед Адамом проходит будущая жизнь человечества, первые события человеческой истории, страдания и деяния его детей. Вот показан ад, который Сатана и его сподвижники хотят превратить в столицу Сатаны, увенчанную великолепным зданием Пандемониума, в котором будут заседать Сатана и его приспешники.

Многие литературоведы пытались разьяснить аллегорию замысла Мильтона и ответить на вопрос, почему при заведомом благочестии автора, который в конечном счете хотел показать торжество Бога над Сатаной, последний тем не менее получился героическим, а образ Бога — условным и бледным.

Об этом противоречии поэмы довольно точно сказал русский критик В. Белинский: «Того не подозревая, он (Мильтон) в лице своего гордого и мрачного сатаны написал апофеозу восстания против авторитета, хотя и думал сделать совершенно другое».

Действительно, Мильтон хотел показать, какой тяжелой является плата за путь к новому, каким долгим бывает путь к постижению истинного добра. Он хотел довести до своего читателя мысль о покорности Богу, о необходимости веры в учение Бога.

Тем не менее, на первый план поэмы выдвинулся мятежник Сатана, который вскоре в восприятии многих тысяч читателей поэмы сделался подлинным героем эпопеи Мильтона. В свое время некоторые критики даже пытались сравнить Сатану с Кромвелем, а Бога, изображенного Мильтоном, — с королем. Но такой подход к поэме, думается, весьма ошибочный.

Если внимательно читать поэму, легко заметить, что именно Сатану Мильтон называет и тираном, и императором, и султаном. В то же время в Боге автор воплотил силы добра и разума.

Противоречивость в замысле поэмы отразилась и на ее образной системе, например, между ее гигантскими, часто хаотическими картинами и стройной ученой композицией, которая напоминает традиции эпохи Возрождения.

Вообще же, Мильтона здесь с полным правом можно назвать наследником лучших традиций Ренессанса. Вполне возможно, что сцены боя между Сатаной и Богом навеяны некоторыми работами Тинторетто. Много общего находим у мильтоновского Сатаны с титанами Марло и злодеями из пьес Тёрнера и Форда. Образы людей напоминают наготу пластики и живописи эпохи Возрождения.

Великолепна система сравнений, с помощью которых Милтон создал образ Сатаны: он и гигантский гриф, который размахивает своими огромными крыльями, он и фрегат, что несется на всех парусах, он и башня, и жаба, и сосна, даже пороховой взрыв.

Во второй поэме Мильтона «Возвращенный рай» Сатана оказывается окончательно побежденным. Если в первой поэме мы находим в нем немало привлекательных черт, то здесь Сатана — вельможа, «кавалер», который нагло пытается соблазнить Иисуса чудесами античной культуры, блеском и пышностью античной империи. Подобно Комосу из ранней пьесы-маски, который рисовал перед девой радости чувственных наслаждений, Сатана искушает Иисуса всеми мирскими благами.

Однако Иисус не поддается на все искушения Сатаны и открывает перед детьми Адама путь к спасению, о котором когда-то мечтал Адам.

Здесь Иисус предстает врагом всякой тирании, который убежден, что с потерей свободы гибнет добродетель и торжествуют пороки.

В мильтоновском Христе мы находим черты, которые близки самому автору:

...Будучи ребенком, не любил
Я детских игр, мой ум стремился к знанию,
К общественному счастью и благу.

И по своим политическим убеждениям Иисус также близок к Мильтону, стремясь

Изгнать навек насилие и, правде
Свободу дав, восстановить равенство.

В «Возвращенном рае» мы находим мильтоновское разочарование в людях (но не в самой революции), которые, испытав вкус свободы, тут же легко примкнули к возвращенной деспотией. Вероятно, Мильто-

на потрясло, что возвращение Стюартов народ встречал чуть ли не с всеобщим ликованием. Что же делать в такой ситуации?

Сердца людей словами покорять
И вразумлять заблудшие их души,
Которые не знают, что творят,—

говорит поэт.

Несомненно, по своей глубине и яркости эта поэма несколько уступает «Потерянному раю» и кажется обычным образцом религиозной поэзии XVII в., так называемой «христиадой», которых в ту пору писалось немало набожными поэтами Западной Европы.

В 1671 г. появилась трагедия Мильтона «Самсон-борец». В ней автор сделал то, чего не делал еще ни один из творцов нового времени, которые прибегали к драматической форме. Как известно, для всех драматургов эпохи Шекспира, включая и его самого, исходной формой драмы всегда являлась римская трагедия в манере Сенеки.

Однако Милтон — первым в Англии — взял себе за образец греческую трагедию. В предисловии к своему произведению, многозначительно озаглавленном «О том роде драматической поэзии, который зовется трагедией», Милтон своими учителями называет Эсхила, Софокла и Еврипида, но никак не Сенеку, который был очень популярен у драматургов XVI—XVII вв.

«Трагедия, — указывал в предисловии Милтон, — если писать ее так, как писали древние, была и есть наиболее высокий, нравственный и полезный из всех поэтических жанров. Аристотель полагает за ней способность пробуждать сострадание, страх, ужас и тем самым очищать душу от этих и сходных с ними аффектов, то есть смягчать или должным образом умерять последние посредством особого рода наслаждения, доставляемого нам чтением или просмотром пьесы, где умело воспроизводятся чужие страсти. Природа дает нам немало примеров, подтверждающих его мысль: так, медицина лечит дурные соки болезнетворными средствами — кислые кислотами, соленые солями. Поэтому философы и прочие серьезнейшие писатели, как-то: Цицерон, Плутарх и другие, нередко приводили отрывки из трагических поэтов, чтобы

придать красоту и отчетливость собственным мыслям. Сам апостол Павел нашел уместным включить в текст Священного писания стих Еврипида...».

По мнению многих исследователей творчества Мильтона, «Самсон-борец» создан по канонам и требованиям Аристотеля к трагедии.

В центре трагедии — образ пленного Самсона, униженного рабством, бывшего «назоря» — избранника божия, по собственной вине попавшего в плен к филистимлянам. Самсон томится в тюрьме в Газе, где он обречен на каторжный труд. В редкие минуты отдыха он скорбит о своей участи, обращаясь к Богу:

Направь мои незрячие шаги
Еще чуть дальше, вон к тому пригорку.
Там можно выбрать меж жарой и тенью;
Там посижу я, раз мне выпал случай
Расправить перегруженную спину,
Которую я гну весь день в темнице,
Где, пленник, пленным воздухом дышу —
Сырым, промозглым, затхлым, нездоровым..

.....
Я жалче, чем последний из людей,
Чем червь — тот хоть и ползает, но видит;
Я ж и на солнце погружен во тьму,
Осмеянный, поруганный, презренный.
В тюрьме и вне ее, как слабоумный,
Не от себя, но от других завися,
Я полужив, нет, полумертв скорей.

Однако таков главный герой только в самом начале произведения. Постепенно силы вновь приходят к нему, он обретает свою прежнюю сущность избранника. Явившись в храм на празднество знати и народа, где собравшиеся намереваются потешиться над ним — поверженным и униженным врагом, и требуют, чтобы он показал им свою силу, Самсон обрушивает на них кровлю капища:

...Когда ж Самсон
Почувствовал колонны под рукою,
Он голову склонил как для молитвы
И на минуту в думы погружился,
А после крикнул с поднятым челом:
«Владельцы филистимские, покорно,
На диво и на развлечение вам,
Я здесь исполнил все, что мне велели.
Теперь свою вам силу покажу
Я на примере более наглядном,
И кто его увидит — содрогнется».
Тут он напряг все мышцы, и прыгнулся,

И с яростью бунтующих стихий,
Когда они приводят в трепет горы,
Опорные колонны стал качать,
Пока они не рухнули и кровля
С громовым треском вниз не полетела,
Обломками своими раздавив
И навсегда похоронив под ними
Вельмож, жрецов, воителей и женщин,
Красу и гордость знати филистимской,
Собравшейся на празднество из Газы,
Равно как из окрестных городов,
А заодно и самого Самсона.
Спаслась лишь чернь, стоявшая снаружи.

Таким образом, раб, обретая в себе силы, опять становится героем.

Трагедия «Самсон-борец» построена на библейском сюжете, вместе с тем она отличается выразительным античным классическим колоритом. Даже храм Дагона автор в своем произведении превратил в цирк. Все персонажи также выдержаны в античном колорите.

Самый яркий и глубокий в трагедии образ Самсона. Мильтон с убедительной силой и мастерством показал все его тайные переживания и мучения. В образе Самсона, который смертью искупает свою вину, автор выразил личное ощущение надвигающегося кризиса в общественной жизни страны, который в конце концов привел к окончательному свержению династии Стюартов.

Трагедия «Самсон-борец» стала образцом лирической драмы, и примеру Мильтона позже были немало обязаны Шелли в своем «Освобожденном Прометее» и Байрон в «Каине».

Умер Мильтон 8 ноября 1674 г., так и не испытав в полной мере вкус литературной славы, которая пришла уже посмертно.

Вне сомнения, Мильтон являлся одним из самых известных английских писателей XVII в., но далеко не единственным.

ДЖОН ДОНН

Немало сделал для развития английской литературы Джон Донн (1572—1631), который свои лучшие произведения написал еще в 90-х годах XVI в., но известным широкому кругу читателей стал только в XVII в.

Он окончательно освободил английский стих из-под власти канонов и стереотипов, зачастую чужеземных, и создал новую дисциплину стиха. Многие критики называют его продолжателем Шекспира в области лирики и достойным младшим современником великого художника слова.

Уже с 1590-х годов его стихи расходились в списках, хотя в это время ни к какой поэтической славе он не стремился.

Донн учился в Оксфордском и Кембриджском университетах, изучал право в корпорации Линкольнз-Инн, но, не став ни ученым, ни законником, в 1596 г. вместе с лордом Эссексом отправился в морскую военную экспедицию против испанцев.

Вернулся домой он через два года и стал секретарем своего военачальника, лорда-хранителя Большой печати Томаса Эджертона. Но в 1601 г. он уволем женился на племяннице Эджертона и потерял свою работу. Десять лет он жил практически в нищете, на подаяния меценатов, о которых не раз упоминал в своих стихах.

Король Яков I лично настоял на том, чтобы Донн принял сан священника англиканской церкви. В 1621 г. Донн становится настоятелем лондонского собора св. Павла. В 1630 г. ему бы ничто не помешало стать епископом, если бы не было всем ясно, что жить ему осталось совсем немного.

Кстати, Донн не публиковал свои стихи, хотя, по всей вероятности, писать их не переставал никогда и изредка давал их переписывать.

Первое собрание его стихов вышло, когда уже самого поэта не стало — в 1633 г., а в 1669 г. оно уже печаталось седьмым изданием.

Большой популярностью пользовалась любовная лирика Донна, которая имела все черты Ренессанса. В ней смешаны все чувства — боль и нежность, страсть и печаль:

Дозволь излить
Пока я тут, все слезы пред тобой,
Ты мне их подарила и в любой
Отражена, и знаешь, может быть,
На них должна
Лишь ты одна
Глядеть; они плоды большой беды,
Слезинкой каждой оземь бьешься ты,
И рушатся меж нами все мосты.

Как географ,
Который сам наносит на шары
Границы океанов и держав,
Почти из ничего творя миры,
Наносишь ты
Свои черты
На каждую слезу мою, но вот
Вскипает слез твоих водоворот,
И гибнет все, и лишь потоп ревет.

Я утою
В слезах твоих, сдержи их поскорей,
Не стань дурным примером для морей,
Мечтающих пустить меня ко дну,
Вздыхать не смей,
Хоть онемей,
Но бурь вздыхать глубоко не учи,
Чтоб не смели они меня в ночи...
Люби и жди, надейся и молчи.

«Прощальная речь в слезах»

Черты ренессанского реализма без труда можно обнаружить в сатирах Донна, а также в двух эпистолах Донна — «Шторм» и «Штиль». Уже в этих произведениях мы обнаруживаем мотивы, которые впоследствии пройдут сквозной линией через все творчество поэта, — мотивы человеческого ничтожества и бренности земного существования.

Тема человеческой безысходности становится основной в лирической поэме Донна «Путь души», созданной автором в 1601 г., а еще ярче и глубже она звучит в «Анатомии мира», написанной спустя десять лет. Донн говорит о бессилии человека, о его вечных заблуждениях, о невозможности земного счастья, о ничтожности его познаний. Донн насмехается над такими понятиями, как человеческое достоинство, гуманизм, как о чем-то придуманном, чего в действительности нет и быть не может, ибо человек — это червь, который пресмыкается в грязи и крови.

Автора все чаще посещают мистические богоиска-

тельные настроения, радость религиозного самоуничижения.

Постепенно поэт расстается со своими юношескими идеалами, его герой постоянно бичует себя за мнимые грехи, соблазнительные и поэтому страшные и особенно опасные.

Мировоззрение Донна порой остро противоречиво, и это находит свое отражение в образах его поэзии — хаотичных и гротескных.

Вот корабль, попавший в бурю, трясется, как больной лихорадкой; смерть словно приступ тошноты...

На склоне лет Донн в своих произведениях все больше тяготеет к стилю, близкому к барокко, который получил широкое развитие в западноевропейской литературе в конце XVI в. и особенно в XVII в. Вспомним хотя бы творчество Гонгоры и Кальдерона в Испании, Марино в Италии, А. Грифиуса в Германии и т. д.

«ПОЭТЫ-МЕТАФИЗИКИ»

Важно отметить, что образы и настроения поэзии, и даже проповедей Джона Донна оказали большое влияние на литературные круги 20—30-х годов XVII в. Под влиянием Донна возникла целая школа английской поэзии середины XVII в., которую иногда называли «школой остроумия», иногда — школой «поэтов-метафизиков».

Первое название возникло благодаря получившей в то время широкое распространение тенденции вводить в поэзию замысловатые и остроумные парадоксы и остроты. Иногда целое стихотворение строилось как какой-то развернутый афоризм.

Для «метафизической школы» характерна атмосфера мистицизма, поэтического самоуглубления и религиозных исканий. Представителями этой группы можно назвать Дж. Герберта (1593—1633), Г. Вогана (1622—1695), Р. Крешоу (1613—1649), Ф. Квэрлза (1592—1644).

Для «поэтов-метафизиков» природа — это храм или молебен. Земной деятельности, страстям и утехам они противопоставляли молитвенный экстаз, на-

пряженное созерцание. Их стихи — это нередко и есть поэтическая молитва или исповедь.

Показательно в этом отношении стихотворение Джорджа Герберта «Сущность»:

О Господи, мой грешный стих
Не пир, не сладостный напев,
Не милый абрис или штрих,
Не меч, не лютия и не хлев:

Он не испанец, не француз,
Он не скакун и не танцор,
Презрев забот житейских груз,
Он рвется на морской простор:

Не холст, не слов набор пустой,
Не биржа; он — мои крыла,
Он — способ пребывать с Тобой,
Тебе извечная хвала.

Впрочем, по мнению многих критиков, поэзия Герберта — плод насилия религиозного чувства над сопротивляющимся религии сознанием. В своем благочестии он не находит той благостной самоудовлетворенности, которую ему иногда приписывают.

В своей судьбе Герберт не испытал каких-то неожиданных поворотов, которые бы круто изменили ее. Он без проблем окончил уэстминстерскую школу, затем кембриджский колледж св. Троицы. В 1612 г. он получил степень бакалавра, а в 1616 — магистра и сан диакона. В 1630 г. он стал ректором Бемертона близ Сэйлсбери. Он очень любил музыку, умел играть на лютне, а прихожане называли его «святым мистером Гербертом».

Перед смертью он вспомнил о своих литературных опытах и завещал своему душеприказчику издать их, «если он полагает, что от того будет польза какой-нибудь заблудшей душе; если же нет, пусть сожжет их».

Вскоре после смерти Герберта вышел его сборник, который назывался «Храм». Он поразил современников своим поэтическим «усилием веры», а также «огненной четкостью» стиха. У Герберта тут же появилось много подражателей. И в XVII, и в XIX, да и в XX вв. особенно восхищали любителей и знатоков поэзии гербертовские ритмы — его ямб, действительно, очень разнообразен и гибок. Еще и сегодня ритми-

ка Герберта является предметом академического изучения.

Поэзия Ричарда Крешоу — это религиозное барокко, типичным выражением которого был выпретенный мистицизм. Современники называли его поэзию «мистическим пламенем».

Крешоу был сыном англиканского священника, рьяного сторонника пуританства. Сын не разделял взгляды отца и в конце концов стал католиком. В 1634 г. в Кембридже он получил степень бакалавра, а в самом начале гражданской войны, находясь на стороне роялистов, бежал на континент. В 1647 г. Крешоу стал приближенным кардинала Палотто. Через два года он умер, являясь папским бенефициарием при усыпальнице в Лоретто.

В 1634 г. вышла первая книга Крешоу, которая включала в себя латинские эпиграммы. Через четыре года появился его поэтический сборник «Ступени к храму», название которого перекликается с названием книги Герберта «Храм». Схожесть названий этих сборников неслучайна. Всем своим творчеством Крешоу пытался уподобиться Герберту, хотя их поэтические манеры мало что связывает. Крешоу писал пышным слогом, порывисто, что иногда приводило к бессвязности строк. Если его и можно с кем-то сравнивать, то в первую очередь с итальянскими маринистами. Впрочем, он никогда не стремился к приему ради приема, о чем свидетельствует хотя бы стихотворение с длинным названием (пожалуй, одним из самых длинных в истории мировой поэзии) «Гимн во славу и во имя восхитительной святой Терезы, основательницы Реформации среди босоногих кармелитов, мужчин и женщин, женщины ангельского полета мысли, мужества, более достойного мужчины, чем женщины, женщины, которая еще ребенком достигла зрелости и решила стать мученицей»:

Любовь вершит судьбу людей,
И жизнь и смерть подвластны ей.
И вот, чтоб это доказать,
Возьмем не тех, в ком рост и стать,
Не тех, кому ценою мук
Принять корову в лоно рук
И божье имя в смертный час
Прозвнест без лишних фраз,
Не тех, чья грудь как трон любви,

В поту омытой и крови;
Нет, мы возьмем пример иной,
Где храм воздушный, неземной
В душе у девочки возник,
Где юной нежности родник...
Любовь со смертью — два крыла,
Но где ей знать — она мала, —
Что ей пролить придется кровь,
Чтоб проявить свою любовь,
Хоть кровью, что должна истечь,
Не обогреть виновный меч!..
Любовь у девочки в душе!
Как жарко бьется кровь уже
Желаньем смерти и страстей!
Ей — кубок с тысячью смертей.
Дитя пылает, как пожар,
Грудь слабую сжигает жар,
И ласки, что ей дарит мать,
Никак не могут страсть унять.
Коль дома ей покоя нет,
То ей мирской оставь свет
И в мученичество уйди,
И нет иного ей пути.

Как нетрудно заметить из этого стихотворения, неуклюжие вычурности соседствуют в нем с неоспоримыми поэтическими находками.

Уже после смерти Крешоу, в 1652 г., вышел его поэтический сборник «Песнь Господу Нашему», который вместе с книгой стихов «Ступени к храму» включает всю его англоязычную лирику.

Генри Воган был уроженцем Уэльса, чем очень гордился и даже подписывался под своими произведениями «Силуриец». (Силурия — римское наименование Уэльса). Будущий поэт учился в Оксфорде. Отец мечтал, чтобы его сын стал правоведом, но этому помешала гражданская война. Воган отправился домой, всерьез занялся медициной и стал сельским врачом.

В 1646 г. вышел первый стихотворный сборник Вогана. В нем еще были произведения светского содержания. Но уже через несколько лет поэт выпускает сборник религиозной лирики «Кремень искросыплющий», который своими основными мотивами перекликается с уже известным «Храмом» Герберта:

Всю ночь со свистом буря продувала
Твой нищий дом, где вместо одеяла
Крылом ты прикрывался. Дождь и град

(Который и для наших крупноват
Голов) всю ночь по прутьям барабанил
И только чудом не убил, не ранил.

Но снова счастлив ты, и в упоенье
Слагаешь гимн благому Провиденью,
Чьей мощной дланью ветер усмирен,
А ты — живым и здравым сохранен.
И все, кому урок пришелся внове,
Сливаются с тобой в хор славословий...

«Птица»

Основная идея поэзии Вогана — гармония жизни духа с жизнью природы. Его стихи также полны гармонии и поражают свежестью поэтического мировосприятия. Кстати, нужно отметить, что почти все они написаны Воганом в молодости, поскольку последние сорок лет своей жизни он почти не возвращался к литературному занятию.

ЛИТЕРАТУРА 20—30-Х ГОДОВ

В связи с упадком английской ренессанской культуры литература начала искать новые пути для своего самовыражения. Это в полной мере касается и драматургии.

Среди наиболее известных английских драматургов 20—30-х годов XVII в. можно назвать Френсиса Бомонта (ок. 1584—1616) и Джона Флетчера (1579—1625), которые являлись не только оригинальными поэтами и признанными мастерами сюжета, но также немало сделали для разработки литературного языка.

Язык Флетчера тонко передает различные сложные психологические оттенки, он сознательно очищен от варваризмов, вульгарных выражений.

Флетчер был любимцем светской публики, для которой он написал немало масок и комедий. Среди наиболее известных его произведений можно выделить трагикомедии «Ум без денег», «Мосье Томас», «Как управлять женой» и др.

Но он был не только блестящим комедиографом, но также и сатириком, о чем, например, свидетельствует его пьеса, написанная в соавторстве с Бомонтом, «Трагедия девушки», в которой весьма крити-

чески изображен двор и высшие круги общества.

Любопытно отметить, что несколько своих пьес Флетчер написал в соавторстве с другими драматургами (в том числе 7 пьес с уже упоминавшимся Бомонтом), среди которых был У. Шекспир («Два знатных родича» и, возможно, «Генрих VIII»).

Бомонт, как и Флетчер, также являлся зачинателем жанра трагикомедии в английской литературе. Из его наиболее известных произведений назовем комедию «Женоненавистник», а также трагикомедии, написанные в соавторстве с Флетчером, «Филастр», «Король и не король» и др.

Среди других английских драматургов, появившихся на литературном небосклоне в предреволюционные годы, нельзя не отметить создателей «трагедий ужасов» Джона Марстона (1575—1634) («Не насытная графиня», «Мечь Антонио»), Джона Вебстера (1580?—1625?) («Белый дьявол, или Виттория Коромбона»), Томаса Мидлтона (1580—1627) («Женщины, берегитесь женщин»).

Пьеса «Женщины, берегитесь женщин», опубликованная только в 1657 г., стала апофеозом трагедии ужасов. В ее финале на сцене театра показана картина придворного празднества, во время которого придворные клики поражают друг друга самыми неожиданными ударами: нектар из чаши Ганимеда оказывается ядом, стрелы Купидона — отравленными, а ароматическое курение — смертельной отравой.

Безвыходный трагизм, греховность земной жизни мы без труда находим в драмах Джона Форда (1586 — ок. 1640). В его драме «Как жаль ее развратницей назвать» гибнут два главных героя — брат и сестра, которые полюбили друг друга. В драме «Разбитое сердце» убит юный спартаец Этеокл, из-за которого умерла его сестра. Следом за Этеоклом умирает и его невеста Каланта.

Вместе с тем в драмах Форда нельзя не заметить стремление автора к идеализации в изображении знати — как итальянской, так и «спартанской». В персонажах без труда усматриваются образы «кавалеров» и дам с чертами возрождающейся куртуазности.

Одним из самых популярных драматургов придворной и частной сцены начала столетия был Джемс Шерли (1596—1666). Его светские комедии были сде-

ланы с большим знанием законов сцены, хотя можно говорить и об их некоторой «легковесности».

В это время к театру обращаются и молодые поэты. Например, Джон Саклинг начал разрабатывать жанр трагикомедии, прозванный зрителями «трагедия с благополучным окончанием».

Поэтом-лауреатом королевского двора стал Уильям Давенант, сын оксфордского трактирщика.

Постепенно на смену шекспировским темам и характерам приходит искусство внешних эффектов, надуманных характеров, сложных сюжетов, нереальных, но вместе с тем захватывающих ситуаций. Все чаще действие драматических произведений переносится в какие-то фантастические страны, которые напоминают о сказочной географии испанского театра.

Среди прозаиков, творивших в этот период на уровне английской литературы, выделяется шотландец Дж. Барклай. Особенно известен был его роман «Аргенида», явившийся первым в длинной серии политических романов, которые воспевали идеологию абсолютизма.

Аристократическая созерцательность характерна для прозы известных английских эссеистов начала века — лорда Т. Овербери и Дж. Стивенса.

Отход от традиций Ренессанса характерен и для произведений группы придворных поэтов, названных английскими критиками «поэтами-«кавалерами» или «каролинцами», так как направление их поэзии наибольшие плоды принесло во время правления в стране Карла I Стюарта.

Один из них — Томас Керью (1595—1639). Он учился в Оксфорде и получил степень бакалавра. Затем некоторое время изучал право, потом состоял при посольствах в Венеции, Гааге, Париже. Венцом его карьеры была служба при короле Карле I. Он являлся мажордомом. В этой должности он и умер.

О ловкости, остроумии и донжуанстве Керью по Лондону ходили анекдоты. Его стихи, иногда изысканно-серьезные, иногда изысканно-эротичные, элегантные и мелодичные часто слушала придворная публика.

Стихи Керью были как бы «загримированы» под античность. Они наполнены условными чувствами и отношениями. Обращаясь к теме природы, он как бы

занимался перечислением драгоценных камней и металлов, а его любовная лирика полна точных эмоций. Хотя, по мнению некоторых исследователей творчества Керью, в этой точности есть и некоторая вымученность:

Не вопрошай, откуда нес
В июле я охапку роз.
В саду восточной красоты —
В самой себе их множишь ты.

Не вопрошай, где золотой
Крупинок солнца вьется рой,
Упав с надоблачных орбит, —
Им шелк волос твоих горит.

Не вопрошай, зачем с ветвей,
К кому слетает соловей.
Он ищет для своих рулад
То, чем твой голос так богат.

Не вопрошай, зачем, куда,
Откуда падает звезда.
Спроси глаза — в твоих глазах
И звезд не счесть, как в небесах.

Не вопрошай, в краю каком
Пред смертью Феникс вьет свой дом.
В благоухающую грудь
К тебе летит он, чтоб уснуть.

«Песня»

Поэзия Керью была очень типична для своего времени. Определить ее можно словами «куртуазное барокко».

Впервые стихи поэта были собраны и опубликованы через год после его кончины — в 1640 г.

Его перу тоже принадлежит пьеса-маска «Британские небеса».

Во многом схожие настроения мы находим и у другого английского поэта начала XVII в. Джона Саклинга (1609—1642). В них — увлеченное описание придворных праздников, родной природы. Сельскую идиллию Саклинг противопоставляет условностям и этикету.

На придворной сцене пользовались популярностью и пьесы Саклинга — особенно «Бренноральт» и «Аглаура».

К совершенно другим темам нередко обращаются

поэты, чье творчество начало развиваться накануне или во время гражданской войны. Кстати, многие из них сами принимали участие в этой войне, примкнув к лагерю короля.

Одним из таких поэтов был Ричард Лавлейс (1618—1658), для творчества которого характерна манерность, салонная изысканность, поза джентльмена.

«Поэты-«кавалеры» писали не только романсы, в которых рассказывали о своей нелегкой ноше или прощались со своими любимыми, но и стихи, направленные против «круглоголовых».

В это время набирает силу поэзия пуритан, сторонников антифеодальной оппозиции. Среди них, несомненно, выделяется творчество талантливого сатирика Джорджа Уизера и братьев Флетчеров, сторонников ученой аллегорической поэзии.

В первые десятилетия XVII в. продолжалась творческая деятельность одного из самых известных английских драматургов и теоретиков драмы Бена Джонсона (1573?—1637), в чьей пьесе «У всякого своя причуда», поставленной в 1597 г., играл сам У. Шекспир. Именно на эти годы приходится пик славы Джонсона-драматурга, особенно у просвещенной части публики.

Свои творческие позиции Джонсон определил еще в самом начале века в комедии «Лжепоэт», в которой он выступил против своих современников Марстона и Деккера, авторов, которые, по мнению Джонсона, профанируют высокое призвание драматурга. Невежественному и пошлому искусству Джонсон противопоставляет эстетическую концепцию, в которой заметны предклассицистские устремления.

О своем понятии искусства Джонсон сказал в циклах эссе «Открытия» и «Беседы».

«Мы прежде всего требуем от писателя начитанности и прилежания», — говорил Джонсон. Под образованностью великий драматург прежде всего понимал знакомство с античными писателями, поскольку оно «побуждает к литературному творчеству». Вместе с тем, считал Джонсон, «не следует опираться исключительно на авторитет древних». «Каждому их замечанию мы сможем противопоставить результаты собственного опыта», а значит, «не следует навсегда

отрепиться от себя самого и пребывать, таким образом, в рабстве».

Интересно учение Джонсона о «юморах» — настроениях, которые воплощены в литературных персонажах. Чем больше писатель может показать «юморов», т. е. различных настроений человека, тем лучше. Свое понимание «юмора» Джонсон уточняет в комедии «Каждый вне себя»:

...но мы можем
Путем метафоры расширить это
До общего устройства человека
Когда одна-единственная страсть
Так сильно овладеет человеком,
Что все его желанья, чувства, мысли
В один поток сливает неразлучно,
Мы можем говорить о «настроеньях».

Театральную сцену Джонсон сравнивал с зеркалом, в котором он стремился показать «уродство века нашего»:

...и будет
Показан мускул каждый, каждый нерв
С упорным мужеством, без лести и без страха.

Действительно, все творчество Джонсона было направлено на отражение действительности, какой бы неприглядной она ни была. Это касается его комедий «Вольпоне», «Эписин», «Алхимик», «Ярмарка в день св. Варфоломея».

В своих произведениях автор не сторонний наблюдатель, он обличитель «без лести и без страха». В комедии «Кипа новостей» он высмеивает лондонских сплетников, которые водят за нос доверяющих им простаков. В комедии «Дьявол в дурацком положении» он высмеивает лондонских буржуазных дельцов, которых обуяла страсть к прожектерству.

Джонсон стремился показать действительность во всей ее полноте, иногда даже прибегая к помощи памфлетов и политических трактатов.

Впрочем, одно из его последних произведений — «безобидная» пастораль «Печальный пастух», работу над которой прервала смерть драматурга. В ней Джонсон взялся за обработку одного из сюжетов о Робин Гуде.

Классические черты свойственны и творчеству Фи-

липпа Мессинджера (1583—1640). В его произведениях, особенно в трагедии «Римский актер», мы обнаруживаем протест против тирании, против произвола и насилия. Любимец публики — великий римский актер противопоставляется императору Доминициану, тирану, для написания образа которого Мессинджер не жалеет темных и серых красок.

Большую известность снискали и бытовые комедии Мессинджера — «Мадам из Сити», «Новый способ платить старые долги». В них драматург обличает ханжество, скупость, лицемерие лондонских толстошумов и дельцов. Он рисует точную картину английского общества накануне революции.

В первой половине XVII в. развивалось творчество и видного английского поэта Роберта Геррика (1591—1674), ученика Бена Джонсона.

Геррик учился в Кембридже. В 1617 г. он стал бакалавром, а в 1620 г. уже был магистром. В 1620—1629 гг. он жил в Лондоне, ведя рассеянный образ жизни. Здесь за ним закрепилась репутация «поэта-кавалера» — мастера эпитафий и анакреонтического лирика. Затем Геррик стал священником и получил приход в сельской глуши, что оказало немалое влияние и на его творчество. В нем поэт все чаще обращается к природе, описывая ее в своих идиллически-пасторальных стихах.

В 1640 г. должен был выйти сборник стихов Геррика под названием «Тень возлюбленной». Однако книга появилась лишь спустя восемь лет, после того Геррик, человек, который славился легкостью характера, был изгнан из прихода пуританами. Правда, теперь уже книга называлась «Геспериды: сочинения светские и божественные». Оканчивалась гражданская война, время было не совсем удачное для популяризации стихов, и книга Геррика прошла практически незамеченной, хотя многие стихи поэта появлялись в различных альманахах и песенниках. В них вы не найдете сложности чувств или глубоких мыслей, но они подкупают своим светом и неистощимым юмором, легкостью и тонкостью:

Как часто нам пленяет взор
Небрежно-женственный убор!
Батист, открывший прелесть плеч,
Умеет взгляд к себе привлечь;

Из кружев, сбившихся чуть-чуть,
Мелькнет корсаж, стянувший грудь,
Из-под расстегнутых манжет
Оборка выбьется на свет,
И юбок пышная волна
Под платьем дерзостно видна,
А распутившийся шнурок —
Для глаза сладостный намек.
По мне, так это во сто крат
Милей, чем щегольский наряд.

«Пленительность беспорядка»

Это стихотворение — как бы иллюстрация к собранию стихов Геррика: на первый взгляд беспорядочному, прихотливо-контрастному, а на самом деле хорошо продуманному.

В 1662 г. Геррику возвратили его приход. Там он и прожил до конца своих дней. И даже на склоне лет он не расставался с творчеством, о чем свидетельствует его поэтический шедевр «Прощание мистера Роберта Геррика с поэзией», стихотворение, полное мучительной любви к той, кому он верой и правдой служил всю свою жизнь. Очень удачно Геррик выбрал форму своего произведения. Он обращается к поэзии, словно к любимой женщине, и это только усиливает чувственное восприятие стихотворения:

...Ступай же; нет, постой,
Ты слышишь речь, рожденную тоской,
Ты видишь лоб, тоской изборожденный,—
О, не таков ли на смерть осужденный,
Когда в слезах, печалься о былых
И небывалых радостях земных,
С товарищами он бредет куда-то,
Откуда человеку нет возврата.
И Менестрель такой же бросил взгляд
На Эвридику, шедшую сквозь ад,
Каким тебя я в каждое мгновенье
Слежу с явленья до исчезновенья,
Каким вопще зываю о любви
И жажду удержать черты твои.

После смерти Геррика о нем быстро забыли, и поэзию его открыли заново уже в конце XVIII в., а в XIX в. он прочно занял место в одном ряду с другими классиками английской литературы. Любопытно, что в Уэбстеровском словаре, изданном в 1949 г., «Геспериды» Геррика названы в числе ста книг, которые

рекомендовано спасти во время нового всемирного потопа, что уже говорит о многом.

Среди других английских писателей, которые в своем творчестве не порывали с традициями Ренессанса, стоит назвать Роберта Бертона (1576—1640). Однако из самых известных его произведений — «Анатомия Меланхолии», написанное в 1621 г. Это очень своеобразное сочинение, в котором мы обнаруживаем черты трактата, дневника, эссе, а также стихи.

Бертон отстаивает принципы рационализма, здравого скепсиса, пропагандирует культ знаний, и все это он противопоставляет тем кризисным настроениям, которые в это время были распространены среди английских гуманистов.

Меланхолия — это стремление к уединению, изолированности от светской жизни, шума и споров, уединению, где можно заняться трудом, который открывает перед человеком все сокровищницы знаний.

ЛИТЕРАТУРА АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В годы Английской революции было немало писателей, которые в своих произведениях хотели запечатлеть этот сложный этап в истории страны.

На обострение политической борьбы первым отозвалось проповедническое искусство. Все более воинственные проповеди велись как из лагеря приверженцев короля, так и из лагеря приверженцев парламента.

2 октября 1642 г. парламент принял декрет, согласно которому под предлогом особого политического положения в Англии и Ирландии запрещались «публичные сценические представления». Вскоре последовало еще несколько декретов, которые по сути расширяли и уточняли действие первого.

Началось беспощадное преследование всех, кто был связан со «сценическими представлениями», — актеров, организаторов театральных зрелищ, иногда и самих зрителей. Следить за выполнением этих декретов было поручено церкви.

В это время при политических кругах во Франции

возникает эмигрантский литературный салон, который позже сплотился вокруг овдовевшей королевы Генриетты и ее старшего сына принца Карла, ставшего впоследствии английским королем Карлом II.

Наиболее известные представители английской эмигрантской литературы — У. Давенант, Т. Гоббс, А. Каули, хотя, по большому счету, она не стала заметным явлением в английской литературе вообще.

Правда, определенный интерес представляет собой дискуссия между Давенантом и Гоббсом, которая касалась вопросов поэтики. Давенант отстаивал принципы барокко, в то время как Гоббс был приверженцем школы классицизма.

Ведущим литературным жанром в Англии в период революции стала, по понятным причинам, публицистика, одновременно выполнявшая функции и других литературных жанров. Один за другим в печати появлялись различные «трактаты», «беседы», «защиты», «призывы». Название этих жанров зачастую напрямую зависело от того, каких политических убеждений придерживается автор.

40—50-е годы поразили публику появлением в стране большого количества печатных органов. Традиционное для прессы в XVII в. название «Меркурий» (т. е. «вестник») стало так широко эксплуатироваться, что уже воспринималось просто в смысле «журнал» или «газета». Стали выходить «Британский Меркурий», «Политический Меркурий», «Гражданский Меркурий».

Самыми яркими публицистами в революционное время были Джон Лильберн, Джерард Уинстэнли и Джон Мильтон, который, кстати, некоторое время являлся редактором «Политического Меркурия».

Как известно, революции — не самое благодатное время для расцвета поэзии, и все же именно на 1640—50-е годы приходится написание самых ярких, хрестоматийных стихов последнего, немного запоздалого «поэта-метафизика» Эндью Марвелла (1621—1678). Он окончил школу в Гулле и Кембриджский университет, получил степень бакалавра. Вначале служил клерком, потом был домашним учителем дочери генерала-республиканца Фэрфакса, чья усадьба славились роскошными садами и что, вероятно, вдохновило поэта на написание многих стихов о природе (в одном

своим стихотворении, например, он писал: «Нет жизни сладостней садовой; Тут, что ни шаг, подарок новый: То яблоневый камнепад, То виноградец-виноград, То нектарин, зовущий руку. Здесь счастье познавать науку!»).

В 1657 г. Марвелл становится помощником Мильтона, тогдашнего латинского секретаря правительства Кромвеля. Через два года он избирается в парламент, оставаясь его членом и после реставрации Стюартов — до самой своей смерти (по мнению некоторых исследователей — насильственной).

Марвелл написал немало острополирических стихов, за что снискал славу непримиримого врага Карла II. Однако не они сегодня вспоминаются в первую очередь, когда речь заходит об этом поэте. Вспоминаются стихи, написанные в 40—50-е годы, наполненные светом и любовью:

Чудно Любви моей начало
И сети, что она сплела:
Ее Отчаянье зачало
И Невозможность родила.

Отчаянье в своих щедротах
В такую взмыло высоту,
Что у Надежды желторотой
Застыли крылья на лету.

И все же Цели той, единой,
Я, верится, достичь бы мог,
Не преграждай железным клином
К ней каждый раз пути мне — Рок...

«Определение любви»

Ранняя лирика Марвелла необычайно свежа и самобытна. Со временем индивидуальная поэтическая эволюция привела Марвелла от маньеризма к классицизму. Поэт все больше стремится к упрощению стиха и экономии формальных средств, почти неизменно пользуясь смежной рифмой («героическим куплетом»). В то же время он все меньше придает значения строфической организации стиха.

Собрание сочинений Марвелла под названием «Разные стихи» появилось уже после смерти поэта, в 1681 г.

В период Реставрации с наибольшей полнотой раскрылся талант Уильяма Давенанта. Он являлся сыном оксфордского трактирщика, хотя убеждал всех, что его отец — Шекспир. Еще в самый канун революции светская лондонская публика обратила внимание на его пьесы, которые в театрах ставились с большим успехом.

Во время революции Давенант стал одним из первых эмигрантов, затем он попал в войско короля, где не преминул отличиться, за что из рук Карла I получил золотые шпоры и рыцарское достоинство.

Затем в эмиграции Давенант получил назначение губернатора острова Барбадос, но, увы, по дороге попал в руки солдат Кромвеля и был отправлен в тюрьму. Впрочем, и в тюрьме Давенант не терял зря времени и написал поэму «Гондидерт», в которой восхвалял мудрого героя, что мечтал о могучем государстве. Этот герой чем-то очень напоминал Кромвеля, что, вероятно, и позволило Давенанту выбраться из тюрьмы. Вскоре он возвращается в Англию и снова приступает к литературной деятельности.

Давенант стал тем драматургом, с чьим именем связано возрождение английского театра. Несмотря на то, что еще действовал декрет парламента, который запрещал театральные постановки, Давенанту все же удалось добиться разрешения поставить свою музыкальную драму «Осада Родоса». Произошло это событие в 1656 г., а в 1660 г. драматург становится директором первого восстановленного лондонского театра.

Характерной чертой пьес Давенанта — «Альбоин», «Любовь и честь», «Осада Родоса» и др. — является то, что в них господствует рок, случай. Они довольно увлекательны и дают актеру большие возможности для самовыражения.

Опыт Давенанта не остался невостребованным другими драматургами. В первую очередь это касается модных в то время авторов Натаниэля Ли (1653?—1692) и Томаса Отвея (1652—1685). В своем творчестве они использовали большие трагические характеры и важные исторические события.

Так, например, Ли являлся автором трагедий «Не-

рон» и «Люций Юний Брут», посвященным античной истории.

Отвей создал эпическую работу «Спасенная Венеция».

В это время качественно преобразовывается английский театр. Уже стало возможным говорить о новых режиссерских концепциях, об актерских школах. Стали появляться смешанные программы, где драматическое представление постепенно приближалось к оперному, где все большая роль отводилась балетным номерам. Качественно изменился и репертуар театров. Даже грубоватые комедии пытались «делать» под образованных зрителей — с помощью различных острот и допустимых вольностей.

В моду начали входить домашние театры, которые создавались во дворцах вельмож.

Одной из самых прославленных английских актрис этого времени стала Нелли Гвинн, которая пользовалась большой популярностью у публики.

ДЖОН ДРАЙДЕН

Творчество Джона Драйдена (1631—1700), поэта, драматурга и критика, вполне заслуживает того, чтобы остановиться на нем несколько подробнее. Немаловажно отметить, что английский поэт и критик XX в. Т. С. Элиот считал Драйдена лучшим английским поэтом XVII в., противопоставляя его Шекспиру и Мильтону. Это утверждение, конечно, нельзя считать бесспорным, но о личности Драйдена оно, конечно же, говорит немало.

Драйден окончил Кембридж, после чего посвятил всего себя литературной деятельности. Пожалуй, не было ни одной литературной, политической или религиозной распри, в которой бы он не принял участия. Вначале он являлся поклонником Кромвеля, но затем не одну оду посвятил Стюартам. Вначале он был англиканцем, но впоследствии стал католиком.

Пик славы Драйдена приходится на годы Реставрации. Он стал первым поэтом-лауреатом, первым придворным драматургом и первым официальным историографом.

Однако когда в 1688 г. на престол вступила ганноверская династия, Драйден отказался ее признать, за что жестоко поплатился. Последние десять лет своей жизни он провел в нужде, хотя литературный авторитет его был по-прежнему очень высок.

Драйден первый из английских писателей проявил большой творческий интерес к национальной английской традиции. Вместе с тем, он видел и большие возможности в поэтике классицизма.

Вопросам поэтики он посвятил немало своих работ — трактатов, эссе, рифмованных прологов к своим пьесам, в предисловиях к ним, — которые занимают очень важную часть наследия писателя.

В 1668 г. он опубликовал «Опыт о драматической поэзии», в котором показал свое преклонение перед эстетикой барокко и нормативной поэтикой классицизма.

В 1672 г. появляется его «Опыт о современной драматической поэзии». В нем он ратует за чистоту стиля, правильность литературной речи. Здесь еще больше проявились симпатии Драйдена к классицизму.

Затем появились его «Опыт о героической драме», «Основы критики трагедии», а в 1680 г. он издает свободный перевод «Поэтического искусства Буало», поклонником которого он был.

Драйден заявил о себе как об авторитетном ценителе английской драматургической традиции. В «Опыте о драматической поэзии» он говорил, что в Шекспире «быть может, была самая всеобъемлющая и понимающая душа. Все явления природы были открыты ему, и он их изображал без усилия и с успехом». А сопоставляя Шекспира и Джонсона, Драйден отмечал: «Сравнивая его (Джонсона) с Шекспиром, я должен признать, что язык его правильнее, но Шекспир талантливее, Шекспир был Гомером, или отцом наших драматических поэтов, а Джонсон был Вергилием — образцом обработанного писания, и перед ним я преклоняюсь, но Шекспир мне дороже».

В начале своего творческого пути Драйден был известен в качестве оригинального поэта. В 1658 г. в «Героических стансах на смерть Оливера Кромвеля» он воспел усопшего героя, но уже через два года выступил с поэмой «Астрея Рэдукс» — «На счастли-

вое восстановление и возвращение его священного величества Карла II». Были у него и стихи, посвященные представителям придворной знати, кстати, не лишённые художественных достоинств.

Кроме того, Драйден известен и как автор оригинальных стихов, посвященных любовной теме:

Я вольным был, обрел покой,
Покончил счеты с красотой;
Но сердца влюбчивого жар
Искал все новых Властных Чар.

Едва спустилась ты в наш Дол,
Я вновь Владычицу обрел.
В душе царить ты без помех,
И цепь прочнее прежних всех.

Улыбка нежная сильней,
Чем Армия Страны твоей;
Войска легко мы отразим,
Коль не хотим сдаваться им.

Но глаз дурманящая тьма!
Увидеть их — сойти с ума.
Приходишь ты — мы пленены.
Уходишь — жизни лишены.

«Прекрасная незнакомка»

Для поэзии Драйдена характерны легкость и изящность, мелодическое разнообразие.

С особой силой его талант раскрылся в поэме «Удивительный год». В ней художник описал события 1666 г. — чуму, опустошенный Лондон, пожар в городе, поражение в войне с Голландией. Поэма полна трагических нот. Во всех этих событиях Драйден видит вмешательство какой-то сверхъестественной силы, провидения, которое карает англичан за их гордыню.

К концу 60-х годов имя Драйдена становится прочно связанным с английским театром. Среди самых известных его пьес — «Индийский император, или Завоевание Мексики испанцами», «Тайная любовь, или Королева-девственница», «Резня в Амбоине, или Голландские зверства», «Аурангзеб», «Герцог Гиз», «Дон Себастьян» и некоторые другие.

В пьесах Драйдена нашли свое отражение самые разные события европейской истории — борьба испанцев с маврами, колониальные завоевания в Евро-

пе, борьба за французский престол и т. п. Большинство героев драматурга находятся во власти страстей, и в этом познают свое счастье. Они созданы рукой тонкого и психологически наблюдательного человека, и их никогда не спутаешь одного с другим, они запоминаются читателю или зрителю своими неповторимыми, только им присущими чертами.

Изысканность и возвышенность чувств героев Драйдена позволяют сравнить стилистику его творений со стилистикой французского прециозного романа. Его драмы носят светский, салонный характер и, необходимо отметить, они пользовались большой популярностью у зрителей благодаря лихо закрученным любовным и авантурным сценам, благодаря стилистически выверенным и отточенным стихам — как правило, он использовал пятистопный «героический» стих.

Вместе с тем, необходимо отметить, что его персонажи нередко чересчур идеализированы, манерны, а те или иные исторические события показаны поверхностно. Впрочем, в драмах Драйдена мы все же чувствуем дух эпохи, обнаруживаем ее характерные черты.

Несколько иначе выглядят комедии Драйдена. Это своеобразные зарисовки английского быта второй половины XVII в. с легко узнаваемым национальным колоритом характеров и ситуаций. Среди наиболее популярных его комедий можно выделить «Дикого любовника» и «Модный брак», уже сами названия которых немало говорят о их содержании.

В своих произведениях Драйден показал себя не только тонким юмористом, но и острым сатириком. Нельзя не отметить его злободневной «Сатиры на голландцев», направленной против «народа торгашей», а также некоторых стихотворных повестей, в которых довольно полно раскрывается сатирический талант автора, и, кроме того, переводов латинских сатир Персия и Ювенала.

Не зря ведь уже упоминавшийся выше Т. С. Элиот называл Драйдена «мастером презрения». Это его мастерство в полной мере сказалось в сатирической поэме «Мак-Флекно». В этом произведении под именем малоизвестного поэта Мака-Флекно высмеян поэт и драматург Томас Шедуэлл (1640—1692), литера-

тор-пуританин, политический враг Драйдена. О цели поэмы говорит уже ее подзаголовок — «сатира на подлинного протестантского поэта». Автор одну за другой выпускает ядовитые стрелы в своего противника, и они неизменно достигают своей цели благодаря неоспоримому таланту их создателя.

«Издrevле род людской подвержен глeнью.
Послушен и монарх судьбы велeнью», —
Так мысли Флекно. Долго правил он,
Взойдя, как Август, в юности на трон.
Себе и прозой и стихами славу
Он в царстве Глупости снискал по праву
И дожил до седия, из года в год
Приумножая свой обширный род.
Трудами утомлен, бразды правленья
Он вздумал передать без промедленья:
«Из чад своих престол вручу тому,
Кто объявил навек войну уму», —

так начинается поэма «Мак-Флекно», и в этом же духе она выдержана до самого финала.

Смесь политической и сатирической поэзии являются большие поэмы Драйдена «Авессалом и Ахитофель» и «Лань и пантера», посвященные монархии.

К концу столетия, после второго изгнания Стюартов из страны, Драйден стал писать значительно меньше. Из-под его пера выходит цикл пьес, посвященных преданиям о короле Артуре и средневековой Англии. Однако последние драматургические работы мастера не идут ни в какое сравнение с его ранними произведениями.

КОМЕДИЯ РЕСТАВРАЦИИ

Понятие «комедия Реставрации», широко используемое в литературоведении, не совсем точно, поскольку объединяет в себе произведения, написанные не только в этот период, но и несколько позже — в конце столетия.

Необходимо также отметить, что в период реставрационной монархии Стюартов многие видные драматурги — У. Уичерли, Дж. Фаркер, У. Конгрив, Дж. Ванбру и др. — только входили в литературу и плодотворно работали в ней и в XVIII в.

В 1660 г. комедия заполонила английский театр. Каждый мало-мальски известный драматург считал чуть ли не своим долгом хотя бы раз высмеять пуритан и их обычаи, показать в неприглядном виде жизнь англичан, когда страна была республикой. Одна за другой появлялись новые комедии — «Охвостье, или Зерцало недавних лет» Тэзема, «Комитет» Р. Говарда, «Политики из Сити» Кроуна.

Вряд ли об этих, как и о некоторых других, комедиях скажешь, что они стали значительным событием в английской драматургии, но, с другой стороны, нельзя не сказать, что они остроумны и злободневны для своего времени.

Параллельно с политической комедией в этот период в Англии развивалась и галантная комедия, которая выступала за свободные нравы и против пуританской морали.

Наибольших успехов, пожалуй, в этом жанре добился Джордж Этеридж (1635?—1692). Явной популярностью у зрителей пользовались постановки его комедий «Комическая месть», «Она хотела бы, если бы могла», «Модный мужчина» и др. В этих произведениях, как правило, очень увлекательный сюжет, показаны самые неожиданные любовные ситуации и даже малопрстойные выходки, направленные против пуританской морали.

Среди молодых авторов, чье творчество началось после 1660 г., был Уильям Уичерли (1640?—1716). Свою юность он провел в эмиграции, потом стал офицером королевского флота, служил при дворе. Его постоянно можно было видеть в светских салонах, близких королевской семье, где он находил сюжеты для своих будущих произведений.

Первая его комедия «Любовь в лесу» была создана в 1672 г. и имела определенный успех. Забавный сюжет, тонкое сочетание юмора и сатиры, великолепное знание обыденной жизни тех слоев общества, о которых он писал, — все способствовало этому. Причем, автор не боялся выдать лишнюю порцию сатиры, показывая, как нередко разврат выдается за любовь, эгоизм — за житейскую мудрость, безразличие и бездушие — за хорошее воспитание. Привлекали зрителей в комедии Уичерли и пикантные передевания, натуралистические сцены.

Вскоре появляются новые комедии драматурга — «Учитель танцев» и «Усадебная жена». Действие последней из них происходит в богатой усадьбе и изобилует с бесконечными любовными забавами и кутежами. Искрометный юмор, неожиданные повороты сюжетной линии не оставляют равнодушным к ней никого из зрителей.

Впрочем, писал Уичерли и комедии несколько другого плана. Так, например, героем одной из них, которая называлась «Истинный друг», являлся старый капитан Мэнли, проходящий сквозь многочисленные жизненные неурядицы. Его обманывают различные негодяи, которым он раньше верил. Те же, кого он, наоборот, в свое время недооценивал, приходят ему на помощь.

Конечно, и в этой комедии не обошлось без натуралистических сцен, переодеваний и малопрстойных выражений, которые, тем не менее, ни в коем случае не перечеркивают ее несомненные достоинства.

В своих комедиях Уичерли выступал против наживы любым способом, против пошлости и низости, глядя на своих героев ироничным взглядом.

В конце XVII века начинал свое творчество и другой популярный английский драматург Уильям Конгрив (1670—1721). Наиболее известные его комедии — «Старый холостяк», «Двойная игра», «Любовь за любовь», «Так поступают в свете». Любовь не только прекрасна, но она также может вызывать в человеке различные низменные чувства — эгоизм, стяжательство, пошлость, считает драматург.

Кроме того, Конгрив писал и трагедии («Невеста в трауре»), также он автор романа «Инкогнита», од, переводов из Гомера и Овидия.

В 1698 г. появляется комедия «Любовь и бутылка» Дж. Фаркера (1678—1707), имевшая большой успех на театральных подмостках. Сексуальное возбуждение и алкогольное опьянение — соединяя эти два состояния человека в одно целое, автор находит немало забавных ситуаций, которые не позволяют публике скучать на протяжении всего спектакля. Но развеселить публику — не единственная задача драматурга. Он обращает ее внимание на многочисленные пороки общества, которые не так уж и безобидны, как это может показаться на первый взгляд.

Кроме «Любви и бутылки», Фаркер прославился своими комедиями «Верная чета», «Сэр Гарри Уайльдер», «Близнецы-соперники», «Офицер-вербовщик», и др.

Таким образом, английская комедия конца XVII в. дала довольно полную и разностороннюю характеристику общества в условиях реставрированной монархии Стюартов. Нередко эта характеристика заставляла делать не очень радужные выводы.

РОМАН ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

Во второй половине XVII в. жанр романа в английской литературе занимает все более важные позиции. Правда, в значительной степени его развитие происходило за счет переводов с французского, итальянского и испанского языков. Еще во времена республики в Англии стали известны и популярны романы Де Гомбервиля, Ла Кальпренеда, Мадлен де Скюдери.

В 1655 г., в подражение им, появляется оригинальный прециозно-рыцарский роман на английском языке — «Партенисса» Р. Бойля. Он посвящен приключениям парфянского принца Артабана и царственного араба Сурена, спорящих из-за любви прекрасной Партениссы, дочери храброго полководца.

Вообще же, прециозная литература (т. е. «драгоценная», «изысканная») появилась в XVII в. Это было элитарно-аристократическое направление в литературе французского барокко, родственное итальянскому маринизму и испанскому гонгоризму. Связано оно было с прециозностью — культурным и общественным движением, для которого, наряду с идеалом утонченной и куртуазной светскости, характерно стремление к эмансипации женщины.

Нужно заметить, что галантно-героические романы второй половины XVII в. стали новым явлением в английской литературе, до этого прославившейся рыцарскими романами XV—XVI вв. Несколько необычны они были и на фоне лубочных изданий типа «Замечательной истории лорда Фоконбриджа, побочного сына Ричарда Львиное Сердце» (1635) или «Замечательной истории короля Генриха VIII»

(1635). Эти произведения рассказывали о трагических событиях — известных сражениях, заговорах, придворных интригах, — событиях, свидетелями и участниками которых были многие их читатели.

Большой популярностью у читателей пользовался роман Дж. Мэкензи «Аретина», выпущенный в 1661 г. В нем писатель повествовал об истории любви Филарета к Аретине, при этом параллельно проводя несколько других сюжетных линий.

Не менее известно в то время было имя Афры Бен (1640—1689). Ее роман «Оруноко, или Царственный раб» касался проблемы торговли рабами, чем выгодно отличался от других произведений, появлявшихся в это время. Остальные романы А. Бен отвечали уровню французской прециозной литературы, а, например, «Лисидус, или Изысканный влюбленный» был и вовсе написан на французском языке.

Кроме того, была известна писательница и своими комедиями — «Голландский любовник», «Распутница» и др.

В жанре прециозной английской прозы работала и Мэри де ла Ривьер Мэнли, широко известная своеобразным романом «Новая Атлантида». Под Новой Атлантидой писательница показала Англию, различные вехи ее истории. История эта показана с точки зрения пылкой сторонницы тори.

Все эти произведения явились той благодатной почвой, на которой спустя некоторое время появились шедевры английской литературы — «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Путешествие Гулливера» Дж. Свифта, «История Тома Джонса, найденьша» Г. Филдинга, романы С. Ричардсона, Т. Смоллетта, Л. Стерна и др.

БЕТЛЕР

Как уже было сказано выше, сатира в английской литературе XVII в. занимала видное положение.

Одним из самых крупных сатирических поэтов времен Реставрации был Сэмюэл Бетлер (1612—1680), в первую очередь прославившийся своей героико-комической поэмой «Гудибрас».

Бетлеру было что сказать своему читателю, ибо

он имел за спиной обширный жизненный опыт. Он был сыном зажиточного фермера, закончил один из колледжей Кембриджа и свою деятельность начал в качестве гувернанта, как поступали в то время многие образованные молодые люди. Он служил в семье пресвитерианина, полковника С. Льюжа, где близко познакомился с нравами и обычаями пуританской верхушки.

Бетлер не принял идей революции, и реставрацию монархии встречал с нескрываемым удовольствием, видя в ней восстановление естественного порядка. В аристократических придворных кругах он пользовался немалой популярностью, но постепенно начал разочаровываться в реставрационном монархическом строе. Он начал порывать свои связи с великосветскими знакомыми-покровителями, его восхищение их деятельностью сменилось критикой, которая со временем звучала все резче и острее:

Им все труднее год от года,
Тем, кто живет за счет народа!
Еще бы! Церковь содержи,
И слуг господних ублажи,
Плати правительству проценты
За государственные ренты,
Учти налоги, и акцизы,
И рынка частые капризы,
Расходы на войну и мир,
На книги божьи, на трактир;
И, адских мук во избежанье,
Щедрее будь на подаенье.
А если ты владелец стад
И убежденный ретроград —
Изволь за проповедь мученья,
Долготерпенья и смиренья
Сектантам щедрою рукой
Воздать землю и мукой.
Взимают тяжкие поборы
С тебя врачи, и крючкотворы,
И торгаши, и сутенеры,
Блудницы, сводницы и воры,
Грабители, и шулера,
И дел заплочных мастера;
А лорд и джентльмен удачи
Все нароят не выдать сдачи
С той крупной суммы, что пошла
На их нечистые дела;
Все те бедняги, что богаты,
Несут огромные затраты
На подкуп города, страны,
Земли, Небес и Сатаны.

Поэзия Бетлера носит своеобразный отпечаток влияния «метафизической школы». Отсюда причудливость и универсальность, гротескность его иронии.

Приблизив поэта ко двору, с ним не знали, что делать. Он был резок и жесток. Меценаты опасливо сторонились его. Придворное существование Бетлера — это период лишений и разочарований.

Остро критикуя английскую действительность, Бетлер восстал против себя влиятельных политических фигур своего времени, от него отвернулись как виги, так и тори. Вероятно, это сыграло не последнюю роль в том, что его наследие до сих пор не собрано в полной мере.

Написал Бетлер не очень много произведений. Из них, несомненно, самое известное — поэма «Гудибрас». Печаталась поэма выпусками по три песни. Всего же вышло три таких буклета — в 1663, 1664 и 1678 гг. Четвертый в печати так и не появился, и поэма осталась незавершенной. Начал писать ее Бетлер, имея за плечами большой жизненный опыт, — пятидесяти с лишним лет от роду.

«Гудибрас» сразу привлек к себе огромный интерес многочисленных читателей. О нем говорили, о нем спорили, восхищались и возмущались. Политические и моральные проблемы, поднятые автором в этой сатирической поэме, были очень актуальными для тогдашней Англии.

«Гудибрас» по праву считается лучшим произведением английского комического эпоса. В нем мы находим и пародию на рыцарский роман (кстати, Гудибрас — имя одного из героев поэмы Спенсера «Королева фей», которого в своем произведении высмеял Бетлер), и пародию на роман Сервантеса «Дон-Кихот», и пародия на различные жанры пуританской литературы.

В своем произведении автор показал жизнь английского общества середины XVII в. Он остро высмеивал господство пуритан, их привычки считать себя главной силой в стране.

В поэме рассказывается о приключениях полковника Гудибраса (в нем, кстати, многие видят карикатурное изображение полковника республиканских войск Льюка) и его оруженосца Ральфо. Они вступают в борьбу со всеми, кто не согласен с их моралью

и требованиями. Но самое смешное, что Гудибрас и Ральфо и сами не терпят друг друга, поскольку полковник пресвитерианин, а его оруженосец — индеец, и это нередко ставит героев в различные комические ситуации.

Большое внимание поэт уделит внешнему портрету и характеру своих героев. Гудибрас — стяжатель и любострастник, лицемер и ханжа, рыжебородый толстяк-коротышка. Особенно смешно он в мундире кромвелевского драгуна, чьи рейтузы набиты снедью и флягами с водкой, чей колет из кожи буйвола скрывает брюхо непревзойденного обжоры. Эфес своего далаша полковник может использовать в качестве суповой ложки, а пистолетные курки — в качестве мышеловки.

Ральфо — долговязый угрюмый, тупой упрямец. Он носит темный камзол — обычный костюм индеецента.

Похождения полковника и его оруженосца начинаются со стычки с толпой крестьян во время сельского праздника. Услышав веселую музыку, смех, крики, Гудибрас и Ральфо пытаются разогнать нечестивцев, которые предаются греховным забавам, но те из этой стычки выходят победителями, мало того, сажают полковника и его оруженосца в колодки. Гудибрас и Ральфо не находят ничего другого, как начать обвинять в случившемся друг друга, не жалея для этого самых отборных оскорблений и ругательств.

Неизвестно, чем бы закончилась эта история, если бы двух неудачливых поборников благочестия не освободила некая вдова, за которой Гудибрас тут же начинает ухаживать, — как-никак у нее довольно солидное приданое.

История ухаживаний полковника напоминает эпизоды «Виндзорских проказниц». Гудибрас, подобно Фальстафу, терпит немало забавных проделок слуг вдовы.

В поэме время от времени появляются очень актуальные для своего времени политические и публицистические отступления. Вот, например, какую характеристику дает автор пресвитерианам:

...Святых упрямая орда,
В которой видеть мир привык
Воинствующей церкви лик.

Священным текстом служит им
Пальбы ружейной треск и дым,
И разрешает спор любой
Непогрешимых пушек вой.
Разоблачить еретика
Всегда готова их рука,
Для них вся Реформация в том,
Чтоб жечь, рубить, колоть мечом,
За годом год, за веком век,
Покуда дышит человек,
Как будто будет вера наша
От этого все чище, краше.

Таких отступлений в поэме немало. В них отчетливо видно, каких политических убеждений придерживается автор, рьяный защитник реставрированной монархии.

Огулом осмеяв пуританство и кромвелевские времена, стремясь снизить весь героический смысл революционной борьбы, Бетлер обеспечил себе придворный успех. Он удостоился королевского одобрения (монарх говорил, что не растает с поэмой), а также денежной награды.

Кстати, необходимо отметить, что многие нападки Бетлера на пуританство были весьма справедливыми. И ему трудно перечить, когда он обвиняет республиканцев в лицемерии, стяжательстве и ханжестве. Он уважал народные традиции и обычаи, не терпел принуждения в вопросах религиозной морали — позиция, несомненно, вызывающая уважение. И ведь ни для кого в Англии не было секретом, что при Кромвеле Уайтхолл со временем все больше напоминал королевский двор, как не было, например, секретом и то, что дельцы из Сити скопили немалый капитал на войне с Ирландией и Голландией. А кто не знал, как жестоко расправлялся Кромвель со своими недавними соратниками, которые начинали выказывать несогласие с проводимой им политикой; кто не помнил, как преследовали актеров, как травили «недостаточно благочестивых».

В поэме Бетлера отчетливо просматривается недовольство автора революцией, которая, по его мнению, не принесла никаких положительных результатов, и на место одних тиранов пришли другие, может, еще более опасные, поскольку они прикрываются популярными в народе лозунгами, но для этого народа ничего не делают.

Как уже отмечалось выше, королю понравился «Гудибрас», а его автор даже удостоился денежной награды. Но как только немного улеглись восторги перед остроумием автора, стало очевидно, что его едкая сатира вместе с тем подрывает и основы реставрационной монархии вообще. Презрение автора не знает границ и не признает никаких авторитетов. К Бетлеру в верхах тут же охладели, и для поэта настали далеко не самые лучшие времена.

Необходимо отдать должное Бетлеру: его острый, ироничный взгляд был направлен не только в прошлое, но и в настоящее. Поэт создал целый цикл сатир, которые по стилю напоминали сатиры Горация, и были посвящены актуальным проблемам английского общества. Бетлер выступал против упадка нравов, продажности судов, против «торгашей» и «крючковторов». Веселя одних и раздражая других, Бетлер, казалось, не боялся никого:

Нет в Англии тесней оков,
Чем власть ленивых стариков!
Одна им ведома забота:
Латают до седьмого пота
Весьма дырявую казну,
Пока страна идет ко дну.
Когда ж их дело вовсе туго —
Спешат к врагу, предавши друга,
И попадаютя впросак:
На них плюют и друг и враг.

По мнению Вольтера, у Бетлера было преизбыточное остроумие. Его жестокий смех во многом предвосхитил приемы стихотворной, да и не только стихотворной, сатиры Свифта, настольной книгой которого, кстати, был «Гудибрас».

Свои саркастические размышления автор отразил в «Разных мыслях» — собрании эпиграмм, однако полностью они были изданы лишь в 1759 г.

МУЗЫКА

В XVII в. в Англии, как и в ряде других европейских стран, в музыке господствовал классицизм. Английские композиторы и работники сцены стремились к созданию возвышенных, идеальных, рациона-

листически четких и пластически завершенных работ. Представители классицизма обращались к сюжетам, образам и формам античного искусства, перенося их дух на общественно-этические идеалы современности. Классицисты избирали темы большого общественно-го значения, а их творчество было напрямую связано с абсолютистской монархией, королевским двором и дворянством.

Большая роль в музыкальном классицизме отводилась хору, балету, постановочным эффектам.

К началу XVII в. начал формироваться английский музыкальный театр, который ведет свое начало от народных представлений — мистерий. Благодаря расцвету английского театра музыка в стране получила новый стимул для развития.

Вначале, правда, она носила подчиненный характер, выступая в качестве «оживляющего элемента» в постановках сказок-феерий или бытовых комедий.

Большое значение для развития музыки и формирования музыкального стиля имели придворные спектакли — маски, которые наряду с танцем и пантомимой включали песни, а иногда даже и речитативы с инструментальным сопровождением.

Развитие жанра масок не прекратилось даже с приходом в 1640—60-х гг. к власти пуритан. Пуритане изгоняли музыку из церковного обихода, ломали музыкальные инструменты, сжигали ноты. Некоторые композиторы публично отрекались от музыки, которая была объявлена «языческой».

Однако к маскам в это время пуритане относились благосклонно, вероятно, по той причине, что они не были рассчитаны на массовую аудиторию.

В конце XVII в. быстрыми темпами шло нотоиздательское дело. В это время широкое распространение получили музыкальные клубы.

В 1672 г. скрипач Дж. Банистер впервые в Европе организовал в Лондоне публичные платные концерты. По примеру французского двора Карл создал струнный оркестр «24 скрипки короля». Под руководством известного музыканта Г. Кука возобновилась деятельность Королевской капеллы.

Один из самых известных английских композиторов этого времени был Генри Перселл (ок. 1659—1695). Он являлся крупнейшим мастером театраль-

ной, инструментальной и хоровой музыки, а также прекрасным органистом.

Перселл был сыном певца Королевской капеллы, в хоре которой он, видимо, пел с 10-летнего возраста. У руководителя Королевской капеллы Г. Кука он учился композиции, игре на органе, клавесине и других инструментах, а также пению.

Затем, по всей видимости, ему давал уроки композиции большой знаток французской и итальянской музыки П. Хамфри. Большое влияние на Перселла как композитора оказал и Дж. Блоу, руководитель хора Королевской капеллы и органист Уэстминстерского аббатства.

Уже в 11 лет Перселл написал свою первую оду, которая была посвящена Карлу II.

Одним из первых его опубликованных произведений считается песня «Прелестная владычица».

С конца 1670-х годов Перселл являлся придворным музыкантом Стюартов, был помощником настройщика и хранителем королевских инструментов. Доводилось быть ему и настройщиком органов и переписчиком нот органных произведений. Позже Перселл стал композитором ансамбля «24 скрипки короля», еще позже, с 1679 г., — органистом Вестминстерского аббатства.

В 1682 г. Перселл становится органистом королевской церкви «Чейпел ройял», затем — клавесинистом при апартаментах короля.

Работая при дворе в Лондоне, Перселл сочинил немало чудесных мелодий. Он автор первой национальной оперы «Дидона и Эней» (либретто Н. Тейта), впервые поставленной в столице в 1689 г. Всего же Перселл написал 48 музыкально-сценических произведений, в том числе оперы «Король Артур» (музыкальная драма, текст Дж. Драйдена), «Королева фей» (по комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь»); светские и духовные (в том числе антемы — английские церковные хоровые произведения, типа мотета или кантаты, на библейский текст) хоры; три-сонаты, фантазии для струнных инструментов, пьесы для органа, клавесина и, кроме того, свыше 100 песен.

1680-е годы — период расцвета творчества Перселла. Он одинаково успешно работал во всех жанрах. Созданные в эти годы фантазии для струнных

инструментов говорят о высоком полифоническом мастерстве композитора.

Необходимо также отметить, что многие мелодии его песен, близкие к народным напевам, приобрели большую популярность и исполнялись наряду с подлинно народными.

В многочисленных светских песнях Перселл обобщил достижения своих предшественников — композиторов английского Возрождения; и продолжил их традиции.

Вот только после себя, к сожалению, талантливый музыкант не оставил достойных учеников и продолжателей.

Большей частью его творчество спустя некоторое время было забыто, и опять заговорили о нем только уже в последней трети XIX в.

В начале века работал другой известный английский композитор, выдающийся мастер английской католической хоровой композиции Уильям Бёрд (ок. 1543—1623), хотя многие его известнейшие произведения приходятся на XVI в.

По всей вероятности, музыке он обучался у Т. Таллиса. С 1563 г. работал церковным органистом в Линкольншире. С 1570 г. являлся членом Королевской капеллы, а с 1572 г. — придворным органистом.

В 1575 г. он совместно с Таллисом получил привилегию на монопольное издание и продажу в Лондоне нот. Когда же его напарник в 1585 г. умер, Бёрд стал единственным владельцем нотоиздательства.

До 1593 г. он жил в Лондоне, затем переехал в Стондон-Массит, где и умер.

Бёрд явился основоположником английской национальной школы мадригала (итал. *madrigale*, от позднелат. *madricale* — песня на родном (материнском) языке. Мадригал широкое распространение получил еще в эпоху Раннего Возрождения (XIV в.) как 2—3-голосая песня из нескольких коротких (2—3 строки) куплетов с припевом из 2 строк. Этот классический тип связан с творчеством Петрарки, а основоположником музыкальной формы мадригала считается итальянский композитор П. Казелла, сама музыка которого, правда, не сохранилась.

В Англии, благодаря Бёрду, мадригал получил широкое распространение и приобрел популярность

еще во времена Шекспира, благодаря гибкости и экспрессивности музыкального языка этого жанра.

Кстати, заметим, что позднее мадригалом начали называть небольшое лирическое стихотворение, обычно обращенное к женщине.

Необходимо также отметить, что Бёрд являлся крупнейшим представителем школы композиторов вёрджинелистов, довольно известной в Европе.

Название этой школы пошло от вёрджинела — английского струнного щипкового клавишного музыкального инструмента, разновидности клавесина. Звук в вёрджинеле извлекался при помощи клавишей, соединенных с особой палочкой, снабженной на конце кусочком пера. На каждый звук приходилось по одной струне. Струны располагались по диагонали — слева направо. Как правило, корпус инструмента богато украшался живописью и инкрустациями. Во время игры вёрджинел без ножек ставили на стол. Вёрджинел обладал мягким и нежным звучанием и назначался преимущественно для домашнего музицирования.

Бёрд являлся автором около 140 пьес для вёрджинела. Кроме того, им написаны 15 фантазий, около 70 мадригалов для 3—6 голосов, сыне 30 песен для 1, 2 и 3 голосов с инструментальным сопровождением.

Наиболее оригинальными были у Бёрда небольшие пьесы песенного склада, нередко проникнутые лирическими, пасторальными настроениями.

Бёрд сыграл большую роль в развитии инструментальной музыки, в выработке нового музыкального языка, новых инструментальных форм, в том числе и вариаций.

В предисловии к своему сборнику «Псалмы, сонеты и песни грусти и печали», Бёрд признался, что хотел бы, чтобы его музыка «счастливо несла хоть немножко нежности, отдохновения и развлечения».

Она действительно являлась таковой.

МЕДИЦИНА

Медленное, но неуклонное развитие медицинских знаний в Западной Европе началось еще в XII—XIII вв.

Огромное влияние на развитие медицины оказал опытно-экспериментальный метод исследования природы, с обоснованием которого выступил английский философ и естествоиспытатель Ф. Бэкон (1561—1626). При короле Якове I Бэкон достиг высокого положения в государстве, занимая должность лорда-канцлера. Он автор знаменитого трактата «Новый Органон», написанного в 1620 г., в котором развил новое понимание задач науки и основы научной индукции.

Бэкон считал, что целью знания является способность науки увеличивать власть человека над природой. Философ был уверен, что достичь этой цели может только наука, которая постигает истинные причины явлений. Этим самым он резко выступал против схоластики. Бэкон утверждал, что новая наука должна быть рациональной переработкой фактов опыта.

В 1614 г. итальянский врач и физиолог С. Санторио опубликовал результаты экспериментов на себе по изучению обмена веществ в организме и тем самым положил начало экспериментальной физиологии. Он создал направление в медицине, которое объясняло все процессы жизнедеятельности законами механики.

Переход от схоластического к механико-математическому рассмотрению природы оказал огромное влияние на дальнейшее развитие медицины.

Великий английский ученый У. Гарвей (1578—1657), один из основоположников физиологии и эмбриологии, в 1628 г. создал учение о кровообращении.

Гарвей доказал, что сердце находится в центре системы кровообращения. От него начинаются два круга кровообращения — большой и малый.

Малый круг кровообращения начинается легочным стволом, отходящим от правого желудочного сердца. По этому кругу кровь поступает в систему легочных капилляров, где она отдает углекислый газ и насыщается кислородом, превращаясь при этом из венозной в артериальную. От легких артериальная кровь движется по четырем легочным венам, которые впадают в левое предсердие.

Большой круг кровообращения начинается аортой — самым крупным артериальным сосудом. Она разветвляется на большое количество артерий средней величины, которые в свою очередь — на тысячи

мелких артериол. Те уже распадаются на огромное количество капилляров во всех органах и тканях тела, в стенках полостей, а также в голове и конечностях.

Только пройдя через малый круг кровообращения, кровь попадает в большой круг и так непрерывно движется по замкнутой кровеносной системе. Время кругооборота через малый круг составляет 7—11 с., а время кругооборота крови по большому и малому кругам кровообращения в норме составляет 20—25 с.

Таким образом, Гарвей впервые указал на то, что сердце нагнетает в сосуды кровь, которая «посылается во все тело, проникает в вены и поры ткани и течет обратно через вены в правое предсердие».

Метод Гарвея был уже не только описательным, но и экспериментальным, с применением математических расчетов.

ИСААК НЬЮТОН

Великий английский физик и математик, основатель классической механики Исаак Ньютон родился в семье небогатого фермера в местечке Вусторп, около города Грантема. Рождение ребенка, по всей вероятности, не принесло большой радости матери, поскольку мальчик был таким хилым и имел такой болезненный вид, что все окружающие думали — он не проживет и нескольких часов. Но каково же было удивление двух женщин, посланных в город за лекарствами и не очень торопящихся обратно, не очень рассчитывающих на то, что по возвращении они увидят младенца живым, — каково же было их удивление, когда они увидели ребенка, издающим громкие крики.

Отца Ньютона не стало еще до рождения сына. Вся забота о нем легла на мать, которая не жалела ни сил, ни здоровья для того, чтобы выходить малыша. Она решила, что ничто так не повлияет на его здоровье, как целительный сельский воздух да хорошее питание. Поэтому и хотела сделать из сына фермера, полагая, что ни для какой другой профессии он не годится из-за слабости своего здоровья.

Все заботы матери были направлены на физическое здоровье мальчика, а не на его умственное развитие. Только на 12-м году жизни мальчик стал учиться в частном городском училище (пансионе) грантемского аптекаря Кларка. Учеба не очень привлекала Ньютона, и отметки у него были весьма посредственные. И только через два года после начала учебы он вдруг начал проявлять к ней необычайное старание.

Помог этому, как рассказывали некоторые современники Ньютона, один в общем-то заурядный случай. Однажды на школьной перемене один из учеников во время какой-то ссоры ударил Ньютона по животу, причем так сильно, что мальчик чуть не потерял сознания. Увы, Ньютон не мог ответить своему обидчику тем же, поскольку был значительно слабее его. Но и оставить дело просто так обиженный Ньютон не мог. Конечно, можно было пожаловаться учителю, но, к счастью мировой науки, обидчик будущего прославленного физика и математика в то время был первым учеником в классе, и Ньютону в голову неожиданно пришел весьма оригинальный способ мщения — отнять у обидчика пальму первенства.

Действительно, прошло всего несколько месяцев, как юному Ньютону уже удалось реализовать свой план.

После окончания учебы Ньютон два года провел у матери на ферме. Но как ни старалась мать сделать сына своим помощником в хозяйстве, все ее попытки были тщетными.

По словам тех же современников, когда мать отправляла сына вместе со старым работником на базар, чтобы кое-что продать из продуктов и кое-что купить, Ньютон, не доезжая до города, просил работника выполнить поручение матери одному, а сам садился у дороги под какое-нибудь дерево или плетень, брал в руки книгу и читал до тех пор, пока работник не возвращался из города обратно.

В перерывах между чтением книг Ньютон, как считала мать, бездельничал, беззаботно игрался, что-то мастерил, хотя это «что-то» было то водяные часы, то оригинальная ветряная мельница, в которую мальчик посадил мышь, выполняющую роль мельника. Однажды ночью Ньютон изготовил и запустил змея

со светящимися фонарями, чем немало напугал жителей соседних деревень.

Дальнейшей учебе мальчика поспособствовал его дядя, который однажды, взяв в руки книгу, которую читал Ньютон, поинтересовался, чем же он так увлекается. Можно представить себе удивление дяди, когда он увидел, что его шестнадцатилетний племянник изучает трактат по механике и из него решает какую-то замысловатую задачу.

В 1661 г. Ньютон поступил в один из колледжей Кембриджского университета. Он с жадностью изучал «Начала» Евклида, геометрию Декарта, арифметику Валлиса и математические сочинения Кеплера. Но изучал науки не механически, а критически осмысливая прочитанное, тут же противопоставляя ему свою точку зрения.

Кстати, еще будучи студентом, Ньютон доказал теорему о биноме, после чего формула бинома стала называться «биномом Ньютона».

В эти же годы он вплотную подошел к проблеме всемирного тяготения, которой позднее посвятил целый трактат «Принципы натуральной философии». Этот трактат принес ученому мировую известность и сделал его «великим из великих». Университет Ньютон окончил со степенью магистра.

Неожиданная слава, по мнению современников, не сказалась на характере ученого. Сам же Ньютон о себе говорил следующее:

«Не знаю, каким я кажусь людям. Самому же себе я кажусь ребенком, который играет на берегу моря и радуется, когда ему удастся отыскать гладкий камушек или красивую раковину не совсем обыкновенного вида, в то время как необозримый океан истин лежит передо мною неисследованным».

Был Ньютон среднего роста, с ранней полнотой и, по традиции того времени, носил парик.

Ученый очень любил одиночество, был рассеянным. Поднимаясь утром с постели, мог несколько часов просидеть в задумчивости, не двигаясь, пока кто-нибудь не окликнет его.

Вообще же, об этой стороне жизни Ньютона рассказывают немало забавных историй.

Так, например, один из биографов Ньютона писал,

что однажды к ученому в гости пришел его близкий друг. Во время обеда на стол подали жареную курицу. Ньютон сказал, что только на минуту отлучится в свой кабинет, но тут же забыл и о своем друге, и о еде, увлекшись очередной работой. Гость наконец не выдержал, съел курицу один, а кости сложил в блюдо и покрыл их серебряным колпаком. Наконец вернувшись к столу, Ньютон сказал, что ужасно проголодался и пора бы приступить к обеду. Однако, обнаружив на блюде обглоданные кости, он удивленно воскликнул: «Интересно, оказывается, я уже пообедал. Вот ведь как можно ошибиться!»

Как-то у Ньютона спросили, каким образом ему удалось открыть законы тяготения, на что он спокойно ответил: «Непрерывным размышлением о них. Я постоянно обращаю внимание на предмет моих изысканий и жду, пока дело начинает медленно разъясняться, мало-помалу, пока не станет вполне и всецело ясно».

За всю свою долгую жизнь Ньютон ни разу не женился, чем дал повод для многочисленных сплетен, хотя, по мнению его некоторых биографов, о женитьбе ему просто некогда было думать.

Любопытен и такой факт: все научные открытия Ньютона приходятся на первые 45 лет его жизни, что само по себе довольно странно, поскольку, казалось бы, в том возрасте, в какой он перестал заниматься интенсивной научной работой, его ум должен был наоборот достичь полной зрелости и силы.

Свое мнение на этот счет было у известного французского ученого Жана Батиста Био, который много времени отдал тщательному изучению трудов Ньютона. По мнению Био, на умственные способности гениального ученого оказал большое влияние несчастный случай. Как-то вечером Ньютон вышел из дому, по своей обычной рассеянности забыв погасить на письменном столе свечу. В это время его любимая собака по кличке Даймонд забралась на стол и опрокинула свечу. Все лежащие на столе рукописи сгорели. Ньютон уже не смог оправиться от постигшего его горя.

Ньютон при жизни испытал вкус славы в полной мере. В 1668 г. ему была присвоена степень магистра, и затем он возглавил физико-математическую кафед-

ру в Кембриджском университете. В 1672 г. Ньютона избрали членом Лондонского королевского общества, а в 1703 г. он стал его президентом. Королева Анна даровала ему титул рыцаря и возвела в дворянское достоинство.

«Он был в таком почете,— говорил о Ньютоне Фонтенель,— что смерть не могла принести ему новых почестей, он достиг своего апофеоза».

Несмотря на то, что при рождении Ньютону пророчили скорую смерть, прожил он до глубокой старости и умер 85 лет от роду. Он никогда не носил очков и за всю жизнь у него не выпало ни одного зуба. Умер же ученый от каменной болезни, признаки которой обнаружил всего лишь за три недели до своей смерти.

Похоронен великий ученый в английском национальном пантеоне в Вестминстерском аббатстве, месте упокоения всех прославленных людей Англии.

При погребении Ньютону оказали почести, какие оказывали только членам королевского двора.

На могильном памятнике была помещена надпись: «Здесь покоится сэр Исаак Ньютон, который почти божественной силой своего ума впервые объяснил с помощью своего математического метода движения и формы планет, пути комет, приливы и отливы океана. Он первый исследовал разнообразие световых лучей и проистекающие отсюда особенности цветов, каких до того никто не подозревал... Пусть смертные радуются тому, что в их среде жило такое украшение рода человеческого».

На стене комнаты, в которой родился ученый, была укреплена мраморная доска с надписью:

«Природа и ее законы были покрыты мраком;
И сказал Бог: «Да будет Ньютон!»
И все стало светло».

В Кембридже и сегодня еще показывают глобус, сделанный Ньютоном, а также придуманные им солнечные часы, компас и локон его серебристых волос, который хранится под стеклянным колпаком.

Огромную роль в жизни Ньютона сыграли 1665—1667 гг. В это время в Англии свирепствовала чума, и Ньютон решил укрыться от нее в родном Вулсторпе. Перед тем, как отправиться домой, Ньютон при-

обрел стеклянные призмы, чтобы «произвести опыты со знаменитыми явлениями цветов».

Необходимо отметить, что уже в I в. н. э. было известно, что солнечный свет при прохождении через прозрачный монокристалл с формой шестиугольной призмы разлагается в цветную полосу — спектр.

Мало того, еще раньше, в IV в. до н. э., древнегреческий ученый Аристотель выдвинул свою теорию цветов. По мнению Аристотеля, основным является солнечный (белый) цвет. Все же остальные цвета получаются из него путем добавления к нему различного количества темного цвета.

Несмотря на создание стеклянных призм и опыты по разложению солнечного света, проводимые с их помощью многими естествоиспытателями, вплоть до самого XVII в. в науке продолжало господствовать учение Аристотеля о цвете.

Ньютон всерьез занялся исследованием природы цветов и придумал и выполнил несколько различных оптических экспериментов. Забегая наперед, отметим, что некоторые из них пережили столетия, и их методика с незначительными изменениями и сегодня используется в физических лабораториях.

Первый опыт, проделанный Ньютоном, был традиционным. Великий ученый в ставне окна затемненной комнаты проделал небольшое отверстие, после чего на пути пучка лучей, проходивших сквозь это отверстие, поставил стеклянную призму. В результате на противоположной стене получилось изображение в виде полосы чередующихся цветов.

Полученный спектр солнечного света Ньютон разделил на семь цветов радуги — красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый. Нужно отметить, что установление именно семи основных цветов спектра в некоторой степени произвольно: таким образом ученый пытался провести аналогию между спектром солнечного света и музыкальным звукорядом. Если же рассматривать спектр, невзирая на эту аналогию, то полоса спектра, скорее, распадается на три основные части — красную, желто-зеленую и сине-фиолетовую. Что же касается остальных цветов, то они занимают сравнительно узкие области между этими основными.

Отметим еще и тот факт, что вообще человеческий

глаз в состоянии различить в спектре солнечного света до 160 различных цветовых оттенков.

Приступив к проведению следующих опытов, Ньютон смог соединить цветные лучи в белый свет. Для этого ученый пропустил лучи солнечного света сквозь призму, а потом вышедшие из нее цветные лучи собрал с помощью собирающей линзы. В итоге оказалось, что в месте соединения цветных лучей, действительно, луч стал белого цвета. Пройдя эту точку, цветные лучи снова расходятся и располагаются в обратном обычному спектру порядке.

В противоположность Аристотелю, Ньютон в результате своих опытов пришел к выводу, что при смешении «белизны и черноты никакого цвета не возникает». Т. е. все цвета спектра содержатся в самом солнечном свете. Стеклянная призма всего лишь разделяет их, поскольку различные цвета по-разному преломляются стеклом.

Своим открытием физик внес значительную поправку к известному уже закону преломления света: показатели преломления на самом деле постоянны для двух заданных сред при любых углах падения, но они меняются при изменении цвета падающего луча. Больше всего преломляются фиолетовые лучи, а меньше всего — красные.

Кстати, впоследствии ученые пришли к выводу, что, рассматривая свет как волну, каждому цвету необходимо выделять свою длину волны. Эти волны непрерывно меняются, соответствуя различным оттенкам каждого цвета.

Основные вопросы механики и физики, которые разработывал Ньютон, были тесно связаны с научными проблемами его времени.

Так, например, исследования в области оптики были направлены на устранение недостатков оптических приборов.

Свои взгляды на корпускулярную гипотезу света ученый изложил в работе «Новая теория света и цветов», написанной в 1672 г. Его труд вызвал большую полемику. Противником корпускулярных представлений Ньютона о природе света выступил английский ученый Р. Гук. Тогда Ньютон высказал гипотезу, которая сочетала в себе корпускулярные и волновые представления о свете.

Результатом многолетних оптических исследований Ньютона стала книга «Оптика», опубликованная ученым в 1704 г. В ней Ньютон нарисовал стройную картину различных оптических явлений, известных науке того времени.

В 1687 г. Ньютон сформулировал законы динамики.

На протяжении тысячелетий люди, наблюдая за планетами и звездами, пытались определить законы их движения по небосводу.

В 1632 г. во Флоренции появился труд Г. Галилея «Диалог о двух главнейших системах мира», в котором ученый заложил основы динамики — принцип инерции и классический принцип относительности. Согласно принципу инерции, всякое тело сохраняет состояние покоя или равномерного прямолинейного движения до тех пор, пока воздействие со стороны других тел не выведет его из этого состояния.

Это утверждение на первый взгляд кажется ошибочным, поскольку, например, вагон, который движется по инерции на горизонтальном участке пути, в конце концов все равно остановится. Однако необходимо учитывать, что на вагон действует сила сопротивления.

Ньютон, сформулировав законы динамики, сделал понятными и поддающимися расчету не только движение планет вокруг Солнца, но и явления, куда более сложные.

В качестве первого закона динамики Ньютон принял принцип инерции Галилея, который тот сформулировал в виде следствия из проведенных им опытов при изучении падения тел по наклонной плоскости.

Но ошибка Галилея была в том, что он не различал понятий «вес» и «сила», из-за чего установленный им принцип инерции не мог стать фундаментальным законом природы.

Ньютон же закон динамики поставил во главу всей своей системы механики.

Во втором законе Ньютон, рассматривая движение тела под воздействием других тел, небезосновательно связал изменение скорости тела с силой — мерой этого воздействия. Изменение состояния покоя тела под воздействием силы, сделал вывод Ньютон, происходит не мгновенно, а постепенно. Скорость же

движения при этом изменяется тем медленнее, чем больше инерция тела, мерой которого является его масса.

Выведенная на основании второго закона Ньютона масса определяет инертные свойства тела, по этой причине она называется инертной массой. Но есть еще и понятие гравитационной (тяжелой) массы — физической величины, которая определяет меру гравитационного взаимодействия рассматриваемого тела с другими телами, например, с Землей.

Многие столетия ученые разных стран задавались вопросом: эквивалентны эти два понятия или нет?

Классический опыт проверки эквивалентности этих двух масс провел Ньютон и описал его в своих «Математических началах натуральной философии»:

«Я испытывал золото, серебро, свинец, стекло, песок, поваренную соль, дерево, воду и пшеницу. Я достал два одинаковых ящика. Я наполнил один из них деревом, а в центре качаний другого поместил такого же (насколько точно я мог) веса кусок золота. Подвешенные на нитях длиной 11 футов ящики образовали пару маятников, совершенно одинаковых по весу и форме и одинаково подверженных сопротивлению воздуха; поместив их рядом, я наблюдал, как они качались совместно взад и вперед в течение длительного времени с одинаковыми колебаниями. И потому (в силу Следствий I и VI, Предложение XXIV, Книга II) количество вещества в золоте относилось к количеству вещества в дереве, как действие движущей силы на все золото к действию движущей силы на все дерево; другими словами, как вес одного к весу другого.

И с помощью этих опытов в телах одинакового веса можно было обнаружить различие в количествах вещества, составляющее одну тысячную общего количества».

В этом же классическом труде, представленном Лондонскому королевскому обществу в 1687 г., Ньютон впервые ввел понятие «приложенной силы», которая определяет ускорение тела:

«Сила проявляется единственно только в действии и по прекращении действия в теле не остается. Тело продолжает затем удерживать свое новое состояние вследствие одной только инерции. Происхождение

приложенной силы может быть различное: от удара, от давления, от центростремительной силы».

В работе «Математические начала натуральной философии» Ньютон создал единую систему земной и небесной механики, которая впоследствии легла в основу всей классической физики.

В своих «Началах» ученый дал определения исходных понятий физики — количества материи, эквивалентного массе, плотности; количества движения, эквивалентного импульсу; различных видов силы и др.

Открытый им закон всемирного тяготения Ньютон применил к объяснению движения небесных тел. Согласно этому закону все материальные тела притягиваются друг к другу. При этом величина силы тяготения не зависит от физических и химических свойств тел, от состояния их движения и от той среды, в которой находятся тела.

Ньютон, сделал вывод, что все планеты и кометы притягиваются к Солнцу, а спутники — к планетам с силой, обратно пропорциональной квадрату расстояния.

Ньютон также показал, что из закона всемирного тяготения вытекают законы Кеплера, пришел к выводу о неизбежности отклонений от этих законов вследствие возмущающего действия на каждую планету или спутник остальных тел Солнечной системы.

Теория тяготения позволила ученому объяснить многие астрономические явления — особенности движения Луны, прецессию, приливы и отливы, сжатие Юпитера, а также разработать теорию фигуры Земли.

Фигура Земли сложилась под действием силы тяжести. Вследствие всемирного тяготения все тела притягиваются обратно пропорционально квадрату расстояния. Если бы на вещество Солнца, Земли, Луны, планет и других небесных тел не действовали никакие другие силы, кроме внутренних сил тяготения, все эти тела имели бы строго сферическую форму. Но так как небесные тела вращаются, на вещество действует также центробежная сила, под воздействием которой происходит перетекание вещества от полюсов к экватору. Продолжается же это до тех пор, пока не уравновесятся боковые, тангенциальные составляющие сил и жидкость на поверхности не ока-

жется в равновесии. Поэтому любое небесное тело, в том числе и Земля, оказывается несколько сплюснутым.

Что же касается приливов и отливов — периодического повышения и понижения уровня воды в океанах и морях — этот вопрос интересовал людей еще в глубокой древности. И еще в древности люди связывали приливы и отливы с Луной.

И действительно, как впервые доказал Ньютон, основная причина приливов — это притяжение Земли Луной, т. е. разность между притяжением Луной всей Земли в целом, с одной стороны, и водной оболочки ее — с другой.

Ньютон в своей теории этот процесс объяснял следующим образом. Притяжение Земли Луной складывается из притяжения Луной отдельных частиц Земли. Частицы, которые в данный момент находятся ближе к Луне, ею притягиваются сильнее, чем более далекие. Если бы Земля была абсолютно твердой, то это, в принципе, не имело бы никакого значения. Но Земля не является абсолютно твердым телом. Поэтому разность сил притяжения частиц, которые находятся вблизи поверхности Земли и вблизи ее центра, смещает частицы друг относительно друга. В результате Земля, и прежде всего ее водная оболочка, деформируется.

Таким образом, на стороне Земли, обращенной к Луне, и на противоположной стороне вода неизбежно будет подниматься, образуя при этом приливные выступы, где накапливается излишек воды. В других же точках Земли, не так подверженных в данный момент влиянию Луны, будет, наоборот, происходить отлив.

В 1699 г. Ньютон высказал идею устройства секстанта — навигационного прибора для измерения углов между небесным светилом и видимым горизонтом или же между двумя светилами с целью определения местонахождения корабля в море. Принцип его работы был довольно прост — с помощью зеркал совмещают два изображения, и это позволяет измерить углы между объектами довольно точно, даже если на борту корабля качка.

Правда, первые секстанты были сконструированы уже в 30-х годах XVIII в.

АНГЛИЙСКИЕ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ

Открытие новых земель — занятие, которое привлекало многочисленных романтиков еще с самых древних времен. Не были исключением в этом смысле и англичане, вписавшие немало ярких страниц во всемирную книгу открытий.

Так, например, Давид Ливингстон (1813—1873) совершил многочисленные путешествия по Африке, открыл водопад Виктория, Джеймс Кларк Росс (1800—1862) открыл северный и южный магнитные полюса, море Росса (Антарктика), Ричард Фрэнсис Бёртон (1821—1890) вместе с Дж. Спиком открыл озеро Танганьика.

Еще со времен всемирно известных путешествий Колумба многие английские и французские мореплаватели пытались, обогнув Америку с севера, найти путь в Азию через так называемый Северо-Западный проход из Атлантического в Тихий океан. Однако все эти попытки, в том числе и таких известных путешественников, как Кабот, Фробишер, Девис, были неудачными.

Но это совсем не значило, что, например, те же англичане даже перестали думать о морском пути из Европы в Китай и Индию мимо берегов Северной Америки, в обход испанских и португальских владений.

Несколько новых попыток найти такой путь было предпринято в XVII в. Важнейшие арктические экспедиции этого времени были связаны с именем Генри Гудзона (ок. 1550—1611), одного из самых известных английских мореплавателей.

В самом начале XVII в. Гудзоном был заключен договор с «Московской компанией лондонских купцов», согласно которому он брал на себя обязательство отыскать Северо-Западный проход.

Отплытие от берегов Англии состоялось 1 мая 1607 г. на грузовом судне с командой численностью в двенадцать человек.

13 июня Гудзон доплыл до восточного берега Гренландии, именовав его крайний выступ «Остановкой с надеждой», позже названный Землей Гудзона.

С этого берега английский мореплаватель направился на северо-восток, и уже 14 июля он оказался

у северной части островов Шпицберген, по ошибке принятых Гудзоном за Новую Землю.

Поднявшись еще севернее, мореплаватель и его команда наткнулись на непроходимые пространства льда. Им не оставалось ничего другого, как повернуть обратно, в Англию.

После долгих размышлений было решено попытаться счастья еще раз, но, учитывая результаты первого путешествия, на этот раз добираться до берегов Восточной Азии другой дорогой.

Путешествие началось 21 апреля 1608 г. Но и опять путь привел Гудзона к Шпицбергену и опять впереди показались грозные льды. Пришлось возвращаться в Англию ни с чем и на этот раз. «Московская компания лондонских купцов» отказалась дальше тратить попусту деньги, и это, вероятно, побудило Гудзона перейти на службу в Голландию.

Амстердамская торговая компания предложила известному мореплавателю судно «Хальфмун» («Полумесяц») и право самому выбирать маршрут — или же северо-западный, или же северо-восточный. Гудзон решил пробираться на восток через Карское море.

25 марта 1609 г. «Хальфмун» покинул гавань на острове Тессел. Вскоре он, обогнув мыс Нордкап, направился к Шпицбергену, а затем и к Новой Земле. И вот здесь случилось непредвиденное. Команда, состоящая из англичан и голландцев, неожиданно взбунтовалась, испугавшись льдов и холода. Гудзону не оставалось ничего другого, как уступить команде. Он предложил ей на выбор два пути — или через Девисов пролив, или вдоль берегов Виргинии. Команда без лишних споров выбрала второй маршрут, и 18 июня Гудзон уже высаживался на материке — необходимо было заменить сломанную во время шторма фок-мачту.

Вскоре Гудзон продолжил свой путь дальше на юг вдоль американского берега, и в начале августа открыл большую бухту, а затем между двумя островами обнаружил устье реки и дал ей свое имя. Позднее, в 1613 г., здесь был заложен г. Новый Амстердам, впоследствии ставший Нью-Йорком.

Гудзон тем временем поднялся вверх по реке, но желанного прохода так и не обнаружил.

Дальше известного мореплавателя поджидали

одна за другой неприятности. Он хотел остановиться на зимовку на Ньюфаундленде, но команда выступила категорически против этого, желая возвращаться домой. Гудзон повиновался, но 7 декабря по неизвестным причинам высадился в Дортмуте, где он и его экипаж были задержаны, а корабль конфискован английскими властями.

Однако эти события не сломали упорства Гудзона, и в 1610 г. он опять вступил в переговоры с голландской компанией об условиях очередного морского путешествия. Увы, условия другой стороны его не устроили, вскоре он покинул Голландию и направился в Англию. Англичане на этот раз оказались более сговорчивыми и предложили мореплавателю пятидесятипятитонный барк «Дисковери» («Открытие»). Правда, английская компания очевидно не очень доверяла опыту Гудзона, так как настояла на том, чтобы он взял себе в помощники Колберна, моряка, в чьем опыте они были уверены.

Несмотря на то, что Колберн считался помощником Гудзона, он был наделен практически неограниченными полномочиями. И тогда Гудзон пошел на хитрость. Взяв Колберна к себе на борт, он высадил его на берегу Темзы, а компании направил вежливое письмо, в котором всячески старался оправдать свои действия.

1 июня корабль уже выходил из Исландии, где, кстати, экипаж, сочувствовавший Колберну, было взбунтовался, но капитану вовремя удалось разрешить конфликт мирным путем, а 15 июня корабль уже находился у южных берегов Гренландии. Затем Гудзон взял курс на северо-запад и оказался в проливе, который впоследствии получил его имя.

3 августа 1610 г. Гудзон сделал последнюю запись в своем дневнике:

«После того как наши люди побывали на берегу и записали свои наблюдения, мы поплыли по узкому проходу. Течение действительно шло с севера, и глубина у берега была 30 футов. Мыс у выхода из пролива с южной стороны я назвал Вулстенхолм».

Тем временем отношения с командой все больше обострялись. В последних числах сентября Гудзон прошел вдоль восточной стороны Гудзонова залива до его южного конца, где отправил на берег одного

офицера, пожалуй, самого недовольного политикой капитана. Но это не сняло напряжения между ним и экипажем, скорее наоборот.

В начале ноября Гудзон принял решение остаться на зимовку в одной из бухт залива. Прошла она в довольно сложных условиях, поскольку большая часть продовольствия, взятого в Англии, уже к этому времени была израсходована.

В 1611 г., во второй половине июня, Гудзон отправился обратно домой, но на его пути оказались тяжелые льды. Пришлось снова остановиться.

И тут бунт, который давно назревал, дал наконец о себе знать. Взбунтовавшиеся матросы вначале потребовали от Гудзона выделить каждому из них его порцию сухарей и выплатить жалованье, а затем и вовсе посадили Гудзона вместе с его сыном-подростком и семью преданными ему матросами в лодку и без всяких припасов и оружия бросили на произвол судьбы.

Интересно, что самим бунтовщикам с величайшим трудом удалось добраться до Англии. Несколько из них погибли от болезни, несколько были убиты в стычке с индейцами. Тех же, кто добрался до Англии, почему-то никто судить не собирался.

Только в апреле 1612 г. англичане отправили новую экспедицию для поисков Северо-Западного прохода, а заодно и Гудзона и его спутников. Хотя на последнее практически не было никаких надежд.

Впрочем, и поиски Северо-Западного прохода также не увенчались успехом. Два корабля, которыми командовал Томас Баттон, обошли весь Гудзонов залив, но все напрасно. Вероятно, по этой причине место на западном берегу залива, где высаживался Баттон, было названо бухтой Обманутой надежды.

Но и на этом поиски Северо-Западного прохода не завершились. Слишком большое значение мог он иметь для английских торговцев.

В 1614 г. была снаряжена новая экспедиция, которую возглавил капитан Гибсон. Но и поиски Гибсона оказались тщетными.

16 апреля 1615 г. из устья Темзы на поиски Северо-Западного прохода вышел тот самый пятидесятипятитонный барк «Дисковери», на котором свое последнее плавание совершал Гудзон. Командовал экс-

педицией единственный уцелевший офицер из команды Гудзона Роберт Байлот. Его штурманом стал один из известнейших в то время английских полярных мореходов Уильям Баффин.

6 мая экспедиция миновала мыс Фарвель, а уже 30 мая она оказалась у входа в Гудзонов пролив. Повернув на северо-запад путешественники занялись поисками прохода к северу от острова Саутгемптон. Увидев, что течение идет к северу, они окрылили себя надеждой, что в этих местах и должен быть Северо-Западный проход, и мыс, который встретился им по дороге, они назвали Утешением.

Впрочем, следующий мыс вполю было назвать Разочарованием, поскольку надежды их оказались обманутыми. Вскоре течение сделало резкий поворот и понесло корабль навстречу льдам.

9 сентября экспедиция вернулась в Англию ни с чем.

В 1616 г. Байлот и Баффин снова отправились в море. 8 июля они открыли лежащие у входа в пролив Смит острова Кэри, а у западного берега Баффинова залива еще и пролив Джонс, остров Коберг и пролив Ланкастер, который, кстати, и является входом в Северо-Западный морской проход.

Однако именно у этого пролива Байлота и Баффина оставили последние надежды. Кроме того, в это время среди членов экипажа распространилась цинга, и экспедиция была вынуждена отправиться обратно в Англию.

Забегая наперед, скажем, что Северо-Западный морской проход вокруг берегов Северной Америки был открыт в 1850 г. английскими капитанами Мак-Клором и Мак-Клинтоком, которые были посланы на поиски пропавшей без вести экспедиции Джона Франклина.

ЧАСТЬ II

ЕВРОПА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII и в XVIII в.

ГЛАВА 1

АНГЛО-ГОЛЛАНДСКИЕ ВОЙНЫ И УПАДОК ГОЛЛАНДИИ В XVIII В.

Только при первом поверхностном рассмотрении может показаться, что именно победа буржуазной революции на севере Нидерландов могла вызвать в стране стремительный экономический и культурный подъем. В то время как в южных регионах, оставшихся под властью испанской монархии, продолжалась феодальная реакция, приведшая к экономическому упадку, семь северных провинций, объединившихся в федеративную голландскую республику (Соединенные провинции Нидерландов), в течение немногих десятилетий обогнали в своем экономическом развитии все другие европейские государства и превратились в образцовую капиталистическую страну XVII столетия. Англия еще только начинала пользоваться плодами своей буржуазной революции, а в Голландии капиталистический строй уже прочно укрепился.

Но это только при поверхностном рассмотрении причин невиданного экономического роста может быть выдвинут тезис о том, что смена общественной формации привела к невиданному росту производительных сил. Однако верно и то, что быстрое развитие производительных сил дает толчок к смене общественных отношений.

Рассматривая детально причины, из-за которых

произошел такой гигантский скачок роста производительных сил, мы увидим, что буржуазная Голландия, завоевав господство в мировой торговле и захватив обширные колониальные владения, заняла видное место в ряду европейских держав. Именно поэтому в январе 1648 г. по сепаратному мирному договору в Мюнстере, заключенному между Голландией и Испанией незадолго до прекращения Тридцатилетней войны, Испания была вынуждена признать политическую независимость Соединенных провинций. В октябре 1648 года по Вестфальскому миру независимость Голландии была признана и империей.

Таким образом, политическая самостоятельность Соединенных провинций Нидерландов создала базу для стремительного развития производства и торговли.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ГОЛЛАНДИИ

Территория Голландской республики составляла всего 25 тыс. кв. км. Население ее было около 2 млн. человек. И тем не менее Голландия к середине XVII в. добилась значительных успехов во всех отраслях экономики. У моря и болот были отвоеваны тысячи гектаров земли путем создания дамб, а на участках вновь созданной суши, которые назывались польдерами, для возделывания сельскохозяйственных культур рекультивировалась плодородная почва.

Традиции земледелия позволили превратиться Голландии из европейского захолустья в страну передовой агротехники и высокопродуктивного молочного производства. Этот прогресс был обусловлен тем, что продукты как животноводства, так и земледелия стали производиться в основном на продажу, то есть сельское хозяйство стало товарным.

Очень важную роль в голландском хозяйстве играло также товарное рыболовство. Им занималась значительная часть населения. В особенности процветал сельдяной промысел. Существует голландская поговорка, гласящая, что Амстердам вырос на селедочных костях; она метко характеризует значение этого промысла для страны. Во второй половине XVII столе-

Стеклодувы.
Гравюра И. Отгенса.

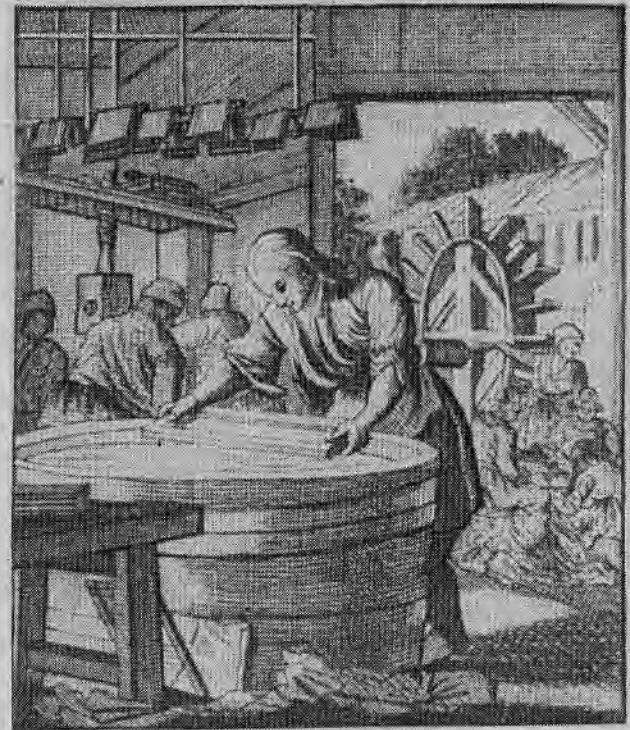
тия голландцы начали успешную добычу китов у берегов Шпицбергена и Исландии. Китобойный промысел приносил очень большой доход и имел для экономики немаловажное значение. Например, в одних только шпицбергенских рейсах, в которых ежегодно принимали участие до 250 судов, добывали свыше 1300 китов, а чистый доход в отдельные годы превышал 10 млн. гульденов.

То, что Голландия стала страной передовой агротехники, высокопродуктивного молочнотоварного производства, страной высокопроизводительного рыболовства и эффективного китового промысла, было обусловлено заинтересованностью производителей, которые получали всю прибыль в свое распоряжение.

Достаточно высокая конкурентность в выше на-

званных отраслях экономики заставляла интенсифицироваться менее развитые отрасли ради получения высокой прибыли. Поэтому за короткое время быстро развилась промышленность.

Особое географическое положение Соединенных провинций Нидерландов обеспечило обширные рынки, что сделало исключительно высоким и разносторонним также развитие мануфактурной промышленности и ремесла. Широкое распространение получила текстильная промышленность и связанные с ней красильное, белильное и другие производства. Лейден превратился в важнейший центр шерстяной промышленности в Европе. Здесь имелись десятки крупных мануфактур и сотни мелких мастерских, насчитывавших десятки тысяч рабочих. Своего высшего

Производство бумаги.
Гравюра И. Отгенса.

подъема текстильная промышленность города достигла в 1664 г., когда было изготовлено 144 тыс. кусков различных тканей. Большое количество тканей производилось также в Амстердаме, Роттердаме и в других городах республики. Белильные мастерские были сконцентрированы в Хаарлеме (Гарлеме), который славился также шелковой промышленностью.

Географическое положение Голландии обусловило и то, что международное значение приобрела также голландская судостроительная промышленность. В период наивысшего ее расцвета, на рубеже XVII—XVIII столетий, в Голландии строились одновременно сотни судов. В одном только Амстердаме имелось несколько десятков кораблестроительных верфей; в окрестностях Зандама, конкурировавшего с Амстер-

Изготовление парусов.
Гравюра И. Отгенса.

Корабельные плотники.
Гравюра И. Отгенса.

дамом, было более 60 верфей. Строительство судов обходилось в Голландии в полтора-два раза дешевле, чем в Англии, и во много раз дешевле, чем во всех других странах. Понятно, почему здесь строились торговые суда для ряда европейских государств. Голландия стала в то время своеобразной верфью Европы. Даже английские судовладельцы часто размещали свои заказы на голландских верфях.

Своеобразный европоцентризм, т. е. концентрирование интересов промышленников всей Европы в политически свободных Соединенных провинциях Нидерландов и обусловили невиданный рывок производительных сил. Уже один только пример с заказами на торговые суда объясняет, почему канатные, парусные, бумажные, стекольные, кирпичные и дере-

вообделочные мануфактуры, лесопильни и оружейные мастерские существовали во многих городах республики, и ко всему они были как переполнены заказами, так и эти заказы исполнялись с наивысшим качеством, ибо владельцы были заинтересованы в получении еще большего количества заказов.

Развитие промышленности вызывало нужду в распространении знаний, поэтому высоко было развито книгопечатание. Потребности мореходства привели к возникновению приборостроения и поэтому большой известностью стали пользоваться голландские навигационные приборы.

Возможность товарного производства обусловила наличие почти в каждом городе пивоварен и маслоделен. В стране работали десятки сахарных и табачных предприятий. Нидерланды славились также тонкими ремесленными изделиями: художественным кафелем и фарфором, часами и ювелирными изделиями, которые составляли немаловажные статьи экспорта.

Ясно, что внутренний рынок страны с населением около 2 млн. человек при вышеописанных успехах в развитии сельского хозяйства и промышленности не мог поглотить того обилия товаров и продуктов, которые были произведены. Это явилось основой развития голландской торговли. Впрочем, большинство продукции производилось именно на продажу за границей. Рассмотрим наиболее важных торговых партнеров голландцев.

ТОРГОВЫЕ ПАРТНЕРЫ ГОЛЛАНДЦЕВ

В Нидерландах ощущалась нехватка собственного хлеба, металлов, а лесные ресурсы были крайне истощены. Поэтому наиболее важную роль в голландской экономике играл товарообмен с балтийскими странами, поставлявшими Голландии хлеб, лес и металлы и являвшимися рынком сбыта для голландской сельды, полотна, сукна и сыра.

Рассмотрим, как возникла посредническая торговля. Поначалу в общем обороте она не имела решающего значения. Но уже в XVI в. огромные бары-

ши, которые приносили посреднические торговые операции в силу значительной разницы в ценах (особенно оптовых) на рынках различных европейских стран, привели к тому, что в эту отрасль притекли основные капиталы голландской буржуазии. Видное место в ее доходах занимал судовый фрахт. Этому способствовало немаловажное обстоятельство, что в то время состояние сухопутных дорог в Европе оставляло желать лучшего, а огромное количество мелких княжеств приводило к неоправданным таможенным сборам. Вот почему торговый флот Голландии, насчитывающий около 15 тыс. кораблей, играл в XVII в. первостепенную роль в развитии международных торговых сношений. Предприимчивые голландские купцы и судовладельцы — морские извозчики Европы, как их тогда называли, — сочетали перевозку чужих товаров с посреднической торговлей. К середине XVII столетия они сосредоточили в своих руках почти всю торговлю между северными и южными странами Европы.

Конкретно это выражалось в том, что, например, немецкие вина, изделия французских мануфактур и ремесел, фрукты из Испании и колониальные товары попадали в Северную Европу почти исключительно при их посредничестве. Далее, зерно, закупленное в Прибалтике, голландцы перепродавали на рынках средиземноморских стран.

Уже в то время существовал следующий способ дополнительного выколачивания прибыли. Голландцы закупали в большом количестве английские сукна, затем у себя на родине их подвергали дополнительной обработке. Теперь английские сукна можно было перепродавать за границу значительно дороже. Около 70 процентов балтийского судоходства сосредотачивалось в руках голландцев. К тому времени успехи голландского кораблестроения и мореходства, а также наличие свободных капиталов привело к оттеснению англичан с российского рынка. Неудивительно, что Голландия заняла первое место во внешней торговле России. Стоит сказать, что несколько десятков голландских кораблей ежегодно посещало Архангельск, откуда они вывозили русские меха, икру, смолу, поташ, пеньку, сало, иранский шелк, а в отдельные годы и хлеб.

Благоприятные политические условия для успешной торговли не могли продолжаться долго. Уже во второй половине XVII столетия голландская торговля с Францией и Англией понесла значительный урон вследствие войн и протекционистской политики, к которой перешли названные страны. Эти страны не были равнодушны к доходам голландских купцов. Тем не менее голландская торговля в целом в течение второй половины XVII столетия значительно выросла, ежегодные торговые обороты превышали в конце этого столетия 100—120 млн. гульденов.

Наличие свободных капиталов, ухудшение политической конъюнктуры, а также осуществление протекционистской политики некоторыми европейскими странами привели к тому, что голландские предприниматели перестали довольствоваться все еще высокими торговыми барышами в Европе. В погоне за наживой голландцы устремились в испанские и португальские колонии.

Голландская Ост-Индская компания и организованная в 1621 г. Вест-Индская компания собрали обширные финансовые средства, построили собственный флот, располагали своими вооруженными силами. Ясно, что для реализации далеко идущих намерений необходимы были гарантии правительства в политической поддержке компаний для осуществления экспансионистских торговых операций. Экономическая заинтересованность правительственных кругов в удаче подобных предприятий привела к тому, что обе компании получили от правительства неограниченные полномочия в колониях. Так, в районах производства пряностей, на Зондских и Молуккских островах голландцы создали целую сеть своих крепостей и факторий с центром в Батавии (на Яве).

Где веда ловкую дипломатическую игру с местным населением, где используя силу оружия, голландцы во второй половине XVII в. еще более упрочили позиции своей Ост-Индской компании в Юго-Восточной Азии. Так, используя междуособную борьбу феодальных княжеств, голландцы постепенно подчиняли себе индонезийских феодалов и захватывали всю торговлю пряностями. В 1656 г. Голландия овла-

дела городом Негапатомом, ставшим главным опорным пунктом голландцев в Индии, и к концу 50-х годов полностью вытеснила португальцев с Цейлона.

Неудачи преследовали голландских колонизаторов в Америке. Причины меньшего успеха экспансии в западном направлении следует видеть в том, что там уже достаточно прочно обосновались другие европейцы.

Первоначально Вест-Индская компания завладела большей частью португальской Бразилии и утвердилась на восточном побережье Северной Америки. Однако голландцам пришлось действовать в окружении соперников-англичан. Так, среди английских владений голландцы в 1665 г. основали свою колонию — Новую Голландию с центром Новый Амстердам (нынешний Нью-Йорк). Однако они не сумели удержаться в этих колониях: во второй половине XVII в. их владения в Америке ограничивались лишь отнятым у англичан во время войны 1665—1667 гг. Суринамом, ставшим сырьевой базой голландской сахарной промышленности, и несколькими островами в Карибском море.

Фактически необжитых или неосвоенных рынков сбыта собственных товаров, или же территорий, располагающих теми или иными сырьевыми ресурсами, на Земле к тому времени почти не оставалось. И все же голландцы успели создать ряд фортов на западном побережье Африки, а на южном берегу основали Капскую колонию.

Ряд исследователей считает, что колониальная система являлась теплицей для торгового капитала голландских предпринимателей. Почти десять процентов торговой прибыли голландской буржуазии давала колониальная торговля. Само собой разумеется, что барыши делили те, кто стоял у руля правления, т. е. наибольшую выгоду из этой торговли извлекала хищная и предприимчивая верхушка купечества провинции Голландии, державшая в своих руках Ост-Индскую компанию.

Если в Европе торговля имела двусторонний интерес для торговых партнеров, то с выходом голландских купцов на мировую арену для них прояснилось то обстоятельство, что значение колоний как рынков сбыта невелико. Это характерно не только для

Голландии — в XVII в. колонии из-за неразвитости внутреннего потребительского рынка действительно не могли поглотить большого количества производимых метрополиями товаров. Поэтому преимущества промышленного скачка в экономике Голландии не могли быть реализованы в достаточной степени. Неудивительно, что главным источником доходов голландской буржуазии стала уже не взаимовыгодная торговля с партнерами, а ограбление природных богатств колоний и бесчеловечная эксплуатация их коренного населения, стоявшего на более низших ступенях развития. Доблестное голландское купечество переквалифицировалось в хищных стяжателей, не брезгающих ради получения прибыли предательствами, подкупам и убийствами.

В предыдущих разделах мы рассматривали быстрый рост производительных сил не только как результат смены формации, но и как одну из причин изменений общественных отношений. К числу дополнительных обстоятельств, приведших Голландию на некоторое время к промышленному преобладанию, относят также господство в торговле и захват обширных колониальных владений. Именно эти условия обеспечили Голландии добавочные стимулы как для производства, так и для интенсификации торговли. Голландская буржуазия имела свободный доступ к источникам сырья во многих странах и могла выгодно сбывать свою промышленную продукцию на внешних рынках; она располагала свободными капиталами для вложения в крупную промышленность.

Особую роль в налаживании современного по тем меркам товарного производства играла исключительно развитая по тому времени финансово-кредитная система. Однако чрезмерная концентрация капитала, территориальная ограниченность привели к тому, что Голландия пошла по пути развития не столько промышленного, сколько торгово-ростовщического капитала. Именно это привело страну к захирению после выдающихся успехов вслед за проведением буржуазной революции.

ПЕРЕХОД К ПРЕОБЛАДАНИЮ ТОРГОВО-РОСТОВЩИЧЕСКОГО КАПИТАЛА

О роли торгово-ростовщического капитала в жизни страны особенно ярко свидетельствует история ее самого важного экономического центра — Амстердама, являвшегося средоточием крупной голландской буржуазии, мировым торговым портом и центром биржевых, торговых и финансово-кредитных операций.

В начале XVII в. значение Амстердамской биржи, впоследствии заменившей и далеко превзошедшей знаменитую некогда биржу Антверпена, начинает расти стремительными темпами. На Амстердамской бирже при посредстве голландских маклеров заключались сделки между купцами и финансистами всей Европы; здесь котировались акции торговых компаний, определялись курсы государственных ценных бумаг, размещались займы, предоставляемые иностранным правительствам, здесь устанавливались цены на все товары, являвшиеся предметом голландской посреднической торговли, и т. д.

Обеспечение успешной работы биржи обуславливалось наличием крупных банков, основной из них, Амстердамский, был основан в 1609 г. Между банком и биржей существовала непосредственная и тесная связь. Этот банк служил сначала для депозитных, меновых и платежных операций. Но затем он расширил свои функции, став учетным и кредитным банком для всей Европы. Через Амстердамский банк проходило кредитование как самого города Амстердама и обеих колониальных торговых компаний, так и Голландской республики и европейских монархий. Используя голландский государственный долг, достигший в середине XVII в. 120 млн. гульденов, а во время войны за Испанское наследство внушительной цифры в 250 млн., банк мог оказывать давление на правительственные органы Голландии. Кроме того, этот банк успешно заимствовал в должники целые иностранные правительства. Посредством этого банк мог влиять на международную политику.

Амстердамский банк стал орудием власти и международного влияния крупной торговли буржуазии Голландии. В правлении банка, в правлении Ост-Индской

компании, и в городском управлении Амстердама участвовали одни и те же люди — представители крупнейших торговых компаний.

Эффективность голландской экономики в XVII в. покоилась на непрочном фундаменте. По мере расширения посреднической торговли голландская торговая буржуазия, получая все большие барыши, подчиняла себе все отрасли экономики страны. Однако существовавшие в то время благоприятные условия для посреднической торговли Голландии исчезали по мере развития капитализма в других странах. Крупный капитал в Нидерландах не заботился о производителях в собственной стране. В то время как другие европейские государства, в первую очередь Англия и Франция, уже систематически проводили политику покровительства собственной промышленности, голландская буржуазия ради получения торговой прибыли наводняла свой внутренний рынок более дешевыми иностранными изделиями и тем самым душила отечественную промышленность. В результате такой политики Голландия уже к концу XVII столетия утратила промышленное преобладание, а вслед за этим уступила Англии, стране быстро развивавшегося промышленного капитализма, и свои позиции в торговле. Отток свободных капиталов в сферу торгового посредничества лишил голландских производителей возможности улучшения и модернизации производства.

В функционировании в основном только торгового капитала в Голландии, в его преобладании над остальными видами финансово-кредитной деятельности можно справедливо видеть причину относительно быстрого упадка этого государства и его подчинения промышленной Англии. Таким образом можно утверждать, что история падения Голландии, господствующей долгое время торговой нации, не что иное, как история подчинения торгового капитала промышленному, яркий пример дисгармонии и несбалансированности рыночных отношений, приведших к далеко идущим негативным политическим последствиям.

ПОЛОЖЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВНУТРИ ГОЛЛАНДСКОГО СОЦИУМА

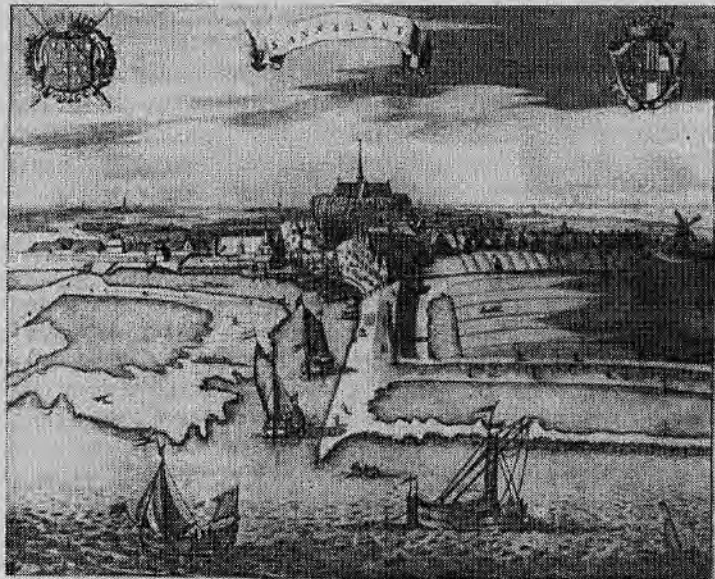
Успехи как торгового так и в начальной стадии промышленного капитала в Голландии, обогащению голландских предпринимателей сопутствовало обеднение основных групп населения. Понятно, что в эффективности промышленного производства немалую роль играли небольшие издержки на заработную плату. Погоня работодателей к удешевлению промышленного продукта привела к тому, что большинство населения Голландии уже в 1648 г. более страдало от чрезмерного труда, было беднее и терпело гнет более жестокий, чем население всей остальной Европы. Капиталистическая Голландия была страной резких имущественных контрастов. Колоссальным доходам воротил торгового мира противостояла невысокая зарплата мануфактурных рабочих и безысходная нужда сельскохозяйственных производителей.

Мелкие земельные собственники, крестьяне в наиболее развитых областях республики — Голландии и Зеландии — составляло не больше 20—25 процентов населения. За исключением небольшого слоя зажиточных фермеров, это были бедняки, обладавшие карликовыми наделами или вовсе не имевшие земли и вынужденные арендовать ее у крупных землевладельцев — купцов и дворян, живших в городах. Арендная плата росла из года в год, и в конце концов стала настолько высокой, что многие арендаторы, окончательно обнищав, были вынуждены возвращать участки владельцам и идти на заработки в город или поступать в батраки. Еще более тяжелым было положение сельского населения в восточных провинциях, где и после революции еще сильно были феодальные пережитки. В некоторых провинциях — Гельдерланде, Оверейсселе и на территории Северного Брабанта — сохранилась даже полукрепостническая зависимость крестьян. Остатки крепостничества сохранялись вплоть до XVIII в. и отменены были благодаря Французской революции.

Естественно, как наиболее бесправная группа населения, крестьянство облагалось многочисленными

и непомерно высокими государственными и местными налогами и сборами. Чтобы как-нибудь просуществовать, крестьяне часто бывали вынуждены работать на мануфактурах за нищенскую плату.

Этот непомерный гнет со стороны имущественных классов приводил к тому, что в течение всего XVII столетия в голландской деревне шла острая борьба против создавшегося положения. Различные источники сообщают о многочисленных крестьянских «бунтах» и «мятежах». Уже любое проявление непо-

Польдеры и плотины в Голландии.
Гравюра XVIII в.

виновения властям представляет собой социальный индикатор, красноречиво говорящий о неблагополучии в том или ином слое населения. Отмечались не только отдельные случаи проявления недовольства. Происходило порой и массовое выражение протеста, что выливалось в значительные восстания. Так, в 1655—1656 гг. несколько месяцев длилось восстание крестьян на острове Валхерен. Серьезные волнения имели место в 1657 г. в провинциях Гронин-

ген и Оверейссел. Безысходность и неинициативность сельскохозяйственных производителей приводили к тому, что выражение протеста против существующих порядков происходило только в момент поддержки восстаний городских низов.

В городах, в крупных портах трудящиеся массы подвергались не менее сильной эксплуатации, чем в сельской местности. В Лейдене смертность среди мануфактурных рабочих достигала колоссальных размеров. Заработная плата не давала возможности восстанавливать силы и рабочая сила воспроизводилась лишь благодаря постоянному притоку извне.

Крестьянская семья.
Гравюра Адриана ван Остаде 1653 г.

Это говорит о жестокой эксплуатации. Некоторые категории рабочих получали такую недельную заработную плату, которой им едва хватало на два-три дня. Работодатели широко использовали бесправный женский и детский труд. На многих мануфактурах Амстердама работали исключительно дети и подростки. Голландия наряду с Англией — родина «рабочих домов», в которых трудящиеся вынуждены были работать в поистине каторжных условиях.

Не менее тяжелым было также и положение голландских подмастерьев и мелких ремесленников. Труд матросов в голландском флоте оплачивался ниже, чем во флотах других европейских стран. 14—16-часовой рабочий день, низкий уровень платы при самой высокой в тогдашней Европе стоимости жизни, огромные прямые и косвенные государственные налоги, эксплуатация женского и детского труда — все это было характерно для голландского общества XVII столетия, в период развития и процветания «образцового» голландского капитализма, вызывавшего такую зависть среди буржуазии других стран. Об одном из крупных государственных деятелей Голландии сказано, что данный «великий патриот» прославляет в своих «Максимах» чрезмерное обложение народа «как наилучший способ развить в наемном рабочем покорность, умеренность, прилежание и... готовность переносить чрезмерный труд».

Как противодействие стремлению голландских предпринимателей за счет недостаточной оплаты труда получать прибыль повсеместно стали возникать союзы мануфактурных рабочих. С уже продолжавшими существовать союзами ремесленных подмастерьев союзы мануфактурных рабочих стали представлять собой реальную силу, способную к своей собственной социальной защите. Так, упорные многомесячные стачки происходили на лейденских мануфактурах в 1643—1644 гг.; во второй половине столетия стачки стали обычным явлением и во многих других городах Голландии.

Чтобы противостоять организованному движению мануфактурных рабочих, для борьбы с их стачечным движением был организован союз предпринимателей-суконщиков, с 1637 г. регулярно созывавший свои съезды.

Борьба рабочих за свои права в городах Голландии иногда принимала форму открытых народных восстаний: Восставшие в Бриле, Мидельбурге (1651) и Гронингене (1657 г.) городские низы выдвигали экономические требования и политические воззвания. Они добивались отмены наиболее обременительных налогов, участия в городском самоуправлении и т. п.

Если незначительное проявление недовольства в среде рабочих имело своей конкретной целью отмену того или иного налога, увеличение повременной оплаты, то копившийся многие годы протест против засилья крупной торговой буржуазии выливался в более угрожающие общественному правопорядку формы. Так, невиданно широкий размах имели восстания против господства крупной буржуазии, вспыхнувшие в Голландии в 1653 г., в период первой англо-голландской войны, и в 1672 г., во время вторжения французских войск. Эти восстания носили внутренне противоречивый, но вместе с тем патристический характер: рабочие выступали с требованиями принятия решительных мер для обороны страны, а их гнев выливался на виновников создавшегося положения — крупных правительственных чиновников, а также представителей финансовых кругов. Довольно мощные восстания имели место и в последующие годы: в 1680 г. — в Роттердаме, в 1695—1696 гг. — в Амстердаме, откуда волнения распространились и на остальную территорию Нидерландов.

Следует сказать, что наемные рабочие Голландии XVII в. еще не сложились в класс наемных рабочих в чистом виде. Их выступления были недостаточно организованными, повсеместно разрозненными. Попытки рабочих добиться улучшения своего положения, защитить свои гражданские права беспощадно подавлялись буржуазным государством, заинтересованном только в достижении преимуществ для имущественных групп населения.

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ГОЛЛАНДИИ

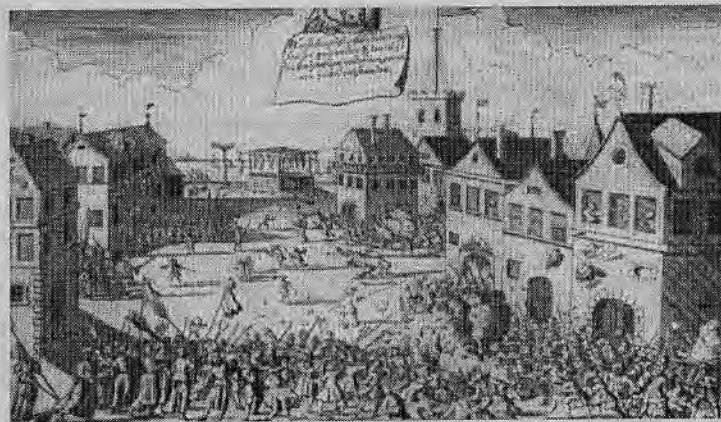
Голландский социум XVII столетия базировался на балансе интересов влиятельных слоев населения. Поэтому государственное устройство Соединенных провинций отражало компромисс между крупной буржуазией и дворянством, достигнутый еще в ходе Нидерландской революции. Верховным органом государства были генеральные штаты, в которых заседали делегации от семи провинциальных штатов. Генеральные штаты решали вопросы войны и мира, ведали финансами и вооруженными силами. Провинция Голландия в соответствии с экономическим могуществом ее буржуазии обладала в генеральных штатах наибольшим влиянием. Эта провинция представляла собой ядро существующего государства. Власть в отдельных провинциях принадлежала провинциальным штатам, состоявшим из делегаций от городских магистратов и представителей местного дворянства. Демократичность этой организации общества в широком смысле слова была недостаточной, потому что доступ во все органы управления был открыт лишь для 2—3 тыс. человек из верхушки голландской торговой буржуазии. С течением времени подобное установление привело к тому, что имущественные слои постепенно образовали замкнутую правящую касту «регентов». Таким образом о широком представительстве населения в органах управления не могло быть и речи, что естественно создавало в голландском социуме определенную напряженность.

Кроме этого, наряду с республиканскими учреждениями, имеющими прогрессивный характер, был сохранен такой осколок феодальной монархии, как должность провинциального штатгальтера, полномочия которого во многих вопросах давали ему возможность вторгаться в сферу компетенции провинциальных и генеральных штатов. Штатгальтерами в большинстве провинций являлись принцы Оранского дома, им же вверялись и военные функции — командование армией.

С момента укрепления республики между представителями феодальной знати, возглавляемой династией Оранских и купеческой олигархией, представля-

ющей новые производительные силы, возникает борьба за власть.

Любое внешнеполитическое событие, связанное с угрозой безопасности для страны, приводило к тому, что влияние Оранского дома становилось преобладающим. Особенно оно возросло во время войны с Испанией, возобновившейся по окончании перемирия в 1621 г. После Тридцатилетней войны борьба за власть между сторонниками штатгальтера — оранжистами — и крупной голландской буржуазией возобновилась с еще большим ожесточением. Таким образом мы видим, что победа буржуазной револю-

Восстание в Амстердаме в 1696 г.
Гравюра XVII в.

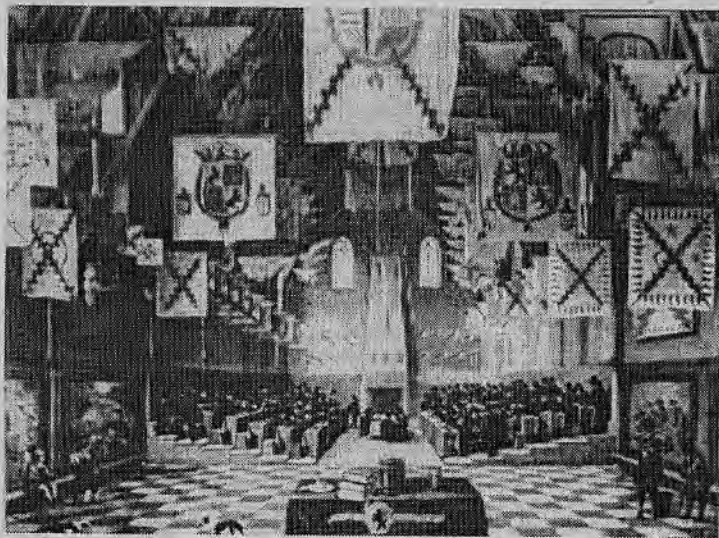
ции не устранила и не могла окончательно устранить извечные противоречия между прогрессивным новым — капиталистами-предпринимателями, и феодальной знатью, помышлявшей о возвращении своих сословных привилегий. Однако поворота к старым временам произойти уже не могло. Так, когда летом 1650 г. Вильгельм II Оранский сделал попытку вооруженного переворота, то он не получил широкой поддержки в стране и добился лишь частичного успеха. Широкие слои населения не поддержали дворянство, видя в нем извечного социального врага. После смерти Вильгельма II Оранского

власть была полностью захвачена партией крупной торговой буржуазии, возглавляемой Яном де Виттом. В качестве «великого пенсионария» провинции Голландии Ян де Витт являлся как бы президентом Голландской республики и руководителем ее внешней политики.

Следует отметить, что политические устремления крупной торговой буржуазии были поддержаны теми слоями населения, которые видели в крупных предпринимателях не собственных врагов, но только социальных соперников, над которыми при известных условиях можно одержать победу.

С момента захвата власти Яном де Виттом принцы Оранские потеряли всякое политическое влияние. Голландские провинциальные штаты отменили должность штатгальтера в своей провинции, а «Вечный эдикт» 1667 г., установивший несовместимость звания штатгальтера с высшим военным и военноморским командованием, лишил Оранских возможности опираться на офицерство армии и флота.

В целях предотвращения усиления влияния прин-

Заседание генеральных штатов
в Гааге в 1651 г.
Д. ван Деелен.

цев Оранских в будущем повсеместно офицеры-дворяне, принадлежавшие почти полностью к партии оранжистов, были заменены командирами буржуазного происхождения.

Однако эти преобразования носили поверхностный характер. Укрепляя свои позиции в армии и флоте, буржуазная олигархия проявляла мало заботы о военных силах. Жестокая экономия в военных расходах осуществлялась ею независимо от международной обстановки. Политика голландского крупного капитала, правившего страной, привела к тому, что Голландия оказалась недостаточно подготовленной перед лицом французского вторжения в 1672 г. Это вызвало мощное народное восстание, во время которого «великий пенсионарий» Ян де Витт погиб. Купеческая олигархия, потерявшая ввиду бездарного поражения все политические козыри, была вынуждена уступить власть оранжистской реакции в лице Вильгельма III Оранского.

Обладающая реальной силой голландская буржуазия, напуганная политической активностью народа, долгое время мирилась с почти абсолютной монархической властью Вильгельма. Буржуазные государственные деятели Фагель и Хейнсиус, преемники де Витта на посту великого пенсионария Голландии, являлись послушными исполнителями его воли. Но после избрания Вильгельма королем Англии и установления англо-голландской унии (1689 г.) голландская буржуазия стала проявлять недовольство его правлением, тем более что Вильгельм фактически выступал в роли покровителя главной соперницы голландской буржуазии — английской буржуазии. Это привело к тому, что после смерти Вильгельма (1702 г.) голландская буржуазия организованно выступила на защиту своих интересов и отказалась от избрания нового штатгальтера. Таким образом, власть вновь сосредоточилась в руках ведущей общественной силы голландского социума XVII столетия.

ВОЙНЫ ГОЛЛАНДИИ С АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ. ПРИЧИНЫ АНГЛО-ГОЛЛАНДСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

Вся политика Голландии в XVII столетии строилась на попытках установления повсеместной торговой монополии. Противодействие этой политике приводило к тому, что международное положение Голландии в XVII в. бывало временами очень сложным: у нее нередко возникали конфликты с правительствами тех государств, которым она пыталась в той или иной мере ущемить торговые интересы.

Агрессивность торгового поведения Голландии имела свое объяснение не только в том, что ее экономика была чрезвычайно эффективной, а торговые сделки приносили колоссальные барыши. Дело в том, что республика имела более или менее спокойный континентальный тыл — Германию. Голландия — единственная часть Ганзы, достигшая коммерческого значения, — отделилась, отрезав Германию, за исключением только двух портов (Гамбург и Бремен), от мировой торговли, и стала с тех пор господствовать над всей немецкой торговлей.

Господство голландских купцов позволяло им получать барыши с многих товаров германского производства. Немецкие бюргеры были слишком бессильны, чтобы ограничить эксплуатацию со стороны голландцев, а только зарождавшийся крупный немецкий капитал сам нуждался в поддержке. Буржуазия маленькой Голландии, с ее развитыми торговыми интересами, была могущественнее, чем гораздо более многочисленные немецкие бюргеры с характерным для них отсутствием общих устремлений и с их раздробленными мелочными интересами.

Тем не менее, такая ситуация могла сложиться только в торговле в Германии. Голландские претензии на внешнеторговую монополию встречали отпор в России, Швеции, Дании, но все же и тут, как правило, дело не доходило до открытых столкновений, поскольку торговля в этих странах носила достаточно взаимовыгодный характер. К тому же промышленное производство в указанных странах, особенно в России, не носило такого интенсивного характера, как в Голландии, что позволяло многим голландским товарам господствовать на рынках этих стран.

Совсем по-иному складывались торговые отношения Голландии с двумя крупнейшими западноевропейскими государствами — Францией и Англией, капитализм в которых устремлял свое развитие вслед за голландским.

Уже с момента выхода страны на международную арену резко выявились противоречия между голландской и английской буржуазией. Это проявилось в активной и порой беспощадной конкуренции между голландскими и английскими купцами на европейских рынках и в соперничестве их в колониях в течение первой половины XVII в. Борьба за рынки сбыта товаров порой обострялась настолько, что обе страны оказывались на пороге открытых военных выступлений.

Традиционные рынки сбыта английских товаров успешно захватывались голландцами. Это происходило в России и на рынках балтийских стран, в североамериканских колониях и в странах Восточной Азии, на Средиземном море и на побережье Западной Африки — повсюду более богатые голландские купцы теснили английских. Временами дело доходило до вооруженных столкновений между торговыми компаниями на море, как это было в 1617—1618 гг. в районе Зондских и Молуккских островов. В годы гражданской войны в Англии голландская буржуазия, соблюдая дружественный нейтралитет по отношению к английскому парламенту, одновременно пользуясь слабостью Англии, усилила наступление на позиции Англии в торговле. Ни о какой так называемой классовой солидарности речи не могло быть. Наоборот, используя внутренние противоречия Англии, Голландия провела наиболее чувствительные торговые интервенции в тех странах, которые были по тем или иным причинам не расположены активно поддерживать торговлю с Англией. Потери английская буржуазия понесла на русском и балтийских рынках, а также на рынках средиземноморских стран и в колониях Испании.

Тем не менее, после победы буржуазной революции в Англии наступил кратковременный период наибольшего англо-голландского сближения. В Гааге и Лондоне шли переговоры о заключении тесного военно-политического союза и разделе сфер влияния.

Однако противоречия между Голландией и Англией оказались в конечном счете сильнее тех факторов, которые их сближали. Существенную роль при этом сыграли происки оранжистов и безжавших во время революции в Голландию английских роялистов, а также усилия французской и испанской дипломатии, стремившейся разжечь войну между обеими буржуазными республиками, что было на руку абсолютистским режимам в обоих государствах.

Для учета своих экономических интересов буржуазный парламент Англии предпринял ряд политических акций, среди которых принятие «Навигационного акта» (1651 г.), направленного против голландского посредничества в торговле Англии с другими странами. Подобное протекционистское действие знаменовало изменение курса английской политики в отношении Голландии.

Правительство Голландии открыто заявило о своем несогласии с решением английского парламента и призвало отменить документ, ущемляющий торговлю голландцев. Последовавший отказ англичан отменить акт послужил одной из причин первой англо-голландской войны (1652—1654).

Война между морскими силами Англии и Голландии в основном протекала в виде гигантских по масштабам XVII столетия морских сражений, в каждом из которых нередко участвовало с обеих сторон свыше 200 кораблей с общим количеством матросов в 20—30 тыс. человек, с 6—8 тыс. орудий.

Несмотря на высокие боевые качества голландских моряков и флотоводческое искусство голландских адмиралов во главе с Мартином Тромпом, голландский флот все же потерпел ряд поражений в решающих битвах в июне—июле 1653 г. С одной стороны причины поражения голландского флота объясняются недостаточным опытом ведения боевых действий, а с другой — превосходством английской военной организации и военной техники, созданной в ходе гражданской войны. Ведение широкомасштабных боевых операций на море было для англичан уже привычным делом.

Первая англо-голландская война явилась суровым испытанием для голландской экономики. Голландские торговые суда в большинстве случаев не сопровож-

дались военной охраной, были рассеяны по всему миру. Они легко становились добычей англичан. Большой урон был нанесен также голландскому рыболовному флоту. Блокада голландского побережья английским флотом летом 1653 г. обнажила самую слабую сторону голландской экономики — ее чрезмерную зависимость от внешней торговли: блокада едва не привела Голландию к катастрофе. По мирному договору, подписанному в Вестминстере 15 апреля 1654 г., Голландия признала «Навигационный акт» и обязалась возместить ущерб, нанесенный английской Ост-Индской компании, начиная с 1611 г. Этот мир знаменовал начало отступления Голландии перед Англией в торговом соперничестве.

Несмотря на поражение Голландии, первая англо-голландская война не разрешила экономических противоречий между обеими странами. Еще в годы протектората отношения не раз обострялись. Голландская дипломатия в течение ряда лет безуспешно добивалась заключения договора с Англией, который должен был, по ее плану, свести на нет действие «Навигационного акта», который приносил огромные убытки голландской стороне.

Реставрация Стюартов в Англии не смягчила англо-голландского соперничества. Двор Карла II был материально и политически заинтересован в военных авантюрах против голландской буржуазии и вел агрессивную политику, чувствуя легкую добычу. Новый «Навигационный акт», изданный Карлом II в 1660 г., был еще менее приемлемым для голландцев, чем акт 1651 г.

В удаленных на многие тысячи километров от метрополий колониях происходили частые столкновения. Эти столкновения послужили формальной причиной разрыва отношений и второй англо-голландской войны.

Официально война была объявлена в начале 1655 г., но фактически она началась уже в 1664 г. с нападения англичан на голландские крепости на западном побережье Африки и с захвата ими Нового Амстердама в Северной Америке. Голландцы значительно усилили свой флот со времени первой войны и улучшили его организацию. Переняв опыт англичан в ведении морских сражений, голландский флот

под командованием де Рюйтера нанес англичанам поражение и даже, ворвавшись в Темзу, угрожал Лондону. Такой оборот событий был настолько неожиданным для английской стороны, что в этой обострившейся обстановке англичане были вынуждены подписать 31 июля 1667 г. Бредский договор, по которому Англия удержала за собой Новый Амстердам, а Голландия получила Суринам в Южной Америке и сохранила отнятый у англичан остров Пуло-Ран (Молуккские острова). Условия «Навигационного акта», которые были неприемлемы для голландцев и служили поводом для ведения войны, были несколько смягчены.

Однако возникновение двух войн в течение одного десятилетия между высокоразвитыми по тем временам государствами заставил многих политиков по другому рассмотреть те противоречия, которые приводили к военным действиям. Необходимо было устранить эти противоречия более или менее цивилизованным путем. Речь шла о разделе рынков сбыта ненасильственными методами. И уже вторая англо-голландская война явилась поворотным пунктом в истории отношений между обоими государствами. Уход англичан из Индонезии, а голландцев из Северной Америки фактически означал раздел сфер влияния между голландской и английской буржуазией.

Все же до конца интересы обеих сторон не были учтены. Однако острота противоречий была снята. Поэтому третья англо-голландская война (1672—1674) не носила столь ожесточенного характера, как предыдущие войны. Главным противником Голландии на этот раз выступила уже Франция, для которой завоевание Голландии было одним из условий установления гегемонии в Европе. Многие исследователи считают, что Англию втянул в войну Карл II, связанный тайными обязательствами с Людовиком XIV. Английскую буржуазию удалось также прельстить обещаниями присоединения к Англии голландского острова Валхерн и городов Бриля и Кадзанда; Шельда оказалась бы, таким образом, открытой для английской торговли, а голландское побережье — под контролем английского военного флота.

Однако планам расчленения Голландии не суждено было осуществиться. Перед угрозой потери

национальной независимости голландцы сплотились и смогли успешно противостоять агрессорам. Для того чтобы отразить нападение огромной французской армии на суше, голландцы открыли плотины, и море, затопив часть страны, создало непреодолимое препятствие на пути наступающих французов. На море де Рюйтер, оставив небольшую эскадру для отвлечения французов, направил главные удары против более сильного английского флота и сумел полностью обеспечить безопасность голландского побережья. В ряде сражений голландские военные моряки, защищая родные края, проявили невиданное упорство и храбрость в ведении боев. Тем временем в Англии победы голландского флота, с одной стороны, и разоблачение тайных намерений английского двора — с другой, вызвали недовольство буржуазии. По настоянию парламента король подписал в феврале 1674 г. сепаратный мир с Голландией. Мирный договор не внес существенных изменений в положение сторон, хотя и явился моральной победой голландцев. Война же с Францией продолжалась до 1678 г., когда был заключен Нимвегенский мир, остановивший кровопролитие.

Попытки Голландии военным путем решить вопросы усиления своей торговой экспансии привели к тому, что общим результатом военных действий было ослабление военной и государственной мощи Голландии, ограничение ее торговли и колониальной экспансии, т. е. привели к противоположному результату от искомого.

Англо-голландские войны 50—70-х годов, таким образом, ускорили падение торгового могущества Голландии. Обострение внутренних противоречий и народные восстания, которые также в известной мере явились следствием войн, пошатнули господство голландской буржуазии и вынудили ее искать внешней поддержки. Наиболее приемлемым для нее союзником была английская буржуазия. Взаимный учет интересов уже имел место в отношениях между правящими имущественными группами Голландии и Англии. Голландия желала в дальнейшем также и совместной борьбы против Франции, что было на руку и буржуазии Англии.

Совсем иной характер носили войны Голландии с

Францией. Военные действия 1672—1678, 1688—1697, 1702—1713 годов оказались для небольшой по территории и населению Голландии еще более разорительными, чем войны с Англией. Битвы и сражения, происходившие на территории республики, причинили ей серьезный ущерб: большой падеж скота, разрушение сложной ирригационной системы, которая возводилась не один десяток лет. Войны также вызвали массовое недовольство населения и т. д.

Кроме внутренней разрухи, войны с Францией привели к тому, что Голландия оказывалась все в большем политическом подчинении у своей союзницы Англии: голландская территория служила форпостом Англии на континенте, голландский морской флот играл роль вспомогательной силы для английского флота.

Голландцы всячески пытались уменьшить отрицательные последствия войн с Францией, однако единственное, чего они достигли в результате этих попыток, было признание за нею по Утрехтскому миру 1713 г. права содержать свои гарнизоны в некоторых крепостях на территории Испанских Нидерландов (так называемые берьерные крепости), что должно было гарантировать ее от французской агрессии. Гарнизоны были хорошо вооружены, укомплектовывались боеспособными отрядами, но насколько призрачными были эти гарантии, обнаружилось в 1747—1748 гг., когда во время войны за Австрийское наследство французские войска без особого труда овладели этими крепостями, и только вмешательство Англии спасло Голландию от полного разгрома. Хотя французские войска остановили свое дальнейшее продвижение в глубь территории Соединенных провинций Нидерландов, фактически постоянная военная угроза со стороны Франции означала конец голландского великодержавия.

Европейская политика XVII столетия характерна большой изменчивостью. Уже во время войны североамериканских колоний за независимость Голландия выступила совместно с Францией и Испанией против Англии. Но ее военно-морские силы в это время находились уже в полном упадке. Англичане фактически блокировали республику: в 1781 г. через Зунд прошло всего 11 голландских кораблей. Эта

четвертая по счету англо-голландская война (1780—1784 гг.) нанесла новый удар Голландии как колониальной державе. К Англии перешел Негепатам, важный опорный пункт голландцев в Индии. Утверждение англичан в Негепатаме создало угрозу голландскому господству на острове Цейлон, который несколько позже (1795 г.) также попал в руки англичан.

Используя слабость Голландии, Англия добилась для своих предпринимателей свободы в торговле пряностями. Беспрепятственный проход торгового флота англичан по многим морям привел к мощной экспансии английской торговли. В результате войны долг голландской Ост-Индской компании, понесшей огромные убытки, значительно увеличился и достиг в конце 70-х годов XVIII в. 85 млн. гульденов; компания оказалась на грани банкротства. Не в лучшем состоянии была и Вест-Индская компания. Ради спасения этих компаний от банкротства государство было вынуждено взять на себя уплату их долгов.

СПАД ЭКОНОМИКИ ГОЛЛАНДИИ В XVIII В. ПАДЕНИЕ ПОСРЕДНИЧЕСКОЙ ТОРГОВЛИ

Многочисленные войны, разорявшие Голландию, лишь ускорили наступление ее экономического упадка, который вызывался как развитием деструктивного торгово-посреднического капитализма, так и глубокими социально-экономическими причинами. Развитие капитализма в других европейских странах и появление у них собственной крупной промышленности, улучшение транспортных средств и установление прямого обмена между странами приводили к постепенному падению в XVIII столетии голландской посреднической торговли. Однако широта торговых и финансовых связей позволила голландской буржуазии еще на несколько десятилетий удержать свои позиции. В конце XVIII в. свыше 80 процентов всего зерна, экспортируемого из восточноевропейских стран, по-прежнему вывозилось на голландских судах; значительная часть шведских металлов, норвежского леса и т. д. также проходила через руки голландцев.

Несмотря на свое значительное политическое поражение и потерю многих монополизированных отраслей торговли колониальными товарами, голландцы по-прежнему почти вдвое больше англичан торговали подобными заморскими товарами, совокупный оборот ее превышал в отдельные годы 3 млн. ф. ст. Большое значение продолжала сохранять в XVIII в. голландско-русская торговля. Перехваченная у англичан инициатива в торговле с Россией позволяла голландцам оставаться одним из главных торговых партнеров России на Западе. Широта торговых и финансовых связей все еще давала возможность Амстердаму до конца Семилетней войны оставаться главным торговым и финансовым центром Европы, несмотря на все потери.

Однако совершенно иная картина наблюдалась в промышленности. Мануфактурное производство сукна в Лейдене упало с 120 тыс. кусков в середине XVII в. до 30 тыс. в конце XVIII в. Еще пострадало голландское кораблестроение: на крупнейших верфях число строящихся судов уменьшилось за XVIII столетие в 10—15 раз. Такая существенная для Голландии отрасль народного хозяйства, как рыболовный промысел, также находилась в упадке. В середине XVII в. выходило в море 1500—2000 рыболовных судов, а в середине XVIII в. — не более 200. Все попытки более прогрессивных слоев буржуазии, связанных с промышленностью, добиться проведения протекционистской политики разбивались о равнодушие купеческой олигархии. Исход англо-голландского торгового соперничества был предопределен уже на рубеже XVII—XVIII вв., когда английская промышленность обогнала голландскую. Однако это исходит из самого характера крупного торгово-ростовщического капитала, независимо от его национальной принадлежности. Внутри своей страны, т. е. в самой Голландии финансовая олигархия не находила собственному капиталу применения. В XVIII веке голландский капитал, теряя в торговле одну позицию за другой, постепенно переходит к финансированию других государств, в первую очередь Англии. Таким образом, выражаясь современным языком, произошло бегство капитала. Изменилась самая структура англо-голландской торговли:

в то время как товарный баланс стал для Голландии пассивным, платежный и вексельный баланс был для нее активным. Из государства предприимчивых торговцев и колонизаторов Голландия постепенно превратилась в государство-рантье, живущее на проценты от вложенного капитала. Естественно, это привело к большим социально-политическим издержкам, в первую очередь к постепенному перерождению экономики. Уже к середине XVIII столетия Англия превзошла Голландию также по судоходству и по оборотам внешней торговли. Голландский торговый капитал с этого времени оказался в сильной зависимости у английского промышленного капитала. Это означало и потерю политического веса государства.

ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ГОЛЛАНДСКОГО СОЦИУМА КОНЦА XVII СТОЛЕТИЯ

Нарастание политической зависимости от Англии, явный регресс голландской экономики вызвали в стране резкое обострение социальной борьбы. Новый период правления без штатгальтера (1702—1747) открылся мелкими городскими восстаниями, направленными против ненавистных членов правящей касты. Самые крупные вспышки произошли в городах Миделбурге и Гусе, в провинции Зеландия, а также на острове Толен. Городские волнения сопровождались кровавыми столкновениями с регулярными войсками и бюргерской милицией. Как всегда, более социально пассивные сельскохозяйственные работники сначала выступали в поддержку городских низов, а вскоре брожение охватило и более широкие круги крестьянства. В районе Велове провинции Гельдерланд крестьяне, возмущенные политикой правящих кругов, а также собственным бедственным положением, в течение нескольких лет отказывались платить налоги.

Крупное товарное производство при своем свертывании, т. е. явном упадке, вызвало массовую безработицу, особенно остро ощущавшуюся во второй половине столетия. «Простой рабочий люд, — говорится в одном из голландских журналов того времени, —

гибнет от нужды и горя. Работные дома набиты битком».

Откат эффективности экономики вызвал мощные социальные потрясения. Даже положение рабочих, которые имели работу, было не многим лучше. Сохранились свидетельства современника, из которых следует, что преступники в Голландии XVII столетия содержались в лучших условиях, чем приходилось жить брабантским крестьянам, занятым в рассеянной мануфактуре. Только в централизованных мануфактурах у рабочих была возможность бороться коллективно (стачки рабочих-сукноделов в 1718—1721 г., рабочих на верфях и т. д.) Одна из стачек в 1729 г. завершилась заключением коллективного договора с предпринимателями. Этот договор представляет, по всей вероятности, первый документ подобного рода в истории рабочего движения. Наличие такого документа уже в XVII столетии говорит о том, что цивилизованные общественные отношения в том или ином социуме возможны на любом отрезке времени.

Однако договорные отношения между социально противостоящими группами населения являются в XVII столетии лишь частными и локальными проявлениями. Господствовало же недовольство олигархическим правлением в стране. Оно неуклонно и постоянно нарастало. Нашествие французской армии в 1747—1748 гг. послужило толчком для возникновения новых народных волнений. Из страха перед восстанием «регенты» снова пошли на компромисс с оранжистами, провозгласив в 1747 г. штатгальтером Вильгельма IV, родственника Оранских по женской линии. Тем не менее в мае—июне 1748 г. вся республика была охвачена восстаниями. Произошло это по причине дальнейшего произвола откупщиков и чрезмерно высоких налогов. Начавшись во Фрисландии, волнения быстро перекинулись в другие провинции. Бурные выступления происходили в Лейдене, Гааге, Хаарлеме и, наконец, Амстердаме. Охватив ряд крупных промышленных центров, восстание достигло наибольшего размаха. Восставшие требовали отмены налогов, громили дома откупщиков и нередко обращали в бегство вооруженных солдат.

Конечно, если бы для подавления этих волнений среди населения были привлечены те или иные иноземные усмирители, то результат был бы иным. Войска не хотели применять оружие против соотечественников. Знаменательно, что в ходе этих восстаний возникали и такие нестандартные ситуации, когда было продемонстрировано нежелание бюргерской милиции охранять вверенных ее защите ненавистных откупщиков-патрициев. В этот период средние слои горожан (в основном ремесленные мастера, а также промышленная буржуазия) впервые выступают самостоятельно, противопоставляя себя как городской «черни», так и «регентам» и добиваясь участия в управлении.

Еще в ходе бурных волнений становилось ясным, что расчеты промышленной буржуазии на штатгальтера Вильгельма IV не оправдались. Штатгальтер предпочел сохранить союз с олигархией. Политика Вильгельма вызвала антиоранжистские настроения у ремесленников и промышленной буржуазии. В 50-х годах XVIII в. был даже издан ряд памфлетов, направленных против оранжистов и оправдывавших Яна де Витта. Предприимчивые голландцы пытались использовать в политических целях и свои достижения в книгопечатании.

Изменение политической конъюнктуры привело к тому, что в 70-х годах оформилась буржуазная партия, сторонники которой называли себя «патриотами». Вся программа «патриотов» сводилась к требованию установить контроль над управлением, заключить союз с Францией и возобновить борьбу против Англии. «Патриоты», в особенности один из их видных лидеров — Ян Дерк ван дер Капеллен, выступали также в поддержку американской революции.

Некоторая часть «регентов», видя неспособность представителей крупного торгово-ростовщического капитала управлять страной, также присоединилась к требованиям «патриотов».

Полная неспособность олигархии успешно вести войну против Англии, начавшуюся в конце 1780 г., побудила «патриотов» преобразовать бюргерскую милицию в добровольческие корпуса, находившиеся под их контролем. Штатгальтер Вильгельм V в 1784 г.

покинул Голландию и был водворен обратно через три года только с помощью прусских штыков. Назрела угроза потери политической независимости. Последние годы XVIII в. Голландия влачила жалкое существование под властью касты «регентов», давно утративших способность к эффективному управлению государством. Когда в январе 1795 г. французская революционная армия пересекла границу страны, различные слои населения приветствовали ее как свою освободительницу. Ответшало здание Соединенных провинций Нидерландов при первом серьезном испытании рассыпалось как карточный домик.

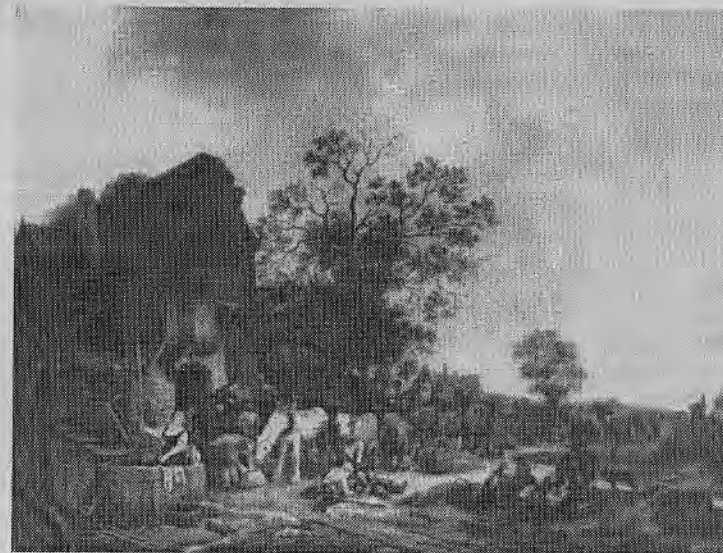
ЭВОЛЮЦИЯ ГОЛЛАНДСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII И В XVIII В.

Расцвет голландской экономики и усиление политической мощи страны привели к успешному развитию естественнонаучных дисциплин и к значительным достижениям в области культуры. Постепенная экономическая, а затем и политическая регрессия Голландии также сказывались на эволюции ее культуры. Правда, различные области культуры развивались по-разному. В частности, в области естественных и точных наук, тесно связанных с экономическими потребностями общества, происходило дальнейшее накопление знаний и были сделаны важные открытия. Резкое обострение социальных противоречий нашло свое отражение в смелых выводах лучших представителей голландской философии и общественной мысли.

Вслед за экономическим положением, культура Голландии уже во второй половине XVII столетия вступает в полосу кризиса, который переходит затем в ясно выраженный упадок. Этот кризис сказался особенно наглядно в изобразительном искусстве. Время создания лучших произведений в живописи, т. е. в той области, в которой ранее были созданы высшие ценности голландской культуры, имеющие мировое значение, к середине XVII столетия кончилось.

Расцвет голландской культуры связывают с пас-

сионарной деятельностью наиболее прогрессивного слоя населения — предпринимательского, а упадок ее с конца XVII в. связан с общим упадком страны и перерождением некогда революционного предприимчивого класса буржуазии. Достигнув политического и экономического могущества, голландская буржуазия становится реакционной силой. Буржуазия, охваченная постоянным беспокойством и страхом перед угнетенными массами, подавляет малейшие проявления народного недовольства.

Деревенская гостиница.
Исаак ван Остаде. 1646 г.

Искусство отражает реальную жизнь, и поэтому результатом экономического застоя было заметное изменение даже самого типа голландского буржуа. Еще недавно энергичные и инициативные купцы и предприниматели превратились в паразитический класс рантье, живущих на проценты со своего капитала. Этим рантье чужды были демократические вкусы их предков, равно как и образ их жизни.

Чужеземное влияние не обошло стороной голландских буржуа XVII в. В массе они отворачиваются

от своей национальной культуры, стремятся подражать обычаям и модам французской аристократии. Даже духовной сущностью собственного этноса — его языком, они пренебрегают, предпочитая ему английский или французский.

СПИНОЗА

Философия является частью мировоззренческих наук, поэтому достижения в этой отрасли отражают уровень осмысления действительности. Крупнейшим явлением голландской культуры второй половины XVII в. была философия Баруха (Бенедикта) Спинозы (Spinoza, d'Espinosa).

Философия Спинозы является плодом Нидерландской буржуазной революции XVI в. Правда, со времени революции протекло немало времени, и Спиноза шестнадцатилетним юношей был свидетелем окончания войны Голландии с Испанией за независимость. Но именно этот сложный послереволюционный период, изобиловавший социальными и политическими противоречиями, послужил питательной почвой для созревания новых идей. Материалистические идеи, истоки которых восходили к настроениям бурного революционного времени, оформились лишь через много лет после революции. Появлению философии Спинозы содействовала установившаяся в Голландии значительная свобода печати и вероисповедания, — так же, как и атмосфера острой борьбы религиозно-политических учений. Свободомыслие явилось почвой для появления подобного учения.

Родиной философа был Амстердам. Спиноза родился в еврейской купеческой семье в 1632 г. Еще во время обучения в религиозной школе Спиноза искал за ее узкими рамками удовлетворения своего интереса к естественным наукам и философии, расцветавшим тогда в Голландии. Позже он совершенно уклонился от религиозной обрядности и в 1656 г. за вольнодумство был отлучен от религиозной общины и предан проклятию, хотя он был религиозным человеком, но пантеистом. Таким образом, Спиноза остался вне какого бы то ни было вероисповедания,

что было редкостью в то время. Покинув семью, он зарабатывал на жизнь трудом шлифовальщика оптических стекол. Большая часть трудов Спинозы была издана анонимно, а главный труд жизни — «Этика» — появился лишь в составе «Посмертных сочинений», опубликованных друзьями Спинозы в 1678 г. и тотчас запрещенных за «кощунственные и безбожные учения».

Мир, по Спинозе, закономерная система, которая может быть познана геометрическим методом. Природа, пантеистически отождествляемая с богом, — единая, вечная и бесконечная субстанция, причина самой себя.

Однако общественно-политические идеи Спинозы далеко не революционны. Они скорее отражают

Барух Спиноза.
Гравюра XVII в.

интересы пришедшей к власти буржуазии, заинтересованной в «порядке» и крепкой узде для народа. Кроме «людей разума», по мнению Спинозы, есть и «толпа», которой руководят страсти, а не разум. Поэтому и нужно сильное (однако лишь республиканское) государство; «ни одно общество, — пишет он в «Богословско-политическом трактате», — не может существовать без власти и силы». Права индивидуумов и властей простираются дотолы, доколе простирается их мощь, общество есть система сил, и задача состоит в том, чтобы найти устойчивое равновесие этих сил. Если кто-либо в обществе чинит людям зло, мешает им существовать и наслаждаться разумной жизнью, то его «позволительно удалить от себя путем, который нам кажется надежнее» (здесь Спиноза косвенно оправдывает революционное насилие). Государство со своей стороны обеспечивает людям мирную жизнь, их «естественные неотчуждаемые права», как, например, права частной собственности, свободу совести и мысли. В условиях веротерпимости и обуздания государством церковных распри возможен расцвет научного знания, просвещения. Именно в просвещении, в познании видит Спиноза конечное средство от всех бед, которые претерпевает общество.

Общественные неурядицы порождаются, по мнению Спинозы, страстями и аффектами, — чувствами любви и ненависти, гнева и зависти, симпатии и честолюбия и т. д. Пока человек не осознал своих аффектов, он является их рабом. Напротив, он свободен, если аффект разума взял верх над всеми остальными аффектами. Их надо не осуждать или хвалить, говорит Спиноза, не плакать или смеяться над ними, а понимать их: ведь аффекты — такие же свойства природы человека, как тепло и холод, дождь и ветер — свойства атмосферы. Нет абсолютных добра и зла, данных свыше норм морали, чего-либо самого по себе справедливого и несправедливого. Страсти людей — это лишь природные силы, познаваемые столь же естественной силой разума. Управлять ими можно и силой государства.

Человек, по учению Спинозы, есть неотъемлемая часть всей природы, по сути однородная с остальной природой. Это было опровержением декартов-

ского дуализма телесного и духовного начал, естествознания и теологии. Спиноза в «Этике» создал ясную, стройную, облеченную в форму геометрических доказательств, можнистическую систему: существует лишь единая субстанция — природа. Спиноза называет ее богом в том смысле, что она не имеет творца и является «причиной самой себя». «Субстанция» Спинозы — это материя; все вещи — лишь проявления, части этой единой субстанции, не существующие вне ее. В мире царит причинная необходимость, в нем нет места для чудес и сверхъестественных событий. Изменяются и движутся лишь отдельные вещи: сама субстанция неизменима и вечна. Душа человека, по мнению Спинозы, это его модус (образ) мышления.

Не умея еще распространить материализм на явления общественной жизни, Спиноза искал выход в учении об атрибутах (существенных, неотъемлемых свойствах) материальной субстанции. Он учил, что нам известны два из бесчисленных атрибутов субстанции: протяженность и мышление. Под протяженностью он разумел пространственно-механическую взаимосвязь мира или собственно материальность субстанции. Признавая и мышление атрибутом этой материальной субстанции, Спиноза тем самым допускал ошибочную идею о всеобщей одушевленности материи.

Ядро воззрений Спинозы может быть определено как смелый и чрезвычайно глубокий для XVII в. атеизм и материализм. Церковники преследовали его за подход к «Священному писанию» как обычному сочинению, а не божественному откровению, за утилитарную мораль, за отрицание всех основ религии, в которой он не обнаруживал ничего, кроме «фантазии и бреда подавленной и робкой души» и средства «внушить народу почитание своих царей, как богов». Спиноза вызвал против себя бурю негодования. Современник Спинозы писал: «Дьявол совратил великое множество людей, но можно, право, сомневаться, чтобы кто-либо между ними работал над разрушением всякого божественного и человеческого права с такой силой, как этот лжеучитель, рожденный на погибель религии и государства».

Создав учение о природе как причине самой себя,

Спиноза стал одним из основоположников научного естествознания. Нужно признать, что ученые того времени, наиболее выдающимся среди которых признан Спиноза, настойчиво пытались объяснить мир из него самого, тогда как отдельные детали они не могли объяснить, поскольку для этого еще не было накоплено достаточно научного материала.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСКУССТВА

Классицизм ориентировался на наследие античной культуры как на норму и идеальный образец. Когда в развивающемся социуме приходили к представлениям о разумной закономерности мира, о главенстве разума и общественного долга в жизни людей, тогда возникала благодатная почва для перехода к стилю классицизма в культуре. В голландской архитектуре это происходило, начиная с середины XVII в. Тогда произошел крутой поворот к классицизму. Самое крупное здание в республике Соединенных Провинций — монументальная ратуша в Амстердаме — строится в стиле классицизма, как выражение торжества общественных начал над личными. Начатое постройкой в 1648 г. это величественное здание, богато украшенное внутри, было призвано воплотить идею могущества голландской державы. Для возведения фундамента амстердамской ратуши понадобилось вбить в насыщенную водой почву свыше 13 тысяч свай. Строителем ее был крупнейший голландский архитектор Якоб ван Кампен (1595—1657). Голландские зодчие второй половины того же столетия создали новый тип патрицианского жилого дома с фасадом, украшенным строгими пилястрами и фронтоном. Подобный тип постройки оставался образцовым для сооружения жилых домов имущественного слоя населения в течение всего XVIII в.

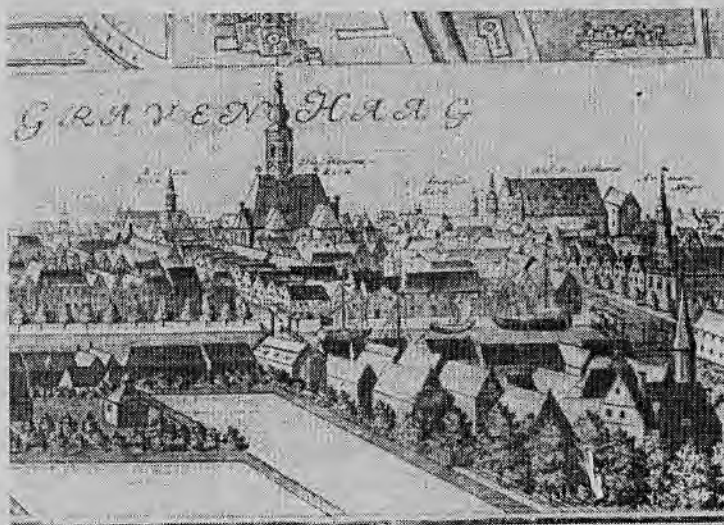
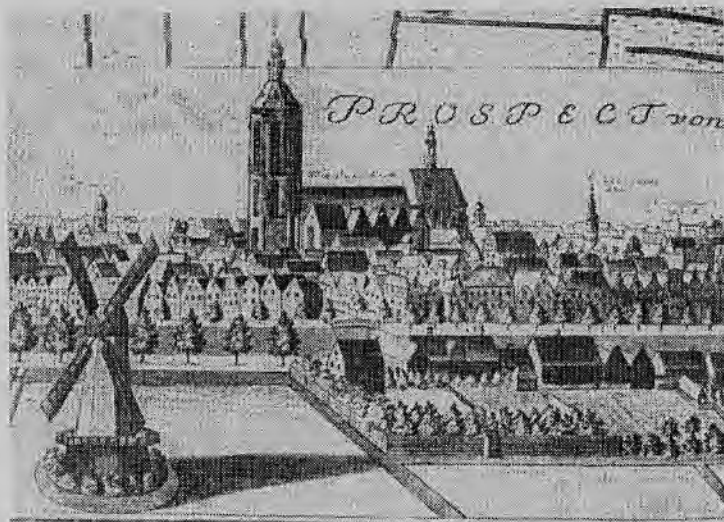
Голландская живопись отразила в себе все внутренние противоречия голландской культуры. Причем в наиболее острой форме. В условиях Голландии, где само существование живописца зависело в первую очередь от рыночного спроса на его произведения, изменение художественных вкусов заказчиков, являв-

Натюрморт.
Виллем Клас Хедда.

шихся представителями в основном господствующего класса, сразу отражалось на положении как отдельных мастеров, так и целых творческих направлений.

50—60 годы XVII в. явились разделительной гранью между старыми и новыми мастерами. Наряду с художниками нового поколения работали еще многие из выдающихся мастеров, начавших свой путь в первой половине столетия (среди них Франс Гальс

Гаага.
Гравюры XVII в.

и Рембрандт), причем именно в указанные десятилетия они создавали свои самые лучшие произведения. Но в это время между крупнейшими голландскими художниками-реалистами и представителями враждебного им академического лагеря возникает идейное противостояние. Немалое число мастеров, прежде стоявших на реалистических позициях, подчинились новой «художественной моде» и последовали за художниками-академистами.

Такие мастера, как Франс Гальс, Рембрандт, Якоб Рейсдаль, истинные продолжатели великой национальной художественной традиции, не изменили своей манеры письма и перестали пользоваться вниманием буржуазного общества. Они были обречены на одиночество и жестокую нужду. Наибольший успех выпал на долю тех живописцев, которые подражали фламандским и французским образцам. Особенно наглядно перерождение социального типа голландского буржуа и изменение его вкусов сказались в портретном искусстве. В портрете теперь ценится не глубина раскрытия индивидуального характера, а умение художника польстить заказчику. Голландский бюргер желает быть изображенным наподобие французского вельможи. Такие живописцы, как Бартоломеус ван дер Хельст, Абрахам Темпель, Николас Мас, дают ряд парадных портретов голландских буржуа в стиле барокко. Пользовались успехом подражатели французского классицизма вроде Герарда де Лересса (1641—1711) или Адриана ван дер Верфа (1659—1722), в произведениях которых выложенная красивость не может заслонить фальши и пустоты. Эти художники писали на библейские и мифологические сюжеты. В живописи бытового жанра преобладали галантные сцены, изображались жуирующие кавалеры и дамы. В пейзаже популярными были изображения итальянской природы и сухо выписанные виды улиц и площадей голландских городов, в натюрморте — многочисленные изображения роскошной утвари и цветочные букеты, своей мертвенностью напоминающие покрытые пылью гербарии.

Лишь немногие художники сохранили верность реалистическим традициям. Среди них один из последних учеников Рембрандта — Арт де Гельдер

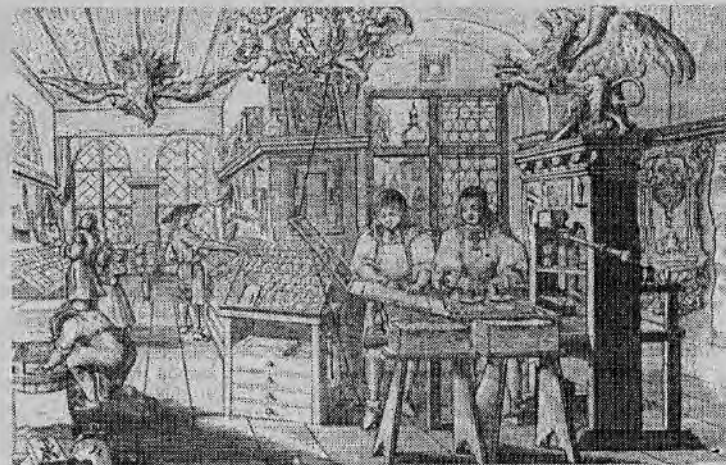
(1645—1727). Он был настоящим учеником своего учителя, хорошо освоил особенность живописного метода и пытался держаться манеры Рембрандта даже в начале XVIII в., когда сам Рембрандт, как это не удивительно, был давно забыт.

Произведения голландских художников XVIII в. уже не идут ни в какое сравнение с образцами изобразительного искусства предшествующего столетия. В качестве крупного художника первой половины XVIII в. может быть назван только Корнелис Трост (1697—1750), тонкий и остроумный мастер, изображавший главным образом бытовые сцены из жизни голландского бюргерства.

ЛИТЕРАТУРА И НАУКА

В естественных и точных науках упадок не был так ясно выражен, как в живописи. Наоборот, в этих сферах были даже достигнуты значительные успехи. Университеты и ученые Голландии по-прежнему пользовались европейской известностью. Много сделал для развития судостроения Николас Витсен (1641—1717), сочетавший со своей специальностью исследования в самых различных отраслях науки. Витсен был составителем наиболее точной по тем временам карты Сибири. Герман Бурхаве (1668—1738) создал несколько выдающихся трудов по медицине. Лейденский профессор Вилем Якоб Гравсанде (1688—1742) изготовил превосходные физические приборы, которыми пользовались для опытов еще в конце XIX столетия. Целый ряд голландских ученых выдвигается и в гуманитарных науках. Лингвист Ламбертен Кате (1674—1731) был автором многих трудов по германистике и одним из основоположников сравнительного метода в языкознании. Архивариус Амстердама Ян Вагенаар (1709—1773) создал капитальную «Всеобщую историю Соединенных Нидерландов», в которой с величайшей добросовестностью и скрупулезностью излагается ход событий.

Наряду с достижениями в естественных и точных науках были некоторые успехи в этот период и в художественной литературе. Важное место в ее исто-

Типография.
Гравюра А. де Вердта.

рии занимает совместное творчество писательниц Елизаветы Вольф (1738—1804) и Агаты Декен (1741—1804), создавших голландский бытовой реалистический роман. Огромное влияние на развитие литературного языка оказал выдающийся писатель-моралист Юстус ван Эффен (1682—1735), издававший в 30-х годах XVIII в. журнал «Голландский зритель». Большой популярностью пользовались стихи поэта Хюбера Поота (1689—1733), крестьянина по происхождению, а также написанные под влиянием Мольера талантливые комедии Питера Лангендейка (1683—1756), отличавшиеся новизной художественных приемов.

ГЛАВА 2

ФРАНЦИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

В территориальном отношении и по людским ресурсам Франция, как и Англия, была в XVII в. одним из самых больших и развитых государств Западной Европы. Но процесс формирования нового, капиталистического уклада в недрах феодального общества имел во Франции по сравнению с Англией ряд существенных особенностей. Эти особенности, в свою очередь вытекающие из экономического своеобразия французского феодализма, объясняют, почему во Франции буржуазная революция произошла почти на 150 лет позже, чем в Англии. Складывание капиталистических отношений всячески тормозилось очень сложным характером феодальных отношений во французском социуме XVII столетия.

ФЕОДАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ФРАНЦИИ. ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

Земля во Франции XVII столетия по-прежнему оставалась в руках дворянства. Это означало, что

феодалная собственность на основное средство производства во многом определяло и общественные отношения в этой стране. Земля в подавляющей своей части состояла из «фьефов» (феодов), то есть собственники формально «держали» ее от вышестоящих сеньоров: от короля — герцоги и маркизы, от них — графы и бароны и т. д., хотя никаких взносов и служб в пользу вышестоящего сеньора, как в старину, уже не полагалось. В XVII столетии эта зависимость существовала только номинально.

Подобное владение основным средством производства — землей предопределяло и экономическую сущность системы, которая сводилась к тому, что собственность на землю составляла монополию узкого господствующего слоя. Концентрация земли как средства производства в одних руках являлась тормозом в развитии производительных сил.

В самом деле, когда при таком положении вещей наиболее именитые феодалы владели огромными территориями, некоторые целыми областями Франции, то эффективно использовать землю именно как средство производства они не могли. Крупными земельными собственниками были прелаты и монастыри, в интересы которых также не входила задача интенсификации сельскохозяйственного производства. Рядовое дворянство также владело значительными наследственными имениями, но и оно не относилось к земельным наделам, как к средству производства.

В подобной системе владения землей феодал удерживал за собой меньшую часть обрабатываемой земли в качестве своего непосредственного владения, а другую, большую часть, передавал крестьянам-держателям. Приблизительно половина всей земли во Франции — в разных провинциях от 30 до 60 процентов — находилась в держании крестьян. Основной формой крестьянского землепользования во Франции XVII—XVIII вв. являлась цензива. На земле, оставшейся в непосредственном владении феодала (домен), французские сеньоры в отличие от английских или восточноевропейских феодальных землевладельцев, как правило, не вели собственного хозяйства. Отсутствие барской запашки, за исключением немногих районов, было характерной чертой аграрно-

го строя Франции. Свой домен французский сеньор сдавал мелкими участками в аренду крестьянам либо из доли урожая (издольщина), либо за фиксированную арендную плату. Арендный договор заключался на различные сроки, иногда на 1—3 года, иногда на девять лет, т. е. на три срока трехпольного севооборота, иногда на еще больший срок, на всю жизнь арендатора, на жизнь нескольких

Крестьянский двор.
Гравюра П. Лепотра 1676 г.

поколений. По истечении установленного срока участок возвращался в распоряжение сеньора, тогда как цензива, напротив, согласно обычному праву никогда не могла быть присоединена сеньором к его непосредственному домену, и, следовательно, если цензитарий исправно вносил платежи, он мог быть уверен, что обрабатываемый им участок вечно останется в руках его и его потомков, что было по тем временам достаточно прогрессивным установлением.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Во Франции XVII в. система феодальных производственных отношений находилась на той высшей и последней ступени ее развития, когда господствует денежная форма феодальной ренты. Хотя некоторые остатки барщины и натурального оброка еще сохранялись, подавляющую часть крестьянских повинностей составляли денежные платежи.

Эти платежи от крестьян-цензитариев и крестьян-арендаторов на срок — была главным источником существования дворянства, духовенства, двора. Таким образом феодальная знать осуществляла эксплуатацию мелких самостоятельных производителей.

Однако распространение товарно-денежных отношений само по себе еще не вело к капитализму, хотя и создавало некоторые условия для его зарождения.

В отличие от, скажем, российского французский крестьянин был юридически лично свободным, поземельно зависимым держателем. Правда, в восточных и отчасти в северных районах Франции еще сохранилась незначительная прослойка крепостных крестьян (сервов и «людей мертвой руки», не имевших полного права передавать имущество по наследству). Но типичным и преобладающим явлением была личная свобода крестьянина.

Это предполагало, что французский крестьянин мог свободно переселяться, заключать любые имущественные сделки, оставлять и получать наследство. Однако за этой юридической нормой скрывалась его фактическая зависимость. Французский крестьянин-держатель подчинялся сеньориальной юрисдикции, средневековым сеньориальным монополиям (баналитетами) и нес отдельные повинности личного характера. Цензива была не безусловной его собственностью, лишь владением, обусловленным уплатой ценза сеньору и подчинением всем правам сеньории. Французский арендатор был также в сущности феодальным не наследственным держателем, уплачивавшим сеньору феодальную ренту в форме арендной платы. Следует сказать, что во Франции XVII сто-

летия в сельскохозяйственном производстве сохранились некоторые формы внеэкономического принуждения арендатора со стороны землевладельца.

Однако основная масса крестьянских повинностей выражалась в деньгах. Не только ценз и арендная плата представляли собой фиксированную денежную сумму, но и барщина, десятина — все эти старинные феодальные повинности давно уже фактически в той или иной мере превратились в денежные платежи; даже если речь шла об определенной части урожая, то весьма часто стоимость ее исчислялась по текущим рыночным ценам и сумма вносилась деньгами. Это было удобно для арендодателя, в общественных интересах подобное установление вело к большему развитию товарно-денежных отношений, но было не совсем популярно среди самих мелких производителей.

НАТУРАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ФРАНЦИИ

Несмотря на значительный прогресс в развитии рыночных отношений в сельскохозяйственном производстве, следует сказать, что все-таки существенной чертой аграрного строя Франции XVII столетия оставалось натуральное хозяйство: воспроизводство крестьянского хозяйства совершалось в общем без помощи рынка, и для своего потребления крестьянин сравнительно мало покупал на рынке. Он продавал, т. е. превращал в деньги, лишь ту часть своего продукта, которую должен был отдать в виде повинностей и податей; поэтому французская промышленность не имела массового покупателя в лице крестьян. Узость внутреннего рынка во Франции XVII в. представляла собой одно из наиболее существенных препятствий для развития промышленности. Самая техника сельского хозяйства носила крайне примитивный характер. Самодельная деревянная соха, мотыга и заступ были главными сельскохозяйственными орудиями. Крестьянин одевался в домотканное грубо окрашенное сукно, обувался в деревянные башмаки (сабо). Жилищем его, как правило, служила дере-

вянная хижина, сплошь да рядом полуземлянка без окон и трубы, с глиняным полом, соломенной крышей и жалкой обстановкой; вместе с людьми или за перегородкой в крестьянском доме размещали также обычно скот и птицу. Скудость жизни французского крестьянина сама по себе говорила как о чрезмерной его эксплуатации, так и о невыгодности для него лично тех производственных отношений, в которых он находился.

Разумеется, бедность французского крестьянства не носила повального характера. Существовал, правда сравнительно немногочисленный, слой зажиточного крестьянства, который жил в значительно лучших условиях. Французское крестьянство было заметно дифференцировано в имущественном отношении. Современники делили его на две основные группы: «пахарей», т. е. самостоятельных крестьян, и «работников», занятых уже не столько в сельском хозяйстве, сколько в кустарных промыслах, на подсобных работах.

Административно и территориально во Франции XVII столетия сельское хозяйство выглядело следующим образом. Группа крестьянских хижин составляла деревню, имевшую общинные права на некоторые угодья. Несколько деревень составляли церковно-административную ячейку — приход. Экономически же и в правовом отношении деревня была связана с укрепленным замком или с сельской усадьбой сеньора. Это сложилось исторически. Именно сюда крестьяне несли значительную долю своих платежных повинностей.

ЦЕРКОВНИКИ И ДВОРЯНСКАЯ ЗНАТЬ

Французская дворянская знать изыскивала, помимо прямых сеньориальных поборов, и другие источники доходов от владения землей. Это выливалось в еще большую эксплуатацию сельскохозяйственных производителей. Младшие сыновья знатных фамилий нередко получали духовный сан. Благодаря привилегиям французской (галликанской) церкви назначение на церковные должности было правом короля, и он

использовал это право для поддержки дворянства. Все высшие церковные должности — архиепископов, епископов, аббатов — раздавались французской знати, являясь для нее немаловажным источником дохода; верхушка первого сословия (духовенства) и второе сословие (дворянство) были поэтому связаны во Франции теснейшими родственными узами. Это создавало очень крепко спаянную общность эксплуататоров, борьба против которых была почти безнадежным делом. Доходы церкви составлялись не только из того, что давали собственно церковные земли, но также из десятины (обычно тоже в переводе на деньги), которая собиралась в пользу церкви со всех

Париж.
Гравюра XVIII в.

крестьянских хозяйств. Десятина, собираемая для церкви, делала церковь одним из крупнейших феодальных собственников, имеющих исправные доходы с крестьянских держаний.

Младшие сыновья знати и обедневшие дворяне устремлялись в армию, где занимали командные должности и получали высокое жалованье; некоторые привилегированные виды войск (мушкетеры и др.) состояли целиком из одних дворян, живших королевским жалованьем. Это еще больше усиливало экс-

плуатацию сельского населения, поскольку содержание армии обходилось казне в огромные суммы, собираемые в виде королевских налогов опять-таки с крестьян.

В XVII столетии во Франции происходил процесс концентрации имущества знати в городах. Аристократическая часть дворянства, покидая, а то и продавая свои сельские поместья и замки, дававшие недостаточный доход, селилась в Париже, превращаясь в королевских придворных. Гордо отказываясь от чиновной службы, как и от коммерции, дворяне охотно принимали от короля чисто декоративные придворные должности с баснословными окладами, всякие не связанные с затратой труда посты — sinecуры, огромные личные пенсии или единовременные щедрые королевские подарки и пособия. Подобная феодальная урбанизация не являлась результатом промышленного развития и носила регрессивный характер, хотя и подготавливала почву для большего развития товарно-денежных отношений.

Понятно, откуда король получал средства на оплату военного и придворного дворянства. Прежде всего источником этих средств были те же подати, выколачиваемые с крестьянских хозяйств. Прямые и косвенные королевские налоги были не чем иным, как видоизмененной формой феодальных повинностей. Собираемая со всей страны, эта часть крестьянского прибавочного продукта направлялась в королевское казначейство, откуда золотыми ручейками растекалась по дворянским карманам. Таким образом, вместо того, чтобы часть прибавочного продукта направлялась на развитие и интенсификацию сельскохозяйственного производства, она бесследно исчезала среди дворянства.

Мы видим, что за счет сельскохозяйственных производителей жили четыре группы феодалов: сельские дворяне, духовенство, военное дворянство и придворная аристократия. Возглавлял эти четыре группы король.

РОСТОВЩИЧЕСТВО В ДЕРЕВНЕ. СВЕРХЦЕНЗ

Первичный толчок, данный товарно-денежным отношениям, а именно, — что все виды повинностей крестьяне должны были вносить в денежном виде, привел к возникновению и развитию ростовщического капитала. Во французской деревне XVII в. такое явление, как ростовщичество, было чрезвычайно распространено. Сельскохозяйственные производители, беря в трудную минуту деньги в долг (чаще всего у горожанина, иногда у деревенского богатея), отдавали ростовщику в залог свою землю и затем были принуждаемы ежегодно платить проценты по ссуде. Такая уплата процентов, продолжавшаяся сплошь да рядом всю жизнь и даже переходившая по наследству к детям крестьянина, создавала регулярную дополнительную земельную ренту — так называемый сверхценз. Это обуславливало еще большую эксплуатацию крестьян.

Товарно-денежные отношения, возникшие по большей части независимо от развития производительных сил, приводили к широкому простору для ростовщической деятельности. Так, нередко на цензиве накоплялось по два-три сверхценза. Не изменяя феодального способа производства, ростовщический капитал крепко присасывался к деревне, еще более ухудшая положение и без того задавленного феодальными поборами сельскохозяйственного производителя.

С экономической точки зрения всю сумму разнообразных повинностей и платежей французских сельскохозяйственных производителей можно рассматривать как единую массу прибавочного продукта, извлекаемого из крестьянства. Этот прибавочный продукт делится на четыре неравные части: а) сеньориальную ренту, б) церковную ренту (десятину), в) государственные налоги, г) конституированную ренту, как современники называли вышеупомянутый сверхценз в пользу ростовщика. Пропорция, в которой совокупная масса прибавочного продукта распределялась между этими четырьмя категориями эксплуататоров, была предметом напряженной борьбы между последними, много объясняющей в социально-политической истории Франции того времени.

Тем не менее, общий объем этой совокупной фео-

дальной денежной ренты зависел в значительной степени от реализации сельскохозяйственным производителем на городском рынке своей произведенной продукции, что в свою очередь определялось характером и темпами развития французской промышленности. Из этого следует, что общее развитие французского социума в XVII столетии в значительной степени стало зависеть не от земельных отношений и способа сельскохозяйственного производства, а от дальнейшего развития промышленности.

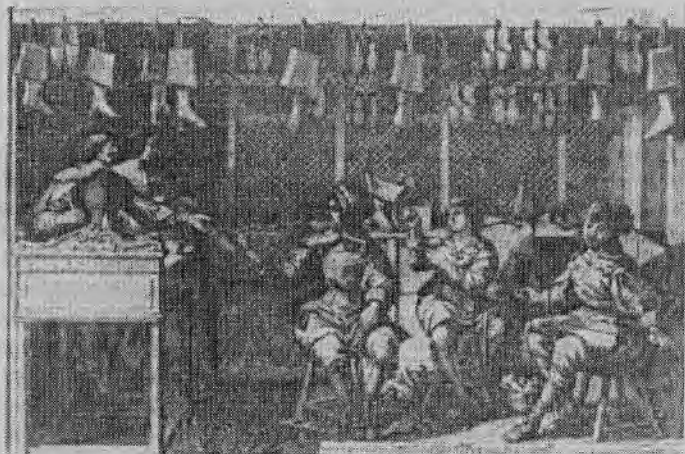
КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. РАЗВИТИЕ РЕМЕСЛА. МАНУФАКТУРА

В основном капитализм внедрялся во французскую деревню через кустарную промышленность. При этом капиталистические отношения в сельском хозяйстве Франции развивались не в виде буржуазного переорождения поместья, как в Англии, а в форме развития буржуазных отношений в среде самого сельскохозяйственного производства: межкрестьянской аренды, использования наемного труда безземельных и малоземельных соседей, выделения сельской буржуазии. Однако это были не более чем зачаточные элементы капитализма в сельском хозяйстве. Крупная крестьянская ферма предпринимательного типа — весьма редкое явление во французской деревне не только в XVII, но и в XVIII в.

Нужда заставляла сельскохозяйственного производителя обращаться к кустарному промыслу. Дело в том, что продажа сельскохозяйственной продукции не всегда давала ему достаточно денег для уплаты всей суммы феодальных повинностей и податей. Приходилось восполнять недостаток в деньгах несельскохозяйственными приработками — изготовлением для городских скупщиков пряжи, всевозможных шерстяных и льняных тканей, кружев, гончарных изделий и т. д. При этом скупщики в известной мере эксплуатировали в свою пользу производителей уже не феодальными, а капиталистическими методами, поскольку кустарь приобретал хотя бы в скрытом и неразвитом виде черты наемного рабочего.

Мы видим, что во французском варианте становление капиталистического уклада происходило под известным давлением товарно-денежных отношений, под давлением нужды в деньгах, требуемых для уплаты налогов от основного — сельскохозяйственного производства. В этом заключается особенность ранней стадии развития капитализма во Франции XVII столетия.

Возможность успешно заниматься кустарными промыслами приводила к тому, что нередко и у крестьян в свою очередь имелись «работники», которые круглый год работали у них в доме вместе с членами их семьи, обычно не за деньги, а за натуральное

Мастерская башмачника.
Гравюра А. Босса.

довольствие. Естественно, отдельные кустари-крестьяне при благоприятных условиях сами становились соучастниками капиталистической эксплуатации своих рабочих. Это в свою очередь давало им известный прибавочный продукт, что вызывало у таких кустарей личную заинтересованность в интенсификации промышленного производства.

Если деревенская промышленность, концентрировавшаяся преимущественно вокруг городов, представляла собой раннюю форму капиталистической рес-

сеянной мануфактуры, то в более высоких формах мы встречаем мануфактуру в городах. Несмотря на то, что французский город в XVII в. еще в значительной мере сохранял средневековую природу и средневековую внешность, городское ремесло уже подверглось значительному перерождению. Ремесленные цехи сохранились больше как фискальная и административная организация. Они тормозили развитие городского производства, но уже были бессильны препятствовать экономической дифференциации ремесленников. Одни мастера беднели и даже становились наемными рабочими, другие богатели, раздавали заказы на сторону или расширяли свои мастерские, используя все большее число «компаньонов» (подмастерьев) и учеников, под средневековыми наименованиями которых можно разглядеть наемных рабочих.

Работные заведения, мастерские, в которых были заняты 10—20 рабочих, были отнюдь не редкостью во французском городе XVII в. Это уже зачаток централизованной мануфактуры. Встречались и предприятия с несколькими десятками рабочих. Но действительно крупная централизованная мануфактура в середине XVII в. представляла еще большую редкость. Все же именно в XVII в., особенно во второй половине, во Франции создается некоторое количество крупных предприятий, так называемых королевских мануфактур. Опять мы видим в отличие от Англии особенности французского капиталистического уклада, когда промышленное производство организовывалось не самостоятельно по потребностям рыночных отношений, а посредством государственных (королевских) установлений.

Зажиточные слои городского населения именовались во Франции буржуазией. Часть ее в XVII в. уже являлась буржуазией в современном смысле слова. Самые низшие слои городского населения составляло плебейство. Оно состояло из: а) обедневшей части мастеров-ремесленников; б) «компаньонов»-подмастерьев, мануфактурных рабочих и других предпротарских элементов, в) деклассированной бедноты, к которой принадлежали и люди, стекавшиеся из деревни и находившие в городе заработок в качестве поденщиков, носильщиков, чернорабочих или же промышленявшие просто нищенством. Подобная диффе-

ренциация сложилась спонтанно и представляла собой неустойчивую систему, поскольку элемент этой системы мало зависел один от другого.

Каждый из этих внутрисистемных элементов был по своему структурирован. Так, подмастерья издавна были организованы по профессиям в тайные союзы — компаньонажа. Это давало возможность организованно отстаивать свои права в случае их нарушения. Стачки против хозяев-мастеров случались во Франции в течение второй половины XVII в. все чаще, свидетельствуя о росте общественных противоречий в условиях начавшегося развития капитализма. В 1697 г. в Дарнетале (близ Руана) около 3—4 тыс. рабочих суконщиков целый месяц не возобновляли работу. В это же время известный экономист Буагильбер писал: «Всюду царит дух возмущения... В промышленных городах видишь, как 700—800 рабочих какой-либо отрасли производства сразу и одновременно уходят, бросая работу, потому что захотели на один су понизить их поденную плату».

Развитие промышленности приводило к формированию рабочего класса. Во Франции XVII столетия, как и в Англии почти столетием раньше, источником формирования рабочего класса в значительной степени явилось пауперизованное сельское население. Процесс первоначального накопления капитала шел в XVII—XVIII вв. и во Франции, хотя и более медленными темпами. Обезземеление сельскохозяйственных производителей во Франции протекало в форме продажи крестьянских наделов за недоимки, в форме захвата дворянами общинных земель (триажи) и т. д.

Это приводило к тому, что толпы бродяг и нищих скоплялись в городах Франции еще в XVI в., переходя из одной провинции в другую. В середине XVII в. парижские бродяги основали даже свое так называемое королевство бродяг. Французское правительство, серьезно обеспокоенное ростом деклассированных элементов, издавало, подобно английскому правительству, законы против пауперов. Если проводить аналогию с Англией, то английскому закону о бедных соответствуют Муленский ордонанс 1571 г. и эдикт 1656 г.

Несмотря на свои особенности, процесс обезземе-

ления и пауперизации части сельскохозяйственных производителей имел во Франции черты сходства с подобным процессом в Англии. К особенностям же следует отнести его меньший размах.

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗИИ

Капитализация общества происходит путем концентрации денег в одних руках. Свободные деньги чаще всего возможны при ведении торговли. Торговля, таким образом, является одним из первоисточников развития капитализма.

Во Франции XVII столетия крупное купечество играло особенно видную роль в жизни больших приморских портов: Марселя, Бордо, Нанта, Сен-Мало, Дьешпа, куда стекалась для экспорта значительная доля продукции французской сельской и городской промышленности, отчасти и сельского хозяйства (например, вино). Наиболее значителен был экспорт в Испанию и через испанских купцов в испанские и португальские колонии, а также в Италию и в страны Леванта. К середине XVII в. Франция имела и собственные колониальные рынки сбыта в Канаде, Гвиане и на Антильских островах. Оттуда в свою очередь, а также через Левант, через Нидерланды и другими путями во Францию поступали колониальные товары.

Естественно, что французским купцам приходилось выдерживать на внешних рынках конкуренцию Голландии, затем Англии, предлагавших более дешевые товары, чем феодально-абсолютистская Франция с ее неразвитыми как рыночными отношениями, так и промышленным производством.

Внутренний рынок во Франции XVII в. испытывал значительные затруднения. Господство феодализма ощутимо стесняло и задерживало развитие обмена. Поскольку основную массу населения составляли задавленные феодальными поборами сельскохозяйственные производители, покупавшие ничтожно мало, хотя они много продавали, промышленности приходилось работать главным образом на королевский двор и на те классы населения, у которых кон-

центрировались деньги, т. е. на дворянство и буржуазию. Отсюда своеобразие французской мануфактуры — изготовление преимущественно военной продукции (снаряжения, обмундирования для армии и флота) и в особенности предметов роскоши (бархата, атласа, парчи и других дорогих тканей, ковров, кружев, стильной мебели, ювелирных изделий, золоченой кожи, тонкого стекла, фаянса, зеркал, парфюмерии), т. е. товаров дорогих и редких. Все эти товары были рассчитаны на очень ограниченный круг потребителей. Таким образом, мы видим, что условий для массового капиталистического производства во Франции XVII столетия не было.

Что касается потребностей городского населения, то они преимущественно удовлетворялись еще старым мелким ремеслом. Капиталу было тесно в промышленности и торговле без широкого внутреннего рынка. Сложилась парадоксальная ситуация, что и в соседней Голландии, когда капитал не находил себе применения. Правда, голландский капитал нашел выход в развитии в сторону международного ростовщичества, а вот французский капитал постоянно дрейфовал, уходя в области, где его применение отнюдь не приносило большой прибыли, но хотя бы был свободнее от фискальных налогов.

Сдерживающий развитие капитализма феодальный строй наглядно проявлялся в колоссальном обложении промышленности и торговли. Часть прибыли городской промышленности и торговли — через фискальный аппарат и королевскую казну — систематически превращалась в доходы дворян (придворных и военных) и шла на укрепление дворянского государства. Поэтому-то не только на внешнем, но и на внутреннем рынке более дорогие французские товары не могли конкурировать с голландскими или английскими. Мало того, всякое буржуазное накопление постоянно находилось под угрозой прямой феодальной экспроприации. В деревне талья (прямой налог) взималась не только пропорционально имуществу, но и в порядке круговой поруки. Дошло до того, что в пределах прихода или корпорации богатый расплачивался за недоимки бедного, а в случае отказа подвергался конфискации собственного имущества.

Фискальная служба находила множество предло-

гов для настоящей охоты за «зажиточными» в деревне и в городе; достаточно было придрататься к мастеру за невыполнение тех или иных мелочных обязательных предписаний о качестве продукции — и казна получала с него большой штраф, а то и все имущество. Словом, пока накопленное богатство оставалось в сфере промышленности или торговли, капиталовладельцу грозило банкротство, удушение налогами, лишение собственности.

Если в Англии дворянин не гнушался заниматься торговлей и промышленностью и в этом случае не терял своего общественного положения, то во Франции дело обстояло иначе: такого дворянина правительство лишало главной дворянской привилегии — освобождения от налогов, а общество считало его выбывшим фактически из дворянского сословия; промышленность и торговля считались занятием неблагородных, ротюрье. Если прибавить к этому непосильный фискальный гнет, то понятно, почему значительная часть накопленного буржуазией капитала перемещалась в такие сферы, где деньги были свободны от налогов и социальных стеснений.

Происходило это следующим образом. Некоторые буржуа обращали свои капиталы на покупку дворянских доменов и целых сеньорий. В окрестностях некоторых крупных городов, например Дижона, почти вся земля в XVII в. находилась в руках новых владельцев, а в самом Дижоне почти не встречалось видного буржуа, который не был бы одновременно землевладельцем. При этом новые владельцы обычно не вкладывали капиталы в производство и не перестраивали традиционных форм ведения сельского хозяйства. Они просто становились получателями феодальной ренты. Подчас вместе с землей покупали и феодальные титулы, стремясь всеми силами и возможно скорее усвоить «дворянский образ жизни». Это была откровенная общественная регрессия.

Буржуа старалась выкупить государственные и муниципальные должности. Это привело к тому, что почти все должности в гигантской бюрократической машине Франции продавались, причем не только в пожизненное, но и в наследственное владение. Это была своеобразная форма государственного займа, проценты по которому выплачивались в виде жалованья

или доходов от продаваемых должностей. Случалось, что купец или мануфактурист свертывал свое дело, чтобы приобрести должность для сына. Чиновники, «люди мантии», были освобождены, как и дворяне, от налогов. За свою безукоризненную службу «люди мантии» часто получали дворянское звание. Таким образом отправлением высших административно-судебных должностей можно было значительно изменить свое социальное положение.

Французские буржуа не упустили возможность пойти и по пути, по которому следовали голландские капиталисты. Ссужая свои накопленные деньги в долг на внутреннем рынке, можно было получать значительные прибыли. Ссуда давалась либо крестьянам — под обеспечение цензивы, либо светским и духовным феодалам и государству — под обеспечение сеньориальной ренты, церковной десятины или государственных налогов. Большую часть этих кредитных операций можно было назвать откупам. Формы их были чрезвычайно разнообразны. Например, деревенский богатей, накопив деньги, отдавал их своему же сеньору за право в течение года или нескольких лет брать в свою пользу весь доход по мельничному баналитету, т. е. откупал господскую мельницу, на которую все местные сельскохозяйственные производители, имевшие нужду в помоле зерна, обязаны были везти зерно. Таким же образом и городской буржуа нередко откупал у сеньора отдельную статью дохода или оптом все доходы с сеньории и хозяйничал затем в качестве уполномоченного сеньора. У церкви откупали сбор десятины. Наиболее крупные капиталы употреблялись на откуп государственных налогов.

Происходило это следующим образом. Несколько «финансистов» вносили авансом в казну крупные суммы наличными и получали право собирать в свою пользу какой-нибудь налог или целую группу налогов; они действовали от имени государства, пользуясь всем административно-полицейским государственным аппаратом, но располагали и собственным штатом служащих и нанятых жандармов.

Выгода от этого, разумеется, была. Откупщик возвращал себе внесенную сумму с большими процентами. Некоторым «финансистам» удавалось таким путем накопить огромные капиталы.

Французское государство широко использовало возможность ссуды со стороны собственных буржуа. Невиданных размахов достигло размещение среди этого нового сословия процентных бумаг государственных займов.

ФРАНЦУЗСКОЕ АБСОЛЮТИСТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Форма устройства того или иного государства зависит от власти преобладающего имущественного класса. Франция как государство XVII в., построенное на принципе абсолютной власти короля, по своей

У адвоката.
Гравюра А. Босса.

природе было диктатурой дворянства. Первостепенной задачей абсолютистского государства была защита феодального строя, феодального экономического базиса от всех антифеодальных сил и сохранение общественного баланса.

Однако устойчивость французского социума в XVII столетии была невелика и прежде всего потому, что основной антифеодальной силой являлось крестьянство. Сила крестьянского сопротивления в

течение позднего средневековья все нарастала, и только централизованный орган принуждения — государство — посредством многочисленных силовых структур имело возможность успешно противостоять ей. Важным союзником сельскохозяйственных производителей было городское плебейство — низшие обездоленные слои населения в городе.

Для того, чтобы изменить производственные отношения ради ускорения развития производительных сил требовалось присоединение буржуазии к народным массам и руководство с ее стороны в антифеодальной борьбе. Это позволило бы превратить стихийную борьбу антифеодальных сил в организованное движение, имеющее конкретные цели и задачи. Без этого любое выражение протеста против засилья феодальной знати и существующих порядков превращалось в обыкновенные беспорядки. Важнейшей задачей абсолютизма было препятствовать образованию такого блока буржуазии, крестьянства и плебейства.

Правительство Франции, соблюдая интересы королевского двора, с одной стороны, путем некоторого покровительства отвлекало буржуазию от союза с антифеодальными силами, а с другой стороны, беспощадно подавляло выступления крестьянства и плебейства силовыми методами.

Покровительство буржуазии со стороны абсолютистки настроенного правительства отнюдь не означает, что правы те буржуазные историки, которые утверждают, будто абсолютизм был двуклассовым, «дворянско-буржуазным». Абсолютизм действительно сложился в ту эпоху, когда потенциальная мощь буржуазии (при условии ее союза с другими слоями населения) начала в известной степени сравниться с мощью дворянства, и королевская власть в определенный период вела политику безусловно дружественную по отношению к буржуазии. Однако, как известно, абсолютизм был только «кажущимся» посредником между дворянством и буржуазией. Абсолютизм активно стремился привлечь буржуазию на сторону дворянского государства, откалывая тем самым буржуазию от ее демократических союзников, отвлекая ее от борьбы против феодализма на путь приспособления к феодальному устройству общества.

Ришелье в своих размышлениях о политике разъ-

яснял, что тот, кто вложил свои деньги в существующий политический режим, не станет содействовать его ниспровержению, поэтому и важно предоставлять буржуазии возможность выгодно вкладывать капиталы в должности и откупа. Это естественным образом превратит буржуазию в сторонников абсолютистского государства.

Чиновники составляли как бы аристократию по отношению к классу буржуазии. Конечно, в своем большинстве «люди мантии» сами вышли из рядов предпринимателей. Это обуславливало некоторое сотрудничество буржуа с госучреждениями. Также и в системе вооруженных полицейских сил абсолютизма в XVII в. городская буржуазия, поголовно получавшая оружие и организованная по городам в «буржуазную гвардию», занимала важное место; в критические минуты бунтов среди населения она, хотя подчас не без серьезных колебаний, в конце концов поддавалась призывам своих «старших братьев», магистратов и «лояльно» сражалась за существующий порядок против «мятежников», которые подрывали устой государства.

Однако истинной верной опорой абсолютизма являлось французское феодальное дворянство, за исключением отдельных его представителей. Если бы буржуазия встала на путь оппозиции, то она была бы вынуждена идти с одними лишь неорганизованными массами населения, и движение неминуемо приобрело бы демократический характер. Но для такой политики французской буржуазии в XVII в. еще не созрели объективные условия.

Благодаря этому «буржуазная гвардия» поддавалась обычно влиянию одворянившейся части буржуазии и поднимала оружие в защиту феодально-абсолютистского порядка, хотя это и противоречило ее истинным устремлениям к доминированию в обществе. Видимо, для буржуазии того времени еще было не характерно в силу ряда причин стремление к захвату власти.

Это происходило в основном потому, что абсолютизм нуждался в буржуазии, в ее деньгах как для задачи дворянам, так и для увеличения собственного политического могущества. В XVII в., как правило, армии были наемными, и реальная сила королевской

власти внутри Франции и за ее пределами зависела прежде всего от состояния финансов, т. е. сумм, собранных в виде налогов, а собрать со страны больше налогов можно было только при условии роста денежного обращения. Поэтому государству, задачей которого была защита собственного феодального устройства, приходилось самому же и подстегивать развитие буржуазии, покровительствовать торговле и промышленности.

Чем больше абсолютистское государство сотрудничало с буржуазными элементами, тем во все большем объеме удавалось стричь «зажиточных» в пользу фиска. Это вынуждало к тому, чтобы «зажиточные» не превратились. В создавшихся условиях происходит превращение мелкой буржуазии в крупную и т. д. В противном случае государству пришлось бы забирать все большую долю из совокупного прибавочного продукта сельскохозяйственных производителей, следовательно, отнимать часть доходов у самого же дворянского класса, хотя бы и для защиты его общих интересов. Перенесение абсолютизмом центра тяжести обложения на город и вместе с тем покровительство буржуазии отвечали в конечном счете интересам того же дворянства.

Разумеется, рост королевской власти ущемлял права и независимость каждого отдельного сеньора. Но собственные интересы заставляли их, несмотря на все частные конфликты и проявления недовольства, спланиваться вокруг королевской власти. Это привело к тому, что XVII век явился веком консолидации французского дворянства.

Сословные интересы иногда перекрещивались и тогда отдельные обиженные вельможи возглавляли оппозиционные политические движения, направленные против правительства. Такое проявление антигосударственных устремлений происходило исключительно потому, что вельможи преследовали чисто личные цели (получение пенсий, губернаторских должностей, того или другого духовного сана и т. д.). Потом вельможи во имя тех же корыстных целей вступали во временный союз даже с движением народной, чаще всего плебейской, оппозиции.

В XVII столетии, при Людовике XIV, широкая

феодалная оппозиция абсолютизму была немыслима. Методы, которыми отдельные аристократы отстаивали свои личные требования, были часто старомодно-феодалными (включительно до «объявления войны» королю или отъезда к другому государю), но цели, которые они при этом преследовали, не имели ничего общего с действительным ограничением королевской власти или новым раздроблением Франции. В политических конфликтах XVII в. проявлялось не стремление аристократии как цельной социальной группы изменить политический строй, а лишь стремление отдельных феодалов улучшить собственное положение при данном политическом строе.

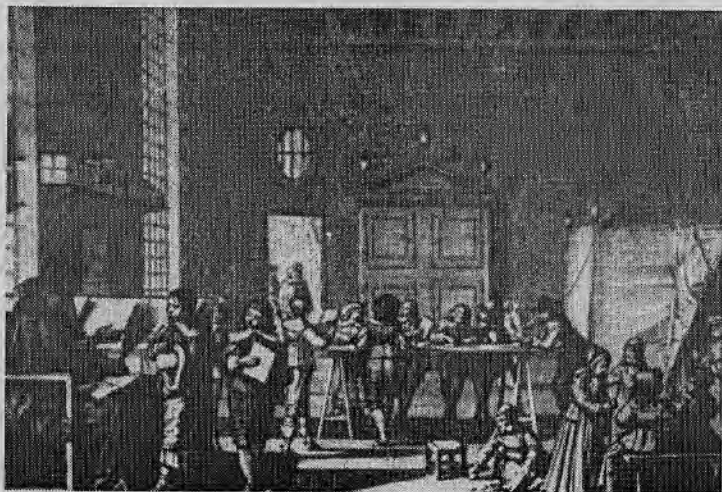
Укрепление королевской власти было следствием того, что абсолютизм в XVII в. уже не противостоял феодальному сепаратизму как национальная сила. Феодалная, дворянская природа французской монархии, положение короля как главы и знамени всего класса дворянства в целом выступают именно при Людовике XIV более наглядно и ярко, чем когда бы то ни было. Угроза феодальной раздробленности, распада отошла в прошлое.

СКЛАДЫВАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИИ

Развитие французского капитализма привело к созданию предпосылок к постепенному формированию французской нации. Этот процесс начался в XV—XVI столетиях, однако его еще нельзя считать завершившимся и в XVII в.

Совместное проживание относительно этнически однородного населения привело к тому, что некоторые признаки нации как исторически сложившейся общности людей оформились еще в докапиталистический период. Так, общность территории была налицо во Франции задолго до появления каких-либо зачатков капитализма. Но такие признаки, как общность языка или общность психического склада, общность культуры, не могут считаться вполне сложившимися и характерными для жизни французов даже в XVII в. Французский язык еще сохранял глубокие следы средневековой пестроты, разобщенности Севера и Юга;

по психическому складу и культуре гасконец, провансалец, бургундец, пикадиец, нормандец или оверонец представляли собой различные типы; подчас они сами называли друг друга разными «народами» и «национальностями». Но языковая и культурная общность французов очень быстро прогрессировала как раз в течение XVII в., когда были проведены унификация и упорядочивание правописания и норм литературного языка. Основную роль в сплочении французской нации сыграл Париж. Столица выступала не только как общепарижский культурный центр, но и служила местом, где сходились воедино нити всей экономической жизни.

Школа.
Гравюра А. Босса.

Это происходило благодаря тому, что по-прежнему незрелым оставался такой важнейший признак нации, как общность экономической жизни. Франция XVII в. была перерезана внутренними таможенными границами. Отдельные провинции были экономически и административно обособлены друг от друга. В официальных государственных документах о той или иной провинции еще говорилось «страна» («земля»). И это было не одним только пережитком в области термино-

логии. Понятийный аппарат государственных чиновников допускал чрезмерную обособленность подчиненных земель, что не способствовало их соединению и централизации.

Кроме этого, внутренний рынок был слабо развит, и, естественно, буржуазия не могла играть роль силы, цементирующей формирующуюся нацию. Однако развитие экономической общности Франции значительно

Джулио Мазарини.
Гравюра Р. Нантейля.

продвинулось. Это не замедлило проявиться в попытке французской буржуазии выступить в роли ведущей силы нации и от лица нации на политической арене потребовать соответствующее место.

ЦАРСТВОВАНИЕ ЛЮДОВИКА XIV. ФРОНДА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Стабилизация феодально-абсолютистской системы в большой степени зависит от личности короля, формально возглавлявшего пирамиду власти. История показывает нам немало случаев, когда усевшиеся на престол правители не имели к делам управления го-

сударством никакого отношения. Так получилось во Франции, когда умер в 1643 г. Людовик XIII, а наследнику престола, Людовику XIV, не было еще пяти лет. Регентшей при нем была назначена его мать Анна Австрийская.

Однако Франции того времени повезло. Фактическим правителем стал фаворит Анны Австрийской, преемник кардинала Ришелье на посту первого министра, итальянец кардинал Мазарини. Прозорливый и энергичный государственный деятель, продолжатель политики Ришелье, Мазарини в течение 18 лет (1643—1661) неограниченно правил Францией. Реген-

Людовик XIV.
Восковая скульптура А. Бенуа.

ство началось, как это обычно бывало и ранее в периоды несовершеннолетия королей, с повышенных претензий высшей знати, особенно «принцев крови» (дяди короля — Гастона Орлеанского, принцев Конде и Конти и др.), на долю в дележе государственного добра. Мазарини принужден был ограничить аппетиты этих вельмож, а также умерить проявлявшуюся по отношению к ним щедрость Анны Австрийской, так как участие в Тридцатилетней войне и борьба с внутренней оппозицией исчерпали финансовые ресурсы Франции. Дворцовый «заговор вельмож» во главе с герцогом Бофором, имевший целью устранение Мазарини, был легко подавлен. Также была прекращена война с империей.

Оппозиционная феодальная знать на время притихла. Но в стране росла гораздо более грозная оппозиция. Крестьянско-плебейские восстания приобрели огромный размах еще при Ришелье, особенно в 1635 году. Мазарини в 1643—1645 гг. пришлось иметь дело с новой волной восстаний. В юго-западных провинциях Франции, в частности в области Руэрг, против восставших крестьян приходилось направлять крупные военные силы. Вместе с тем Мазарини, изыскивая новые источники доходов для завершения войны, ввел ряд налогов, вызвавших недовольство широких кругов буржуазии, особенно парижской, и отбросивших ее в лагерь оппозиции. Сверх того, потребовав с членов парламента дополнительный побор за признание наследности их должностей, он задел право собственности «людей мантии» на их должности и тем лишил себя поддержки влиятельного судейского чиновничества. Это кончилось тем, что абсолютизм на время потерял одного из верных своих союзников.

В это время буржуазия в лице «финансистов» процветала еще более, чем прежде. «Люди мантии» во главе с членами парижского парламента, раздраженные политикой Мазарини и вдохновленные вестями об успехах английского парламента в войне с королем, пошли временно на союз с широкими кругами недовольной буржуазии, встали на путь разрыва с абсолютизмом. Это позволило им создать блок с многочисленными слоями населения, к тому времени начавшими антифеодальную борьбу.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ФРОНДА

По вышеуказанным причинам начался серьезный кризис феодально-абсолютистской системы, известный под названием Фронды (1648—1653). Историю Фронды делят на два этапа: «старую», или «парламентскую», Фронду 1648—1649 гг. и «новую», или «Фронду принцев», — 1650—1653 гг.

Парижский парламент, взяв за основу программу английского так называемого Долгого парламента, выдвинул свою программу реформ. Это был первый этап деятельности Фронды. Реформы предусматривали ограничение королевского абсолютизма. Программа содержала пункты, отражавшие интересы не только парламентских «людей мантши», но и требования широких кругов буржуазии и чаяния большинства населения (введение налогов только с согласия парламента, запрещение ареста без предъявления обвинения и др.). Благодаря этому парламент получил широчайшую поддержку в стране. Ссылаясь на решения парламента, сельскохозяйственные работники повсюду прекращали уплату налогов, а заодно кое-где и выполнение сеньориальных повинностей, с оружием преследовали агентов фиска. Подобное неповиновение крестьян серьезно угрожало стабильности государства.

Кардинал Мазарини попытался обезглавить движение и арестовал двух популярных лидеров парламента. В ответ на это 26—27 августа 1648 г. в Париже вспыхнуло массовое вооруженное восстание — за одну ночь возникло 1200 баррикад. Это было уже значительное выступление революционного народа, заставившее трепетать двор. В эти бурные дни баррикадных боев парижские буржуа сражались против королевских войск плечом к плечу с беднотой. Здесь проявилась лидирующая и организующая роль буржуазного элемента в революционном движении. В конце концов правительству пришлось освободить арестованных. Мало того, оно было вынуждено через некоторое время издать декларацию, принимавшую большую часть требований парижского парламента. Это была несомненная победа оппозиции.

Однако на поверку победа оказалась призрачной. На самом деле Мазарини тайно готовился к контр-

наступлению. Чтобы освободить французскую армию от участия в военных действиях вне страны, он всеми силами стремился ускорить подписание Вестфальского мира, даже в ущерб интересам Франции. Вскоре после подписания мира двор и правительство неожиданно бежали из Парижа в Рюэль. Находясь вне мятежной столицы, Мазарини отрекся от всех данных парламенту и народу обещаний. Началась гражданская война. Королевские войска осадили в декабре 1648 г. Париж. Парижане превратили свою буржуазную гвардию в широкое народное ополчение и мужественно сражались более трех месяцев. Некоторые провинции — Гиень, Нормандия, Пуату и др. — активно поддерживали их. Деревни вооружались для войны против мазаринистов, и сельскохозяйственные работники то тут, то там вступали в схватки с королевскими войсками и жандармами. Особенно жестокими и кровопролитными оказались бои в окрестностях Парижа.

Тем временем голодная парижская беднота поднимала бунты против хлебных спекулянтов, требовала конфискации их имущества на нужды обороны. Это привело к значительным разногласиям между буржуазией и городской беднотой. Уже во время осады Парижа возникшая между буржуазией и народом трещина в отношениях стала быстро расширяться. Из провинций в парижский парламент поступали сведения об усилившейся активности народных масс. Парижская пресса своим радикализмом и нападками на существующие порядки пугала законопослушных парламентских чиновников. Особенное впечатление произвело на них полученное в феврале 1649 г. известие о казни в Англии короля Карла I. К тому же некоторые парижские листовки прямо призывали поступить с Анной Австрийской и Людовиком XIV по английскому примеру. Плакаты на стенах домов и уличные ораторы призывали к установлению во Франции республики. Даже Мазарини опасался, что события могут пойти во Франции английским путем. Но именно перспектива углубления кризиса и проведение конфликта по английскому варианту напугала руководящие круги буржуазии во главе с парижским парламентом.

Отход от прежних позиций привел к тому, что

парламент вступил в тайные переговоры с королевским двором. 15 марта 1649 г. был неожиданно оглашен мирный договор, являвшийся в сущности капитуляцией парламента. Двор торжественно въехал в Париж. Парламентская Фронда окончилась. Это не было подавлением вспышки буржуазной оппозиции силами, лояльными абсолютистскому государству: буржуазия сама отказалась от продолжения борьбы и сложила оружие перед правительством.

Общественная и политическая обстановка, сложившаяся в период парламентской Фронды 1648—1649 гг., наглядно продемонстрировала, что в середине XVII в. во Франции уже имело место заметное несоответствие между новыми производительными силами и старыми, феодальными производственными отношениями, но это несоответствие пока еще могло вызвать только отдельные революционные движения.

ФРОНДА ПРИНЦЕВ

Население, бурно протестовавшее против существующих порядков, было усмирено. Однако противоречия, вызвавшие бунты и беспорядки, не были устранены. Это использовала кучка вельмож, так называемая «новая» дворянская Фронда 1650—1653 гг. По своей сути она была искаженным отголоском «старой», и являлась не более чем попыткой группы обиженных вельмож направить для разрешения своих частных споров с Мазарини не остывшие еще в Париже и других городах гнев и возмущение народа, покинутого буржуазией. Впрочем, отдельные радикальные элементы французской буржуазии пытались активно действовать и в годы новой Фронды. Особенно характерны были в этом отношении события в Бордо. Там дело дошло до установления подобия республиканского демократического правительства; лидеры движения находились в тесных сношениях с английскими левеллерами и заимствовали для своих программных документов их идеи, в том числе требование всеобщего избирательного права. Но это был только частный эпизод, совсем не характеризующий истинные причины второй, дворянской Фронды.

В сельской местности Фронда принцев не рисковала играть с огнем; напротив, отряды фрондеров во всех провинциях производили чудовищную расправу с крестьянством; в этом отношении они делали общее дело с правительством Мазарини. Междоусобная война закончилась тем, что двор договорился с мятежными вельможами поодиночке, дав одним богатые пенсии, другим — доходные губернаторства, третьим — почетные титулы. Хитрый политик Мазарини, который дважды покидал Париж и Францию и дважды возвращался в столицу, в конце концов смог посулами и богатыми подачками укрепить свое политическое положение. Это привело к тому, что позиции кардинала стали более сильными, чем когда-либо прежде, а французский абсолютизм ощутил под ногами крепкую почву.

Если рассматривать требования феодальной Фронды, то можно убедиться, что они отражали не только частные интересы вельмож, но и настроения более широких кругов дворянского класса. Сущность их:

1) уничтожить «узурпацию» королевской власти первым министром (дававшую всегда повод к борьбе фракций при дворе и, следовательно, мешавшую консолидации дворянства);

2) уменьшить права и влияние парламентов и вообще всей бюрократии;

3) вырвать из рук откупщиков и вообще «финансистов» ту гигантскую долю прибавочного продукта, которую они захватывали, и таким образом урегулировать финансовую проблему, не ущемляя доходов придворного и военного дворянства;

4) увеличить получаемую сельскими дворянами долю крестьянского прибавочного продукта, перенеся государственное обложение в значительно большей мере, чем прежде, на торговлю и промышленность;

5) запретить исповедание протестантизма, который вызывал раскол в среде дворянства и давал повод буржуазии и народу не повиноваться властям.

Эти пять пунктов дворянской программы и стали в дальнейшем программой всего царствования Людовика XIV. Опьяненный победой, абсолютизм после Фронды начал меньше считаться с буржуазией как потенциальной общественной силой и сильнее подда-

вался реакционным настроениям феодального дворянства. На первых порах осуществление этих дворянских требований привело к тому, что во Франции наступил «блестящий век» «короля-солнца» (как называли придворные льстецы Людовика XIV). Однако удовлетворение подобных устремлений феодальной знати несло в себе и разрушительное для французской монархии начало и дальнейший ход событий подтвердил это.

Мазарини в ближайшие годы после Фронды не спешил проводить в жизнь указанные дворянские принципы. Он предпочел делать это сдержанно и постепенно. С одной стороны, международная обстановка еще оставалась крайне напряженной: Франция должна была продолжать войну с Испанией. Для победы над Испанией пришлось пойти на союз с кромвелевской Англией, хотя втайне Мазарини мечтал совсем о другом — об интервенции в Англии для восстановления Стюартов. С другой стороны, внутри Франции, до предела истощенной к концу 50-х годов, назревали новые оппозиционные выступления, сплетавшиеся с остатками Фронды. В городах разных районов Франции не прекращались плебейские движения. В провинциях происходили самочинные съезды (ассамблеи) отдельных групп дворянства, которые правительству иногда приходилось разгонять силой. Дворяне порой брали на себя роль вооруженных «защитников» своих сельскохозяйственных работников от солдат и агентов фиска. Однако это происходило только под видом благородной опеки дворян над крестьянами, а фактически феодалы косвенно увеличивали под этим предлогом размеры крестьянских платежей и повинностей в свою пользу. В 1658 г. в окрестностях Орлеана разразилось крупное, и с трудом подавленное крестьянское восстание, прозванное «войной саботье» (сабо — деревянная крестьянская обувь).

Это событие было одной из причин, заставивших Мазарини отказаться от довершения разгрома Испании и поспешить заключить Пиренейский мир 1659 г. Мудрому кардиналу необходимо было иметь свободную военную силу для проведения политики насильственной стабилизации в стране, а также для ведения антианглийской кампании.

Однако, когда военные силы Франции полностью освободились, их не понадобилось употреблять для вмешательства в английские дела. После смерти Кромвеля в Англии произошла в 1660 г. реставрация Стюартов — на престол вступил Карл II, всецело преданный Франции, в которой он провел почти все годы своей эмиграции. Наконец французский абсолютизм, достигший наибольшего могущества, мог пожать и плоды внутренних побед. Можно было широко удовлетворить претензии господствующего класса — дворян, тем более что их пожелания и требования были четко изложены в вышеуказанной программе.

КОЛЬБЕРТИЗМ. ЧЕРТЫ АБСОЛЮТИЗМА ЛЮДОВИКА XIV

Когда в 1661 г. кардинал Мазарини умер, Людовику XIV было 22 года. Считается, что Мазарини при жизни совершенно подавлял его своим авторитетом и энергией. Однако верно и мнение, что формальному на то время королю было у кого поучиться ведению государственных дел. После смерти своего предшественника у руля правления Людовик XIV сразу вышел на первый план и оставался на авансцене в течение 54 лет, так что его личность в глазах дворянских и буржуазных историков нередко как бы заслоняет историю Франции этого периода, именуемого «веком Людовика XIV» (1661—1715).

Однако следует принимать и бесспорное положение, что главным действующим лицом исторических событий того времени был не король, а дворянский класс Франции. После уроков Фронды дворянство стремилось к усилению диктатуры. Двор Людовика XIV дышал ненавистью к памяти Фронды. Чтобы не находиться больше в Париже, в «гнезде мятежей», двор удалился в сооруженный в 18 км от Парижа великолепный город-дворец Версаль. Сам Людовик XIV всю свою долгую жизнь не мог забыть тягостных и мрачных впечатлений отрочества, времени кровавых бунтов и мятежей.

Историография по традиции делит правление Людовика XIV на две принципиально несходные половины: период прогрессивной политики, вызвавшей в

стране экономическое и культурное процветание, и период реакционной политики, результатом которой был упадок. Линией раздела между этими периодами принято считать 1683—1685 гг. В действительности же внутренняя и внешняя политика Людовика XIV была в общем цельной на всем протяжении его царствования. Ее главной задачей являлось претворение в жизнь дворянской программы централизованной диктатуры. Король, как никто другой из тогдашних политиков, ясно понимал, что без планомерного осуществления желаний дворянского сословия его власть будет ничтожна.

Сразу же после смерти Мазарини Людовик XIV заявил, что он отныне «сам будет своим первым министром», и в самом деле он в противоположность своему отцу Людовику XIII старался не выпускать власть из собственных рук. Подобное заявление, а впоследствии и претворение этого довольно громкого заявления в жизнь привели к тому, что придворные заговоры и аристократические мятежи нельзя было оправдывать тем, будто они направлены не против короля, а против первого министра. Таким путем феодалы спланировались как политическая сила и на первых порах авторитет монарха-самодержца поднялся в обществе до небывалой высоты. Однако вскоре обнаружилась и негативная сторона подобного нововведения. Раньше в персоне первого министра критики существующего устройства государства видели причину тех или иных промахов текущей политики. Теперь же, когда Людовика XIV именовали «великим» и «богоподобным», его нельзя было делать громоотводом как для критики, так и для народного недовольства. И все-таки именно последнее и произошло: Людовика XIV первого из французских королей стали бичевать и высмеивать в нелегальной печати за все пороки существующего в стране режима.

Следующим шагом в последовательной политике короля было его воздействие на парламенты. Дело в том, что из старых учреждений, осуществлявших связь между дворянским государством и верхушкой буржуазии еще в первой половине XVII в., большую роль во Франции играли парламенты как высшие судебные палаты, добившиеся ряда важных привилегий. На протяжении 60-х годов Людовик XIV шаг за ша-

гом лишал парламенты, и прежде всего парижский парламент, былого политического влияния. В 1668 г. он явился в парламент и собственноручно вырвал из книги протоколов все листы, относящиеся к периоду Фронды.

Монарх был уверен в своих силах и не побоялся этого сделать. Кроме того, именно в этот момент он, по преданию, произнес свои знаменитые слова, обращаясь к парламентским чиновникам: «Вы думали, господа, что государство — это вы? Государство — это я».

«Великий» и «богоподобный» Людовик XIV своими решительными действиями парализовал политическое влияние «людей мантии». Было отменено множество государственных должностей, находившихся в собственности, иногда наследственной, выходцев из буржуазии.

Пользуясь неограниченной властью, Людовик XIV отеснил представителей буржуазии с некоторых занятых ими позиций среди феодального сословия. Так, например, было аннулировано возведение многих ротюрье в дворянское звание, а также произведено расследование на местах законности многочисленных феодальных титулов и прав, ибо ротюрье нередко просто присваивали их себе явочным порядком, тем самым ущемляя права потомственного дворянства.

В основном все предпринятые действия со стороны Людовика XIV — действия по упрочению абсолютизма — были направлены против третьего сословия, т. е. буржуазии. В одном ряду с общим давлением на дворянские сословия, стоит и наступление на «финансистов». В 1661 г. Людовик XIV приказал арестовать сюринтенданта финансов Фуке. Учиненное следствие вскрыло хищения государственных средств в колоссальных размерах.

Поскольку управляющий государственными финансами Фуке оказался лишь верхушкой айсберга финансовых злоупотреблений, то вслед за ним на скамью подсудимых и в Бастилию попало множество связанных с ним крупных и мелких «финансистов». По словам одного из современников, это грандиозное «выжимание губок» дало возможность за кратчайший срок не только покрыть государственный долг, но

еще и набить королевские сундуки. Кроме бесспорного наведения порядка в финансовой сфере, по инициативе Людовика XIV были произвольно аннулированы некоторые государственные долги, а также понижены проценты по государственным займам. Подобного рода мероприятия, разумеется, сначала значительно увеличили финансовые ресурсы государства и его мощь, но в конце концов подорвали доверие со стороны буржуазии к государственным финансовым учреждениям. Это привело к тому, что частные финансисты, владеющие свободными капиталами, не рисковали вкладывать свои деньги в кредитование государства.

ЖАН БАТИСТ КОЛЬБЕР

Проконтролировав финансовые государственные учреждения, Людовик XIV извлек наглядный урок важности состояния финансов и необходимости постоянного надзора за денежным обращением. Необходим был человек из приближенных, который занимался бы этими вопросами и был до конца предан феодально-абсолютистскому строю. Вскоре из числа бывших помощников Мазарини выдвинулся Жан Батист Кольбер (1616—1683). С 1665 г. он носил звание генерального контролера финансов. Эта несколько неопределенная должность формально еще не поднимала его над другими министрами, но, поскольку в то время важнейшим государственным вопросом стало состояние финансов, Кольбер приобрел первенствующее положение в правительстве. Сын богатого купца, шаг за шагом поднявшийся по служебной лестнице, Кольбер был верен интересам абсолютистского строя, лично Людовику XIV. Вся его жизнь была подчинена поискам решения противоречивой головоломной задачи: увеличить государственные доходы в условиях, когда необходимо было не затрагивать все возрастающие доходы дворянства. Надежда на обогатившуюся к тому времени буржуазию была ничтожно малой: кредит монархии у буржуазии падал.

Еще при Мазарини началась своеобразная сень-

Жан Батист Кольбер.
Гравюра Р. Нантейля 1660 г.

ориальная реакция в деревне, выразившаяся в повышении сеньорами феодальных платежей и повинностей. Это давало ощутимую прибыль, поэтому подобная политика полным ходом продолжалась и при Кольбере. Интенданты в 60-х годах доносили из разных провинций об огромном возрастании общего объема повинностей и поборов, собираемых сеньорами с сельскохозяйственных работников. Брат Кольбера доносил из Бретани, что за последние годы сеньоры в несколько раз увеличили платежи сельскохозяйственных работников. По его словам, владельцы даже

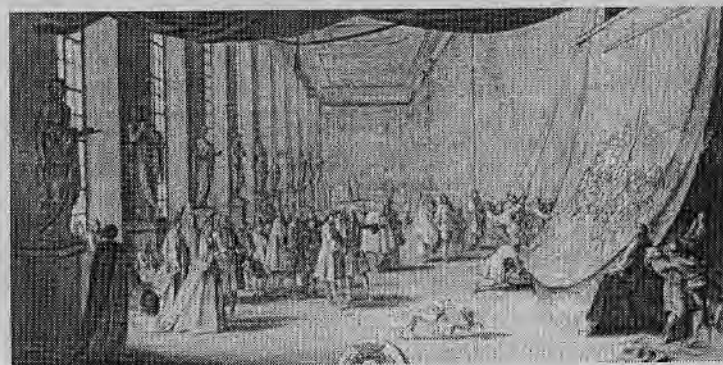
мельчайших сеньорий присвоили себе в последнее время право суда и используют его для чудовищных вымогательств. Подобное происходило во всей Франции. Для того чтобы политика дворянского государства не вступила в острый конфликт с этими стремлениями дворянства, Кольбер предпринял следующие шаги. Генеральный контролер финансов сократил королевские налоговые поборы с сельскохозяйственных работников. Теперь талья, которая непрерывно возрастала в XVII в. и дававшая государству в конце 50-х годов 50 млн. ливров в год, была уменьшена более чем на треть. Это дало возможность в соответствующей пропорции возрасти сеньориальной ренте. Правда, выездные судебные сессии на местах (Grands Jours) именем короля расследовали отдельные случаи злоупотреблений и узурпации сеньоров. Формально это выглядело защитой крестьян от слишком зарвавшихся сеньоров. При подобных акциях прославлялось имя короля, что также способствовало укреплению порядка и центральной власти.

В конечном итоге казна получала теперь с сельского хозяйства меньше, чем прежде, а сеньоры брали с крестьян больше. Эта возможность закрепить плоды сеньориальной реакции и была тем ценнейшим даром, который французское дворянство получило от абсолютизма Людовика XIV.

К тому времени промышленное производство вышло на новый уровень, поднялась торговля, что дало возможность Кольберу перенести соответствующую долю государственного обложения на торговлю и промышленность, т. е. на тот сектор народного хозяйства, который был фактически недоступен сеньориальной эксплуатации. Сократив талью, он в несколько раз увеличил косвенные налоги (например, акциз на вино), которые в большей степени ложились на горожан, чем на крестьян. Чтобы увеличить доходы государства от обложения буржуазии, проводилась политика покровительства и поощрения развивавшейся капиталистической промышленности. Правда, это осуществлялось в такой степени «по-дворянски», что в общем французская буржуазия XVII в., хотя и использовала в своих интересах это поощрение, отнюдь не испытывала каких-либо благодарных чувств по отношению к его инициатору. Наоборот, все нововве-

дения Кольбера в конечном счете были в интересах только абсолютистского строя, королевского двора, а поэтому буржуазия ненавидела генерального контролера финансов и, как свидетельствуют современники, ликовала, когда Кольбер умер.

По имени Кольбера возникло течение в государственной политике, основанное на прагматизме — кольбертизм. Как и всякая меркантилистская экономическая политика, кольбертизм уделял большое внимание достижению активного баланса в торговле с иностранными партнерами. В этом также проявился свой, оригинальный подход к решению тех или иных вопросов, основанный на практицизме Кольбера.

Посещение Кольбером мануфактуры гобеленов.
Гравюра С. Леклерка.

Отток части дворянского капитала из Франции осуществлялся благодаря тому, что модничающая знать широко приобретала заграничные товары. С целью недопущения этого Кольбер всячески поощрял производство во Франции зеркал и кружев по венецианскому образцу, чулок — по английскому, сукон — по голландскому, медных изделий — по немецкому. Это позволяло французским дворянам не тратить денег на иностранные товары. Наряду с тем были введены протекционистские меры по защите внутреннего рынка от иностранного торгового влияния. Теперь приобретение иностранных товаров было крайне затруднено специальными законами против

иноземных предметов роскоши, особенно же таможенными тарифами, настолько повышенными в 1667 г., что ввоз во Францию иностранных изделий стал почти невозможным.

Многое было сделано для облегчения сбыта товаров французского производства в самой Франции. Так, были уничтожены некоторые внутренние таможи, снижены тарифы. Кольбер добился значительного улучшения шоссейных и речных путей. В 1666—1681 гг. был прорыт Лангедокский канал, соединивший Средиземное море с Атлантическим океаном.

Для своего времени Кольбер хорошо понимал роль производства в экономике, а особенно роль крупных промышленных предприятий. Поэтому он принял ряд мер к развитию французской промышленности. Наибольшее внимание он сосредотачивал на крупных предприятиях, будучи равнодушным к рассеянной мануфактуре. Не будучи производственником, Кольбер не мог принять действенных мер для достижения эффективных результатов. Большинство его начинаний не имело особого успеха.

Прежде всего крупные промышленные предприятия не были жизнеспособны на первых порах, нуждаясь в субсидиях и опеке со стороны государства. Становление значительного по своим масштабам производства всегда требует значительных капиталовложений. Но поскольку крупные, централизованные мануфактуры были немногочисленны, то большого экономического урона при их организации казне не было нанесено.

Впоследствии было признано, что все же эти крупные мануфактуры явились наиболее прогрессивным результатом деятельности Кольбера, так как они подготовили техническую базу для дальнейшего развития капиталистической промышленности. Некоторые из мануфактур, основанные при Кольбере, были для своего времени грандиозными предприятиями, как, например, знаменитая суконная мануфактура голландца Ван Робэ в Абвиле, около Амьена, на которой одно время работало свыше 6 тыс. человек.

Организованные Кольбером крупные мануфактуры, производившие сукна и военную амуницию, сыграли большую роль в снабжении королевской армии в войнах второй половины XVII и начала XVIII в.

Для того, чтобы поддержать вывоз товаров из Франции, Кольбер создавал монопольные торговые компании (Ост-Индскую, Вест-Индскую, Левантийскую и др.), содействовал строительству большого торгового (а равно и военного) флота, которого Франция до него почти не имела.

Организация судостроения при государственной поддержке привела к успешной колониальной политике, поэтому Кольбера не без основания считают одним из основателей французской колониальной империи. В Индии при Кольбере были захвачены Пондишери и некоторые другие пункты. Впоследствии эти захваченные пункты послужили опорной базой для распространения французского влияния, натолкнувшегося, однако, на непреодолимое соперничество других держав (Англии и Голландии). В Африке французами был занят Мадагаскар и многие другие пункты. В Северной Америке была основана обширная колония на реке Миссисипи — Луизиана, а также продолжалась усиленная колонизация Канады и Антильских островов.

Однако появление французов в заморских странах, организация там колоний на деле мало способствовали росту экспорта. Привилегированные торговые компании чахли, несмотря на вложенные в них огромные государственные средства, и давали мало прибыли. Главная причина неэффективности их деятельности была в том, что всякая инициатива сковывалась отсутствием условий для свободного капиталистического предпринимательства, основанного на личном интересе.

МАССОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ НЕДОВОЛЬСТВА СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ

В конце концов источником доходов королевской власти, дворян, оставалась безмерная эксплуатация трудящихся масс Франции. Это предопределяло широкое народное недовольство. Действительно, в «блестящий век» Людовика XIV подавляющая часть народа жестоко бедствовала, о чем свидетельствуют частые голодные годы, страшно опустошавшие фран-

цузскую деревню при Людовике XIV, и массовые эпидемии — то и другое плод ужасающей нищеты. Жестокий голодный год был 1662 год, когда вымирали целые деревни; позже такие голодовки повторялись периодически, особенно тяжелыми были зимы 1693/94 и 1709/10 гг.

Как ни сильна была централизованная власть, народ не покорялся пассивно своей участи. В голодные годы в деревнях и городах вспыхивали бунты, направленные против хлебных спекулянтов, мельников, местных ростовщиков и т. д. Но главным образом протест крестьянства и плебейства выражался в отказе от платежа непосильных государственных налогов. Некоторым деревням и приходам удавалось подчас упорно уклоняться от уплаты талы; случалось, что при приближении финансовых чиновников население деревень поголовно уходило в леса или в горы. В конце концов власти принуждали их платить силой. Сбор налогов с помощью отрядов солдат был исключением, а скорее правилом. Таким образом, сложилась обстановка, которую можно квалифицировать как состояние внутренней войны, при которой неустанно воинские подразделения регулярной армии были вынуждены, словно контрибуцию, собирать налоги с собственного населения.

Время от времени крестьянские и городские плебейские движения превращались в крупные народные восстания. Так, в 1662 г. одновременно происходили плебейские восстания во многих городах (Орлеане, Бурже, Амбуазе, Монпелье и др.) и крестьянские восстания в разных провинциях. Наиболее из них значительное произошло в провинции Булонне, известное под названием «войны бедняг». Восставшие сельскохозяйственные работники вели здесь длительные военные действия против многочисленных королевских войск, пока не были разгромлены в сражении при Эклие. В жестоком бою многие крестьяне были убиты, а для 1200 пленных Кольбер потребовал от суда жестоких наказаний, чтобы «дать устрашающий урок» населению всей Франции. Этого принципа Кольбер и Людовик XIV придерживались и при подавлении других многочисленных местных восстаний. Обладая полнотой власти, Кольбер требовал жестокого наказания при каждом удобном случае, в то

время как Ришелье лишь изредка прибегал к «примерному наказанию» покоренных восставших.

Но, как бы ни были жестоки последствия для крестьян каждого восстания, невыносимость условий существования заставляла их протестовать снова и снова. Так, уже через два года после усмирения многочисленных восстаний плебейства и крестьянства крупное восстание разразилось в провинции Гасконь.

Это восстание известно под названием «восстания Одижо», по имени предводителя. Бернар Одижо по происхождению был дворянином. Одной из причин, которые заставили его руководить на протяжении многих месяцев партизанской войной восставших крестьян на обширной горной территории в Юго-Западной Франции, была бедность. Против восставших действовали регулярные военные части, чинившие страшные жестокости в городах и деревнях, подозреваемых в помощи партизанам. В 1666—1669 гг. такая же партизанская крестьянская война происходила в соседней с Испанией провинции — Руссильоне.

Характерно, что все чаще военное руководство народными восстаниями брали на себя выходцы из обедневших дворян. Так, в 1670 г., когда восстание охватило Лангедок, во главе крестьян стоял военный предводитель тоже из дворян — Антуан де Рур, принявший титул «генералиссимуса угнетенного народа». Отряды восставших заняли несколько городов, в том числе Прива и Обена. Они расправились не только с финансовыми чиновниками, но и с дворянами, духовенством. Не ушли от возмездия так же, кто занимал какую-либо должность или имел богатство. «Пришло время, — говорилось в одном из их воззваний, — исполниться пророчеству, что глиняные горшки разобьют железные горшки».

Это было настолько крупное движение, что во всей Франции и даже за границей с волнением следили за ходом событий в Лангедоке. Хотя власти мобилизовали все местные военные силы, в том числе всех дворян провинции, они не могли справиться с восстанием.

Да и трудно было справиться с восставшими, провозглашавшими: «Проклятие дворянам и священни-

кам, они все — враги нам»; «Надо истребить кровопийц народа».

Если верить свидетельству одной хроники, то «это был как бы первый акт трагедии, которую Прованс, Гиень, Дофине и почти все королевство смотрели с некоторого рода удовольствием, может быть, намереваясь взять пример с этой катастрофы». Венецианский посол доносил из Парижа: «Можно ожидать важных изменений в европейских делах, если это восстание не будет быстро подавлено».

Международная обстановка в то время позволила Франции не вести внешней войны. Людовик XIV и его военный министр Лувуа смогли послать в Лангедок значительную армию, в том числе всех королевских мушкетеров. Эта армия и разгромила, наконец, войска Антуана де Рура. После рассеяния мятежников в Лангедоке была устроена страшная резня.

Это было кровавым уроком для бунтующих, а также грозным предупреждением для абсолютизма. Однако спустя несколько лет, в 1674—1675 гг., когда военные силы Франции были уже связаны военными действиями вне страны, в разных провинциях начались еще более грандиозные восстания. Правда, благодаря реформам в армии, произведенным Лувуа, даже во время военных действий удавалось сохранять резерв для внутренних целей. По словам Кольбера, «король всегда содержит на 20 лье в окрестностях Парижа армию в 20 тыс. человек для направления в любые провинции, где возникло бы восстание, дабы с громом и блеском подавить его и дать всему народу урок должного повиновения его величеству». Однако восстания возникали одновременно в различных и притом часто в наиболее отдаленных провинциях, и этого резерва явно не хватало.

В 1675 г. восстаниями были охвачены провинции Гиень, Пуату, Бретань, Мен, Нормандия, Бурбонне, Дофине, Лангедок, Беарн. Бунтовало население и во множестве городов в других частях Франции. Особенно большие размеры движение приобрело в Гиени и Бретани.

В столице провинции Гиени — Бордо городское плебейство, соединившись с ворвавшимися в город крестьянами, потребовало отмены всех новых налогов. Буржуазная гвардия на этот раз бездействовала:

«что кажется мне более всего опасным, — доносил один чиновник в Париж, — это то, что буржуазия настроена отнюдь не лучше, чем народ». Поскольку правительство боялось, что представители буржуазии возглавят восстание, оно отступило. Налоги были отменены, и только много месяцев спустя в Бордо было послано большое войско для сурового наказания мятежного города. Интересно, что после этого городская цитадель была перестроена таким образом, чтобы артиллерия могла держать под обстрелом все городские площади и главные улицы для разгона бунтовщиков.

В 70-х годах XVII столетия восстания достигли особого накала, причем возникали они не только в сельской местности. Так, в Бретани восстание охватило города (Ренн, Нант и др.). К восстанию присоединились крестьяне. Была образована большая армия, предводителем которой стал обедневший нотариус Лебальп. Крестьяне громили дворянские замки и нападали на богатую буржуазию в городах; наиболее крайние из восставших предлагали истребить всех дворян «до единого человека». Выдвигалось требование «общности имущества». В более умеренной программе, изложенной в особом «Уложении» («крестьянском кодексе»), выдвигалось в качестве основного требования освобождение крестьян почти от всех сеньориальных поборов, повинностей и платежей, а также от большинства государственных налогов. Местные власти принуждены были вести переговоры с восставшими. Необходимо было выиграть время, чтобы с фронта успели прибыть крупные воинские части. После этого в Бретани начался жеточайший террор. Вдоль дорог стояли сотни виселиц с трупами для устрашения местного непокорного населения.

Впоследствии, в 80-х годах, крупных восстаний не наблюдалось. Возникшие мелкие городские и крестьянские выступления жестоко подавлялись военными силами, освободившимися после заключения Нимвегенского мира. Воинские подразделения оперативно проводили карательные операции, что значительно снизило количество выступлений. Но уже в 90-х годах вооруженная борьба крестьянства против засилья феодальных порядков снова разгорается, принимая в начале XVIII в. (во время войны за испан-

ское наследство) в некоторых местах характер настоящей крестьянской войны.

ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА КАМИЗАРОВ

Правительство особенно преследовало тех крестьян, религиозные убеждения которых противоречили официальным церковным установлениям. Эти притеснения на почве религии были одной из причин восстания гугенотов, т. н. восстание камизаров. Но религиозные убеждения являлись только идеологической оболочкой имущественного антагонизма. Главной причиной восстания была тяжкая феодальная эксплуатация крестьян и рост государственных налогов, непомерно обременявших трудящиеся массы городского и сельского населения Франции, особенно в рассматриваемое время.

Почти непрекращавшиеся мелкие волнения сельского населения вылились в особенно крупное восстание камизаров (это наименование происходит от латинского слова *camisa* — рубаха; повстанцы надевали белые рубахи поверх одежды во время своих атак. Отсюда и *camisade* — внезапная ночная атака). Оно вспыхнуло в 1702 г. в провинции Лангедок, в районе Севеннских гор. Участники восстания — крестьяне и трудовые слои населения лангедокских городов — были гугенотами, испытывавшими двойной гнет. Восстание камизаров было одним из тех народных движений, которые расшатывали устои феодально-абсолютистского строя и содействовали формированию революционной традиции французского народа.

Вооруженная борьба камизаров с правительственными войсками продолжалась около двух лет. Третья часть обширной провинции Лангедок долго была в руках повстанцев, взявших с боя 30 дворянских замков и разрушивших около 200 католических церквей.

Правительство было вынуждено опять прибегнуть к применению регулярной армии, и уже осенью 1704 г. 25-тысячная королевская армия, усиленная добровольческими отрядами дворян, выступила против камизаров. Восстание было задушено. Жесточайшие

репрессии были обрушены на весь повстанческий район. Тем не менее в 1705—1709 гг., когда королевская армия покинула район народных волнений, выступления опять возобновились.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АППАРАТ АБСОЛЮТИСТСКОЙ ВЛАСТИ

Постоянные крестьянские волнения привели к тому, что повсеместно на территории Франции сохранились огромные военные силы. Абсолютистское государство не желало идти на уступки и противопоставляло собственному народу грубую силу. Натиску антифеодальных движений противостояли два элемента: вооруженная буржуазия (буржуазная гвардия) и регулярная армия. Кольберу доносили, что население в провинции покорно, когда знает, что там имеются войска, а когда их нет — становится буйным.

Губернаторы как представители прежде всего военной власти на местах служили важным звеном централизованной военной машины. Все военные силы на территории провинции управлялись губернатором. Централизация была главным стратегическим преимуществом власти, ибо крестьянские движения даже в моменты их наибольшего подъема, даже под руководством грамотных выходцев из дворян носили стихийный характер. Цели подобных движений были всегда местные.

Правительство добилось централизации и всех других составных частей государственного аппарата — органов суда, администрации и т. д. Города окончательно утратили при Людовике XIV свое самоуправление, и муниципалитеты из выборных органов превратились в административные органы, назначаемые из центра. Особенно наглядно принцип централизации выразился во вторжении в провинциальную администрацию присылаемых из столицы интендантов. Интенданты, имея функции фискальные, судебные, полицейские, административные и военные, существенно ущемляли другие органы власти, а порой вступали с ними в открытые конфликты. Уже при

Кольбере интенданты и их помощники — субделегаты были главными представителями власти на местах. Интенданты сносились непосредственно с парижским центральным правительством. Делами отдельных провинций занимались члены Верховного королевского совета. Это были министры или государственные секретари. Генеральный контролер финансов, смотревший на интендантов прежде всего как на агентов государственного фиска, осуществлял постоянный надзор над ними.

Правительство Франции во второй половине XVII в. складывалось из королевских советов — Верховного совета, Финансового, Депеш и др. Государственные секретари, каждый из которых имел аппарат чиновников — зачаток позднейших департаментов, также входили в правительство. Советам принадлежали большие права и сам король ежедневно присутствовал на заседаниях одного или двух советов. Но, в сущности, их роль падала, постепенно сводясь к координации функций различных ведомств. Главную роль в решении дел играли государственные секретари, регулярно представлявшие личные доклады королю. Король оставлял за собой право последней инстанции во всей бюрократической машине централизованной власти.

Нет нужды говорить что, принцип «личного» управления короля на практике приводил к неизбежным задержкам в решении дел, к мелочности и фактической бесконтрольности. Бюрократизированная машина управления была неповоротливой в решении неотложных и оперативных дел и приводила к различным махинациям за спиной короля.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Участвуя в Тридцатилетней войне, Франция вступила в антигабсбургскую коалицию прежде всего из-за того, что габсбургские державы (империя и Испания) грозили окружить ее кольцом своих владений, как во времена Карла V, и в конечном счете поставить ее в зависимое положение.

Это придавало всем военным действиям со сто-

роны Франции оборонительный характер. Напротив, после Тридцатилетней войны и Вестфальского мира внешняя политика Франции все более приобретает агрессивные, захватнические черты. Людовик XIV сам начинает претендовать на ту роль, на которую претендовал недавно германский император — роль «всеевропейского» монарха. В своих политических выступлениях он подчеркивает, что его власть восходит к более древней и обширной державе, чем империя Оттонов, а именно к империи Карла Великого. Он выставляет свою кандидатуру на выборах императора «Священной Римской империи». Это позволило Людовику XIV приказать аллегорически изобразить Эльбу на одном из монументов как восточную границу собственных владений.

Интересы абсолютистской Франции в первую очередь были направлены на подчинение себе Западной Германии. Другим объектом ее агрессивной политики были Испанские (Южные) Нидерланды и Голландия. Людовик XIV старался поставить Англию под свой контроль путем финансовой и дипломатической поддержки Стюартов. Испанию с ее европейскими и заморскими владениями французы пытались захватить под предлогом прав династии Бурбонов на Испанское наследство. Притязания по этому поводу у французского короля были не беспочвенны.

Эти замыслы королевского двора не были в конце концов реализованы, но абсолютистская Франция бесспорно играла во второй половине XVII в. роль гегемона в Западной Европе и оказывала давление не только на соседние государства.

Следует сказать о преемственности в ведении внешней политики Франции, о ее долговременном характере. Так, при заключении Пиренейского мира 1659 г., отнявшего у Испании Руссильон, большую часть Артуа и др., Мазарини включил в него специальный пункт. Этот пункт использовался в дальнейшем в качестве предлога для новых претензий Франции на испанские владения. Дело в том, что дочь испанского короля Филиппа IV Мария Терезия была выдана замуж за Людовика XIV. Тем самым в случае пересечения мужской линии испанских Габсбургов французские Бурбоны получили бы права на испанский престол или по крайней мере на часть испан-

ского наследства. Желая парировать эту угрозу, испанское правительство добилось отречения Марии Терезии от прав на испанскую корону. Чтобы осуществить подобное отречение, испанцы обязались выплатить Людовику XIV огромное приданое в 500 тыс. золотых экю. Хитрый и дальновидный Мазарини понимал, что эта сумма окажется непосильной для испанского бюджета и тем самым Франция сможет или требовать территориальных компенсаций или считать недействительным отречение Марии Терезии от испанской короны.

Набор рекрутов.
Рисунок 1688 г.

Так и случилось. Смерть в 1665 г. Филиппа IV сразу же инициировала со стороны французского правительства территориальные домогательства. Оно потребовало из наследства умершего испанского короля взамен неуплаченного приданого Южные Нидерланды. Ввиду отказа испанского правительства французский абсолютизм решил силой взять свою долю «наследства». Невыполнение условий договора со стороны испанцев формально развязывало французскому правительству руки для ведения захватнических военных операций. В 1667 г. началась франко-испанская война, прозванная «деволюционной» (от слова деволуция из фламандского наследственного

права). Экономически необычайно заманчивая для Франции добыча, Фландрия и Брабант, являлись испанскими владениями в Нидерландах. К тому времени эти две провинции представлялись в военном отношении совершенно незащищенными: своей армии они не имели, а испанский флот находился в таком жалком состоянии, что не мог доставить в Нидерланды испанские войска.

Однако международная обстановка сложилась не в пользу Франции. Неожиданно для правительства Людовика XIV на помощь Испании выступили недавние союзники Франции по антигабсбургской борьбе — Голландия, Швеция, Англия. Понятно, что эти страны настроенно встретили агрессивность Франции. Особенно были возмущены голландцы. Их совершенно не устраивал высокий французский таможенный тариф 1667 г., подрывавший их торговлю. Кроме того, они боялись оказаться в непосредственном соседстве с воинственной феодально-абсолютистской Францией, в случае, если та оккупирует Южные Нидерланды. Голландская буржуазия предпочла поэтому вступить в союз со своим вековым кровным врагом — Испанской монархией и сумела вовлечь в коалицию также Швецию и Англию. Успешному образованию этой коалиции помогло и то, что английский парламент, недовольный политикой Карла II Стюарта, принудил его резко изменить курс, прервать войну с Голландией и вступить с ней в союз против агрессивной Франции, вступившей на путь захватнической войны.

Таким образом, для Франции сложились весьма неблагоприятные условия. Деволуционная война была дипломатически плохо обеспечена, что вызвало широкие приготовления к отпору соседних государств. Тем не менее французские войска успели быстро оккупировать часть Фландрии, а также Франш-Конте и готовы были к маршу в Испанию и Германию. Людовик XIV решил не рисковать и спешно прекратил войну в следующем же, 1668 г. По Ахенскому миру Франция удержала ряд городов во Фландрии, в том числе Лилль.

Чтобы все же добиться желаемых территорий в Южный Нидерландах, французская дипломатия сразу же начала подготовку к новой вооруженной

акции. Дабы достичь больших результатов, прежде всего, требовалось расколоть антифранцузскую коалицию. На сближение с «нацией лавочников», как называл голландцев раздраженный Людовик XIV, — не было никаких надежд: торговые и политические противоречия с Голландией были слишком остры. Однако Англию и Швецию щедрые денежные субсидии не только заставили выйти из антифранцузской коалиции, но и вернули к союзу с Людовиком XIV.

Новая война не заставила себя ждать. В 1672 г. французская армия, руководимая первоклассными полководцами — Тюренном и Конде, напала на Южные Нидерланды и Голландию. Овладев рядом сильных крепостей, французские войска вторглись в глубь страны. Тогда голландское командование решилось прорвать плотины, вода затопила большую территорию, и французские войска вынуждены были отступить. Одновременно Франции пришлось направить часть войск против австрийских Габсбургов в Пфальц (в Германии), где эти войска учинили страшные опустошения и резню. Это привело к резкому протесту со стороны Англии, и она в 1674—1675 гг. отложила от союза с Францией.

Международная обстановка для абсолютистской Франции, исполненной агрессивных устремлений, вновь стала складываться неблагоприятно. Тем не менее, опираясь на достигнутые победы и грозную репутацию французской армии, самой боеспособной по тем временам, правительство Людовика XIV в 1678 г. заключило выгодный и почетный Нимвегенский мир.

Выгодность этого соглашения заключалась в том, что Испания принуждена была уступить Франши-Конте и несколько городов в Южных Нидерландах. Интересно заметить, что этот международный договор был первым документом такого рода, написанным не на латинском, как было принято в Европе, а на французском языке. Престиж абсолютистской Франции в Европе был необычайно высок. К примеру, мелкие немецкие князья униженно заискивали перед французским двором. Другие страны, не обладающие столь подвижной и хорошо оснащенной армией, были вынуждены буквально трепетать перед ней.

Размах агрессии Людовика XIV постоянно увели-

чивался. В скором времени он уже претендовал на Северную Италию. Но заветной его целью были германские земли, Людовик XIV мечтал о короне германской империи. Пользуясь тем, что император Леопольд I был отвлечен борьбой с Турцией, Людовик XIV беспрепятственно хозяйничал в Западной Германии. Особые «палаты присоединения» под всевозможными юридическими предлогами провозглашали власть французского короля над различными пунктами и территориями Германии. В скором времени власть французского самодержца распространилась на Страсбург. Это фактически означало, что западногерманские князья подчинились французскому протекторату.

Теперь следовало юридически закрепить все аннексированные территории. Это было немедленно превращено в жизнь, так как по тем временам Франция достигла своего наивысшего могущества и абсолютистскому правительству удавалось путем дипломатического нажима заставлять соседей принимать необходимые решения. Так, в 1684 г., император и испанский король по Регенсбургскому договору признали все захваты Франции. Но вскоре, в 1686 г., возникла Аугсбургская лига — оборонительный союз многих европейских государств (империи, Испании, Голландии, Швеции и др.) для отпора дальнейшим территориальным притязаниям Франции. Государственный переворот 1688 г. обеспечил успешное присоединение также и Англии к этой коалиции. Дело в том, что главный организатор Аугсбургской лиги — голландский штатгальтер Вильгельм III Оранский одновременно занял и английский престол.

Разыгравшиеся аппетиты абсолютистской Франции привели к тому, что она успела начать новую агрессию, вторгшись в Пфальц. Члены Аугсбургской лиги согласно принятому обязательству, выступили против Франции, и началась большая европейская война на нескольких фронтах на суше и на море. Несмотря на множество врагов, французы в сухопутной войне на Рейне и в Нидерландах, в Италии и в Испании оставались в общем победителями, хотя на море английский флот нанес им несколько тяжелых поражений. Рисвикский мир 1697 г. хоть и остановил ведение боевых действий, но вер-

нуть захваченные еще до войны территории уже не удалось.

Людовик XIV был уверен, что даже идя на условия Рисвикского мира, он вознаградит себя крупными приобретениями за счет испанского наследства. Договор, заключенный еще кардиналом Мазарини, приносил свои плоды. Дело в том, что последний представитель испанской ветви Габсбургов — Карл II умирал без мужского потомства. А кроме Бурбонов на это наследство могли претендовать еще лишь австрийские Габсбурги. В результате международных интриг французской дипломатии Карл II перед смертью (1700 г.) завещал все свои владения французскому претенденту, но все же не сыну Людовика XIV, а его второму внуку, Филиппу Анжуйскому, и с тем условием, чтобы испанская и французская короны никогда не соединялись в одних руках. Однако Людовик XIV не намеревался соблюдать на деле эту оговорку. Как только его внук под именем Филиппа V был провозглашен в Мадриде испанским королем, Людовик XIV стал от его имени управлять Испанией. Захват власти в метрополии позволил управлять и испанскими колониями. Именно Людовику XIV приписывают слова: «Нет больше Пиренеев!»

Со своей стороны Англия и Голландия попытались потребовать предоставления им торговых привилегий в испанских колониях. Абсолютистское правительство Франции отвергло эти требования, как и посягательства англичан и голландцев на торговлю во французских владениях в Индии.

Загнанные в угол Англия и Голландия поддержали претензии императора Леопольда I на испанский престол. Это привело к грандиозной европейской войне за испанское наследство (1701—1713). Франция сражалась в одиночку против коалиции почти всех западноевропейских держав, что привело к полному истощению ресурсов страны.

Потерпев тяжкое военное поражение, Франция была вынуждена вывести войска из Германии, Испании, Голландии. Вслед за этим французские войска были вытеснены из пограничных городов. Потом последовало вторжение во Францию войск коалиции.

Таким образом неумеренные притязания абсолю-

тистского государства были не только отвергнуты объединившимися силами, но и наказаны. Франция была вынуждена вести разорительную оборонительную войну. Пашни не возделывались по несколько лет, повсеместно произошло падение мануфактур и торговли. Возникшая безработица и всеобщее обнищание народа накаляли и без того сложную обстановку внутри страны. В довершение ко всему то там, то здесь возникали очаги эпидемических болезней, по всей стране свирепствовал голод, царила финансовая разруха — такова была обстановка, в которой завершалось прославленное реакционными историками царствование Людовика XIV. «Спасительный мир» был подписан с Англией и Голландией в апреле 1713 г. в Утрехте, с империей — в 1714 г. в Раштатте.

Испанский престол остался за Филиппом V, но и он и его потомки навсегда утратили право на французскую корону. Англия утвердила свое морское преобладание, сохранив захваченные ею торговые и стратегические базы (Гибралтар и остров Менорку), и получила «ассиенто». Так называлось монопольное право на ввоз рабов-негров из Африки в испанские колонии в Америке. К Англии перешли Ньюфаундленд и Акадия, ставшие опорными пунктами для дальнейшего проникновения англичан в Канаду. Австрийские Габсбурги получили Испанские Нидерланды, Миланское герцогство, Мантую, Неаполитанское королевство и остров Сардинию. Все завоевания Франции фактически были отменены.

Война за испанское наследство привела Францию к печальному результату. Она не лишилась той гегемонии в Европе, которую имела со времени окончания Тридцатилетней войны, но очутилась на грани почти полного внутреннего истощения.

Пышный фасад царствования «короля-солнца» — Людовика XIV — скрывал внутреннюю слабость и реакционную отсталость феодально-абсолютистского режима, который сковывал личную инициативу и предприимчивость представителей новых прогрессивных групп населения.

ДОСТИЖЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И КУЛЬТУРЫ ВО ФРАНЦИИ XVII СТОЛЕТИЯ

Для защиты идеологии феодального строя потребовалась выработка целой системы взглядов господствующего дворянского сословия. Одни силовые структуры государственной машины не могли бы справиться с все возрастающим протестом остальных слоев населения.

Новые экономические потребности, вызревавшие в недрах старого общества, вызвали попытки опровергнуть всю старую идеологическую систему, противопоставить старым идеям новые, более прогрессивные и передовые воззрения. В XVII в. идейные конфликты во Франции далеко не приняли еще такого открытого и решительного характера, как в следующем столетии. Но наработка прогрессивных идей имела большое значение в подготовке системы буржуазной идеологии XVIII в. Прежде всего идеи нового предпринимательского класса имели не оборонительный характер, а носили характер острый и непримиримый, своей агрессивностью все более выводили из равновесия и без того неустойчивую общественную обстановку.

РЕЛИГИЯ ВО ФРАНЦИИ И ЕЕ КРИТИКА

Религия во французском абсолютистском государстве в основном была представлена католической церковью. Роль ее сводилась во Франции XVII в. по-прежнему к охране феодального порядка. Если вся жизнь простого человека протекала, с одной стороны, под контролем многочисленной местной бюрократии, то с другой стороны, тот же крестьянин, а отчасти и горожанин, находились под неусыпным надзором и воздействием церкви. Таким образом, церковь была мощным орудием воспитания масс населения в духе подчинения своим господам и королю.

Религиозные постулаты прежде всего утверждали незыблемость и непререкаемость авторитета самой католической веры. Тем не менее в известной степени этот авторитет был подорван существованием во

Франции второй религии в виде протестантизма, гугенотства, узаконенного Нантским эдиктом 1598 г. Наличие в стране двух допущенных законом вероисповеданий открывало возможность для скептицизма, ослабляло мощь католицизма. Поэтому Людовик XIV с 1661 г. начал серию мероприятий, имевших целью полностью ликвидировать гугенотство. Притеснения и несправедливости заставляли одних гугенотов переходить в католицизм, других бежать из Франции. Поскольку эмигрировали преимущественно буржуа и ремесленники, это нанесло большой ущерб французской промышленности. В 1685 г. гугенотам был нанесен завершающий удар: Нантский эдикт был полностью отменен. Однако эта политика религиозной нетерпимости мало способствовала укреплению власти католицизма над умами французов. Гугеноты активно распространяли из-за границы свое учение. Особенно усердствовали идеологи этого религиозного учения, которые в своих сочинениях бичевали с большой силой не только католицизм, но и абсолютистский режим.

Медленно, но неотвратимо французское общество высвобождалось из клерикальных пут. Имевшие место во время народных движений довольно частые факты «кошунства», т. е. враждебного отношения к религиозному культу, свидетельствовали о том, что во французском народе появились зародыши атеизма. На этот очевидный факт кризиса религии разные круги общества реагировали по-разному. Католическая церковь, иезуиты, двор, дворянство старались вызвать «католическое возрождение», подновить духовную силу католицизма. Использовался, в частности, такой метод воздействия на психику масс, как религиозная благотворительность.

Так, в частности, представителями дворянства было организовано «Общество святых даров», борющееся всеми средствами, подобно иезуитам, с неверием и упадком «благочестия». При этом была создана сеть новых религиозных организаций в среде простого народа. Одна часть духовенства, поддерживаемая чиновной буржуазией, искала возрождения религиозного чувства народа путем обновления католицизма. Это направление — янсенисты (последователи голландского богослова Корнелия Янсена),

БОРЬБА АБСОЛЮТИСТСКОЙ ДОКТРИНЫ С ОППОЗИЦИОННОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ

сгруппировалось вокруг монастыря Пор-Рояль под Парижем. Янсенисты особенно резко выступали против иезуитов. Но представители этого направления не приобрели сколько-нибудь широкого влияния в народе, оставаясь своего рода аристократической сектой. В то же время наиболее передовые французские философы XVII в. — Гассенди, Бейль и др., не порывая еще открыто с религией, сосредоточили уже внимание на обосновании материализма и религиозного скептицизма. Этим самым, хотя и косвенно, обосновывалась и оправдывалась сама возможность неверия в существование сверхъестественных сил.

Одним из выдающихся религиозных скептиков того времени был Пьер Бейль (1647—1706), гугенот-эмигрант. Особенно он прославился критикой религиозной нетерпимости и пропагандой скептического отношения как к церковным установлениям, так и к религиозным догматам. Свое отношение к религии Пьер Бейль обобщил в знаменитом «Историческом и критическом словаре». Это сочинение явилось не только наиболее ярким воплощением критического отношения к религии, но и стало первой энциклопедией нового времени.

Среди горячих пропагандистов науки выделялся Бернар Фонтенель (1657—1757). Этот ученый всю свою долгую жизнь был борцом против невежества и суеверий. Его популярные работы вроде «Бесед о множестве миров», написанные с большим остроумием и литературным блеском, во многом предвосхищают просветительские идеи энциклопедистов. Философские труды Фонтанеля, направленные против идеалистических воззрений в естествознании, были первичной разработкой основ механического материализма, что обусловило потом победу этого учения в научной литературе эпохи Просвещения.

Следует особо упомянуть о деревенском священнике Жане Мелье (1664—1729). Выходец из трудового народа, он сумел еще в начале XVIII в. создать цельную философскую систему материализма, при дальнейшей развитии которой можно было прийти к отрицанию бога.

Как противовес буржуазным оппозиционным идеологам господствующими слоями феодалов выступала официальная политическая программа. Естественно, что наиболее усердствовали в оправдании существующих порядков те, кто находился на самой верхушке власти. Так, даже сам Людовик XIV сочинительствовал с целью доказать подданным обоснованность своей неограниченной власти. По его учению, население должно повиноваться королю, как богу, ибо власть короля как бы олицетворяет перед остальными людьми власть бога. Не только правом, но и обязанностью короля является суровое подавление всякого сопротивления, всякого признака непослушания.

В учении Людовика XIV указывалось, что первые, даже самые незначительные поблажки «простонародью» — это уже признак политической слабости. Народ никогда не удовлетворится уступками, и король, едва лишь став на путь уступок, уже окажется на наклонной плоскости, которая рано или поздно приведет его к катастрофе. Следовательно, утверждал Людовик XIV, только неограниченная власть короля и абсолютное бесправие подданных обеспечивают общественное благополучие. Разумеется, прочность и величие государства также базировались на угнетении тех, кто был рожден для этого.

Такая неприкрытая пропаганда абсолютизма не могла не встречаться оппозицией в штывы, поэтому, чтобы завуалировать истинный смысл абсолютистской доктрины, епископ Боссюэ обосновывает абсолютистскую доктрину в книге «Политика, извлеченная из священного писания» несколько иначе.

Во-первых, он широко использовал богословскую аргументацию, что позволяло ему опираться на веками устоявшийся авторитет церкви. Во-вторых, он утверждал, что вся собственность французов в конце концов есть собственность короля и что он имеет право взять ее, когда ему нужно, путем налогов.

Возражая идеологам абсолютизма, анонимный автор памфлета «Вздохи порабощенной Франции», выпущенного в Голландии в 1689 г. (есть предполо-

жение, что автором этого памфлета был гугенотский публицист Жюрье), писал, что французский народ «сохраняет в сердце желание сбросить иго, и это является зерном восстания. Чтобы народ примирился с нами, ему проповедуют о власти королей. Но как бы ни проповедовали, как бы ни говорили народу, что суверенам все дозволено, что им следует повиноваться, как богу, что у народа нет других средств против их насилий, кроме как молиться и прибегать к богу,— в глубине души никто этому не верит».

Идеологи буржуазии развивали в противовес абсолютистской доктрине учение о святости и неприкосновенности частной собственности.

Официальная абсолютистская пропаганда была бессильна противостоять идеологическим разработкам оппозиционеров. К тому времени уже рождались теории, в той или иной форме признающие значение народа. Передовые мыслители XVII в. Клод Жюли (1607—1700) и Пьер Жюрье (1637—1713) разрабатывали теорию народного суверенитета. Когда люди находились в естественном состоянии, писали они, не существовало власти человека над человеком; королевская власть произошла из договора короля с народом, и народ имеет право через своих представителей ограничивать действия короля. Некоторые мысли Жюрье, идейного лидера французских протестантов, напоминают в общих чертах теорию общественного договора Руссо. Впрочем, против абсолютистской доктрины выступали и некоторые представители дворянства, обеспокоенные признаками надвигающейся катастрофы.

Обострение общественной обстановки, частые восстания наводили часть дворян на мысль, что упорствование короля не может привести к добру. После подавления Фронды Людовик XIV считал, что во Франции нет и не может быть сколько-нибудь серьезного общественного сопротивления абсолютизму. Но уже в конце XVII в. нельзя было не видеть, что, напротив, абсолютная монархия едва справляется с оппозицией. Из этого обстоятельства возникла и серьезная дворянская критика абсолютизма. Дворяне выступали в данном случае с позиций спасения основ существующего порядка — путем ли уступок

новому (Вобан, Буленвилье, Фенелон) или путем попятного движения к феодальной старине (герцог Сен-Симон).

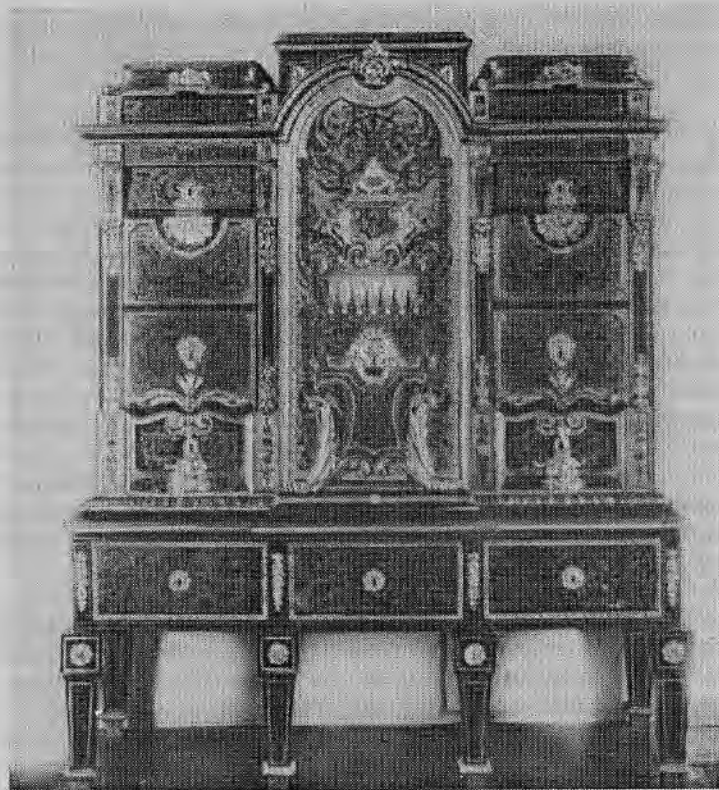
Однако истинными критиками абсолютизма были представители буржуазного сословия. Эта группа авторов, представляющая буржуазную оппозицию абсолютизму, выдвигала совершенно новые идеи, в своих рассуждениях допускала подлинное вольнодумство. Однако и эти идейные дерзания буржуазных элементов не приводили к идеологическому обоснованию необходимости революционных преобразований в стране. Наоборот, таившиеся в народных движениях идеи о подлинном переустройстве общества, отражены ими в явно смягченном и урезанном виде. Например, автор «Вздохов поработенной Франции» жестоко бичует абсолютизм Людовика XIV, но в конечном счете все-таки только за то, что абсолютизм неминуемо породит народную революцию вроде английской, в виде бунта населения с «отсечением королю головы» и «разнузданностью».

Чтобы избежать этого «несчастья», автор призывает прямо к противоположному — пока не поздно, ликвидировать абсолютизм и образовать конституционную монархию сверху. Тем более что в истории уже был известен прецедент в виде английского классового компромисса 1688 г. Как видно, имущественные группы населения, как дворяне, так и буржуазия, боялись «кровавых переворотов».

ФРАНЦУЗСКАЯ КУЛЬТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII СТОЛЕТИЯ

Литература и искусство во второй половине XVII века достигли бесспорных высот благодаря подъему, который переживали прогрессивные общественные силы страны в связи с ее экономическим и социальным развитием. Несмотря на обострение внутренних противоречий в стране в это время, несмотря на войны, восстания и бунты, данный период является выдающимся в развитии французской культуры.

Следует сказать, что абсолютная монархия

Шкаф для монет черного дерева
с черепахой и медью работы
Андре-Шарля Буля.

стремилась подчинить идеологическому контролю всю культурную жизнь страны. С одной стороны это создавало дополнительные препоны для развития, например, литературы, но с другой — положительно влияло на общее состояние культуры. К примеру, правительство начало создавать академии. Разумеется, делало оно это с исключительной целью иметь подконтрольными ученых, архитекторов, живописцев. По примеру французской Академии в 1663 г. организуется Академия надписей, а затем в 1666 г. Академия наук. В 1663 г. утверждается новый устав Академии живописи и скульптуры.

Утро в гавани.
Клод Лоррен. 1645–1650 гг.

Желая задобрить творческих людей, подчинить их своему влиянию, король назначал писателям и художникам пенсии и премии, брал их под свое покровительство, превращал в своего рода государственных служащих. За это они должны были прославлять мощь и величие абсолютистской Франции, развлекать короля и его придворных. Королевский двор во главе с монархом был призван стать законодателем художественного вкуса.

Людовик XIV в 1661 г. начал строительство в Версале грандиозного сооружения, которое по замыслу должно было воплотить в себе идею главенства абсолютистской власти в жизни страны. Здесь был возведен королевский дворец (строители Л. Лево и Ж. Ардуэн-Мансар) и разбит под руководством замечательного садовода-архитектора А. Ленотра (1613—1700) огромный парк с многочисленными аллеями, водоемами, статуями и фонтанами. К украшению Версаля были привлечены виднейшие французские архитекторы, художники и скульпторы, садоводы и мебельщики. В его сооружении участ-

вовали лучшие инженеры и техники, тысячи рабочих и ремесленников. Возведение и содержание Версаля, вырвавшегося в символ величия абсолютной монархии, стоили огромных средств, но власть предрешающая шла на любые расходы, понимая идейную направленность подобных сооружений.

Эстетика показной и громоздкой пышности, которая была применена при оформлении Версаля, особенно в его внутреннем убранстве, импонировала Людовику XIV. В искусстве для короля главенствовала идея прославления самодержавия. Однако в этом крупнейшем создании дворцовой архитектуры

Версаль.
Гравюра А. Авелина.

XVII в. воплотились и многие из сильных сторон французской художественной культуры того времени. Об этом свидетельствует логическая стройность, строгая внутренняя соразмерность всего грандиозного ансамбля в целом.

Следует сказать, что к XVII столетию классицизм канонизировал композиционные приемы античности. И уже в этот век начинает развиваться стиль барокко, для которого характерны большое количество лепных украшений, сложность членения и пространственных соотношений, приподнятость, эмо-

циональная экзальтированность и контрастность форм.

Особенностью архитектурного художественного стиля во Франции этого периода было и то, что стиль барокко, тяготеющий к парадной пышности и торжественности, слился с классицизмом в единый стиль. Разбивка версальского парка, чарующего своими просторами, бескрайними воздушными далями и чистотой пропорций, особенно ярко говорит об этом.

К первой трети XIX века французский классицизм, включавший в себя элементы барокко, вылился в создание стиля ампир (от слова империя), что прямо указывало на идеологическую направленность этого художественного стиля, заданную еще Людовиком XIV. Во второй половине XVII века во Франции было создано много других монументальных архитектурных сооружений, обладающих высокими эстетическими достоинствами. Наиболее выдающиеся из них: Дом Инвалидов, строительство которого было начато в 1670 г., здание Обсерватории, восточный фасад Лувра (архитектор Клод Перро), церковь Валь де Грас, возведенная под руководством одного из наиболее значительных французских зодчих этого времени — Франсуа Мансара (1598—1666).

После того, как в 1672 г. был создан оперный театр, — королевская Академия музыки — во главе ее был поставлен выдающийся скрипач и композитор, один из основоположников французской оперы и автор музыки к целому ряду комедий Мольера — Жан Батист Люлли (1632—1687). Люлли, любимцу короля, было предоставлено монопольное право на создание музыкального сопровождения к драматическим произведениям и на постановку оперных спектаклей. В 1680 г. произошло слияние всех театральных трупп Парижа в один привилегированный драматический театр, получивший название Comedie Francaise, существующий и поныне. Что касается изобразительных искусств, то здесь отрицательную роль играла педантичная опека Академии. Она сковывала творческие искания художников, от которых требовали беспрекословного подчинения неким будто бы неизменным и общеобязательным эстетическим канонам. В период царствования Людовика XIV, за

редкими исключениями (выдающийся пейзажист Клод Лоррен, 1600—1682, и мастер психологически глубоких и суровых портретов Филипп де Шампень, 1602—1674), господствует эффектный, но холодный академический классицизм. Его наиболее видными представителями являются Шарль Лебрен (1619—1690), первый художник короля, глава Академии художеств и руководитель декоративных работ в Версале, а также его соперник и вместе с тем преемник на посту директора Академии Пьер Миньяр (1612—1695). Широкою известность завоевали себе также в конце XVII столетия мастера торжественного, парадного портрета Гиасент Риго (1659—1743) и Никола Ларжильер (1656—1746).

Не все представители того или иного вида искусств шли на сотрудничество с королевской властью. Из числа крупных деятелей французского искусства этого времени наибольшую независимость по отношению к двору и Академии сумел сохранить одаренный мощным творческим темпераментом и бурной фантазией скульптор Пьер Пюже (1622—1694). Живописи же, овеянной духом гуманизма и реалистическими устремлениями, было суждено возродиться в начале XVIII в. в творчестве Антуана Ватто (1684—1721). Этот художник открывает совершенно новую страницу в истории прогрессивного французского искусства, устремляя свои эстетические искания в фиксации бытовых сцен.

Что касается французской литературы, то во второй половине XVII столетия существуют в целом уже те направления, которые ясно обозначились еще в начале века. Вместе с тем в соотношении сил между ними происходят определенные подвижки, выразившиеся прежде всего в повышении уровня художественного освоения жизненного материала.

С одной стороны, косные и отсталые тенденции культивируют писатели, продолжающие традиции так называемой прециозной (жеманной) литературы. Правда, в новых исторических условиях облик прециозной литературы несколько изменяется. Писатели этого направления теперь отказываются от крайностей причудливого оригинальничания, осваивают целый ряд правил классицистической доктрины. К прециозности второй половины XVII в. с полным правом

может быть применен термин «придворный классицизм». Однако сущность этого литературного течения остается прежней — угождение вкусам придворной знати.

Как и раньше, прециозные писатели продолжают работать в традиционных, привычных для них жанрах: лирике (Бенсерад, г-жа Дезульер) и драматургии. Наиболее известными представителями последней становится Тома Корнель (1625—1709), младший брат Пьера Корнеля, и Филипп Кино (1635—1688). Они умели добиваться успеха, потакая вкусам аристократических зрителей. Все большую популярность приобретает теперь жанр галантной трагедии. Прециозные драматурги развлекали аристократическую публику и ослепленных великолепием высшего общества обывателей, излагая в утонченной драматической форме злободневные происшествия придворного быта, героизируя авантюрные похождения именитых обитателей Версаля. Иначе как придворный, такую драматургию назвать нельзя.

Общее развитие французского общества, повышение уровня образования привело к тому, что в аристократической среде распространялся вкус к литературным занятиям. Однако подлинно историческое значение приобрели лишь немногие произведения. Их создают представители тех кругов дворянства, которые оппозиционно относились к политике Людовика XIV. Таковы в первую очередь герцог Франсуа де Ларошфуко и его друг Мария де Лафайет (1634—1693).

ФРАНСУА ДЕ ЛАРОШФУКО

Франсуа де Ларошфуко (La Rochefoucauld, 1613—1680) был выдающимся писателем-моралистом своего времени. В сборнике афоризмов и сентенций «Максимы» (1665 г.) высказал много горьких и справедливых истин о современном ему аристократическом обществе. Он убедительно раскрывал его опустошенность, показывая, что движущей силой поведения его членов является себялюбие, неприкрытый эгоизм.

Поскольку герцог Франсуа де Ларошфуко

понимал, что образцом для подражания является не кто иной, как сам король, и бороться, как-либо изменить подобное установление невозможно, то мировоззрение этого мыслителя было окрашено в пессимистические тона. Убежденный в порочности человеческой природы, он считал, что только сила и принуждение способны охранить современное ему общество от анархии. Это приводило его к косвенному оправданию абсолютистского порядка, поскольку нельзя было исправить человеческую природу. Тем не менее, основная заслуга писателя-моралиста в том, что он в афористической форме запечатлел философские итоги наблюдений над нравами аристократического общества, дал их остросатирическую оценку.

Развитие языковых средств выражения к тому времени обусловило то, что «Максимы» Ларошфуко, роман «Принцесса Клевская» де Лафайет, а также переписка мадам де Севинье (1626—1696), которая поддерживала с этими писателями тесную дружескую связь, написаны необычайно четким, кристально ясным и выразительным языком и являются великолепными образцами французской прозы.

БЛЕЗ ПАСКАЛЬ

Художественная литература стимулировала становление французского литературного языка. Немаловажную роль в этом сыграли и публицистические произведения знаменитого математика, физика и философа Блеза Паскаля (Pascal, 1623—1662). Крупным событием литературной и общественной жизни страны явились, в частности, его «Письма провинциала» (1656 г.). Паскаль по своим идейным позициям был убежденным сторонником янсенистского движения, поэтому мишенью этого сборника язвительных и блестящих по форме памфлетов были иезуиты.

В «Мыслях» (опубликованных в 1669 г.) Паскаль развил представление о трагичности и хрупкости человека, находящегося между двумя безднами — бесконечностью и ничтожеством (человек — «мыслящий тростник»). Путь постижения тайны бытия и

спасения человека писатель видел в христианстве. К тому времени Паскаль сблизился с представителями янсенизма и вел полумонашеский образ жизни.

Произведения Блеза Паскаля сыграли значительную роль в формировании французской классической прозы.

НИКОЛА БУАЛО

Как никто другой большое влияние на идейные поиски писателей того времени сыграли два других представителя французского классицизма — Никола Буало и Жан Расин. Оба они также в той или иной степени соприкасались с янсенизмом. Вместе с тем их творчество далеко выходит за рамки идейных устремлений религиозного движения.

Буало (Voileau, 1636—1711) был теоретиком французского классицизма. Родился в семье судейского чиновника. Пройденный им творческий путь сложен и извилист. Он дебютировал в литературе в 60-е годы своими смелыми, остроумными и весьма резкими по тону «Сатирами». В них он позволял себе иронические высказывания о религии и едкие выпады против государственных деятелей вплоть до самого Кольбера. Однако с 1668 г. в творчестве Буало обозначается поворот. Буало сближается с янсенистскими кругами и в то же время ищет путей, ведущих к королевскому двору.

С целью повлиять на современников Буало опубликовал в 1674 г. свой знаменитый стихотворный трактат «Поэтическое искусство», выдвинувший его на первое место среди литературных критиков и теоретиков классицизма. В этом трактате Буало попытался сформулировать нормы искусства. Теоретически обосновывая эстетику классицизма, поэт сводил прекрасное к изящному; прекрасна не вся природа в ее цветении и буйстве, а лишь подстриженная, ухоженная природа (например, Версальский парк).

Высшим предметом искусства Буало провозгласил красоту в общественной жизни, отождествляемую им с добром и государственной целесообраз-

ностью. Одновременно он подчеркивал воспитательное значение искусства и призывал подражать облагороженной и очищенной разумом природе. Прославляя разум, как источник художественного познания жизни, и здравый смысл, он осуждал в качестве вредных крайностей как условности прециозной эстетики, так и попытки слишком глубокого реалистического проникновения в противоречия окружающей действительности. Буало осуществил поставленную перед собой задачу с большим мастерством. Его «Поэтическое искусство» написано чеканными стихами, изобилует крылатыми словечками, меткими, легко запоминающимися формулами, прочно вошедшими затем в обиход литературной речи. Театр классицизма под воздействием идей Буало строился на базе его нормативной эстетики.

ЖАН РАСИН

Юношеские годы замечательного драматурга Расина (Racine, 1639—1699), выходца из кругов судейской знати, прошли в стенах различных руководимых янсенистами учебных заведений. Это обстоятельство обусловило его склонность к трагическому восприятию действительности. Суровое, пронизанное аскетическим духом, янсенистское воспитание наложило неискоренимый отпечаток на сознание Расина. Однако с 1663 г. Расин против воли своих наставников целиком отдается литературной деятельности. Наиболее значительные из всех трагедий, созданных Расином в 60—70-х годах, выдвигают его в число величайших писателей Франции. В основу почти всех своих произведений Расин кладет конфликт между монархическим деспотизмом и его жертвами.

Трагедии Расина четки по своему строению. Переноса центр тяжести на изображение душевного мира героев, Расин избегает усложненной, запутанной интриги. Строгие классицистические требования, вроде, например, правила трех единств, не стесняли его. Наоборот, они побуждали его стремиться к еще более простой композиции. Расин был выдающимся

мастером стиха, отличающегося в его произведениях исключительной музыкальностью и гармоничностью. Вместе с тем за внешне уравновешенной формой трагедии Расина скрывается напряженность страстей, изображение остро драматических конфликтов, исключительно богато идейное содержание. Его герои всегда следовали требованиям нравственного долга, что, впрочем, строго соответствовало классицистической норме.

Работая над проблемой противоборства страстей в человеческой душе, Расин создавал временами произведения, в содержании которых скрывались верно подданные настроения и ослепленность блеском версальского двора (таковы, например, трагедии «Александр Великий» и «Ифигения»). Однако в крупнейших творениях драматурга на первый план выступают тенденции критические и гуманистические. В них выведены венценосцы, которых неограниченная самодержавная власть неумолимо толкает к произволу и насилию («Андромаха» и «Британник»). Расин с проникновенной поэтической силой воспроизводил душевную трагедию людей, которые, стремясь к выполнению общественного долга, растаптывают свое личное счастье («Береника»). Расин создал монументальный образ человека, в сознании которого над мутными, воспринятыми от порочного окружения инстинктами и страстями торжествует в конечном итоге неукротимое стремление к свету, разуму, справедливости («Федра»). С особенной обнаженностью и прямотой передовые общественные устремления писателя нашли выражение в его последней, пронизанной тираноборческими идеями, трагедии «Атاليا» (1691 г.).

Если сравнивать драматургию Расина с творчеством Корнеля, то мы увидим, что произведения первого есть новый этап в развитии классицистической трагедии. Корнель в мощных, овеванных духом героики образах воспевал в первую очередь процесс укрепления единого, централизованного государства. В произведениях Расина на первый план нередко выступает нравственное осуждение монаршего произвола и бездушия придворной жизни. Эти ведущие идейные мотивы драматургии Расина отражали на строении передовых кругов французского общества

Фронтиспис первого издания пьес Расина, гравированный С. Леклерком по рисунку Ш. Лебрена. 1676 г.

второй половине XVII в. Именно поэтому придворные льстецы ненавидели и травили великого драматурга.

Творчество Расина было обусловлено эстетикой классицизма, и рамками этой же эстетики ограничено. Поэтому с наибольшей силой и размахом прогрессивные общественные устремления нашли воплощение у писателей, творчество которых выходило за рамки классицизма. Черты реалистического отображения жизни мы находим у Мольера и Лафонтена.

И Мольер и Лафонтен были последователями иного направления философской мысли, чем то, к которому примыкали Расин и Буало. Мольер с самого начала своего творческого пути выступает как убежденный сторонник философа-материалиста Гассенди. Лафонтен в период наивысшего расцвета своей литературной деятельности также становится активным приверженцем учения Гассенди. Как Мольер, так и Лафонтен, писатели гораздо более прогрессивные по своему мировоззрению, чем Буало, широко использовали в своем творчестве неисчерпаемую сокровищницу народного искусства. Буало же о фольклоре отзывался пренебрежительно и свысока. Народная фарсовая драматургия была важнейшим источником вдохновения для Мольера. Баснописец Лафонтен наряду с античной поэзией использовал национальную литературную традицию, и не только новеллистику и поэзию эпохи Возрождения, но и богатейшие россыпи средневекового французского фольклора. Именно стремление опереться на накопленную веками народную мудрость, отразить чаяния и устремления простых людей и придавало такую разоблачительную силу сатире Мольера и Лафонтена.

ЖАН БАТИСТ МОЛЬЕР

Сила новаторства Жана Батиста Мольера (Molière, настоящее имя и фамилия Жан Батист Поклен, Poquelin, 1622—1673) заключалась в том, что выдающийся комедиограф соединил традиции народного

театра с достижениями классицизма. Практически Мольер был основателем французской национальной комедии. Если раньше в театре господствовало классицистическое установление, утверждающее идеальных героев, высмеивающее общечеловеческие пороки, то вместе с Мольером в театр пришли актеры, которые воплощали не только общечеловеческие черты персонажей, но и не пренебрегали их конкретно-историческими и национальными, чисто французскими особенностями.

В своей творческой и жизненной деятельности Мольер вел непрерывную, ожесточенную борьбу против реакционных сил. Премьеры наиболее значительных произведений Мольера превращались в своего рода бои, которые великий драматург давал реакционному лагерю, вызывая со стороны последнего бешеный отпор и преследования. Мольер наносил удары одновременно и по фальшивой прециозной «культуре», и по мещанской косности. Он бичевал схоластов и педантов. Начиная со «Школы жен» (1662 г.), разоблачение мракобесия, насаждаемого католической церковью, и критика религиозной морали выдвигаются на одно из первых мест в творчестве Мольера. Своей вершины эти идейные тенденции достигаются в «Тартюфе».

Высмеивая ханжество и лицемерие церковников, Мольер очень ярко раскрывает разительные противоречия современной ему французской действительности. Он создает удивительный по многогранности и силе типизации образ просвещенного, но одновременно циничного и аморального аристократа. В «Мизантропе» (1666 г.) великий драматург с исключительным психологическим мастерством изображает душевную драму передового человека своего времени. Альсест глубоко возмущен пороками господствующего сословия. Но он остается в одиночестве и поэтому лишен возможности найти путь активной борьбы. Во второй половине 60-х годов на первый план в драматургии Мольера выступает сатира на тех современных ему буржуа, которые добивались союза с дворянством и тем самым укрепляли его господство. Наконец, в «Скупом» и «Мнимом больном» Мольер с неподражаемым комедийным мастерством высмеивал эгоистичность людей, уверовавших во всемо-

гущество денег, в свою способность все покупать, вплоть до здоровья и жизни.

Мольер завоевал для французской комедии право не только на признание масс населения своей страны, но и на международное признание. Комедия превратилась в средство постановки важнейших проблем современной общественной жизни. Кроме того, Мольер обогатил и расширил присущие комедии средства художественной выразительности, что было по тем

Жан Батист Мольер.
Граюра С. Фике.

временам подлинным новаторством в сценическом искусстве.

Наследие Мольера оказало глубокое влияние не только на последующее развитие французской комедии. Во многих европейских странах начали возникать подражания Мольеру, что оказывало значительное влияние на развитие национальных культур. Продолжителями реалистических заветов Мольера-комедиографа во Франции были драматурги Реньяр (1655—1709) и Лесаж (1668—1747).

Значение наследия Мольера определяется жизненностью его образов. Кроме заслуг Мольера как драматурга, его деятельность высоко оценивают и по результатам театральных преобразований. Мольер сам был блестящим, одаренным яркой индивидуальностью, комедийным актером. Своей режиссерской работой Мольер заложил прочную основу реалистической школы актерского искусства во Франции, а всем своим творчеством оказал огромное влияние на развитие мировой драматургии и театра.

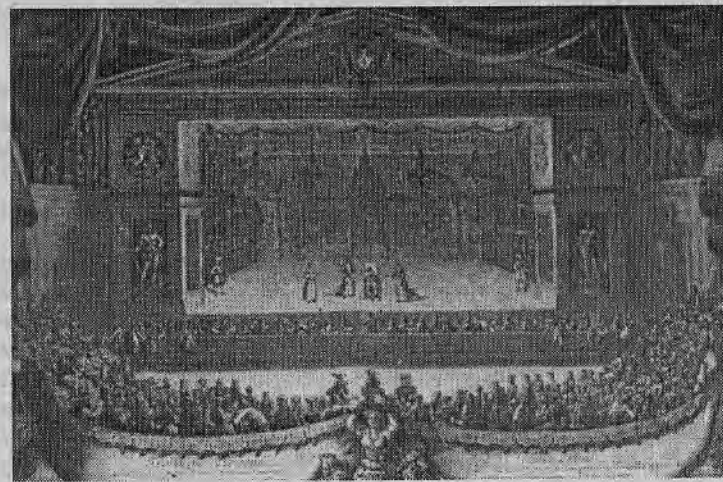
ЖАН ДЕ ЛАФОНТЕН

Жан де Лафонтен (La Fontaine, 1621—1695) добился известности после публикации второго тома своих «Басен» в 1678 г. В этой книге он истолковывал пороки, как результат неких извечных изъянов и недостатков человеческой природы. Выступая как зрелый мыслитель, писатель ищет причины пороков также в общественном устройстве тогдашнего общества.

Сатира Лафонтена приобрела большую эмоциональность и вместе с тем социальную остроту и реалистическую конкретность. Осмысление Лафонтеном современной ему французской действительности все очевиднее выражается в прямом, легко расшифровываемом читателем сопоставлении абсолютной монархии и аристократического общества с царством кровожадных и ненасытных хищных зверей. Значительное место занимает критика Лафонтеном церкви. Кроме того, известны и его весьма скептические высказывания о религии. Со временем борьба

Лафонтена с властью церкви приобретает в его баснях глубокое философское обоснование. В своем мировоззрении писатель-сатирик опирался на материалистическое учение Гассенди.

Популяризируя в своих баснях материализм, Лафонтен также создавал образы, которые воссоздавали всю Францию второй половины XVII в. При этом, чем дальше шел Лафонтен в сатирическом разоблачении правящих кругов, тем последовательнее и резче противопоставлял он им в качестве носителей подлинной человечности людей из народа, угнетенных тружеников (например, в баснях «Сапожник и откупщик», «Крестьянин с Дуная», «Купец, дворянин, пастух и сын короля» и т. д.). Это не

Спектакль в Версальском парке.
Сцена из комедии Мольера «Мнимый больной».
Гравюра П. Лепотра 1676 г.

могло не вызвать ярость представителей групп населения: как дворян, так и буржуазии.

Сатирические произведения 70-х годов ярко выявляют изумительное художественное дарование баснописца: присущее ему мастерство сжатой, лаконичной композиции, умение рисовать немногими точно отобранными деталями запоминающиеся характе-

ры, исключительное богатство поэтического словаря, виртуозное владение вольным стихом. Басни говорят о том, что Лафонтен был не только наблюдательным рассказчиком, блестяще владевшим оружием иронии, но и замечательным лириком. Опираясь на народную мудрость и фольклор, Лафонтен значительно обогатил французскую литературу.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПРОГРЕССИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII СТОЛЕТИЯ

Среди передовых представителей французской литературы второй половины XVII в. находится также Антуан Фюретьер (1620—1688). Крупнейшее произведение Фюретьера — «Буржуазный роман» (1666 г.) — важная веха в развитии реалистического романа. В этом произведении, изображавшем в критическом свете жизненный уклад рядовых парижских буржуа, Фюретьер стремится к созданию типических характеров. Но он выводит их не из природы человека как таковой, а делает продуктом социальной среды, в которой они живут.

Известны и знаменательны достижения Фюретьера в области филологии. Целым событием в культурной жизни Франции стал подготовленный Фюретьером «Всеобщий словарь» французского языка. Фюретьер сознательно противопоставлял свои лексикографические принципы воззрениям французской Академии. Он последовательно вводил в свой труд огромное количество научных и технических терминов, а также разговорных оборотов, которые выбрасывались из обихода реакционными академиками. Передовое по своему характеру начинание Фюретьера встретило отпор со стороны Академии, которая исключила писателя из своего состава и организовала его травлю.

Мастером афористической публицистики был виднейший французский прозаик конца XVII в. Жан Лабрюйер (1645—1696). Его творческая деятельность падает на конец 80-х и начало 90-х годов, т. е. на тот период, когда очевидный подъем переживает не только оппозиционная политическая мысль, но и пере-

довая художественная литература. В своей знаменитой книге «Характеры, или нравы этого века» (первое издание — 1688 г.) Лабрюйер изображал вопиющие общественные контрасты современной ему абсолютистской Франции. Наряду с сатирическими образами представителей аристократии и буржуазии Лабрюйер воспроизводил реалистические картины народной жизни.

Используя точный и сочный язык, писатель с невиданной дотоле силой показал потрясающую картину нищеты и лишений французского крестьянства. Определяя свое отношение к окружающей действительности, Лабрюйер временами поднимался до мысли о необходимости единения с угнетенными и униженными. Предвосхищая просветителей, он приходил к выводу, что лишь решительное изменение устройства общества может способствовать расцвету человеческой личности. Однако Лабрюйер не был последователен в своих взглядах. Временами его охватывали пессимистические мысли о неизбежности примирения с пороками существующего строя. Не лишены противоречий и художественные особенности «Характеров». С одной стороны, здесь даны выдержанные в стиле классицизма «портреты» персонажей, представляющих различные отвлеченные человеческие характеры и общественные состояния. С другой стороны, произведение имеет черты реалистического очерка.

Потрясения в обществе, вызванные глубоким социальным кризисом 90-х годов, нашло свое яркое отражение и в романе архиепископа Фенелона (1651—1715) «Приключения Телемака» (1699 г.). Автор изложил свои этические и политические воззрения в форме занимательного рассказа о путешествиях сына древнегреческого героя Улисса (Одиссея) Телемака и его воспитателя Ментора. Прибегая к иносказаниям, он развешивал жесткую критику абсолютной монархии. Однако справедливо указывал на лишения народа, намечал утопическую картину общественных реформ.

Одним из интересных процессов в литературной борьбе конца века был спор «древних» и «современных». К лагерю «древних», отстаивавших превосходство античной литературы над современной, при-

мыкали крупнейшие французские писатели этого времени: Расин, Буало, Лафонтен и Лабрюйер. Восхищение античностью позволяло им косвенно выразить свою глубокую неудовлетворенность существующим общественным устройством. Предводителями «современных» выступали Шарль Перро (1628—1703), автор широко известного сборника народных сказок, и уже упоминавшийся ранее Фонтенель. «Современные» старались всячески защитить абсолютную монархию. Они доказывали, что личные качества людей, которые стоят у руля власти, могут гарантировать гармоничные взаимоотношения в обществе. Таким образом, в их теории культурного прогресса были зачатки идей раннего Просвещения. Разногласия между «древними» и «современными» давали повод к ведению широкой дискуссии, что позволяло дебатировать по поводу самых различных вопросов, имевших отношение к общественному устройству. Подобные споры имели общеевропейский резонанс, знаменовали собой в развитии культуры переход от одной стадии развития к другой, более прогрессивной.

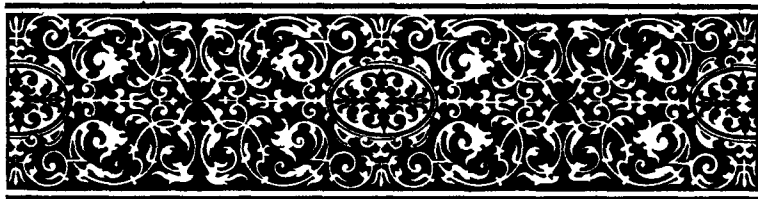
Порой правительству, которое следило за литературными дискуссиями, казалось, что оно теряет идеологический контроль над представителями творческой интеллигенции. Реалистические и демократические тенденции в передовой французской литературе второй половины XVII в. вызывали серьезные опасения как у правительства, так и у короля. В течение длительного времени королевская власть старалась опекать виднейших представителей французской литературы и даже по мере возможности оказывать им поддержку — однако лишь на определенных условиях и лишь до известных, весьма ограниченных пределов.

Так, когда в свое время Мольер критикой религиозных устоев вызвал бешеную ярость со стороны клерикалов, то король не позволил им уничтожить драматурга. В то же самое время «Дон Жуан» был немедленно после премьеры снят с репертуара, а постановка «Тартюфа» разрешена только через пять лет после написания пьесы. В 1677 г., после постановки «Федры», Людовик XIV по совету своих приближенных возвел Расина в почетный сан истори-

ографа и тем самым фактически лишил писателя на длительный срок возможности заниматься литературным творчеством. Постановка «Аталии» была запрещена.

Людовик XIV прекрасно понимал, что передовые умы Франции он не сможет до конца поставить себе на службу. Поэтому иногда король не особо церемонился с лучшими представителями мыслящих кругов общества. Так, вслед за тем, как Расин подал монарху докладную записку, в которой осмелился критиковать королевскую политику, он немедленно подвергся опале. Впрочем, Лафонтена и Фюретьера король вообще не пытался привлечь к своему двору. Приближение баснописца казалось ему нецелесообразным. Накануне отмены Нантского эдикта двор переходит к поддержке реакционных представителей католического «возрождения».

Глубоко проанализировав истоки возникновения и общественные условия, в которых зарождались крупнейшие достижения французской литературы второй половины XVII в., можно прийти к выводу, что абсолютизм отнюдь не является первостепенной причиной их возникновения. Разоблачая социальные язвы абсолютистской Франции, передовые французские писатели способствовали росту самосознания демократических кругов. Именно в критике общественного устройства оттачивалось литературное мастерство, обогащался литературный язык. Все это послужило благодатной почвой для возникновения просветительских идей.

ГЛАВА 3

ШВЕЦИЯ. ОБОСТРЕНИЕ БАЛТИЙСКОГО ВОПРОСА

В предыдущем веке в Швеции была успешно проведена лютеранская реформация. Являясь более передовой формой религии, протестантизм позволил шведам в первой половине XVII в. добиться ряда прогрессивных изменений в общественном устройстве. Это незамедлило сказаться на внешнеполитической арене. Швеция достигла своей давней заветной цели — утвердила за собой господство на Балтике (так называемый Балтийский доминат). В 1617 г. она путем военной угрозы окончательно отрезала Россию от всех выходов к Балтийскому морю. Далее, в 20-х годах, аннексировала у Польши Лифляндию (кроме Латгалии). Затем, в 1645 г., смогла заполучить эстонский остров Эзель (Сааремаа), ранее принадлежавший Дании. На основании Вестфальского мира 1648 г. после завершения Тридцатилетней войны 1618—48 гг. Швеция получила устья почти всех судоходных рек Северной Германии. Отныне, таким образом, и южные берега Балтийского моря либо полностью вошли в состав владений Швеции, либо перешли под ее контроль. Балтийское море не без основания считалось в то время «шведским озером».

Северная Европа после Тридцатилетней войны оказалась под контролем великой державы. В Швеции того времени насчитывалось до 3 млн. населения, состоявшего из шведов, финнов, карел, русских, эстонцев, латышей, немцев, датчан. Великодержавная политика Швеции затрагивала жизненные интересы многих стран. Разумеется ни Россия, ни Польша, ни Германия и Дания, заинтересованные в балтийской торговле, не могли смириться с создавшимся положением. Поэтому неизбежны были военные столкновения Швеции с этими государствами. Вестфальский мир принес лишь временную передышку перед новой войной.

УСПЕХИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ШВЕЦИИ В XVII В. КОЛОНИАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ

Территориальная обособленность и богатство природных ископаемых обусловили в течение XVII столетия, и особенно во второй его половине, усиленное развитие металлургической промышленности. Наличие руд железа и меди позволили Швеции достичь успехов в области снабжения этими металлами некоторых европейских стран. Неудивительно поэтому, что Швеция заняла первое место в Европе по производству железа и меди. Большое количество этих металлов вывозилось за границу, обуславливая в свою очередь развитие торговли. В стране усиленно развивалась промышленность. Высокого уровня достигло судостроение. Важное значение в шведском хозяйстве имели леса. В стране было много лесопилок и бумажных мануфактур, работавших частью на водной энергии. Леса давали топливо для выработки железа и чугуна. Важные статьи шведского экспорта составляли смола и деготь, а также строевой лес, древесный уголь, пушнина, рыба. Швеция вела оживленную торговлю с Англией, Францией, Голландией, Данией, Германией и Польшей.

Поскольку по некоторым товарам (деготь, смола, поташ) русская торговля составляла конкуренцию шведской, то на протяжении всего XVII столетия

Швеция стремилась контролировать русскую торговлю на Балтийском море. Из частного торгового интереса вытекали широкие политические последствия. Шведы захватили Карельское и Ингерманландское побережье в 1617 г. и установили там строгий контроль над продвижением товаров. Это заставило русское правительство все более расширять ввоз и вывоз товаров через Архангельск, т. е. в обход шведских владений. Подобные географические изменения торговых маршрутов уменьшали конечную торговую прибыль и обостряли и без того натянутые русско-шведские отношения.

Благоприятные условия для мореходства позволяли Швеции участвовать и в колониальной торговле. В 1626 г. была основана Южная компания по торговле с заокеанскими странами. В целях финансирования внешней торговли и промышленности в 1668 г. был учрежден Государственный банк. Шведское правительство настойчиво проводило, особенно с 60-х годов, прагматическую политику. Меркантилизм по отношению к защите внутреннего производителя достиг наивысшего расцвета. Это достигалось путем введения многочисленных покровительственных пошлин. Оказывалось существенное содействие росту торгового судоходства. Населению наиболее важных в торговом и промышленном отношении городов предоставлялись различные привилегии с целью привлечения в эти города новых жителей. Все государственные расходы по содержанию армии делались так, чтобы опять-таки поддержать шведскую промышленность. Правительственные заказы на оружие и военное обмундирование размещались только внутри Швеции.

Тем не менее шведская промышленность XVII в. развивалась довольно односторонне. Некоторые исследователи видят причину этого в частичной географической изолированности Швеции, другие считают, что отрицательно сказывалось процветание добывающей промышленности. В то время металлургия производила преимущественно полуфабрикаты, которые экспортировались в виде полосового железа. За границей полуфабрикаты подвергались окончательной обработке. Далее, текстильная промышленность, значение которой в ранний период капитализма ока-

зывалось особенно велико, была развита очень слабо. В Швеции отсутствовала необходимая сырьевая база для этой промышленности (в частности, шерсть). То есть мы видим, что промышленный подъем был не гармоничным, разбалансированным, без должного присутствия обрабатывающей промышленности. Это происходило как от отсутствия необходимого собственного опыта, так и от невозможности широкого привлечения зарубежных мастеров к созданию масштабных производств переработки.

Рыбаки.

Гравюра И. ван дер Авелена 1719 г.

Урбанизация того периода в Швеции происходила также замедленными темпами. Правда, в XVII в. появилось несколько новых городов, в их числе — Гетеборг, основанный в 1603 г. на берегу Каттегатского пролива. Гетеборг был превращен в морскую крепость и вскоре стал первым после Стокгольма торговым центром Швеции. Однако как старые, так и новые города были невелики и практически не

развивались. В Стокгольме, столице и единственном крупном центре страны, насчитывалось около 40 тыс. жителей, что по тем временам не очень много. Что касается большинства типичных для XVII столетия шведских городов, то население их имело не более 4—6 тыс., редко 10 тыс. человек. Если учесть, что только около 5 процентов населения Швеции XVII в. проживало в городах, то мы обнаружим причины медленного темпа роста городов. Они кроются в том, что основные отрасли шведской промышленности развивались не в городах, а в горных и лесных районах страны, ближе к источникам сырья.

Сельскохозяйственное производство Швеции в XVII в. оставалось преимущественно на прежнем уровне, хотя в урожайные годы хлеб становился предметом экспорта. Однако земледелие в условиях ограниченного количества плодородных земель на Скандинавском полуострове, значительную часть которого занимают бесплодные скалы, леса и озера, не могло особенно интенсивно развиваться. В неурожайные годы прокормление хлебом населения Швеции становилось острой проблемой, вынуждало к поискам импортных поставок.

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

Дворянство в Швеции XVII в. оставалось по-прежнему наиболее влиятельным слоем населения. Традиционно господствовали верхние, аристократические круги дворянства — графы и бароны. Разбогатевшая во время Тридцатилетней войны аристократия сумела использовать в своих интересах период ослабления центральной власти после смерти короля Густава II Адольфа. Царствование дочери Густава II Адольфа Кристины (1632—1654) было временем наибольшего господства аристократии. К ней примыкали представители вновь выдвинувшихся родов, что ослабляло те или иные внутрисословные конфликты.

Безраздельно владея риксродом (государственным советом) и частью риксдага (орган сословного представительства), дворяне контролировали положение

в стране. Если учесть, что важнейшие государственные должности также принадлежали аристократии, феодальная знать в середине XVII в. окончательно оформилась как высшее привилегированное сословие. Внешним выражением этого было значительное увеличение числа фамилий титулованного дворянства, занесенных в особые списки и обособившихся таким образом в замкнутую корпорацию. Если в 1632 г. в Швеции насчитывалось всего четыре графских и девять баронских фамилий, то в 1654 г. — уже известны семьдесят шесть титулованных дворянских фамилий.

Дворянство всячески стремилось расширить свое землевладение. Захват почти всех коронных поместий, получение феодалами права собирать налоги с крестьян (сами феодалы были освобождены от уплаты

Фалунские рудники.
Гравюра И. ван дер Авелена 1701 г.

налогов со своих наследственных имений) и разграбление общинных земель сопровождалось наступлением на права крестьян. Население все больше попадало в подчинение землевладельцам. Быстро пополнялись ряды так называемых фрельзовых крестьян. Фрельзовыми (шведское *frälsebonde* — «свободные крестьяне») назывались крестьяне, жившие на землях феодалов, в отличие от государственных, или податных крестьян. Позже их стали называть «старофрельзовыми» в отличие от новофрельзовых — бывших государственных крестьян, живших на землях, захваченных в XVII в. аристократами. В сере-

дине XVI в. крестьянству, по преимуществу податному, жившему на государственных («коронных») землях, принадлежало более пятидесяти процентов всей удобной земли. Процессы обезземеливания сельского населения привели к тому, что через столетие число государственных крестьян сократилось более чем в два раза. Их владельческие права на свои наделы значительно сократились.

Обострение аграрного вопроса привело к общественной напряженности. Шведская аристократия едва ли не сознательно шла на обострение в социальном смысле своей сельскохозяйственной политики. Дело в том, что в Швеции в силу ряда исторических условий в середине века не сложилась система

Сельскохозяйственные работы.
Гравюра 1716 г.

личной крепостной зависимости. Податные (скаттовые от шведского skatt — подать) крестьяне, жившие на государственных землях, фактически превратились в наследственных владельцев своих наделов. Эти наделы юридически находились под верховной властью короля. Привилегированные крестьяне, жившие на таких наделах, участвовали как в местном самоуправлении, так и в сословном национальном представительном органе — риксдаге. Другая часть крестьян — фрельзовые крестьяне — жила на землях дворян, но и они не были крепостными. За ними сохранялось право перехода из одного поместья в другое. За пользование землей, фрельзо-

вые крестьяне в точно установленные сроки платили раз и навсегда определенные соглашениями натуральные и денежные оброки. Часть земель переходила у таких крестьян в наследство.

Коронные земли стали объектом захвата аристократией, а отчасти и средним дворянством. Это ухудшало положение государственных крестьян. Они становились зависимыми от частных землевладельцев и лишались права на земельные участки, которые фактически в силу традиции являлись ранее их наследственной собственностью. Подобные изменения в аграрном секторе привели к открытым выступлениям представителей государственных крестьян в риксдаге. Они прямо заявили в 50-х годах, что им, людям свободным, теперь угрожает крепостное рабство.

Не было лучшим и положение фрельзовых крестьян. Право сбора налога давало феодалам возможность ставить этих крестьян в большую от себя зависимость. Фрельзовый крестьянин в случае задолженности землевладельцу мог лишиться законного права перехода до полной уплаты податей и оброка. Усиливалась и административная власть дворянства над крестьянами. Кроме взимания налога, феодалы получили право сдачи крестьян в рекруты. Дворяне-землевладельцы, как и по всей Европе, были наделены некоторыми полицейскими и судебными полномочиями. Помимо административно-политических прав, они могли использовать и другие, чисто экономические методы принуждения и подчинения. Это приводило к постоянным нарушениям прав крестьян. Крестьяне ограничивались в пользовании наделом, общинные угодья часто захватывались. Дворяне злоупотребляли своим положением при выдаче крестьянам ростовщических ссуд.

В Швеции XVII в. несомненно прогрессировали крепостнические тенденции. Однако в этой скандинавской стране крепостное право, которое существовало в шведских владениях в Северной Германии, Восточной Прибалтике и в областях, отошедших от Дании (Сконе и другие южные провинции), так и не сложилось.

Причина этого прежде всего в грозном сопротивлении шведских крестьян. Возможность широчайших

социальных потрясений предотвратила опасность личного закрепощения сельскохозяйственных работников. Была устранена и угроза увеличения феодальных поборов.

Прямые вооруженные восстания были не так многочисленны, как в других странах. Так, в 50-е годы в Швеции действительно происходили многочисленные крестьянские выступления, но перерасли они в крупные восстания только в провинциях Смоланд и Нерке. Для Швеции того времени более характерны массовые беготы крестьян и частые отказы от выполнения требуемых феодалами повинностей. Правительство направляло против восставших крестьян значительные военные силы.

В шведских владениях крестьянские волнения имели свои особенности. Против шведских землевладельцев выступило население нескольких деревень в Финляндии. Протест против угнетения вылился в бегство от эксплуататоров. Часть финских и карельских крестьян переселились на юг и юго-восток, в русские области. В 60—70-х годах крупные волнения антифеодалного характера происходили в Сконе и других южных провинциях, где смешанное датское и шведское население, недовольное тяжелыми налогами и поборами шведских феодалов, высказывалось даже за возвращение под власть датского короля. Крестьянские восстания, направленные особенно против новых феодалов, захвативших коронные земли, ускорили проведение аграрной реформы.

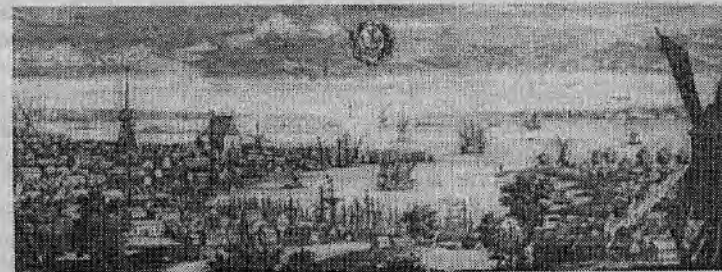
РЕДУКЦИЯ — ВОЗВРАТ В КАЗНУ ЗАХВАЧЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ

В свое время коронные земли давали немалую прибыль. Коронных земель оставалось к 60—70-х годам так мало, что доходы с них, по существу, потеряли всякое значение в государственном бюджете. В доходных статьях бюджета в результате расхищения королевских земель образовалась большая брешь. Финансы Швеции пришли в хаотическое состояние, несмотря на захват богатых трофеев и грабежи шведских войск в Германии, особенно в послед-

ний период Тридцатилетней войны, когда шведы вывезли из Германии огромное количество имущества и даже драгоценных металлов.

Возник острый и насущный для государства вопрос о редукции, т. е. о возвращении в казну захваченных аристократией и частично средним дворянством государственных земель.

Возвращения земель требовали в риксдаге и крестьяне, и горожане, и даже мелкие дворяне, которые с завистью смотрели на то, как аристократы и многие средние служилые дворяне бесцеремонно обогащаются за счет государства. В представлении крестьян редукция означала возврат к прежним «спокойным временам», когда они жили на королевских

Город Эрегрунд.
Гравюра. XVIII в.

землях, не зная частных землевладельцев и уплачивая умеренные традиционные королевские налоги. Горожанам редукция обещала некоторое снижение налогового бремени, поскольку государство возвращало себе такой постоянный важный источник дохода, как подати с государственных земель.

Государству, которое все же было заинтересовано в прибылях дворянства, очень трудно было выйти из финансовых затруднений путем получения источника доходов хотя бы через некоторое ущемление интересов отдельных представителей дворянского сословия. Урегулирование финансов обеспечило бы возможность дальнейшей реорганизации и увеличения армии, в чем было особенно заинтересовано правительство. Кроме того, правительство учитывало, что ядро швед-

ской армии составлялось из числа крестьян, призванных в порядке рекрутского набора. Сокращение и исчезновение этой категории свободного крестьянства серьезно угрожало комплектованию армии. Редукция должна была, по расчетам шведского правительства, снова поднять значение государственного крестьянства. Это давало возможность обеспечить дальнейшее бесперебойное пополнение рекрутами шведской армии.

ЗАХВАТНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ КАРЛА X

Военные приготовления в Швеции во второй половине 50-х годов велись с широким размахом. Это еще более вызвало необходимость проведения редукции. Карл X Густав (1654—1660) намеревался провести ряд завоевательных походов. Частью для сохранения, частью же в целях дальнейшего расширения шведского господства на Балтийском море Карл X постоянно вступал в военные конфликты с Польшей, Данией, и Россией. В 1655 г. Карл X, учитывая ослабление Польши в результате отпадения Украины и начавшейся польско-русской войны, неожиданно вторгся в пределы Польши. Шведские войска захватили Варшаву и Краков. Карл X ставил уже вопрос о разделе польских земель, надеясь урвать львиную долю. Однако в Польше поднялось широкое народное движение против захватчиков. В то же время успехи Швеции вызвали резкую перемену в международных отношениях. Россия прекратила военные действия против Польши и направила свои силы против Швеции. От союза со Швецией отошел Бранденбург. Австрия и Дания решили оказать поддержку Польше. Швеции пришлось вести войну одновременно и на территории Польши, и в Ливонии, и в Дании.

Используя современные способы организации воинских подразделений, Карл X тем не менее добился успеха в военных действиях. Шведские войска нанесли поражение датскому королю и тот вынужден был подписать в 1658 г. Роскильдский мир. Отныне Швеция владела южными скандинавскими провинциями (Блекинге, Сконе, Халланд). Эту потерю Да-

ния признала и по миру в Копенгагене в 1660 г., заключенному уже после смерти Карла X регентами при Карле XI (1660—1697). В этом же 1660 г. Швеция по миру, подписанному в Оливе (под Гданьском), получила от Польши признание своих прав на Северную Лифляндию. В 1661 г. Швеция заключила в Кардисе мир с Россией, сохранявший прежние границы между обоими государствами.

Несмотря на неблагоприятно для нее сложившуюся международную обстановку, таким образом, Швеция еще одерживала крупные победы. Кольцо шведских владений, окружавших Балтийское море, стало еще шире. Приток военной добычи поправил финансы и позволил даже приостановить редукцию. Однако уже в этот период, когда Швеция достигла зенита военной славы, политические силы на внешней арене смогли консолидироваться и выступить единым фронтом против несомненного агрессора.

Очень быстро образовалась большая враждебная по отношению к Швеции коалиция в составе Польши, Дании, Австрии, Бранденбурга, к которой фактически примкнула и Россия. Несмотря на целый ряд серьезных противоречий среди союзников, эта коалиция представляла немалую опасность для шведских завоеваний.

В 1675—1679 гг. Швеция в качестве союзника Франции оказалась снова втянутой в войну с коалицией, состоявшей из Бранденбурга, Дании и Голландии. Используя немалый военный опыт, Швеция смогла и на этот раз сохранить почти все свои завоевания. Тем не менее военное напряжение 50 и 70-х годов разбалансировало государственные финансы. Уже к началу 70-х годов государственный долг вырос до колоссальной по тем временам суммы в 20 млн. далеров. Единственным выходом из сложившегося критического состояния было сокращение армии. Правительство было вынуждено пойти на это и армия была сокращена до минимума. Плачевное финансовое положение принуждало правительство также идти на дальнейшее проведение аграрной реформы, которое проявлялось в усилении давления на дворян с целью добиться от них согласия на редукцию.

РЕЗУЛЬТАТЫ РЕДУКЦИИ

Единственным сословием, не заинтересованным в проведении редукции, была аристократия. Однако в результате острой борьбы в риксдаге, когда не только дворянство, но и почти все сословия выступали против аристократии, Карлу XI, ставшему с 1672 г. самостоятельным правителем, удалось провести редукцию. Это сразу же помогло к 90-м годам увеличить ежегодные доходы государства на 3 млн. далеров.

Аграрная реформа значительно упрочила государственные финансы. Возвращенные по редукции имения давали казне регулярный годовой доход. Видя эффективность своей политики, правительство в 80-х годах распространило редукцию также и на прибалтийские провинции — Ингерманландию, Эстляндию, Лифляндию, а также на шведскую Померанию. Большое количество земель было возвращено под королевскую корону в Лифляндии. Результатом этого были ежегодные поступления в казну, которые достигли полумиллиона далеров. Дело не только в том, что это была самая богатая провинция, но и в том, что часть капиталов миновало дворянские карманы.

Редукция имела далеко идущие политические последствия. Была значительно усилена власть короля и ограничено влияние аристократии. В частности, аристократический государственный совет (риксрод), бывший до этого совершенно независимым от короля, потерял свое прежнее значение.

Созданием новых центральных бюрократических органов — Комиссии по редукции, Государственной финансовой конторы и др. — правительство завершило политическое закрепление результатов редукции.

Приток капиталов дал возможность увеличить постоянную армию, получавшую регулярное королевское жалованье. В 1693 г. риксдаг официально характеризовал короля Карла XI как «самодержавного, всем приказывающего и всем распоряжающегося короля, ни перед кем на земле не отвечающего за свои действия». Таким образом, в Швеции был торжественно провозглашен абсолютизм.

Редукция вовсе не означала ни «ограбления», ни «разорения», ни тем более ликвидации дворянства, хотя на этот счет есть определенные высказывания

шведских историков. Дворяне, включая и аристократию, сохранили свои наследственные имения (сетерии), притом на лучших землях. Во время проведения редукции широко осуществлялся обмен частновладельческих земель на государственные по желанию землевладельцев и благодаря этому в ряде случаев дворянство сумело значительно округлить и расширить свои владения. Дворяне обменивали худшие по плодородию наследственные земли на лучшие из королевских, подлежащих редукции. Результатом компромисса на переговорах правительственных кругов с представителями дворян по вопросам редукции было и то, что дворяне, особенно аристократия, захватывали великолепные леса и парки, богатые рыбой озера, горные луга и т. д. В результате реформы дворянские усадьбы сохранились по-прежнему и «ландшафт страны совершенно не изменился», как с удовлетворением отмечал один современный реакционный писатель. Больше того, в этот период появилось немало «новых людей» при дворе и в центральном аппарате, которые сумели отторгнуть в личную собственность землю, подлежавшую возврату под государственную опеку.

В целом аграрная реформа не принесла шведскому крестьянству значительного облегчения положения. Выиграли от реформы лишь зажиточные крестьяне, которым оказалось особенно выгодно последующее разрешение правительства приобретать в собственность участки коронных земель (закон 1701 г.). Среднее крестьянство жаловалось на недостаточный размер наделов. К тому же, заинтересованное пополнением казны шведское правительство значительно повысило и государственные налоги. Характерно широкое распространение к концу XVII в. труда батраков в дворянских имениях. «Новые люди», пришедшие в деревню в качестве новоиспеченных дворян, спешили наиболее выгодно использовать свои земли, широко применяя наемный труд беднейшего крестьянства. Это давало возможность повышать прибыль за счет дешевизны наемного труда. В последние десятилетия XVII в. шведские дворяне эксплуатировали безземельное и малоземельное крестьянство также путем краткосрочной денежной или издольной аренды.

На практике это выглядело следующим образом. Крупный сельскохозяйственный предприниматель из богатых крестьян или управляющий феодала брал в аренду все земли дворянского поместья. Основой производства являлся наемный труд батраков. При этом землевладельцу уплачивалась капиталистическая рента. Однако подобная форма сельскохозяйственного производства и присущая ей форма эксплуатации наемного труда носила еще случайный характер.

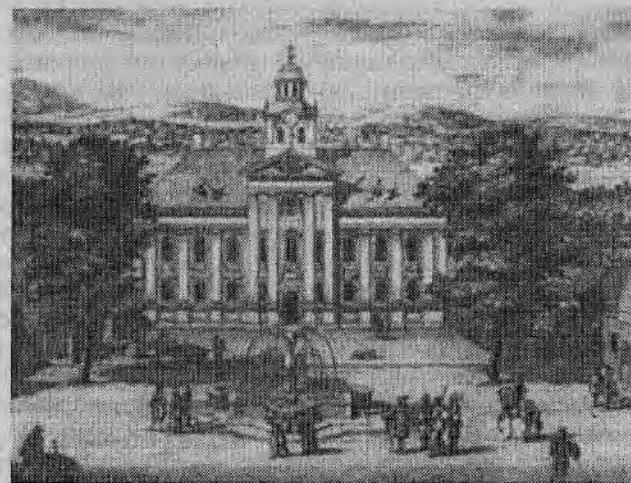
ХАРАКТЕР КРЕПОСТНОГО ПРАВА В ШВЕДСКИХ ПРИБАЛТИЙСКИХ ПРОВИНЦИЯХ

Как уже упоминалось, в Швеции XVII в. по ряду исторических причин крепостное право не сложилось как господствующая система. Однако в шведских прибалтийских провинциях в этом же столетии царил самое жестокое крепостничество. Некоторые историки рассматривают подобное явление прежде всего как результат иноэтнического засилья землевладельцев.

Усиление крепостного права происходило прежде всего как в Лифляндии (по-латышски Видземе), так и в Эстляндии (Северной Эстонии) и Ингерманландии (Ижорская земля). Шведский гнет тяжело ложился на плечи местного трудящегося населения, особенно крестьянства. Повышенные по сравнению с собственно Швецией государственные налоги, постоянные реквизиции сельскохозяйственных продуктов и скота считались нормой поведения для шведов в прибалтийских провинциях. Особенно жестоко поступали шведы во время частых войн в районе самих балтийских провинций. Если учесть разнообразные извозные повинности, а самое главное, увеличение барщины и ухудшение юридического положения крестьянства, то перед нами предстанет яркая картина этого периода шведского господства в Прибалтике.

Тем не менее шведское правительство тщательно сохраняло и поддерживало права и привилегии местного остзейского дворянства, являвшегося здесь господствующим классом. Законодательство Швеции

санкционировало развивавшееся крепостничество в прибалтийских провинциях. Оно оформило его юридически и предоставило феодалам военно-полицейские средства для подавления крестьянства, боровшегося против растущего закрепощения. Так, законом от 1 февраля 1632 г. о земских судах санкционировалось крепостное право в Лифляндии и утверждалась полицейская власть помещика с правом «домашнего наказания» непослушных крестьян. Позднее патентом 1639 г. и особенно «Полицейским уставом» 1671 г. крепостными признавались не только дети крепостных, но также все беглые крепостные и вольные люди, осевшие на земле феодала.

Усадьба Мариедаль.
Гравюра В. Свидде 1694 г.

В прибалтийских провинциях того времени крепостной считался полной собственностью помещика. Владелец мог своих крестьян отчуждать или предоставлять кредитуру в счёт погашения долгов и процентов по ним. Кредитор по своему усмотрению распоряжался крепостными, требуя от них барщины и оброка. Если крестьянин попадал в руки ростовщика, то он подвергался усиленной эксплуатации.

Почти аналогичные законы были изданы и для

Эстляндии, что вызвало крестьянские волнения. В 1638—1639 гг. в Лифляндии действовали карательные отряды, направленные сюда для подавления многочисленных крестьянских бунтов. Новая волна крестьянских движений относится ко времени русско-шведской войны 50-х годов XVII в. Массовые крестьянские волнения вспыхнули также в 1668 г.

Ухудшение положения крестьян в Прибалтике продолжалось и далее, по мере того как государственные земли переходили к дворянам в собственность под всевозможными предлогами. Земли дарились, жаловались за те или иные заслуги, и все это приводило к еще большому закрепощению крестьян.

Хлебный экспорт, дававший большие барыши, был причиной того, что крестьянские земельные наделы в Прибалтике систематически сокращались. Уже по переписи 1638 г., не менее 22 процентов всех крестьян являлись батраками, оставшимися без земли или имевшими лишь небольшое подсобное хозяйство. Такое положение сложилось из-за постоянно растущей барской запашки для получения товарного хлеба. Беднейшее крестьянство, даже если оно и вело свое полное хозяйство, находилось в тяжелых условиях. Постоянные реквизиции со стороны шведской армии вызвали острую нехватку рабочего скота. Волы и лошади имелись только у состоятельных крестьян. Крестьянин-бедняк нередко был вынужден сам впрягаться в соху вместе с женой и таким образом обрабатывать свой участок. Многие крестьяне не имели коров и вместо них содержали коз. Барщина на помещика считалась «нормированной» определенным количеством дней в году. На деле же помещик мог требовать и дополнительной барщины под видом различных «помочей» и т. п.

Для внедрения послушания и жесткой дисциплины по отношению к крепостным широко применялись телесные наказания. Юридически за крепостными признавалось право судебной защиты, но жаловаться на помещика было делом совершенно безнадежным. Вся судебная администрация и местные органы управления в крае были целиком подконтрольны дворянским кругам.

Непосильный гнет барщины и растущих государственных налогов вынуждал крестьян искать спасе-

ния в бегстве, и вопрос о бегстве крестьян и мерах борьбы с ним составлял предмет постоянных забот ландтагов (съезды дворян по губерниям). Ландраты (выборные от дворянства), различные земские суды и сам генерал-губернатор были завалены просьбами и требованиями о возврате крестьян их законным владельцам. Но это была уже политическая проблема, так как крестьяне спасались бегством не только в Ригу, Ревель (Таллин) и др. города, но также в Польшу, Литву, Курляндию и Россию. Шведское правительство в ответ на жалобы местных баронов неоднократно предъявляло этим государствам требования о выдаче собственных убежавших крестьян. Разумеется, соседние государства считали не в своих интересах выдавать перебежчиков.

Прогрессивные последствия редукации, повлекшие за собой пополнение казны, подвинули шведское правительство в 80-х годах широко проводить редукацию и в Прибалтике. Здесь это мероприятие осуществлялось энергичнее, чем в самой Швеции. Дело в том, что без существенных политических издержек можно было ущемить интересы значительной группы остзейских баронов. Как и в самой Швеции, редукация вела к увеличению числа государственных крестьян. Правовое положение крестьян, превратившихся в государственных, улучшалось. Однако в прибалтийских провинциях, в условиях уже оформившегося крепостного права, крестьяне и на государственных землях не получили личной свободы. В то же время редукация и связанное с ней составление земельного кадастра и новых вакенбухов увеличили крестьянские платежи.

Количественно налоговое обложение крестьян к 90-м годам по сравнению с 70-ми годами возросло в Эстляндии в 2,5 раза, в Лифляндии — даже в 5 раз. Редукация в прибалтийских провинциях на деле привела к тому, что государство, вернув коронные земли в казну, фактически само ими не распорядилось, а сдавало в аренду представителям дворянского сословия. Таким образом, арендаторы эксплуатировали и крестьян, живших в государственных имениях. Отказ от работы или небрежное ее выполнение побуждали арендатора при помощи местной полиции подвергать крестьян телесным наказаниям.

Налоги были непосильны для прибалтийских крестьян. Люди постоянно отрывались от своего хозяйства тяжелой барщиной, и к концу XVII в. в Прибалтике царило всеобщее обнищание в сельском хозяйстве среди малоземельных. Широко процветало ростовщичество. В то же время помещики, а также арендаторы казенных имений все сильнее стесняли крестьянина в его праве пользоваться общинными угодьями. Были ограничены лесопользование, выпас скота, широко ограничивались права рыбной ловли, охоты и т. п.

Конец XVII в. характерен для Прибалтики невиданным гнетом со стороны шведского дворянского государства и местных остзейских баронов. Крестьянское хозяйство в этих провинциях было поставлено на грань катастрофы. В 1669—1697 гг. в Лифляндии и Эстляндии было подряд несколько неурожайных годов. Итогами неурожая в Прибалтике были голод и страшная эпидемия. Только Эстляндия за эти годы потеряла от голодной смерти и болезней 75 тыс. человек.

Социальные последствия как неурожая, так и неумеренной эксплуатации привели к многочисленным волнениям крестьян в 1698 и 1699 гг. Они учиняли расправы над некоторыми феодалами и управляющими, захватывали хлеб в помещичьих экономиях. Бегство крепостных приняло массовый характер. Со стороны правительства последовали жестокие репрессии. В деревни были посланы карательные отряды. Плохо организованные крестьянские волнения, носящие стихийный характер, легко подавлялись королевской армией. Руководители крестьянских «беспорядков» подвергались жестоким расправам, вплоть до колесования и других казней.

Весной 1700-го года началась Северная война. Король издал два указа в интересах прибалтийского дворянства. В одном из них, учитывая недовольство значительной части остзейского дворянства редуцией, король заявлял о полном прекращении мероприятий, связанных с редуцией. Это создавало в лице дворян политических союзников. Другой указ также был направлен на охрану и даже «приумножение» дворянских вольностей и привилегий. В этом документе — своего рода королевском манифесте —

торжественно адресованном «рыцарству герцогстве Эстляндии, Лифляндии и Ингерманландии», обещалось впредь оберегать имущественные интересы остзейского дворянства. В обоих указах Карла XII отразилось стремление шведского правительства за счет крестьян прибалтийских провинций укрепить свое политическое влияние в Прибалтике.

БАЛТИЙСКИЙ ВОПРОС К КОНЦУ XVII — НАЧАЛУ XVIII В.

Конечное укрепление королевской армии в итоге проведения редукции дало шведским правящим кругам возможность проводить активную внешнюю политику.

К концу XVII в. датско-шведские отношения снова обострились и приняли крайне напряженный характер, надвигались открытые военные столкновения.

Дания искала союзников в борьбе за свержение шведского господства в районе Балтийского моря. Такими государствами являлись прежде всего Польша и Россия. Для этих государств, стремления которых также были ущемлены шведским владычеством в Прибалтике и разрешение балтийского вопроса с каждым десятилетием становилось все более необходимым вследствие их растущей заинтересованности в балтийской торговле, союз с Данией был очень выгоден. Овладение частью южного и восточного побережья Балтики дало бы возможность как Польше так и России расширить свою морскую торговлю, минуя шведское и всякое иное торговое посредничество. Избранный в 1697 г. королем Польши Август II, курфюрст саксонский, на некоторое время стал в центре переговоров, приведших к созданию новой антишведской коалиции в составе Дании, Польши и России. Август мечтал получить в свое владение Лифляндию, которая ранее принадлежала Польше.

Тем временем, в 1697 году, на шведский престол вступил Карл XII. В целях сохранения господствующего положения на Балтике шведское правительство стремилось изолировать Данию и обеспечить себе поддержку Франции и Голландии, а также некоторых германских князей.

Король Польши Август II решил опираться на зависимое от шведского правительства дворянство, недовольное прежде всего политикой редукции. Удобного союзника Август II нашел в лице лифляндского дворянина Иоганна Рейнгольда Паткуля, эмигрировавшего в Польшу. Паткуль выражал настроение подавляющего большинства дворян прибалтийских провинций, интересы которых были сильно ущемлены шведской аграрной реформой. В 1698 году Паткуль официально поступил на службу к саксонскому курфюрсту. С целью организации коалиции против Швеции Паткуль ездил с поручениями от Августа II в Москву и Копенгаген. Русский царь Петр I со своей стороны разрабатывал план создания возможно более широкой коалиции против Швеции. В планы российского самодержца входило возвращение России восточного — Ингерманландского и Карельского — побережья Балтийского моря. В 1699 г. союз Дании, Саксонии и России был политически оформлен. В 1700 г. началась Северная война, в которой главными противоборствующими сторонами оказались два абсолютистских государства — Швеция и Россия.

ГЛАВА 4

РОССИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

РАЗВИТИЕ КРЕПОСТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Вне всякого сомнения географическое положение России — отсутствие естественных границ на просторах Восточно-Европейской равнины — обусловило широту пространств этого государства. Также нет сомнений, что в XVII столетии Россия являлась величайшей в мире по своей территории страной. Это географическое по своей сути обстоятельство определило характер российского абсолютизма. Н. А. Бердяев в статье «О власти пространств над русской душой» (сборник «Судьба России») писал: «Государственное овладение необъятными русскими пространствами сопровождалось страшной централизацией, подчинением всей жизни государственному интересу и подавлением свободных личных и общественных сил. Всегда было слабо у русских сознание личных прав и не развита была самостоятельность классов и групп». По мысли Бердяева огромные пространства легко давались русскому народу, но больших сил и жертв стоила организация этих пространств в единое государство. Русский философ метафорически заключает, что «русская душа ушиблена ширью», она под гипнозом безграничности русских

полей и Русского государства. Это проявилось в уходе духовной энергии россиян внутрь, в созерцание, и в отсутствии у русских искусства форм, и в «отступательной» тактике в войнах, когда ратные люди уповали на то, что Мать-земля их сама собой спасет, утопив в своей безмерности неприятелей, и в очень слабо выраженной самостоятельности и активности русского человека.

Таким образом, мы видим, что пространство из географического фактора переходит в психологию, превращаясь из чисто внешнего фактора в судьбу народа. Россия XVII века дает нам примеры этого.

Если в XVII в. на Западе укрепляются города, развивается крупнотоварная промышленность, процветает торговля, буржуазия организуется как класс, крепнут местные и городские свободы, уже существует суд присяжных — зародыш разделения властей, а королевской власти противостоят в социальном отношении — города, в политическом — парламенты, то основой экономики России во второй половине XVII в. остается крепостное хозяйство. Именно этот фактор не давал состояться объединению государства по западноевропейскому образцу. Россия объединилась не в силу товарных отношений и торговых уз, связывающих разные земли, а в силу внешнеполитических условий (борьба с татарами, польским и литовским натиском).

Сильное деспотическое государство в условиях неразвитости товарно-денежных отношений способствовало закреплению крестьян, насильственному прикреплению их к земле. Тогда как на Западе господствует денежная рента (оброк) лично-свободных крестьян, в России преобладает барщина, чисто внеэкономическое принуждение лично-зависимых крепостных.

В то время как на Западе развивается местное самоуправление, в России получает развитие бюрократическая сверхцентрализация.

Недостаток объединяющей, укрепляющей силы, которую на Западе составляло «третье сословие», с лихвой взяло на себя само Российское государство, при этом оно примерно во столько же раз было во власти неограниченнее западных, во сколько российская буржуазность уступала европейской.

В этом весь характер российского абсолютизма с самого момента его зарождения. Чтобы еще глубже понять российскую государственность XVII в., уместно привести высказывания историка Ахиезера А. С. (Россия: критика исторического опыта) по этой теме.

Русскую историю А. С. Ахиезер объясняет «инверсией». Инверсия — это бросание из одной крайности в другую. Буквально — обращение в противоположность. Согласно инверсионной логике исключительно доброе становится безусловно злым, хорошее — плохим, друг превращается во врага, вожди — в предателей и т. п. Полюса меняются — каждая эпоха стремится писать историю «с чистого листа», стирая предыдущие письмена, но это все один и тот же сюжет в разных сценариях. Инверсия преобладает, по мысли автора, в русской истории, в отличие от западной, где оказалась возможной логика медиации, т. е. социальное творчество, взаимопроникновение оппозиций, существование через друг друга.

Только медиация, т. е. поиск срединного пути, может, по мнению автора, вывести общество из «инверсионной ловушки», когда правильность нового решения обосновывается, главным образом, противоположностью старому.

Каковы же два полюса русской истории, между которыми раскручивается спираль инверсии? Согласно теории А. С. Ахиезера, это изначально двойственный вечевой идеал, несущий в себе начала соборного согласия и авторитаризма. Род и община, столь значимые и долговечные в русской жизни, давали возможность такого разделения на власть схода, крестьянского «мира» (ср.: «всем миром решили»), и власть первого лица, старейшины, князя. Между этими полюсами соборности и авторитаризма разыгрывается драма русской истории.

Ученый усматривает в ней цикличность. Он определяет ее как «глобальный модифицированный инверсионный цикл», где инверсия воплощается в социальных процессах, в конкретных исторических событиях. Глобальный цикл распадается на модификации — этапы. Такую модификацию можно объяснить и как цикл движения от догосударственного состояния к авторитарной государственности в крайних тоталитарных формах и обратно, в инверсиях — к отрица-

нию государства, к вечевому соборному локализму. Исчерпываясь, локализм снова отбрасывается к депотии все разраставшегося государства. И каждый раз массы вдохновлялись очередным нравственным идеалом — модификацией вечевого нравственности.

И если проследить за их сменой, то со времен Киевской Руси ценилось соборное согласие, прообразом которого было собрание членов сельского мира. Оно выродилось в кровавые междоусобицы, разрушившие единое русское государственное пространство. Но вот уже в Московской Руси вплоть до смутного времени царит ранний авторитарный идеал.

Вместе с тем надстройку в виде идеологической и государственной организации обуславливает в первую очередь экономическая база, принципы и модели хозяйствования, широко распространенные в то время. Как уже говорилось, основу хозяйствования составляло примитивное сельское производство. Однако наряду с ним в экономической жизни страны обнаруживается новое явление. Важнейшим было складывание всероссийского рынка. В России этого времени развиваются мелкое товарное производство и денежное обращение, появляются мануфактуры. Экономическая разобщенность отдельных областей России начинают отходить в прошлое. Образование всероссийского рынка было одной из предпосылок развития русской народности в нацию. Следует указать, что влияние географического фактора определило особенности формировавшегося всероссийского рынка.

Дальнейший процесс структуризации феодально-абсолютистской (самодержавной) монархии привел к тому, что земские соборы, неоднократно собиравшиеся в первой половине столетия, к концу века окончательно прекратили свою деятельность. Возросло значение московских приказов как центральных учреждений с их бюрократией в лице дьяков и подьячих. В своей внутренней политике самодержавие опиралось на дворянство, которое становится замкнутым сословием. Происходит дальнейшее укрепление прав дворянства на землю, распространяется помещичье землевладение в новых районах. «Соборное уложение» 1649 г. юридически оформило крепостное право.

Усиление крепостнического гнета встретило ожесточенное сопротивление закабаленных крестьян и низов городского населения. Это привело к целому ряду мощных крестьянских и городских восстаний (1648, 1650, 1662, 1670—1671 г.). Напряженные общественные отношения нашли свое отражение и в крупнейшем религиозном движении в России XVII в. — расколе православной русской церкви.

Относительно быстрый экономический рост России в XVII столетии содействовал дальнейшему освоению обширных пространств Восточной Европы и Сибири. В поисках руд, в целях освоения новых сырьевых баз в XVII в. происходит продвижение русских людей на малозаселенные территории Нижнего Дона, Северного Кавказа, Среднего и Нижнего Поволжья. Сибирь в то время становится объектом пристального внимания для русских промышленников и правительства.

Воссоединение Украины с Россией в 1654 г. по-разному оценивается историками. Традиционно считают, что родственные русский и украинский народы добровольно объединились в едином государстве. Подобное объединение содействовало развитию производительных сил и культурному подъему обоих народов, а также политическому усилению России. Однако это привело к некоторой зависимости судьбы украинского народа от московской самодержавной политики.

Россия XVII в. выступает в международных отношениях, прежде всего европейских, как великая держава, простирающаяся от Днепра на западе до Тихого океана на востоке.

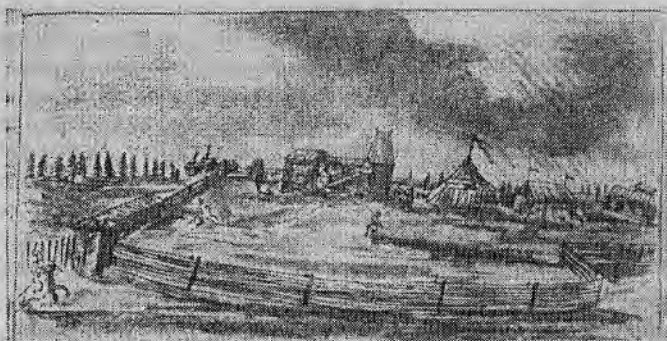
Историкам, стоящим на славянофильских позициях, XVII в. представляется «органической» эпохой русской истории. Однако сами люди, жившие в ту эпоху, называли его «бунташным». Начался он страшным голодом 1601—1602 гг. и Смутой 1605—1612 гг. с ее невиданными доселе лицами и идеями, с заговорами, бунтами, самозванцами, русскими предателями и иностранными интервентами.

Земской собор 1613 г. избирает на царство Михаила и устанавливает новую династию Романовых. 1648 г. — восстание в Москве и ряде других городов, 1650 г. — восстание в Пскове и Новгороде, 1654 г. —

Чумной бунт, 1662 г.— Медный бунт; в эти же годы реформы Никона и начало раскола, под знаком которого проходит вся вторая половина века; 1666 г. дал восстание Васьки Уса, 1668—1676 гг.— соловецкое сидение, когда против патриарха и царя восстал знаменитый северный монастырь; 1670—1671 гг.— крестьянская война Степана Разина; 1682 и 1668 гг.— стрелецкие бунты. Даже этот далеко не полный перечень бунтов и восстаний разрушает миф об идиллической жизни Московской Руси в свой последний век.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Основу производства во второй половине XVII в. в России по-прежнему составляло сельское хозяйство. Оно являлось главным занятием для населения России. Крестьянство было феодально зависимым. В зем-

Усадьба помещика.
Рисунок из альбома Мейерберга 1661—1662 гг.

леделии продолжали применяться установившиеся еще в предшествующее время способы обработки почвы. Более всего было распространено трехполье, но в лесных районах Севера важное место занимала подсека, а в степной полосе Юга и Среднего Поволжья — перелог. Этим характерным для феодализма способом обработки земли соответствовали примитивные орудия производства (соха и борона) и низкие уро-

жаи. Крепостная зависимость основного производителя — крестьянина, не давала возможности для широкой интенсификации труда.

Земля находилась в собственности светских и духовных феодалов, дворцового ведомства и государства. Бояре и дворяне к 1678 г. сосредоточили в своих руках шестьдесят семь процентов крестьянских дворов. Это было достигнуто путем пожалований от правительства и прямыми захватами дворянских и черносошных (государственных) земель, а также владений мелких служилых людей. Дворяне создавали крепостные хозяйства в необжитых южных уездах государства. Если учесть, что в незакрепощенном состоянии к этому времени находилась только десятая часть тяглого (т. е. платившего налоги) населения России (посадские люди и черносошные крестьяне), то можно прийти к выводу о преобладании феодально зависимой формы ведения сельского хозяйства.

Тем не менее подавляющая часть светских феодалов принадлежала к числу средних и мелких землевладельцев. Географические особенности России привели к тому, что феодальные хозяйства находились в постоянной динамике. Это характеризовалось прежде всего тем, что хозяйства постоянно укреплялись. Что собой представляло хозяйство дворянина средней руки, можно видеть из переписки А. И. Безобразова. Как истинный феодал, он не гнушался никакими средствами, если представлялась возможность округлить свои владения. Как и многие другие землевладельцы, он энергично захватывал и скупал плодородные земли, беззастенчиво сгоняя с насиженных мест служилую мелкоту. В то время основное количество помещиков большей частью силовыми методами переселяли на Юг своих крестьян из менее плодородных центральных уездов.

Как отличительная черта русского крепостного хозяйства выступает и то, что после дворян по размерам землевладения второе место занимали духовные феодалы. Во второй половине XVII в. архиереям, монастырям и церквям принадлежало свыше 13 процентов тягловых дворов. Особенно выделялся Троице-Сергиев монастырь. В его владениях, разбросанных по всей европейской территории России, числилось около 17 тыс. дворов. Вотчинники-монастыри вели

свое хозяйство традиционными методами, т. е. теми же крепостническими приемами, что и светские феодалы, не утруждая себя введением каких-либо новых аграрных методик для повышения урожайности.

Тем не менее, в России существовали земли, где крепостническое землепользование было почти неразвито. В силу этого население, занимавшееся сельским хозяйством, не испытывало здесь такого крепостного гнета, как в средней полосе. Прежде всего в лучших условиях по сравнению с помещичьими и монастырскими крестьянами находились черносошные крестьяне, жившие в Поморье, где в основном земли считались государственными. Но и они были отягощены различного рода повинностями в пользу казны, страдали от притеснений и злоупотреблений царских воевод и в конечном итоге также не были сильно заинтересованы в совершенствовании способов обработки земли. Кроме того, в Поморье в силу климатических условий производство зерна не имело большого развития.

Производительная феодальная единица представляла собой поместье, центром которого было село, или сельцо, рядом стояла господская усадьба с домом и надворными постройками. Чаще всего барское поместье было вотчиной, т. е. наследственным владением. Типичный помещичий двор в средней полосе России в XVII столетии состоял из горницы, поставленной на полуподвальном этаже. При ней находились сени — просторное приемное помещение. Рядом с горницей стояли хозяйственные постройки — погреб, амбар, баня. Двор был огорожен забором, рядом находился сад и пчельник. У более богатых дворян усадьбы были значительно обширнее и благоустроенней, чем у мелких помещиков.

Село, или сельцо, было центром для примыкавших к нему деревень. Чаще всего это было обусловлено наличием и приходского центра — церкви, в которой правилась служба. В селе среднего размера редко насчитывалось более 15—30 дворов, в деревнях стояло обычно 2—3 двора.

Крестьянский двор состоял из теплой избы, чаще всего с печью без дымохода, холодных сеней и надворных построек.

Для работы на огороде, скотном дворе, в конюшне

помещик держал в усадьбе холопов. Господским хозяйством заведовал приказчик, доверенное лицо помещика. Однако хозяйство, которое велось с помощью дворовых людей, только частично удовлетворяло помещичьи запросы. Помещик сам занимался сельским хозяйством в силу исторически сложившихся патриархальных условий. Основной доход помещикам приносили барщинные или оброчные повинности крепостных.

В обязанности крестьян входило обрабатывать помещичью землю, убирать урожай, косить луга, возить дрова из леса, очищать пруды. Кроме выполнения малоквалифицированного труда крестьяне должны были заниматься строительством и теми или иными промыслами. Крепостные были обязаны, в частности, строить и ремонтировать барские хоромы, изготовлять ту или иную ремесленную продукцию, употреблявшуюся в поместье. Разумеется, эту работу выполняли не только мастера-кустари, находящиеся в крепостной зависимости от своего господина. Помимо барщины, они обязаны были доставлять господам «столовые запасы» — определенное количество мяса, яиц, сухих ягод, грибов и др. Каждый помещик по своему усмотрению требовал с крестьян тот или иной объем продовольствия. К примеру, в деревнях боярина Б. И. Морозова полагалось давать в год с крестьянского двора свиную тушу, два барана, гуся с потрохами, 4 поросенка, 4 курицы, 40 яиц, а также коровье молоко и сыр.

Некоторое увеличение внутреннего спроса на сельскохозяйственную продукцию, а также отчасти вывоз хлеба за границу побуждали помещиков расширять барскую запашку и повышать оброк. В связи с этим в черноземной полосе непрерывно увеличивалась крестьянская барщина, а в районах нечерноземных, преимущественно центральных (за исключением подмосковных вотчин, из которых доставлялось продовольствие в столицу), где барщина была менее распространена, повышался удельный вес оброчных повинностей.

Стремление к максимальным урожаям со стороны помещиков приводило к тому, что их собственная запашка расширялась за счет лучших крестьянских земель, которые отходили под господские поля.

В районах, где преобладал оброк, медленно, но неуклонно росло значение денежной ренты. Это явление отражало развитие в стране товарно-денежных отношений, в которые постепенно вовлекались и крестьянские хозяйства. Однако в чистом виде денежный оброк встречался очень редко. Чаще всего он сочетался как с рентой продуктами, так и с различными барщинными повинностями.

К числу новых явлений, тесно связанных с развитием товарно-денежных отношений в России, относится создание в крупных помещичьих хозяйствах различного рода промысловых предприятий. Это были зачатки капиталистического производства. Во многом это явление схоже с капиталистическим переобразованием феодальных поместий в Англии.

Так, крупнейший вотчинник середины XVII в. боярин Морозов организовал в Среднем Поволжье производство поташа. Он также построил в подмосковном селе Павловском железодельный завод, занимался винокурением. У этого стяжателя, по словам современников, была такая жадность к золоту, «как обыкновенная жажда пить». Таким образом происходило первичное накопление капитала.

В погоне за прибылью примеру Морозова последовали другие крупные бояре — Милославские, Одоевские и др. Однако на их промышленных предприятиях наиболее обременительные работы по подвозке дров или руды возлагались на крестьян, обязанных в порядке очереди работать иногда на собственных лошадях, оставляя свою пашню заброшенной в горячую пору полевых работ. Таким образом, эксплуатация крепостных крестьян на промышленных производствах придавала начальному российскому капитализму свою особенность. Свободный наемный труд широко не был использован. Поэтому увлечение некоторых крупных феодалов промышленным производством не изменило крепостнических основ организации их хозяйств.

В больших феодальных поместьях вводились некоторые новшества в пользовании землей. Все чаще в своих усадьбах помещики начинали заниматься садоводством, а увлеченные сельским хозяйством помещики строили теплицы для выращивания южных растений.

РАЗВИТИЕ МЕЛКОГО ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ОРГАНИЗАЦИЯ МАНУФАКТУР

Наличие относительно дешевого сырья (руд, шерсти, льна, кож) создавали предпосылки для возникновения мануфактур. Кроме металлургических предприятий, повсеместно возникали кожевенные, стекольные, писчебумажные и другие мануфактуры. При их организации широко использовался зарубежный опыт. Голландец А. Виниус, принявший русское подданство, построил первый в России вододействующий железодельный завод. В 1632 г. он получил царскую жалованную грамоту на устройство около Тулы заводов. Здесь, в относительной близости от столицы было намечено плавить чугун и железо, отливать пушки, котлы и пр. Виниус не мог справиться собственными средствами с постройкой заводов. Поэтому он спустя несколько лет организовал компанию, куда вошли капиталы двоих других голландских купцов.

По аналогии с предприятием Виниуса железодельные заводы несколько позже были созданы в Кашире, в Олонецком крае, близ Воронежа и под Москвой. На этих заводах изготовляли пушки и ружейные стволы, полосовое железо, котлы, сковороды и др.

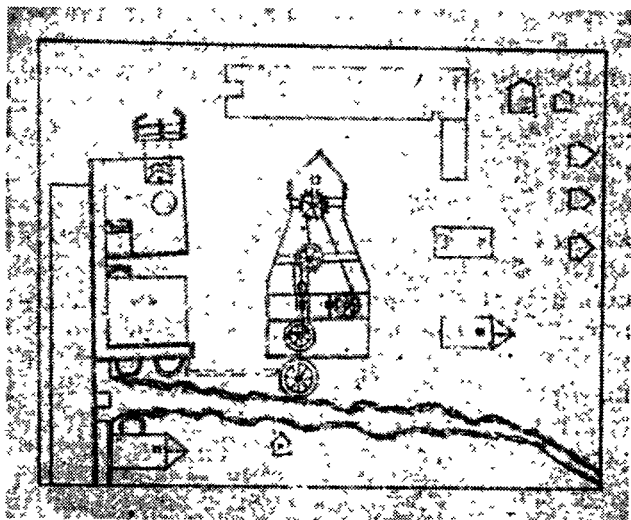
В XVII столетии в России возникли первые медеплавильные заводы. Медная руда была найдена в близости от Соли Камской, где казна построила Пыскорский завод. Впоследствии на базе пыскорских руд действовал завод «плавильщиков» братьев Тумашевых.

Большинство работ на мануфактурах производилось в основном ручным способом. Однако некоторые процессы были механизированы с помощью водяных двигателей. Поэтому мануфактуры строились обычно на речках, перегораживаемых плотинами. По-прежнему особо трудоемкие и дешево оплачиваемые работы производились в основном приписными крестьянами или собственными крепостными, как это было, например, на железодельном заводе царского тестя И. Д. Милославского. Так крестьяне этого боярина выполняли земляные работы, занимались рубкой и подвозкой дров и пр.

Для обеспечения рабочей силой к тульским и каширским заводам вскоре после их основания правительство приписало две дворцовые волости.

Тем не менее решающая роль в обеспечении населения промышленными изделиями принадлежала не мануфактурам, количество которых даже к концу XVII в. не достигло и трех десятков.

В связи с ростом рыночных связей в стране усилилось мелкое товарное производство. Обыкновенные крестьянские домашние промыслы и городское ремесло составляли основу мелкого товарного производства.

Чертеж Павловского железоделательного завода с водяным двигателем. XVII в.

В Серпухове, Туле и Тихвине местные кузнецы работали не на заказ, а на рынок. Плотники из Поморья, организовавшись в артели, предлагали свои услуги. Ярославские ткачи и кожевники, московские скорняки и сукноделы также ориентировались на рынок. Некоторые товаропроизводители начинали пользоваться наемной рабочей силой, правда, это выражалось в незначительных объемах.

Отхожие промыслы, особенно в нечерноземных районах близ Москвы и к северу от нее, давали крестьянам возможность приработка в сельскохозяйственное межсезонье. Рост владельческих и государственных повинностей заставлял крестьян наниматься на строительные работы, на солеваренные и прочие промыслы в качестве подсобных рабочих. Большое количество крестьян было занято на речном транспорте, где требовались бурлаки, тянувшие суда вверх по течению реки, а также грузчики и судовые рабочие.

Большое развитие получили транспорт и солеварение. Это происходило не только по причине возросших потребностей в транспортных услугах и соли, но также потому, что как транспорт, так и производство соли обслуживались по преимуществу наемным трудом. Среди бурлаков и судовых рабочих было много «гулящих людей», как документы называли людей, не связанных с определенным местом жительства. Свободная, несколько криминализованная рабочая сила предопределяла дешевизну наемного труда и, как следствие, получение большой прибыли.

Относительно медленное, но постоянное укрупнение феодальных поместий приводило в XVII столетии к увеличению «беспашенных крестьян», «непахотных бобылей». Иногда такие малоземельные или вовсе безземельные крестьяне составляли целые деревни и села.

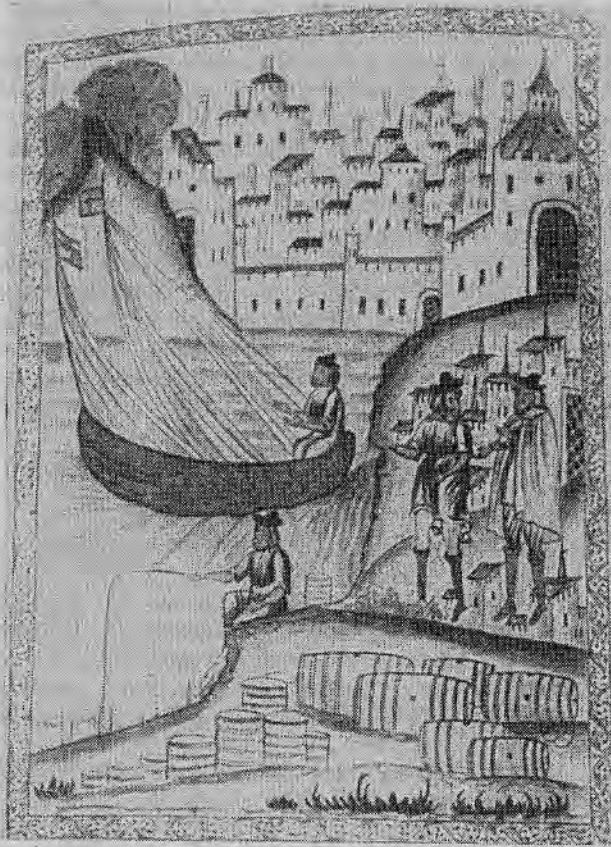
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РОССИИ В XVII СТОЛЕТИИ

Российское государство, занимавшее обширные пространства в Европе и Азии, естественно, было неоднородным как по природно-климатическим условиям, так и по уровню социально-экономического развития.

Исторически сложился наиболее населенный и развитый центральный район, куда входили так называемые Замосковные города с прилегающими уездами. Села и деревни обступали столицу со всех сторон. Москва была крупнейшим городом Восточной Европы и насчитывала до 200 тыс. жителей.

Она выступала как важнейший центр торговли, ремесленного и мелкого товарного производства. В ней и ее окрестностях в первую очередь возникали мануфактуры.

В пристоличной области России получили большое развитие разнообразные крестьянские промыслы и городское ремесло. Вокруг этого района находились и крупнейшие русские города — Ярославль, Нижний Новгород, Калуга. Удобное сухопутное сообщение связывало Москву через Ярославль с Вологдой, откуда начинался водный путь к Архангельску, кото-

Архангельский торговый порт.
Миниатюра Сийского евангелия 1694 г.

рый по тем временам был связующим звеном России с Западной Европой. В Архангельске ежегодно пришвартовывались десятки судов заморских купцов с различными товарами.

Малонаселенные обширные земли, примыкавшие к Белому морю, известные под названием Поморья, были богаты рыбными и охотничьими угодьями и лесом. По этническому составу население было пестрым: здесь жили русские, карелы, коми и др. В северных районах этого края в силу климатических условий население больше занималось промыслами. Особенно велика была роль Поморья в снабжении страны солью. В районе крупнейшего центра солеварения — Соли Камской действовало свыше 200 варниц, поставивших до 7 млн. пудов соли ежегодно. Наиболее важными городами Севера были Вологда и Архангельск, являвшиеся крайними пунктами Сухоходного речного пути.

Как уже говорилось, через Архангельский порт проходила торговля с границей. В Вологде и Холмогорах действовали канатные мастерские. Относительно плодородные почвы в районе Вологды, Великого Устюга и в Вятском крае благоприятствовали успешному развитию земледелия. Вологда и Устюг, а во второй половине XVII в. Вятский край были крупными хлебными поставщиками.

Западное пограничье России представляло собой земли «от немецкой и литовской украины» (окраины). Это были районы производства и вывоза в другие области и за границу льна, пеньки, сала. Крупнейшими городами и торговыми центрами этого региона были Смоленск и Псков. Бывшее значение Новгорода как крупного торгового центра и транспортного узла осталось в прошлом.

В XVII столетии происходила постоянная миграция населения. Русские крестьяне быстро осваивали южные территории. Сюда непрерывно направлялись беглецы из центральных уездов. Торговля и промыслы этого района были незначительны, но на богатых черноземах здесь успешно развивалось зерновое хозяйство. Характер землепользования, а также незначительные потребности в промышленных товарах не давали предпосылок для развития крупных городов.

Русские селения повсеместно возникали также

в Среднем Поволжье. Рядом с мордовскими, татарскими, чувашскими и марийскими деревнями возникали целые деревни, состоящие из беглых крестьян. Земли к югу от Самары оставались еще малонаселенными. Крупнейшими городами Поволжья были Казань и Астрахань.

Астрахань, построенная в дельте Волги, являлась удобным портовым городом. В этом городе велась оживленная торговля со странами Средней Азии, Ираном и Закавказьем. Население в этом городе было полиэтничное. Здесь проживали русские, татары, калмыки, армяне, выходцы из Бухары и т. д.

Юг Восточно-Европейской равнины также активно заселялся русскими. К тому времени в состав России входила часть Северного Кавказа, а также области Донского и Яицкого казачьих войск. Предприимчивый промышленник Гурьев основал в устье Яика (Урала) город Гурьев с каменной крепостью, что позволяло контролировать эту территорию.

После 1654 г. с Россией добровольно воссоединилась Левобережная Украина вместе с Киевом. Украина имела самоуправление, выборного гетмана, но политически превратилась в часть огромного по тем временам государства. По размерам своей территории Россия уже в XVII столетии не имела себе равных в мире.

ОСВОЕНИЕ СИБИРИ

К востоку от обжитых русских территорий располагались необъятные просторы Сибири. Юг Сибири представлял собой широкие степи, ограниченные с севера и северо-востока сибирской тайгой. Их населяли народы, стоявшие на разных ступенях общественного развития. На окраинах степей сочетание различных ландшафтов давало простор для хозяйственной деятельности человека. Изобилие зверя, рыбы в громадных реках и залежей меди и железа в горах позволяло коренным обитателям Южной Сибири получать избыточный продукт, который необходим как для организации государства, так и для роста культуры. Развитие скотоводства и, главное, коневодства заставляло

население держаться степей, где широкая практика охоты компенсировала потерю навыков травничества в таежных массивах.

Кочевники, населявшие юг Сибири в XVII столетии, вели экстенсивное кочевое хозяйство, имели свою военно-демократическую организацию и представляли собой серьезное препятствие для русской колонизации этих земель.

Охота на оленей в Сибири.
Гравюра 1706 г.

Сибирь также была издавна обжита якутами, занимавшими громадную территорию в бассейне Лены и ее притоков. Основой их хозяйства являлось оленеводство. Охота и рыболовство имели второстепенное значение. В зимнее время якуты жили в деревянных отапливаемых юртах, а летом выезжали на пастбища. Во главе якутских племен стояли старшины — тойоны, обладатели больших пастбищ.

Что касается народов, населявших Прибайкалье, то здесь по численности первое место занимали буряты. Большинство бурят занималось скотоводством,

вело кочевой образ жизни, но среди них были и земледельческие племена. Буряты переживали период становления феодальных отношений, у них были сильны патриархально-родовые пережитки.

На пространствах от Енисея до Тихого океана жили эвенки (тунгусы), занимавшиеся охотой и рыболовством. Чукчи, коряки и ительмены (камчадалы) населяли северо-восточные районы Сибири с Камчатским полуостровом. Эти племена жили тогда родовым строем.

Колонизация Сибири происходила главным образом на севере Сибири и по линии расположения лесостепной зоны. Это объясняется тем, что кочевые, в основном тюркские племена, оказывали ощутимое вооруженное сопротивление отрядам русских первопроходцев.

Расширение владений в Сибири производилось главным образом местной администрацией и промышленными людьми, искавшими новые «землицы». Пущина становилась едва ли не главной целью освоения новых территорий. Русские промышленные люди проникали в Сибирь по рекам, многоводные притоки которых близко подходят друг к другу. Вслед за промышленными людьми шли военные отряды, ставившие укрепленные остроги. Остроги становились очагами поселений и центрами последующей колониальной эксплуатации народов Сибири.

Из Западной Сибири в Восточную можно было попасть по притоку Оби, реке Кети. На Енисее был основан город Енисейск (первоначально Енисейский острог, 1619 г.). Несколько позже на верхнем течении Енисея русские первопроходцы основали другой сибирский город — Красноярск. По Ангаре или Верхней Тунгуске речной путь выводил к верховьям Лены. Здесь был построен Ленский острог (1632 г., позже Якутск). Ленский острог стал центром управления Восточной Сибирью. Сюда стекалась с обширных окрестностей добываемая местным населением пушнина, совершался обмен ее на необходимые товары.

1648 г. в истории освоения Сибири знаменателен тем, что Семен Дежнев открыл «край и конец Сибирской земли». Историкам не до конца ясны мотивы предпринятой приказчиком устюжских торговых людей Усовых Федотом Алексеевым (Поповым) и Семе-

ном Дежневым экспедиции. Сомнительно видеть главной причиной этого предпринятого похода жажду наживы. В составе экспедиции было шесть судов. Выйдя из устья Колымы в море первопроходцы двинулись на север. Жестокая буря разметала суда экспедиции, некоторые из них погибли или были выброшены на берег, а судно Дежнева обогнуло крайнюю северо-восточную оконечность Азии. Таким образом, Дежнев первый из европейцев совершил морское путешествие через Берингов пролив и обнаружил, что Азия отделена от Америки проливом.

К середине XVII в. русские отряды проникли за Байкал (в Даурию) и достигли реки Амур. Экспедиция Василия Пояркова по рекам Зее и Амуру вышла к морю. Василий Поярков по морю плыл до реки Ульи (район Охотска), поднялся по ней вверх и по рекам бассейна Лены вернулся в Якутск.

Последующую экспедицию в Приамурье совершили казаки под предводительством Ерофея Хабарова. Ими был возведен городок на Амуре. После того как правительство отозвало Хабарова из городка, казаки держались в нем некоторое время, но из-за недостатка пропитания вынуждены были его покинуть.

Если проникновение во внутренние малонаселенные земли Сибири происходило для России политически бесконфликтно, то выход русских первопроходцев в бассейн Амура привел к конфликту с Китаем. Незамедлительно последовали военные действия. Столкновения завершились заключением Нерчинского договора (1689 г.). В договоре определялась русско-китайская граница и формулировались общие принципы приграничных отношений. Нерчинский договор способствовал развитию успешной торговли между двумя государствами.

В Сибири в определенных местах можно было успешно заниматься сельским хозяйством, поэтому вслед за промышленными и служилыми людьми в Сибирь направлялись крестьяне-переселенцы. Приток «вольных людей» в Западную Сибирь начался тотчас же после построения русских городков, которые могли в случае угрозы послужить крестьянам защитой. Особенно усилился прилив крестьян во второй половине XVII столетия. «Многое число» крестьян, главным образом из северных и соседних приуральских

уездов, имевших опыт ведения сельского хозяйства в неблагоприятных условиях, кочевали в поисках плодородных почв. Пашенное крестьянское население оседало главным образом в Западной Сибири, которая стала основным очагом земледельческого хозяйства обширных сибирских просторов.

Переселенцы поднимали целину на пустых землях или захватывали земли, принадлежавшие местным «ясачным людям». Размер пашенных участков для переселившихся крестьянам в XVII в., не был ограничен какими-либо установлениями. Кроме пашни, в него включались сенные покосы, а иногда и промышленные угодья. Русские крестьяне принесли с собой навыки более высокой земледельческой культуры по сравнению с той, которая имела у сибирских оседлых народов. Сельскохозяйственными культурами Сибири, которые давали неплохие по тем временам урожаи, были рожь, овес и ячмень. Наряду с ними появляются технические культуры, в первую очередь конопля, являвшаяся сырьем для товарного производства. Широкое развитие получило животноводство. Уже к концу XVII в. местное сибирское земледелие удовлетворяло потребности населения городов Сибири в хлебе и других сельскохозяйственных продуктах. Это позволило правительству значительно снизить, а потом и прекратить дорогостоящую доставку хлеба из Европейской России.

Завоевание и колонизация Сибири сопровождалась обложением покоренного населения я с а к о м — данью. Выплата ясака обычно производилась мехами. Меха, как ценнейший товар, служивший местному населению предметом меновой торговли, являлся объектом особого внимания правительственных чиновников, заинтересованных в пополнении царской казны. «Обьясачивание» сибирских народов служилыми людьми сопровождалось частыми злоупотреблениями и возмутительным насилием. Официальные документы признавали, что купцы иногда приглашали «людей торговать и имали у них жен и детей, и животы и скот грабили, и насильства им чинили многие». Подобная колониальная политика не служила задаче гармонизации отношений местного населения с русскими колонистами.

Огромная территория Сибири находилась в веде-

нии Сибирского приказа. Главной целью этого приказа, как уже говорилось, было пополнение царской казны. Путем ограблений народов Сибири царизм выкачивал пушнину на свои нужды. Как свидетельствуют факты, доходы Сибирского приказа в 1680 г. составляли более 12 процентов общего бюджета России.

Местное население Сибири, кроме того, подвергалось эксплуатации со стороны русских купцов, богатства которых создавались путем обмена ремесленных изделий в дешевых украшениях на прекрасные меха, составлявшие важную статью традиционного экспорта. Купцы Усовы, Панкратьевы, Филатьевы и др. накопили крупные капиталы на сибирской торговле, не стесняя себя в выборе средств в обмане основных добытчиков пушнины. Добытый первичный капитал давал купцам возможность становиться владельцами мануфактур по выварке соли в Поморье. Кроме того, они не прекращали в то же время своей торговой деятельности и в Сибири. Г. Никитин, выходец из черносошных крестьян, одно время подвизался в качестве приказчика Е. Филатьева и за короткий срок сколотил на торговле сибирской пушниной крупный капитал, что позволило ему выдвинуться в ряды московской купеческой знати. В 1679 г. Никитин был зачислен в гостиную сотню. А через два года ему было пожаловано за проведение успешных торговых операций звание гостя. К концу XVII в. капитал Никитина достиг 20 тыс. руб. (около 350 тыс. руб. на деньги начала XX в.). Этот предприимчивый делец был одним из первых русских купцов, организовавших торговлю с Китаем.

Некоторая государственная поддержка колонизации Сибири привела к тому, что к концу XVII в. значительные пространства Западной и отчасти Восточной Сибири были уже заселены русскими крестьянами. Многие ранее пустынные районы были освоены земледельческим, русским по составу, населением. Большая часть Сибири, особенно черноземные районы Западной Сибири, стали по праву принадлежать России.

Губительная национальная политика, которую проводил царизм, не могла снизить прогрессивного для этнических меньшинств Сибири значения связи

с русским народом. Эта связь имела громадное значение для развития экономической и культурной жизни народов Сибири. Под влиянием русского земледелия стали возделывать пашню якуты и кочевники-буряты. Присоединение Сибири к России создавало условия для дальнейшего продвижения цивилизации в огромные таежные просторы.

ФОРМИРОВАНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО РЫНКА

Предпосылкой для формирования всероссийского рынка стало региональное разделение труда. Москва к этому времени стала важнейшим транспортным узлом, центром пересечения торговых путей и имела исключительное значение для образования всероссийского рынка.

Проследим движение товаров того времени. В Москву из Подмосковья поставлялись мясо и овощи. Масло коровье везли из Среднего Поволжья. Поморье, Ростовский уезд, Нижнее Поволжье и приокские места постоянно поставляли рыбу. Овощи поступали также из Вереи, Боровска и Ростовского уезда. Железом Москву снабжали Тула, Галич, Устюжна Железопольская и Тихвин; кожи привозили главным образом из Ярославско-Костромского и Суздальского районов; деревянную посуду поставляло Поволжье; соль — города Поморья. Традиционно Москва являлась крупнейшим рынком сбыта сибирских мехов.

На основе производственной специализации отдельных районов складывались рынки с преимущественным значением каких-либо товаров. В Ярославле хорошо можно было продать кожи, мыло, сало, мясо и текстильные изделия. Великий Устюг и особенно Соль Вычегодская были крупнейшими пушными рынками — поступающие из Сибири меха доставлялись отсюда либо в Архангельск для экспорта, либо в Москву для продажи на внутренний рынок.

Смоленск и Псков считались центрами торговли льном и пенькой, поскольку эти товары производились в близлежащих районах и поступали затем на заграничный рынок.

Некоторые региональные рынки превращались в центры торговли тем или иным традиционным видом товара, имеющим значение для всей страны. Завязывались интенсивные торговые связи с далеко отстоящими от них городами. Так, например, Тихвинский посад с его ежегодной ярмаркой поддерживал торговлю с 45 городами России. Закупая у местных кузнецов дешевые изделия железодельных промыслов, скупщики перепродавали их более крупным торговцам. Последние отвозили значительные партии товаров в Устюжну Железопольскую, а также в Москву, Ярославль, Псков и другие города.

Кроме специализированных региональных рынков, большую роль в торговом обороте страны играли ярмарки всероссийского значения, такие, как Макарьевская (близ Нижнего Новгорода), Свенская (под Брянском), Архангельская и др. Подобные ярмарки характеризовались обилием товаров и торги на них продолжались в течение нескольких недель.

Складывание всероссийского рынка повысило роль купечества в хозяйственной и политической жизни страны. В XVII столетии из общей массы торговых людей все заметнее выделяется верхушка купеческого мира. Государство поощряло отдельных представителей купечества путем присвоения им звания гостей. Эти крупнейшие купцы становились финансовыми агентами правительства — по его поручению они вели заграничную торговлю пушниной, поташом, ревенем и пр. В функции купцов, носящих звание гостей, входило выполнение строительных подрядов, они также закупали продовольствие для нужд армии, собирали налоги, таможенные пошлины, кабацкие деньги и т. д. Гости привлекали для выполнения подрядных и откупных операций более мелких купцов, деля с ними огромные барыши от продажи монопольных товаров: вина и соли. Государственные откупа и подряды давали возможность для накопления капиталов, которые затем крупные купцы могли выгодно помещать.

В руках отдельных купеческих семей скапливались довольно крупные капиталы. Так, купцу Н. Светшикову принадлежали многочисленные соляные промыслы. Стояновы в Новгороде и Ф. Емельянов в Пскове входили в число первых людей в своих

городах. Владея целыми состояниями, они могли оказывать влияние не только на воевод, но и на царское правительство. К гостям, а также близким к ним по положению торговым людям из гостиной и суконной сотен (объединений) примыкала верхушка горожан, именовавшихся «лучшими», «большими» посадскими людьми, пользовавшимися авторитетом в купеческой среде.

Торговля в стране, в которой медленно, но неуклонно развивались промыслы, существовали огромные сырьевые запасы, сформировала новое сословие в обществе. Имея значительные капиталы, купеческое сословие начинает выступать перед правительством в защиту своих интересов. В челобитьях они просили ограничить, а то и вовсе запретить английским купцам торговать в Москве и в других городах, за исключением Архангельска. Челобитье было удовлетворено царским правительством в 1649 г. под предлогом того, что англичане казнили своего короля Карла I.

То, что в экономике страны произошли существенные изменения, отразилось в Таможенном уставе 1653 г. и в Новоторговом уставе 1667 г. По политическим соображениям в создании устава 1667 г. принимал участие начальник Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин. Он хорошо понимал нужды русского купечества, учитывал их при обосновании таможенных пошлин с иностранцев, соблюдая, однако, и государственные интересы. Любопытно, что в XVII столетии для многих страны Европы характерны меркантилистические воззрения в вопросах международной торговли. Россия не исключение среди них. Новоторговый устав отмечал особое значение торговли для России, так как «во всех государствах окрестных в первых государственных делах свободные и прибыльные торги для сбора пошлин и для всенародных пожитков мирских со всяким береженьем остерегают».

Таможенный устав 1653 г. отменял ряд мелких торговых сборов, сохранявшихся еще от времени феодальной раздробленности, и взамен их вводил одну так называемую торговую пошлину — по 10 коп. с рубля за продажу соли, по 5 коп. с рубля со всех остальных товаров. Что касается пошлин для ино-

странных купцов, продававших товары внутри России, то в интересах русского купечества Новоторговый устав 1667 г. еще более увеличил таможенные сборы с них.

САМОДЕРЖАВИЕ. ДУМА КАК ВЫСШИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ И СУДЕБНЫЙ ОРГАН

Неуклонное, хотя и медленное прогрессирование в хозяйственной и общественной жизни русского народа сопровождалось изменениями в политическом строе России. В XVII в. происходит формирование в России самодержавного государства. Русское самодержавие имело все основные черты феодального абсолютизма. Характерное для сословно-представительской монархии существование рядом с царской властью Боярской думы и земских соборов уже не соответствовало тенденциям к укреплению царской власти. Военная и экономическая экспансия соседних государств требовала более совершенной политической организации господства дворян. Переход к абсолютизму, еще не завершившийся к концу XVII в., сопровождался значительным снижением роли земских соборов. Духовная власть также все больше подчинялась светской знати.

С 1613 г. в России после времен лихолетья воцарилась династия Романовых. Они считали себя наследниками прежних московских царей по женской линии. Последовательно царствовали Михаил Федорович (1613—1645), его сын Алексей Михайлович (1645—1676), сыновья Алексея Михайловича — Федор Алексеевич (1676—1682), Иван и Петр Алексеевич (после 1682 г.).

Любое государственное дело в XVII в. вершилось от царского имени. В «Соборном уложении» 1649 г. в особой главе была указана роль царя. Глава называлась «О государственной чести и как его государское здоровье оберегать». В ней угрожалось смертной казнью за выступление против царя «скопом и заговором», под которыми понимались все массовые выступления. Кроме того, ближайшие царские родственники стали рассматриваться как государевы «хо-

лопы» — подданные. В прошениях к царю даже знатные бояре были вынуждены именовать себя уменьшительными именами (Алексашко, Николко и т. д.). Обращение к царю строго регламентировалось. При этом должны были соблюдаться сословные различия: служилые люди называли себя «холопами», крестьяне и посадские люди — «сиротами», а духовные — «богомольцами».

Возвеличивание идеи царской власти дошло до того, что уже само появление царя на площадях и улицах Москвы обставлялось с пышной торжественностью и сложным церемониалом.

Частично государственными делами ведала Боярская дума, которая могла собираться и в отсутствие царя. Особо важные дела разбирались по царскому предложению «помыслить» о том или другом вопросе. Однако каждое решение даже формально проводилось следующими традиционными словами: «Царь указал и бояре приговорили».

Дума, как высшее законодательное и судебное учреждение, состояла из наиболее влиятельных и богатых феодалов России. Туда входили члены родовитых княжеских фамилий и ближайшие родственники царя. Но с развитием торговли, промышленности и усилением политического влияния новых сословий в Думу все в большем количестве стали проникать представители неродовитых фамилий — думные дворяне и думные дьяки, выдвинувшиеся на высокие посты в государстве благодаря личным заслугам. Наряду с бюрократизацией Думы происходило постепенное ограничение ее политического влияния. Параллельно с Думой, в заседаниях которой принимали участие все думные чины, существовала Тайная или Ближняя дума. Она состояла из доверенных лиц царя, которые могли вовсе и не относиться к думным чинам.

«ТИШАЙШИЙ ЦАРЬ» И ЕГО ЦАРСТВОВАНИЕ

Чтобы проследить осуществление царской власти над такой громадной страной, обратимся к правлению одного из самодержцев.

Во второй половине XVII в. царствовал Алексей

Михайлович. Взошел на престол в 1645 г., кончилась его эпоха в 1676 г.

В годы правления второго государя из династии Романовых были окончательно преодолены последствия Смуты и вполне определился общий стиль XVII в., богатый событиями, полный внутренними противоречиями и борьбой. Под стать эпохе был и российский самодержец: человек, верный заветам старины и восприимчивый к западным влияниям, добрый, но временами вспыльчивый до крайности и даже жестокий, когда того, по его мнению, требовала государственная польза.

Почему же современники окрестили царя «тишайшим»? Ведь не было «тишины» ни в его бурном царствовании, ни в живом и восприимчивом характере государя, ни в любви к потехам и развлечениям. Вне всяких сомнений, Алексей Михайлович был «тише» своего младшего сына Петра Великого, но деятельней, разбитней и непоседливее и своего отца Михаила Федоровича.

Исследователи приходят к выводу, что прилагательное «тишайший» — это «титularный элемент» (хотя в официальный титул он не вошел), имевший отношение не к лицу, а к сану, не к характеру монарха, а к его власти. Поэтому этот неофициальный титул возглашается в церкви во время великого Входа, используется в придворной поэзии, передается по наследству преемникам. «Тишайшими» соответственно называются Федор, соправители Иван и Петр Алексеевичи, а по смерти старшего брата один Петр I (на пример в «Риторической руки» Стефана Яворского Петр назван «тишайшим»).

Скорее всего в государственной фразеологии «мятеж» регулярно противопоставляется «тишине», а из этого следует, что «тишайший монарх» — это «обладатель тишины», царь, который умеет поддерживать порядок.

С этой важной оговоркой и следует характеризовать международные отношения и внешнюю политику московского правительства. Следует отметить чрезвычайно невыгодные обстоятельства того времени для Российского государства, — бунты и войны. Иностранцы удивлялись, как могло оно так скоро оправляться от потрясений. Это объясняется само-

отверженными усилиями власти, которая хоть и не сразу, но умела добиваться исполнения своих распоряжений.

Все эти усилия, позволившие устоять Московскому государству, способны были, однако, совершенно сломить и более твердо, чем Алексей Михайлович, царя. Тем более что «тишайшему» пришлось пережить не только государственные неурядицы, но и потери близких людей: смерть первой жены Марии Ильиничны, раннюю кончину троих сыновей. Но царь не пал духом и не озлобился, сохранив и свои высокие душевные качества, и нелицемерную религиозность, и столь удивлявшее иностранцев патриархально-отеческое отношение к подданным.

В то же время исследователями справедливо высказывается мысль, что, несмотря на свой пассивный характер, на свое добродушно-нерешительное отношение к вопросам времени, царь Алексей много помог успеху преобразовательного движения, поддерживал реформаторов и создал в обществе «преобразовательные настроения».

Живость и деятельность характера, как и любовь к всевозможным забавам, порой грубоватым, передалась сыну Алексея Михайловича Петру Великому.

В литературе называют три вероятные даты рождения Алексея Михайловича — 9, 12 и 17 марта.

Первые 5 лет будущий царь жил в женском тереме, затем его перевели на половину отца. «Дядьками» Алексея были Б. И. Морозов и В. И. Стрешнев. Тогда же дьяк В. Прокофьев стал учить наследника престола грамоте, как было принято в то время, по Часослову, Псалтири и Апостолу. К десяти годам он уже хорошо знал чин богослужения, пел на клиросе и, уже будучи взрослым, вполне мог поспорить с уставщиком монастыря в знании чинопоследований церковных служб.

Когда Алексею исполнилось 8 лет, он стал жить отдельно от отца в специально построенном для него трехэтажном Теремном дворце. С 14 лет он стал сопровождать государя во время торжественных выходов.

13 июля 1645 первого царя Дома Романовых не стало, а 18 сентября умерла его жена Евдокия. Так, в 16 лет Алексей Михайлович остался круглым сир-

той. Легко понять скорбь юного государя, который вместо положенных ему по церковному обычаю 40 дней траура горевал по родителям целый год. Царский венец — шапку Мономаха — в Успенском соборе на него возложили вскоре по прошествии траура, 28 сентября 1645 г.

После венчания на царство Алексей Михайлович должен был немедленно жениться, так как только женатый человек считался совершеннолетним. Выбором невесты занимался Борис Иванович Морозов, царский воспитатель. Из 200 девиц, привезенных в Москву на смотрины, царю представили только шесть. Сначала царь выбрал дочь касимовского помещика Евфимию Всевожскую. Но она, по неведомым причинам, в присутствии царя упала в обморок (враги Морозова утверждали, будто по его приказу невесте слишком сильно затянули волосы под венцом). Тогда Всевожскую обвинили в падучей, и царь не решился на ней жениться. Морозов подыскал ему новую невесту — красавицу Марию Милославскую. Царский лекарь Коллинз сообщает, что она была дочерью небогатого дворянина, который служил в посольском приказе и подносил на пирах вино иностранцам, а дочь его, будущая государыня, даже была вынуждена собирать грибы и торговать ими на рынке.

Неудивительно, что сам Морозов женился на сестре царицы, породнившись, таким образом, со своим царственным воспитанником. Однако это не спасло Морозова от краха. Теперь становится понятным, почему царь был милостивым к Борису Ивановичу. Неудачная попытка увеличить доходы казны путем высоких пошлин на соль привела к Соляному бунту 1648 г., в ходе которого восставшие потребовали казни Морозова. Царь спас своего родственника, удалив его из Москвы в Кирилло-Белозерский монастырь. После возвращения в столицу тот продолжал пользоваться расположением Алексея Михайловича, но уже не играл прежней роли в управлении. Первым царским советчиком и даже «вторым великим государем» стал «собинный друг» царя — Новоспасский архимандрит Никон — в скором будущем — митрополит Новгородский (с 1650 г.) и патриарх всея Руси (с 1652 г.).

Бунт 1648 г. и продолжающиеся волнения имели

два важных следствия. В 1649 г. было принято Соборное Уложение, которое укрепило положение Романовых, создавшееся после Смуты, и значительно усовершенствовало русское законодательство. По мнению правительства, издание Уложения должно было внести порядок и закономерность в управление и смягчить народное недовольство. Вторым следствием Соляного бунта стала большая самостоятельность царя: он приобрел собственный взгляд на вещи.

Еще большее влияние на становление его личности оказала война с Польшей за Украину в 1654—1656 гг. Царь сам выступил в поход с войсками, побывав в Литве и Ливонии. Именно в ходе войны проявились положительные качества царя — он показал себя как зрелый политик и гуманный человек.

Царь вел заметки об этой войне. В них сквозит примечательная черта — забота о ратниках. Он понимал, что вовсе без жертв обойтись нельзя, но предлагал воеводам вести дело с наименьшими потерями и готов был простить многое, но не лишние жертвы. В письмах царя имеются следующие строки: «Людей наших всяких чинов 51 человек убит, да ранено 35 человек; и то благодарю Бога, что от трех тысяч столько побито, а то все целы, потому что побежали, а сами плачут, что так грех учинился... Радуйся, что люди, целы». Нужно иметь особый склад души — радоваться бегству своих воинов, тем спастись. Когда иностранный офицер на русской службе предложил ввести смертную казнь за бегство с поля боя, царь с негодованием отказался от такого шага на том основании, что Бог не всем даровал одинаковую храбрость, и карать за это было бы жестоко.

В завоеванных городах Алексей Михайлович не спешил устанавливать свой суд, уважая местные традиции, и, в частности, удовлетворил челобитную жителей Могилева, желавших жить по магдебургскому праву, носить прежнюю одежду, не ходить на войну и проч. Во второй раз он приехал в Смоленск, чтобы прекратить мародерство и погромы.

Война с Польшей длилась до октября 1656 г., когда Россия, опасаясь чрезмерного усиления шведов, занявших Познань, Варшаву и Краков, заключила перемирие с поляками, начав военные действия против Карла X. В отличие от польской кампании, кото-

рая вернула России потерянный в Смуте Смоленск и позволила взять Полоцк и Вильну, русско-шведская война кончилась невыгодным миром в Кардисе в 1661 г., по которому царь уступил все ранее завоеванные местности. Эти невыгодные условия были связаны со смутами в присоединившейся к России Малороссии и новой войной с Польшей. После ощутимых поражений в 1659 г. под Конотопом и под Чудновом, России благодаря успешным действиям гетмана Брюховецкого и князя Рамодановского удалось, однако, взять реванш. Внутренние беспорядки в Польше способствовали этому. В январе 1667 г. в деревне Андрусово воюющие стороны заключили перемирие на 13 лет. По этому договору Россия получила Смоленск, Северскую землю, левую сторону Днепра и Киев на два года. В период войны царь лично побывал в Витебске, Полоцке, Могилеве, Ковно, Гродно, Вильне, познакомился с западными обычаями. Вернувшись в Москву, он начал вносить изменения в придворную обстановку. Во дворце появились обои (золотые кожи) и мебель немецкого и польского образца.

В 50—60 гг. происходят и важные изменения во внутренней жизни страны — реформа Церкви, вдохновителем которой был сам царь, а проводил ее на первых порах царский любимец патриарх Никон. В 1658 г. царь, ставший гораздо более самостоятельным и независимым, разошелся во взглядах с патриархом, который, оскорбленный государем, самовольно удалился из Москвы в подмосковный Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. До 1666 г. церковь фактически оставалась без патриарха, что сильно мучило благочестивого царя. Затем Церковный собор с участием восточных иерархов лишил Никона сана и приговорил к ссылке в Кирилло-Белозерский монастырь простым чернецом. Церковными делами стал заниматься сам государь.

Испытания, выпавшие на период царствования Алексея Михайловича: Медный бунт, восстание 1667 г., движение Стеньки Разина 1670 г., не изменили характер царя, не ожесточили его. Пожалуй, очень точно описал характер царя С. Ф. Платонов в очерке «Царь Алексей Михайлович».

«Сама наружность царя сразу говорила в его пользу и влекла к нему,— пишет историк.— В его живых

голубых глазах светилась редкая доброта; взгляд этих глаз, по отзыву современника, никого не пугал, но добрял и обнадеживал. Лицо государя, полное и румяное, с русою бородой, было благодушно приветливо и в то же время серьезно и важно, а полная (потом чересчур полная) фигура его сохраняла величавую и чинную осанку. Однако царственный вид Алексея Михайловича ни в ком не будил страха: чувствовалось, что не личная гордость царя создала эту осанку, а сознание важности и святости сана, который Бог на него возложил».

Существуют положительные отзывы о царе иностранцев, и это особо показательно, если вспомнить, что их авторы вовсе не были друзьями или поклонниками Москвы. По-видимому, Алексей Михайлович всем, кто имел случай его узнать, казался светлой личностью, и всех удивлял своими достоинствами и приятностью. Такие впечатления современников подтверждаются письмами и посланиями самого царя.

В эпистолярном наследии Алексея Михайловича имеется все, что говорит читателю о необыкновенно восприимчивом и впечатлительном человеке. Его занимает и волнует все одинаково: и вопросы политики, и военные реляции, и смерть патриарха, и садоводство, и вопрос о том, как петь и служить в церкви, и соколиная охота, и театральные представления, и буйство пьяного монаха в его любимом монастыре.

Имеются упоминания о том, что Алексей Михайлович был человеком весьма вспыльчивым, но так же легко, как гневался, царь умел прощать и мириться, если, конечно, государственные интересы не требовали длительной опалы или ссылки виновника царской немилости.

Всякое горе и беда живо трогали царя. Так, он утешал князя Никиту Ивановича Одоевского, когда у последнего внезапно умер сын. Князь был в Казани, и Алексей Михайлович послал ему письмо, где развивал мысль, что светлая кончина человека без страданий, «в добродетели и в покаянии добре», есть милость Господня, которой следует радоваться даже и в минуты естественного горя.

Слова утешения нашлись у царя и для Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина, сын которого, по имени Воин, бежал за границу, изменил государю

и Отечеству. Алексей Михайлович даже пытался утешить отца надеждою на возвращение сына, не изменившего якобы, а только увлекшегося по молодости. Царь оказался прав: Афанасьев «сыннишка Войка» скоро вернулся из дальних стран во Псков, а оттуда в Москву. Алексей Михайлович сначала отказался принять отставку безутешного отца, затем «пожаловал» и сына. Молодой Ордин-Нащокин получил прощение и за верную службу отца «написан по московскому списку с отпуском на житье в отцовские деревни».

Любил государь и повеселиться. В письме к Матюшкину он сообщает: «Тем утешаются, что столники беспрестани купают ежеутро в пруде... за то кто не поспеет к моему смотру, так того и купают!» В отличие от своего сына, шутки которого превращались в издевательство, Алексей Михайлович, как правило, потешался безобидно. Поэтому столники нарочно опаздывали к смотру: ведь после принудительного омовения их удостаивали великой чести и приглашали к царскому столу.

Благодушие, мягкость, общительность и веселый нрав сочетались в царе с глубокой образованностью. Он вполне овладел не только доступными русскому человеку его времени библейскими и светскими знаниями, но и самым книжным языком, затейливым и цветистым в XVII в., под стать «узорочью» икон и фресок, архитектуры и декоративно-прикладного искусства. Но в отличие от книжников своего века царь никогда не жертвовал ясностью мысли ради красоты формы. За каждой фразой в эпистолярной и литературных опытах царя стоит живая и ясная мысль, видимо, он привык размышлять, привык свободно и легко высказывать то, что надумал, и говорил притом только то, что думал.

Чтение способствовало религиозности царя. Его главным духовным интересом было спасение души. Всякому виновному он указывал, что тот своим поступком губит душу и служит сатане.

Царь гораздо шире понимал Православие, чем большинство его приближенных. Ревниво оберегая чистоту веры, он в то же время считал не только возможным, но и полезным общение с иностранцами, старался перенимать их технические знания и воен-

ный опыт. Для царя на первом месте в христианстве была религиозная мораль, а не сами по себе форма и обряд, причем мораль эта была не сухим кодексом отвлеченных нравственных правил, а своего рода философией жизни, проявляясь в любящем слове, в теплом, бережном, чутком отношении к людям. Религиозность царя, строгое соблюдение церковных постов, аскетизм — все это, казалось бы, плохо сочеталось с такой чертой характера Алексея Михайловича, как любовь к красоте «мира сего», ярко проявившаяся в увлечении соколиной охотой и сельским хозяйством.

Царь даже написал специальное сочинение «Урядник сокольничья пути», где очень тонко рассуждает о красоте разных охотничьих птиц, о прелести лета и удара, о внешнем изяществе самой охоты. То же чувство прекрасного заставляло царя увлекаться внешним благочестием церковного служения и строго следить за ним, иногда даже нарушая его внутреннюю чинность. В записках Павла Алеппского можно видеть много примеров, как царь распорядился в церкви, наводя порядок и красоту в такие минуты, когда, по нашим понятиям, ему надлежало хранить молчание. Эстетический вкус Алексея Михайловича сказывался и в выборе любимых мест — это Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде или село Коломенское. Соединение аскетизма и светлого взгляда на жизнь не противоречат в натуре Алексея Михайловича, они в нем органичны. Религия и молитва, по его мнению, не исключают удовольствий и потех. Царь не считал свою любимую соколиную охоту или рассматривание диковинных иноземных вещей грехом, не каялся в том. Развлечение спасает от худшего греха — печали и уныния. Вот что пишет царь в «Уряднике сокольничья пути»: «И зело потеха сия полевая утешает сердца печальныя будите охочи забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою... да не одолеют вас кручины и печали всякие». Печаль — грех, от нее надо лечиться. Лекарство — развлечение. Но надо знать этому лекарству меру. В том же наставлении сокольникам царь напоминает: «Правды же и суда и милостивыя любве и ратного строя николиже позабывайте делу время и потехе час». Итак, цель жизни для Алексея Михайловича — спасение души, а забавы — лишь «утешение», снисхождение к есте-

ственной человеческой немощи, дабы не совершить тягчайший грех уныния.

Конечно, «несть человека, аще без греха», светлые стороны натуры Алексея Михайловича перемешались тенями. Один из озлобленных реформами уличных озорников Савинка Корепин болтал на Москве про юного государя, что «царь глуп, глядит все изо рта у бояр Морозова и Милославского: они всем владеют, а сам государь все это знает, да молчит: чорт у него ум отнял». Мысль, что «царь глядит изо рта», высказывалась не раз и позднее другими современниками «тишайшего».

Действительно, как отмечает С. Ф. Платонов, «при всем своем уме царь Алексей Михайлович был безвольный и временами малодушный человек». Историк находит подтверждение этой мысли в письмах царя. В 1652 г. он пишет Никону, что дворецкий, князь Алексей Михайлович Львов, «бил челом об отставке». Это был возмутительный самоуправец, много лет безнаказанно сидевший в Приказе Большого дворца. Царь обрадовался, что можно избавиться от Львова, и «во дворец посадил Василья Бутурлина». С наивною похвалюбою он сообщает Никону: «А слово мое ныне во дворце добре страшно, и (все) делается без замотчанья!» Значит, такова была наглость князя Львова, что ему не страшно казалось и царское слово, и так велика была слабость государя, что он не мог избавиться от своего дворецкого!

При отсутствии сильной и твердой воли Алексей Михайлович не мог взять в свои руки настроение окружающих, не мог круто разделаться с виновными. «Он мог вспыхнуть, выbranить и даже ударить, но затем быстро сдавался и искал примирения. Он терпел князя Львова у дел, держал около себя своего плохого тестя Милославского, давал волю безмерному властолюбию Никона потому, что не имел в себе силы бороться ни со служебными злоупотреблениями, ни с придворными влияниями, ни с сильными характерами».

Другое отрицательное свойство характера царя Алексея историк видит в том, что «тишайший» «не умел и не думал работать. Он не знал поэзии и радостей труда и в этом отношении был совершенною противоположностью своему сыну Петру. Жить и

наслаждаться он мог среди «малой вещи», как он называл свою охоту и как можно назвать все его иные потехи. Вся его энергия уходила в отправление того «чина», который он видел в вековом церковном и дворцовом обиходе. Вся его инициатива ограничивалась кругом приятных «новшеств», которые в его время, но независимо от него, стали проникать в жизнь московской знати. Управление же государством не было таким делом, которое царь Алексей желал бы принять непосредственно на себя. Для него существовали бояре и приказные люди. Сначала за царя Алексея правил Борис Иванович Морозов, потом настала пора князя Никиты Ивановича Одоевского, за ним стал временщиком патриарх Никон, правивший не только святительские дела, но и царские, за Никоном следовали Ордин-Нащокин и Матвеев. Во всякую минуту деятельности царя Алексея мы видим около него доверенных лиц, которые правили. Царь же, так сказать, присутствует при их работе, хвалит их или спорит с ними, хлопочет кругом действительных работников и деятелей. Но ни работать с ними, ни увлекать их... он не может».

Таким образом, «тишайший» государь, в отличие от сына, не осознавал потребности глубоких реформ в русской жизни, существенных перемен. Ему казалось, что все остается неизменным, прочным, по столь любимому им порядку и чину. В реформе церкви он видит не изменение книг, чинов и обрядов, а лишь их исправление в соответствии с древней практикой. В войнах за выход к морю — возвращение утраченных Россией в Смутное время земель. В заимствованиях «войск иноземного строя», некоторых военно-технических и культурных новшеств с Запада, в попытке секуляризации церкви — путь к укреплению государства, а отнюдь не разрушение традиционной культуры. А если все идет по накатанной колее, по заведенному порядку, стоит ли вмешиваться в бытие?

Таким образом, царь не чувствовал себя реформатором. Отсюда непоследовательность и нерешительность первых попыток реформ в царствование Алексея Михайловича. Преобразователи, за исключением, может быть, Ордина-Нащокина в реальной политике и Юрия Крижанича в теории, еще не осознавали пре-

образований. Им казалось, что они завершают восстановление и реставрацию Московского царства, начатые при Михаиле. Между тем нет ни одного преобразования Петра I, которое не имело бы аналога, пусть слабого и бледного, в царствование его отца. «Этому-то царю, — пишет В. О. Ключевский, — пришлось стоять в истоке самых важных внутренних и внешних движений. Разносторонние отношения, старинные и недавние, шведские, польские, крымские, турецкие, западнорусские, социальные, церковные, как нарочно, в это царствование обострились, встретились и перепутались... и над всеми ними как общий ключ к их решению стоял основной вопрос: оставаться ли верным родной старине или брать уроки у чужих. Царь Алексей разрешил этот вопрос по-своему: чтобы не выбирать между стариной и новшествами, он не разрывал с первой и не отворачивался от последних».

Такой ответ на вызов времени был, конечно, непоследовательным и противоречивым. Этим объясняется драматичный личный итог, с которым царь пришел к концу своего жизненного пути. «Собинный друг» государя, опальный патриарх Никон находился в заключении, как и его противник протопоп Аввакум. Оба были знакомы и симпатичны царю, Столь любимую и почитаемую царем Православную Церковь раздирали раскол. Правительственные войска, незадолго до кончины «тишайшего» после 8-летней блокады и осады взяли твердыню старой веры Соловецкий монастырь.

Впрочем, у царя было и утешение. Женат был он дважды: на урожденной М. И. Милославской, родившей 13 детей (умерла 4 марта 1669 г.), а после ее смерти на Н. К. Нарышкиной, которая пережила своего мужа и подарила ему сына и двух дочерей.

Алексей Михайлович умер в январе 1676 г., успев благословить на царство старшего сына Федора, отдать приказ освободить из тюрем всех узников, простить долги, причаститься и собороваться.

«ДЕНЬ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА»

Чтобы глубже вникнуть в ту эпоху, понять характер XVII века в России, проследим жизнь «тишайшего» государя не в воинских походах и важных государственных делах, а в повседневном быту. Историк А. А. Кизеветтер написал специальное сочинение под названием «День царя Алексея Михайловича» (М., 1904), в котором шаг за шагом прослеживается обычный день царя: Позднейшие историки провели дополнительные исследования по этому вопросу.

Государь вставал в 4 часа утра и сразу выходил в крестовую палату, где читал ряд молитв, по окончании чего прикладывался к праздничной иконе, а духовник кропил его святой водой. Затем он направлялся к царице и вместе с нею шел к заутрене. После заутрени растворялась дверь из внутренних покоев в переднюю палату, где собирались ближние бояре и думные чины — в кафтанах из сукна, атласа, а то и парчи, в высоких шапках из меха соболя или чернубурой лисы.

Царь беседовал с ними, ему сообщались последние новости. Он благодарил, тут же жаловал отличившихся. Ему кланялись в ответ.

Затем царь шел к обедне в кремлевские соборы. Выходил он в «порфире и короне», его окружали рынды, одетые в белые, шитые серебром кафтаны и высокие бархатные шапки, шитые жемчугом. Народ встречал царя земными поклонами. Выход его к обедне имел определенный смысл: он свидетельствовал о стабильности существующего порядка и подчеркивал своеобразное единение царя с народом. Обедня заканчивалась в 10 часов, и царь удалялся во внутренние покои «сидеть с бояры», то есть заниматься государственными делами. Бояре сидели по знатности, думные дьяки стояли, иногда, когда заседание затягивалось, царь и им разрешал садиться. В эти же часы государь работал в Тайном приказе. В праздники Дума не собиралась, а проходили приемы послов или приглашали патриарха с духовенством.

Обедал государь чаще всего один. Хотя Алексей Михайлович был очень воздержан в еде, часто постился, но даже в будние дни к его столу подавали до 70 блюд. Они, как и хмельные напитки, посылались

отличившимся боярам. Сам царь пил квас, редко овсяную брагу или пиво. Каждое блюдо, подаваемое к его столу, пробовали (повара, дворецкие, стольники, ключники, кравчие) из-за боязни яда. В праздничные дни стол роскошно сервировался. Всегда за ним было много гостей. Приглашение на царский пир было весьма почетно, хотя нередко между боярами возникали местнические ссоры.

После обеда царь ехал на соколиную охоту или ложился отдохнуть на 2—3 часа (если ночью молился). Выезд царя пышно обставлялся: зимой подавали широкие раззолоченные сани, обитые персидскими коврами. Вокруг саней теснились стрельцы. Впереди мели путь и разгоняли толпу. Завершал шествие отряд жильцов — своеобразной дворцовой гвардии. Летом царь ездил верхом.

Возвратившись, царь шел к вечерне и остаток дня проводил в кругу семьи. Алексей Михайлович и Марья Ильинична вместе ужинали, потом призывались странники, старцы. По вечерам царь читал (Св. Писание, жития, духовные слова и поучения, летописи, хроники и хронографы, посольские записки, книги по географии, а также повести и рассказы, привозимые из Польши), а еще чаще писал. Иногда вечером шли в Потешную палату — своеобразный театр-балаган, где выступали шуты, карлики, уроды, скomorохи. Со временем шутов и скomorохов потеснили музыканты, игравшие на органах и цимбалах, «бахари и домарчеи», певцы и рассказчики народных сказаний. Позднее в этой палате разыгрывались настоящие спектакли, ставились европейские комедии. В девять часов вечера государь уже спал.

Так спокойно и размеренно проходил почти каждый день Алексея Михайловича, не чуравшегося постоянного, упорного государственного делания. Разработав шутовской чин производства в сокольники, царь собственноручно присылал характерное отступление: «Правды же и суда и милостивой любви и ратного строя никогда не забывают: делу время и потехе час».

ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ

Правительству приходилось опираться на поддержку такого сословно-представительного учреждения, как земские соборы. Помощь выборных людей из дворянства и верхушки посадского общества преимущественно требовалась в тяжелые годы борьбы с внешними врагами и при внутренних затруднениях, связанных со сбором денег на экстренные нужды. Земские соборы действовали почти непрерывно в течение первых десяти лет царствования Михаила Романова. При этом они получили на некоторое время значение постоянного представительного учреждения при правительстве. Собор, избравший на царство Михаила (1613 г.), заседал почти три года. Следующие соборы были созваны в 1616, 1619 и 1621 гг.

После 1623 г. наступил перерыв в деятельности соборов. Это было в первую очередь связано с укреплением царской власти, ростом ее абсолютистской направленности. Новый собор был созван в связи с необходимостью установить чрезвычайные денежные сборы с населения по причине подготовки к войне с Польшей. Этот собор также не расхотелся в течение трех лет. При царе Михаиле Федоровиче земские соборы собирались еще несколько раз.

Земские соборы имели сословный характер и складывались из трех «чинов»:

- 1) высшего духовенства во главе с патриархом — «освященного собора»;
- 2) Боярской думы;
- 3) выборных от дворян и посадских людей.

Черносошные крестьяне, т. е. государственные, участвовали только в соборе 1613 г., а крестьяне, принадлежавшие помещикам, были отстранены от политических дел. Представители от дворян и от посадских людей всегда выбирались отдельно. «Выборный список», нечто вроде протокола собрания, представлялся в Москву. Те слои населения, которые избирали «выборных людей», снабжали их своими наказами, жалобами и просьбами.

Формально собор открывался речью царя, в которой говорилось о причинах его созыва. Затем ставились и обсуждались вопросы. Каждый вопрос решался в зависимости от его характера отдельными сослов-

ными группами собора, но окончательное решение должно было приниматься единогласно на общем соборе.

Хотя соборы носили сословно-представительский характер и их политический вес среди населения был относительно высок еще в первой половине XVII в., судьба их не была долговечной. Правительство в дальнейшем все реже прибегало к созыву земских соборов, на которых выборные люди очень часто выступали с критикой правительственных мероприятий.

На последнем Земском соборе в 1653 г. решался вопрос о присоединении Украины. После этого правительство с целью укрепления царской власти созывало только совещания сословных групп. Так, отдельно собирались служилые люди, торговые люди, гости и пр. Тем не менее формально утверждение «всей земли» признавалось необходимым для избрания государей. Всякий раз, когда нужно было подтвердить полномочия новой коронованной особы, нужно было собирать представителей дворянских сословий. Правительство ограничивалось приглашением на собор лиц по своему усмотрению. Так, собрание московских чинов в 1682 г. дважды заменяло собой Земский собор — вначале при избрании на престол Петра, а затем при избрании двух царей Петра и Ивана, которые должны были править совместно.

Участь земских соборов как органов сословного представительства была решена. Крепнущий абсолютизм упразднил их, подобно тому как это имело место в других абсолютистских государствах Европы.

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ. ПРИКАЗЫ

Для управления страной требовалась отлаженная и хорошо работающая государственная машина. Для ведения отдельными отраслями были созданы органы государственного управления в виде приказов. Существовали Посольский, Разрядный, Поместный, Приказ большой казны. Существовали и территориальные органы управления, тоже в форме приказов, например, Приказ казанского дворца, Сибирский приказ.

XVII век был временем расцвета приказной системы. Как при любой бюрократизированной системе, число ее составляющих элементов должно было спонтанно вырастать. Количество приказов в иные годы достигало 50. Однако во второй половине XVII в., когда раздробленное и громоздкое приказное управление потеряло эффективность управления и не отвечало требованиям времени, в системе приказов проводится централизация. Родственные по кругу дел при-

Московский приказ.
Деталь иконы XVII в.

казы либо объединялись в один, либо в несколько приказов, хотя и сохраняли свое самостоятельное существование, ставились под общее управление одного боярина. В роли управителя объединенными приказами чаще всего выступало доверенное лицо царя.

Объединены были приказы дворцового ведомства: Большого дворца, Дворцового судного, Каменных

дел и Конюшенного. К приказам, которые получили общее управление, относились Посольский, Ямский и Военный, а также палаты Оружейных, Золотых и Серебряных дел. Боярину Ф. А. Головину было поручено управлять этими всеми приказами и палатами. Важным нововведением в приказном строе была организация Приказа тайных дел. Это было новое по тем временам учреждение, куда «бояре и думные люди не входят и дел не ведают, кроме самого царя». Приказ тайных дел в отношении других приказов выполнял контрольные функции. Этот приказ был устроен для того, чтобы «царская мысль и дела исполнялись все по его (царскому) хотению».

Как уже упоминалось, начальниками большинства приказов были бояре или дворяне. Делопроизводство же держалось на постоянном штате дьяков и их помощников — подьячих. Хорошо овладев административным опытом, передаваемым из поколения в поколение, эти люди заправляли канцелярскими и всеми другими второстепенными делами приказов. Во главе таких важных приказов, как Разрядный, Поместный и Посольский, стояли думные дьяки. Думные дьяки имели право заседать в Боярской думе. Бюрократический элемент приобретал все большее значение в системе складывавшегося абсолютистского государства, что с одной стороны повышало управляемость отраслями и обширными областями, но с другой стороны делало решение мелких вопросов очень неэффективным.

ВОЕВОДЫ

Административный порядок огромного государства в XVII в., как и в предшествующее время, устанавливался делением его территории на уезды. Новое в организации власти на местах состояло в уменьшении значения земского управления. Повсюду власть сосредотачивалась в руках воевод, которые назначались из Москвы. Для более успешного осуществления власти в большие города назначались помощники воевод — «товарищи». Делопроизводством в воеводском управлении ведали дьяки и подьячие. Съезжая

изба, где сидел воевода, была центром управления уездом.

Подобно старинным кормлениям, служба воеводы считалась «корыстной», т. е. приносящей доход. Воевода использовал все возможности, чтобы «прокормиться» за счет населения. Уже только одно прибытие воеводы на территорию подчиненного уезда сопровождалось получением «въезжего корма». Если случались праздники, то к воеводе являлись с приношением. Вознаграждение воеводе полагалось также и во время подачи челобитий. Самодурство и произвол в местной администрации особенно ощущали социальные низы.

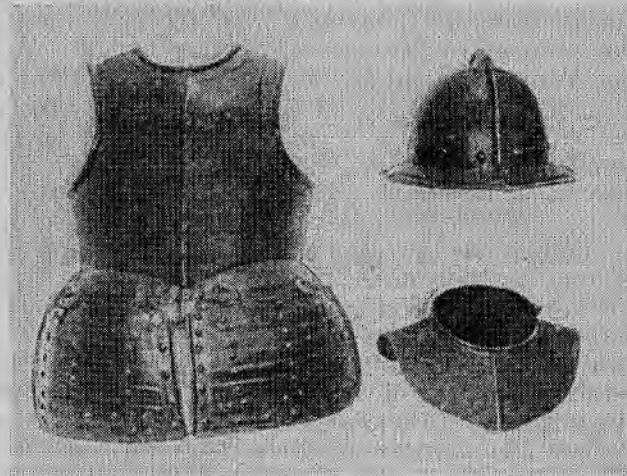
Для того, чтобы провести налоговую реформу, к 1678 г. была завершена перепись дворов. После этого правительство заменило существовавшее пососное обложение (соха — единица обложения, включавшая от 750 до 1800 десятин обрабатываемой земли в трех полях) подворным. Эта реформа увеличила число налогоплательщиков, и как следствие произошло пополнение казны. Теперь налоги взимались и с таких слоев населения, как «деловые люди» (холопы, работавшие в хозяйстве помещиков), бобыли (обедневшие крестьяне), сельские ремесленники и др. Незакрепощенные крестьяне, жившие в своих дворах и раньше не платившие налогов, также были обязаны платить налог. Для того, чтобы скрыть реальное количество дворов, землевладельцы объединялись. Это было связано с желанием не платить налоги.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Вооруженные силы Российского государства с течением времени постоянно реорганизовывались. Однако новые явления в порядке устройства вооруженных сил государства не приносили должного эффекта. Поместное дворянское войско комплектовалось как ополчение из дворян и детей боярских. Военная служба по-прежнему была обязательной для всех дворян. Согласно спискам дворяне и дети боярские собирались по своим уездам для смотра. В списки обычно вносились все дворяне, годные к службе, отсюда на-

звание «служилые люди». Против «нетчиков» (не явившихся на службу) государством начали приниматься меры взыскания. Летом дворянская конница обычно стояла у порубежных городов. Местом сбора конницы на юге был Белгород.

Для проведения быстрой мобилизации поместных войск традиционный порядок их сбора уже почти не годился. Кроме того, что сбор войск происходил крайне медленно, войско сопровождали огромные обозы и большое количество помещичьих слуг.

Доспехи полков нового строя в XVII в.

Более высокой оперативностью и боеспособностью, чем дворянская конница, отличались стрельцы — пешие воины, вооруженные огнестрельным оружием. Однако и стрелецкое войско ко второй половине XVII в. явно перестало отвечать требованиям государства иметь маневренную и боеспособную армию. В мирное время стрельцы были вынуждены совмещать военную службу с мелкой торговлей и промыслами, так как имели недостаточное хлебное и денежное жалованье. Торговые и промысловые интересы тесно связывали стрельцов с посадским населением и они принимали самое активное участие в городских волнениях XVII в., являясь иногда основной движущей силой в них.

Необходимость реформы военных сил России на новых началах остро ощущалась еще в первой половине XVII в. готовясь к войне за Смоленск, правительство ввезло из Швеции и Голландии новые виды огнестрельного оружия, наняло иноземных ратных людей и приступило к формированию русских полков «нового (иноземного) строя». Были подготовлены солдатские, рейтарские и драгунские полки. Обучение воинов этих воинских формирований производилось на основе передового военного искусства тогдашнего времени. В полки тщательно подбирались люди. Так, они комплектовались сначала из «вольных охочих людей», а затем из числа «даточных людей», набираемых с определенного количества крестьянских и посадских дворов. Даточные люди были обязаны служить пожизненно, т. е. они становились профессиональными военными. Введение единообразного вооружения в виде более легких, чем пищади, мушкетов и карабинов с кремневым замком повышало огневую мощь полков. Все вместе, включая организацию, вооружение и обучение, придавало полкам нового строя некоторые черты регулярной армии.

Растущая государственная казна позволяла неуклонно повышать расходы на содержание армии, увеличивать хлебное и денежное жалование воинам, а в общем делать армию одной из важнейших составных частей абсолютистского государства.

УНИЧТОЖЕНИЕ МЕСТНИЧЕСТВА

Царь не мог самочинно распоряжаться такой обширной страной, какой была Россия, управлять громадным населением без политической поддержки сословных групп общества. Концентрация власти в руках самодержца вызывала изменения структуры господствующего слоя феодалов, на который опиралось самодержавие. Верхушку феодалов составляла боярская аристократия, пополнявшая придворные чины. Под словом «чин» в то время понималось еще не служебное положение, а принадлежность к определенной группе населения. Высшими были также думные чины, затем следовали чины московские, за

ними — чины городовые. Все они входили в разряд служилых людей «по отечеству» в отличие от служилых людей «по прибору» (стрельцов, пушкарей, солдат и др.) Служилые люди по отечеству, или дворяне, начинали складываться в замкнутую группу с особыми привилегиями, которые передавались по наследству. С середины XVII в. эта своеобразная корпоративность была усилена тем, что был отменен переход приборных служилых людей в ряды дворян.

Для уничтожения возможности феодальных дрязг большое значение имела отмена местничества. Являясь одной из очень патриархальных форм феодальной привилегии, местничество пагубно отражалось на боеспособности армии. Бывали случаи, когда перед боем воеводы вместо решительных действий против неприятеля вступали в ссоры о том, кто из них выше «по месту». Для ликвидации различий между отдельными прослойками феодального сословия местничество было отменено. По словам указа об отмене местничества, в прошлые годы «во многих из государских ратных и в посольских, во всяких делах чинился от тех случаев пакости и нестроение и разрушение и неприятелем радование, а между ими — богу противное дело — нелюбовь и великие, продолжительные вражды». Отмена местничества (1682 г.) благоприятно повлияла на армию, усилила ее единоначалие, увеличила значение дворянства в государственном аппарате, так как местничество препятствовало выдвигению способных дворян на видные военные и административные посты.

ВЫСТУПЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН И ГОРОДСКИХ НИЗОВ

Крепостнические порядки всей своей тяжестью ложились на население, в основном на крестьян и на посадских людей.

Крестьянам приходилось особенно тяжело не только в хозяйственном, но и в правовом отношении. Крепостники при каждом удобном случае применяли физическое наказание. Помещичьи приказчики били крестьян плетью, заковывали в кандалы за любую провинность. Борьба крестьян проявлялась в стихий-

ных бунтах, в которых нередко происходили убийства помещиков, но в большинстве случаев крестьяне совершали массовые побеги. Крестьянский люд покидал насиженные места, был вынужден скрываться в отдаленные и малозаселенные области в Поволжье и на юге России, особенно на Дону.

В городе также общественный порядок часто нарушался из-за имущественных и социальных различий населения. Посадских людей правительство делило по зажиточности на «добрых» (или «лучших»), «средних» и «молодших». Большинство посадских людей, естественно, принадлежало к низшему сословию. К лучшим людям относились единицы. Им принадлежало наибольшее количество торговых лавок и промысловых заведений (салотопни, воскобойни, винокурни и пр.). Лучшие люди занимались ростовщичеством, часто опутывали долговыми обязательствами молодых людей и нередко их разоряли.

В правовом отношении острые противоречия между лучшими и молодшими посадскими людьми неизменно проявлялись при выборах земских старост. Староста ведал раскладкой податей и повинностей в посадской общине, и мог по своему усмотрению нагружать тех или иных членов общины податями. Молодые люди пытались провести в земские старосты своих кандидатов, но встречали организованный отпор со стороны городских богачей, обвинявших их в мятеже против царского правительства. Молодые посадские люди, «чающие истины» и «от всех злых избавления и от властительских всяких насильств», жгуче ненавидели городских «мироедов». Социальная напряженность из-за имущественного и правового неравенства выливалась в бунтах, мятежах и волнениях. Участие во всех восстаниях XVII в. принимали именно обездоленные городские низы, чьи жизненные интересы жестоко ущемлялись в обыденной жизни.

Феодально-крепостническое государство решительно подавляло всякую попытку протеста со стороны населения. Широко процветало доноительство. Доносчики сообщали воеводам и в приказы о «непригожих речах на государя». Те, кто признавал свою вину (часто под пыткой), подвергались наказанию кнутом на площади и ссылке в дальние города. Нередко

применялась смертная казнь. Выдержавшие трехразовую пытку выходили на свободу искалеченными. Одно из чудовищных проявлений абсолютистской деспотии «извет» (донос) по политическим делам был узаконен в России в XVII столетии.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ГОРОДСКИХ ВОССТАНИЙ

XVII век в России был веком крестьянских бунтов и кровавых городских восстаний. И действительно, в предшествовавшей истории России не было такого количества антикрепостнических выступлений, как в XVII столетии.

Напряженность в обществе, которая дала в результате городские восстания 1648—1650 гг., возникла из-за непримиримых противоречий между простыми работными людьми и боярами и правительственной администрацией. Продажность государственного аппарата вызывала всеобщее возмущение. Посадские люди вынуждены были давать воеводам и приказным людям взятки, «посулы». Ремесленников заставляли бесплатно работать на воевод и дьяков.

Движущими силами этих восстаний были молодые посадские люди и стрельцы. Восстания были городскими по преимуществу, но в некоторых районах деревни подключались к городу.

Волнения начались уже в последние годы царствования Михаила Романова, но вылились в форму восстаний при следующем царе Алексее Михайловиче. В первые годы его царствования делами в стране фактически заведовал царский воспитатель («дядька») — боярин Морозов. В своей финансовой политике Морозов опирался на купцов, с которыми был связан общими торговыми операциями, так как его обширные вотчины поставляли поташ, смолу и другие продукты для экспорта. С целью увеличения фискального сыска правительство по совету думного дьяка Н. Чистого в 1646 г. заменило прямые налоги налогом на соль. Цены на нее подскочили втрое. Подобный налог (габель) и во Франции вызывал в том же XVII в. повсеместные бунты.

Для снятия общественной напряженности соляной налог был отменен в декабре 1647 г., а правительство возобновило сбор прямых налогов — стрелецких и ямских денег. Для быстрого наполнения казны оно потребовало уплаты их за два года.

В Москве в первых числах июня 1648 г. во время крестного хода большая толпа посадских людей окружила царя и пыталась передать ему челобитье с жалобой на бояр и приказных людей. Стража рассеяла толпу челобитчиков. Но на следующий день к посадским людям примкнули стрельцы, также недовольные своим положением. Чернь ворвалась в Кремль, учинила погромы дворов некоторых бояр, стрелецких начальников, купцов и приказных людей. Думный дяк Чистой был умерщвлен в собственном доме. Восставшие вынудили правительство выдать Л. Плещеева, который ведал московским городским управлением, и Плещеев был прилюдно казнен на площади как преступник. Восставшие хотели казнить и Морозова, но царь тайно отправил его в один из северных монастырей. «Посадские люди всею Москвою», поддержанные стрельцами и холопами, заставили царя дать клятвенное обещание выполнить их требования.

По стране ходили слухи, что в столице «сильных побивают ослопьем да камнем». Вскоре восстания охватили ряд северных и южных городов — Великий Устюг, Чердынь, Козлов, Курск, Воронеж и др. В тех городах (в основном на юге), где посадское население было немногочисленным, восстания возглавили стрельцы. Крестьяне близлежащих деревень охотно присоединялись к восставшим. На Севере бунтовали посадские люди и черносошные крестьяне. Таким образом, городские восстания 1648 г. были связаны с движением крестьян, что указывает на их всенародный характер. В челобитье посадских людей, поданном царю Алексею во время московского восстания, говорилось: «Весь народ во всем Московском государстве и в его порубежных областях от такой неправды в шатость приходит, вследствие чего большая буря подымается в твоём царском стольном городе Москве и в иных многих местах, в городах и в уездах».

Немалое значение для поднятия боевого духа восставших имело то, что они были осведомлены об успехах освободительного движения на Украине под

предводительством Богдана Хмельницкого, которое началось весной того же 1648 г. Украинцы бунтовали не только против польского засилья, но и против социального угнетения.

«СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ» 1649 Г.

Принятие Соборного Уложения было одним из главных достижений царствования Алексея Михайловича. Вооруженным выступлением городских низов и стрельцов воспользовались дворяне и верхушка купечества, чтобы предъявить правительству сословные требования. В челобитьях дворяне требовали выдачи жалованья и отмены «урочных лет» для сыска беглых крестьян; гости и торговые люди добивались введения ограничений для торговли иностранцев. Они добивались также конфискации привилегированных городских слобод.

Требования дворян можно было удовлетворить в каждом отдельном случае, но волнения привели правящие круги в замешательство. Надо было решать накопившиеся проблемы разом. Уступая домогательствам дворян и верхушки посада, правительство созвало Земский собор для выработки нового судебного (уложения).

На Земский собор 1 сентября 1648 г. в Москву прибыли выборные от 121 города и уезда. На первом месте по количеству выборных стояли провинциальные дворяне (153 человека) и посадские люди (94 человека). «Соборное уложение» как новый свод законов было составлено особой комиссией, обсуждено Земским собором и напечатано в 1649 г. в количестве 2 тыс. экземпляров. По тем временам это был неслыханный тираж.

Основными документами, на базе которых составлялось «Уложение», были «Судебник 1550 г.», царские указы и «Литовский статут». 25 глав в «Уложении» были разделены на статьи. Вводная глава к «Уложению» устанавливала, чтобы «всяких чинов людем от большого и до меньшего чину суд и расправа была во всяких делах всем равна». Но в действительности «Уложение» утверждало сословные при-

вилегии дворян и верхушки посадского мира.

В «Уложении» подтверждалось право владельцев передавать поместье по наследству при условии, что новый помещик будет нести военную службу. Был запрещен дальнейший рост церковного землевладения. Крестьяне были окончательно закреплены за помещиками, а «урочные лета» отменены. Дворяне заимели право искать беглых крестьян в течение неограниченного времени.

«Уложение» запрещало феодалам и духовенству устраивать в городах свои так называемые белые слободы, где жили их зависимые люди. Поскольку они занимались торговлей и ремеслом, обязаны были иметь и посадское тягло.

Как мы видим, эти статьи «Уложения» удовлетворяли требования посадского населения, которые искали способов запретить белые слободы, население которых, необремененное посадским тяглом, успешно конкурировало с тяглецами черных слобод. Ликвидация частнособственнических слобод укрепляла город.

«Соборное уложение» почти на два века сделалось основным законодательным кодексом России. Правда, спустя некоторое время многие его статьи были отменены.

Для XVII в. это был грандиозный свод законов. Попытки принять новое «Уложение» делались потом при Петре I и Екатерине II, но оба раза безуспешно. Значение «Уложения» хорошо понимали и современники, и потомки. Очень показательны слова, сказанные князем Яковом Долгоруким Петру Великому: «Государь, в ином отец твой, в ином ты больше хвалы и благодарения достоин. Главные дела государей — три: первое — внутренняя расправа и главное дела важе есть правосудие; в сем отец твой больше нежели ты сделал».

Справедливость столь высокой оценки станет ясна, если вспомнить, что законодательный памятник, превзошедший «Уложение» царя Алексея Михайловича по полноте и юридической проработанности — «Свод законов Российской Империи» в пятнадцати томах, появился только в 1832 г., при Николае I. А до этого «Уложение» 180 лет оставалось полнейшим сводом российских законов.

По сравнению со своим предшественником — Судебником Ивана Грозного (1550) Соборное «Уложение», кроме уголовного права, включает также право государственное и гражданское, являясь, таким образом, несравнимо более полным кодексом. Гораздо внушительнее и его общий объем — текст «Уложения» включает в общей сложности 967 статей, разделенных на 25 глав.

Удивительна не только полнота, но и быстрота принятия кодекса. Весь этот обширный свод был разработан в проекте специально созданной по царскому указу комиссией князя Никиты Ивановича Одоевского, затем, как уже говорилось, обсужден на специально созванном для этого Земском соборе 1648 г., исправлен по многим статьям, а 29 января уже принят.

Тревожная атмосфера тогдашней жизни предопределила быстроту принятия «Уложения». Патриарх Никон говорил, что собор 1648 г. «был не по воле: боязни ради и междоусобия от восех черных людей, а не истинные правды ради».

Была и другая, внутренняя причина, стимулировавшая законотворческую деятельность в середине XVII в. Со времен Судебника 1550 г. приняли множество частных указов на разные случаи. Каждый такой случай рассматривался как прецедент для будущих судебных решений, так как не находил разрешения в старом Судебнике. Поэтому такие указы собирались в приказах, в каждом по своему роду деятельности, и затем записывались в «Указных книгах». Этими последними приказные люди руководствовались наряду с Судебником в административных и судебных делах. За сто лет набралось великое множество законоположений, рассеянных по разным приказам, иногда противоречащих друг другу. Это затрудняло приказную администрацию и порождало массу злоупотреблений, от которых страдали просители. Требовалось вместо массы отдельных законов иметь один кодекс.

Но причиной принятия «Уложения» были не только нужды систематизации и кодификации законов. Слишком многое изменилось, сдвинулось с мест в русском обществе после Смуты. Поэтому требовалось не простое обновление, а реформа законодательства, приведение его в соответствие с новыми условиями

жизни. Об этом прямо просили Земский собор челобитные от разных городов и сословий.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ «СУДЕБНОГО УЛОЖЕНИЯ» 1649 Г.

Каково же основное содержание этого юридического памятника?

Историк В. О. Ключевский отмечал, что «в расположении предметов законодательства пробивается желание изобразить государственный строй в вертикальном разрезе, от церкви и государя с его двором до казаков и корчмы, о чем говорят две последние главы». Специалист по древнерусскому праву М. Ф. Владимирский-Буданов (1838—1916) находил возможным разбить все главы «Уложения» на пять групп по отделам права:

- 1) главы I—IX — государственное право;
- 2) X—XIV — устав судоустройства и судопроизводства;
- 3) главы XV—XX — вещное право;
- 4) главы XXI—XXII — уголовное уложение;
- 5) главы XXIII—XXV — добавочная часть: о стрельцах, о казаках, о корчмах.

Но эта классификация удастся лишь с известной натяжкой, потому что такая группировка материала присутствует в лишенном композиционной стройности памятнике только как с трудом различимая тенденция, стремление к некоторой систематичности.

Так, например, первая глава «Уложения» содержит правовые нормы «о богохульниках и церковных мятежниках» — самом страшном преступлении, по мнению законодателей XVII в., ибо оно рассматривается даже раньше чем покушение на «государскую честь» и «государское здоровье». За хулу на Бога и Божию Матерь, честный крест или святых угодников согласно 1-й статье I главы «Уложения» виновного, независимо, русский ли он или иноверец, ждало сожжение на костре. Смерть грозила и всякому «бесчиннику», воспрепятствовавшему служению литургии. За всякие проводимые в храме бесчинства и беспорядки, к которым относилась и подача челобитий

царю и патриарху во время богослужения, полагались также суровые наказания, от торговой казни, (за «непристойные речи» во время совершения литургии) до тюремного заключения (подача челобитий, оскорбление кого-либо словом при богослужении). Но первой главой с ее девятью статьями узаконения по церковным вопросам не исчерпываются, они рассыпаны по всему тексту «Уложения». И в дальнейших главах мы находим постановления о присяге для людей духовного и мирного чина, о совращении православных в басурманство, об ограничении прав иноверцев, о самозванных попах и монахах, о браке, об охране церковных имуществ, о чести духовных лиц, почитании праздников и т. д. Все эти меры призваны были защищать честь и достоинство церкви. Но содержались в «Уложении» и пункты, вызвавшие сильное недовольство церковной иерархии. Согласно XI—II главе учреждался особый монастырский приказ, на который возлагался суд в отношении духовенства и зависимых от него людей (патриарших и монастырских крестьян, слуг, церковный причт и т. п.). До этого суд по недуховным делам в отношении духовенства осуществлялся в Приказе Большого двorca. Духовные вотчинники здесь, минуя общегосударственные учреждения, подлежали суду самого царя. Теперь же духовенство лишалось судебных привилегий, причем сделано это было по челобитным выборных людей. По этим же челобитным подвергалось существенному ограничению и церковное землевладение. Принадлежавшие церковным властям слободы и вотчины были взяты «за государя в тягло и в службы безлетно и бесповоротно».

Далее, всем духовным лицам и учреждениям категорически запрещалось каким бы то ни было способом приобретать вотчины и мирским людям отдавать вотчины в монастыри (гл. XVII, ст. 42). С точки зрения государства это способствовало дальнейшей централизации и укреплению самодержавной власти. Но положения нового кодекса вызвали сопротивление духовенства и ожесточенную критику с его стороны. Ведь «Уложение» лишило высшее духовенство, за исключением патриарха, судебных привилегий. В ведение Монастырского приказа передавались все церковные и монастырские земли.

Недовольный «Уложением» патриарх Никон называл его не иначе как «беззаконной книгой», а первого главу Монастырского приказа, князя В. И. Одоевского, «новым Лютером». В итоге напряженной борьбы духовная власть одолела светскую: сначала, уже после удаления Никона от дел, в 1667 г. был отменен светский суд в отношении духовенства, а в 1677 г. упразднили и Монастырский приказ.

В «Уложении» много внимания уделялось и некоторым социальным вопросам. В Смуте силой, обеспечившей окончательную победу над внешними и внутренними врагами, были сословия служилых людей и жителей посадов. XVI и XVII главы «Уложения» были посвящены упорядочению запутанных в годы «московского разорения» земельных отношений. Кто-то тогда утратил крепости на свои владения, кто-то получил их от самозванцев. В новом законодательном своде устанавливалось, что вотчинами имеют право владеть только служилые люди и гости. Таким образом, собственность на землю становилась сословной привилегией дворянства и верхушки купечества. В интересах дворянства «Уложение» сглаживает разницу между условным владением — поместьем (на условии и на время службы) и наследственным — вотчиной. Отныне поместья можно менять на вотчины и наоборот. Челобитьям посадских людей удовлетворяла специально посвященная им XIX глава. Согласно ей посадское население обособлялось в замкнутое сословие и прикреплялось к посаду. Все его жители должны были нести тягло — то есть платить определенные подати и исполнять повинности в пользу государства. Из посада теперь нельзя было уйти, зато и войти можно было только при условии вступления в тяглую общину. Это положение удовлетворяло требования посадских людей оградить их от конкуренции разных чинов людей, которые, происходя из служилых, духовных, крестьян, торговали и занимались разными промыслами близ посадов, в то же время не имели тягло. Теперь все, кто занимался торгами и промыслами, обращались в вечное посадское тягло. Одновременно свободные ранее от тягла «белые слободы» (обеленные, т. е. освобожденные от податей и повинностей государству), принадлежавшие светским феодалам и церкви, безвозмездно прикрепля-

лись к государевым посадкам. Подлежали возвращению на посады все самовольно оттуда ушедшие. Их предписывалось «свозити на старые их посадские места, где кто жил наперед сего, безлетно и бесповоротно». Таким образом, по точной характеристике В. О. Ключевского, «посадское тягло с торгов и промыслов стало сословной повинностью посадского населения, а право городского торгова и промысла его сословной привилегией». Надо только добавить, что это зафиксированное законом положение не было до конца реализовано на практике. И весь XVII в. посадские люди продолжали ходатайствовать о ликвидации «белых мест», расширении городских территорий, запрещении крестьянам заниматься торгами и промыслами.

По-новому регулировался в «Уложении» и крестьянский вопрос. XI глава («Суд о крестьянах») отменяла установленные в 1597 г. «урочные лета» — пятилетний срок для сыска беглых крестьян, после которого поиски прекращались и фактически сохранялась хоть малая лазейка для выхода из крепостного состояния, пусть путем бегства. По «Уложению» розыск беглецов становился бессрочным, а за их укрывательство устанавливался штраф в 10 рублей. Тем самым крестьяне окончательно прикреплялись к земле и завершалось юридическое оформление крепостного права. Принятие этих норм отвечало интересам служилых людей, активно участвовавших в Земском соборе 1648 г. Но особенно важно отметить, что по «Уложению» крестьяне, будучи безусловно одним из самых приниженных и угнетаемых сословий, обладали все же и некоторыми сословными правами. Беглым крестьянам категорически предписывались их имущественные права. Признанием личных прав являлось положение, согласно которому вступившие в брак в бегах крестьяне и крестьянки подлежали возврату владельцу только семьями.

Таковы лишь некоторые, важнейшие положения Соборного Уложения 1649 г. По сути, принятие этого свода законов было победой средних классов, проигрывавшие же их житейские соперники, стоявшие наверху и внизу тогдашней социальной лестницы.

Потерпевшие поражение на соборе 1648 г. московские бояре, дьяческая бюрократия и высшее духовен-

ство, напротив, остались недовольны «Уложением». Так, с ясностью обнаруживается, что созванный для умирения страны собор 1648 г. повел к разладу и неудовольствиям в московском обществе. Достижение своей цели соборные представители провинциального общества восстановили против себя сильных людей и крепостную массу. Если последняя, не мирясь с прикреплением к тяглу и к помещику, стала протестовать «гилем» (т. е. беспорядками) и выходом на Дон, готовя тем самым разинщину, — то общественная вершина избрала легальный путь действия и привела правительство к полному прекращению Земских соборов.

Действительно, после принявшего «Уложение» собора, кстати, самого полного за все время правления династии Романовых, новые соборы созывались еще только три раза, в 1650 г. — в связи с восстанием в Пскове, в 1651 и 1653 гг. — по поводу присоединения Малороссии. Собор 1 октября 1653 г. стал лебединой песней этого сословно-представительного органа; более соборы в Москве не созывались. Правда, земские люди несколько раз на протяжении XVII столетия требовали возрождения опального учреждения, но безрезультатно. Отныне верховная власть опиралась не на земское представительство, а на придворно-бюрократическую и приказную бюрократию. Началась бюрократизация управления, получившая логическое завершение при Петре Великом. Прекращение Земских соборов в России можно считать еще одной «упущенной» альтернативой российской истории. Ростки парламентаризма увяли, не принеся плодов. Тем важнее замечательный памятник законодательной деятельности соборов — «Уложение» 1649 г.

ПСКОВСКОЕ И НОВГОРОДСКОЕ ВОССТАНИЯ 1650 Г.

«Уложение» только частично удовлетворило широкие круги посадских людей. Новые восстания 1650 г. в Пскове и Новгороде показали, что молодые посадские люди и стрельцы по-прежнему находятся в бедственном положении.

Спекуляция хлебом, которая проводилась по пря-

мому предписанию властей, послужила поводом к восстанию. Правительству было выгодно взвинтить цены на хлеб, так как происходившая в это время расплата с шведами за перебежчиков в Россию из территорий, отошедших к Швеции по Столбовскому миру 1617 г., частично производилась хлебом по местным рыночным ценам.

Псковское восстание началось 28 февраля 1650 г., когда посадские люди и стрельцы взяли под стражу воеводу и организовали собственное правительство в Земской избе во главе с хлебником Гаврилой Демидовым. 15 марта восстание вспыхнуло в Новгороде. Таким образом, два больших города отказались повиноваться царскому правительству.

Палаты торговых людей Поганкиных
в Пскове.
XVII в.

Вскоре Новгород был вынужден покориться царскому воеводе князю И. Хованскому, который тотчас же посадил в тюрьму многих участников восстания. Псков продолжал бороться и отбивал нападения царского войска, безуспешно штурмовавшего стены города.

Правительство восставших псковичей, во главе с Гаврилой Демидовым, провело мероприятия в интересах городских низов. Земская изба взяла на учет

продовольственные запасы, принадлежавшие дворянам и кушам. Для организации обороны во главе военных сил, оборонявших город, были поставлены молодые посадские люди и стрельцы. Некоторые дворяне, уличенные в сношениях с царскими войсками, были казнены. Восставшие привлекли на свою сторону крестьян и посадских людей в пригородах. Большинство пригородов (Гдов, Остров и др.) подерживали псковичей. Началось крестьянское движение, охватившее громадную территорию от Пскова до Новгорода. Крестьяне жгли помещичьи усадьбы, нападали на небольшие дворянские отряды, тревожили тыл армии Хованского.

В Москве и других крупных городах было неспокойно. Население обсуждало слухи о псковских событиях и выражало не только симпатии к восставшим псковичам, но и свою готовность к вооруженной борьбе. Царское правительство, спасая ситуацию, созвало Земский собор. На этом соборе было решено отправить в Псков делегацию выборных людей. Обещая амнистию восставшим, делегация уговорила псковичей сложить оружие. Однако обещание было нарушено, и правительство отправило Демидова вместе с другими руководителями восстания в далекую ссылку.

«МЕДНЫЙ БУНТ»

Городское восстание, получившее название «медного бунта», произошло в Москве в 1662 г. Длительная и разорительная война России с Речью Посполитой (1654—1667), а также война с Швецией вызвали экономические затруднения. Недостаток серебряных денег вынудил правительство выпускать медную монету, приравненную по стоимости к серебряным деньгам. Первоначально медные деньги принимались охотно (их стали выпускать с 1654 г.), но медь стоила в 20 раз дешевле серебра, а медные деньги начали выпускаться бесконтрольно. Появились «воровские», фальшивые деньги. Они чеканились самими денежными мастерами, находившимися под покровительством царского тестя боярина Милославского.

То, что медные деньги постепенно начали падать в цене за одну серебряную деньгу стали давать 4, а потом 15 медных денег, означало провал монетаристской политики правительства. К тому же, правительство требовало уплаты налогов в казну серебряными монетами, тогда как жалованье ратным людям выдавалось медью. Серебро начало исчезать из обращения, а это повлекло за собой дальнейшее падение ценности медных денег.

От обращения медных денег в наибольшей степени страдали посадские люди и служилые люди по прибору: стрельцы, пушкарники и др. «На медные деньги не продают, серебряные негде взять!» — писалось в «подметных письмах», имевших хождение среди населения. Крестьяне перестали продавать хлеб и другое продовольствие на обесцененные медные деньги.

Русские серебряные монеты XVII в.

Цены на хлеб быстро подскочили, несмотря на имеющиеся запасы и довольно хорошие урожаи в те годы.

Летом 1662 г. посадские люди подняли бунт и разгромили в Москве некоторые боярские и купеческие дворы. Огромная толпа возмущенных простых людей пошла из города в подмосковное село Коломенское, где жил в это время царь Алексей. Люди требовали уменьшения налогов и отмены медных денег. «Тишайший царь» обещал расследовать дело о

медных деньгах, но тотчас же вероломно нарушил свое обещание. Подоспевшие на помощь царю войска учинили жестокую расправу с восставшими. Более 100 человек утонуло в Москва-реке во время бегства. Всего убитых, раненых, либо посаженных в тюрьму было больше 7 тыс. Опираясь на войска, царские чиновники приступили к выявлению зачинщиков бунта, которые были подвергнуты жесточайшим наказаниям и пыткам.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ XVII СТОЛЕТИЯ

Главные бунты и восстания XVII в. были вызваны совершенно конкретными обстоятельствами, вполне определенными ошибочными действиями властей (отсюда названия: Соляной — из-за чрезмерных налогов на соль, Чумной — спровоцированный страхом перед «морovým поветрием», усугубленным нерасторопностью московской администрации, Медный — из-за экономически непродуманной чеканки быстро обесценивающихся медных рублей в неоправданных количествах и т. п.). Несмотря на всю первоначальную агрессивность бунтовщиков, покончить с ними не составляло большого труда, отчасти удовлетворив требования, отчасти применив силу против узколокальных выступлений.

Совсем иной оборот приняло движение Степана Разина, которое в историографии советского периода принято было называть «крестьянской войной». Но это было действительно наиболее мощное восстание XVII в., и это была крестьянская война (1670—1671 гг.) под предводительством Степана Разина, война с наличием двух противостоящих армий, наличием военных планов и боевыми действиями, с вытекающими из них последствиями реальной угрозы московскому правительству. Война явилась прямым результатом обострения классовых противоречий в России во второй половине XVII в. Тяжелое положение крестьян приводило к усилению побегов на окраины. Крестьяне уходили в отдаленные места на Дон и Поволжье, туда, где они надеялись укрыться от гнета помещичьей эксплуатации. Донское казачество не

было социально однородным. «Домовитое» казачество по преимуществу жило в привольных местах по нижнему течению Дона с его богатыми рыбными угодьями. Оно неохотно принимало новых пришельцев, бедных («голутвенных») казаков. «Гольтыба» скапливалась главным образом на землях по верхнему течению Дона и его притоков, но и здесь положение беглых крестьян и холопов было обычно тяжелым, так как домовитые казаки запрещали им пахать землю, а новых промысловых мест для пришельцев не оставалось. Голутвенные казаки особенно страдали от недостатка хлеба на Дону. Таким образом, видно, что казачество не было однородным, и именно голутвенные казаки мечтали «добыть зипуны» — разжиться в набеге.

Большое количество беглых крестьян оседало также в районах Тамбова, Пензы, Симбирска. Здесь, на порожних землях, крестьяне основывали новые села и деревни. Но вслед за ними, чаще всего в поисках беглецов, немедленно шли помещики. Некоторые из помещиков получали от царя жалованные грамоты на якобы пустующие земли; крестьяне, осевшие на этих землях, опять попадали в крепостную зависимость от помещиков. В городах сосредотачивались гулящие люди, которые добывали пропитание случайными заработками. Среди них большинство было недовольно существующими порядками. Таким образом, гулящие люди вместе с обездоленными городскими низами представляли взрывоопасную массу, готовую в любую минуту к бунту.

Тяжелый колониальный гнет испытывали этнические группы Поволжья — мордва, чуваша, марийцы, татары. Русские помещики бесцеремонно захватывали их земли, рыбные ловли и охотничьи угодья. Государство устанавливало для «инородцев» налоги и повинности.

На Дону и в Поволжье в 60-е годы XVII столетия скопилось большое количество людей, враждебных крепостническому государству. Среди них было немало поселенцев, сосланных в дальние поволжские города за участие в восстаниях. Разумеется, это только увеличивало вероятность волнений, так как такие поселенцы имели опыт в разного рода выступлениях против правительства и воевод. Кроме того, лозунги

Разина им были по душе, потому как бывшие бунтовщики нашли в нем выразителя своих интересов.

Как уже говорилось, сельского хозяйства в XVII в. на Дону почти не существовало и иметь пашню и сеять хлеб запрещалось под страхом смертной казни, и казаки могли кормиться только не слишком частыми посылками хлеба из Москвы в качестве государева жалованья, также лихие набеги в земли враждебного России крымского ханства или грабеж турецких владений на Черном и Азовском морях давали определенный прикорм. Однако походы туда становились очень трудными: в 1660 г. турки и татары закрыли путь в Азовское море. Оставалась одна возможность: путем вооруженного разбоя улучшить имущественное положение — пройдя вниз по Дону, а затем по Волге выйти в Хвалынское (т. е. Каспийское) море, с тем, чтобы поживиться в сказочно богатых персидских землях.

Правда, московское правительство, закрывавшее глаза на действия против враждебных Крыма и Турции, совсем не одобряло действий против вполне лояльной к России Персии, бывшей к тому же выгодным торговым партнером. Тут было неизбежно столкновение с государством, которое имело в устье Волги мощную крепость Астрахань, закрывавшую выход на Каспий.

АТАМАН ВАСИЛИЙ УС

О том, что на Дону накопилось много народу, свидетельствовал поход под Москву донского атамана Василия Уса. В июне 1666 г. т. е. за 4 года до начала разинщины, его отряд в несколько сотен человек выступил с Дона, желая поступить на службу к царю. У Тулы казаки остановились и послали в столицу для переговоров особое посольство, или, по-казацки, станицу. Правительство, не нуждавшееся в услугах воинства Васьки Уса, предложило ему вернуться на Дон. Тогда, атаман, посоветовавшись с казаками, послал новую станицу.

А пока велись переговоры, многие голутвенные казаки из числа усовцев, еще недавно бывшие крестья-

нами и холопами в Центральной России, подбивали земляков вступать в их отряд. И он рос как снежный ком, очень быстро достигнув нескольких тысяч человек за счет беглых.

Мирный поход перерастал в бунт. С Дона на соединение с Усом выступил еще один отряд. Царь созвал Думу, которая предложила казакам вернуться на Дон, но оставить беглых. Последний пункт противоречил казачьим традициям. Поскольку против усовцев выступили войска во главе с князем Ю. Н. Барятинским, казаки ушли на Дон со своим атаманом, который так и не исполнил ни одного из требований бояр, уведя с собой беглых. Васька Ус исчез, чтобы через некоторое время явиться среди подручных уже другого атамана. Этим атаманом был Степан Тимофеевич Разин.

СТЕПАН ТИМОФЕЕВИЧ РАЗИН

Точный год его рождения неизвестен. Его отец, Тимофей, по прозвищу Разя, пришел на Дон из Воронежца. Он не раз ходил в походы, участвовал в знаменитом Азовском сидении, когда с 1637 по 1642 г. казаки удерживали на свой страх и риск, без помощи Москвы, захваченный ими Азов. Благодаря своим заслугам он стал домовитым, т. е. зажиточным казаком. Есть сведения, что первой женой его была захваченная в плен турчанка, от нее родились три сына — Иван, Степан, Флор. Судьба старшего брата Разина сложилась трагически: во время польской войны он не послушался полкового воеводы Юрия Долгорукого и самовольно со своими казаками вернулся на Дон из тяжелого похода. Воевода, не посчитавшись с казачьими традициями вольной службы государству, его казнил. Возможно, эта казнь сыграла свою роль в появлении у его брата Степана ненависти к боярам.

Средний сын Разина, вскоре после смерти отца, отправился на богомолье в Соловки (1652). Тем самым он исполнял обет соловецким чудотворцам, данный его батюшкой. По дороге он побывал и в столице, куда приезжал еще два раза (в 1658 и 1661 гг.) Донские власти отправляли его на переговоры с мос-

ковскими боярами и калмыцкими князьями-тайшами. Для посольских дел очень подходили его ум, сноровка, знание нескольких иностранных языков. Степан был и удачливым военачальником. В 1663 г. он командовал отрядом донцов, которые вместе с запорожцами и калмыками ходили против крымских татар и разгромили их под Перекопом.

Степан Разин.
С английской гравюры 1672 г.

К моменту, когда Разин стал собирать свою ватагу, ему было около 40 лет. Несмотря на принадлежность к зажиточным (домовитым) казакам (он даже был крестником донского атамана Корнилы Яковлева), он сделал ставку на гольгтыбу.

Ища объяснение странным превращениям Разина из богомольца и паломника в разбойничьего атамана, С. М. Соловьев пишет: «Разин был истый казак, один

из тех стародавних русских людей, тех богатырей, которых народное представление объединяет с казаками, которым обилие сил не давало сидеть дома и влекло в вольные казаки, на широкое раздолье в степь, и на другое широкое раздолье — море, или, по крайней мере, на Волгу-матушку. Мы уже видели, что это был за человек Разин; весною сходит он в посольство к калмыкам, а осенью готов уже идти на богомолье на противоположный край света, к Соловецким: «Много было бито, граблено, надо душу спасти!» Воротился Разин с богомолья на Дон, на Дону тесно, точно в клетке, а искателей зипунов, гольгтыбы, накопилось множество. Все они, и русские, и казаки, и хохлачи, говорили, им идти на Волгу воровать...».

И вот Разин призывает гольгтыбу, «сударей, голь кабацкую» «гулять на синее море» и грабежом «басурманских кораблей» доставить себе «казны сколько надобно». Но крестный отец Степана атаман Корнило Яковлев не пустил «воровское собрание» идти в Азовское море. Это было бы нарушением мира с Турцией. И тогда в середине мая 1667 г. отряд Разина отправляется на Волгу.

Таким образом было положено начало крестьянской войны. И причина этого начала не только в том, что голутвенные казаки пытались предпринять поход к берегам Крыма и Турции, а домовитое казачество помешало им прорваться к морю, боясь военного столкновения с турками.

Когда казаки во главе с атаманом Степаном Тимофеевичем Разиным пробрались на Волгу и поблизости от Царицына захватили караван судов, шедший в Астрахань, то это означало не только начало неповиновения правительству, но и вооруженный разбой.

Нападение на купеческие суда произошло возле урочища Каравайные Горы. Среди судов находились корабли, принадлежавшие царю, патриарху и богатому московскому купцу В. Шорину. Вот как описывает результат встречи каравана с разинцами С. М. Соловьев: «Ладья с государственным хлебом шла ко дну, начальные люди лежали изрубленные, с почернелыми от огненной пытки телами, или качались на виселицах, старинный соловецкий богомолец сам переломил руку у монаха патриаршеского». Ссылных, плывших в караване в Астрахань на посе-

ление, освободили, а их провожатого Разин велел раздеть и посадить на песок с государевой казной и так оставить, потехи ради. Работникам был предложен выбор: идти своей дорогой или стать казаками и отправиться с Разиным. Почти все они, равно как и стрельцы, присоединились к атаману.

Попытки правительственных войск остановить Разина оказались неудачными. Разбив несколько стрелецких отрядов, Разин беспрепятственно проплыл мимо Царыцина и Астрахани. Казаки вошли в Каспийское море и направились к устью реки Яика (Урала). Разин занял Яицкий городок (1667 г.), к его войску присоединились многие яицкие казаки.

Городок взяли хитростью: «...старый богомолец, взявши с собой сорок человек, подошел к воротам Яицкого городка и послал к стрелецкому голове Яцыну, чтоб пустил их в церковь помолиться; Разин с товарищами был впущен, ворота за ним заперли, но он уже был хозяин в городке; товарищи его отперли ворота и впустили остальную толпу; Яцын с своими стрельцами не сопротивлялся, но и не приставал явно к вора́м. Это не понравилось атаману: вырыли глубокую яму, у ямы стоял стрелец Чикмаз и вершил суд своих товарищей, начиная с Яцына: сто семьдесят трупов попадало в Яму». (С. М. Соловьев). Оставшимся было, как и в предыдущем случае, предложено сделать выбор: идти со Стенькой или ехать в Астрахань. Некоторые стрельцы остались с Разиным, но другие, поверив атаману, ушли. Разгневанный, тот послал за ними погоню. Одних стрельцов порубили, других потопили, лишь немногие сумели спрятаться в прибрежных камышах. В Яицком городке разинцы зимовали. Осень и зима прошли в бесплодных попытках правительственных сил, где кнутом, где пряником, урезонить казаков, заставить вернуться на Дон и перестать воровать. 23 марта 1668 г. Разин вышел на Каспий и вдоль западного берега сначала поплыл на юг, воевать с дагестанскими татарами. Эти подданные персидского шаха были особенно ненавистны казакам за бесчеловечное отношение к обращаемым в рабов христианам.

Всего во флоте Разина было около 24 судов. Под городом Тарки (западное побережье Каспия) к Разину присоединился пришедший с Дона Сережка Кри-

вой с отрядом в 700 человек. Объединенные силы двинулись на Дербент. Разорив Каспийское побережье от Дербента до Баку, казаки достигли Решта.

Все набеги совершались с моря, и казаки несли очень малые потери. Но под Рештом их ждало большое персидское войско. Тогда Разин прибег к уже не раз испытанному обману. Он заявил «шаховым служилым людям», что казаки «хотят быть у шаха в вечном холопстве». В устах детей вольного Дона это звучало откровенным издевательством, но не знавший российских реалий начальник Решта поверил этому намерению, как затем и сам шах, который, не решив вопрос положительно, приказал казакам ждать и даже велел выдавать разинцам по 150—200 рублей в день на «кормы».

Во время переговоров персы внезапно напали на казаков, предававшихся неумеренному винопитию, и убили 400 человек. В ответ казаки разгромили город Ферахабад.

Это была продуманная месть, поскольку по прибытию в этот город Разин заявил, что будет торговать. Пять дней казаки и вправду торговали, но на шестой день Стенька дал сигнал к нападению, заломив шапку на голове. Город был разграблен и сожжен дотла.

Затем, разгромив Астрабад, казаки зазимовали близ «потешного дворца шаха», устроив земляной городок в его лесном заповеднике на полуострове Миян-Кале. Здесь происходил обмен пленными: за четырех казаков давали одного перса.

Тем временем шах готовил флот под надзором некоего немца и думал с ним в следующий год укротить казаков. Весной следующего 1669 г. отряд Разина перешел на Свиной остров (южнее Баку) и пробыл там десять недель.

В июле появился флот шаха, состоящий из 50 судов и 3700 человек. Произошел морской бой, один из самых удачных для Разина. Из шахского флота остались лишь три корабля, сам Мамед-хан едва избежал плена, но в руки казаков попал его сын Шабын-Дебей (в русских источниках — Шабалда). По преданию, среди пленных была и его сестра, красавица княжна, которую Стенька потом якобы бросил в Волгу. Но упоминание о прекрасной персиянке есть только у

голландца Яна Стейса. Зато в челобитной Шабалды нет ни слова о сестре...

Казачи славно погуляли на Каспии, но пора было и честь знать. Что, если шах соберет войско больше прежнего? Сказывались также усталость, значительные потери. Казачий круг постановил возвращаться домой. Но как возвратиться через области, где разинцы прошли огнем и мечом? Приходилось принести покаяние государству. С другой стороны, и астраханские власти хотели пойти с Разиным на мировую, сомневаясь в надежности своих стрельцов и опасаясь народной любви к удачливому атаману. Из Москвы пришла «милостивая» царская грамота. Познакомившись с ней, донцы били челом государю «вины их им отдать» и «на Дон их отпустить с пожитками». 22 августа разинцы появились в приказной избе, Стенька, демонстрируя лояльность, положил бунчук и десять знамен, отдал часть пушек и пленных.

Одновременно Разин получил прекрасную возможность ознакомиться с укреплениями Астрахани, узнать о настроении горожан, среди которых было немало его сторонников.

4 сентября разинцы покинули Астрахань и отправились на Дон. По дороге они выпустили из тюрем всех колодников, а воеводу Унковского «бранили и за бороду таскали в приказной избе», главным образом, за то, что тот, опасаясь пьянства среди удалых казаков, приказал продавать вино вдвое дороже.

В начале октября 1669 г. Разин вернулся на Дон. Он выбрал место между станицами Кагальницкой и Ведерниковской, на острове, где устроил обнесенный земляным валом городок Кагальник. Со всех сторон стекались к нему голутвенные казаки, беглые и гуляющие люди. К маю 1670 г. в нем уже было 4—5 тыс. человек. Фактически на Дону установилось двоевластие. В Черкасске — атаман Корнило Яковлев, в Кагальнике — Степан Разин.

Все попытки разведать, что на этот раз готовит Стенька, ни к чему не привели. Царицынский воевода доносил в Москву: «...и приказывает Стенька своим казакам беспрестанно, чтоб они были готовы, и какая у него мысль, про то и казаки немного сведают, и ни которыми мерами у них, воровских казаков, мысли доведаться немочно».

ПЕРЕРАСТАНИЕ БУНТА В КРЕСТЬЯНСКУЮ ВОЙНУ

Но к весне стало известно, что Разин решил: «Итить мне Волгою з казаками с бояры повидатца!» С. М. Соловьев так реконструирует возможную логику этого решения идти уже не против персов, а против царских воевод: «Что ему было делать с своею силою? Она исчезнет без употребления, исчезнет и значение Разина, его атаманство. Но куда употребить силу? К Азову турки не пустят; опять пробиться на Каспийское — можно, но как возвращаться? В другой раз уже не обмануть государство! И вот Стенька опрокидывается на государство: где же средства для борьбы? Поднять всех голутвенных против бояр и воевод, поднять крестьян и холопов против господ. Васька Ус уже указал дорогу». В то же время, как пишет современный историк: «Разин и сейчас и в будущем старается показать всем, что он послушен царю, чтит его; выступает же против бояр, причем не всех, а только «плохих», «изменников», тех, кто чинит насилия, угнетает простых людей».

К тому же удачный морской поход на Яик и к берегам Ирана резко повысил авторитет Разина среди населения Дона и Поволжья. Беглые крестьяне и холопы, гулящие люди, угнетенные народы Поволжья только и ждали сигнала для того, чтобы поднять открытое восстание против своих угнетателей. Неудивительно появление весной 1670 г. Разина на Волге с 5-тысячным казацким войском. Астрахань открыла ему ворота; стрельцы и посадские люди всюду переходили на сторону казаков. На этом этапе движение Разина переросло рамки похода 1667—1669 гг. и вылилось в мощную крестьянскую войну.

Разин с основными силами пошел вверх по Волге. Уже в мае 1670 г. разинцы осадили Царицын. Жители подняли восстание и открыли ворота. Воевода Т. Тургенев (сменивший А. Унковского) заперся с племянником, слугами и горсткой стрельцов в башне. «В городе начались пиры, попойки с казаками, сам Разин приехал в город и угостился допьяна. В этом виде он повел казаков на приступ к башне и взял ее после долгого боя. Несчастный Тургенев достался живым казакам, и на другой день они угостили себя приятным зрелищем: привели Тургенева на

веревке к реке, прокололи копьем и утопили». (С. М. Соловьев).

Под Царицыном войско Разина выросло до 10 тыс. человек. Вскоре стало известно, что на помощь Царицыну выслан стрелецкий отряд И. Лопатина в 1000 человек из Москвы, а из Астрахани движется 5-тысячное войско С. Львова. Сначала Разин внезапно атаковал и разбил отряд Лопатина, а затем покончил и с отрядом Львова, большая часть которого перешла на сторону казаков. Если Лопатин был убит, то за Львова ходатайствовал сам Разин. Дело в том, что по возвращении Разина из персидского похода князь Семен Иванович был щедр на угощение атамана и даже подарил ему икону Божией Матери, став, по русскому обычаю, его названным отцом.

После Царицына Разин хотел идти в верхние государевы города, но, получив весть о том, что «свои» с нетерпением ждут его в Астрахани, двинулся туда. Астраханский воевода Прозоровский, как мог, укрепил город с помощью немца Бутлера, капитана первого русского корабля «Орел», стоявшего на Волге, и полковника-англичанина Фомы Бойля, но на стрельцов особо рассчитывать не приходилось. К тому же были и зловещие знамения. 13 июня караульные стрельцы видели, как над Астраханью «отворилось небо и на город посыпались печные искры». Об этом рассказали митрополиту Астраханскому Иосифу. Он заплакал и, вернувшись от заутрени в келью, сказал: «Излиялся с небеси фиал гнева Божия». Коренной астраханец, владыка не ждал ничего хорошего от казаков, он помнил, как в Смутное время они бесчестили тогдашнего архиепископа Феодосия. Митрополит и сам носил след того времени: голова его постоянно тряслась от удара, нанесенного ему, тогда 8-летнему мальчику, казаками Заруцкого.

Вскоре заговорили о новом знамении: караульные стрельцы и сам митрополит видели в небе рано поутру три разноцветных, словно радуга, столба, а над ними три венца.

22 июня разинцы подступили к городу, а 23-го начали приступ. Впрочем, он меньше всего походил на штурм — воеводу Прозоровского с верными людьми разинцы отвлекли к Вознесенским воротам, а сами поставили осадные лестницы в другом месте, где

астраханские стрельцы подавали казакам руки и помогали перелезть стену. Повторилась ситуация что и в Царицыне: только воевода и его окружение оказали сопротивление. Последним убежищем оборонявшихся оказался городской собор. Здесь они заперлись вместе с женами и детьми. Сюда принесли на ковре раненного в живот Прозоровского. Митрополит Иосиф исповедовал и причастил несчастного, готовя к мученическому концу. Тот был близок: казаки уже ломали двери собора, запертые железной решеткой. Фрол Дура, пятидесятник конных стрельцов, пытавшийся защищать вход, был изрублен в куски. Выстрелом из самопала убили на руках матери полуторагодовалого ребенка. Прозоровского, дьяка, голов стрельцких, дворян и детей боярских посадили под стенами в ожидании суда. Вот как описывает суд и расправу атамана Н. И. Костомаров: «В восемь часов явился Стенька на суд. Он начал с Прозоровского, приподнял его за руку и вывел на раскат. Все видели, как Стенька сказал что-то воеводе на ухо, тот отрицательно покачал головой; вслед за тем Стенька толкнул воеводу с раската головой вниз. Дошла очередь и до связанных, которых было около четырехсот пятидесяти человек. Всех приказал перебить Стенька. Чернь исполнила приговор атамана; по его приказанию, тела были свезены в Троицкий монастырь и погребены в одной общей могиле. Тут было и тело Прозоровского.

Вслед за этой расправой, Стенька, не терпевший ничего писаного, приказал вытащить из приказной палаты все бумаги и сжечь на площади. «Вот,— говорил он,— я сожгу так все дела наверху у государя».

Имущество убитых было поделено между козаками и приставшими к ним стрельцами и астраханскими жителями. Ограблены были церкви и торговые дворы; товар также делили.

Астрахань была обращена в козачество. Стенька пробыл в этом городе три недели и почти каждый день бывал пьян. Он обрекал на мучения и смерть всякого, кто имел несчастье не угодить народу. Тех резали, тех топили, иным рубили руки и ноги, пускали ползать и истекать кровью».

Судьба оставшихся в живых вдов дворян, детей боярских и приказных была не многим слаще, чем у их

несчастных мужей и родителей. Атаман приказал их разобрать в жены своим казакам, а священников заставил их венчать.

Перед уходом из Астрахани Стенька устроил еще одну потеху. Он отнял у княгини Прозоровской двоих сыновей 16 и 18 лет и приказал повесить их вниз головой на городской стене. Рядом висел подвешенный за ребро подъячий. На другой день тело старшего Прозоровского было велено сбросить со стены, младшего, едва живого, высекли и вернули матери.

Оставив в Астрахани атаманом Ваську Уса, Разин двинулся вверх по Волге.

Его войско насчитывало теперь до 10 тысяч человек. Во встречающихся селениях повторялось то, что было в Царицыне и Астрахани, — горожане и стрельцы переходили на сторону атамана, пытавшаяся сопротивляться администрация уничтожалась.

Саратов и Самара встретили восставших с колокольным звоном, хлебом и солью.

Посланцы Разина разносили по всему Российскому государству разинские «прелестные грамоты». В них он писал, что идет истреблять изменников-бояр и приказных людей, «постоять за великого государя». Тем самым движению придавалась форма законности. На обитой красным бархатом барке везли юношу-самозванца, который выдавал себя за царевича Алексея Алексеевича, на самом деле незадолго до описываемых событий умершего. На шитой черным бархатом барке будто бы везли патриарха Никона. Оба эти лица, дескать, пострадали от бояр, и вот Разин идет с ними в Москву восстанавливать справедливость.

По всему Поволжью полыхало пламя бунта. В Симбирском уезде действовали атаманы Разина Осипов и Харитонов, старица Алена-монахиня, сменившая иноческое послушание на роль предводительницы восставших крестьян. Убивали помещиков, жгли их дома. Сотни тысяч крестьян вливались в разинское войско. Во взятых городах Разин вводил казачье управление: жители делились на тысячи, сотни и десятки с выборными атаманами, есаулами, сотниками и десятниками, все вопросы решал круг — нечто типа древнего вече.

4 сентября Разин появился под Симбирском. Там

был сильный гарнизон под началом боярина Ивана Милославского. Из Казани еще 31 августа к Симбирску пришел отряд Юрия Барятинского. Жители города впустили разинцев в посад, но взять хорошо укрепленный кремль они не могли. Таким образом под укрепленным Симбирском войско задержалось надолго.

К северу и к западу от этого города уже бушевала крестьянская война. Большой отряд восставших под командой Михаила Харитонова взял Корсунь, Саранск, овладел Пензой. Объединившись с отрядом Василия Федорова, он направился к Шацку. Русские крестьяне, мордва, чуваша, татары поднимались на войну почти поголовно, даже не дожидаясь прихода отрядов Разина. Крестьянская война все ближе подступала к Москве. Казацкие атаманы овладели Алатырем, Темниковом, Курмашем. К восстанию примкнули Козьмодемьянск и промысловое село Лысково на Волге. Казаки и лысковцы заняли укрепленный Макарьев монастырь в непосредственной близости от Нижнего Новгорода.

На верхнем течении Дона военными действиями восставших руководил брат Степана Разина Фрол. Восстание распространилось на земли к югу от Белгорода, населенные украинцами и носившие название Слободской Украины. Всюду «мужики», как называли крестьян царские документы, подымались с оружием в руках и вместе с угнетенными народами Поволжья ожесточенно сражались против крепостников. Город Цивильск в Чувашии осаждали «русские люди и чуваша».

Дворяне Шацкого уезда жаловались, что они не могли пройти к царским воеводам «от шатости изменников-мужиков». В районе Кадома такие же «изменники-мужики» устроили засеку для того, чтобы задержать царские войска.

ФИНАЛ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ СТЕПАНА РАЗИНА

Крестьянская война 1670—1671 гг. охватила большую территорию. Лозунги Разина и его сподвижни-

ков поднимали на борьбу угнетенные слои общества, составленные разинцами «прелестные грамоты» призывали всех «кабальных и опальных» покончить с мирскими кровопийцами, присоединиться к войску Разина. По рассказу очевидца восстания, Разин говорил крестьянам и посадским людям в Астрахани: «За дело, братцы. Ныне отомстим тиранам, которые до сих пор держали вас в неволе хуже, чем турки или язычники. Я пришел дать вам свободу и избавление».

В ряды восставших вливались донские и запорожские казаки, крестьяне и холопы, молодые посадские люди, служилые люди по прибору, мордва, чуваша, марийцы, татары. Всех их объединяла общая цель — борьба против крепостнического гнета. В городах, перешедших на сторону Разина, воеводская власть уничтожалась и управление городом переходило в руки выборных. Однако, борясь против феодального гнета, восставшие оставались царистами, стояли за «хорошего царя».

Крестьянская война заставила царское правительство мобилизовать все свои силы для ее подавления. Под Москвой в течение восьми дней производился смотр 60-тысячного дворянского войска. В самой Москве был установлен строгий полицейский режим, так как боялись волнений городских низов.

Около месяца осаждал Разин Симбирск, и решительное столкновение между восставшими и царскими войсками произошло под Симбирском. В отряды к Разину стекались большие подкрепления из татар, чувашей и мордвы, но осада города затянулась, и это позволило царским воеводам собрать большие силы.

1 октября в двух верстах от города, у реки Свяги, произошла битва с отрядом Бярятинского. Восставшие оказали отчаянное сопротивление его отряду, где были солдаты, обученные по-европейски. Это были так называемые полки иноземного строя. Против них наиболее упорно сражались донцы. Сам Разин получил сабельный удар по голове и пулевое ранение в ногу, находясь в самой гуще схватки.

Утром 3 октября 1670 г. Бярятинский подошел к Симбирску и освободил Милославского. Возможно, он и не имел бы успеха, если бы не хитрость. При наступлении ночи Бярятинский послал один из своих

полков за Свягу, чтобы имитировать приход подкреплений, напугать Разина и предотвратить возможную ночную атаку из Симбирска.

Хитрость удалась. Раненый в ногу и голову в предыдущем сражении, Разин неверно оценил обстановку и бежал с донцами на стругах по Волге, бросив остальных повстанцев, рассчитывая набрать новое войско.

Бярятинский и запертый гарнизон Симбирска, наступая с двух сторон, сумели разгромить лишенных предводителя разинцев. Н. И. Костомаров отмечал по поводу этой победы, что «Бярятинский, одержав ее, спас русский престол». Того же мнения придерживался и С. М. Соловьев. В самом деле, падение Симбирска открыло бы дорогу на Казань и далее, через Нижний Новгород, в Москву. В это время на огромном пространстве от Симбирска до Нижнего полыхали восстания, которые не без труда подавили царские воеводы.

Впрочем, трудно было ожидать от привыкшего к «налетам и наскокам» казака правильной осады Симбирска и от разношерстного и плохо вооруженного войска высокой стойкости и выдержки.

Под Симбирском правительственные войска учинили жуткую расправу: до шести сотен пленных казнили, весь берег был покрыт виселицами.

Тем временем Разин не оставлял надежд на продолжение борьбы. Он снова ушел на Дон в Кагальник и надеялся, собравшись с силами, вновь двинуть на Русь. Врагов, попавшихся ему в плен, атаман приказывал сжигать в печках. В феврале 1671 г. он подошел к Черкасску, но его не пустили в город. Теперь большинство казаков не верило в удачливость атамана-«чародея», который и пушек не боится, и пули заговаривает. К. Яковлев овладел положением и переписьвался с Москвой, обещая вскоре учинить промысел над Стенькой. В Москве, в Неделю Православия, его предали анафеме.

14 апреля старые казаки сожгли Кагальник и захватили в плен Степана и Фрола Разиных. В июне на специально приготовленной колеснице позора Степана ввезли в Москву. На большой телеге, запряженной тремя конями, стояла виселица. К ее перекладине привязан был цепью переодетый в рубище ата-

ман. Руки его прикреплены были к поперечным столбам виселицы, ноги скованы. За телегой должен был бежать прикованный цепью за шею Фрол.

В Земском приказе Разиных ждали страшные пытки. Сначала вздернули на дыбу, потом они были биты кнутом. Потом Стеньку положили спиной на горячие угли. Наконец, выбрив темя, стали по капле лить холодную воду. Все эти жуткие мучения Степан переносил без единого стога, так и не дав никаких показаний. Фрол был менее мужествен, и старший брат подбадривал его шутками.

Не потерял полного присутствия духа Степан Разин и в день казни на Красной площади. Его приговорили к четвертованию. Сначала палач отрубил ему правую руку по локоть, потом левую ногу по колено. Он даже не вскрикнул. Потрясенный страшным зрелищем, Фрол, приговоренный к той же казни, желая спасти себя, крикнул: «Слово и дело». Смертный приговор ему отсрочили, потому что он обещал указать какие-то клады, которые так и не нашли. Впоследствии Фрол остался в пожизненном заключении.

Услышав вопль брата, Стенька сказал: «Молчи, собака». Это были его последние слова. Палач отрубил ему голову и рассек туловище на части, которые насадили на колья и поставили на позорище на Болоте за Москвой-рекой. Когда бранные тела атамана истлели, их зарыли на Татарском кладбище (район современного Парка культуры им. Горького), потому что покойный был предан анафеме и его не полагалось погребать с честными христианами.

Но смерть Разина еще не означала конца разинщины. Долго держалась Астрахань, где атаманом был Васька Ус, а после его смерти от какой-то «червивой болезни» — Федька Шелудяк. Мятеежники убили митрополита Иосифа и воеводу князя Семена Львова. Шелудяк в июне ходил к Симбирску, но был отбит и вернулся в Астрахань. Вскоре туда явились государевы люди во главе с боярином Иваном Милославским. Дважды подступали к нему бунтовщики, но оба раза были отбиты. Милославский подговаривал их к сдаче, обещая государеву милость. На помощь ему явился черкесский князь Каспулат Муцалович и подошел к Астрахани с другой стороны. В лагере осажден-

ных появились разногласия: одни упорствовали, другие готовы были сдаться. Наконец князю Каспулату Муцаловичу удалось выманить к себе Шелудяка и задержать его. 27 ноября 1671 г. Астрахань сдалась. Войска по вновь наведенному через реку Кутум мосту вошли в город. Впереди священники с молебным пением несли икону богородицы «Живописный источник», данную Милославскому государем в поход. Астраханцы, увидев икону, пали на землю, моля Бога, Пречистую Богородицу и царя о прощении их вины. Воевода объявил, что все вины отданы, и отправился в собор на молебен. С иконы велели сделать список и оставить в соборе на память будущим родам. И Федька Шелудяк, и его товарищи остались без наказания. Но, как водится в Руси, летом 1672 г. в Астрахань явился для розыска князь Яков Одоевский, и заводчики бунта были повешены.

ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ

В середине XVII в. раскол, вызванный нужной и правильно задуманной, но неумело, поспешно и жестоко осуществленной реформой русской церкви, стал второй после «московского разорения» национальной трагедией, тяжким испытанием и для государства, и для общества.

Столкновения различных групп населения, произошедшие в России во второй половине XVII в., нашли отражение и в этом общественном движении, каким был раскол в православной церкви. Одни историки подчеркивали в расколе только его церковную сторону и поэтому обращали главное его внимание на обрядовые разногласия между старообрядцами и господствующей церковью, другие видели в расколе отражение социальных противоречий в русском обществе. Он был не только религиозным, но и общественным движением, которое облекало в религиозную оболочку имущественные интересы.

По своему значению и последствиям это явление далеко выходит за границы одной только церковной истории. По подсчетам некоторых историков, от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ русских людей XVII в. ушло в раскол. Разде-

лилась не только церковь, но, в известном смысле, сама Святая Русь, сам народ, сама русская душа.

Конечно, и раньше Россия знала разделения, будь то братоубийственные усобицы за великое княжение XIII—XIV вв. или кровопролитная и опустошительная смута. Но тогда боролись разные политические и социальные силы и решался вопрос о государственном единстве и национальном бытии России.

В этом расколе впервые идея разделила граждан одного государства и подданных одного, признаваемых поначалу обеими борющимися партиями, царя. Идея, которая встала выше классов, сословий, личных привязанностей и вражды.

Поводом к расколу русской церкви послужили разногласия по вопросу об исправлении церковных обрядов и книг. Переводы церковных книг на русский язык делались с греческих подлинников в разное время, причем уже сами подлинники не были абсолютно одинаковыми, а переписчики книг дополнительно вносили в них изменения и искажения. Кроме того, в русской церковной практике утвердились обряды, не известные в греческих и южнославянских землях.

Казалось бы, первое, что бросается в глаза в споре сторонников реформы Церкви и их противников, — это разногласия о «мелочах». «Умру за единый аз», — писал своим приверженцам из заточения протопоп Аввакум, имея в виду действительно одну только букву «а» в «Символе веры».

Вопрос об исправлении церковных книг и обрядов обострился после постановления на патриаршество Никона. Новый патриарх, сын крестьянина, постригшийся в монахи под именем Никона, быстро выдвинулся в церковных кругах. Возведенный в патриархи (1652 г.), он занял положение первого человека в государстве после царя. Царь благоволил к Никону и называл его своим «собинным другом».

Никон в силу энергичного характера активно приступил к исправлению богослужебных книг и обрядов. Мотивами его действий было стремление привести русскую церковную практику в соответствие с греческой. Однако усилия Никона часто были направлены на мелкие детали религиозной реформы, что расплывало его неумную энергию и в конце концов ничего, кроме вреда не приносило.

Действительно, после реформы Никона букву «а» в словах «рожденна, а несотворена» опустили. И ради нее глава староверов готов был идти (и взошел!) на костер.

Были и другие такие же вопросы: как писать имя Сына Божия — Исус (старообрядцы) или Иисус (сторонники реформы), как совершать литургию — на семи или пяти просфорах, как возглашать «Аллилуйя» — дважды или трижды, как ходить крестными ходами — «посолонь», т. е. по солнцу, или против солнца, как слагать персты при крестном знамении — двуперстно, т. е. крестится двумя пальцами в виде буквы «Х», или трехперстно и т. д. Впрочем, такие ли уже это мелочи? Так может казаться человеку только уж совсем религиозно равнодушному и к тому же лишенному воображения. Если и сейчас вопрос о подчинении той или иной юрисдикции или об отношении к экуменизму (движению за единство христиан всех конфессий) вызывает столь бурные разногласия!

Однако тема обрядов и вообще устоявшейся церковной практики не самое существенное в расколе.

«Ошибочно думать, — писал Н. А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма», — что религиозный раскол был вызван исключительно обрядовыми русскими верованиями. В расколе была и более глубокая историософическая тема. Вопрос шел о том, есть ли русское царство истинно православное, т. е. исполняет ли русский народ свое мессианское призвание... В народе проснулось подозрение, что православное царство, Третий Рим, повредилось, произошла измена истинной вере. Государственной властью и высшей церковной иерархией овладел антихрист. Народное православие разрывает с церковной иерархией и с государственной властью. Истинное православное царство уходит под землю. С этим связана легенда о Граде Китеже, скрытом под озером. Народ ищет Град Китеж».

Правительство поддерживало реформаторские начинания Никона, так как введение единообразия церковной службы и усиление централизации церковного управления соответствовали интересам абсолютизма.

«Удаляются и бегаты подобает в антихристово время», — говорили староверы XVII в., считая, что уж если церковь и общество повреждены антихристом,

лучше от них уйти. Это бегство принимало разные формы — от уединения в лесные скиты и пустыни до страшных гарей — добровольных самосожжений иных общин. Тогда казалось, что «настали времена последние», и враг человеческого представлялся в образе патриарха Никона, гонителя старых обрядов.

С известной натяжкой староверов можно сопоставить с казаками. И для тех, и для других характерна обособленность, специфическое самосознание и мировосприятие, по-разному выраженное, но несомненное свободолюбие. Но если для казаков свобода заключалась в отсутствии социального гнета и государственной опеки, то для старообрядцев важнее оказывалась свобода исповедания «старой» веры и сохранения традиционного бытового уклада, отождествляемого с православием. С этой точки зрения старообрядчество уже с самого начала стало своеобразной «культурной оппозицией» новым веяниям.

Культура, носителями которой стали староверы, не была «хуже» или «лучше» господствующей. Она была просто традиционной и самозамкнувшейся. Такое решение вопроса о «старине» и «новизне» вряд ли было бы полезно и даже просто возможно в масштабе всего российского общества. Но в рамках лишь одного его среза, одной тесно спаянной общности стремление сохранить традицию оказалось осуществимым и позитивным. Старообрядцы собирали древние «дониконовские» рукописи, книги и иконы, а главное, самим своим укладом жизни являли живой островок Древней Руси. Их при желании можно обвинить в косности, но им нельзя отказать в сохранении русского своеобразия.

Среди источников о расколе церкви важны иностранные свидетельства. Иностранцы оставили более пятидесяти сочинений, многие из которых посвящены исключительно религиозному быту русских. Конечно, авторы этих записок, по большей части протестанты или католики, не могли видеть веру русских изнутри, вполне понять те идеалы, которые одушевляли русских сподвижников и святых, те взлеты духа, которые они переживали. Но зато, бессильные описать внутреннее бытие, иностранцы постоянно наблюдали религиозный быт, и не святых, а обычных людей XVII в. В описаниях этого быта, порой точных и красочных,

фиксирующих особенное и характерное, а порой явно предвзятых и недоброжелательных «русофобских», можно почерпнуть немало интересного о Святой Руси.

ЦЕРКОВЬ НАКАНУНЕ РАСКОЛА

В состав богослужения того времени входило чтение и пение. И то и другое в описываемое время находилось в приходских, городских и сельских церквях в крайне плачевном положении. Еще Адам Клеменс в середине XVI в. заметил, что в церквях в России читали так быстро, что даже тот, кто читал, ничего не понимал. Вармунд во второй половине XVII в. подтверждает это. Между тем прихожане вменяли в заслугу священнику, если он мог прочесть несколько молитв не переводя духа, и кто опережал других в этом деле, тот считался лучшим.

Службу старались как можно больше сократить за счет так называемого многогласия. Одновременно священник читал молитву, чтец — псалом, дьякон — послание и т. д. Читали в три-четыре и даже пять-шесть голосов сразу. В результате служба убыстрялась, но понять в ней что-нибудь было невозможно, потому, по свидетельству Клеменса, присутствующие в храме не обращали внимания на чтение и позволяли себе в это время шутить и разговаривать, тогда как в остальное время богослужения они сохраняли величайшую скромность и набожность.

Русское церковное пение не нравилось иностранцам. Даже крайне доброжелательный к русским и склонный хвалить почти все церковные установления архидьякон Павел Алеппский, рассказывая о пении, меняет тон речи. По его словам, наши протодьяконы и дьяконы произносили ектеньи, а священники молитвы низким и резким голосом. Когда Павел, освоив русский язык, прочел однажды в присутствии царя славянскую ектенью высоким голосом, то Алексей Михайлович выразил удовольствие. «Московиты, не зная музыки, пели наудачу; им нравился низкий, грубый и протяжный голос, который неприятно поражал слух; они даже порицали высокоголосное пение и укоряли этим пением малороссов, которые, по их словам,

в этом случае подражали полякам». Из описания путешествия Павла видно, что на Украине в церковном пении принимали участие все присутствующие в храме; особенно воодушевляли чистые и звонкие голоса детей.

В церковной практике того времени была еще одна несообразность, удивлявшая иностранцев, против которой восставали многие пастыри церкви. Существовал обычай, согласно которому каждый присутствующий на службе молился своей иконе. Нарушение этого правила даже считалось преступлением, за которое наказывали. Так, если хозяин какой-нибудь иконы замечал, что кто-то другой ей кланялся, то он сейчас же принимался бранить его: «Как ты смел своими воровскими молитвами восхищаться у иконы те милости, на которые я один имею право как ее хозяин?» Он предлагал «вору» приобрести своего Бога, которому можно молиться сколько угодно, объясняя при этом, что пользоваться чужим нельзя. Виновный в этом случае должен был заплатить хозяину иконы часть ее стоимости. В случае церковного отлучения хозяин иконы забирал ее из церкви домой, и потом, по примирению с церковью, опять возвращал ее на прежнее место. Между тем этот обычай вел к большой неблагопристойности при богослужении; присутствующие в церкви были заняты не столько общим церковным пением и чтением, сколько своими частными молитвами, которые каждый обращал к собственной иконе, так что во время богослужения все собрание молящихся представляло толпу лиц, обращенных в разные стороны. Наступала минута большого входа, тогда все устремляли свои взоры на Святые Дары и повергались перед ними ниц, но после того, как Дары ставились на престол врозь, каждый обращался к своей иконе и твердил простую молитву: «Господи, помилуй!» Сам царь следовал в этом случае общему правилу. Таково свидетельство Майерберга, которое вполне подтверждается Колинсом. Последний говорит, что в известные моменты службы русские разговаривали о делах, а царь Алексей Михайлович почти всегда занимался делами в церкви, где он бывал окружен боярами.

Все эти особенности религиозного быта русских привели к тому, что в XVII в. на Западе даже была

защищена диссертация на тему: «Являются ли русские христианами?» И хотя автор ее давал утвердительный ответ, уже само появление вопроса, вынесенного в заглавие, весьма симптоматично.

За церковную реформу выступили и приехавшие в Москву ученые киевляне. Дело в том, что при митрополите Петре Могиле в Молороссии совершалась та же самая церковная реформа, которая произведена была Никоном в Москве. В Киеве также исправлялись с греческих церковные книги, чины и обряды. Переехавшись в Москву, киевские иконы стали поборниками той самой церковной реформы, которую уже испытывали у себя на родине.

Все эти влияния сделали из «грекофоба» Никона «грекофила». И царь, и Стефан Вонифатьев теперь смело могли ставить его патриархом после смерти Иосифа.

Так в кружке ревнителей благочестия, единых в стремлении к реформе Церкви и понимании необходимости улучшения духовно-нравственной жизни, сложились два подхода к этой реформе. Вонифатьев, Ртищев, архимандрит Никон, киевляне и сам царь считали необходимым править русские книги и русскую церковную жизнь по греческим меркам. Иоанн Неронов и провинциальные «боголюбцы» суть реформы видели в возвращении к неповрежденной русской старине, а богослужебные книги считали возможным исправлять по древним славянским рукописям. Эти две партии в дальнейшем потянули в разные стороны и само русское общество.

Но в конце 40-х — начале 50-х гг. XVII в. ревнители благочестия вместе боролись с противниками как из приходского духовенства, так и из высшей церковной иерархии. Особенно острое столкновение произошло в 1649 г. Дело в том, что Стефан Вонифатьев и его соратники вводили в своих церквах строгое единогласие. Это очень не нравилось многим нерадивым приходским священникам, как, впрочем, и практика проповеди... В 1651 г. гавариловский поп Иван извещал государя: «Говорил-де ему никольский поп Прокофий, где с ним не сойдетца: заводите-де вы, ханжи, ересь ноую — единогласное пение и людей в церкви не учивали, а учивали их в тайне». Тот же поп Иван заявлял, что 11 февраля 1651 г. «лукинский поп

Сава с товарищи говорил такие речи: ине-де к выбору, который выбор и единогласии, руки не прикладывать, наперед бы де велели руки прикладывать о единогласии бояром и окольным, любо-де им будет единогласие?» И опасение этого приходского священника, что единогласие не угодно будет знатым прихожанам — «боярам и окольным», не было безосновательно. Пение и чтение в один голос существенно удлиняло богослужение. Недаром Аввакум рассказывает в своем «Житии», как его били за единогласие. Но не все священники обладали железной натурой Аввакума и его благочестием...

Среди недовольных единогласием оказался и патриарх Иосиф. И без того ревнители потеснили его в церковном управлении, постоянно поучали. А тут еще это единогласие. В противовес ревнителям святейший выступил за умеренное многогласие. Тогда царь в 1649 г. приказал собрать собор, который должен решить, «как лутче быти». Собор 11 февраля 1649 г. постановил «по всем приходским церквам божественной службе быти по-прежнему», т. е. многогласно. Недовольный таким решением, всегда кроткий Стефан Вонифатьев на сей раз сорвался, назвав собор с патриархом во главе «губителями и волками». Оскорбленный Иосиф просил у государя соизволения предать дерзкого протопопа суду собора. Но царь не дал хода этой челобитной. Более того, чтобы все-таки положительно решить вопрос о единогласии, он, по совету духовника Стефана, предложил патриарху обратиться за советом к Константинопольскому патриарху. Ход этот был беспроигрышным, так как нигде в Типиконе (Богослужебном Уставе) нельзя было найти указаний на многогласие. Как и следовало ожидать, в пришедшей из Царьграда грамоте говорилось, что единогласие «не только подобает, но и непременно должно быть». Константинопольский патриарх был высшим авторитетом в Православии. Иосифу пришлось в 1651 г. созвать новый собор, на котором, вопреки прежнему, решено было «пети во святых Божиих церквах чинно и безмятежно, на Москве и по всем градам, единогласно... псалмы и псалтирь говорить в один голос, тихо и неспешно; со всяким вниманием, к царским дверем лицом». Это была явная победа царя и ревнителей благочестия.

ИЗБРАНИЕ НИКОНА ПАТРИАРХОМ И ФАКТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО РАСКОЛА

15 апреля 1652 г. скончался патриарх Иосиф. Кончина его пришлась на страстный четверг и повергла в немалую скорбь царя, который, по собственному признанию в письме Никону, «надселя плачучи». Впрочем, духовенство и бояре не любили умершего за корыстолюбие. После смерти его, кроме 15 000 рублей домового патриаршей казны, нашли и личную, «келейную» казну — 13 400 рублей. Как сообщает А. В. Карташев в своих «Очерках по истории русской церкви», по курсу денег конца XIX в. эта сумма составила бы около 130 тыс. золотых рублей, или 460 тыс. долларов США. Сверх того, у патриарха хранилось множество золотой и серебряной посуды, причем каждый сосуд был тщательно завернут в бумагу. Сам бережливый и хозяйственный, воспитанный на «Домострое», Алексей Михайлович не упускает случая в письме Никону с похвалой отозваться о бережливости Иосифа. Между тем, особенно умиляться было нечего: по большей части это были вещи, взятые под залог; покойный не брезговал ростовничеством, что, конечно, не красило умершего архипастыря. В том же послании Никону царь просит его скорее возвращаться в Москву, чтобы занять осиротевшую патриаршую кафедру.

Ревнители благочестия ничего не ведали о воле государя и выдвинули своего кандидата. Им стал признанный глава кружка — Стефан Вонифатьев. Опытный царедворец Вонифатьев, еще не зная об окончательном выборе Алексея Михайловича, конечно, догадывался о настроении своего духовного сына и указал на кандидатуру Никона как достойнейшего. Он, кроме того, вряд ли мог бы стать патриархом и по возрасту. Друзья согласились просить за Никона и подали соответствующую челобитную. Среди прочих поставил свою подпись и протопоп Аввакум, о чем потом с горечью вспоминал:

«В лето 7160 (1652), июня в день, по пущению Божию вкрался на престол патриарший бывший поп Никита Минич, в чернецах Никон, обольстя святую душу протопопа, духовника царева Стефана, являяся ему яко ангел, внутрь сей диавол. Протопоп же увеща

царя и царицу, да поставят Никона на Иосифово место. И аз окоянной о благочестивом патриархе к челобитной приписал свою руку; ано врага выпросили и беду на свою шею».

Обмануться было легко, ведь Никон казался провинциальным ревнителем «своим». Да и сам кандидат в патриархи поначалу выказывал знаки расположения к прежним друзьям. Тот же Аввакум в «Житии» писал: «Егда же приехал (Никон с Соловков) с нами яко лись челом да здорово. Ведает, что быть ему в патриархах и что бы откуля помешка какова не учинилась».

Надежды на то, что Никон будет во всем советоваться с «боголюбцами», оказались беспочвенны. Во-первых, не таков был этот человек, чтобы делить патриаршую власть с кем бы то ни было. Даже от царя и бояр он в делах церковных требовал полного повиновения, уже не говоря о клириках. Во-вторых, мы уже говорили, что под влиянием царя и Вонифатьева Никон пришел к мысли о необходимости правки книг по греческим образцам. Неудивительно, что, став патриархом, Никон не пускал бывших приятелей даже и в Крестовую (род патриаршей канцелярии).

Уже через несколько месяцев после своего избрания Никон разослал по всем московским церквам перед Великим постом 1653 г. «память» (циркуляр). В ней говорилось, что отныне во время чтения великопостной молитвы Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего» надлежит класть не 16 земных поклонов, как испокон веку повелось на Руси, а лишь 4 земных и 12 поясных. И крестное знамение надо слагать не о двух, а о трех перстах.

Эта «новизна» была как гром среди ясного неба. До сих пор все молились двумя перстами. Так знаменовались великие русские святые Сергей Радонежский, Нил Сорский, Иосиф Волоцкий... кроме того, вопрос о сложении перстов был однозначно решен стоглавым собором, который за сто лет до Никона определил: «Иже кто не знаменается двумя персты, якого же и Христос, да есть проклят». Спрашивается, что оставалось выбирать благочестивому русскому человеку: подчиниться Никоновой «памяти» и попасть под проклятие Стоглава или остаться верным собор-

ному постановлению и проявить непослушание патриарху?

Ревнителю благочестия во главе с Нероновым явно предпочли второе. Тем более что, кроме названных общих соображений, которые не могли не прийти в голову всякому книжному русскому, «боголюбцам» было особенно обидно, что Никон правит единолично и с ними совершенно не считается. Аввакум вспоминал: «Мы же, сошедшись, задумались. Видим убо, яко зима хочет быти: сердце озябло и ноги задрожали». Иоанн Неронов удалился в Чудов монастырь и целую неделю молился и постился, пока не услышал от иконы голос: «Приспе время страдания, подобает вам всем неослабно страдати».

И действительно, страдания были близки. В опровержение «памяти» Никона члены кружка немедленно составили и подали государю записку о поклонах и перстосложении, но тот, как догадывался Аввакум, передал ее патриарху. Критика «боголюбцев» была весьма опасна Никону, поскольку дискредитировала в глазах общества его реформы и подрывала авторитет. В то же время, хорошо зная упорство своих противников и невозможность их уговорить, Никон предпочел просто уничтожить ревнителю. В июле 1653 г. Никон с собором духовенства рассмотрел жалобу на муромского протопопа Логгина. Его обвиняли в хуле на иконы Спасителя, Богородицы и святых. Логгин объяснился. Однажды он был у воеводы в гостях и отказался благословить его супругу, поскольку она была покрашена белилами. Гости заступились: «Ты, протопоп, хулишь белила, а без белил и образов не напишешь». На этот рационалистический аргумент священник ответил грубовато-юмористически: «Эти составы составляют иконописцы; а если на ваши рожи эти составы положить, то вы и сами не захотите... Да и сам Спас и Богородица честнее своих образов».

Тем не менее в угоду Никону Логгина лишают сана. За Логгина весьма горячо вступился Неронов. Патриарх повелел снять с него скуфью (головной убор священника) и сослать в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере (в современной Вологодской обл.). Там Иоанн был пострижен в монахи с именем Григорий. В свою очередь, Аввакум и Даниил Кост-

ромской подали царю челобитную за Неронова. Даниил, лишенный сана, отправился в Астрахань, а Аввакума лишь благодаря заступничеству царя оставили в сущем сане, но все-таки сослали в Сибирь.

Но одних репрессий было мало. Надо было, чтобы нововведения Никона утвердил Церковный собор. Его созвали в 1654 г. Показательно, что Никон не поставил на нем вопросы о сложении перстов, сугубой аллилуйе, чтении в Символе веры «истинного» — т. е. как раз тех пунктов, по которым и произошел раскол. Это объясняется тем, что собор, состоящий из русских архиереев, никогда бы не дал Никону полномочий менять что-нибудь в этих пунктах.

Целью Никона на соборе было получить подтверждение необходимости церковной реформы. В своей речи патриарх говорил о несоответствии многих существующих книг, чинов и обрядов ранним русским и греческим. На вопрос Никона собору: «Новым ли нашим печатным служебникам последовать, или греческим и нашим старым?» в соборном деянии был такой ответ: «Достоинно и праведно исправить противостарых характерных (т. е. древних русских рукописей) и греческих». Таким образом, собор уполномочил Никона проводить исправления по древним славянским и по древним греческим спискам. Это было чисто богословски правильное решение, но практически трудно выполнимое. Для такой правки потребовалась бы серьезнейшая филологическая и историческо-критическая работа, а одно только собрание древних рукописей заняло бы не один десяток лет. Ничего подобного в то время и в тех условиях предпринять, естественно, не могли. И Никон посадил справщиков выверять русские церковные книги по новогреческим венецианским изданиям. Тем самым он нарушил данные ему собором полномочия. И вместе с тем создал широкое поле для критики своей реформы приверженцам старого обряда. Ведь новые греческие книги печатались в «латинских» землях. Не внесли ли в них паписты свои «ереси»? К тому же, как мы увидим ниже, и нравственный облик иных книжных справщиков, таких как Арсений Грек, оставлял желать лучшего.

Несмотря на то что состав участников собора 1653 г. был тщательно подобран Никоном (Иоанн Не-

ронов в челобитной царю даже назвал его «сонмищем иудейским»), один из соборных отцов, епископ Павел Колоненский, все же решился критиковать Никона. Согласно с идеей правки книг, он оговорил свое особое мнение по вопросу о земных поклонах. Коломенского епископа Никон сразу с собора отправил в заточение, где тот сошел с ума и умер. Понятно, что с умолчаниями проведенный собор 1654 г. не снял ответственности с Никоновых исправлений и не сделал их подлинно соборными. Они так и остались личным предприятием Никона.

Не имея достаточной опоры в России, патриарх решил обратиться за поддержкой к восточным патриархам. Он отправил патриарху Константинопольскому письмо, где содержалось 28 вопросов и просьба дать соборный ответ Греческой церкви на них. Помимо стремлений выяснить ряд обрядовых мелочей Никон изложил в своем послании и конфликтное дело с протопопами-«боголюбцами» и епископом Павлом. Письмо отправилось «в греки» в 1654 г., а в мае 1655 г. пришел ответ. В этом очень обширном послании, подписанном, кроме самого Паисия, еще 24 митрополитами, одним архиепископом и четырьмя епископами, греческие иерархи стремились сдержать неумеренную и неразумную ревность Никона. Здесь совершенно ясно и прямо проведен взгляд, что только в главном и необходимом требуется единообразие и единство, что относится к вере; а в «чинопоследованиях» и во внешних богослужебных порядках разнообразия и различия вполне терпимы да и исторически неизбежны.

Ведь чин и устав слагались постепенно, а не были созданы сразу. И очень многое в чине церковном вполне зависит от «изволения настоятелева».

Если бы Никон прислушался к этому спокойному и разумному голосу, которым говорил не только глава Константинопольской церкви, а воистину Вселенская Православная церковь, многих крайностей раскола можно было бы избежать. Но не зтем Никон задавал свои вопросы, чтобы получить совет, а для того лишь, чтобы оправдать свои действия, в правильности которых не сомневался. Да и восточные иерархи, увь, далеко не все обладали мудростью и богословской культурой Константинопольского первосвященника.

В их отношении к русским делам вкрадывалась не только забота о вечном Православии, но и мелочные века сего надежды на щедрые денежные даяния и милости русского царя.

Медвежью услугу оказал царю и Никону Антиохийский патриарх Макарий. Араб по национальности, грек по образованию, он поощрял Никона в утверждении на Руси всех мелочей греческой богослужбной практики. Чего стоит только обличение так называемого «фряжского» письма икон, которые попадали на Русь с немецко-польского рынка и через новгородско-псковских мастеров. Целую кипу таких икон принесли в Успенский собор из боярских домов. Никон называл хозяина очередной иконы, Макарий через переводчика высказывал свое осуждение, а затем Московский патриарх вдребезги разбивал образ о чугунный пол. Восточные иерархи предавали анафеме владельцев этих икон. Что и говорить, зрелище было впечатляющим! Осколки Никон хотел сжечь, но благочестивый царь Алексей Михайлович умолил его предать «богомерзский» срам земле.

После обличения икон Никон перешел к перстосложению. Слово взял Макарий, который заявил: «В Антиохии, а не в ином месте, верующие во Христа впервые были названы христианами. Оттуда распространились обряды. Ни в Антиохии, ни в Константинополе, ни в Иерусалиме, ни на Синае, ни на Афоне, ни даже в Валахии и Молдавии никто так не крестится, но всеми тремя пальцами вместе».

В марте 1655 г. на новом соборе Никон сказал слова, известные всем исследователям раскола. Он говорил: «Я русский и сын русского, но мои убеждения и вера — греческие». Соборные отцы глухо роптали, но не могли возразить Никону и восточным патриархам, к тому же зная участь епископа Коломенского Павла.

В следующем году во время литургии в Чудовом монастыре Московского Кремля 12 февраля Макарий назвал принятое на Руси перстосложение «армено-подражательной» ересью. Это показалось Никону сильным аргументом, и Московский патриарх потребовал от своих восточных собратьев письменных заявлений об «армянской ереси». Подобные заявления были включены в изданную им книгу «Скрижаль»,

где разъяснялся смысл литургии и других церковных служб.

Наконец, как финал теоретической борьбы, в апреле 1658 г. Никон созывает новый собор. На нем он проклял и отлучил от церкви всех сторонников старообрядца.

Между тем исследования показывают, что именно двуперстие было характерным для православной Византии к моменту крещения Руси. Затем греки стали знаменовать тремя пальцами а в России остались верны греческой старине.

Горячо и неумело Никон правил и богослужбные книги. В действительности правка велась не по «старинным греческим и славянским книгам», как торжественно утверждалось в первом правленном «Служебнике», а по современным греческим. Самый образованный старообрядец дьякон Федор (Иванов), «союзник» Аввакума, в челобитной Алексею Михайловичу писал: «А нынешние книги, что посылал покупать Никон патриарх в Грецию, с которых ныне zde переводят, слуют греческие, а там печатают те книги под властью богоотступного папы римского в трех градах: в Риме, в Париже и в Венеции, греческим языком, но не по древнему благочестию. Того ради и zde нынешние переведенные со старыми несогласны государь, и велия смута».

Из печатных предисловий самих справщиков выясняется, что они переводили сначала печатный греческий текст как первую редакцию, но затем добросовестно сопоставляли ее со многими древними славянскими и греческими рукописями и брали из них, что им казалось правильным. Получалась при каждом переиздании новая редакция, так как всякий раз для исправления привлекались новые древние тексты. Единый руководящий принцип не был найден. Это поняли в 1667 г., когда, одобряя «Служебник» к печати, просто пресекли дальнейшие исправления, не зная, где найти им конец: «...и никтоже да дерзнет отныне во священнодействие прибавити что, или отъяти или изменить. Аще и ангел будет глаголати что ино, да не има ему веры». Если до сих пор справщикам дозволялось выбирать по своему усмотрению варианты, то теперь это запрещено даже ангелам.

ПАТРИАРХ НИКОН

Никон родился в крестьянской семье в селе Вельдеманово Княгининского уезда Нижегородской губернии в 1605 г.

Нижегородчина стала местом, откуда вышло большинство деятелей раскола: недалеко от родного села Никона появился на свет и протопоп Аввакум.

В святом крещении мальчика назвали Никитой, в монашестве нарекли Никоном. Отец Никиты был мордвин. Мать рано умерла, и в дом пришла другая женщина. Мачеха невзлюбила мальчика и даже пыталась избавиться от него. Несколько раз жизнь Никиты подвергалась серьезной опасности, и неудивительно, что он бежал от лихой мачехи в Макарьевский Желтоводский монастырь.

Дальнейшая судьба Никиты сложилась так, что он стал весьма начитанным в духовной литературе и обращал на себя внимание истовой набожностью. Уже то, что в монашестве Никон клал по 1000 земных поклонов и ежедневно прочитывал всю Псалтырь, говорит о его едва ли не фанатичном служении Богу. Имеются упоминания, что еще иноком Никон приобрел способность к видениям. Видения продолжались у него и в последующей жизни.

ФОРМАЛЬНЫЙ КОНЕЦ КОНФЛИКТА

После ссоры царя с Никоном, завершившейся низложением честолюбивого патриарха, был созван собор 1666 г., который лишил Никона патриаршего сана, но одновременно утвердил почти все его нововведения.

Раскол к тому времени нашел среди крестьян и посадских своих сторонников. Старое являлось привычным и надежным. Гонения обрушились на тех, кто не хотел признавать решения собора 1666 г.

Однако открытое вооруженное сопротивление нововведениям оказал только Соловецкий монастырь. Богатейший из северных монастырей являлся в то же время сильной крепостью, был защищен каменными стенами, имел немалое количество пушек и продо-

вольственных запасов на многие годы. Укрытые за стенами на островах Белого моря монахи вознамерились стоять до конца за старую веру. Тех, кто колебался и выступал за соглашение с царским правительством, отстранили от управления монастырем. Власть взяли в свои руки стрельцы, сосланные на Север разинцы и работные люди. События происходившей в то время крестьянской войны под предводительством Разина обусловили характер соловецкого восстания. Оно возникло на почве раскола, но развивалось как открытое антифеодалное движение.

Осада Соловецкого монастыря царскими войсками длилась восемь лет (1668—1676), и лишь в результате измены удалось привести монахов и бунтующих стрельцов к послушанию.

Последующая централизация крепостнического государства привела к дальнейшему развитию раскола, несмотря на жесточайшие правительственные преследования. Протопопа Аввакума после изнурительного содержания в земляной тюрьме сожгли в 1682 г.

Смерть на костре религиозного страстотерпца стала своего рода символом укрепления «старой веры» и по-своему послужила дурным примером. Старообрядцы уходили на окраины государства, в глухие леса и болота. Движение приобрело реакционный и изуверский характер. Среди его участников стало распространяться апокалиптическое учение о близкой кончине мира и необходимости самосожжения, чтобы избежать «антихристовой власти». В конце XVII в., в случаях, когда царские отряды настигали беглецов, самосожжения сделались нередким явлением на севере Руси.

ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Польско-шведская интервенция сильно ослабила Россию. Страна потеряла на западе большие и экономически важные территории. Смоленск отошел к полякам, и побережье Финского залива, как непосредственный выход к Балтийскому морю было утрачено. Возвращение этих экономически важных

территорий, имевших громадное значение для всей хозяйственной жизни страны, оставалось непосредственной задачей внешней политики России в XVII в. Укреплению России служила и менее важная задача имперского присоединения украинских и белорусских земель. Юг страны нуждался в более эффективной обороне от набегов крымцев и завоевательных походов турок.

«АЗОВСКОЕ СИДЕНИЕ»

Неудача в Смоленской войне осложнила международное положение России. Особенно неблагоприятной была обстановка на южной окраине страны. Грабительские набеги крымских татар постоянно тревожили прилегающие русские земли. Только в первой половине XVII в. крымские татары увели в «полон» до 200 тыс. русских людей.

Борьба с татарами осложнялась тем, что они находились в вассальной зависимости от Турции. Для защиты южных границ русское правительство в 30-х годах XVII в. предприняло ряд мероприятий. Были отремонтированы старые и построены новые оборонительные сооружения — так называемые засечные черты, состоявшие из засек, рвов, валов и укрепленных городков, узкой цепью тянувшихся вдоль южных рубежей. Эти фортификационные линии затрудняли крымцам путь во внутренние уезда России, но их строительство стоило огромных усилий.

Устья крупнейших южных рек были под контролем турецких крепостей. Одна крепость — Очаков — находилась при впадении в море Днепра и Буга, другая — Азов — при впадении Дона в Азовское море. В бассейне Дона не было турецких поселений, но турки удерживали Азов как базу своих владений в Причерноморье и Приазовье.

Между тем в первой половине XVII в. русские расселились на Дону почти до Азова. Донские казаки выросли в большую воинскую силу и своими действиями угрожали турецким войскам и крымским татарам. Действовали они обычно в союзе с запорожцами. Легкие казацкие суда, обманув турецкую стра-

жу под Азовом, прорывались донскими рукавами в Азовское море. Отсюда казацкий флот направлялся в Крым и к берегам Малой Азии, подвергая разорению мусульманское население. Для турок были особенно памятны казацкие походы на Кафу (нынешняя Феодосия) и Синоп (в Малой Азии), когда эти крупнейшие причерноморские города были подвергнуты полному разграблению. Турецкое правительство держало в устье Дона военную эскадру, но казацкие морские струги с командой в 40—50 человек все-таки успешно прорывались сквозь турецкие заслоны в Черное море. Назрела необходимость политического или военного решения вопроса присутствия турок в этом регионе.

В 1637 г., пользуясь затруднениями Османской империи, казаки подступили к Азову и взяли его после восьминедельной осады. Это была настоящая регулярная осада с применением артиллерии и организацией земляных работ, хотя центральное русское правительство не выделило для этой акции значительных средств. Однако успех был несомненен. По сообщению казаков они, «башни многие и стены ис пушек поразбивали. И окопались... около всего града, и подкоп подводили».

Турция, таким образом, лишалась своей важнейшей крепости в Приазовье. Главные турецкие силы были отвлечены войной с Ираном, и турецкая экспедиция против Азова могла состояться только в 1641 году.

Наконец турецкая армия была направлена для осады Азова. Она во много раз превышала казацкий гарнизон в городе, имела осадную артиллерию и была поддержана мощным флотом. Осажденные казаки отразили 24 турецких приступа, нанесли туркам громадный урон, что заставило их снять осаду. Все же Турция не желала отказаться от этой важной крепости на берегу Дона.

Так как одни казаки не могли длительное время оборонять Азов против подавляющих турецких сил, то перед русским правительством возник вопрос, надо ли вести войну за Азов или отказаться от него.

ЗЕМСКИЙ СОБОР 1642 Г.

Для решения вопроса о русско-турецких отношениях в Москве был созван в 1642 г. Земский собор. Выборные люди единогласно соглашались оставить Азов за Россией, но одновременно жаловались на свое тяжелое положение. Дворяне в свою очередь обвиняли приказных людей в вымогательствах при раздачах поместий и денег. Таким образом, Земский собор превращался в место для выяснения отношений между представителями различных сословных групп населения. Тяжкие повинности и денежные платежи обостряли общественные отношения. В провинции ходили слухи о скорой «смуте» в Москве. Население в тяжелых условиях того времени фактически было готово к всеобщему восстанию против бояр. Положение внутри государства было настолько тревожным, что нельзя было и думать о войне с Турцией. Правительство отказалось от защиты Азова и предложило казакам оставить город. Казаки были вынуждены покинуть крепость, разорив ее до основания. Оборона Азова оставила глубокий след в русском фольклоре, в прозаических и поэтических повестях. В одной из таких повестей есть слова, как бы подытоживающие неравную и героическую борьбу за Азов: «Была казакам слава вечная, а туркам укоризна вечная».

ВОЙНА С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ ЗА УКРАИНСКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ

Крупнейшим внешнеполитическим событием на западных рубежах российского государства в XVII в., была война 1654—1667 гг. Эта война, начавшаяся стычками с войсками Речи Посполитой за преобладание на Украине и в Белоруссии, вскоре превратилась в международный конфликт, в котором приняли участие Швеция, Османская империя и ее вассальные государства — Молдавия и Крымское ханство. Для Восточной Европы война 1654—1667 гг. может быть поставлена наравне с Тридцатилетней войной.

Весной 1654 г. русские войска были направлены на Украину для совместных действий с армией Богда-

на Хмельницкого против крымских татар и Польши. Главные же свои силы русское командование сосредоточило на белорусском театре. Здесь предполагалось нанести решающие удары по шляхетским войскам. Начало войны было благоприятным для России. За два года (1654—1655) русские войска овладели Смоленском и важными городами Белоруссии и Литвы: Могилевом, Витебском, Минском, Вильно (Вильнюсом), Ковно (Каунасом) и Гродно. Следует сказать, что почти всюду русские войска находили поддержку местных крестьян и городского населения. Поляки сами признавали, что, куда бы ни пришли русские, всюду к ним «собираются мужики толпами». Крестьянские отряды громили панские усадьбы. Накаленная общественная обстановка в самой Белоруссии и на Украине, таким образом, разрешалась путем поддержки местным населением одной из воюющих сторон, с которой не связывалось понятие социального, национального и религиозного угнетения. Украинские казаки в Белоруссии способствовали развитию и укреплению военных успехов русских войск.

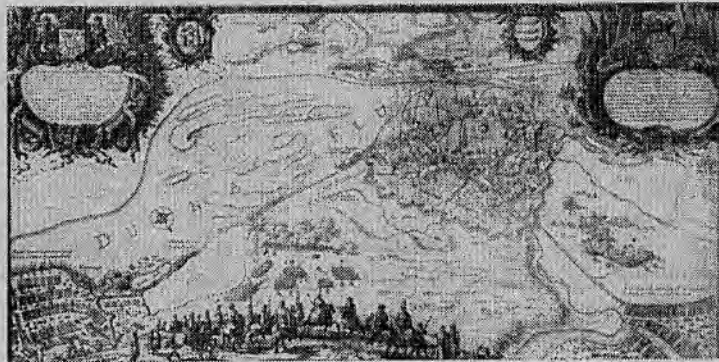
Летом 1655 г. русские войска при поддержке украинских казачьих отрядов двинулись на запад и в течение осени освободили от польско-шляхетского гнета западноукраинские земли вплоть до Львова.

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1656—1658 ГГ.

Шведский король Карл X Густав, используя ослабление Речи Посполитой, под ничтожным предлогом объявил ей войну. Почти не встречая серьезного сопротивления, шведские войска продвинулись глубоко внутрь Польши и захватили ее столицу Варшаву. Были захвачены также часть Литвы и Белоруссии. Шведы использовали поддержку крупнейшего белорусского магната Януша Радзивила, который имел разногласия в Короной, т. е. с польской частью Речи Посполитой. Вмешательство Швеции существенно изменило расстановку сил в Восточной Европе. Легкие победы в Польше, захват значительных ее территорий значительно усилили

положение Швеции, утвердившейся на берегах Балтийского моря. Учитывая, что польская армия дезорганизована и потеряла боеспособность, русское правительство заключило с Польшей перемирие и начало военные действия против шведских войск.

Россия стремилась получить выход к Балтийскому морю. Русские войска взяли Кокнесе (Кокенгаузен) на Западной Двине и начали осаду Риги. Одновременно другой русский отряд взял приступом Ниеншанц на Неве и осадил Нотенбург (Орешек).

Осада Риги русскими войсками в 1656 г.
Гравюра XVII в.

Тем временем в Польше началось широкое народное движение против шведских захватчиков. Шведские войска были вытеснены с территории Польши. Пользуясь тем, что основные военные силы русских и шведов были отвлечены от Польши, правительство польского короля Яна Казимира возобновило войну с Россией.

Речь Посполитая в 1660 г. заключила с Швецией Оливский мир, сделав при этом незначительные территориальные уступки, и бросила освобожденные вооруженные силы против русских войска. Московское правительство было вынуждено заключить вначале перемирие, а потом мир со Швецией (Кардисский мир 1661 г.). Россия отказалась от всех своих приобретений, полученных в Прибалтике в ходе русско-шведской войны.

АНДРУСОВСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ 1667 Г.

Таким образом Швеция вышла из войны, а в ней продолжили противостоять два противника — измотанная в войне со шведами Россия, и оправившаяся после шведской интервенции Польша.

Военные действия возобновились в 1659 г. и развивались очень неблагоприятно для русских войска. Польские войска вернули Минск, Борисов и Могилев. На Украине русское войско потерпело поражение от польско-крымских сил под Чудновом. Вскоре, однако, продвижение поляков приостановилось и началась затяжная война, изматывавшая силы обеих сторон.

Лишения населения, вызванные войной, обострили внутривластическую обстановку как в России, так и в Речи Посполитой. В России вспыхнул «медный бунт», в Речи Посполитой возникло оппозиционное движение магнатов и шляхты, недовольных политикой короля Яна Казимира. По взаимному желанию истощенные противники закончили длительную войну в 1667 г. Андрусовским перемирием сроком на 13 с половиной лет.

Переговоры в Андрусове (близ Смоленска) вел начальник Посольского приказа Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, получивший звание «царственной большой печати и государственных великих посольских дел обергегеля». На этих переговорах он показал себя как выдающийся дипломат. По достигнутому соглашению Россия смогла удержать за собой Смоленск с окружающей его территорией и Левобережную Украину. Город Киев на правом берегу Днепра был передан во владение России на два года. Речь Посполитая оставила под своей властью Белоруссию и Правобережную Украину.

Андрусовское перемирие 1667 г. законсервировало решение сложных вопросов, стоявших перед Россией. Украина оказалась разделенной. Левобережная ее часть вместе с Киевом получила возможность экономического и культурного развития благодаря влиянию России. Правобережная Украина продолжала испытывать ужасы крымско-татарских нашествий и засилье польских панов.

Швеция по Кардисскому миру оказывалась в выигранном положении, так как удержала в своем

владении побережье Финского залива, куда стремились русские. Это побережье не имело для Швеции важного экономического значения. Выгода заключалась только в том, что Россия, крупнейшая страна Европы, лишалась прямого выхода к Балтийскому морю. Вместе с тем это создавало постоянную угрозу возникновения нового военного конфликта между Россией и Швецией.

Вопрос об отношениях России с крымским ханством и Турцией также оставался без разрешения. Азовом владели турки, а крымские орды продолжали совершать нападения на южные окраины русского государства.

ВОЙНА 1676—1681 ГГ. МЕЖДУ РОССИЕЙ И ТУРЦИЕЙ

В конце 1666 г. начались затяжные военные действия Турции с Речью Посполитой. Они продолжались с небольшими перерывами свыше 30 лет. Мусульманская империя желала установить контроль не только над Правобережной, но и над Левобережной Украиной. Угроза турецкой агрессии, нависшая над крупнейшими славянскими государствами способствовала русско-польскому сближению. Уже в 1672 г., русское правительство предупреждало султана о своей готовности выступить в защиту христианства: «Учнем против вас промысел чинить и наше повеление пошлем донским атаманам и казакам, чтоб они на Дону и Черном море всякий военный промысел имели». В Москве были убеждены, что турки намереваются «не токмо Польское государство разорить и завладеть, но и всеми окрестными христианскими государствами завладеть».

Турция тем не менее через два месяца после получения ультимативных требований со стороны России двинула свои войска против Польши и овладела Каменцем — крупнейшей крепостью Подолии. Россия развила энергичную дипломатическую деятельность по организации антитурецкой коалиции. В 1673 г. царскими грамотами английское, французское и испанское правительства были приглашены

к совместным действиям против «общего христианского неприятеля — турецкого султана и крымского хана». Однако между западноевропейскими государствами существовали крупные политические противоречия, к тому же они были заинтересованы в сохранении своих торговых привилегий в Османской империи. Это привело к отказу предпринять какие-либо действия против турок.

Опасения русского правительства насчет возможной турецкой агрессии подтвердились в худшем варианте. В 1676 г. Турция неожиданно заключила мир с Польшей, и летом 1677 г. огромная турецкая армия Ибрахима-паши и крымского хана Селим-Гирея продвинулась на украинскую территорию и осадила крепость на правом берегу Днепра — Чигирин. Угроза нависла над древнейшим городом Руси — Киевом. Турецкое командование намеревалось с ходу взять Чигирин, поскольку было уверено, что гарнизон крепости, состоявший из русских отрядов и украинских казаков, откроет ворота 100-тысячной армии турок и крымцев. Но русско-украинское войско под командованием боярина Г. Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича, поспешило на помощь немногочисленному гарнизону осажденного Чигирина. В августе 1677 г. в боях за переправу через Днепр турки потерпели поражение. Это вынудило их снять осаду Чигирина и поспешно отступить.

Через год, летом 1678 г., турецкие войска вновь предприняли осаду Чигирина. На этот раз они овладели полуразрушенной крепостью, но удержать ее не могли. Источники отмечают, что турки, встретив «крепкое и мужественное стояние и в своих войсках уроны великие, августа против 20 числа, в полночь... побежали назад». Длительные переговоры между Россией и Турцией привели в 1681 г. к заключению в Бахчисарае 20-летнего перемирия. Султан обещал прекратить набеги крымцев на земли России и признал ее право на Киев.

УЧАСТИЕ РОССИИ В АНТИТУРЕЦКОЙ КОАЛИЦИИ

Взяв на себя обязательства по отношению к России, турецкий султан тем самым получил возможность активизировать свою агрессию против других европейских государств, направив против них освободившиеся вооруженные силы. Однако несоординированность его политики с действиями крымских татар привела к тому, что татары проекали на украинские и русские земли с разорительными набегами. Хотя султан клялся «страшною и крепкою клятвою... именем сотворявшего небо и землю» не нарушать условий Бахчисарайского перемирия, закрепленного в следующем году Константинопольским мирным договором, агрессивные действия крымцев вынудили Россию искать союзников против Турции.

В Западной Европе к тому времени возникла антитурецкая коалиция, участники которой (Австрия, Польша и Венеция) стремились вовлечь в союз и Россию. Русское правительство царевны Софьи (1682—1689) поставило условием своего участия в Священной лиге заключение «вечного мира» с Польшей. Этим самым подтверждались бы условия Андрусовского перемирия. «Вечный мир» (1686 г.) наметил перелом в отношениях между Россией и Польшей. Усилия двух государств в борьбе с Турцией, таким образом, были объединены.

С целью выполнения союзных обязательств перед Польшей и прочими членами лиги русское правительство организовало два военных похода в Крым. Во время подготовки к первому походу сказались отрицательные свойства поместной конницы, которые оказали влияние на исход всей операции. В рядах этих воинских формирований, носивших черты организации времен феодальной раздробленности, дисциплина была столь низкой, что сборы проходили медленно, а часть опоздавших дворян в знак неведения в удачу похода вообще прибыла в траурной одежде и с черными попонами на лошадях. Наконец, весной 1678 г. 100-тысячная армия (отчасти состоявшая из полков нового строя), сопровождаемая огромным обозом, выступила в поход. Татары предусмотрительно выжгли степь, и, в условиях летней жары жестоко страдая от отсутствия воды и теряя

конский состав, русская армия не достигла Крыма. Она вернулась в пределы России, понеся во время изнурительного похода большие потери людей и лошадей.

Правительство организовало второй Крымский поход (1689 г.) ранней весной, и уже в мае русская армия достигла Перекопа. Но и на этот раз войскам не удалось добиться успеха. Фаворит царевны Софьи князь В. В. Голицын, стоявший во главе армии в обоих походах, был неплохим дипломатом, но оказался неудачливым полководцем. Поговаривали, что Голицына, отказавшегося от генерального сражения и отступившего от Перекопа, подкупили турки.

Тем не менее, неудачные итоги Крымских походов дали и положительные последствия. Россия формально внесла вклад в борьбу против турецкой агрессии, так как эти походы отвлекли на себя силы татар, и султан таким образом лишился поддержки многочисленной крымской конницы. Это обеспечивало союзникам России по антитурецкой коалиции благоприятные условия для успешных действий на западно-европейском театре войны.

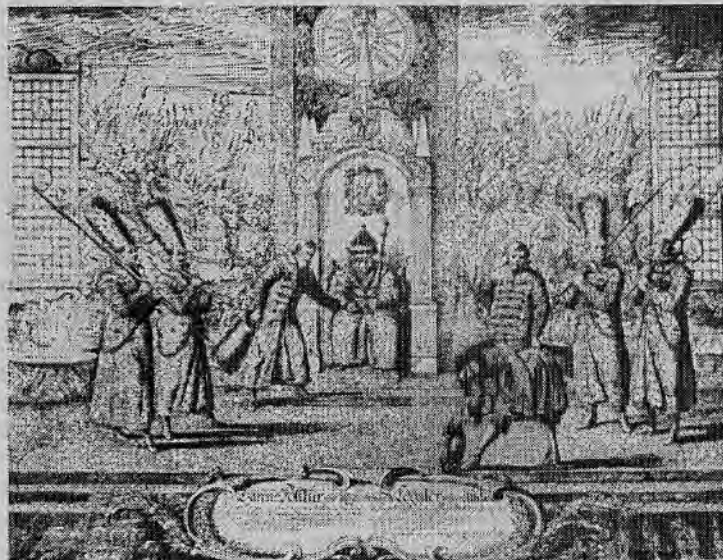
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ

Являясь страной с большим населением и огромной территорией, Россия занимала видное место в международных отношениях XVII в. Русское правительство обменивалось посольствами с крупнейшими странами Европы и Азии. Оживленными были сношения как с соседними Швецией, Речью Посполитой, так и отдаленными Францией, Испанией, а также с австрийским императором, «цесарем», как его называли официальные русские документы. Большое значение имели также связи с Италией, прежде всего с римской курией и Венецией. Ведение тех или иных политических переговоров требовало поддержания постоянной связи с Турцией, Ираном, среднеазиатскими ханствами и Китаем. Отношения с Китаем, Ираном и ханствами Средней Азии, по причине отсутствия политических и экономических трений были, как правило, мирными.

Посольский приказ представлял собой весьма важное учреждение, во главе которого стояли в большинстве случаев не бояре, а думные дьяки, т. е. люди незнатного происхождения, но хорошо осведомленные в международных делах. Высокое значение думного дьяка Посольского приказа, ведавшего сношениями с той или иной страной, подчеркивалось тем, что иностранцы называли его «канцлером».

Наличие торговых и других интересов за границей привело к появлению русских посольств в XVII в. почти во всех крупных столицах Западной Европы. Русские купцы вели оживленную торговлю с Швецией, Речью Посполитой и немецкими городами. Копенгаген, Стокгольм, Рига и другие европейские города были обычными городами для посещения русских торговых людей.

В свою очередь торговые дела привлекли в Москву большое количество иностранцев. Многие из них хорошо устраивались и поэтому принимали русское подданство. Первоначально они жили рассеянно,

Прием иностранных послов царем
Алексеем Михайловичем.
Рисунок Э. Пальмквиста 1674 г.

а с середины XVII в. в Москве за пределами Земляного города, «на Кокуе», возникла особая Немецкая слобода в 200 дворов. Несмотря на название Немецкой, выходцев из Германии в ней жило немного, так как немцами в России тогда обычно называли не только немцев, но и шотландцев, англичан, голландцев и т. д.

Иностранцы по преимуществу были зажиточным людом. Это давало им возможность строить в Немецкой слободе дома по западноевропейскому образцу. Там же они имели протестантскую церковь (кирку). Представление о жителях Немецкой слободы как о людях более высокой культуры по сравнению с русским населением отнюдь не преувеличено. Это опять-таки объясняется зажиточностью выходцев из-за рубежа, среди которых было немало людей чрезвычайно предприимчивых, деятельных, отчасти авантюрных. В однородной русской среде они пользовались отличием своей родной культуры и пытались прививать обычаи своих стран и народов русским.

«Немецкие» обычаи оказывали влияние на верхушку русского общества, приживались в имущественных сословиях. Некоторые русские вельможи устраивали свое домашнее убранство по заморскому образцу, носили европейскую одежду. Среди их числа был князь В. В. Голицын.

Что касается укрепления культурных связей России с Западной Европой, то следует указать на появление в России в XVII в. ряда переводных сочинений по разным отраслям знания. При дворе составлялись «куранты», нечто вроде газеты с известиями об иностранных событиях.

Традиционные связи России с народами Балканского полуострова продолжали расширяться. Болгарское, сербское и греческое духовенство всегда видело в России своего защитника. Религиозные посланники из этих православных стран получали «милостыню» в виде денежных подарков, часть пришельцев навсегда оставалась в русских монастырях и городах. Греки-филологи занимались переводами книг с греческого и латинского языков, служили редакторами («справщиками») на Печатном дворе. Иностранцы с Балкан и из Греции нередко были учите-

лями в богатых семьях, как и украинские монахи. Влияние воспитанников Киевской духовной академии особенно усилилось к концу XVII в., когда многие из них заняли высшие должности в церковной иерархии.

Значительным было взаимовлияние русской культуры с болгарской и сербской культурами. Находившиеся под турецким игом Сербия и Болгария не могли организовать у себя книгопечатание, поэтому приезжие болгары и сербы увозили с собой на родину большое количество книг, напечатанных в Москве и Киеве. Открытие первой типографии в Яссах (Молдавии) в 1640 г. произошло с помощью Петра Могилы, киевского митрополита. Поддержка юго-западных славян русским и украинским народами имела громадное значение для борьбы православного населения Балканского полуострова против турецкого гнета.

В XVII столетии растут связи России с народами Закавказья. Грузины и армяне проживали в Москве в своих земляческих колониях. Эти колонии оставили о себе память в названиях улиц (Малые и Большие Грузины, Армянский переулок). Кахетинский царь Теймураз самолично приезжал в Москву и просил о поддержке против иранского шаха (1658 г.)

На окраинах России существовали многочисленные поселения разных национальностей, которые по тем или иным причинам не проживали в своих этнических государствах. Так, многочисленная армянская колония находилась в Астрахани, являвшейся центром русской торговли с восточными странами. В 1667 г. царское правительство подписало с армянской торговой компанией договор на поставку иранского шелка. Глава армянской церкви, католикос, обращался к царю Алексею с просьбой о защите армян от насилий иранских властей. Народы Грузии и Армении все теснее связывались с Россией в борьбе за независимость от недружественных соседей — мусульманских Ирана и Турции.

По западному побережью Каспийского моря проходил оживленный торговый путь, связывавший Россию с народами Азербайджана и Дагестана. В Шемахе располагалась русская купеческая колония.

В записках купца Ф. А. Котова, по жанру пред-

ставляющих собой «хождения» содержатся подробные и интересные сведения о восточных областях Кавказа, в особенности о городах Азербайджана.

Непрерывно расширялись связи и с далекой Индией. В Астрахани возникли целые поселения индийских купцов, торговавших с Россией. На протяжении XVII в. царское правительство несколько раз направляло свои посольства в Индию.

КУЛЬТУРА РОССИИ В XVII В. ПРОСВЕЩЕНИЕ

XVII в. был последним веком древнерусской культуры. Он стал началом перехода от средневековья к Новому времени. В отличие от экономики

Деталь фрески с изображением семьи
гостя Гр. Никитникова в церкви св. Троицы
в Москве.
XVII в.

в разных областях русской культуры произошли значительные изменения.

«Новый период» в истории России уверенно отменял традиции прошлого в науке, искусстве и литературе. Увеличивалась печатная продукция, появи-

лось первое высшее учебное заведение, возникли театр и газеты (рукописные «куранты»). Гражданские мотивы завоевывают свое место в литературе и живописи, и даже в таких традиционных видах искусства, как иконопись и церковные росписи, наблюдается стремление к реалистическим изображениям, далеким от стилизованной манеры письма русских художников предшествующих столетий.

Вместе с тем на смену единству и цельности классического времени средневековья приходила раздвоенность противоположных тенденций, раскол не только в церкви, а во всей жизни, от быта до высочайших взлетов литературы и искусства.

Зарождение театра, распространение партесного пения (церковное хоровое пение), развитие силлабического стихосложения, новые элементы в архитектуре были общими культурными явлениями для России, Украины и Белоруссии XVII в.

Грамотность сделалась достоянием более широких кругов населения. Торговые люди и ремесленники, как это показывают многочисленные подписи посадских людей на челобитьях и других актах, умели читать и писать. Грамотность распространялась среди крестьян; главным образом среди черносошных, о чем можно судить по записям на рукописях XVII в., сделанным их владельцами — крестьянами. В дворянских и купеческих кругах грамотность воспринималась, как нечто само собой разумеющееся.

В XVII столетии делаются попытки создания в России постоянно действующих учебных заведений. Только в конце столетия постоянные усилия привели к созданию первого высшего учебного заведения. Сначала было открыто в Москве училище (1687 г.), в котором ученые греки братья Лихуды преподавали некоторые светские науки (арифметику, риторику и пр.). На основе этого училища возникла Славяно-греко-латинская академия. Она помещалась в здании Заиконоспасского монастыря в Москве. Академия в основном готовила духовных лиц, но дала и немало людей, занятых различными гражданскими профессиями. В ней, в частности, учился и великий русский ученый М. В. Ломоносов.

Центром книгопечатания был Печатный двор в Москве, каменное здание которого существует и в

настоящее время. За первую половину XVII в. было выпущено около 200 отдельных, в основном церковных, изданий. Первой мирской книгой, напечатанной в Москве, был учебник патриаршего дьяка Василия Бурцева — «Букварь языка славенского, сиречь начало учения детям» (1634 г.). Во второй половине XVII в. количество светских книг, выпускаемых Печатным двором, резко увеличивается. К их числу принадлежали «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», «Соборное уложение», Таможенный устав и пр.

На Украине, в Киеве, важнейшем центре книгопечатания наряду с Черниговом, в типографии Киево-Печерской лавры был напечатан первый учебник по русской истории — «Синописис или краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-русского народа».

ЛИТЕРАТУРА. ТЕАТР

Новые явления в русской экономике и общественной жизни XVII в. нашли отражение в литературе. Общую характеристику этого периода блестяще дал Д. С. Лихачев.

«Если кратко, в немногих словах, определить значение XVII в. в истории русской литературы и русской культуры в целом, — пишет ученый, — то придется сказать, что главное было в том, что век этот был веком постепенного перехода от древней литературы к новой соответственно переходу России от средневековой культуры — к культуре нового времени. XVII век в России принял на себя функции эпохи Возрождения, но принял в особых условиях и в сложных обстоятельствах, а потому и сам был «особым», неузнаваемым в своем значении...

...Хотя Россия не знала Ренессанса, она должна была решать задачи, которые решал Ренессанс».

Что касается конкретики жанров, то в среде мещан, посадских людей зарождается бытовая повесть. Яркий пример — «Повесть о Горе и Злосчастии», написанная неизвестным автором и дошедшая в единственном списке. Ее герой — «добрый молодец»

из купеческой семьи, претерпевает неудачи на жизненном пути. «Ино я сам знаю и ведаю, что не класти скарлату без мастера», — восклицает герой, приводя пример из жизни ремесленников и торговцев, знакомых с употреблением скарлата (бархата). Обычно «Повесть» трактуют как своеобразный конфликт отцов и детей: жить по старому, по-дедовски молодец не хочет, а по-новому не умеет. В другой трактовке повесть рассматривается как проявление эволюции народных представлений о «судьбе-доле», которая сначала была родовой, прирожденной, а в новых условиях, с развитием индивидуализма стала пониматься как личная судьба, не прирожденная, а приобретенная, имеющая источник в характере человека.

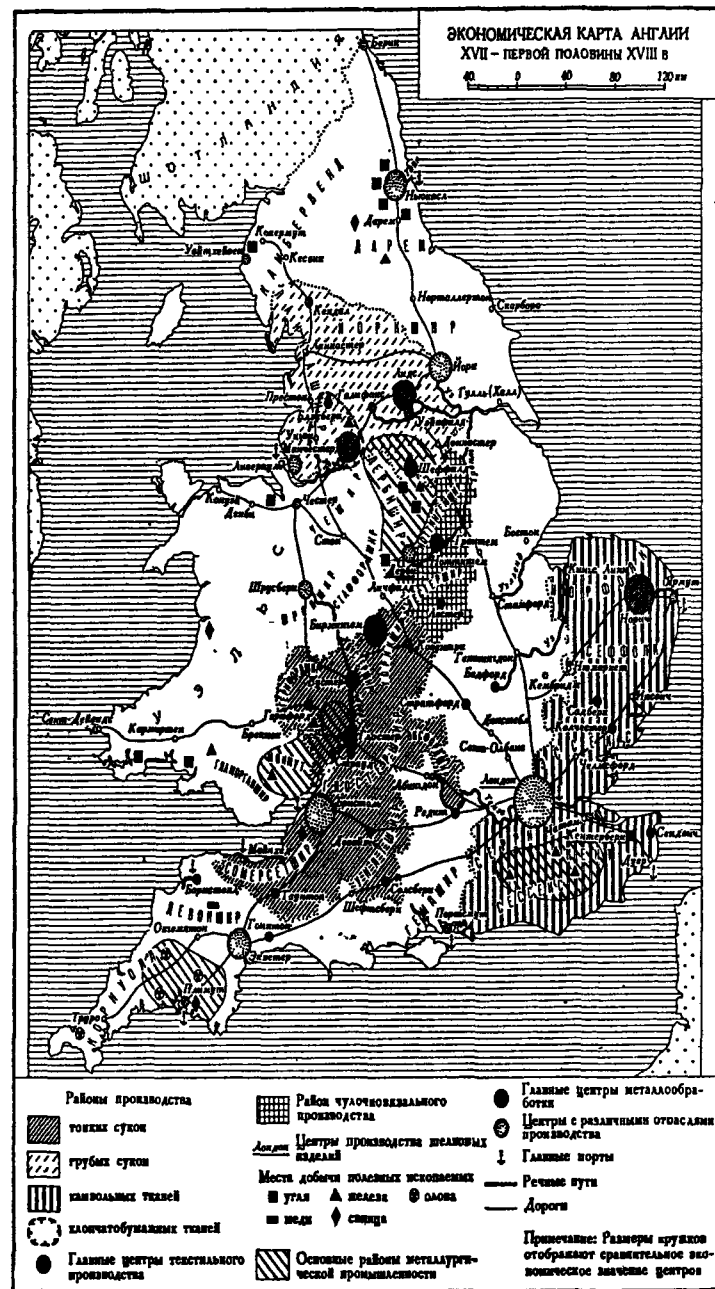
Иллюстрация к «Комедии притчи о блудном сыне» 1685 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Карты к тому 13

Список:

1. Экономическая карта Англии XVII — первой половины XVIII в. 3
2. Английская буржуазная революция XVII в. (период 1642 — 1646 гг.) 4
3. Английская буржуазная революция XVII в. (период 1648 — 1651 гг.) 5
4. Завоевание Ирландии Англией в 1649 — 1652 гг. .. 6
5. Голландия в XVII в. 7
6. Народные движения во Франции в 60 — 70-х гг. XVII в. 8
7. Изменение восточной границы Франции в 1648 — 1713 гг. 9
8. Европа на рубеже XVII и XVIII вв. 10
9. Русское государство в XVII в. (1618 — 1689 гг.) .. 12
10. Скандинавские государства в XVII в. 14
11. Освободительная война украинского народа 1648 — 1654 гг. и воссоединение Украины с Россией 15
12. Крестьянская война под предводительством Степана Разина в 1670 — 1671 гг. 16

АНГЛИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVII в. (период 1642—1646 гг.)

ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Период 1642—1644 гг.

- ← Движение войск роялистов осенью 1642 г.
- Движение короля с октября 1642 г.
- Штаб-квартира парламента
- Направление ударов войск роялистов зимой 1642—1643 гг.
- Направление ударов войск Кромвеля в Ланкаширском летом и осенью 1643 г.
- Отступление Глоустера парламентскими войсками (при участии конной милиции) осенью 1643 г.

- Территория, находившаяся под властью парламента к концу 1643 г.
- Движение войск роялистов и Марстон Мурт.
- Движение войск парламента летом 1644 г.
- Территория, завоеванная парламентом к концу 1644 г.

Период 1645—1646 гг.

- Движение войск парламента летом 1645 г.
- Территория, завоеванная парламентом к концу 1645 г.
- Территория, оставшаяся за роялистами к концу 1645 г.

--- Значительные операции парламентских войск на западе (1646 г.)

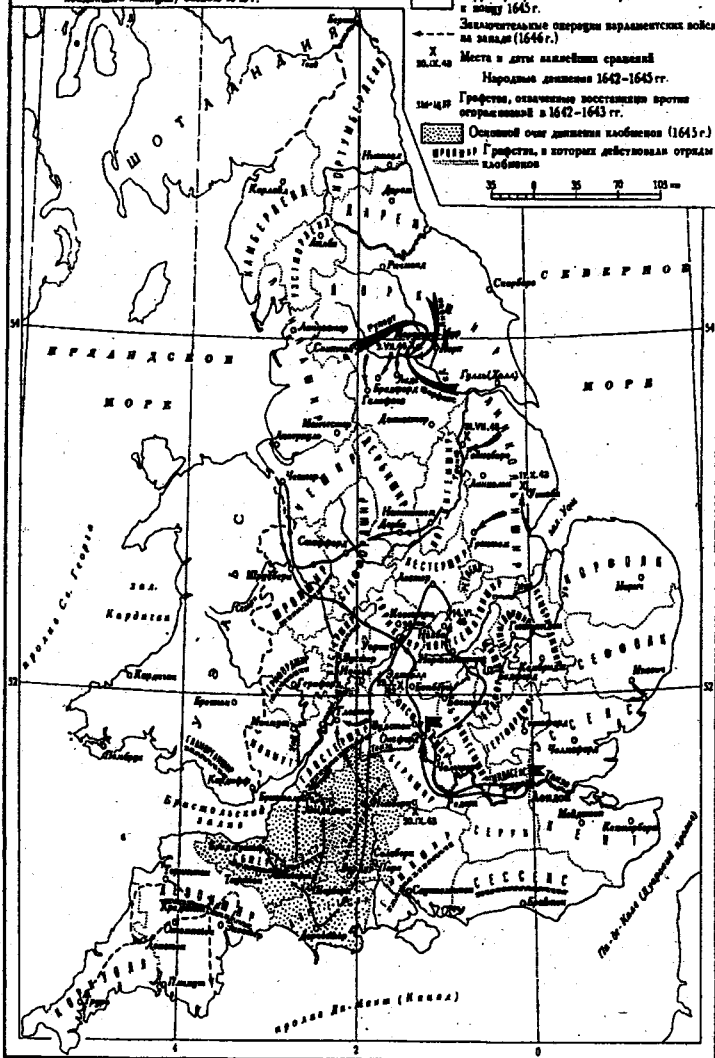
Х Места и даты важнейших сражений

ИМ-ЦР Народные движения 1642—1643 гг.

Грешеты, отмеченные звездочками внутри окружностей в 1642—1643 гг.

□ Основной очаг движения клонбизов (1645 г.)

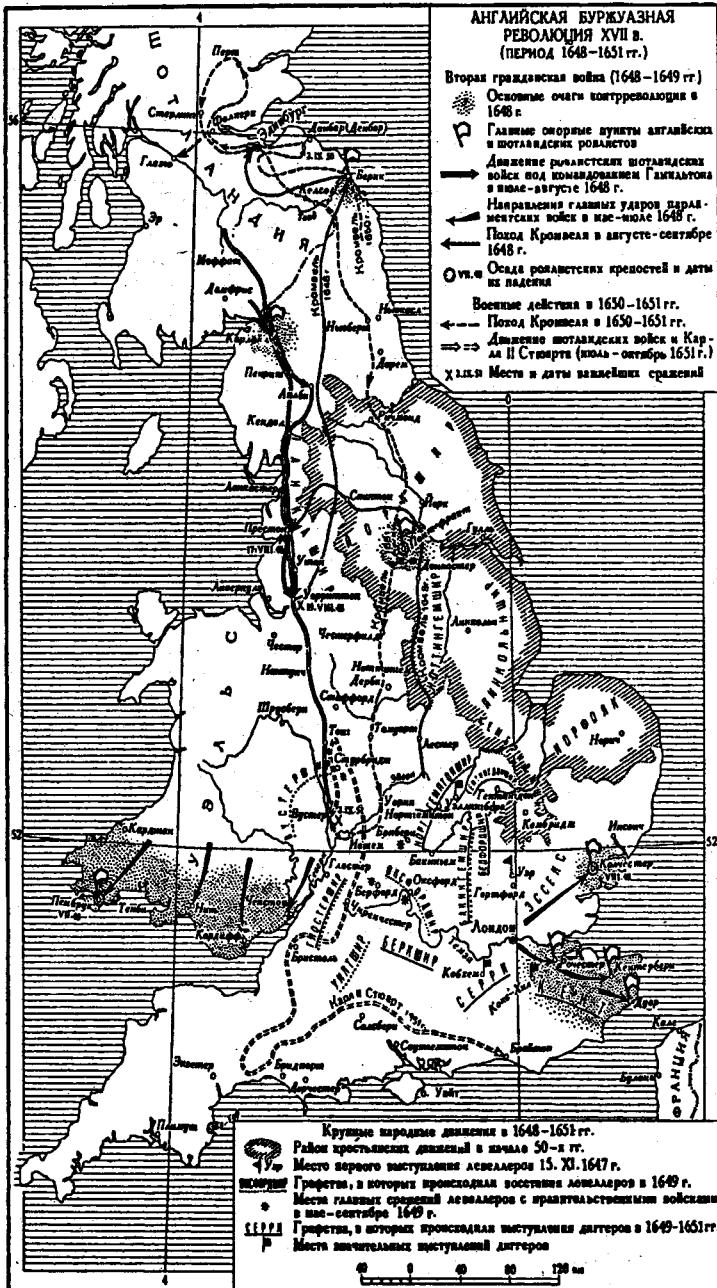
Грешеты, в которых действовали отряды клонбизов

АНГЛИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVII в. (период 1648—1651 гг.)

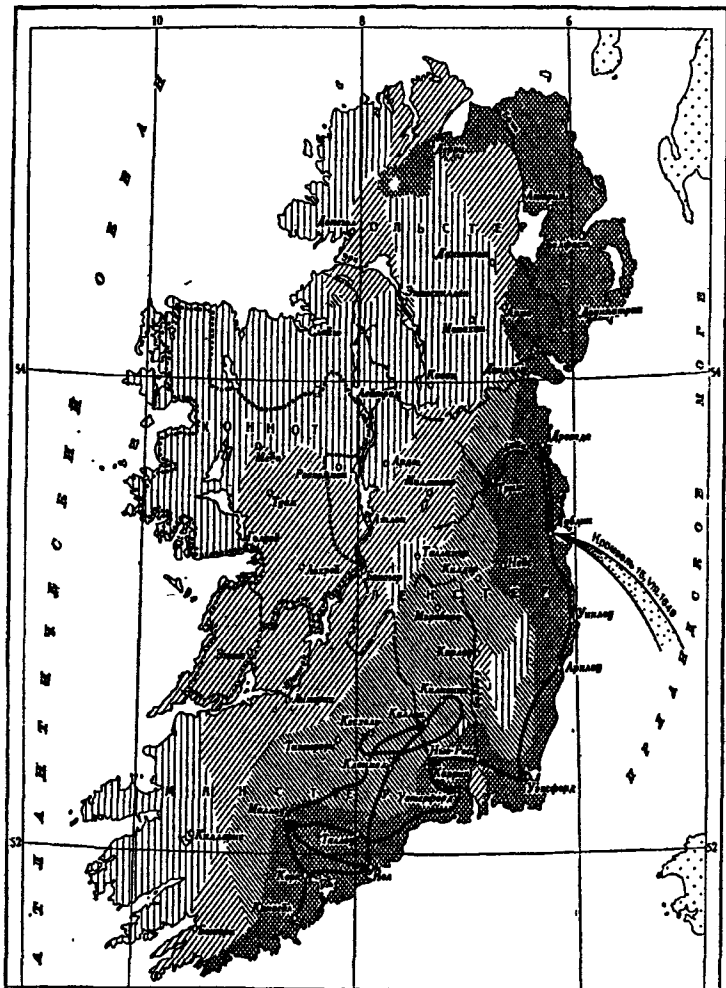
Вторая гражданская война (1648—1649 гг.)

- Основные очаги контрреволюции в 1648 г.
- Галенские оверные пункты английских и шотландских роялистов
- Движение роялистских шотландских войск под командованием Гамилтона в июле—августе 1648 г.
- Направление главных ударов парламентских войск в июле—августе 1648 г.
- ← Поход Кромвеля в августе—сентябре 1648 г.
- М. и Осада роялистских крепостей и дач их падения
- Военные действия в 1650—1651 гг.
- ← Поход Кромвеля в 1650—1651 гг.
- Движение шотландских войск и Карла II Стюарта (июль—октябрь 1651 г.)
- Х М. и О Места и даты важнейших сражений

- Крупные народные движения в 1648—1651 гг.
- Район крестьянских движений в начале 50-х гг.
- Место первого выступления аскаларов 15. XI. 1647 г.
- Грешеты, в которых происходила вооруженная борьба аскаларов в 1649 г.
- Места главных сражений аскаларов с правительственными войсками в июле—августе 1649 г.
- Грешеты, в которых происходила выступления диттеров в 1649—1651 гг.
- Места значительных выступлений диттеров

**ЗАВОЕВАНИЕ ИРЛАНДИИ АНГЛИЕЙ
в 1649—1652 гг.**

Положение Кромвеля в Ирландии (15.VIII.1649—26.V.1650 гг.)

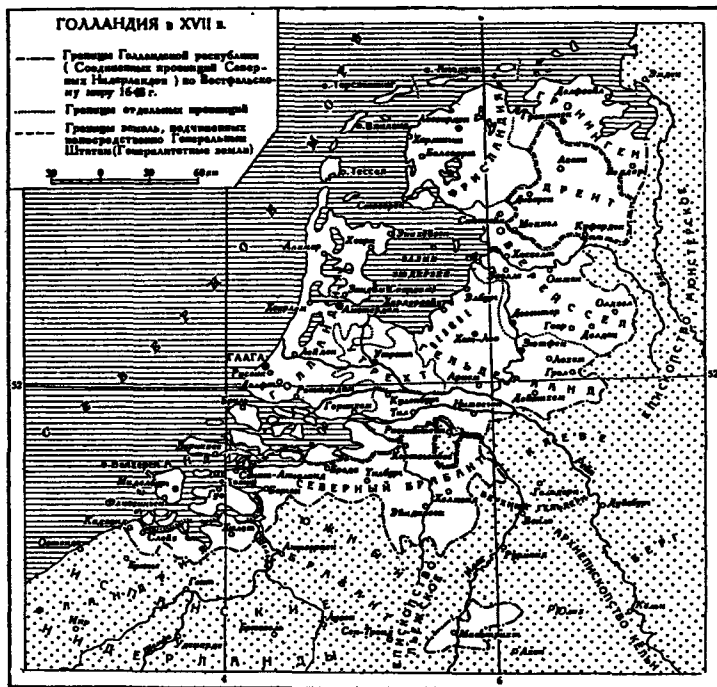
Территории Ирландии, завоеванные

	и концу декабря 1649 г.		и февраль 1652 г.
	и концу мая 1650 г.		и середине мая 1652 г.

----- Границы территории, выделенной для поселений ирландцев, согласно ирландскому „Акту об устроении Ирландии“ (изд. от 26.IX.1653 г.)

----- Границы областей

0 10 20 30 40 км

ГОЛЛАНДИЯ в XVII в.

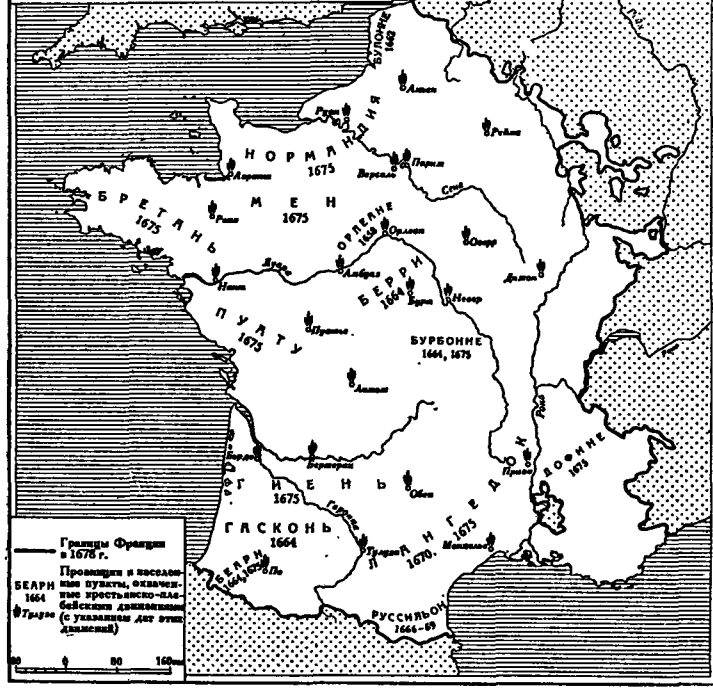
----- Границы Голландской республики
(Соединенные провинции Северных Нидерландов) по Вестфальскому миру 1648 г.

----- Границы отдельных провинций

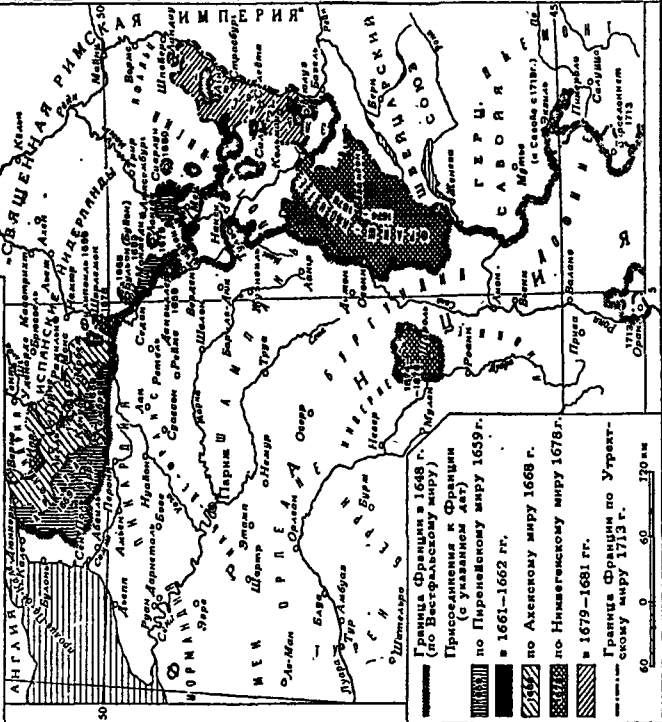
----- Границы земель, принадлежавших непосредственно Голландскому Штатам (Государственным землям)

0 10 20 30 40 км

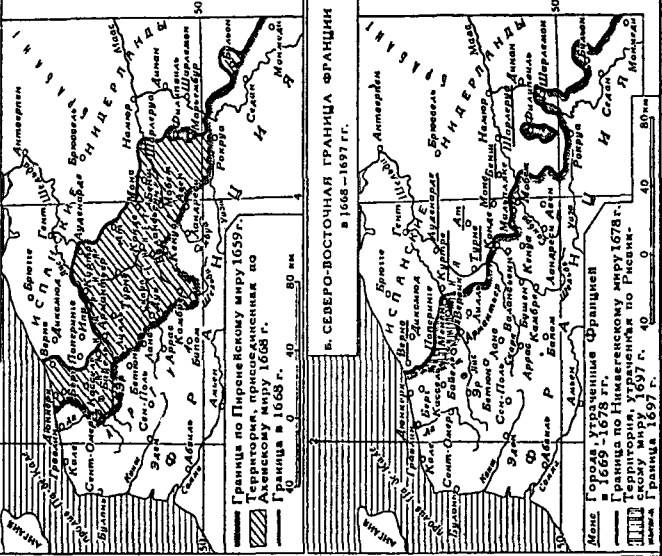
НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ во ФРАНЦИИ в 60-70-х гг. XVII в.
(СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА)

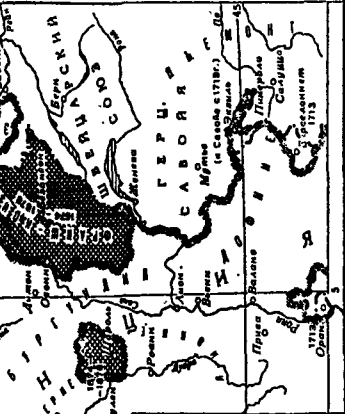
ИЗМЕНЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЫ ФРАНЦИИ в 1648—1713 гг.

А. СЕВЕРОВОСТОЧНАЯ ГРАНИЦА ФРАНЦИИ в 1659—1668 гг.

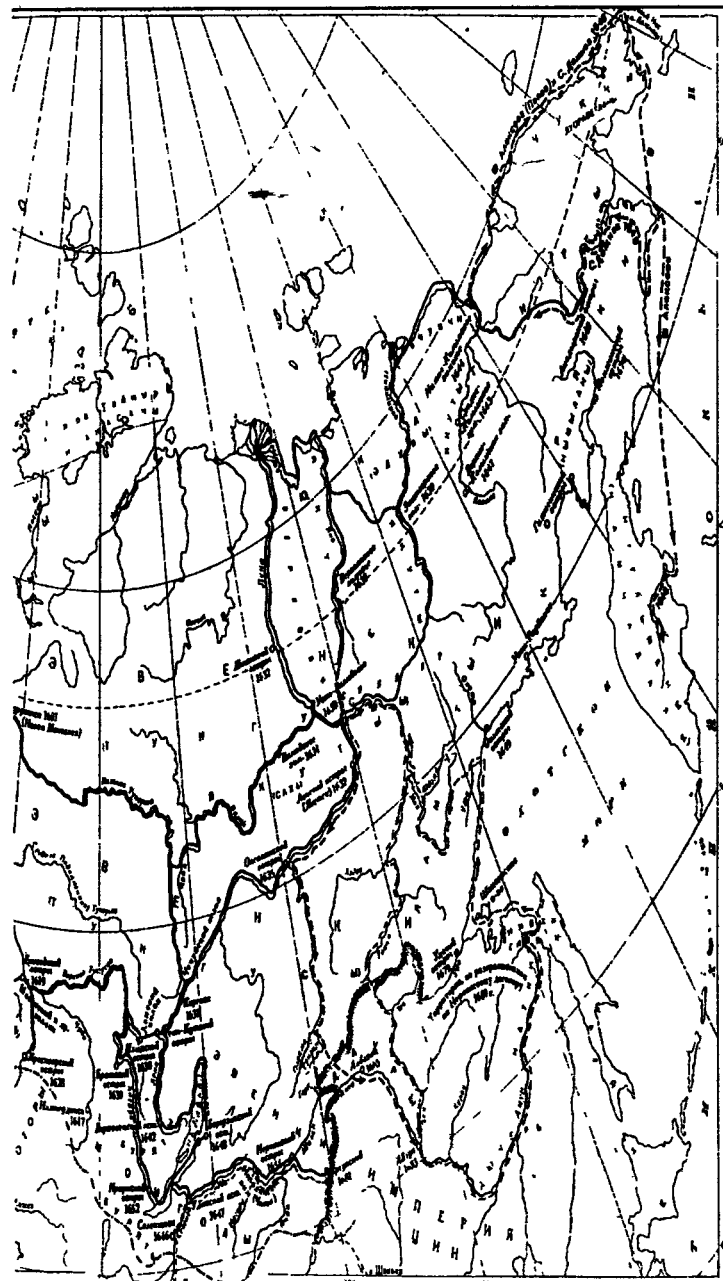
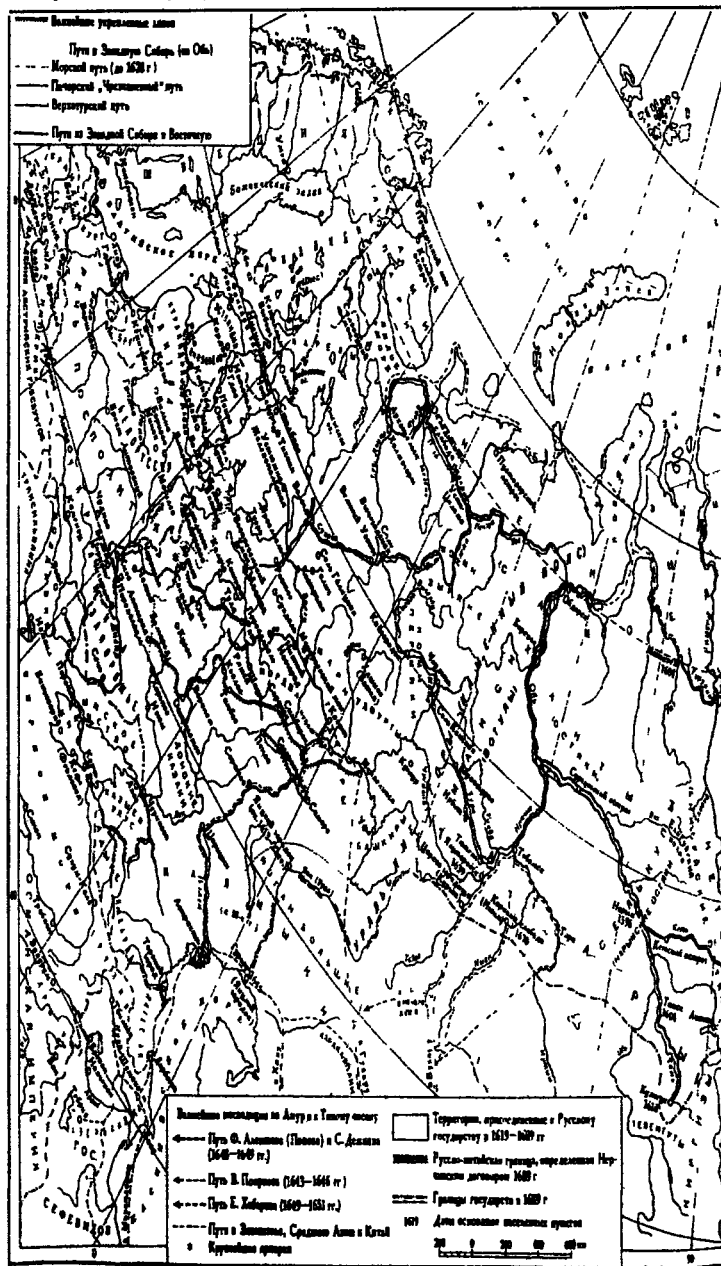
Б. СЕВЕРОВОСТОЧНАЯ ГРАНИЦА ФРАНЦИИ в 1668—1697 гг.

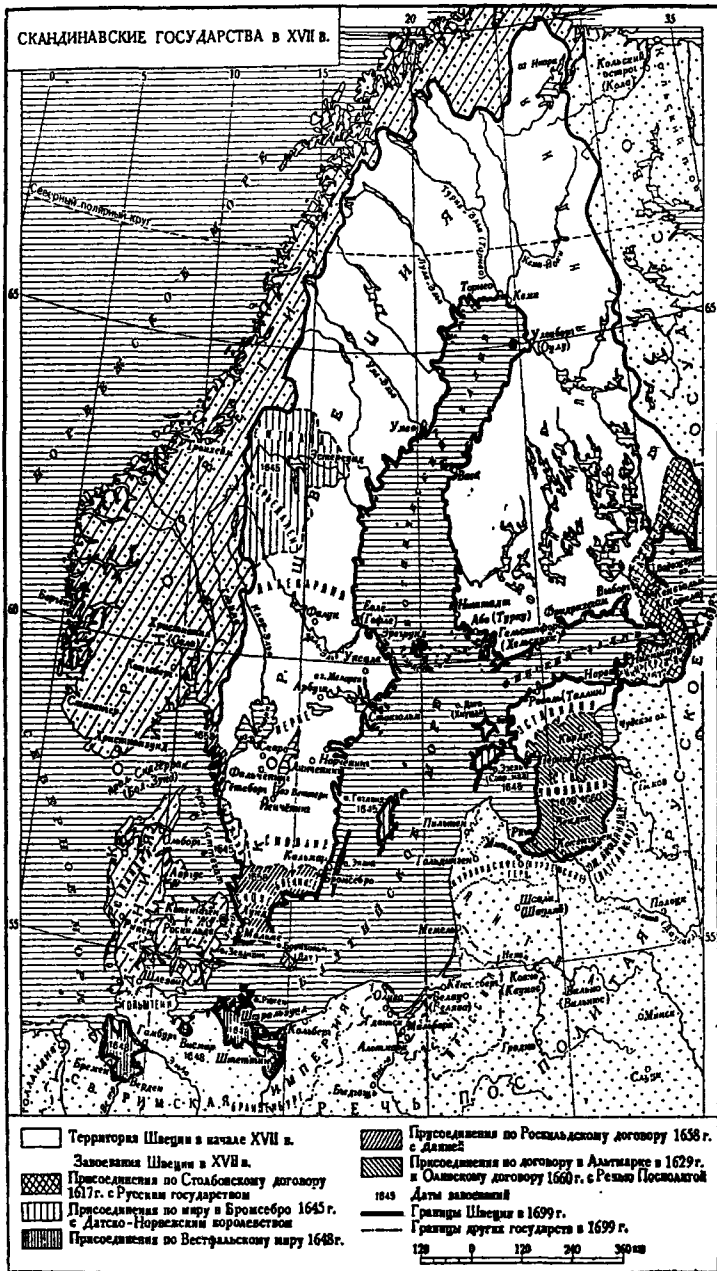
Европа на рубеже XVII и XVIII вв.

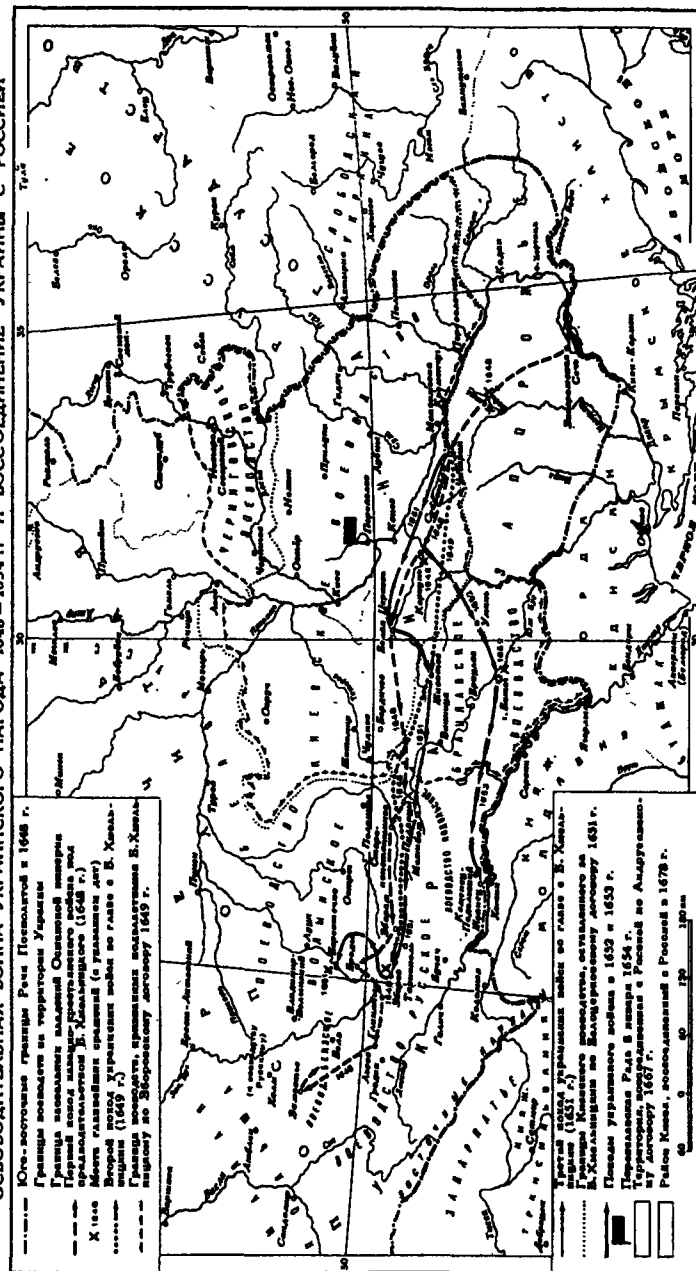
Русское государство в XVII в. (1618 — 1689 гг.)

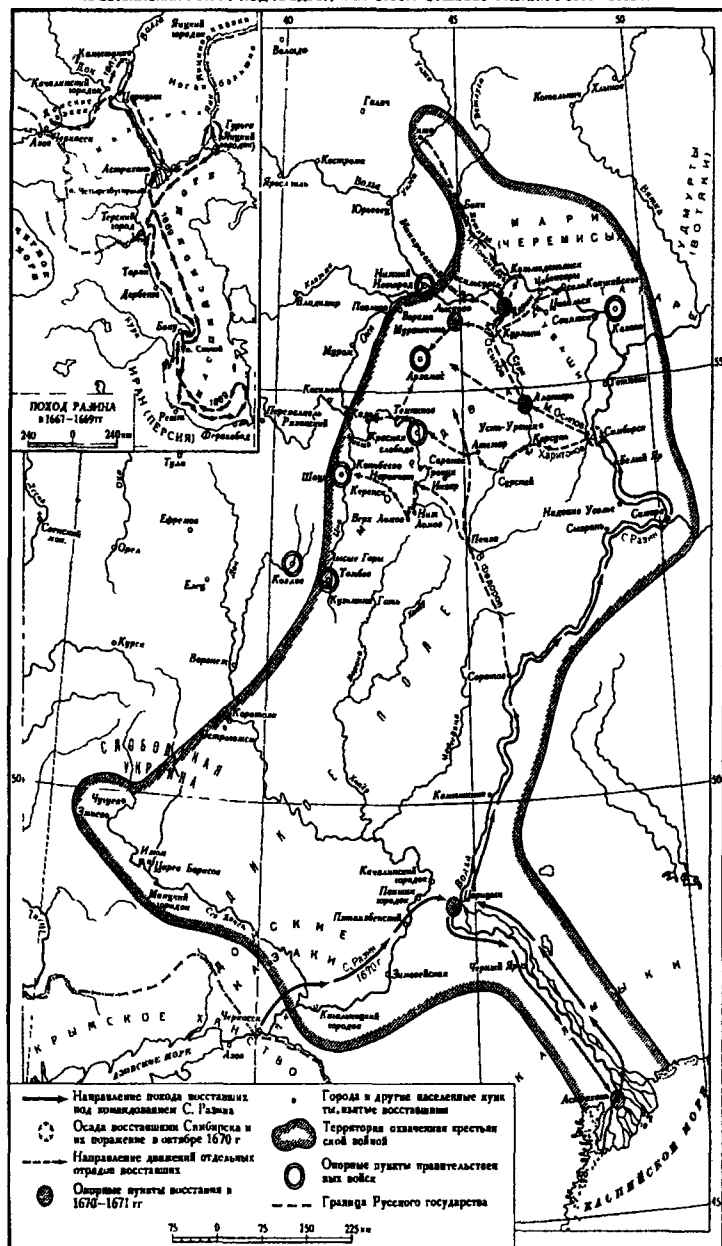
СКАНДИНАВСКИЕ ГОСУДАРСТВА в XVII в.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА УКРАИНСКОГО НАРОДА 1648 — 1654 г. И ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕВОДИТЕЛЬСТВОМ СТЕПАНА РАЗИНА в 1670—1671 гг

В сатирических произведениях осмеиваются отрицательные стороны русской жизни XVII в. В повести о Ерше Ершовиче едко критикуются несправедливые приказные суды. Ерша знают и кушают только «бражники и кабацкие голыши», которым хорошая рыба недоступна. Вина Ерша в том, что он «скопом и заговором» овладел Ростовским озером, — так в повести пародируется статья «Соборного уложения» о выступлении против царя и правительства. Церковные порядки также критикуются. «Калязинская челобитная» высмеивает лицемерие монахов. Архимандрит гонит нас в церковь, жалуются монахи, а мы в то время «круг ведра (с пивом) без порток в одних свитках в кельях сидим... не успеть нам... и взвар с пивом ведра испорознить». «Праздник кабацких ярыжек» представляет собой пародию на церковную службу: «Сподоби, господи, вечер сей без побоев до пьяна напиться нам».

В XVII столетии утверждается особый вид литературного произведения — записки, которые получают развитие в следующем веке. Простым и ясным языком написано произведение основателя раскола «Житие» протопопа Аввакума, повествующее о его многострадальной жизни.

В литературе второй половины XVII в. начинают сказываться народные элементы: в повестях об Азове, в сказаниях о начале Москвы и т. д. Народные запевы звучат в поэтической повести об Азове, в плаче казаков: «Простите нас, леса темные и дубравы зеленые, простите нас, море синее и реки быстрые».

Новым в словесности XVII века было появление книжной поэзии. Первым стихотворцем стал белорус Самуил Емельянович Ситианович-Петровский (1629—1680), в монашестве принявший имя Симеона. Он был «дидаскалом» (т. е. учителем) царевны Софьи Алексеевны и развернул широкую литературную деятельность как автор виршей (стихов), драматических произведений, а также учебников и богословских трактатов.

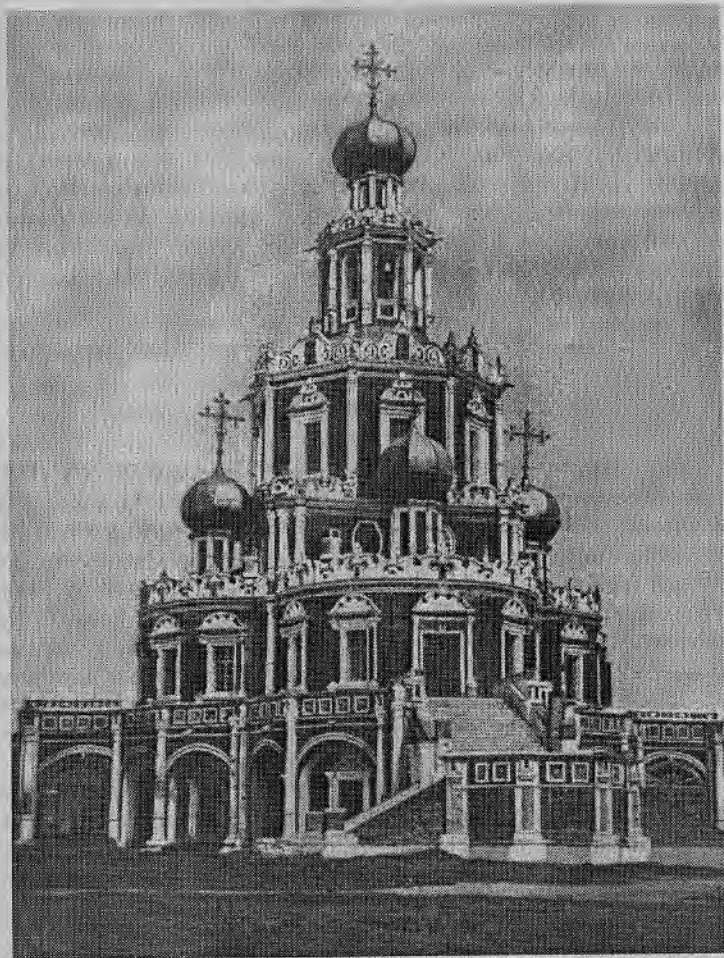
В 1672 г. возникает и русский профессиональный театр, в то время исключительно придворный. Для него Симеон Полоцкий написал «Комедию притчи о блудном сыне». В ней изображалась история блудного сына, раскаявшегося после распутной жиз-

ни и обратно принятого отцом. Для представления в подмосковном царском селе Преображенском выстроили «комедийную храмину». Здесь была разыграна пьеса «Артаксерксово действо» на библейский сюжет. Пьеса чрезвычайно понравилась Алексею Михайловичу, а царский духовник избавил его от сомнений в греховности театра, указав на примеры византийских благочестивых царей, любивших зрелища. Режиссером придворного театра был Грегори, пастор из Немецкой слободы. Некоторые актеры также были иностранцами. Вскоре место режиссера занял С. Чижинский, воспитанник Киевской духовной академии (1675 г.). В этом году были поставлены балет и две новые комедии: об Адаме и Еве, об Иосифе. Труппа придворного театра насчитывала свыше 70 мужчин и детей — «неискусных и несмышленных отрочат», но которые могли играть женщин. Со смертью «тишайшего» царя театр перестал действовать и возродился только при Петре I.

АРХИТЕКТУРА

Ведущим сооружением в XVII столетии оставался каменный храм. Каменные церкви появлялись не только в городах, но стали обычным явлением в сельских местностях. «Дивное узорчье» церквей достигалось как «игрой объемами», которые значительно усложняются по сравнению с предшествующим периодом, так и использованием различных декоративных средств, дающих множество деталей. В больших центрах строились каменные здания гражданского назначения. Обычно это были двухэтажные строения с окнами, украшенными наличниками, и богато отделанным крыльцом. Образцами таких домов являются «Поганкины палаты» в Пскове, дом Коробова в Калуге и др.

По-прежнему одной из излюбленных архитектурных форм в XVII в. остается шатер. Главы, поставленные на высоких шеях, приняли вытянутую луковичную форму. Впоследствии превращение шатра из конструктивного элемента в декоративный станет характерным для небольших посадских храмов, а еще

Церковь Покрова в селе Филях.
1693 г.

позже шатровые храмы останутся достоянием русского Севера с его деревянным зодчеством. В конце XVII в. появляется новый стиль, получавший иногда неправильное название «русского барокко». Храмы имели крестовидную форму, и главы их стали располагаться также крестовидно вместо традиционной расстановки по углам. Стиль подобных церквей, необыкновенно эффективных по их богатой внешней декорации, получил название «нарышкинского», так как лучшие церкви такой архитектуры были построены в усадьбах бояр Нарышкиных. Прекрасным образцом является церковь в Филях, под Москвой.

Постройки подобного рода воздвигались не только в России, но и на Украине. Необыкновенно стройные и в то же время богато украшенные колонками, наличниками, парапетами здания этого стиля восхищают своей красотой. Этот стиль по территории его распространения можно было бы назвать украинско-русским.

ЖИВОПИСЬ

Для иконы и монументальной живописи XVII в. характерна известная противоречивость тенденций. С одной стороны, это верность иконописным традициям, несомненный интерес к сложным, многофигурным догматическим композициям («Символ веры», «Не мир, но меч» и т. п.), требующим специального богословского комментария. С другой — стремление художников к «живству» в «личном» письме (т. е. изображениях ликов Спасителя, Божьей Матери и святых), попытки построить перспективу, любовь к деталям в иконе и фреске.

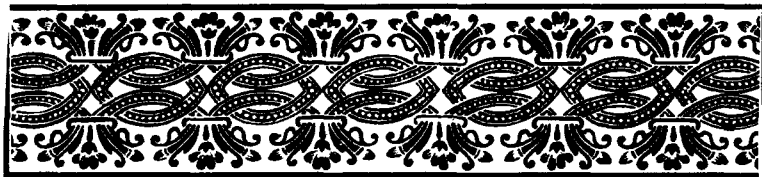
Лучший живописец Симон Ушаков стремился писать не отвлеченные, а реалистические образы. Иконы и роспись такого «фряжского письма» показывают стремление русских художников избежать отвлеченных схем. Это вызвало отпор со стороны таких ревнителей традиций, как протопоп Аввакум. Он язвительно отзывался о новых иконах, говоря, что на них «Спас милостивый» изображен наподобие пьяного иноземца с румянцем на щеках.

Серебряная позолоченная с чернью чаша 1699 г.

В XVII в. расцветают художественная вышивка, резьба по дереву и другие виды декоративно-прикладного искусства. Русские ювелиры, работавшие в Оружейной палате и выполнявшие царские заказы, создавали настоящие шедевры.

Все области культурной жизни России оживали, реагируя на новые веяния в хозяйственной и общественной сферах. Однако главная культурная тенденция XVII века — «обмирщение» была лишь тенденцией, поскольку культура России этого периода была или непосредственно религиозной, или культурой, еще не порвавшей с религиозной основой.

ГЛАВА 5

УКРАИНА ДО И ПОСЛЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ С РОССИЕЙ

Украинский этнос в первой половине XVII в. был расселен на территориях, входивших в состав Польши, Венгрии, Османской империи и России, причем наибольшая часть Украины — от Карпат до Полтавы и от Чернигова до Каменец-Подольска — оставалась под властью Польши. В составе Речи Посполитой, в которой главенствовала Польша, находилась и Белоруссия.

УКРАИНА ПОД ВЛАСТЬЮ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Феодализация общественных отношений в Речи Посполитой и рост политического влияния магнатства с особой силой проявились на украинских и белорусских землях. Насильственно захватив земли на Украине, польские магнаты создали огромные латифундии. Среди магнатов выделялись Конецпольские, Потоцкие, Калиновские, Замойские и др. Одному Конецпольскому на Брацлавщине принадлежало 170 городов и местечек, 740 сел. Украинские феодалы, которые к этому времени приняли католическое вероисповедание и ополячились, также укрупняли свои землевладения. К ним относились Виш-

невские; Кисели, Острожские и др. Князьям Вишневецким принадлежала почти вся Полтавщина с 40 тыс. крестьянских и городских дворов, Адаму Киселю — огромные поместья на правобережье.

Рост землевладения на Украине сопровождался дальнейшим увеличением крестьянских повинностей. В первой половине XVII в., кроме выполнения барщинных повинностей, крестьяне были обязаны поставлять на панский двор хлеб, птицу, яйца. Деньги с крестьян взимались при оформлении брака и при получении наследства. Крестьян принуждали молоть хлеб только на панской мельнице, пользоваться только панской кузницей и покупать водку и пиво исключительно в панской корчме. Тяжелым было положение крестьян в имениях, сдаваемых в аренду купцам, ростовщикам или шляхтичам. Стремясь в кратчайший срок возместить арендную плату, арендатор интенсивно эксплуатировал имение и нередко подрывал хозяйство крестьян.

Жизнь и имущество крестьян находились в распоряжении феодалов. Фрунцуз Боплан, проживший на Украине 17 лет, оставил записки, в которых отмечал, что положение украинских крестьян хуже, чем положение галерных невольников. Шляхтичи и магнаты называли украинских крестьян «быдлом», т. е. скотом. Непокорных паны приказывали вешать и сажать на кол. Конецпольский инструктировал подчиненных, как надо справляться с восставшими крестьянами: «... Вы должны карать их жен и детей, и дома их уничтожать, ибо лучше, чтобы на тех местах росла крапива, нежели размножались изменники его королевской милости и Речи Посполитой».

В бесправном положении находились жители городов — мещане. Это происходило потому, что большая часть городов была частновладельческая. В Киевском и Брацлавском воеводствах более 80 % городов и местечек принадлежало частным владельцам. Винокурение, пивоварение, рудокопный, поташный и др. — эти промыслы составляли монополию короны и шляхты. Мещане не могли составить конкуренцию беспощинной торговле панов продуктами, скотом и кожей. Наравне с крестьянами они платили панам подати со всех источников доходов. Королевская власть не была в состоянии защитить горожан.

Феодалная анархия в стране приводила к тому, что крестьяне страдали не только от своих панов, но и от наездов «чужих». Стычки между отдельными шляхетскими группировками разоряли украинские города и села. Особенно изощрялся в грабительстве в 30—40 годах XVII столетия шляхтич Лащ. О нем писали, что он «насильничал, убивал, отрезал уши и носы, уводил девушек и вдов и выдавал их замуж за своих негодяев, вместе с ним участвовавших в грабежах». Лаща 236 раз приговаривали к изгнанию и 37 раз к лишению чести, но покровительство магната Конецпольского спасало его. Лащ однажды появился в королевском дворце в шубе, подшитой судебными приговорами.

Социальный гнет украинского народа усиливался национальным и религиозным притеснениями. Во Львове, например, украинцам был закрыт доступ в цехи, их ограничивали в торговле, лишали права участвовать в городском суде и самоуправлении, строить дома в центре города и т. п. Украинский язык не признавался официальным языком.

Воинствующие католические деятели во главе с папой не только поддерживали, но и вдохновляли политику ассимиляции и окатоличивания украинского и белорусского народов. С целью насаждения католицизма среди украинского и белорусского населения была введена уния православной и католической церквей. Униатская церковь получила право отправлять церковную службу на славянском языке, но признавала главой церкви папу и принимала католические догматы. Поэтому уния православной и католической церквей, провозглашенная на Брестском соборе 1596 г., поставила украинский и белорусский народы в подчиненное положение по отношению к римской церкви.

Постоянную угрозу для украинского народа представляли грабительские вторжения татарских отрядов. Крымские татары из года в год опустошали села и города Украины. На невольничьих базарах Стамбула и других турецких городов продавался «ясырь» — пленные, захваченные хищными кочевниками во время их набегов на окраины России и Украины.

В годы больших набегов татары творили, как

выражается летопись, «многие пакости». Они уводили по 5, 8, 15, а случалось, и свыше 50 тысяч человек в неволю. После набега 1593 года в Луцком повете оставалось до 1601 года 269 разрушенных местечек и селений.

Речь Посполитая не умела организовать настоящего отпора татаро-турецкой агрессии. В то время как южные границы России были защищены укрепленными чертами с острожками, украинские земли оставались почти открытыми для нападения кочевников.

Господство польских панов и непрекращающиеся нападения турецко-татарских полчищ тормозили рост производительных сил страны, создавали смертельную опасность для украинской культуры. Татары, причинявшие страшный материальный урон, к тому же были иноверцами. Против мусульман ополчилась вся католическая Европа, а театром боевых действий часто была украинская степь. Татары находились в политической зависимости от Турции и представляли ее передовые отряды. Непримируемая борьба с ними считалась святым делом. По существу в Европе и в украинских степях, лицом к лицу встретились два мира: мир христианский и мир мусульманский. Последний грозил огнем и мечом покорить неверных.

Главная арена борьбы была в средней Европе: там происходили громкие победы и громкие поражения. Что же касается Украины, то здесь велась ежедневная неустанная борьба за выживание. Негромкая и неэффективная борьба эта требовала большей отваги, большего напряжения, чем шумные сражения громадных армий по ту сторону Карпат. Если образно выразиться, то мусульманский мир в лице степного хищника — татарина встретил должный отпор со стороны христианского мира в лице украинского казака, который долгое время вел, можно сказать, одну борьбу с врагом и удерживал его натиск на Польшу.

ЗАРОЖДЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА

Политика социального и национально-религиозного угнетения населения Украины встречала решительный отпор со стороны украинских крестьян, мещан, казаков. Борьба украинского народа против социального гнета проявилась в отказе от выполнения повинностей, поджоге панских имений, массовом бегстве на земли Южной Киевщины, Брацлавщины и Подолии, а также в низовье Днепра.

Оседавшее в Поднепровье население — в основном это были украинцы, но сюда прибывали также белорусы, русские, поляки, литовцы — выступало против польских магнатов, католической церкви и боролось против татарских набегов.

Безлюдная степь, незащищенная граница, беспоконный враг наездник, православная вера, объединяющая усилия и придававшая борьбе возвышенный характер, отсутствие каких-либо систематических мероприятий со стороны Речи Посполитой для защиты степной границы — вот условия, благодаря которым зарождается и развивается казачество. Далеко не сразу казачество нашло свой центр и приняло организованный вид. Сначала это были бродячие, случайно собравшиеся ватаги, которые отваживались на преследование разрозненных отрядов татар в безлюдной степи. Боевая, наездническая жизнь не располагала к земледельческому труду, а богатая растительностью степь давала возможность заняться скотоводством, звероловством, рыболовством в низовьях Днепра, наконец, торговлей, так как там же проходил путь из Турции и вообще с побережья Черного моря в Московию и Польшу.

Таким образом, вошло в обыкновение среди пограничного украинского населения ходить в казаки. Этим обычаем пользовались и старосты сторожевых королевских замков, а также порубежные магнаты. Они сзывали к себе охотников показывать, нередко становились сами во главе ватаги и ударили на врага.

Еще в начале XVI столетия летописцы отметили таких предводителей и устроителей казачества: это были хмельницкий староста Ляндскоронский, черкасский и каневский староста Дашкевич и позднее

Дмитрий Вишневецкий. Средоточием казачества становятся Черкассы, древнейший город южной Руси, и Канев.

Предводители казачества поняли, какую пользу могут оказать казаки Польше и обращались к правительству с предложением дать казачеству постоянную организацию. Польский сейм одобрил эти начинания, проектировал сам устройство рыцарской школы за днепровскими порогами, но дальше разговоров дело не пошло. Тогда казаки позволили себе свободно переходить со службы польскому королю на службу к московскому царю и даже турецкому султану. С другой стороны, казаки затевали набеги на татар, даже в Турцию, когда польское правительство заключало с турками «вечный мир».

Панский гнет тем временем постепенно подвигался из внутренних областей на Украину. Религиозная рознь между католиками и православными обострялась. Обострялись национальные противоречия. В ответ на это украинцы все большими и большими массами уходили в казаки, рассыпались по степи, спускались к низовью Днепра и вели здесь кочевую, полуседлую жизнь, беспрестанно воюя с татарами.

Кроме Запорожья, масса казаков проживала в Киевской, Полтавской и Подольской губерниях.

В социальном отношении казачество не было однородным. Его верхушку составляла старшина. Старшина была имущественным слоем, владела землей, использовала наемный труд и даже занималась ростовщичеством. Старшие казаки выбирались на должности, но они злоупотребляли своим влиянием и часто переизбирались. Из среды старшины выходило немало мелких и средних украинских шляхтичей. Подавляющая масса казаков не была занесена в особый список — реестр. Именно эта, незарегистрированная часть казаков, все время пополнявшаяся беглыми крестьянами и горожанами, составляла наиболее активную силу в борьбе против феодально-крепостнического гнета.

В условиях этой борьбы еще в начале XVI века на днепровских островах, расположенных ниже порогов, возникла Запорожская Сечь.

ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ

Запорожская Сечь несколько раз меняла свое место после неудачной попытки Вишневецкого устроить ее на острове Хортице. Однако она всегда устраивалась пониже днепровских порогов. Сечь составляла центр, куда уходили люди, почему-либо вынужденные покинуть свои отцовские «грунты».

Уже в конце XVI столетия и особенно в первой половине XVII века Сечь фактически не признавала власти Польши. На Сечь ориентировалось не только население Поднепровья, но и все слои и группы украинского общества, страдавшие от социального и религиозного гнета.

«Сичь — маты, а Вылький Луг — батько, — говорили запорожцы, — там следует жить, там следует и умирать».

На Запорожье свободно мог приходиться всякий, даже «бусурманин». Никто здесь ни у кого не спрашивал документов. Однако, вступив в товарищество, всякий давал обет воевать за христианскую веру. В этом отношении характерно обычное воззвание, с каким казаки обращались к народу, затевая поход против татар или турок: «Кто хочет за христианскую веру быть посаженным на кол, — зывали они, — кто хочет быть четвертован, колесован, кто готов принять всякие муки за святой крест, кто не боится смерти, приставай к нам!»

В товарищество поступали и холостые, и женатые, но никому под страхом смертной казни не позволялось приводить женщин на Сечь. Таким образом соблюдалось полное целомудрие, за блуд жестоко наказывали палочными ударами. Воровство также преследовалось беспощадно: «За едино путо вешают на древе». Самое бесчеловечное насилие и разбой дозволялись на войне, но за нападение на мирные христианские поселения казнили смертной казнью.

Жили сечевые запорожцы в куренях, длинных казармах, выстроенных из дерева. «Вот тебе и домовина», — говорил куренной атаман новичку, отводя ему место в 3 аршина длины и 2 ширины. Каждый курень имел своего кашевара, и трапеза совершалась за общим столом. Пища была самая простая: соломаха, тетеря и щерба (ржаная мука, вода и рыба

в различных соединениях) — вот и все деликатесы их стола. Зато разного рода «пьяные напитки» выпивались в изрядном количестве, в особенности после удачных походов. Все внутренние распорядки покоились на общинном начале «товарищества». На общей раде, вече, каждый запорожец имел одинаковый голос.

Все важнейшие вопросы решались радой: она же выбирала начальников: кошевого атамана, полкового писаря, есаулов и т. д. Во всех случаях строго соблюдалось подчинение избранным лицам. Но избранные начальники действовали всегда на виду у товарищества и давали отчет по окончании своих полномочий.

С течением времени жизнь Запорожской Сечи развивалась, усложнялась и приняла некоторые черты правительственного механизма.

Речь Посполитая постоянно пыталась поставить казачество и Запорожскую Сечь под свой контроль. Турецкий султан требовал, чтобы польский король унял своих казаков. Но польский коронный гетман не был в состоянии сделать это.

Сигизмунду III (1578—1632) удалось стеснить казачье вольности. Так как мещане и холопы продолжали уходить в казаки, то постановлею было завести особых урядников, которые наблюдали бы, чтобы не происходила спонтанная миграция населения в понизовье Днепра. Было отменено казацкое выборное начало: казаки должны были находиться под властью коронного гетмана, назначаемого королем, а коронный гетман назначает уже по своему усмотрению казацкую старшину. Все это можно было проделать с реестровыми казаками, но как было совладать с огромной массой непризнанного казачества, которая не признавала никаких распоряжений короля и отвечала на них восстаниями?

Тем временем гнет, политический, религиозный и социальный, на Украине постоянно усиливался. Происходило перерождение украинских дворян в польских магнатов и шляхтичей, народ же обращался в холопство.

Православное духовенство находилось в дезорганизованном состоянии. Король пользовался неограниченным правом раздавать епископии и монастыри.

Эти места расхватывали обыкновенно шляхтичи знатных фамилий, имея в виду одни материальные интересы. Иногда на одно и то же место оказывалось несколько претендентов, и они вступали между собой в открытый бой. Ничего нет странного, что такие епископы распоряжались церковным имуществом как своей собственностью, отдавали его в приданое за дочерьми и т. д. Интересы же православия и народа для них были делом последним. Польские магнаты и польские прелаты могли в своей католической ревности доходить до геркулесовых столбов. Так, луцкий староста Симашко приказывает брать «мыто» за вход в соборную церковь с духовенства и народа по грошу и по два гроша с человека или даже вовсе не пускать в церковь. В Страстную субботу и Святое воскресенье он устраивает в притворах церкви танцы и иные игры, а гайдукам приказывает стрелять в церковный купол и крест. Жалобы епископа оставались без последствий.

БРАТСТВА

Религиозное угнетение украинского населения привело к тому, что в среде горожан возникали особые братства, например в Киеве, Львове и других городах. Формально эти братства являлись объединениями церковно-просветительского характера, по существу же они играли роль своего рода центров национально-освободительной борьбы. Братства имели свои типографии, издавали учебники и публицистические произведения, оспаривающие права католицизма и унии.

К началу XVII столетия казацкие восстания приняли систематический характер. Так, в 1596 году произошло мощное восстание во главе с Лободой и Наливайко. К этому восстанию имел прямое отношение и князь Острожский, защищавший православие. Наливайко, красавец и храбрец, громил и грабил преимущественно двух поборников унии, Карилла Тарлецкого и Симашко. Между грабежами и набегами он находил приют у князя Острожского, у которого брат Наливайки служил в качестве домашнего священника. Наливайко заставила взяться за оружие личная обида: магнат Калиновский отнял землю у его отца и избил его так, что тот умер от побоев. «А ведь он у меня один был! — восклицает Наливайко в оправдательном письме к королю. — Один! И паны отняли его! Кто может возратить сыну отца! Или паны не понимают, что подобные преступления не прощаются...». Когда это восстание было подавлено, масса казаков и холопов устремилась на Запорожье и отсюда предпринимала дерзкие походы против турок и татар.

Особенно в походах против турок прославился знаменитый казацкий предводитель и весьма крупная личность — Петр Конашевич-Сагайдачный. При нем казаки отваживались переплывать Черное море, нападали на побережные города Малой Азии, появлялись в окрестностях самой турецкой столицы и «окуривали мушкатным дымом» твердыню мусульманского владычества в Европе. Поляки ничего не могли поделать с ними. Они ограничивали число реестровых казаков, низводили его всего до одной тысячи. Но подобные ограничения оставались на бумаге. В критическую минуту во время войны с Московией, сам король был вынужден обратиться за помощью к казакам, и почти 20-тысячное казацкое войско под предводительством Сагайдачного спасло королевича Владислава от неминуемой гибели под Можайском. Сагайдачный весьма умело воспользовался этой услугой. Правда, он удерживал казаков от восстания против панства, но в то же время упорядочил их внутренний быт, отстоял их независимость от польских властей, значительно увеличил их

численность и, что важно, восстановил православную иерархию. Сагайдачный во время проезда через Киев иерусалимского патриарха попросил посвятить в сан киевского митрополита Иова Борецкого. Таким образом, русское духовенство получило независимую организацию и могло вступить в борьбу с римско-католической пропагандой.

Эти мирные успехи привели к тому, что в 1625 году казаки выступили перед сеймом с довольно смелым требованием относительно обеспечения православия правами. Поляки послали против них войско и принудили подписать Кураковский договор на урочище Медвежьи Лозы, в силу которого число реестровых казаков низводилось до 6 тысяч. Исключенные из реестра подняли в 1630 г. восстание под предводительством Тараса, но реестровые казаки не поддержали его, он попался в руки врага и был казнен.

Несмотря на жестокие расправы с повстанцами, борьба широких масс населения Украины не прекращалась. В 1648 году эта борьба вылилась в войну. Возглавил ее Богдан Хмельницкий.

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Выходец из почти безвестной украинской шляхты, Хмельницкий был для своего времени образованным человеком. Он знал латынь и французский язык, что дало ему возможность по поручению короля Владислава ездить в Париж. Хмельницкий принимал участие в походах против татар, в крестьянско-казацких восстаниях 1637—38 гг. Хорошо зная настроения украинского народа, Хмельницкий был уверен, что украинцы никогда не примирятся со своим подчиненным по отношению к полякам положением.

Кроме того, личная трагедия обусловила в характере Хмельницкого стойкую ненависть к польской шляхте.

В свое время польский шляхтич Чаплинский во время отсутствия Хмельницкого разграбил его хутор Субботов, насмерть засек батогами его малолетнего сына и увез жену.

Хмельницкий обратился в суд, но польские судьи

Богдан Хмельницкий.
Гравюра Гондлуса 1651 г.

обратили внимание на то, что с женой (полькой по национальности) он не был обвенчан, а документов на право владения Субботовым у истца не было. Чаплинский был оправдан.

Террористические действия шляхты не сразу превратили Хмельницкого из домовитого владельца земли и имущества в выразителя интересов самых широких слоев украинского народа. Только когда чаша терпения переполнилась и народ поднялся на борьбу, Хмельницкий выступил в качестве организатора и предводителя его военных сил.

В конце 1647 г. Хмельницкий во главе небольшого отряда направился в низовья Днепра. Войско

Хмельницкого быстро росло. Уже в январе 1648 г. отряды Хмельницкого заставили капитулировать польский гарнизон возле Запорожской Сечи. Вскоре Хмельницкий был провозглашен гетманом Войска Запорожского.

СРАЖЕНИЯ У ЖЕЛТЫХ ВОД, ПОД КОРСУНЬЮ И ПИЛЯВЦАМИ

Стремясь защитить тыл от татаро-турецких набегов и предотвратить по крайней мере на ближайшее время возможность сговора польских и крымских феодалов, Хмельницкий стал на путь переговоров с крымским ханом.

Соглашение с Крымом, заключенное в начале 1648 г., имело большое политическое значение. Хмельницкий понимал, что крымский хан — ненадежный и временный союзник. Тем не менее он считал необходимым поддерживать союзные отношения с Крымом до тех пор, пока Русское государство не окажет Украине прямую вооруженную помощь.

В марте коронный гетман Николай Потоцкий доносил королю о том, что восстание украинцев расширяется, «что не было ни одной деревни, ни одного города, в котором не раздавались бы призывы к своеволию и где бы не замыслили на жизнь и имущество своих панов и арендаторов». Потоцкий с беспокойством отмечал, что Хмельницкий с запорожцами подняли восстание «в заговоре со всеми казацкими полками и всей Украиной». Коронный гетман возглавил карательные войска, отправленные на Украину.

6 мая 1648 г. Хмельницкий уничтожил авангард польской армии у Желтых Вод. Через 10 дней под Корсунью произошло крупное сражение, в котором Хмельницкий проявил себя выдающимся полководцем. Украинский гетман заранее выбрал место сражения и занял возможные пути отхода неприятеля. Зажатое в клещи, польско-шляхетское войско через несколько часов боя было полностью разгромлено. Потоцкий, намеревавшийся «победою над неприятелем украсить святой крест, а также славное имя

королевской милости победным лавром», сдался в плен.

В результате побед у Желтых Вод и под Корсунью значительная часть Украины была освобождена. На остальной территории повсеместно возникали крестьянские и казацкие отряды; крестьяне массами «оказывались». Восставшие занимали города и панские усадьбы, уничтожали остатки правительственных и магнатских войск. Началось освободительное движение и в Белоруссии.

Не оставалась в стороне от борьбы и украинская мелкая шляхта, связывавшая с успехом восстания свои планы ликвидации крупного магнатского землевладения на Украине. К движению примкнуло и украинское православное духовенство. Сууществовавшие в лагере украинского освободительного движения социальные противоречия временно отступали на задний план.

Освободительная война украинского народа была вместе с тем и борьбой за воссоединение Украины с Россией. Выражая волю украинского народа и выполняя решение созданной под Корсунью войсковой Рады, единодушно высказавшейся за воссоединение с Россией, Хмельницкий уже в 1648 г. поставил этот вопрос перед русским правительством. В своем обращении к царю в июне этого года он писал: «Зичили бихмо (желали бы мы) собши самодержца господаря такого в своей землі, яко ваша царская велможност православный хрестиянский цар...».

Освободительная война украинского народа и его стремление воссоединиться с Россией встречали одобрение и в Москве. Однако царское правительство не могло в то время послать войска на Украину. Этот акт вызвал бы немедленную войну с Польшей, к которой Россия, ослабленная неудачной Смоленской войной 1632—1634 гг., еще не была готова. Откладывая решение вопроса о воссоединении и войне с Польшей до более благоприятного времени, оно однако оказывало украинцам помощь продовольствием, оружием, деньгами.

Хмельницкий в течение лета 1648 г. достиг больших успехов в формировании боеспособной армии. В то же время гетман не забывал о сложном внешнеполитическом окружении Украины и постоянно сле-

дил за внутривосточной борьбой в самой Речи Посполитой. Смерть короля Владислава IV и наступившее затем бескорольеве обострили внутренние распри в лагере польских магнатов. В связи с трудностями формирования крупных вооруженных сил для войны на Украине в правящих кругах Речи Посполитой появились сторонники бескровного подавления украинского освободительного движения. Возглавлявшие эту «мирную» партию Е. Оссолиньский и А. Кисель считали несвоевременной тактику беспощадного применения оружия, которой придерживалось большинство владельцев украинских латифундий во главе с И. Вишневецким и А. Конечпольским. Рядом незначительных уступок украинской шляхте и зажиточному казачеству они надеялись расколоть лагерь восставших и уже затем разгромить движение.

Зная об этих разногласиях, Хмельницкий летом 1648 г. завязал переговоры с польским правительством. К этому времени, однако, перевес получили сторонники беспощадного подавления восстания, и в Польше была спешно сформирована 40-тысячная армия, возглавленная магнатами Д. Заславским, Н. Остророгом и А. Конечпольским.

Армии встретились под Пилявцами, неподалеку от Староконстантинова (Южная Волынь). Сражение распалось на ряд схваток и длилось несколько дней. Решающей была битва 13 сентября 1648 г., которая закончилась разгромом польско-шляхетских войск. Украинская армия захватила богатые трофеи. Остатки неприятельских войск искали спасения в бегстве. Победа под Пилявцами способствовала развертыванию освободительного движения в Западной Украине, на Волыни, а также в Белоруссии, где восставшие овладели такими крупными центрами, как Пинск, Туров, Мозырь, Гомель, Бобруйск, Брест. Вместе с белорусским народом боролись пришедшие с Украины отряды казаков под руководством Антона Небабы, Михненко, Кривошапки и др. Однако борьба в Белоруссии протекала менее организованно, чем на Украине. Это дало возможность польским войскам захватить героически защищавшийся Пинск, а в начале 1649 г. овладеть Туровом, Мозырем и Бобруйском.

Преследуя отступающего противника, народно-

освободительная армия к концу сентября 1648 г. подошла к стенам Львова, а потом и Замостья. Приближение украинской армии к собственно польским землям сопровождалось антифеодальными крестьянско-плебейскими бунтами в самой Польше. Потерпев ряд тяжелых поражений, многие польские феодалы стали склоняться к заключению перемирия.

К ноябрю 1648 года у восставших начал ощущаться недостаток продовольствия и боеприпасов, распространилась эпидемия чумы. Поэтому Хмельницкий начал мирные переговоры. Отпустив по домам основную массу повстанцев, гетман в декабре прибыл в Киев, где был торжественно встречен населением.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЙНЫ В 1649 — НАЧАЛЕ 1651 Г.

В январе 1649 г. Хмельницкий направил в Москву посольство Мужилковского с просьбой о принятии Украины в состав русского государства и с предложением совместных военных действий против Речи Посполитой. Русское правительство не возражало против участия в войне «государевых людей» — донских казаков. Оно стало также открыто принимать украинских переселенцев на порубежные территории.

Царское правительство оказало значительную дипломатическую помощь Хмельницкому не только самим фактом его признания, но и защитой интересов Украины при переговорах с Крымским ханством и Польшей. Попытки поляков (в феврале 1649 г.) склонить Хмельницкого на свою сторону не дали результатов, и военные действия возобновились. В сражении под Зборовом польское войско было разгромлено. Хмельницкий не смог воспользоваться результатом этой победы, так как вероломное посредничество крымского хана навязало ему маловыгодный Зборовский договор с Речью Посполитой.

По этому договору, заключенному 8 августа 1649 г., в Киевском, Черниговском и Брацлавском воеводствах административные посты могли занимать только представители украинской шляхты, казацкой старшины и мешан. Число реестровых казаков было доведено до 40 тыс.

Украинцы тем не менее готовились к новым военным действиям, всячески укрепляя свои вооруженные силы. Современник отметил значительные успехи в этом направлении: «А ружьем де войско всем сполнено. У иных огненной бой, а у иных лучная стрельба, а с киями де, как бывало преж сего, ныне в войске никого нет». На освобожденной территории создавался новый военно-административный и судебный аппарат, возглавляемый украинской шляхтой и казацкой старшиной.

В это же время гетман все энергичнее ставил вопрос о более тесном взаимодействии с Россией. По этой причине правительство Речи Посполитой решило возобновить военные действия. Война началась с вероломного нападения польских войск на казачий отряд Нечая, стаявший в селе Красном. Затем нападению подверглась Винница, где находился отряд Богуна.

Наступавшие в глубь Украины польско-шляхетские полки оставляли позади себя, в самой Польше районы с бунтующим населением. Наибольшие масштабы крестьянско-плебейское движение приняло в Краковском воеводстве. В июне 1651 г. Костка Наперский, возглавивший бунтовщиков, овладел замком Чорштын. Это выступление было сразу поддержано сельским населением Подгалья, а также поветов, близких к Кракову. Восставшие громили шляхетские усадьбы. В воззвании Наперский призывал крестьян: «Освобождайте сами себя из этой тяжелой неволи, покуда не поздно. Прежде чем они (т. е. паны) вас вконец уничтожат, лучше вы их всех уничтожьте». У Наперского были планы расширения крестьянского восстания на другие области Польши, он писал: «Мы все пойдем на Краков и дальше через всю Польшу».

Наперский в агитации использовал универсалы Хмельницкого, ссылаясь на пример борьбы украинцев, говорил о наличии общих целей у польской и украинской бедноты.

Краковскому епископу удалось собрать войска и расправиться с бунтовщиками. Это дало возможность более энергично проводить начавшуюся весной военную кампанию на Украине. Польские вооруженные силы встретились с армией Хмельницкого и войсками

крымского хана на Волыни, у Берестечка. Здесь 18—20 июня разыгралась крупнейшая битва кампании 1651 г. В решающий момент боя татарский хан дал приказ своим войскам отступить. Хмельницкий, поехавший в ставку к хану для переговоров, был им задержан. Предательство хана резко изменило ход сражения. Ценою больших потерь Богуну, принявшему на себя командование, удалось вывести войска из окружения и спасти их от полного разгрома. Поражение под Берестечком заставило Хмельницкого подписать 18 сентября в Белой Церкви очень невыгодный договор с Речью Посполитой, по которому только Киевское воеводство сохраняло свои особые права. Казацкий реестр 40 тыс. сокращался до 20 тыс. Шляхта получила возможность вернуться в свои имения. Белоцерковское соглашение еще меньше, чем Зборовское, отвечало интересам украинцев, но и правящим кругам Польши не удалось полностью восстановить на Украине режим, существовавший до 1648 г.

Готовясь к неизбежной новой войне против Речи Посполитой, Хмельницкий весной 1652 г. направил в Молдавию отряд во главе со своим сыном Тимошем. Узнав об этом, командование польско-шляхетских войск нарушило договор с Хмельницким и 22 мая 1652 г. в бою под Батогом произошло сражение, в котором сын Хмельницкого был смертельно ранен. Победа под Батогом отсрочила опасность нового генерального наступления польских войск.

Летом 1652 г. польский сейм принял решение создать 50-тысячную наемную армию, частично из наемников-ландскнехтов, и уже в марте следующего года польско-литовское войско под командованием Стефана Чарнецкого начало на Украине активные боевые действия. 15-тысячная армия вторглась в Брацлавщину. Здесь ее встретили казацкие части под командованием Богуна, которые обратили противника в бегство.

Осенью 1653 г. на Украину двинулось большое польско-шляхетское войско. Союзник Хмельницкого Ислам-Гирей вступил в сепаратные переговоры с Яном Казимиром, предложив ему заключить перемирие. Под Жванцем было подписано соглашение, восстанавливавшее на Украине положение, зафиксированное Зборовским договором 1649 г.

ЗЕМСКИЙ СОБОР 1653 Г.

Обеспечить себе возможность дальнейшего экономического и культурного развития Украина могла лишь войдя в состав Русского государства. Только Русское государство могло обеспечить Украине эффективную защиту от врагов. К концу шестого года освободительной войны, полностью истощившей ресурсы Украины, воссоединение Украины с Россией вступило в решающую фазу.

Русское правительство направило в Польшу посольство, которое убедилось в том, что польское правительство питает надежды вооруженной рукой восстановить на Украине порядки, существовавшие до 1648 г.

Земский собор 1653 г., единодушно одобрил предполагаемое воссоединение Украины с Россией. В решении собора (1 октября 1653 г.) от имени царя было записано: «Гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами и з землями принять под свою государскую высокую руку...».

В Москве было торжественно объявлено о предстоящей войне с Речью Посполитой за освобождение Украины и Белоруссии. Осенью 1653 г. из Москвы на Украину отправилось большое посольство во главе с боярином В. В. Бутурлиным.

ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА

Бутурлин прибыл в Переяслав. Украинский гетман созвал на 8 января 1654 г. Раду. Эта Рада отличалась от обычных старшинских или войсковых рад тем, что она была объявлена «явной всему народу», т. е. открытой. Казаки, крестьяне, ремесленники, городская беднота, кушцы, казачья старшина, представители православного духовенства и мелкой украинской шляхты — все, кто мог, явились на Раду.

Хмельницкий обратился к собравшемуся народу с речью, в которой напомнил о «беспрестанных бранех и кровопролитиях», разорвавших Украину в течение шести лет. Гетман с горечью говорил о том, что «нестерпимые беды приняли есмя» от татарских орд, с

которыми «по нужди» пришлось заключить союз.

В заключение Хмельницкий сообщил, что царь Алексей Михайлович, которого «мы уже шесть лет беспрестанными молении нашими себе просим», прислал к украинскому народу посольство и призвал к единению. Послышавшись единодушный возглас: «Чтоб есми веки вси едино были!»

В феврале 1654 г. в Москву было отправлено посольство из представителей казачьей старшины для переговоров о вступлении Украины в состав Русского государства. Результаты переговоров нашли выражение в так называемых Статьях Богдана Хмельницкого и жалованных грамотах русского правительства.

Политическая обстановка в Восточной Европе радикально изменилась: началась затяжная война Речи Посполитой за Украину и Белоруссию (1654—1667), в которой татары приняли сторону Польши.

ИЗМЕНЕНИЯ НА УКРАИНЕ ПОСЛЕ ЕЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ С РОССИЕЙ

По соглашению 1654 г. высшую власть над Украиной стало осуществлять царское правительство. Управление казачьим войском и администрацией осталось за выборным гетманом, сохранилась выборность всех должностных лиц, военно-административных и судебных органов, а также городского самоуправления. За украинскими шляхтичами и казачьей старшиной, православными монастырями и верхушкой горожан были сохранены права на землю.

Воссоединение было материально выгодным для украинской шляхты. Непрерывный рост землевладения украинских феодалов происходил за счет пожалований «маетностей» (имений), ранее принадлежавших польским магнатам. Опираясь на поддержку царского правительства, Хмельницкий и его преемники требовали от крестьян «звыклого послушенства» своим феодалам. Изгнанных польских феодалов, таким образом, заменила украинская знать. Стремление украинских феодалов восстановить прежние размеры феодальных повинностей встречало жесто-

ченное сопротивление крестьянства и городских низов. 50—60-е годы XVII в. отмечены многочисленными вспышками народных восстаний. Антифеодальная борьба крестьян, горожан и рядовых казаков переплеталась с борьбой против попыток части старшины оторвать Украину от России и вернуть ее польским панам или передать турецким феодалам.

После смерти Богдана Хмельницкого (1657 г.) гетманом стал Иван Выговский. Он считал, что панская Польша лучше, чем царская Россия, выгоднее для казацкой старшины. Выговский подписал Гадячский договор (1658 г.), по которому Украина должна была возвратиться под корону, т. е. под польский протекторат. Когда гетман обнаружил, что ослабленная Польша не могла реализовать этот договор, он начал переговоры с Турцией о принятии Украины в ее подданство. Казаки воспротивились этому, что вынудило Выговского бежать в Польшу.

Всякий раз, когда казацкая старшина пыталась отторгнуть Украину от России, царское правительство находило достаточно союзников в среде казачества, чтобы укрепить свои позиции на Украине. Царизм постепенно ограничивал автономию и политические привилегии украинской старшины. Без царского указа старшина не могла переизбрать гетмана, а гетман лишился права назначать и увольнять старшину и полковника без ведома Рады. В осуществлении власти на Украине все большее значение приобретал созданный в Москве Малороссийский приказ (1663 г.) Местная администрация была поставлена под контроль царских воевод.

Воеводы получили право сбора податей с украинского населения. Русские войска были размещены во всех крупнейших городах Украины: Киеве, Чернигове, Нежине, Полтаве и др.

В то же время царизм защищал имущественные интересы украинских шляхтичей и старшины, помогал им справляться с антифеодальными выступлениями. В 1666 г., например, царское правительство в помощь старшине отправило войско для разгрома восстания казаков Переяславского полка.

Воссоединение Украины с Россией имело прогрессивное значение для исторических судеб обоих народов. Украинский народ был избавлен от порабоще-

ния панской Польшей, поглощения султанской Турцией и разорения ордами крымского хана. Отныне русские и украинцы совместными силами стали бороться против иноземных захватчиков. Воссоединение Украины с Россией способствовало укреплению Российского государства и подъему его международного авторитета.

Украина включилась в складывавшийся всероссийский рынок. Украинские купцы продавали в центральных районах России шерсть, кожу, скот, спиртные напитки. Важную статью украинской торговли составляла селитра, употреблявшаяся для производства пороха. На многочисленных украинских ярмарках русские купцы продавали соль, изделия из железа, меха. Укрепление экономических связей с Россией способствовало росту украинских городов и распространению поташного, железодельного, мукомольного и других промыслов.

Воссоединение Украины с Россией чрезвычайно благоприятно сказалось на культурном взаимообогащении двух этнически близких народов.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1640—1660 ГГ.

Глава 1. Англия накануне революции

Развитие промышленности и торговли — 6. Английская деревня накануне революции — 14. Дифференциация крестьянства — 17. Новое дворянство — 20. Буржуазия и низшие слои населения — 24. Пуританство — 26. Экономическая политика Якова I Стюарта — 34. Стюарты и пуританизм — 39. Внешняя политика Якова I — 40. Консолидация буржуазной оппозиции в парламенте — 42. Обострение классовых противоречий. Народные волнения — 44. Политический кризис 20-х годов XVII в. — 47. Управление без парламента — 50. Война с Шотландией. Поражение английского абсолютизма — 53. Назревание революционной ситуации — 55.

Глава 2. Первая гражданская война

Первый период деятельности Долгого парламента — 57. Ирландское восстание и «Великая ремонстрация» — 60. Борьба против попыток контрреволюционного переворота — 64. Начало гражданской войны — 67. Пресвитериане и индепенденты — 70. Два этапа первой гражданской войны — 71. Оливер Кромвель — путь в революцию — 83. Политика пресвитерианского парламента во время гражданской войны — 95. Народные движения и революционные движения в армии — 98. Левеллеры — 100. Переход революционной инициативы к народным низам — 103. Конференция в Пэтни — 108. Прекращение существования Совета армии и бегство короля — 111. Вторая гражданская война и казнь короля — 114. Индепендентская республика 1649 г. — 122. Окончательный разрыв индепендентов с левеллерами — 125. Движение диггеров — 130. Война с Ирландией — 136. Война с Шотландией — 140. Крушение индепендентской республики — 145. Протекторат Кромвеля — 151. Первый парламента протектората — 152. Внешняя политика Кромвеля — 154. Положение внутри страны — 155. Второй парламента и падение протектората — 158.

Глава 3. Реставрация Стюартов и переворот 1688 г.

Англия в годы Реставрации — 162. Обострение политической борьбы — 166. Усиление реакции при Якове II — 171. Государственный переворот 1688 г. — 175. Историческое значение Английской буржуазной революции XVII в. — 178.

Глава 4. Английская культура и наука второй половины XVII в.

Философия и политические учения — 182. Политическая экономия — 198. Мильтон — поэт и публицист — 199. Джон Донн — 216. «Поэты-метафизики» — 218. Литература 20—30-х годов — 222. Литература Английской революции — 230. Литература периода Реставрации — 233. Джон Драйден — 234. Комедия Реставрации — 238. Роман второй половины XVII в. — 241. Бетлер — 242. Музыка — 247. Медицина — 251. Исаак Ньютон — 253. Английские первооткрыватели — 264.

ЧАСТЬ II. ЕВРОПА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII И В XVIII В.

Глава 1. Англо-голландские войны и упадок Голландии в XVIII в.

Хозяйственное развитие Голландии — 271. Торговые партнеры голландцев — 276. Колониальная политика — 278. Переход к преобладанию торгово-ростовщического капитала — 281. Положение основных производителей и общественные отношения внутри голландского социума — 283. Развертывание политической борьбы в Голландии — 288. Войны Голландии с Англией и Францией. Причины англо-голландского соперничества — 292. Спад экономики Голландии в XVIII в. Падение посреднической торговли — 299. Обострение внутренних противоречий голландского социума конца XVII столетия — 301. Эволюция голландской культуры во второй половине XVII и в XVI—XVIII в. — 304. Спινόза — 306. Изобразительные искусства — 310. Литература и наука — 314.

Глава 2. Франция во второй половине XVII в.

Социально-экономический прогресс — 316. Феодальное устройство Франции. Положение крестьянства — 316. Возникновение и развитие товарно-денежных отношений в сельскохозяйственном производстве — 319. Натуральный характер сельского хозяйства Франции — 320. Церковники и дворянская знать — 321. Ростовщичество в деревне. Сверхценз — 324. Капиталистические отношения. Развитие ремесла. Мануфактура — 325. Особенности становления французской буржуазии — 329. Французское абсолютистское государство — 333. Складывание французской нации — 337. Царствование Людовика XIV. Фронда и ее последствия — 339. Парламентская Фронда — 342. Фронда принцев — 344. Кольбертизм. Черты абсолютизма Людовика XIV — 347. Жан Батист Кольбер — 350. Массовое выражение недовольства среди населения — 355. Вооруженная борьба камизаров — 360. Управленческий аппарат абсолютистской власти — 361. Международная по-

литика — 362. Достижения общественно-политической мысли и культуры во Франции XVII столетия — 370. Религия во Франции и ее критика — 370. Борьба абсолютистской доктрины с оппозиционной идеологией — 373. Французская культура второй половины XVII столетия — 375. Франсуа де Ларошфуко — 381. Блез Паскаль — 382. Никола Буало — 383. Жан Расин — 384. Жан Батист Мольер — 387. Жан де Лафонтен — 390. Представители прогрессивных направлений французской литературы XVII столетия — 392.

Глава 3. Швеция. Обострение балтийского вопроса

Успехи экономического развития Швеции в XVII в. Колониальная торговля — 397. Положение крестьянства — 400. Редукция — возврат в казну захваченных земель — 404. Захватнические войны Карла X — 406. Результаты редукции — 408. Характер крепостного права в шведских прибалтийских провинциях — 410. Балтийский вопрос к концу XVII — началу XVIII в. — 415.

Глава 4. Россия во второй половине XVII в.

Развитие крепостнических отношений — 417. Сельское хозяйство — 422. Развитие мелкого товарного производства и организация мануфактур — 427. Экономическая география России в XVII столетии — 429. Освоение Сибири — 432. Формирование всероссийского рынка — 438. Самодержавие. Дума как высший законодательный и судебный орган — 441. «Тишайший царь» и его царствование — 442. «День царя Алексея Михайловича» — 454. Земские соборы — 456. Система государственного управления. Приказы — 457. Воеводы — 459. Организация вооруженных сил — 460. Уничтожение местничества — 462. Выступления крестьян и городских низов — 463. Политическая направленность городских восстаний — 465. «Соборное уложение» 1649 г. — 467. Структура и содержание «Судебного уложения» 1649 г. — 470. Псковское и новгородское восстания 1650 г. — 474. «Медный бунт» — 476. Крестьянская война в России XVII столетия — 478. Атаман Василий Ус — 480. Степан Тимофеевич Разин — 481. Перерастание бунта в крестьянскую войну — 487. Финал крестьянской войны под предводительством Степана Разина — 491. Великий раскол — 495. Церковь накануне раскола — 499. Избрание Никона патриархом и фактическое начало раскола — 503. Патриарх Никон — 510. Формальный конец конфликта — 510. Положение России на международной арене — 511. «Азовское сидение» — 512. Земский собор 1642 г. — 514. Война с Речью Посполитой за украинские и белорусские земли — 514. Русско-шведская война 1656—1658 гг. — 515. Андрусовское перемирие 1667 г. — 517. Война 1676—1681 гг. между Россией и Турцией — 518. Участие России в антитурецкой коали-

ции — 520. Экономические и культурные связи России — 521. Культура России в XVII в. Просвещение — 525. Литература. Театр — 527. Архитектура — 530. Живопись — 532.

Глава 5. Украина до и после воссоединения с Россией

Украина под властью Речи Посполитой — 534. Зарождение казачества — 538. Запорожская Сечь — 540. Братства — 542. Казачьи восстания — 543. Богдан Хмельницкий — 544. Сражения у Желтых Вод, под Корсунью и Пилявцами — 546. Продолжение войны в 1649 — начале 1651 г. — 549. Земский собор 1653 г. — 552. Переяславская Рада — 552. Изменения на Украине после ее воссоединения с Россией — 553.